

Austrian Journal of Humanities and Social Sciences

**№ 3–4 2014
March–April**

«East West» Association for Advanced Studies and Higher Education GmbH

**Vienna
2014**

Austrian Journal of Humanities and Social Sciences

Scientific journal
№ 3–4 2014 (March–April)

ISSN 2310-5593

Editor-in-chief	Petra Busch, Austria
Consulting editors	Jolanta Lewicka, Poland Rostislav Komarov, Russia
International editorial board	Egor Rachynski, Ukraine Alajos Fazekas, Hungary Slavka Konstantinova, Bulgaria Jennifer Mathieson, Scotland Hong Han, China Alessandro Massaro, Italy
Proofreading	Kristin Theissen
Cover design	Andreas Vogel
Additional design	Stephan Friedman
Editorial office	European Science Review “East West” Association for Advanced Studies and Higher Education GmbH, Am Gestade 1 1010 Vienna, Austria
Email:	info@ew-a.org
Homepage:	www.ew-a.org

Austrian Journal of Humanities and Social Sciences is an international, German/English/Russian language, peer-reviewed journal. It is published bimonthly with circulation of 1000 copies.

The decisive criterion for accepting a manuscript for publication is scientific quality. All research articles published in this journal have undergone a rigorous peer review. Based on initial screening by the editors, each paper is anonymized and reviewed by at least two anonymous referees. Recommending the articles for publishing, the reviewers confirm that in their opinion the submitted article contains important or new scientific results.

Instructions for authors

Full instructions for manuscript preparation and submission can be found through the “East West” Association GmbH home page at: <http://www.ew-a.org>.

Material disclaimer

The opinions expressed in the conference proceedings do not necessarily reflect those of the «East West» Association for Advanced Studies and Higher Education GmbH, the editor, the editorial board, or the organization to which the authors are affiliated.

© «East West» Association for Advanced Studies and Higher Education GmbH

All rights reserved; no part of this publication may be reproduced, stored in a retrieval system, or transmitted in any form or by any means, electronic, mechanical, photocopying, recording, or otherwise, without prior written permission of the Publisher.

Typeset in Berling by Ziegler Buchdruckerei, Linz, Austria.

Printed by «East West» Association for Advanced Studies and Higher Education GmbH, Vienna, Austria on acid-free paper.

Section 1. Architecture

Секция 1. Архитектура

*Yakubovskyy Ihor Vyacheslavovych,
National University Lviv Polytechnic,
postgraduate student, Department of Architectural Design
E-mail: igya78@gmail.com*

*Linda Svitlana Mykolayivna
National University Lviv Polytechnic,
docent, Department of Architectural Design
E-mail: svitlanalinda@gmail.com*

Development of style decisions of manor houses of Lviv

Abstract: The article considers the stylistic features and decisions of manor housing as an important component of grandeur architectural pearl of Ukraine — the city of Lviv. A retrospective analysis from the moment of the beginning of construction of the Lviv manor housing is carried out.

Keywords: Lviv, housing, manor, style decisions.

*Якубовский Игорь Вячеславович,
Национальный университет “Львовская политехника”,
аспирант, кафедра архитектурного проектирования
E-mail: igya78@gmail.com*

*Линда Светлана Николаевна,
Национальный университет “Львовская политехника”,
доцент, кафедра архитектурного проектирования
E-mail: svitlanalinda@gmail.com*

Развитие стилевых решений усадебного жилья Львова

Аннотация: в статье рассматриваются стилевые особенности и решения усадебного жилья как важной составляющей великолепия архитектурной жемчужины Украины — города Львова. Проводится ретроспективный анализ с момента начала строительства львовского усадебного жилья.

Ключевые слова: Львов, жилье, усадьба, стилевые решения.

Усадебное жилье всегда составляло важную часть жилищного строительства Львова. Формирование типологии усадебного жилья начинается с конца XVIII века — времени, когда сносятся фортификационные укрепления Львова. За этот длительный период развития, который охватывает 250 лет, развивается не только типология жилья, но также его образное решение. Безусловно, что образные решения усадебных домов каждого из этих периодов отражали социально-культурные приоритеты эпохи. Поэтому, довольно легко четко дифференцировать разные периоды развития архитектуры Львова: классицизм, историзм, сецессия,

плюрализм стилей периода 1918 – 1939 гг., где одновременно сосуществовали неоклассицизм, усадебный стиль, функционализм, позже: историзм советского времени, и, наконец, сегодняшние варианты постмодернизма и позднего модернизма.

Так, в основе идеологии классицизма лежали идеи рационализма, сформулированные философами эпохи Просвещения. Этот рационалистический подход к оценке действительности был перенесен и на сферу искусства. Образец гармоничной государственной организации видели в античном мире, поэтому, для выражения общественно-этических и эстетических

идеалов эпохи обращались к произведениям античности, как к эталону гармонии, простоты, логической ясности и монументальности. К сожалению, этот период оставил нам немного примеров: дома были позже перестроены или снесены.

Историзм — направление в архитектуре второй половины XIX века, для которого характерно использование форм исторически устоявшихся архитектурных стилей. Историзм, в отличие от классицизма, демонстрировал обращения не только к античности: любой исторический период или стиль мог быть использован как прообраз для нового здания, а ордер не является единственным и обязательным инструментом архитектора [1, 113].

Архитектура во второй половине XIX в. стала олицетворением общего прогресса и достижений цивилизации. Ее «многостилие» было воплощением нового отношения к истории, когда архитектурные формы приобрели не только художественное, но и познавательное значение, а современный человек стал считаться прямым наследником всех завоеваний мирового зодчества. Е. Кириченко отмечает: «Сопоставление сегодняшнего и прошлого, стремление определить механизм социальных событий через познание исторических фактов, желание понять своеобразие исторического пути..., радость от знакомства с неповторимостью предыдущих эпох, полученное от познания чувства соучастия мировом процессе и, как результат этого — подсознательная потребность выразить себя и свое время в архитектурных формах и категориях прошлых веков — такой кажется одна из характерных особенностей мировоззрения XIX в.» [2, 51]. Именно этот период оставил нам множество примеров разнообразных стилистических решений усадебных домов. Это интерпретация форм итальянского Ренессанса в архитектуре особняков на ул. Технической, 1 (арх. Ю. Захаревич, 1873 г.), в стиле «Второй империи» был построен дворец Семеновых на ул. Пекарской, 19 (конец 1860-х годов), примером немецкого неоготицизма был особняк на ул. Драгоманова, 36 (арх. Е. Келер, 1872 г.).

До 1906 г. в архитектуре усадебного жилья Львова встречаем объекты, стиль которых еще полностью копирует исторические прототипы. Примером такого сооружения может быть дом на ул. Коновальца, 54 а (арх. А. Барщевский, 1905 г.). Простой декор фасада основывается на использовании элементов итальянского Ренессанса. Дом на ул. Гипсовой, 6 (арх. М. Кустанович, 1902 г.) также продолжает традицию историзма основываясь на формах итальянского неоренессанса. Усадебные дома выполнены

в рамках мировоззрения историзма, в это время характеризуются простотой композиции, ограниченной количеством архитектурных деталей.

Возникновение нового стиля — сецессии или модерна — в архитектуре Западной Европы и России было обусловлено несоответствием архитектуры тогдашним вкусам и потребностям, а также возникновением новых эстетических течений в художественной культуре, которые влияли на архитектурное развитие, в архитектуре эти искания выливались, естественно, в совершенно особую форму, обусловленную сложной спецификой этого вида искусства [3, 112–113].

Характерным примером орнаментальной сецессии Львова является среднегабаритный односемейный дом на ул. Бортнянского, 24 (арх. К. Драневич, 1902 г.). Причудливые криволинейные проемы, очертания фронтонов соответствуют интересному решению внутреннего пространства. Особенно необычным является применение криволинейного декора на плоскости фасада первого этажа. Дом на ул. Коновальца, 30 (1904 г.) — еще один пример орнаментальной сецессии в архитектуре частного жилья. Особенности стиливому решению сооружения придает большой эркер с криволинейной орнаментацией, декоративный фронтон с центрального ризалита и живописного главного входа.

Уже в 1910 г. Витольд Минкевич различал в современной архитектуре следующие основные направления: развитие исторических стилей, компиляция народных стилей, направление, которое заключалось в использовании «искренности в конструкции и правды в композиции». Такое разделение осуществлено благодаря тому, что выделение стилей «новый» и «народный» показало процессы, которые происходили в польской архитектуре на протяжении последних десятилетий. В 1927 г. Павел Вендзягольский различил среди архитекторов три группы, которые работали, базируясь на следующих принципах: подражание вечным человеческим ценностям, следование требованиям клиентов и моды, подчинения критериям конструкций и гигиены. Подобным образом Генрик Есенський классифицировал польскую архитектуру в соответствии с такими направлениями: классическое, собственное и новое. Щенсны Рутковский говорил о народном, классическом и модернистском стиле. Академический классицизм развивал законы классической композиции и оперировал формами антично-палладианской архитектуры. Для сооружений были характерны монументальность и репрезентативность. Активными пропагандистами

академического классицизма на территории Польши были выпускники Петербургской академии художеств Павел Вендзягольський, Марьян Лялевич, Адольф Шишко-Бонуч. Наиболее характерным зданием академического классицизма во Львове есть дворец Бельских на ул. Коперника, 42 (арх. И. Багенский, 1923 г.). Сооружение поражает хорошо взвешенными пропорциями, строгой классической дисциплиной в трактовке портика и в прорисовке деталей [4].

Усадебный стиль развивался как одна из форм народной архитектуры, которая идейно брала свое начало от закопанского стиля, активно пропагандировавшегося известным художественным критиком и художником Станиславом Виткевичем. Несколько вилл было построено возле Варшавы, несколько — во Львове. Сложности в проектировании в таком стиле крупных общественных сооружений, ограниченность использования строительных материалов обусловили то, что закопанский стиль не стал «истинным» национальным стилем [5, 114–115]. Четко мотивы закопанского стиля прослеживаются в доме на ул. Коновальца, 88 (арх. М. Макович, 1904 г.). Однако, чистота стилового решения нарушается введением в архитектуру фасада здания элементов орнаментальной сецессии: элементы отделки рустованных пилястр, ограждения балконов, обрамления окон.

Около 1918 г. распространилось новое направление в проектировании польских архитекторов, которое стало известным как «усадебный стиль». Несмотря на свои несколько архаизированные формы, он играл особенно важную роль в архитектуре, особенно подходя к концепции городов-садов, крупнейшего европейского достижения в области градостроительства. Во второй половине 20-х годов «усадебный стиль», который был рожден романтической мечтой о национальном польском стиле, уступил место различным формам современной архитектуры. Первые жилые постройки усадебного стиля во Львове были запроектированы в 1923 году. Это был комплекс «Офицерская колония», сформированный в районе улиц Самойленко, Черешнева, Пчилки, Архипенко. Фасадная композиция отмечалась симметричностью главной оси. Важным признаком в таком «стиле» становился фронтон, который заменял характерный для усадебного стиля портик на колоннах. Несмотря на очень похожие планировочные структуры, каждый фасад отличался индивидуальностью. Основной темой для творческих интерпретаций стало наследие польского барокко. Таким примером является дом на ул. Самойленко, 10, 12 (арх. В. Якимовский, 1923 г.).

Центральная часть дома акцентирована барочным полуфронтонном, а плоскость фасада расчленена лопатками, определенным образом имитирующими колонны, которые должны поддерживать фронтон.

Начиная с 1930-х годов в архитектуре усадебного жилья наблюдаются перемены, связанные с распространением идеологии модернизма. Традиционно это направление в архитектуре Львова называют функционализмом. Характерным стал поиск экономичных архитектурно-планировочных и стилистических решений, которые отображали тенденцию к рационализации и оптимизации. Примером архитектуры периода функционализма во Львове стала застройка «Профессорской колонии» в 1930-х годах [6, 567].

Спецификой стилового решения отличается усадебное жилье, возведенное в конце 1950-х годов в советское время. Обращаясь к традициям архитектуры функционализма, его можно охарактеризовать как неофункционализм. Сравнение проектных решений этих двух периодов рождает много параллелей: это плоские крыши, угловые балкончики, объединение в ограждении балконов массива кирпичной кладки и металла. Это было отмечено и раскритиковано. В статье Н. Иванченка и Н. Цапенка было сказано: «Но... необходимо отметить дефекты... Они — результат ошибок автора (проекта — И. Я.), восприятия формальными композиционными приемами конструктивизма». В 1950-х годах усадебное строительство во Львове было прекращено [7].

Новый этап строительства усадебного жилья связан с началом 1990-х годов и восстановлением рыночных отношений. В связи с неблагоприятными для художественного поиска условиями развития украинской архитектуры в советское время, отсутствия в течение долгого времени культурного обмена со странами Запада, отечественная архитектура на время обретения независимости оказалась в ситуации творческой изоляции и неспособности быстро адаптироваться к свободе творческого метода и выразительности средств. Особенно созвучной их художественным экспериментам стала историческая ориентация постмодернизма. Именно в истории, в материальной памяти народа, визуализированных предметно-пространственным окружением человека, архитекторы стали черпать идеи, образы, формы. Современное стиловое развитие характеризуется большим разнообразием. Наряду с новейшими стилистическими тенденциями большое распространение приобретают различные формы неонисторизма: постнеоклассицизм, постнеомодернизм, постнеобарокко, неовенский стиль.

Список литературы:

1. Архітектура: короткий словник-довідник/під загальною ред. Мардера А. П. – К.: Будівельник, – 1995. – 335 с.
2. Кириченко Е. И. Русская архитектура 1830–1910-х годов. – М.: Искусство, – 1982. – 399 с.
3. Иконников А. В. Архитектура XX века. Утопии и реальность. Том I. – М.: Прогресс-Традиция, – 2001. – 656 с.
4. Березовецька І. А. Класифікація стильових спрямувань в житловій архітектурі Львова періоду модерну//Вісник ЛДАУ «Архітектура і сільськогосподарське будівництво». – 2005. – № 6. – с. 147–152.
5. Miłobędzki A. Architektura ziem Polski. – Kraków: Międzynarodowe Centrum Kultury, – 1994. – 161 s.
6. Архітектура Львова: час і стилі. XIII – XXI ст./наукова редакція Ю. Бірюльов. – Л.: Центр Європи, – 2008. – 720 с.
7. Моркляник О.І. Малоповерхове будівництво Львова другої половини 1950-х років/О.І. Моркляник//Вісник Національного університету «Львівська політехніка» «Архітектура». – 2006. – № 568. – с. 142–150.

Section 2. Study of art

Секция 2. Искусствоведение

*Baluyev Sergey Mihaylovitch,
Saint Petersburg state Shtiglits design academy,
reader to chair of art criticism, candidate of philological sciences
E-mail: art_baluev@mail.ru*

The historical and cultural significance of the review of the salon (1819) by O. M. Somov

Abstract: The article deals with the problem of the Russian art criticism of the 19th century. The author shows the historical and cultural significance of the review of the Salon (1819) by O. M. Somov. The analysis is realized at the art criticism levels.

Keywords: Russian art criticism of the 19th century, O. M. Somov, the Salon (1819), trends in Art, the national school of Arts.

*Балуев Сергей Михайлович,
Санкт-Петербургская государственная
художественно-промышленная академия имени А. Л. Штиглица,
доцент кафедры искусствоведения, кандидат филологических наук
E-mail: art_baluev@mail.ru*

Культурно-историческое значение написанного О. М. Сомовым обозрения салона 1819 г.

Аннотация: В статье рассматриваются проблемы русской художественной критики XIX в. Автор раскрывает культурно-историческое значение написанного О. М. Сомовым обозрения Салона 1819 г.

Ключевые слова: Русская художественная критика XIX века, О. М. Сомов, Салон 1819 г., направления в искусстве, национальная школа изобразительного искусства.

Сосредоточенность на широких национальных интересах, отличавшая руководителя критического отдела журнала «Сын отечества» Александра Воейкова и сотрудничавших с ним авторов, обусловила стратегию отбора проблем, которые обсуждались в 1820-м г. на страницах издания. Журнал обращался, в частности, к коренным, наиболее острым вопросам жизни изобразительного искусства в России. Говоря об этом, нельзя не упомянуть опубликованного в «Сыне отечества» обозрения парижского Салона 1819 г., написанного Орестом Сомовым.

До этого никто в России не пытался выступать в периодике с обзорами главной французской выставки изобразительного искусства. Сомов был первым, и, несмотря на это, сумел разобраться во многих ситуациях художественной жизни Франции. Достаточно

сказать, что в поле зрения парижского корреспондента «Сына отечества» попали те вошедшие в луврскую экспозицию статуи и картины, которые определили дальнейшую судьбу их создателей. Так, в обозрении Сомова, озаглавленном «Новые произведения изящных искусств, выставленные в Лувре (1819 года). Письмо к А. Р. Шидловскому», рассматриваются «Плот «Медузы»» Теодора Жерико (1818–1819. Лувр. Париж) и «Амур и Психея» Франсуа-Эдуара Пико (1817. Лувр. Париж).

Текст Сомова лично окрашен: насыщен восклицаниями, поэтическими метафорами, многоточия отмечают многозначительные паузы. Если судить о литературной форме обзора, то она, — это можно сразу заметить, — характерна для манеры яркого представителя русского романтизма. Но при всем том

картина первого из корифеев французской романтической живописи, Жерико, не вызывает у обозревателя особенно ярких впечатлений; бегло пересказав сюжет, он замечает только, что художник «изобразил в ней истинное происшествие» [3, 223].

Симпатии критика, скорее, на стороне Пико, ученика Жака-Луи Давида и одного из основателей Академии изящных искусств Франсуа-Андре Венсана. Вот несколько фраз из описания персонажей картины Пико: «Как они прелестны! они точно живые! эти слова готовы сорваться с языка, когда увидишь Амура и Психею г. Пико (Picot). Красавица еще спит: мечты удовольствий носят над нею в приятных сновидениях; сии уста еще влажны от поцелуев, еще жар наслаждения в прекрасном ее лице и нежном теле, еще грудь не перестала волноваться страстными вздохами... я вижу, она и теперь подымается, сия грудь, престол любви и неги!» [3, 219].

Используя образные средства, Сомов сумел в критическом разборе картины Пико указать важную тенденцию. Ее проявление исследователи отмечают, анализируя вопросы, возникающие в связи с творчеством некоторых экспонентов Салона 1819 г. Речь о том, что во многих произведениях, представленных на выставке, действие «из мира идеальных категорий, который уже в силу своей идеальности несоизмерим с душевной жизнью зрителя», переносится в область «совершенно реальную», и, «не вводя непосредственно действительность в свои картины, художники делают их созвучными этой действительности» [2, 68].

Вот и любовь персонажей Франсуа-Эдуара Пико. Она — не мифическая, не возносимая создателем картины над зрителем. Она — живая и наполняет юных любовников ощущением всем понятного счастья. Чтобы его пережил зритель, художник избирает для изображения момент, когда «Амур, тихо встав со своего места, готов отлететь» [3, 219]. Следуя оригинальной логике Пико, описание Сомова включает бога в контекст земной жизни: «... место его на постеле еще обмято: кажется, он со вздохом его оставляет», а потом «снова оглядывается на милую и снова не может ею налюбоваться» [3, 220, 219–220].

Когда уже выражена эта главная, объединяющая весь экфрасис мысль о своеобразии подхода Пико к разработке мифологического сюжета, критик, демонстрируя основательную теоретическую подготовку, переходит к обобщениям и выводам. О созданном французским мастером образе античного божества он рассуждает как знаток канонов академизма: «Сей Амур точный *идеал* бога любви;

таким я привык воображать его: прекрасные черты лица, страстный и вместе коварный взор, коему живописец умел дать какую-то тень *величия*, нежное, эфирное тело — словом, это *истинный образец красоты*» (курсив мой. — С. Б.) [3, 220].

В тексте обзора вообще много подтверждений осведомленности иностранного корреспондента «Сына отечества». Как следствие: его критика доказательна: Сомову, к примеру, известны подробности творческой истории картины «Амур и Психея», познакомившись с которыми, он делает тонкие замечания о том, что «г. Пико писал сию картину в отечестве Рафаэлей и Тицианов: без сомнения, был он одушевляем превосходными образцами и пламенным небом Италии» [3, 220]. И, думается, не стоит искать противоречия в том, что русский критик-романтик отдает предпочтение не Жерико, а ученику метров неоклассицизма, Пико, творчество которого отразит романтические настроения лишь десятилетия спустя.

Ведь обозрение Салона 1819 г. в первую очередь было адресовано просвещенным любителям художеств (не случайно оно публиковалось с подзаголовком «Письмо к А. Р. Шидловскому», знатоку и коллекционеру). Представители этой категории читателей «Сына отечества» понимали, что в России национальное изобразительное искусство к 1820-м гг. еще не достигло европейского уровня развития. Надо полагать, поэтому автора, обозначившего в подзаголовке читательский адрес публикации, борьба направлений и стилей в художественном процессе Франции занимает мало.

Отсутствие пристального интереса к ней объясняется тем именно, что в первой четверти XIX в. русская художественная школа окончательно не сложилась, и вопросы, связанные с ее становлением, представлялись деятелям искусства, критикам и просвещенной публике значительно более важными, чем борьба стилей. Указания на это можно найти в работах Аллы Верещагиной. Есть они в рассуждении исследователя о развернувшейся в 1820-м г. на страницах «Сына отечества» полемике Александра Бестужева с Николаем Гнедичем.

Верещагина приходит к выводу, что Гнедичу был «близок классицизм», а идейно-эстетическая позиция Бестужева «соотносится со становлением романтических тенденций в русской художественной критике» [1, 347]. Однако, сделав такое заключение, историк искусства считает необходимым «во имя научной точности» подчеркнуть, что

противопоставлять ориентации критиков на тот или иной стиль «можно лишь с очень большой осторожностью и оговорками» [3, 347].

Столь же осторожно надо подходить и к определению того, какова ведущая тема обозрения Салона 1819 г., напечатанного в «Сыне отечества». Автора публикации, как становится понятно, в особенности интересуют не стили и индивидуальные манеры экспонентов выставки. Сомов задумывается о причинах расцвета французского искусства в целом, о том, как одной из ведущих художественных школ Европы оказывается поддержка со стороны общества. Обозревателя, например, восхищает, что периодическая печать делает имена художников известными «не только в целой Франции, но и во всей Европе» [3, 225].

Тем самым периодика, как показывает критик, содействует окончательному утверждению рыночных отношений в сфере искусства, в результате чего «французы и чужестранцы щедрою рукою платят дань свою славным художникам» и «обогащаются отличными произведениями» [3, 226]. Выразителем общественной инициативы в деле поддержания славы французской художественной школы и совершенствования механизмов реализации ее произведений выступает, согласно наблюдениям Сомова, «заведение, которое и самых посредственных» художников «поощряет к новым усилиям» [3, 226].

Критик имеет в виду парижское Общество любителей изящных искусств (*Société des amis des Arts*). Проводимые добровольным союзом друзей искусств мероприятия вызывают у Сомова живейший интерес: он ставит перед собой задачу «в коротких словах начертать <...> цель его и действия» [3, 226] и начинает с того, что подчеркивает роль объединения как одного из активных игроков на художественном рынке: «Общество сие состоит из великого числа членов; каждый вносит ежегодно по сту франков <...> Из сумм, составляющихся от таковых взносов,

покупаются у художников картины, эстампы, статуи, гравированные доски, медали» [3, 226].

Потом покупатель становится продавцом, а вслед за тем и — организатором лотерей: «В известное время, — читаем в “Сыне отечества”, — Общество любителей изящных искусств открывает собственную экспозицию, состоящую из купленных им картин, статуй и т. п. <...> В сих экспозициях члены и посторонние могут покупать с согласия Общества желаемые ими произведения искусств. Из остальных делается лотерея, в которой каждый член, вносящий 100 франков, имеет свою долю, ибо каждый билет есть выигрышный» [3, 227]. Примеры деятельности французских друзей искусства, служащей «к ободрению и распространению художеств» [3, 228], вдохновляют критика.

В завершающей части обозрения он строит смелые планы: «Как бы я радовался, — восклицает Сомов, — если бы подобное Общество составилось в нашем отечестве, а всего лучше в стенах Петербурга! Тогда и наши русские художники не опасались бы, что труды их останутся у них в рабочей (в мастерской. — С. Б.) <...> Тогда мы увидели бы картины исторические, представляющие нам великие события отечественной истории, коими она столь изобильна; увидели бы в пейзажах очаровательную природу» [3, 228]. Заканчивается обзор словами: «И кто знает, может быть, через некоторое время российская школа не только бы сравнялась, но и превзошла многие из современных школ живописи?..» [3, 229].

Постановка Орестом Сомовым вопроса о необходимости общественной поддержки русских деятелей изобразительного искусства дала толчок созданию в Петербурге в 1821 г. Общества поощрения художников. А в общем и целом публикация критика способствовала приданию публичного характера проблеме становления русской художественной школы.

Список литературы:

1. Верещагина А. Г. Критики и искусство: очерки истории русской художественной критики середины XVIII — первой трети XIX века. — М.: Прогресс — Традиция, — 2004.
2. Кожина Е. Ф. Романтическая битва: Очерки французской романтической живописи 1820-х годов. — Л.: Искусство, 1969.
3. Сомов О. Новые произведения изящных искусств, выставленные в Лувре (1819 года). Письмо к А. Р. Шидловскому // Сын отечества. — 1820. — Ч. 66. — № 51. — с. 205–229.

*Migulko Elena Nikolaevna,
North-Caucasian Federal University,
Department of Design, Assistant Professor*

*Meshcheriakova Olga Nikolaevna,
North-Caucasian Federal University,
Department of Theory and methods
of teaching sports disciplines, Associate Professor, Ph. D.
E-mail: Pugovka57@gmail.com*

Custom design school playgrounds

Abstract: The article contains information on non-standard school playground design. We study children's interaction with non-standard developmental objective-spatial environment.

Keywords: design, school, playgrounds, children.

*Микулько Елена Николаевна,
Северо-Кавказский Федеральный Университет,
кафедра дизайна, доцент*

*Мещерякова Ольга Николаевна,
Северо-Кавказский Федеральный Университет,
кафедра теории и методики преподавания
спортивных дисциплин, доцент, канд. пед. наук
E-mail: Pugovka57@gmail.com*

Нестандартный дизайн школьных игровых площадок

Аннотация: В статье содержатся сведения о нестандартном дизайне школьных игровых площадок. Исследуется процесс взаимодействия детей с нестандартной игровой развивающей предметно-пространственной средой.

Ключевые слова: дизайн, школа, игровые площадки, дети.

Создание современных школ, представляющих собой большие образовательные комплексы, куда входят детские сады, и начальные школы имеет широкое распространение за рубежом, и постепенно начинает складываться в России. Интегрирование детского сада в структуру образовательного комплекса, создает наиболее благоприятные условия для всестороннего развития, воспитания, образования и позволяет значительно легче проходить процесс адаптации детей в школьную образовательную среду. Главной особенностью данной интеграции является то, что разновозрастный коллектив детей существует и взаимодействует вместе, в едином пространстве образовательного комплекса. Начиная с детского сада, дети имеют время и возможность наблюдать, подражать и перенимать самый разнообразный опыт игровых действий и умений у старших детей.

Игра имеет большое значение для развития ребенка во всех отношениях, она оказывает влияние на его физическое развитие, развитие интеллекта

и когнитивных функций, на его эмоциональное развитие, способность к общению и социализации. В игре, как символическом отображении окружающего мира, у ребенка развивается фантазия и творческий подход к ее процессу, происходит адаптация к окружающей среде.

Дети более полно и более непосредственно выражают себя в спонтанной, свободной, инициированной ими самими игре, чем в словах, поскольку в игре они чувствуют себя более удобно. Спонтанность и импровизация делают из игры творческий процесс. Для детей «отыграть» свой опыт и чувства — наиболее естественная и оздоровляющая деятельность, которой они могут заняться. От возраста к возрасту игры сигнализируют о появлении самых различных функций: сенсомоторных, проявляющихся в играх, требующих ловкости, точности, быстроты, а также интеллектуальной оценки и дифференцированных реакций. Говоря о физическом совершенствовании человека в игре, нельзя не сказать о том, что игра

является одним из основных средств, способствующих правильному развитию организма [1, 5].

В играх идет полноценное освоение “школы движений”, куда входит весь комплекс жизненно-важных навыков и умений (бег, ходьба, метания, прыжки, равновесия, лазания и т. п.). Игровая деятельность носит активный творческий характер, вызывающий целостную реакцию организма, которая включает в работу все функциональные системы организма при ведущей роли психологических процессов и деятельности мозга.

Внешний образ школы создается архитектурой здания, ее благоустройством и озеленением ее территории. Под благоустройством территории современной школы, безусловно, следует понимать не только создание благоприятных и безопасных условий для спортивных занятий, игр, отдыха, развлечений и разнообразных мероприятий, но и формирование современной, интерактивной, экологически устойчивой, эстетически привлекательной, развивающей предметно-пространственной среды школьных игровых площадок.

В настоящее время в зарубежной практике активно формируется новый подход к средовой организации пространства школьной территории, ее рекреационных площадок, и в частности площадок игровых, дизайн которых выстроен на принципах экологичности, интерактивности, многофункциональности, оригинальности и эстетической привлекательности. Оригинальность дизайна нестандартных игровых школьных площадок пробуждает у детей первичный интерес, а разнообразие пространственных форм, конфигураций и цвета игровых элементов, поддерживает устойчивый интерес, желание играть и взаимодействовать. Характерные черты нестандартного дизайна в этом направлении: использование новейших технологий и материалов,

поиск новых средств образной выразительности, использование эффекта неожиданности. Неординарный дизайн школьных игровых пространств и их элементов способствует развитию созидательной внеурочной игровой деятельности, внутри которой рождается мощный познавательный мотив. Постоянная изменчивость и вариативность условий является характерной особенностью эффективной игровой деятельности.

Подавляющее большинство школ в современной России построено по типовым проектам советского периода и во многом не отвечают современным требованиям, как с точки зрения архитектуры, так и с точки зрения дизайна предметно — пространственной развивающей среды открытых школьных пространств. Актуальность и важность затронутой проблемы определяет то, что большинство стран значительно ушли вперед в области формирования дизайна развивающей предметно — пространственной среды школьных учреждений.

Игровая площадка «Река», начальная школа de Burgst, Бреда, Нидерланды, автор проекта AnneMariëvan Splunter, 2003 год (рис. 1). На создание этой игровой структуры AnneMariëvan Splunter вдохновил природный ландшафт водно-болотных угодий, где расположена школа. 16-метровая функциональная конструкция представляет собой образ двух рек, протекающих через холмистую страну, ее причудливый характер, «врывается» в статическую и прямоугольную детскую площадку. На ней можно сидеть, лежать, играть, общаться, она служит амфитеатром для учебных занятий на свежем воздухе [2]. Взаимодействие с такой необычной игровой структурой, позволяет детям не только освоить новые ощущения и активно использовать воображение, но и создает особый эмоциональный настрой.

Рис. 1. Игровая площадка «Река», начальная школа de Burgst, Бреда, Нидерланды

3-D баскетбольная площадка, Мюнхен, Германия, дизайн Inges Idee, 2006 год. Это баскетбольная площадка была запроектирована в 3D-программе

на компьютере, чтобы ее пространство выглядело как американские горки (рис. 2). Она имеет холмы и впадины, на ней установлены две стандартные

корзины. Площадка имеет стандартные размеры и возведена во дворе технической школы Мюнхена. Дизайнеры Inges Idee создавали не традиционную спортивную площадку для игры в баскетбол, а интерактивное развивающее пространство, стилизованное под нее [3]. Получился некий парадокс, который совмещает в себе нормативный набор правил и приятные, анархические изменения, что, безусловно, требует творческого взаимодействия для использо-

вания этой необычной площадки. Живописная площадка, с холмами и впадинами, которые играют роль своеобразных тренажеров, позволяет детям активно развлекаться, бегать, прыгать, карабкаться, прятаться и отдыхать. Холмистый искусственный игровой ландшафт создает условия для развития и совершенствования у детей координационно-двигательные качества. Мягкое резиновое покрытие приглушает звуки и уменьшает вероятность травмирования детей.

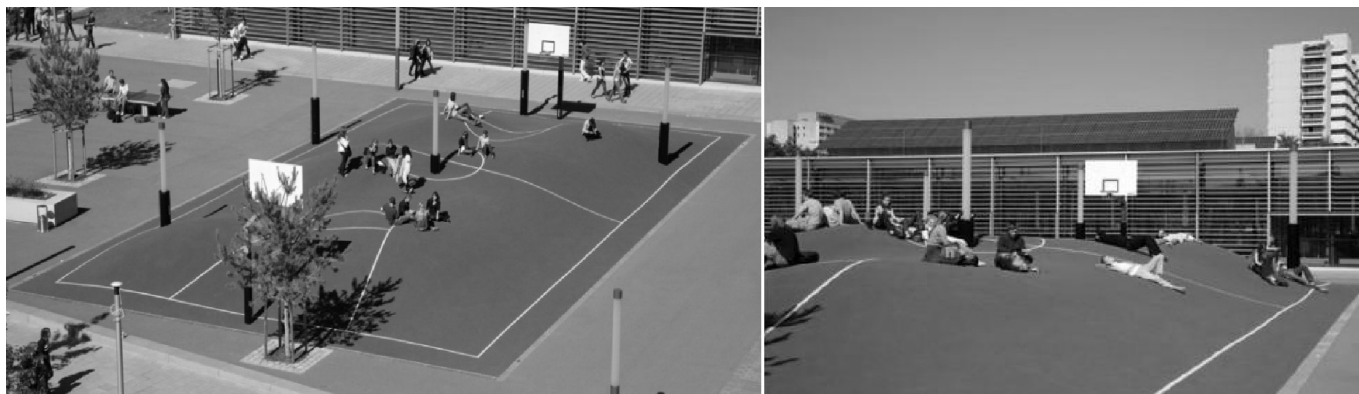

Рис. 2. 3-D баскетбольная площадка, техническая школа Мюнхен, Германия

Детская площадка начальной школы De Paradijsvogel, Гаага, Голландия 2006 год, проект дизайн-ателье Karpein Roodnat. Этот проект был разработан для двора начальной школы De Paradijsvogel (Райская птичка) в Гааге (рис. 3). Вдохновленные кадрами из комедии Жака Тати «Мой дядя» 1958 года («Mon Oncle»), дизайнеры создали «непрерывную» детскую игровую площадку. Желто-зеленая труба начинается от главного входа в игровую зону в виде поручня и извивается по всему школьному двору, преобразуясь в рукоход, футбольные ворота,

горку, баскетбольную стойку и спиральные лавочки, а, проходя сквозь стену, та же труба превращается в импровизированную сцену в аудитории. Несмотря на то, что используется только труба, дизайнеры создали остроумные разнообразные игровые формы, соединяющие экстерьер школы с ее интерьером [4]. Использование эффекта неожиданности в формообразовании этой необычной площадки направлено на многоцелевое взаимодействие, развитие воображения и самопознания, повышение когнитивных, моторных и социальных навыков.

Рис. 3. Детская площадка начальной школы De Paradijsvogel, Гаага, Голландия

Игровая площадка на территории Деералауа школы, Guspethi, штат Харьяна, Индия, архитекторы @ Romi Khosla Design Studio, 2009 год (Рис. 4). Пространство этой небольшой площадки предназначено для игры в «прятки». Все структурные элементы на площадке можно крутить и поворачи-

вать в процессе игры и легко создать свое собственное пространство [5]. Площадка направлена на поощрение детей к неструктурированной творческой «свободной игре», этот вид игры имеет решающее значение для интеллектуального, физического, социального, и эмоционального развития

детей. Игровая площадка обеспечивает широкий спектр возможностей для фантазии и разнообраз-

ной совместной игры, в дополнение к традиционным бегу, прыжкам, и лазанью.

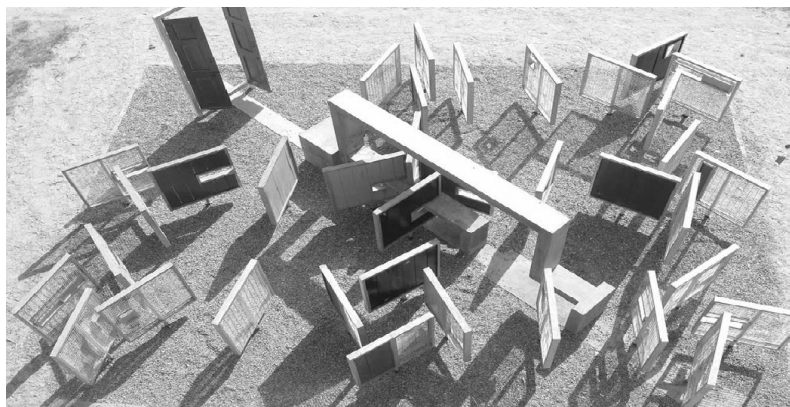

Рис. 4. Игровая площадка на территории Deeralaya школы, Guspethi, штат Харьяна, Индия

Анализ зарубежного опыта дизайна школьных спортивно-игровых и игровых площадок позволяет сделать следующие выводы:

1. Нестандартные игровые школьные площадки обладают большими возможностями и являются примером эффективной развивающей игровой среды, где оригинальность игрового ландшафта и неординарность игровых элементов делает игру детей творческой, изобретательной, разнообразной и эмоциональной.
2. Интерактивность игровых элементов и их многоцелевое взаимодействие способствует

повышению уровня комфорта данных площадок. Интерактивные игровые элементы, способные реагировать на поведение ребенка, включая смену эмоций и настроений, получают все большее распространение и вызывают искренний интерес.

3. Индивидуальность облика нестандартных школьных игровых достигается оригинальностью, неповторимостью, образностью и ассоциативностью их предметно-пространственной среды.

Список литературы:

1. Елена Мигулько. Детские игровые площадки. – Германия, LAP Lambert Academic Publishing – ISBN: 978–3–659–39601–4, – 2013.
2. Электронный ресурс: <http://www.breda.nl/toerisme-sport-vrije-tijd/cultuur/kunst-in-openbare-ruimte/kunst-in-beeld/de-rivier>
3. Электронный ресурс: <http://www.play-scapes.com/play-design/3-d-basketball-court-inges-idee-munich-germany-2006/>
4. Электронный ресурс: http://www.stroom.nl/gfx/uploads/P5170050_web.jpg
5. Электронный ресурс: <http://habitatkid.typepad.com/blog/2012/07/play-childrens-playground-by-romi-khosla-design-studio.html>

*Sagdullaev Kozimkhon Kahramonovich,
doctoral candidate-researcher of State institute of arts and culture
of Uzbekistan, the Faculty of Cinema, TV and radio
E-mail: mirzokozimxon@gmail.com*

Art's Journalism in the global information space

Abstract: This article is devoted to internet journalism in terms of coverage of culture and art, including theater in search of its various aspects. It is Identified the main directions of art journalism, methods update online information.

Keywords: culture, art, theater, internet, art's Journalism, information, communication, artistic taste.

Сагдуллаев Козимхон Кахрамонович,
докторант-соискатель Государственного
института искусств и культуры Узбекистана,
факультет «Кино, телевидения и радио»
E-mail: mirzokozimxon@gmail.com

Арт-журналистика в глобальном информационном пространстве

Аннотация: Настоящая статья посвящена вопросам интернет — журналистики с точки зрения освещения культуры и искусства, в том числе театрального поиска в разнообразных его аспектах. Выявляются основные направления арт-журналистики, способы актуализации интернет — информации.

Ключевые слова: культура, искусство, театр, интернет, арт-журналистика, информация, коммуникация, художественный вкус.

Глобализационные и интеграционные процессы, бурное развитие и совершенствование инновационных технологий способствовали возникновению нового информационного и коммуникационного пространства, оказав в условиях техногенной цивилизации существенное влияние на содержание, характер мышления и форму бытования современного человека, на формирование его художественно-эстетических потребностей, культуры и вкуса.

Неотъемлемой составляющей креативно настроенного общества становится Интернет, являясь:

- а) средством общения (электронная почта, Skype и другие) с широким или частным адресатом;
- б) источником оперативной информации, открывающей доступ, в том числе к литературе, искусству;
- в) способом осуществления производственных, деловых контактов;
- г) инструментом управления в технических, экономических, банковских, производственных сферах деятельности как государственных (закрытых и открытых), так и общественных, частных учреждений, корпораций, объединений;
- д) возможностью создания «микространства» (сайт, блог) внутри «макромира» для самореализации личности в качестве активного участника диалога.

Оперативность, гипертекстуальность, мультимедийность и интерактивность обеспечивают Интернет приоритетным положением перед другими СМИ. Располагая динамичным, обновляющимся и дополняющимся контентом, доступным для многих пользователей, он также проявляет транснациональные особенности, что также говорит в его пользу как наиболее крупному сегменту информационного поля.

Можно также говорить о паритетности в мировой Интернет-практике новостной и художественной информации, которая выполняет, что весьма ценно,

не только просветительскую, эстетическую, познавательную, но и оценочную функции.

Однако всегда ли Интернет выигрывает в сравнении со своими «собратьями» по коммуникации: печатью, радио и телевидением? Очевидно, что нет. Поскольку и печать, и радио, и телевидение обладают собственными техническими, художественными ресурсами и спецификой. Общее у них — массово-коммуникативные функции, осуществляемые доступными способами и средствами.

Что же касается языковой, этической, профессиональной культуры, достоверности, документальности материалов, наличия в них научности, системности, идейно-смысловых начал печатных изданий, художественно-выразительных аспектах теле и радиопередач, открытости авторов (заявителей информации), то тут Интернет явно сдаёт позиции.

Содержательный уровень Интернета снижают неограниченная никакими рамками рекламная деятельность, приносящая прибыль обеим сторонам, а также шокирующий агрессивностью, обнаженностью развлекательный компонент невысокого качества, преследующий свои цели. Мешают его статусу тенденции сокращения объема публикаций, непрофессионализм, плохой литературный язык, активное использование сленга, что демонстрирует дефицит интеллекта, художественного вкуса и в известной степени представляет угрозу для культуры в глобальном плане, если иметь в виду как масштабы Интернет сети, так и массовый характер пользователя.

Мировое культурное сообщество, озабоченное настоящей проблемой, увидело выход из создавшегося положения в развитии арт-журналистики [13] как самостоятельной сферы профессиональной деятельности, противостоящей засилью в Интернете, а также и в других СМИ некачественной «продукции». И в число наиболее приоритетных в социальном

и образовательном плане вышла проблема подготовки профессиональных специалистов в этой области, на что было обращено внимание многих престижных высших учебных заведений мира.

На протяжении последних лет мировая Интернет-журналистика приобрела определенный опыт, сформировались различные ее направления, обусловленные содержанием и характером их деятельности.

Сложилась также арт-журналистика со своими целями, задачами, формами и каналами коммуникации посредством Интернет-сайтов, блогов, сообществ, электронных изданий, флаеров между авторами и пользователями, между трансляторами информации и ее потребителями.

Важную роль в этом процессе играют сайты и рубрики на тему культуры и искусства, персональные сайты, откуда черпаются сведения об арт-событиях, культовых фигурах кино, театра, эстрады, музыкального, танцевального и изобразительного искусства. Тематика публикаций, которые дифференцируются по жанрово-стилевым показателям, охватывает творчество разных эпох, народов и традиций. Материалы не всегда являются авторскими, оригинальными. Они могут поступать из различных источников, дополняя сведения, демонстрируя полярность мнений, призывая к диалогу, дискуссии.

В блогах — on-line дневниках арт-журналистов, критиков, обновляемых в событийном или тематическом порядке, выражается мнение как авторов, так и читателей по отношению к тому или иному художественному произведению. Имеют свои блоги и любители искусства, которые делятся своими впечатлениями о спектаклях, кинофильмах, выставках, фестивалях, демонстрируя открытость этого пространства для отзывов и комментариев.

В сообщества объединяются специалисты и любители по интересам, воззрениям, с целью общения посредством сети (по опыту «Фан-клуба», который образуется внутри персонального сайта или отдельным сайтом). Здесь имеет место диалог, полилог через полемику, спор, когда каждая сторона высказывает свою точку зрения относительно явления искусства и культуры.

С помощью электронного Интернет-издания (*параллель, интеграл, оригинал*), где нередко размещаются критические статьи, касающиеся состояния, тенденций и перспектив развития искусства, открылась возможность широкого доступа к читателю, возможность получения материала в расширенном варианте и издания без печатной формы [1].

Связанный с рекламными агентствами флаер тоже играет добрую службу в распространении (ежедневно или несколько раз в день) электронной почты с заголовками, фотоснимками и дополнительной информацией о художественной продукции, оказывает информационную поддержку искусству, способствует расширению аудитории, иногда берет на себя функцию электронного приглашения, заменяет настоящие билеты. В on-line режиме можно получить скидки на билеты и обслуживание.

Содержание и форма подачи Интернет-материалов меняются. Но их влияние на творческий процесс, на формирование потребительского вкуса очевидно. Достижение положительного результата зависит от взаимопонимания заинтересованных сторон, нахождения новых способов диалога и использования тех методов, которые дали хорошие плоды.

Интерес в данной связи представляет блог, в рамках которого идет ежедневное рецензирование и обсуждение актуальных проблем культуры, а также сообщество, предлагающее конкретные проекты (например, список литературы для школьников, рассчитанной на самостоятельное изучение). Не менее примечателен опыт социологического опроса: «нужен ли в сообществе критический обзор?» [2], осуществленный членами «Литературной галактики» в октябре 2012 года, на что 91,68 % участников проекта дали положительный ответ.

Как видно, сообщества, объединяя людей общими планами, стремлениями, оказывая влияние на формирование позитивного отношения к искусству и критической мысли, выполняют функции общественного движения по распространению и актуализации информации об артефактах.

Содержание сайтов, блогов, сообществ свидетельствует о том, что Интернет становится трибуной индивидуальных оценок и точек зрения. И материалы в них (поскольку каждый человек может сам создавать и распространять информацию от первого лица) выражают больше субъективные начала, суммируя которые Интернет представляет объективную картину существующей реальности, т. е. общественное мнение. Личностное, персональное трансформируется в универсальное, объективное, питая мир искусства культурным многообразием.

По этой причине есть основание считаться с явлением «массовая гражданская журналистика» [3] или индивидуальная журналистика, которая идет от любительства. Не случайно, в некоторых государствах блоги вошли в состав СМИ [4].

В Интернете с доменом uz. существует много сайтов, посвященных культурно-созидательной деятельности. В сайтах общего направления одна из рубрик тоже обязательно связана с такого рода материалами. Информационные агентства «УзА», «Жахон» постоянно освещают культурную политику Республики в своих сайтах [5]. Эта же тематика в несколько усеченной форме находит отражение в сайтах информационного характера: www.olam.uz, www.kun.uz и т. д.

В большинстве случаев с содержательными, проблемными материалами о национальной культуре соседствуют ознакомительная, новостная информация [6]. В рубриках, отведенных сайтами для газетной прессы, также нет места для проблемных статей. Не отличаются активностью, оперативностью в подборе сюжетов, тематик сайты ряда творческих коллективов.

В театральных сайтах мало материалов об истории национального и мирового сценического искусства, о творческих поисках коллектива, заслуживающих внимания. Нет аудиовизуальных репортажей о мастер-классах, семинарах, репетиционных процессах, нет видео роликов о премьерных спектаклях, произведениях текущего репертуара, как это делается за рубежом.

Однако интересные публикации не являются исключением из общих правил, а продолжают лучшие традиции театральной журналистики по освещению и осмыслению театральных событий, пропаганде лучших образцов национальной сцены с выявлением ее специфических проявлений. В числе таковых материалы Э. Мухтарова, К. Артыкова в сайте «Ташкент. Фрагменты культуры» [7] и ряда других авторов, примечательные профессиональным проникновением в суть предмета.

О новостях шоу-бизнеса, сенсационных событиях сообщают www.sayyod.com, www.shou-biznes.uz, www.vou.uz. В онлайн-режиме работает www.mtrk.uz, информируя потребителя о разнообразных аспектах деятельности национального телевидения и радио.

Представители культурного фронта, а также шоу-бизнеса в составляющих отдельную группу персональных сайтах размещают свои оригинальные работы, знакомят пользователя с личными достижениями, статьями, освещающими их творческий опыт. В настоящее время такого рода практика распространилась и среди литературоведов, писателей, поэтов, общественных деятелей Узбекистана, а также среди творческой молодежи, которая органично вписалась в Интернет-

контекст, демонстрируя, без ложной скромности, свои достижения. И таковых большинство.

Хуршид Даврон, в отличие от коллег по перу, увидел в сайте возможность донести до потребителя базовые знания в области национальной и мировой истории, литературы, культуры, включая исламский, тюркский, местный компоненты [8]. Тому служит «Библиотека» в его сайте с критическими, аналитическими, обзорными материалами, распределенными по секциям и вызывающими профессиональный интерес.

Привлекая к работе в Интернет-сайте литературную, творческую и научную общественность, Хуршид Даврон акцентирует внимание на вопросах литературы и художественной критики, которая не представляется без профессиональных навыков и познаний в области искусства и журналистики, без решения литературно-стилистических задач. И как активный участник процесса актуализации художественной информации, он вносит свой вклад в развитие арт-журналистики, в природе которой — поиск, сущностный анализ, толкование, оценка и прогнозирование арт-реальности с использованием разнообразных методик (журналистских, искусствоведческих, филологических) в сочетании с открытостью и независимостью публичного слова.

Статьями и беседами с известными личностями на актуальные темы современной и классической литературы отличается отдел литературной критики в сайте www.e-adabiyot.uz. Иного характера относящиеся к категории «Культура» коллективные блоги «Новости культуры», «Новости культуры и спорта» [9], которые редко предлагают относительно развернутый материал, ограничиваясь подачей новостных потоков.

Отсутствие сайтов о фестивальной жизни Узбекистана компенсируется передачей соответствующей информации или общим потоком, или через рубрики в других сайтах.

Следует отметить, что деятельность узбекских блогов и сообществ, несмотря на наличие интересных по содержанию и форме публикаций, несмотря на создание новой социальной сети www.muloqot.uz, желает много лучшего с точки зрения активности, гражданственности и профессионализма отражении культурных событий.

Электронные издания работают, в основном, в форме параллели [10]. Информационно-образовательный портал Ziyonet [11], объединяющий научные учреждения, вузы республики и широкую

общественность, даёт проблемные статьи на тему искусства и культуры, а также ресурсы (книги, диссертации, дипломные работы).

Тематика материалов чаще всего связана с массовой культурой и её негативными проявлениями.

Говоря в целом, практика Интернет арт-журналистики на фоне роста авторитета литературно-критической составляющей с помощью писателей, литературоведов, критиков, показывает:

а) преобладание в материалах информативности;
б) ограниченность аналитического подхода;
в) отсутствие системности в вопросах освещения искусства;

г) отсутствие системности в работе сайтов;
д) неподготовленность аудитории и журналистов;
е) малочисленность специалистов в этой области.

Мешают развитию сетевой профессиональной критики анонимность. И то, что не позволит себе по этическим соображениям профессиональный журналист, простой обыватель сделает. Можно также говорить о дефиците доверия Интернет-информации

(за исключением ряда официальных сайтов), ввиду ее общедоступности и перегруженности недостоверными материалами, фактами и т. д.

В условиях глобального информационного пространства особого внимания требует качество публикаций, которые определяют статус Интернета как мировой сети, охватившей все континенты, все народы и государства. И здесь важно, *что* несёт Интернет, *какие истины* вещает.

Потому на повестке дня стоит вопрос подготовки арт-журналистов, профессионально освоивших свой предмет, информационные технологии; вопрос выработки механизмов целевого использования (создание условий для работы, обеспечение рабочими местами) подготовленных кадров. И если речь идет о воспитании художественного вкуса, духовной культуры общества, то в этом процессе арт-журналистика может стать мощным инструментом глокализации [12, 451–453] в глобализационном процессе.

Список литературы:

1. Электронный ресурс: [https://ru.wikipedia.org/wiki/Электронный журнал](https://ru.wikipedia.org/wiki/Электронный_журнал)
2. Приглашение к обсуждению от сообщества Литературная Галактика – Мой Мир Mail.Ru, myadmincorp.mail.ru., 9 октября 2012, 21:15.
3. Электронный ресурс: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Блогосфера>
4. Электронный ресурс: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Блог>
5. Электронный ресурс: www.uza.uz, www.jahonnews.uz
6. Электронный ресурс: www.afisha.uz, www.culture.uz, www.ardt.uz, www.mtu.uz, www.teatr-operetta.skm.uz
7. Электронный ресурс: www.cultureuz.net
8. Электронный ресурс: www.kh-davron.uz
9. Электронный ресурс: www.fikr.uz
10. Электронный ресурс: www.sharqyulduzi.uz
11. Электронный ресурс: www.ziyonet.uz
12. Возник из объединения терминов глобализации и локализации, в 1995 году был введен в научной обиход Рональдом Робертсоном, выражает глобализации с сохранением культурного своеобразие. Смотрите: Теоретическая культурология. – М.: Академический Проект; Екатеринбург: Деловая книга; РИК, – 2005.
13. В одном случае (например, в Германии) она представлялась как культурная журналистика, в другом (по программе ЮНЕСКО) получила название «Специализированная журналистика (Культура и Искусство)». Смотрите: <http://www.modelcurricula.org/402.p>

Section 3. History and archaeology

Секция 3. История и археология

*Babadjanov Khasan Baxtiyorovich,
The Tashkent University of Information Technology,
assistant of Humanity Department, Tashkent, Uzbekistan
E-mail: bhasanb@inbox.ru*

Some notes about the trade and supply system of Uzbekistan during the Second World War

Abstract: In this article on base of the available literature, the archive document describe general picture and problems to trade, providing the population goods and factors influenced upon this system in Uzbekistan during the Second World War.

Key words: the translation of the economy on military rails, production balance, rationing, inflation.

The economic factors play an important role in modern warfare. The war is not only a military confrontation of states and it includes also an economic fights. Any army cannot conduct operations without the economic support such as providing ammunitions, fuels, equipments, clothes and foods. Also the Second World War showed that economic factors define the success of the warfare. Precisely, it were appeared difficulties in the food supply and trade system of Uzbekistan in the Second World War period. Below should be considered the major causes of these difficulties.

In the 22th June of 1943 the German fascistic army started an annexation into the territory of the former Soviet Union. The military and economic crisis due to the war demanded the restructuring of the national economy for the military needs. States engaged in war, mobilize own economic structures and industry for military needs. As a result of the war general resources of the state and its industry direct for the development of destructive weapons.

The restructuring of the economy on the base of requirements of military economy specialized the most industrial enterprises in the production of military products. Therefore, despite the decrease of the production of consumer goods was not a drastic drop in the production of military products. Production of raw materials and resources were reallocated to the benefit of the military industry.

The major economic factor that has led to difficulties in the trade-economic sphere was the mobilization

of non-military enterprises for the production of military weapons. For example, 63 enterprises in Tashkent and 230 enterprises in the country began to produce military products in december of 1941 [1, 440]. As a result, there was a strong disproportion in the production of military and non-military products.

The production of consumer goods decreased or the production of their some kinds was stopped. An imbalance in production led to the shortage of industrial and consumer goods. Existing industrial forces were not able to meet demands of the population for industrial goods. An introduction of the card system on certain types of goods during the war became a reason of the deterioration in the quality of goods and rising prices for them.

The fall in production of consumer goods was not the only factor affected the trade and economic system. Also a part of the production which was scheduled for trade with the population was directed for needs of the driving army. This process was clearly visible in first years of the war. In particular, in 1940–1942 the proportion of flour and cereal products intended for the needs of the population has fallen from 86 % to 73 %, and meat products from 43 % to 23 % and leather products from 79 % to 27 % [2, 126]. The decline of commodity fund of some products has contributed to the deficit in their providing.

The abovementioned economic factors directly affect dynamics of the trade and supply system. The war began in June 22, 1941 contributed to a state of emergency in the supply and distribution system of the former Soviet Union. Soap, matches, salt, sugar and other

consumer goods available in stores were purchased in large quantities by the population above their needs to create stocks of these products at home.

In early years of the war there have been accepted several papers on the implementation of the rationing system. According to the decree of the Council of People's Commissars of the USSR initially in Moscow and Leningrad, as well as some of their suburbs was introduced food (bread, pastry products, meat, fish, oil) and consumer goods (cotton and silk fabrics, shoes, clothes, laundry soap) rationing [3, 705]. From July to November of 1941 also in other cities of the Soviet Union was introduced rationing system. Prior to September 1, 1941 in 197 settlements, and until November of this year in 38 cities began distributing foods on the card [4, 192].

The card system was introduced mainly in the cities and the daily bread ration for each person was set based on professions, ages and social status of people. During the Second World War, the definition of norms of goods and foods distributed by cards became a social phenomenon

The definition of norms to certain groups on cards also influenced the socio-political situation in the Soviet state. The determination of norms by the card system shows a stratification of the Soviet society wartime. "The proximity to the state" of certain social strata and the owners of some professions to the totalitarian economic system of the former Soviet Union affected the establishment of norms by cards to the population.

Population of cities where the card system was implemented in terms of providing bread were allocated into four groups:

Group 1 — workers, engineers and technicians and equivalent to them (workers of transport and communications, medicine, art sphere and science, education system, as well as donors);

Group 2 — employees and their equivalents;

Group 3 — people, who lost their main breadwinner;

Group 4 — children under 12 years.

It is also important to emphasize that during the war the rural population was not included in the public provision. Only representatives of rural intellectuals (nurses, teachers, agronomists, zootechnicians and others) and disabled veterans in rural areas could enjoy the privileges of the card system. This provision was clearly defined in the Resolution 24307-p of the Council of People's Commissars of the USSR from December 19, 1942, and in the Resolution 1614 of the Council of People's Commissars of UzSSR from December 26, 1942. Resolutions indicated that only the workers and employees of rural areas,

which were not involved in agricultural work as well as representatives of the evacuated population, had the right to use cards for bread and foods [5].

The main positive aspect of the card system was that people had the right to buy the necessary products such as bread, food and industrial goods in the standard norms and prices set by the state.

But it is wrong to see only the positive aspects of the introduction of the card system, as can be observed many shortcomings and offenses in the implementation of the rationing system. Also, it is impossible to forget that the introduction of cards to some extent negatively affected to the socio-economic life. Below we consider these issues in summarized form:

- In firstly, introduction of the card system has led to the drop of the role of cash in the sale and decline of feelings of the material interests of workers from their labors. Regardless of the amount of work and the quality of production workers received products strictly according to the norm.

- In secondly, the distribution of products by the card system had a negative impact on the qualities and types of manufactured goods. Regardless of product quality it distributed centrally and buyers had no opportunities to choose.

- In thirdly, the formed administrative and bureaucratic procedure involved the realization of the card system. During the war the personnel of the state structure which was engaged in the implementation of the rationing system consisted of 25 thousand people [4, 398]. Certainly, this bureaucracy was not formed immediately. People's Trade Commissariat of the USSR and its field offices engaged in the distribution of cards. Also, formed special offices which distributed cards to companies, organizations and population and controlled rationing. In some cases were offense in activities of administrative system in rationing products.

During the war years in the provision of clothes and other light industrial products also emerged a number of problems. In particular, the generating force of light industry were aimed at fulfilling the military needs. Enterprises, which produced leather products began to prepare products for aviation, automotive and tractor sector, tanks and other military areas. For example, in 1941 the saddlebag factory in Tashkent produced products for the front in the amount of 504 thousand rubles, and in 1942 the volume was increased with 9 times and factory produced products at 4885 thousand rubles [6, 9].

To increase military production enterprises had almost stopped the production of goods which they

produced in peacetime. Freed in this way producing power were directed to the production of military products. As a result, in 1940–1942, the production of knitwear for public sale was reduced in 16%, and shoes in 8% [7, 75–76].

During the war clothes and shoes can be had only found in the bazaars in very expensive prices. Consumer goods mainly prepared in craft shops and factories from waste materials. For example, for the upper parts of the flip-flops used remnants of tunics, and their prices in 1943 was 85–100 rubles [8]. As for children's clothes required little material and they sold more expensive. In 1943, retail padded jacket sold for 62 rubles and the baby coat for 88 rubles [9].

Despite the fact that the products manufactured with waste were poor quality and expensive, it was problematic to get them during the war. Clothes and light industry products were stored in damp and dirty warehouses. The audits have found that women's belt sold for 43 rubles in Tashkent. It was also found children's substandard soft toys in urban warehouses that were harmful to the health of children [10]. Such irresponsibility was commonplace during the war. Any organization did not control range and quality of products during the war.

During the difficult war years, people primarily tried to stock foods rather than industrial goods or clothing. Since clothes and industrial products (such as a refrigerator or radio) industries are human's secondary need. And foods are a basic human need, and the demands for them have everyday character. And due to incomplete cover of basic needs fell demands for secondary needs.

One of objective reasons for the fall of the trade during the war was monetary inflation. The decline of the production of consumer goods during the war intensified inflation. In the trade and supply system number of consumer goods decreased and increased the share of cash. The increase in non-commodity moneys led to big indicators of inflation, an increase in demand compare with the supply, costliness and fallings of living standards.

As a result of the unlimited production of soft moneys increased prices and decreased their purchasing values. Also decreased real salaries of workers and employees, peasants accumulated a lot of devalued cash moneys. The issue of cash is a secret way to pay for the war. Since it does not cause a rapid response as the introduction of emergency taxes for the population.

Money issue affects negatively in one hand on the financial position of people, in the other hand on the trade and economic sphere. As a result, people's confidence has fallen to money and it reduced the volume of retail

trade. Depreciation of the money led to a shortage of products in markets and even it furthered the development of barter trade.

There is a difference between inflations of war and peace periods. The fixed capital of the state during the war goes on the production of military goods, as well as preparation raw materials and personnel to needs of the military sector. As usual, weapons do not create the production of assets and commodities. Speaking on another, no matter how much increased military production in the state, since this increase does not cover needs of the population for industrial products and also does not create producing forces in the future.

The wartime economy created a kind of paradox. Decline in living standards of the population contributed to the accumulation of large amounts of cash in population. Besides the public distribution system cash moneys in other places have lost their importance.

Unlimited issue of paper moneys has contributed to higher prices and lower purchasing power of the population. Financial status of workers, employees and others worsened. If we look at this fine example, in January 1942 in the People's Commissariat of meat and milk products of UzSSR leading economist who was appointed head of two departments received a salary of 1,250 rubles per month [11]. In January 1942, if we should go with these moneys to the Farmers' market in the city then we could buy 1.25 liter of milk or 1.2 kg of potatoes to them [12, 197]. And prices of card products (except alcohol) were not changed, therefore the significance of the cards for the population was higher than cash.

In these difficult socio-economic conditions the majority of people did not have the ability to buy something from the free trade. And some part of the population were unable even to buy products at fixed prices on the card. Salaries of young workers and employees were enough only for the purchase of the card products only for 2–3 weeks.

According to materials of archival documents foodstuffs illegally redistributed in many enterprises. Also formed a closed system to provide bread and other food products of the certain stratum of the population.

Since 1944, in order to combat illegal trade was formed "commercial trading system" (unofficial name was "commercial") which sold goods without cards severally overpriced. Implementation of commercial trading system has contributed to attract a part of cash moneys in the society to the state military system. Commercial shops gave a small part of the population, particularly the workers and employees who received large

salary, to buy bread or other foods additionally to card products. Differences between prices of the card and the commercial trade system were great. For example, at the end of 1945 bread made from second grade flour rationing price sold at 1.7 rubles, and in commercial shops sold for 30 rubles. (differences between prices differed by almost in 27 times) [12, 194]. Therefore, in the retail trade turnover the share of commercial trade system was only 9.6 % in 1945 [4, 399].

The difficult situation in the trade and supply system had negative impact on the organization of the trade and qualities of goods. Also, the decline in the purchasing power of the population, the cessation of the production of certain goods or their deficit contributed to a drop in the volume of trade in cash equivalents. Even if we consider monetary inflation the retail trade turnover of the state and cooperatives included 528 million rubles, in 1942 this indicator was 374 million rubles, and in 1945 was 393 million rubles [4, 410]. As a result,

during the war in the retail trade sector and public catering sphere occurred decline of the system. Even in the postwar years, the system could not recover. In particular, if in 1941 in Tashkent in the retail trade sector were involved in 1939 subjects (shops), by 1947 their number was 565 [13, 43].

Analysis of the volume and the quality of the trade system of Uzbekistan in World War II indicates a presence of many problems in the country in the first years of the war. With the change in the balance of supply forces of the production, the population and the army there was a shortage of food and non-food items. In order to prevent the negative consequences of this deficiency and provide the population with essential goods was introduced rationing system. Despite the shortcomings in the implementation of the rationing system during the war, in generally this centralized trade supply system can evaluate a positive process of the war period.

Reference:

1. Новая история Узбекистана. Том 2. – Ташкент: Шарк, – 2000.
2. Вознесенский Н. Военная экономика СССР в период Отечественной войны. – М.: Госполитиздат, – 1948.
3. Директивы КПСС и Советского правительства по хозяйственным вопросам. Том 2. – Москва: Политиздат. – 1957.
4. Советская экономика в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. – Москва: Наука, – 1970.
5. TsGA RUz, P 837-fund, 32-register, 4089-act, 49-list.
6. Сирожов О. Промышленность Узбекистана в годы войны. – Ташкент: Узбекистон, – 1981.
7. История Второй мировой войны (1939–1945 гг.). Том 6. – М.: Воениздат, – 1965.
8. TsGA RUz, P-837-fund, 32-register, 3756-act, 301-list.
9. TsGA RUz, P-837-fund, 32-register, 2563-act, 205-list.
10. TsGA RUz, P-91-fund, 8-register, 310-act, 85-list.
11. TsGA RUz, P-839-fund A, 32-register, 3265-act, 61 list.
12. Народное хозяйство СССР в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Статистический сборник. – Москва: Информационно-издательский центр Госкомстата СССР, – 1990.
13. Буриева Х. Из истории названий местности города Ташкента (1917–1980 гг.). – Ташкент: Академия, – 2012.

*Volontyr Olena Oleksandrivna,
Taras Shevchenko National University of Kyiv,
postgraduate student, the Faculty of History
E-mail: olena_0207@ukr.net*

Cultural-educational process and students' self-government of Lutsk Ukrainian gymnasium (1918–1939)

Abstract: The paper describes the process of education of students of educational institutions in Volyn in the interwar period 1918–1939. Analyzes the forms and methods of extracurricular education and activities of student organizations and self-government.

Keywords: school power, Lutsk Ukrainian gymnasium, student's self-government, student's organizations.

Волонтырь Елена Александровна,
аспирантка кафедры истории славян
Киевского национального университета имени Тараса Шевченко
E-mail: olena_0207@ukr.net

Культурно-воспитательный процесс и ученическое самоуправление в Луцкой украинской гимназии (1918–1939)

Аннотация: В статье отражен процесс воспитания учащихся учебного заведения на Волыни в межвоенный период 1918–1939 гг. Анализируются формы и методы внеклассного воспитания учащихся, деятельность ученических организаций и самоуправления.

Ключевые слова: школьная власть, Луцкая украинская гимназия, ученическое самоуправление, ученические организации.

Постановка научной проблемы

Воспитание детей и подростков в учебных заведениях и удачно организованное направление деятельности образовательных учреждений всегда были актуальными вопросами. Первоочередной задачей в воспитании подрастающего поколения была подготовка высоконравственных, образованных граждан и преданных патриотов своего государства.

Сразу после подписания Рижского договора 1921 г. перед польским правительством встала проблема скорейшей интеграции и полонизации западноукраинских земель, в том числе и Волыни, в состав Польши. С разрешения польских государственных властных органов в Луцке действовала частная украинская гимназия. Она была образовательным учреждением с украинским языком преподавания, где учителя стремились привить ученикам любовь к родной земле, культуре, традициям, а также воспитать преданных патриотов-украинцев.

Актуальность темы обусловлена недостаточным исследованием культурно-воспитательного процесса в Луцкой украинской гимназии им. Леси Украинки, а также отсутствием полного и структурированного освещения в научной литературе, а также других печатных, интернет изданиях.

Цель — на основании малоизвестных архивных документов исследовать и проанализировать исторические процессы воспитания учащихся и культурно-познавательной работы гимназии, а также проследить значение школьных самоуправленческих организаций для развития и воспитания молодежи.

Хронологические рамки исследования охватывают межвоенный период 1921–1939 гг., время когда западноукраинские земли находились в составе Второй Речи Посполитой.

Ключевой базой исследования являются материалы и документы Государственного архива Волынской

области (ГАВО): фонды — «Луцкая частная украинская гимназия Общества имени Леси Украинки» (Ф. 73) и «Луцкое Общество имени Леси Украинки» (Ф. 190). Среди документов этих фондов преобладают протоколы заседаний управы Общества им. Леси Украинки и деятельности Луцкой украинской гимназии (ЛУГ), а также инструкции, распоряжения, переписка ЛУГ со школьным инспектором Волынского округа и другими польскими административными учреждениями.

С опубликованных источников можно выделить сборник воспоминаний бывших выпускников ЛУГ, который был издан в 1998 г. по случаю 80-й годовщины от создания гимназии.

История Луцкой украинской гимназии межвоенного периода не была непосредственным объектом специального исследования. В определенной степени отдельные упоминания о ЛУГ отражено в контексте научных трудов, опубликованных воспоминаниях очевидцев событий, печатных материалах учащихся учебного заведения.

Отдельные упоминания о ЛУГ встречаются только в контексте других проблем. Так, например, в работах волынских историков Н. Кучерепы [6], Ю. Крамара [5], А. Свинчука [9], М. Филиповича [11] отображается только общая информация о положении школьного образования межвоенного периода на Волыни, и почти ничего не говорится об учебно-воспитательном процессе и культурно-познавательной работы в ЛУГ.

Изложение основного материала и обоснование результатов исследования

Воспитание учащихся Луцкой украинской гимназии проходило в национальном, религиозном и патриотическом духе. Лозунг учебного заведения был следующим: «Люби Бога и свою мать-Украину!».

В процессе воспитания довольно значительную роль играли классные руководители, которые

исполняли роль учителей и воспитателей. Они ответственно относились к выполнению своих обязанностей, прилагали немало усилий для улучшения успеваемости своих воспитанников. В случае плохого усвоения учащимися учебного материала во время уроков, по инициативе учителей, во внеурочное время происходили дополнительные разъяснительные лекции с тех или иных предметов.

Классные руководители следили за посещением учащимися библиотеки, проверяли количество прочитанных ими книг. Заметное улучшение библиотечного дела в гимназии состоялось в начале 30-х гг., когда стеллажи пополнились новыми учебниками, что вызвало у учащихся интерес к познанию неизвестного. Стоит заметить, что уже в 1930–1931 учебном году школьная власть позаботилась о выделении отдельной библиотеки для девочек, что способствовало увеличению читателей почти на 100 процентов.

Важную роль в учебно-воспитательном процессе играла внеурочная работа с учащимися. По инициативе заведующего по воспитательной работе М. Ливицкого и главного воспитателя С. Орловской, с учениками регулярно проводились лекции-беседы на воспитательную и патриотическую тематику для формирования у них принципов сознательных украинцев с высокими моральными, образовательными и культурными качествами. Количество бесед в 1930–1931 учебном году составляла 34 [1, д. 56, л. 23]. Тематика лекций была следующей: «Человек как общественный индивид», «Уважение к чужому имуществу», «Ценность чужого времени», «Уважение к чужому доверию», «Уважение доброго имени», «Точное выполнение обязанностей и обещаний», «Общечеловеческая этика и профессиональная, и возможные параллели между ними», «Значение матери в воспитании ребенка», «Матери великих людей» и т. д. [1, д. 56, л. 48]. Также для учеников часто проводились лекции с теоретической медицины и соблюдение правил практической гигиены.

В гимназии существовал организационно-воспитательный комитет, в компетенцию которого входила организация досуга учащихся. С целью развития национального сознания будущих поколений, для гимназистов организовывались экскурсии украинскими и польскими городами, в частности, к Почаеву, Тернополю, Варшаве, Кракову и т. д. [1, д. 43, л. 71].

Довольно интересно ученики организовывали свое внеурочное время. В гимназии действовало ученическое самоуправление. В каждом классе были внутренние правила распорядка, которые составлялись

членами классовых обществ. К составу классового общества относились все ученики класса во главе с управой администрации гимназии, которая выбирала свободное собрание. В состав управы входили председатель, заместитель председателя, секретарь, казначей, хозяин. Каждая классовая община имела свой устав, согласно которому она способствовала урегулированию отношений между учениками и следила за надлежащим внешним видом класса.

Высшим органом ученического самоуправления были решающие сборы, которые созывались, по меньшей мере, раз в месяц, а в случае необходимости чаще. В рамках своих полномочий члены собрания отвечали за важнейшие внутренние дела: выбор и созыв президиума, дружеского суда, организовывали вечеринки, решали вопросы относительно взносов. В состав президиума входили председатель, секретарь и казначей. Главным руководителем классового общества считался действующий директор ЛУГ [1, д. 58, л. 88].

Соответственно существующих должностей, были закреплены обязанности. Председатель классового общества руководил всем диапазоном общественной жизни класса и созывал собрание управы, а заместитель подменял его в случае отсутствия или болезни.

К задачам управы принадлежало выполнения правил решаемых сборов и соблюдения последовательной работы своей деятельности. Каждый член классового общества был обязан выполнять распоряжения управы. Также к ее обязанностям принадлежала организация культурно-массовых мероприятий и вечеринок. За принятием управы решались вопросы повестки дня на следующее собрание.

Секретарь занимался ведением книги протоколов, записывал информацию для корреспонденции и писал обращение к товарищескому суду. Казначей принимал членские взносы, выдавал деньги на техническое обеспечение класса. Он вместе с секретарем делал записи в книгу членских взносов. Хозяин ухаживал за имуществом и архивом классового общества, покупал хозяйственные материалы, предназначены для ухода за классной комнатой.

На свободном собрании путем голосования выбирали руководителей классового общества, а также членов дружеского суда. В случае необходимости свободное собрание большинством голосов имело возможность вносить изменения и дополнения в устав классового общества. На заседаниях свободного собрания обсуждались вопросы организационного характера: функционирование классового общества, взносы и т. д.

Нерешенные проблемы президиум или же руководитель подавали на рассмотрение судей. Дружеский суд решал разного рода недоразумения, нарушения, причинения ущерба, как в гимназии, так и за ее пределами. Дружеский суд действовал в составе трех судей и прокурора. Обвиняемый ученик обязан был представить как минимум одного свидетеля для решения своего дела.

По приговорам дружеского суда и в соответствии с совершением вреда назначалось материальное или моральное наказание подсудимому, для осознания допущенной им ошибки. Материальное наказание решалось методом оплаты определенного количества предназначенной денежной суммы, моральное — оказывалось в форме публичного выговора и осуждением собравшимися. Средства за материальное наказание поступали в кассу классового общества. В случае неисполнения приговора в течение двух недель дело с обжалованием подавали опекуну класса (классному руководителю), а также в дирекцию учебного заведения.

На каждое свободное собрание секретарь приносил книгу протоколов для записи принятых решений и устав классового общества учащихся класса. А казначей, соответственно, книгу членских взносов. Оригинал устава находился у секретаря, а копия в архиве классового общества. Таким образом, на заседаниях свободных собраний обсуждались и решались все внутренние вопросы классового общества.

В ЛУГ действовала ученическая организация клуб «Юноша». Этот центр был организован как обще-школьная организация под руководством

С. Орловской [2, д. 2, л. 57]. Она охватывала 63 % учащихся учебного заведения. Цель деятельности клуба — организация развлечений (игр, викторин) в выходные дни, проведение литературных и танцевальных вечеров, торжественных академий с чтения произведений на украинском и польском языках. Собранные из мероприятий средства перечислялись на помощь малоимущим членам ученического клуба.

При клубе «Юноша» работало три секции: литературно-научная, спортивная и секция для девушек. Гимназисты по собственному желанию имели возможность посещать ту или иную секцию для реализации своих желаний и раскрытия способностей.

В 1930–1931 учебном году при Луцкой украинской гимназии было налажено издательское дело. Так, благодаря активистам литературной секции клуба «Юноша», было начато издание периодического журнала [2, д. 2, л. 59]. Согласно замыслу самих

учеников, им должен был стать ежемесячный журнал «Луч», который редактировала сама школьная молодежь. Журнал информировал обо всех примечательных событиях школьной жизни молодежи ЛУГ. От редколлегии постоянно звучали обращения относительно расширения сотрудничества и привлечения новых авторов, ведь через ежемесячник каждый ученик имел возможность попробовать свои силы в литературе, проявить творческие способности в написании и оформлении статей для журнала. В частности, каждую вторую неделю клуб «Юноша» выпускал стенную газету «Луч».

В 1930–1931 учебном году ученики 5-го класса украинской гимназии начали издание газеты «Коршун» (до конца года в свет вышло 7 номеров) [2, д. 2, л. 69]. Стоит заметить, что ученики гимназии в своей деятельности достаточно тесно сотрудничало с межшкольной газетой Вольни «Краевой очаг».

Действовал в ЛУГ еще и гуманистический кружок для формирования в учащихся нравственных ценностей, человечности, уважения к окружающим и развития эстетического вкуса. Он был основан во втором полугодии 1931–1932 учебного года.

Гимназия имела церковь, которая называлась Крестовоздвиженская. Ее настоятелем был Павел Пащевский — первый священник в Польше, который отправлял Богослужение на украинском языке. С сентября 1930 г. он преподавал православную религию в Луцкой учительской семинарии. В целом стаж преподавательской деятельности отца Пащевского достигал 33 года.

Каждое воскресенье и каждого православного праздника гимназисты обязаны были ходить в церковь на Богослужение. В период Великого поста перед Пасхой ученики вместе с учителями три дня постились: исповедовались и причащались, а после службы все возвращались к учебному процессу.

В каждом классе на стене висела икона Спасителя или Божьей Матери. Ежедневно обучение начиналось с просительной молитвы и заканчивалось благодарной молитвой, которую громко провозглашал очередной, а остальные шепотом повторяли. Традицией в гимназии стало празднованию всех православных праздников.

Ангелом Хранителем ЛУГ считали Архистратига Михаила. На чествование памяти покровителя Михаила 8 ноября (по старому стилю) всегда происходили торжественные празднования.

При гимназии действовало Православное Содружество, названное в честь святого [1, д. 89, л. 35],

целью его деятельности было объединение украинской школьной молодежи на основе религиозно-национального и государственного воспитания.

Членство в Содружестве могли получить граждане православного вероисповедания, которые придерживались норм христианской жизни. Чаще всего его членами становились украинские учителя, ученики ЛУГ и их родители.

Все члены Содружества условно распределялись на три группы: почетные, действительные и члены-сотрудники. Почетные избирались из лиц, которые выделялись среди других выдающейся деятельностью на пользу православной церкви и украинской нации. Действительными — считались учителя и ученики, которые были вписаны в реестр Содружества и ежемесячно осуществляли денежный взнос в кассу в сумме 20 денег; членами-сотрудниками были лица, ежемесячный денежный вклад которых составил 50 денег.

Обязательным условием вступления в Содружество была торжественная клятва, которая предусматривала соблюдение определенных правил:

- твердо и целенаправленно придерживаться православной веры, защищать ее при любых обстоятельствах;

- часто посещать богослужения и, по возможности, участвовать в церковных песнопениях, чтениях и совместных походах;

- любить родную землю, свой народ, древние обычаи; с уважением относиться к людям старших по возрасту; каждый раз креститься, проходя возле церкви, также молиться утром и вечером, перед приемом пищи и после, перед началом работы и после ее завершения; уважительно относиться к родному языку;

- помнить, что все люди — дети единого Небесного Отца и братья между собой, поэтому ни в коем случае не допускать пренебрежения к тому, кто принадлежит к другой национальности;

- любить и уважать друг друга, помогать бедным и больным;

- избегать неприличной брани, песен и литературы;

- принимать активное участие в ликвидации безбожия [1, д. 89, л. 46].

Для достижения поставленных целей руководители организовывали лекции на религиозно-нравственную, научно-популярную и литературную тематику, а также вечеринки и праздничные концерты.

Содружество имело свою эмблему с изображением Архистратига Михаила, которую каждый участник носил на груди с левой стороны. Считалось, что она

послужит для них постоянным напоминанием об их призвании.

Также содружество имело свою хоругвь, с одной стороны которой размещалось изображение святого Архистратига Михаила, а на другой посередине — православный крест, по краям от него сверху солнце и месяц, а снизу по краям 5 звезд. Завершал изображение святого круглая надпись: «И Тебе Одному поклоняются все языки во веки и веки». Суть трактовки надписи заключалась в следующем: каждый участник содружества должен защищать православную христову веру и родную церковь в трудную минуту и днем, и ночью.

С символов, что удостоверял власть, Православное Содружество имело свою печать с изображением Архистратига Михаила и надписью: «Православное Содружество Святого Архистратига Михаила при Луцкой Украинской Гимназии» [1, д. 89, л. 51].

В содружестве действовала рада, которая руководила всеми организационными делами, и общее собрание. Совет состоял из 12 человек, среди которых председатель, заместитель, писарь, казначей и 8 советников.

Председателем содружества мог быть только законоучитель, зато заместителя председателя, писаря, казначея и советников избирало общее собрание. Оно созывалось каждого года на праздник Архистратига Михаила, после торжественной церковной службы, в зале гимназии. Перед этим отправлялся молебен Архистратигу Михаилу. Во время прохождения сборов на столе был крест, Святое Евангелие и горели три свечи.

На общем собрании совет объявлял итоги деятельности Содружества за год. Спустя некоторое время проводились выборы членов совета, и составлялся план дальнейшей работы. Общее собрание считалось легитимным, если присутствовало не менее трети всех действительных членов Содружества. В раде и на общем собрании принятие решений происходило простым большинством голосов.

Содружество имело сберегательную кассу, где хранились деньги, полученные от членских взносов, доходов от чтения лекций, концертов и добровольных пожертвований. Кассовой книгой заведовал казначей, который под руководством совета расписывал денежные расходы и занимался пересчетом средств.

В случае принудительной ликвидации Содружества все его имущество автоматически переходило в распоряжение ЛУГ, в составе которой оно функционировало.

Вывод

За два десятка лет деятельности ЛУГ, хотя и небольшая часть украинского населения имела возможность учиться на родном языке. Несмотря на то, что учебное заведение действовало на территории, которая была подвластна Второй Речи Посполитой, обучение там происходило в рамках программ Министерства вероисповеданий и народного образования. В целом воспитательный процесс в гимназии был ориентирован на формирование украинского патриотизма среди молодежи, его реализация осуществлялась через всестороннюю систему воспитательных мероприятий.

Направление работы ЛУГ было сосредоточено на формирование гармонично развитых и творческих личностей, украинцев-патриотов, которые уважают свою Родину. Это заведение было как бы подготовительным этапом к самостоятельной жизни, где молодежь получала первые знания социально-бытового, религиозного и культурно-воспитательного направления.

Значительное внимание отводилось религиозному воспитанию молодежи, что играло важную роль в формировании добрых и благородных личностей, которых стремилась воспитать украинская гимназия. Кроме того, подражание религиозных норм имело положительное влияние на формирование нравственных ценностей для каждого человека индивидуально.

Положительное влияние на формирование всесторонне развитой и эрудированной личности играло посещение учащимися различных кружков, которые действовали в ЛУГ: литературного, музыкального, спортивного и театрального.

Благодаря деятельности ученического самоуправления у каждого гимназиста вырабатывались морально-этические нормы, среди которых порядочность, ответственность, отзывчивость, а также умение организовать себя и своих коллег или единомышленников для общего дела.

Список литературы:

1. Государственный архив Волынской области (ГАВО) Ф. 73. Оп. 1.
2. ГАВО. Ф. 190. Оп. 1.
3. Гетьманчук Н. П. Политика Польши в отношении украинского образования в процессе реализации условий Рижского договора (1921–1939 гг.) // Военно-научный вестник Военного института при Национальном университете «Львовская политехника». – Львов, 2002. – Вып. 4. – с. 49–58.
4. Гетьманчук Н. П. Украинское образование в межвоенной Польше (1921–1939 гг.) // Сб. трудов науч.-практической конференции «Роль украинской гимназии в подготовке украинской элиты», посвященной 10-летию восстановления Львовской академической гимназии. – Львов: Львовская политехника, 2003. – с. 3–9.
5. Крамар Ю. Украинская начальная школа на Волыни в 1921–1926 гг. // Научный вестник Волынского государственного университета им. Леси Украинки: история. – Луцк, 1997. – Вып. 3. – с. 43–46.
6. Кучерепа Н., Давидюк Р. Волынское украинское объединение (ВУО) 1931–1939 гг.: монография. – Луцк, 2001. – 420 с.
7. Панасюк В. Источники по истории школ Волыни в межвоенный период. // Научный вестник Волынского государственного университета им. Леси Украинки: исторические науки. – Луцк, 1998. – Вып. 1. – с. 131–135.
8. Пономаренко С. Е. Деятельность Волынской школьной куратории в документах (1919–1939 гг.) // Научный вестник ВГУ им. Леси Украинки: исторические, филологические, философские науки. – Луцк, 2003. – Вып. 10. – с. 49–53.
9. Свинчук А. В. Основные направления культурно-образовательной политики польского правительства относительно Волыни в 20–30-х гг. XX ст. // Научный вестник Волынского государственного университета им. Леси Украинки. – Луцк, 2001. – Вып. 5. – с. 148–152.
10. Украинская гимназия в Луцке. Воспоминания: ЛУГ 1918–1939 гг. – Луцк, 1998. – 250 с.
11. Филипович М. Украинские школы и Луцкое «Просветительство» в 20–30-х гг. XX ст. // Сб. научно-методич. материалов и науч. статей Волынского государственного университета им. Леси Украинки. – Луцк, 1999. – Вып. 4. – с. 113–118.

*Denisov Sergei Ivanovich,
Ph. D. in History, Associate Professor,
Department of State and Law Theory and History,
Bryansk State University
E-mail: sergeidenis@yandex.ru*

Denikin auf der Theorie und Praxis des deutschen Faschismus

Abstrakt : Dieser Artikel stellt die Aussicht auf eine der führenden Figuren der russischen Ausland, Vertreter der russischen militärischen Elite Denikin auf der Theorie und Praxis des deutschen Nationalsozialismus in den Vorkriegs- und Kriegzeiten.

Keywords: Russische Emigration, Denikin, Faschismus, Nazi-Deutschland, Zweiter Weltkrieg, das Besatzungsregime.

*Денисов Сергей Иванович,
доцент кафедры теории и истории государства и права,
Брянский госуниверситет имени И. Г. Петровского,
г. Брянск, Россия
E-mail: sergeidenis@yandex.ru*

Деникин о теории и практике германского фашизма

Аннотация: В статье освещены взгляды одного из видных деятелей русского зарубежья, представителя российской военной элиты А. И. Деникина на теорию и практику германского национал-социализма в довоенный и военный периоды.

Ключевые слова: русская эмиграция, Деникин, фашизм, нацистская Германия, вторая мировая война, оккупационный режим.

Споры о белом движении и его роли в истории России, о месте и значении руководителей белого дела не утихают до сих пор. Одним из объектов исследования является фигура главнокомандующего вооруженных сил юга России генерала Антона Ивановича Деникина.

Часть историков поддерживает советскую точку зрения. Для них Деникин — руководитель вооруженных сил, воюющих против собственного народа. Они указывают на белый террор, насилие и беззаконие, царившее в тылу деникинских войск, отсутствие определенной экономической и политической программы. Они считают Деникина наёмником Антанты, который выражал её интересы и в случае своей победы отдал бы Россию в кабалу иностранным державам [3].

Сочувствующие белому движению историки отмечают исключительную честность Деникина и его преданность делу. Для них Деникин — борец с анархией и защитник России от смуты, патриот и талантливый военный деятель, которому удавалось два года успешно противостоять превосходящим силам большевиков [1; 2].

Без сомнения, обе точки зрения являются поллярными. А истина, скорее всего, находится где-то посередине.

В центре данной статьи взгляды и деятельность А. И. Деникина по отношению к фашизму в 30-е — первой половине 40-х гг. прошлого века.

К началу тридцатых годов книги генерала Деникина были распроданы, второго их издания не предвиделось, доход от авторского гонорара прекратился, и семейство Антона Ивановича снова попало в полосу безденежья.

Антон Иванович решил время от времени читать публичные лекции на тему о международном положении. Эти лекции потом издавались в виде маленьких книжек-памфлетов, которые ходко распродавались и служили денежным подспорьем. Автор преследовал не только материальные цели. Ему было чем поделиться со своими соотечественниками и что им сказать. Он затрагивал принципиальные вопросы, к которым относился чрезвычайно серьезно. Осуждал споры и разногласия в разных русских организациях, осуждал появившееся самодовольное убеждение, что именно они есть «соль земли», что только им предстоит строить Россию».

После двенадцати лет молчания и почти отшельнической жизни А. И. Деникин, начиная с 1932 года, решил вмешаться в дела русской эмиграции. Причиной тому была угроза целостности России, надвигавшаяся на нее и с востока, и с запада.

По свидетельствам очевидцев, он умел и любил говорить, речи его не были сухими и лаконичными по форме. Л. Д. Любимов вспоминал такой факт. На одном из публичных докладов Деникин обрушился на тех, кто проповедовал, что стоит только гитлеровским дивизиям хлынуть через советскую границу, как Красная Армия обязательно побежит. «А может, не побежит! — патетически воскликнул Деникин. — Нет, не побежит. Храбро отстоит русскую землю, а затем повернет штыки против большевиков» [4, 277].

Годы, предшествовавшие второй мировой войне, Деникин посвятил попытке создать такую «концентрацию сил» для защиты русских национальных интересов. Он предостерегал эмиграцию от увлечения немецким национал-социализмом, как средством борьбы с коммунизмом. Оставаясь непримиримым к советской власти, Деникин боролся против существовавшего в некоторых кругах эмиграции «пораженчества», допускавшего всякое чужеземное нашествие, лишь бы свергнуть большевиков.

В 1934 г. появляется в виде отдельной брошюры публикация его статьи на 15 страницах под названием «Международное положение, Россия и эмиграция».

В начале статьи автор выделяет в качестве главных факторов, влияющих на международные отношения: »последствия версальского и параллельных ему договоров, с одной стороны, и бытие советской власти — с другой».

Как следствие существование двух категорий государств, довольных итогами первой мировой войны и недовольных [5, 3]. Отвечая на вопрос о вероятности новой войны Деникин отмечает, что ни победители, ни проигравшие не желают новой войны по разным причинам. Первые, чтобы укрепить своё положение, вторе по причине слабости и неблагоприятной конъюнктуры. «Лишь те национальные задачи, которые ставят себе Германии и Япония, и те интернациональные задачи, которые преследует советская власть, могут быть разрешены вооруженным путём» [5, 3].

Таким образом, в центре европейских событий стоит гитлеровская Германия. В качестве позитивного вклада в мировом масштабе автор выделяет борьбу Гитлера против немецкого коммунизма: «Уничтожая один из очагов мировой заразы и указуя на полную возможность и сравнительную лёгкость уничтожения и других» [5, 9]. В то же время он резко критикует положения восточной программы Гитлера, так как это не результат прошлых заблуждений, а программа завтрашнего дня, на которой воспитывается нация.

Деникин обращает внимание на 5 тезисов этой программы. 1) Германскому народу нужна земля для колонизации в самой Европе; 2) Это может произойти только за счёт России; 3) Германию «интересуют» Финляндия, балтийские республики, Украина, "казацкие государства" Кавказ и Туркестан; 4) эти земли (Кавказ и Туркестан) должны быть отторгнуты от России, а большевизм останется достоянием Велikorоссии; 5) Они считают, что «германизировать можно лишь землю, а не людей» [5, 9]. Этот тезис вызывает, на наш взгляд, наибольшее неприятие автора. С негодованием приводит он цитаты из интервью немецких чиновников, опубликованные в эмигрантском издании «Часовой» и октябрьском номере печатного органа «Крестьянская Россия». В первом случае называется цена, которую требует Германия за интервенцию против Советов — «инициативы хозяйственного восстановления России». По мнению автора это приведёт к безграничному экономическому порабощению России. Вторая цитата более откровенно излагает цели германской политики по отношению к нашей стране.

«Германии совершенно необходимы для размещения излишков населения и для расширения её хозяйственной базы 8 или 10 губерний южной России. Овладение этой территорией тем или иным способом не исключая и войну, является первоочередной целью их политики». Комментарии излишни, как отмечает сам Деникин, нужно уметь читать и понимать прочитанное » [5, 9].

Обращаясь к национальным чувствам своих слушателей, Деникин называл Гитлера «злейшим врагом России и русского народа» [5, 9]. В январе 1938 г., выступая в Париже, он рассуждал о политическом реализме, о значении реальных ценностей в политической борьбе. «Итак, долой сентименты! — заявил 65-летний генерал. — Борьба с коммунизмом. Но под этим прикрытием другими державами преследуются цели, мало общего имеющие с этой борьбой... Нет никаких оснований утверждать, что Гитлер отказался от своих видов на Восточную Европу, то есть на Россию» [3, 172].

По мере того как опасность для России со стороны Японии меркла по сравнению с воинствующей угрозой Германии, Деникин твердо и определенно ополчился в своих докладах против немецкого национал-социализма и его вождя Гитлера.

Наиболее ярким его выступлением на эту тему был доклад «Мировые события и русский вопрос», сделанный в декабре 1938 года. Он ясно формулировал

точку зрения А. И. Деникина на роль русской эмиграции в случае войны между Германией и Советским Союзом:

«Наш долг кроме противобольшевистской борьбы и пропаганды проповедовать идею национальной России и защищать интересы России вообще. Всегда и везде, во всех странах рассеяния, где существуют свобода слова и благоприятные политические условия — явно, где их нет — тайно. В крайнем случае, молчать, но не славословить. Не наниматься и не продаваться.

Мне хотелось бы сказать — не продавшимся, с ними говорить не о чем, — а тем, которые в добросовестном заблуждении собираются в поход на Украину вместе с Гитлером: если Гитлер решил идти, то он, вероятно, обойдется и без вашей помощи. Зачем же давать моральное прикрытие предприятию, если, по вашему мнению, не захватному, то, во всяком случае, чрезвычайно подозрительному. В сделках с совестью в таких вопросах двигателями служат большей частью властолюбие и корыстолюбие, иногда, впрочем, отчаяние. Отчаяние — о судьбах России. При этом для оправдания своей противонациональной работы и связей чаще всего выдвигается объяснение; это только для раскачки, а потом можно будет повернуть штыки... Не повернете вы ваших штыков, ибо, использовав вас в качестве агитаторов, переводчиков, тюремщиков, быть может, даже в качестве боевой силы — заключенной в клещи своих пулеметов, — этот партнер в свое время обезвредит вас, обезоружит, если не сгноит в концентрационных лагерях. И прольете вы не «чекистскую», а просто русскую кровь — свою и своих напрасно, не для освобождения России, а для вящего ее Закабаления» [6]. В том же докладе в декабре 1938 года Деникин, считавший войну с Германией неизбежной, дал разбор нескольких ситуаций, где эмиграция могла принять участие в «час войны» в «русском деле».

Рассматривая вопрос взаимоотношения эмиграции и гитлеровского руководства, отмечает высокую степень эмоционального накала, неудачные переговоры в Берлинском МИДе, активную работу агентов гестапо за пределами Германии среди представителей русской диаспоры. Оставив за пределами своего повествования причины сотрудничества своих соотечественников с нацистами, Деникин обращает внимание на вопрос германо-русских отношений по существу. В том виде, как они сложились на тот момент объединения с рейхом земель, заселенных немцами. «Германия всеми силами стремится на Восток к Черному морю — обстоятельство, угрожающее не только Балканским государствам,

но и непосредственно России. Соответствуют ли эти планы интересам России? — задаётся он вопросом и полемизируя со сторонниками спасения России через союз с Гитлером, он напоминает о методах спасения, которые предлагает Германия. В частности одним из них является изоляция коренной России и активизация сепаратистских настроений» [6].

Его выступления против угрозы со стороны Германии способствовали дальнейшему, усилению в рядах эмиграции антигитлеровских настроений.

Во Франции во время оккупации фашистские власти поспешили взять под свой контроль всю жизнь русской эмиграции.

Политическое управление в оккупированной Франции хорошо, конечно, было осведомлено о взглядах Антона Ивановича. Его антигерманский настрой не мог быть секретом для немцев. Недаром некоторые из докладов Деникина, написанных и изданных в виде памфлетов-брошюр, попали впоследствии в германский «Указатель запрещенных книг на русском языке». Книги эти по приказу немецких властей «подлежали изъятию из книжных складов, магазинов и библиотек».

Тем не менее, немцы решили сделать попытку использовать имя А. И. Деникина в целях германской пропаганды. Местная германская комендатура в Мимизан снеслась с генералом Деникиным: может ли он принять коменданта Биарритца. На следующий день к домику Деникина подъехал автомобиль. К Антону Ивановичу явились германский комендант Биарритца, один из штабных офицеров и переводчик. Услуги последнего не понадобились, так как Ксения Васильевна, владевшая немецким языком, взяла на себя роль переводчицы. Предлогом для визита было якобы желание «засвидетельствовать свое почтение» известному русскому генералу. А настоящей целью — предложить ему перебраться из убогой обстановки французского захолустья в Германию. Комендант сообщил генералу Деникину, что его личный архив, переданный на хранение в Русский заграничный исторический архив в Праге, перевезен немцами в Берлин. Там в полном комфорте и довольствии генерал Деникин сможет продолжить свою научную работу историка. Затем, окинув беглым взглядом убогое помещение, в котором ютились Деникины, он добавил: «В Берлине, конечно, вы будете поставлены в другие, более благоприятные условия жизни» [7].

Деникин обратился к жене: «Спроси его: это приказ или предложение?» И когда озадаченный комендант ответил, что это, разумеется, предложение, Деникин коротко отрезал: «Тогда я остаюсь здесь».

Немец понял, что дальнейший разговор бесполезен. Он встал, отдал честь, но перед уходом всё же спросил: «Может быть, мы здесь можем быть вам полезны?» На что получил ответ: «Благодарю вас, мне ничего не нужно».

Попытка немцев вовлечь генерала Деникина в свою орбиту не удалась. Но попытки сближения с Деникиным не прекратились на этом [7].

Каждую неделю Деникиным наносил в Мимизане визит офицер фашистской комендатуры, проверяя, не готовятся ли они покинуть свое место жительства (оставлять его им было строгойше запрещено). Время от времени фашисты устраивали обыски в доме, пытались найти «подрывную литературу», и в первую очередь сочинения самого Антона Ивановича, представляющие в невыгодном свете политику Германии или порочащие нацистских главарей...

По указке из Берлина Антона Ивановича начали подвергать яростной травле всякие тёмные личности из окружения генерала Краснова, активно поддерживавшего нацистов. Так, в газете «Парижский вестник», выпускаемой немцами на русском языке, появилась статья некоего полковника Феличкина. Сей псевдо-публицист, рассуждая о коварной роли «жидомасонов» в русской революции, выдавал тирады подобного рода: «Ярый противник сближения России с Германией, Деникин, парализуя дальновидную политику генерала Краснова, на наших глазах уже перешел в жидомасонский лагерь». Антон Иванович только горько усмехнулся, когда ему пересказали эту глупость.

«В своем подневольном уединении во время немецкой оккупации, — писал впоследствии Антон Иванович, — мы с женой переводили на русский язык и распространяли среди русской эмиграции особенно откровенные излияния видных немецких деятелей в их прессе и радио».

Они действительно подобрали серьёзный материал, основанный на официальных заявлениях и речах вождей нацизма, где откровенно высказывалось не только полное презрение ко всему русскому, но и решение использовать русские территории в чисто германских целях.

Освещая подлинные цели нацистов — усилия Деникина были направлены как против врага внешнего — немцев, так и против их сторонников русского происхождения, именно тех, кого Деникин презирал и считал изменниками и кто, несмотря на очевидность, — продолжал проповедовать «крестовый поход».

Интересно отметить, что в то жуткое время, когда повсюду процветали доносы, обошлось без

предателей и что материал, составленный Деникиным и его женой, не попал в руки гестапо.

А работал Деникин, кроме всего прочего, еще над сбором материалов о германских зверствах, о бесчеловечном отношении немцев к русским военнопленным, о ходе войны, о России, о зарубежье.

Приведенные ниже выдержки из дневника помогут окончательно рассеять существовавшее в некоторых кругах мнение о том, что генерал Деникин был якобы антисемитом.

4 июня 1942 года

«Восьмой приказ против евреев... разве это борьба, разве это подобает великой нации такое позорное и мелочное издевательство»!

«Вот приказ немецкого начальства, — и Ксения Васильевна цитирует: «хорошо теперь известные распоряжения касательно евреев (ношение на груди желтой шестиконечной звезды с надписью» и т. д.), глубоко оскорбительные достоинству всякого человека».

Из беседы с солдатами РОА: — Скажите, генерал, почему вы не идете на службу к немцам? Ведь вот генерал Краснов...

— Извольте, я вам отвечу: генерал Деникин служил и служит только России. Иностранному государству не служил и служить не будет [7].

Советскому правительству из донесений разведки было известно о патриотической позиции Деникина в годы войны. Недаром Сталин даже не пытался ставить вопрос перед союзниками по антигитлеровской коалиции о насильственной депортации его в СССР, как, например, поступили с генералами Красновым, Шкуро, Султан-Клыч Гиреем и подобными коллаборационистами. Однако Антон Иванович о благожелательном отношении к себе советских властей (оно, впрочем, держалось в тайне от мировой общественности) не знал. Возвратившись в Париж в июне 1945 года и опасаясь, что его тоже депортируют в СССР, он вскоре переехал в США вместе с женой (дочь Марина осталась жить во Франции) [8]. Когда союзники стали передавать советским властям некоторых бывших белогвардейцев и советских военнопленных, вступивших в Русскую освободительную армию (РОА) генерала А. Власова, Деникин, зная, что ожидает их в сталинской России, обратился с письмом к генералу Эйзенхауэру. «Как солдат солдата», он просил не допустить гибели этих людей. Ответа не последовало. В 1946 году Деникин написал и направил правительствам США и Англии меморандум под названием «Русский вопрос». В нем он разъяснял, какой должна быть позиция Запада в случае военного столкновения с Советским Союзом [9].

Ни в коем случае не следует повторять просчета Гитлера, который не только стремился свергнуть коммунизм, но и воевал с русским народом. «Война, — говорилось в записке, — должна вестись не против России, а исключительно для свержения большевизма. Нельзя смешивать СССР с Россией, советскую власть с русским народом, палача с жертвой. Если война начнется против России, для ее раздела и балканизации (Украина, Кавказ) или для отторжения русских земель, то русский народ воспримет такую войну опять как войну Отечественную. Если война будет вестись не против России и ее суверенности, если будет признана неприкосновенность исторических рубежей России и прав ее, обеспечивающих жизненные интересы империи, то вполне возможно падение большевизма при помощи народного восстания или внутреннего переворота»

[10]. Судя по стратегии борьбы с коммунизмом, проводившейся Западом на протяжении многих десятилетий, советы многоопытного борца с большевизмом не остались незамеченными. Однако сам Антон Иванович, кажется, не предпринимал действий к их дополнительному развитию. И, прежде всего, из-за резкого ухудшения здоровья. Его поместили в больницу Мичиганского университета. В предчувствии развязки он сказал Ксении Васильевне: «Вот, не увижу, как Россия спасется». 7 августа 1947 г. сердце его остановилось. Деникина хоронили с воинскими почестями как главнокомандующего союзной армии по первой мировой войне. Потом его прах перенесли на русское кладбище Святого Владимира в местечке Джексон (штата Нью-Джерси). В 2005 г. его прах был перенесён в Россию и погребён у стен Донского монастыря в Москве.

Список литературы:

1. Салов О. А. Белое движение в Гражданской войне на Юге России (ноябрь 1917 – 1920 гг.). Историографическое исследование. Моногр. – М., – ПИУ, – 2007.
2. Ушаков Александр Иванович. Антибольшевистское движение в годы гражданской войны в России. Отечественная историография: Дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.09: – М., – 2004.
3. Шкаренков Л. К. Агония белой эмиграции. – М.: Мысль, – 1987.
4. Любимов Л. На чужбине. – М., – 1963.
5. Деникин А. И. Международное положение, Россия и эмиграция Париж Издатель [Editions et imprimerie rapide de la presse] – 1934.
6. Деникин А. И. Мировые События и Русский Вопрос Париж 1939 [электронный ресурс] – Режим доступа. – URL: http://lib.russian.sumy.ua/down/open/russkiy_vopros.html (Дата обращения 27.05.2011).
7. Лехович Д. Белые против Красных. Судьба генерала Антона Деникина [электронный ресурс] – Режим доступа. – URL: <http://lib.rus.ec/b/89102/read>
8. Пронин Александр. Рыцарь без страха и упрека [электронный ресурс] – Режим доступа. – URL: http://bratishka.ru/archiv/2006/6/2006_6_15.php
9. Г. Иоффе А. А. Генерал Деникин: "... Народ снизу доверху пал так низко..." // Наука и жизнь – 2004 г. – № 12 [электронный ресурс] – Режим доступа. – URL: <http://www.nkj.ru/archive/articles/781/>
10. Козлов А. И. Жизнь и судьба русского генерала Антона Ивановича Деникина // РЭГ № 22–23 [28–29], – 1999. – [электронный ресурс] – Режим доступа. – URL: <http://militera.lib.ru/bio/kozlov/index.html>

*Kulinich Maria Yuryevna,
Taras Shevchenko National University of Kyiv,
postgraduate student, the Faculty of History
E-mail: cool-mary@mail.ru*

Collections of archives of Ukrainica: transfer and modern localization in the archives of Ukraine

Abstract: The author discusses the process of organizing the resumption collections of archives of Ukrainica in Ukraine. The article describes the main storage centers of archival collections, as well as the reviews the archival collections of the foreign Ukrainica returned or transferred to Ukraine.

Keywords: the State policy, the archival Ukrainica, archival institutions of Ukraine, the Ukrainian diaspora.

Кулинич Мария Юрьевна,
Киевский национальный университет имени Тараса Шевченко,
аспирант, Исторический факультет
E-mail: cool-mary@mail.ru

Коллекции архивной украиники: организация передачи и современная их локализация в архивах Украины

Аннотация: Рассматривается процесс организации передачи в Украину коллекций архивной украиники. Характеризуются основные центры хранения архивных собраний, а также осуществляется обзор возвращенных или переданных архивных коллекций зарубежной украиники.

Ключевые слова: государственная политика, архивная украиника, архивные учреждения Украины, украинская диаспора.

Одно из приоритетных направлений государственной политики Украины — это сохранение культурного наследия, предотвращения его хищения и содействие приумножению национального богатства нации. Неотъемлемой составляющей культурного достояния украинцев, а именно документальным отражением исторической, политической, социальной и культурно-художественной жизни страны и ее народа являются архивы. Учреждения, которые хранят архивные материалы, всегда были стратегическими объектами государственного значения, а коллекции и собрания, которые составляют их фонды — бесценны. Именно поэтому, украинское государство направило свои усилия на восстановление и пополнение Национального архивного фонда, что тесно связано с проблемой реституции и возвращения архивного наследия в Украину.

Первоочередные задачи реализации государственных инициатив по возвращению архивной украиники заключались в создании теоретического базиса, а именно законодательно-нормативной и научной базы для работы над вопросами реституции и возвращения архивного наследия, образовании специальных органов власти, целью деятельности которых — организация процесса возвращения архивной украиники. Кроме того, большое внимание уделялось установлению международных контактов Украины с другими странами мира на государственном, отраслевом и частном уровне, а также заключению договоров о сотрудничестве в сфере культуры и архивного дела.

Следующим шагом в решении вопроса возвращения архивного наследия стало практическое обеспечение передачи документов архивной украиники в украинские архивохранилища. Организацию и координацию этого процесса взяли на себя непосредственные его участники. Со стороны Украины — Министерство

внутренних дел Украины, Министерство культуры Украины, Национальная комиссия по вопросам возвращения в Украину культурных ценностей (с 2000 г. — Государственная служба контроля за перемещением культурных ценностей через государственную границу), Государственная архивная служба Украины и соответствующие органы государственной власти со стороны иностранных государств, которые становились посредниками между потенциальными фондообразователями и научными и архивными учреждениями Украины.

Подавляющее большинство документов поступило на хранение в архивы Украины от частных лиц, диаспорных организаций и обществ, а также научных учреждений зарубежных стран. Кроме этого, архивные материалы поступали от отдельных лиц и учреждений, которые действуют в Украине и сотрудничают с отдельными организациями (лицами) украинской диаспоры [2, 39–43].

Однако, среди представителей украинской диаспоры, которые были главными фондообразователями коллекций архивной украиники все еще продолжала существовать значительная степень недоверия к государственным архивным учреждениям, вероятными причинами которой были медленные темпы десоветизации системы архивных учреждений, недостаточная информационная кампания среди общественности о реальной возможности обеспечения максимального уровня сохранности архивных документов ведущими архивами страны.

Тем не менее, целенаправленная и последовательная работа Государственной архивной службы Украины и высших органов власти по популяризации архивного дела и совершенствования представительского уровня архивных учреждений, а также рост профессиональной квалификации их сотрудников, положительно повлияла на количественные показатели архивных

поступлений в архивохранилища Украины. За период 1991–2013 гг. по количеству передач архивных материалов лидирует США, Канада и Российская Федерация. Наибольшее количество документов поступило в 1994, 2006, 2010–2012 гг., а наименьшие показатели наблюдались в 1991–1993 гг., 2002–2004 гг. и 2007–2008 гг.

География поступлений документов архивной зарубежной украиники охватывает страны Западной и Восточной Европы (Германия, Франция, Великобритания, Италия, Швейцария, Австрия, Финляндия, Хорватия, Венгрия, Словакия, Чехия, Румыния, Польша, Беларусь, Россия), а также Соединенные Штаты Америки, Канаду, Бразилию, Израиль и т. д. [3, 26–37].

Главными центрами хранения архивной украиники стали государственные архивы Украины: центральные (Центральный государственный архив-музей литературы и искусства Украины, Центральный государственный архив высших органов власти и управления Украины, Центральный государственный исторический архив Украины, г. Киев, Центральный государственный исторический архив Украины, г. Львов, Центральный государственный кинофотофоноархив Украины имени Г. С. Пшеничного, Центральный государственный архив общественных объединений Украины, Центральный государственный архив зарубежной украиники), архивные учреждения Национальной академии наук Украины (Отдел рукописных фондов и текстологии Института литературы имени Т. Г. Шевченко, Институт рукописей Национальной библиотеки Украины им. В. И. Вернадского, Институт украинской археографии и источниковедения им. М. С. Грушевского), государственные библиотеки (Национальная историческая библиотека Украины, Национальная парламентская библиотека Украины), библиотеки университетов (Научная библиотека Национального университета «Киево-Могилянская академия», Библиотека Национального университета «Острожская академия»), а также общественные научные организации (Центр исследований освободительного движения, Союз писателей Украины).

Архивные документы, поступающие на хранение, распределялись среди научных институций согласно профилю учреждения, а также пожелания фондообразователя. Таким образом, официальные документы, касающиеся истории Украины передавались в Центральный государственный архив высших органов власти и управления Украины, Центральный государственный исторический архив Украины в г. Киеве и Центральный государственный исторический архив

Украины в г. Львов. Документы личного происхождения заняли место среди фондов Центрального государственного архив-музея литературы и искусства Украины, в архивных учреждениях НАН Украины и в научных архивах при университетских библиотеках, а сохранность кинофотофонодокументов становилось главной миссией Центрального государственного кинофотофоноархива Украины имени Г. С. Пшеничного. В свою очередь, книжные коллекции пополняли книжные фонды государственных библиотек Украины [4, 34–44].

Система такой приблизительной классификации документов и их потенциального места хранения была связана с отсутствием единого центра хранения документов зарубежной архивной украиники. Создание в 2007 году Центрального государственного архива зарубежной украиники (ЦГАЗУ) стало чрезвычайно важным событием, которое повлияло на развитие архивного дела в Украине, взаимодействие с зарубежными украинцами и способствовало обогащению Национального архивного фонда документами, которые составляют культурное наследие украинской нации и находятся за рубежом [5, 100].

За семь лет существования Центрального государственного архива зарубежной украиники было сформировано 52 архивных фонда. Большинство материалов, которые поступили на постоянное хранение в архив, составляют коллекции личного происхождения, фондообразователи которых известные ученые и культурные деятели: И. Гаврилюк, О. Кобылянская, И. Попель-Сулима, А. Сухенко, А. Артимович, С. Антоненко, П. Зленко, В. Гренджа-Донской и другие. Кроме того в архиве хранятся коллекции документов украинских эмиграционных обществ, учреждений, организаций, благотворительных фондов, таких как: Украинское студенческое объединение в Австрии, Представительство украинских студенческих обществ Австрии, Украинская молодежная лига Северной Америки, Всемирный конгресс свободных украинцев, Центральный союз украинского студенчества, Объединение украинцев Закерзонья и другие. Общая численность архивного фонда более 50 тысяч документов.

Хронологические рамки архивных фондов архива составляют XVI–XX ст., а география поступлений — США, Канада, Германия, Австрия, Великобритания, Бразилия, Словакия, Швейцария, Израиль, Франция. Передавали архивные материалы на хранение в ЦГАЗУ как частные лица (представители украинской диаспоры), так и общественные организации и общества.

Отдельного внимания заслуживают библиотечный и музейный фонды ЦГАЗУ. За годы существования архива были сформированы четыре библиотечных фонда (около 8 тыс. единиц), а также музейный фонд. Всего на хранении в ЦГАЗУ находится около 150 музейных предметов [6, 19–24].

Кроме функционирования упомянутого профильного учреждения, архивная украиника стала отдельным комплексом архивных документов, которые интегрировались в фонды Центрального государственного архив-музея литературы и искусства Украины (ЦГАМЛИ Украины), который хранит документы государственного, общественного и личного происхождения, которые характеризуют историю украинского литературно-художественного процесса за период с конца XVIII ст. до наших дней.

Архив-музей активно комплектуется документами деятелей литературы и искусства украинской диаспоры из Австралии, Бразилии, Канады, США, Германии, России, Великобритании, Словакии, в частности: А. Довженко, В. Вовк, А. Черинь-Паньків, Н. Бутовича, А. Мазуренко, Л. Морозовой, Е. Садовського, В. Коротича, А. Струка, Н. Светличной, И. Скальчука, Л. Грабовского, В. Авраменко. Пополнение архива документами архивной украиники было наиболее активным в 1993–1997 гг. Процесс фондирования архив-музея продолжается, вместе с тем растет интерес к личным архивам и творческому наследию выдающихся деятелей культуры и науки.

За период 1991–2013 гг. Центральный государственный архив высших органов власти и управления Украины (ЦДАВО Украины) получил на хранение из Чехии архив актера Н. Садовського, из Франции архив ученого С. Сирополко, из Канады архивные материалы Государственного центра УНР в изгнании (1942–1991) и коллекцию документов УПА и украинского вооруженного подполья.

Архивные фонды Центрального государственного исторического архива в г. Львов пополнились архивными документами из Польши — архивом Общества «Просвещение», из Австрии — личными документами физика и общественного деятеля И. Пулюя и др.

Центральный государственный исторический архив в г. Киеве обогатил свои фонды бесценными документами семейного архива Скоропадских, который был передан из США. Еще одним документальным приобретением архива стала коллекция микрофильмов с копиями дипломатической корреспонденции между консульством США в Одессе и Государственным департаментом.

Кинофотофонодокументы из заграницы заполнили архивохранилища Центрального государственного архива кинофотофонодокументов Украины им. Г. С. Пшеничного, в частности вернулись фотодокументы, вывезенные в Германию во время Второй мировой войны — фотоархив Айнзацштабу рейхслайтера Розенберга, а также документальные, научно-популярные и художественные фильмы производства украинских студий 1927–1959 гг. из Федерального архива ФРГ.

В Центральный государственный архив общественных объединений Украины поступило незначительное количество документов по сравнению с другими архивами — коллекция документов из архива Б. Гаврилишина и документы по исследованию голодомора 1932–1933 гг. в Украине [4, 34–44].

Таким образом, организация перемещения коллекций архивной украиники осуществлялась путем многоуровневого международного сотрудничества на основе заключенных договоров о сотрудничестве в культурной сфере. Такими соглашениями регламентировались объемы и границы совместной деятельности в области культуры и науки, в частности в архивном деле. Кроме системы государственных и отраслевых договоренностей, имели место частные инициативы по передаче или дарению личных документальных коллекций архивным учреждениям Украины.

Процесс передачи также подкреплялся законодательно-нормативной базой, которая гарантировала надлежащие условия обеспечения сохранности документов и выполнения всех обязательств сторонами, которые передавали и принимали на хранение коллекции и собрания архивных материалов.

Распределение и размещение в архивохранилищах документов из новых поступлений осуществлялось согласно тематике документов и профильности архивных учреждений. Крупнейшими центрами хранения документов архивного украиники стали центральные государственные архивы, в том числе крупнейшие по количеству переданные диаспорные материалы сосредоточены в хранилищах ЦГАМЛИ Украины и ЦГАЗУ, за ними идут собрания ЦДИАК Украины, ЦГИАЛ Украины, ЦДАВО Украины, ЦГКФФА Украины имени Г. С. Пшеничного и ЦГАОО Украины. Значительная часть документов хранится в областных государственных архивах, архивных учреждениях Национальной академии наук Украины, государственных библиотеках, университетских библиотеках, а также в общественных научных организациях.

Такая локализация архивных документов не вполне способна обеспечить целостность архивных фондов и коллекций, но положительным сдвигом стало созданием единого учреждения, которое

специализируется на поиске, учете и хранении документов зарубежной україніки — ЦГАЗУ, и вопрос разрозненности собраний постепенно нивелируется.

Список литературы:

1. Кулініч М. Ю. Архівна україніка і діяльність Державної служби контролю за переміщенням культурних цінностей через державний кордон України (2000–2011 рр.): короткі підсумки // Архіви України. – 2013. – № 3.
2. Тихенко В. О., Горбунова Г. А. Особливості організації прийому документів зарубіжної україніки (з досвіду роботи ЦДАЗУ) // Бібліотекознавство. Документознавство. Інформологія. – 2013. – № 2.
3. Список культурних цінностей, повернутих в Україну у 1993–1997 роках // Повернуто в Україну. – Київ: Танант, – 1997. – Вип. 1.
4. Реєстр культурних цінностей, повернутих в Україну (2000–2009 рр.) // Врятовані. Збережені. Повернені: До 10-річчя Державна служби контролю за переміщенням культ. цінностей через державний кордон України. – К.: Державна служба контролю, – 2010.
5. Берковський В. Г. Поповнення Національного архівного фонду документами архівної україніки (2010–2011 рр.) // Архіви України. – 2011. – Вип. 1 (272).
6. Kulinich M. J. The Central State Archives of Foreign Ucrainica as documentary center of Ukrainian Diaspora // Proceedings of the 1st International Conference on History and Political Sciences. «East West» Association for Advanced Studies and Higher Education GmbH. – Vienna. – 2014.

*Tabeykina Galina Alexandrovna,
Kazan State University of Architecture and Civil Engineering,
Associate Professor, Department of History and Cultural Studies
E-mail: climy123@mail.ru*

Tolerance as perspective of world civilization in the twenty-first century

Abstract: Mankind is confronted with global challenges of our time, gets the daunting task of unification, the solution of which he will devote all his intellectual and spiritual strength. Hence the need to revise the very ideal of civilization, which today is based on the cult of power and domination over the objects.

Keywords: “axial age” customs paradigm, civilization, evolution, tolerance, intolerance.

*Табейкина Галина Александровна,
Казанский государственный архитектурно-строительный
университет, доцент, кафедра Истории и культурологии
E-mail: climy123@mail.ru*

Толерантность как перспектива развития мировой цивилизации в XXI веке

Аннотация: Перед человечеством, столкнувшимся с глобальными проблемами современности, встает грандиозная задача объединения, решению которой ему придется посвятить все свои интеллектуальные и духовные силы. Отсюда возникает потребность пересмотра самого идеала цивилизации, которая сегодня основана на культе силы и на господстве над объектами.

Ключевые слова: «осевое время», обычаи, парадигма, цивилизация, эволюция, толерантность, интолерантность.

На рубеже XX — XXI вв. стало вполне очевидным, что мировая цивилизация стоит на пороге нового осевого времени истории. Любой подъем человечества

сопровождается обращением, возвращением к осевой эпохе, всякий духовный взлет может быть назван ренессансом осевой эпохи.

Термин «осевое время» К. Ясперс использует для обозначения исторического периода, положившего начало историческому единству мира. В осевое время была заложена «духовная основа человечества», определившая все его последующее развитие. Именно тогда человек попытался осознать бытие в целом, самого себя и свои границы. «Перед ним открывается ужас мира и собственная беспомощность. Стоя над пропастью, он ставит радикальные вопросы, требует освобождения и спасения» [1, 33]. Он осознает свои границы, свое бессилие перед «последними вопросами бытия» — перед смертностью, конечностью, хрупкостью своего существования перед трагической виной, Все эти вопросы вырастают в один общий — о смысле человеческого существования, о смысле бытия. «Этот процесс заставил подвергнуть анализу все бессознательно принятые ранее воззрения, обычаи и условия... В той мере, в какой воспринятая в традиции прошлого субстанция была еще жива и действенная, ее явления проявлялись, и она тем самым преображалась» [1, 33].

Подлинная связь между народами, как показывает К. Ясперс, — духовная, а не родовая, не природная. Именно то обстоятельство, что очаги напряженной, рефлексированной духовной жизни возникли параллельно в разных, далеких друг от друга культурах, служит для него важнейшим основанием для веры в духовное единство человечества, питаемого из таинственного, трансцендентного источника.

Перед человечеством, столкнувшимся с глобальными проблемами современности, встает грандиозная задача объединения, решению которой ему придется посвятить все свои интеллектуальные и духовные силы. Эта задача не может быть решена без нового взгляда на духовные истины, которые на протяжении веков несли людям ободрение и утешение, без иного интеллектуального и нравственного климата на планете. Отсюда возникает потребность пересмотра самого идеала цивилизации, которая сегодня основана на культе силы и на господстве над объектами.

Человечество настолько продвинулось по пути эволюции, что его запросы и ожидания связаны не только с материальным улучшением, но и с новым откровением истинных духовных ценностей и реализацией их в практике человеческих отношений. Современный мир требует становления альтернативной модели цивилизации, ориентированной на органическое единство и братство человечества. Для этого необходимы нетрадиционные пути осмысления действительности и самопознания. Поиск

взаимопонимания и сотрудничества между людьми должен возобновиться в невероятной энергии.

Парадигма толерантности (религиозной, социальной, политической, расовой, этнонациональной и пр.) дает иную, противоположную современной, модель существования человечества. Толерантность связана с иным типом восприятия мира, иным типом мышления, иным способом жизни.

В своей основе толерантность является моральной проблемой отношения к «другому» как к равнодостоинной свободной личности. Она выражается в настроенности личности на равноправное общение, что выражается, во-первых, в отказе от претензии на монопольное обладание истинной, признание собственной погрешимости, а во-вторых, в уважении права «другого» на отличие. Толерантность личности состоит в добровольном, сознательном подавлении чувства неприятия, вызванного определенными как внешними (расовые, этнонациональные особенности и т. д.), так и внутренними (исповедуемая религия, чтимые традиции, нравственные предпочтения) свойствами другого.

В терминологии отечественной философской традиции проблема толерантности — это проблема терпимости. Терпимость является характеристикой мужества и внутренней стойкости человека, которые необходимы для сохранения его целостности. Она показывает его миротворческую открытость, не боящуюся духовной конкуренции. В переходные периоды общественной жизни, особенно при переходе от тоталитаризма к плюрализму, терпимость становится наиболее актуальной и возникает повышенной интерес к проблемам, связанным с совестью человека. Отношения терпимости основаны на методах убеждения, духовной конкуренции и поиске компромиссных решений, которые противопоставлены проявлению насилия во всех его формах.

Толерантность — это результат и реальная основа синтеза различных культурно-цивилизационных систем, который востребован логикой мирового процесса на рубеже XX — XXI вв. Каждая локальная культура и цивилизация должны реабилитировать опыт других культур и цивилизаций не только как равноправный, но и как расширяющий горизонт собственного бытия. Это позволит каждой культурно-цивилизационной системе преодолеть свой эгоцентризм. Ценности разных локальных культур и цивилизаций несопоставимы и несоизмеримы, среди них не может быть никаких эталонов, заданных одной из культурно-цивилизационных систем.

Толерантность — это выражение внешней и внутренней свободы как средства воспитания способности к продуманному выбору между альтернативными мнениями и способами поведения. Феноменологической основой теории толерантности является отношение «я» — «другой», реализующееся в диалогическом общении. Специфика проблемы толерантности заключается в том, что она возникает только тогда, когда «другой» вызывает отрицательную реакцию, провоцирует враждебность со стороны субъекта толерантного отношения.

Диалог — особый вид общения, при котором достигается известная свобода от стереотипов при оценке «другого» и присутствует стремление к достижению взаимопонимания. Толерантность выражается в настроенности на диалог, на равноправное общение. Гуманитарный диалог культурно-цивилизационных систем сегодня актуален как никогда. Он обогащает локальные культуры и цивилизации, поскольку в его рамках иная культурно-цивилизационная система рассматривается не как граница своих возможностей, а как расширение этих возможностей. Диалог связывает коммуникабельность культурно-цивилизационных систем не с их подобием, а с их различием. Именно в таком диалоге каждая локальная культура и цивилизация обретают вновь свою идентичность, возвращаются к своим истокам. В конце XX века, как указывает В. С. Библер, «культура способна жить и развиваться (как культура) только на грани культур, в одновременности, в диалоге с другими целостными, замкнутыми «на себя» — на выход за свои пределы — культурами. В таком конечном (или изначальном) счете действующими лицами оказываются отдельные культуры, актуализированные в ответ на вопрос другой культуры, живущие только в воплощениях этой иной культуры» [2, 286].

Гуманитарный диалог поможет преодолеть противоречия между собственной и инородной культурно-цивилизационной системами, между потребностью в развитии и сохранении стабильности. Он позволяет акцентировать внимание на истинных ценностях жизни, в равной мере авторитетных и значимых для всех культур и цивилизаций.

Толерантность, как жизненно важный в современных условиях принцип, не распространяется на идеи и практики, которые являются интолерантными: пренебрегают витальными и социальными правами индивида, отрицают и подавляют их путем физического и духовного насилия, монополизируют истину, не признают автономию личности, ее моральное право на сохранение и развитие своей индивидуальности. Толерантность имеет свои границы, ее абсолютизация может привести к опасной практике, к распространению в общественной жизни однозначно нетерпимых явлений.

Проблема практического воплощения принципа толерантности непосредственно связана с духовным восхождением личности, которое предполагает принятие толерантности как образа жизни. Каждый человек должен приостановить насилие, прежде всего в самом себе: над своим телом, душой и мыслями. Для этого требуется личное внутреннее усилие для преодоления собственного или коллективного эгоизма. При интолерантных отношениях доминируют отчужденность и враждебность, неприятие «другого» как чужого, сознательное преувеличение различий и того, что разделяет. Забвение толерантности разрушает согласие, солидарность и единство между людьми. Толерантность же, являясь созидательной и миротворческой силой, повышает сознательность, способствует увеличению добра и любви, поиску истины и гармонии в человеческих отношениях.

Список литературы:

1. Ясперс К. Смысл и назначение истории. — М., — 1991, — с. 33.
2. Библер В. С. От наукоучения — к логике культуры: два философских введения и двадцать первый век. — М., — 1991, — с. 286.

Section 4. Cultural studies

Секция 4. Культурология

*Ismayilova Elnara,
Azerbaijan Tourism Institute,
Teacher of Azerbaijan Tourism Institute
Email: allaqiyeva@yahoo.com*

Sheki as a cultural tourism center

Abstract: The article about the Azerbaijan city and this place is very interesting for every tourists. There are a lot of ancient monuments and historical places in Sheki. You can see Azerbaijan traditions, old history, delicious cuisine and beautiful nature, too. Every tourists can stay in Caravanserai hotel, to walk forest Markhal, to eat delicious “Sheki halva” and watch old game of Azerbaijan “Chovgan” in Sheki city.

Keywords: Sheki; cultural tourism; historical places; Sheki Khan palace; Azerbaijan; Caucasus; Silk road.

Sheki-the ancient, historical, cultural and interesting part of Azerbaijan. Sheki is situated in the North-West of Azerbaijan and the highest mountainous peaks the Greater Caucasus Mountains around there are Khan Yaylaghi (1800 m.), Gizil Gaya (3000 m.) and Bazar Duzu (4430 m.). Everybody can see this city's name the historical writings of European, Arabic, Persian, Turkish, Georgian and Russian scholars. Sheki tourism center attracts ecotourism and cultural tourism lovers today, area's nature, mountains, river, climate, clean air and forests are interesting for every tourists. City has their own architectural style, because every houses' roofs are built from red bricks and when you watch city from mountains it is very amazing beauty for everybody. When the tour packages are created their included mosques, bathrooms, national museums, religious places and other monuments of city. Government protects 84 monuments today.

The old craft, silk and trade center Sheki is located on the way of the Great Silk Road. This impact to the build of the many caravansaries in this strategically area. In XVIII — XIX century a lot of European and Chine merchants came to this area and they stayed in the five caravansaries, but today the tourists can see only two of them [2, 106]. The government restores the hover caravansary today; upper caravansary is well known in the all Caucasus countries and used for the tourists as restaurant and hotel today. These caravansaries built with the river stones and red bricks, upper caravansary have 300 rooms and cellars, square is 6000 m². When the

tourists come to this city, they want especially to stay in this historical and cultural place.

Sheki is cultural and architectural reserve, many visitors love to be in Sheki Khan's palace (1760–1762 year) which has two floors. Every tourists interested on construction of the palace, because a single nail was not used and each room's window have their own mosaic in there is made in traditional style Shebeke (colored glass decoration), frescos about local traditions, wars scenes on the walls and ceilings. Albanian temple in Kish village (I century), Maiden Tower (Come and See) (VIII–IX century), Sheki fortress (1765 year) fortress is included to the every tours, too. The ancient church in the East is Albanian temple, this place was known by Thor Heyerdahl that is why there is this ethnographer's monument. Maiden Tower (Come and See) was built against the Persian Nadirshah, this fortress location is altitude for defense inhabitants. This place attracts not only cultural tourists but also extreme tourists [1, 226–227].

Sheki inhabitants are well known with their funny jokes and they have their own dialect, which is mainly spoken in the city. Several crafts are still supported in Sheki. The city still has street names that indicate the ancient professions — Duluzchular (potters), Zargarlar (jewelers), Halvachylar (confectioners) etc. Tourists can buy potter plates, silk products, handicrafts, jewelers and carpets with national ornaments. By the way, be sure to try the famous, mouth-watering Sheki baklava, which is manufactured and sold in numerous family confectionary

stores in the city center. It is a specific sweet and their you can eat Sheki piti, a stew created with meat and potatoes and prepared in a terracotta pot for 24 hours. Many restaurants, catering centers are decorated with the national ornaments, are serviced the international and domestic tourists.

Regularly international festivals celebrated in Sheki, one of them was the third “Silk road” international music festival, which continued from 30 June to 4 July in 2012 year. At that time, the inhabitants celebrated 250-year jubilee of “Sheki Khan’s palace”. Tasty meals

are amazed everybody and for that purposes the local persons have their own National Culinary festival. 23 September is the “City day” and every year in the center of the city are organized holidays, but the last year was the 2700th anniversary of city. The International Organization of Turkic Culture announced Sheki as the capital of intangible cultural heritage of Turkish nationalities in 2012 year. Sheki is a sister of the Bulgarian city Gabrovo, Georgia city Telavi, Ukraine city Zhmerynka, Turkey cities Giresun, Lapseki and Konya, Belarus city Slutsk.

Reference:

1. Азербайджан путеводитель. – Баку, – 2007, – AzerOlympic International, – 326 с.
2. Мəmmədov C. A., Bilalov B. Ə. Azərbaycanda gəlmə turizm və onun inkişaf yolları. – Bakı: Mütərcim, – 2004, – 212 səh.
3. Məmmədov E. Q. Azərbaycanda turizm bazarının formalaşması və idarə olunmasının regional xüsusiyyətləri, Bakı, – 2013, – 170 səh.
4. Namiq Heydərov, Təranə Heydərova. Təbiət abidələri və turizmin inkişafı, – Bakı, – “Təhsil” NPM, – 2011, – 168 səh.
5. Н. Р. Алиева. Развитие туризма в регионах Азербайджана в обеспечении занятости населения. – Баку, Европа, – 2010, – 196 с.
6. Shaki Khan Palace. The first Edition, – Tutu Publishers, – Bakı, – 2006, – 180 p.
7. Usubov Elxan, Cavanşir Feyziyev. “Şəki – Bayramlar və Ənənələr Şəhəri”. – Bakı. – 2013, – Şərq-Qərb.
8. Вокруг света Азербайджан. – Москва, – «Вокруг света», – 2010, – 260 с.

Section 5. Linguistics

Секция 5. Лингвистика

*Balko Marina Vladimirovna,
Donetsk law institute of Ukrainian Ministry of internal affairs,
Ph.D. in Philology, Associate professor of Ukrainian department
E-mail: marina.balko@yandex.ru*

Word-combinations of the modern Ukrainian built on the oxymoron: structure and semantics

Abstract: The article highlights the structural types and analyzes the mechanism of semantic compatibility of word-combinations' components of modern Ukrainian, which is built on the oxymoron. Great attention is given to the process of sectoral transformation that participates in the formation of such word-combinations.

Keywords: word-combination, oxymoron, semantic compatibility, sectoral transformation.

*Балко Марина Владимировна,
Донецкий юридический институт МВД Украины,
кандидат филологических наук, доцент,
доцент кафедры украиноведения
E-mail: marina.balko@yandex.ru*

Словосочетания современного украинского языка, построенные на оксюмороне: структура и семантика

Аннотация: В статье выделены структурные типы и проанализирован механизм семантической сочетаемости компонентов словосочетаний современного украинского языка, в основе построения которых лежит оксюморон. Особое внимание уделено процессу секторной трансформации, принимающему участие в образовании таких словосочетаний.

Ключевые слова: словосочетание, оксюморон, семантическое согласование, секторная трансформация.

Изучение синтагматических свойств слов в русском и украинском языкознании оформилось, помимо других, теорией словосочетания, имеющей внушительную историю (ср. труды В. В. Бабайцевой, В. В. Виноградова, И. Р. Выхованца, А. П. Загнитко, Н. Н. Прокоповича, Е. С. Скобликовой, Г. Н. Удовиченко, Н. Ю. Шведовой и др.). Вместе с тем словосочетание до сих пор остается одной из наиболее неоднозначных синтаксических единиц. Кроме того, в современных работах по теории словосочетания (ср., например, подход И. Р. Выхованца, Е. Г. Городенской и др., которого придерживаемся и мы) отстаивается мнение, отличное от классического, а именно: словосочетание связано деривационными отношениями с предложением (является, собственно говоря, свернутым предложением).

Словосочетания специфической структуры или семантики (например, синтаксически неделимые или фразеологизированные) представляют отдельный интерес. К таковым можно отнести и конструкции, построенные на основе оксюморона. Цель предложенной статьи заключается в рассмотрении структурных и семантических особенностей оксюморонных словосочетаний современного украинского языка.

Оксюморон (от греч. «острая глупость») — «фигура речи, состоящая в соединении двух антонимических понятий (двух слов, противоречащих друг другу по смыслу)» [1, 286]. Суть оксюморона состоит в нарочитом сочетании противоречивых понятий. Главное слово оксюморонного сочетания является семантической базой, а зависимое — актуализирует противоположные этой базе смы, создавая новые

понятия. Скрещенные в рамках оксюморона противоположности неотделимы друг от друга, иначе фигура удвоенного контраста была бы разрушена. Сочетания оксюморонного типа необходимо рассматривать не как нарушение языковой нормы, а как проявление скрытых возможностей языковых форм.

В современном украинском языке словосочетания, построенные на оксюморе, являются достаточно продуктивными. Они представлены в большинстве своем, безусловно, в художественной литературе, но в то же время употребляются и в публицистике (в том числе и интернет-изданиях), ср.: *Перегода живий мрець знову підвіся й знову лизнув крапельку на стінці* (П. Загребельний); *Усе відшукую на мапі, де б віднайти гарячий лід* (В. Стус); *Солодкий біль гіркої втечі Від цього світу я спиваю* (Ю. Бабак); — *Сергію Михайловичу, — сказав лаборант неголосно, коли генератор було вимкнено і запала дзвінка тиша* (М. Дашків); *Він повеселішав, наспівував з нею «Радуйся двере непроходима» і витирав сльози радості* (Б. Бойчук); *Красномовне мовчання плюс гіркі зітхання — комбайнобудування?* [8]; *Словом, не кваптеся, не перестарайтеся, поспішайте повільно* [9] і под.

З. Денисенко в оксюморе находит единство противоположностей, сложную диалектику, поскольку он предусматривает «сознательное сочетание резко контрастных понятий, логически якобы исключающих друг друга, но в действительности вместе дающих новое представление» [5, 134]. Подобного мнения придерживается и Л. Матвиевская, когда отмечает, что одной из предпосылок возникновения оксюморона является «возможность выражения в языке (с помощью антонимов и антонимических сочетаний) объективно существующих различий и противоречий реальной действительности, диалектического взаимодействия противоположностей» [6, 65]. Такое неожиданное сочетание логически несовместимых слов «несет одновременно большие коннотативные нагрузки. Существует много способов стилистического использования оксюморона. Палитра его звучания охватывает и возвышенные торжественные интонации, и интимно лирические, оксюморон может выражать и мягкий юмор, и колкую сатиру» [5, 134]. Лаконичность и образность оксюморона позволяют использовать его в названиях, ср.: произведения Ю. Мушкетика «*Жорстоке милосердя*», В. Стуса «*Веселий цвинтар*», Леси Украинки «*Без надії сподіваюсь*» или онлайн-игра «*Початок кінця*» и под.

На основании обобщения фактического материала выделяем такие структурные типы оксюморонных словосочетаний:

I. Подчинительные конструкции:

1. Имя существительное + согласованное с ним имя прилагательное, ср.: *Прізвища, прізвища. Вони виступали німим криком з білого каменю, рівними шеренгами, як солдати на ранковій перекличці* (І. Цюпа); *В день такий на землі розквітає весна і тремтить од солодкої муки* (В. Сосюра); *Звідтіл ми пішли, звідтіл, Де тісно — самому, а двом — просто-ро, Навишпінках за нами, навишпінках Йшло наозирці щасливе горе* (І. Драч); *Залиши проблеми вдома, Там, де крапка, буде кома, Там, де сніг, настане літо, Ти і я — дорослі діти!* [10] и под. Эта модель значительно преобладает над всеми остальными структурными типами оксюморонных конструкций, что можно объяснить следующим: основной массив противопоставлений в языке образуют слова, обозначающие качества, свойства, признаки предметов (а в украинском языке специализированным средством выражения признака является имя прилагательное), оксюморон же подчеркивает проявление этих свойств.

Оксюморонные словосочетания, как и любые другие сочетания рассматриваемой модели, образуются вследствие утраты признаковым компонентом предикативной составляющей и превращения его в чистый атрибут. Ср.: конструкция *безталаннее серденько*, выделяемая из предложения *Ох, я знаю, комусь-то вона Безталаннее серденько крає!* (Леся Українка), образуется в результате свертывания предикативной единицы *Серденько є безталанне (им)*. Подобную трансформацию можно провести и в случае с оксюморонными сочетаниями, ср.: *Коли краса стає потворною?* [11] → *потворна краса*.

В случае словосочетаний, построенных на оксюморе, кроме рассмотрения такого «чисто» грамматического механизма их образования, необходимо учитывать еще и специфику семантической сочетаемости их компонентов. Поскольку оксюморонные конструкции активно образуются, являются понятными носителю языка (несмотря на противоречивость значений их компонентов), можно говорить, что они подчиняются действию закона семантического согласования, основоположником которого считается В. Г. Гак. Согласно этому закону два слова для образования правильного сочетания должны иметь общую дифференциальную сему или не иметь исключающих друг друга сем [3, 18]. В несколько более позднем варианте ученый подает такую трактовку указанного закона: «Основной закон семантической сочетаемости сводится к тому, что чтобы два слова составили правильное сочетание, они должны иметь,

кроме специфических, отличающих их сем, одну общую сему» [4, 375].

По мнению О. М. Соколова, оксюморон — это пример нейтрализации дифференциальных сем, суть которой заключается в том, что здесь происходит столкновение контрарных (полярных) сем семем двух языковых знаков [7, 78]. Действительно, анализ оксюморонных словосочетаний свидетельствует о действии такого семного варьирования. Ср., в соединении *теплый холод*, где *теплый* — ‘который имеет достаточно высокую температуру’, а *холод* — ‘низкая температура окружающей среды’, оба компонента объединяет интегральная сема ‘температура’, на фоне которой происходит столкновение контрарных дифференциальных сем ‘теплый’ и ‘холодный’, ср. *Пахоці з липи, теплый холод, котрий, мов літня вода, обдавав Свирида кругом, — розбудили у його голові якісь незнайомі йому ще думки* (Панас Мирний).

На наш взгляд, операцию семантического согласования компонентов оксюморонных словосочетаний можно пояснить, применив прием секторных трансформаций, предложенный Ж. Вейренком для словосочетаний с зависимым творительным падежом [2, 134]. Суть этого приема заключается в том, чтобы в семной структуре (семном ареале) главного слова найти сектор, покрываемый значением зависимого слова. Так, например, в словосочетании *сумне весілля*, представляющем собой название стихотворения А. Грицаюк, слово *весілля* содержит сему ‘невеселый праздник, на котором невеста плачет, прощаясь с девичеством и родителями’. Именно этот сектор семной структуры главного слова дал возможность образоваться анализируемому оксюморонному словосочетанию.

2. Имя существительное (И. п.) + имя существительное (Р. п.), ср.: *Я — раб волі депутатів* [12]; *Грузинські сльози щастя й горя торують український шлях* [13] и под. Такие словосочетания образуются вследствие редукции сказуемого исходной предикативной конструкции, ср.: словосочетание *сльози щастя* являются результатом свертывания предложения *Сльози ллються від щастя* и под.

3. Глагол + имя существительное (беспредложное или предложное), ср.: *Слова мовчать. Вони неначе сплять. Чи на вустах зненацька зачайлись? Ні! То вони мовчанкою кричать У душі збайдужіло-занімілі* (М. Артимович); *З ворогами треба дружити* [14] и под. Словосочетания этого структурного типа могут образовываться в результате разных трансформаций. Ср., например, сочетание *мовчанням поговорю*, выделяемое из предложения *Я їх люблю, я знаю їхню*

мову. Я з ними теж мовчанням поговорю (Л. Костенко), сформировалось вследствие конденсации двух высказываний *Я мовчу* + *Я поговорю*; конструкция *на всіх языках мовчить*, зафиксированная в предложении *Од молдованина до фінна На всіх языках все мовчить, Бо благоденствує!* (Т. Шевченко), образовалась в результате скрепления высказываний *Є всі язики* и *Все мовчить* и др.

4. Глагол + несклоняемое слово (наречие или деепричастие), ср.: *Плугом надрізані нерви оголених стебел Бодем збілілим безмовно кричать* (Б. Олійник); *Не жартуй наді мною, будь ласка, І, говорячи, не мовчи. Говорю я з тобою мовчки...* (В. Симоненко). Словосочетания этой модели также образуются вследствие разных трансформаций, чаще всего — в результате скрепления двух высказываний, ср.: словосочетание *мовчки говорить*, зафиксированное в загадке *Бачить — не бачить, чути — не чує, мовчки говорить, добре мудрує* (Нар. тв.), сформировалось как скрепление *Хтось говорить* и *Хтось мовчить* и под.

5. Наречие + наречие, ср.: *На «Гуморині» було страшенно весело* [15]. Такие словосочетания образуются в результате конденсирующих трансформаций типа *Це є приємним* + *Це є страшенним* → *Страшенно приємно бути відомою людиною* [16] и под.

II. Сочинительные конструкции, ср.: *А пісня без слова дзвінка та німая. Моя рука, гаряча і тремка, Торка її холодні полум'яні перса* (І. Драч). Сочинительные оксюморонные словосочетания репрезентированы комбинациями контрастных по значению имен прилагательных; они образуются как конденсация однотипных по своей структуре высказываний, ср.: *Чи замислювалися Ви над тим, що таке сумні та веселі речі?* [17] ← *Речі є сумні* + *Речі є веселі* и под.

Таким образом, оксюморонные словосочетания современного украинского языка представляют собой специфические подчинительные и сочинительные конструкции, в состав которых входят противоположные по значению слова различных частей речи — разнокоренные, однокоренные и ассоциативно противоположные. При этом создается абсолютно новое понятие, характеризующее с неожиданной стороны какое-либо явление или само представляющее новое явление. Но в то же время в этом новом понятии обязательно сохраняется логическая взаимоисключаемость прежних его составляющих. Оксюморон как стилистический прием показывает всю сложность и противоречивость изображаемых фактов, подтверждая, что язык, как и весь мир, состоит из противоречий.

Список литературы:

1. Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. – М.: Сов. Энциклопедия, – 1969. – 608 с.
2. Вейренк Ж. Синтаксический анализ творительного падежа // Исследования по славянскому языкознанию: сб. в честь 60-летия С. Б. Бернштейна. – М.: Наука, – 1971. – с. 129–139.
3. Гак В. Г. Проблемы лексико-грамматической организации предложения: автореф. дис... докт. филол. наук. – М., – 1968. – 36 с.
4. Гак В. Г. Семантическая структура слова как компонент семантической структуры высказывания // Семантическая структура слова. Психолингвистические исследования. – М.: Наука, – 1971. – с. 78–96.
5. Денисенко З. Оксиморон як засіб семантичного розузгодження між компонентами словосполучення // Наукові записки. – Вип. 31. – Серія: Філологічні науки (мовознавство). – Кіровоград: РВЦ КДПУ ім. В. Винниченка, – 2001. – с. 133–136.
6. Матвиевская Л. А. Оксюморон в творчестве М. Ю. Лермонтова // Русский язык в школе. – 1979. – № 4. – с. 64–68.
7. Соколов О. М. Основы имплицитной морфологии русского языка. – М.: Изд-во ГУ ДН, – 1997. – 203 с.
8. Электронный ресурс: <http://www.propozitsiya.com/>
9. Электронный ресурс: <http://doctor.wponline.com/post.php?id=585>
10. Электронный ресурс: <http://nashe.com.ua/song/3264>
11. Электронный ресурс: ukr.net>news/koli_krasa_sta_potvornoju-7774171
12. Электронный ресурс: <http://www.volynnews.com/news/policy/>
13. Электронный ресурс: <http://www.innovations.com.ua/ua/articles/op-manage/17848/>
14. Электронный ресурс: litopys.org.ua>suspil/sus64.htm
15. Электронный ресурс: day.kiev.ua>199327/
16. Электронный ресурс: nosexcity.blox.ua>2012/02/
17. Электронный ресурс: <http://yefimov.com.ua/?p=424>

*Kuzmenko Anastasia Olekseevna,
Oles' Honchar Dnipropetrovsk National University,
aspirant, the Faculty of Ukrainian and Foreign Philology and Art
E-mail: kuzunchik@email.ua*

Conceptual area of English infant discourse

Abstract: The article is devoted to system of representation of the world picture of a preschool aged child. The researches of native and foreign scientists in “concept” sphere are analyzed and the structural and hierarchical system “hyperconcept-hypoconcept-mezoconcept” with the main hiperconcept is developed. Furthermore, it is distinguished the main hyperconcepts of infant discourse such as Person, Household, Nature, Entertainment and Society.

Keywords: infant text, infant discourse, concept, hyperconcept, hypoconcept, mezoconcept, linguistic world picture.

The development of any language is densely related to the development of verbal folk. The current relevance of the article is in complex linguistic and conceptual research of English-language poetic infant discourse — the discourse of preschool aged children on the basis of English infant poems (countings, riddles, action songs, tongue twists and nursery rhymes). In fact, previous researches of scientists are executed in the aspect of not linguistics, but literary criticism and there scientific works are fragmentar (Atroshenko G. I. [1], Rusanivskiy V. M. [10], Bicknell T. [12], Hasan R. [13] etc.). First of all,

multidimensional researches of speech picture of the world of child and its conceptual filling in infant texts (literature for the children of preschool age and child's literature) are needed to solve this task. The infant discourse is the object of this scientific work. The aim of the research consists of such items as to find out conceptual dominants in perception of the world of a small recipient on the basis of English-language poetic infant texts, and the object is concepts that are most important for child's mind. The world view of a child depends on the basic ideas about the role of the language in life of each person. A language is the reflection

of folk culture, history, political system etc. The language helps a child to capture the world, to understand the phenomena, words, associations and others. With forming of language presentations a person has a language picture of the world of a man, people and society in general.

The language picture of the world is represented in leading words — concepts. The term “concept” in linguistics is simultaneously old and new. Only in 80th of XX century a notion “concept” appears as the term that is to explain units of psychical and psychological processes of our consciousness.

E. S. Kubriakova offers such determination of concept: “Concept is an operative unit of memory, mental lexicon, a conceptual system and a language of a brain, all picture of the world, quantum of knowledge. Major concepts are shown in a language” [5, 90–92].

B. I. Karasik presents a number of notions of concepts that are developed by different scientists: a concept is the personal comprehension, the interpretation of the objective value and a notion as a rich in content minimum of meaning [6, 412]; a concept is an abstract scientific notion that is created on the basis of certain vital notion [11, 246]; a concept is the essence of a notion, phenomenon in the semantic forms — in the character, meaning and in a symbol [4, 19–20]; concepts are original cultural genes that are included in the genotype of the culture, self-organized integrative functional and systematic multidimensional (at least three-dimensional) idealized form-buildings that are based on a notional or pseudo-notional background [7, 16–18]. B. I. Karasik characterizes concepts as “mental formations that present themselves as meaningful realized typified fragments of experience, that are kept in the memory of a man” [3, 59].

A. A. Zalevskaya determines a concept as an objectively existing, perceptive, cognitive and affective formation of a dynamic character in consciousness of a person unlike notions and values as products of a scientific description [2, 39].

Continuing researches of the phenomenon “concept”, scientist A. N. Prihodko structures hierarchically the types of concepts: macroconcept → hyperconcept → hypoconcept → mezoconcept → cataconcept. The scientist determines a macroconcept as “category mental units, that present common to all mankind notions” and marks that macro- and hyperconcepts are not marked with national specificity. The ethnic and cultural feature is found out the lower level ranks of abstraction — hypoconcepts [9, 183–184].

Ju. S. Nakonechna asserts that the main concepts in the language pictures of the world of folklore and modern

American written poetry discourse for children are concepts of daily occurrence: **Social Strata, Household, Entertainment, Music and Holiday**; emotional concepts: **Joy and Sorrow, Fear and Anger**. Concept **Social Strata** is divided into *high stratum, middle stratum* and *low stratum*; **Household** consists of *food, household items* and *household works*; **Entertainment** is structured by *games and tricks*, **Music** is represented by *talent for music, sounds, musical instruments*; **Holiday** — *holiday nominations, holiday attributes*. Emotional concepts **Joy and Sorrow, Fear and Anger** consists of the same items: *stimuli, subjects, reactions* [8].

Examining the small-format genres of English-language infant texts for children of preschool age, it is essential to distinguish such conceptual dominants of the world view of child of the English linguistic culture, that are joined in hyperconcepts: **Person, Household, Nature, Entertainment and Society**. Each of the presented hyperconcepts is divided into the row of hypoconcepts:

Person consists of **Face** and **Body, Feelings and Emotions, Relations, Names**: *Mother, father, /Sister, brother. /One, two, three, four, /We're the family of four* [14]!

A basic hyperconcept in perception of the world of child of preschool age is **Person** as on the early stages of the development a child begins to cognize himself/herself, the body, the family and family mutual relations, to get acquainted with same-aged people and emotionally perceives every new experience of own life. In the above-mentioned illustration material a lot of nominatives are used by a child: “Mother”, “father”, “Sister”, “brother”, “the family of four”, that verbalize the marked hyperconcept.

Household includes **Work, Food, Wardrobe, Household Items**: *One slice of onion, /Two slices of bread, /Three slices of sausage — /It won't be bad* [14]! In this counting rhyme hyperconcept of **Household** is shown and that is presented in the lexemes of hypoconcept **Food**: “slice of onion”, “slices of bread”, “slices of sausage”.

Nature is presented by hypoconcepts **Natural Phenomena** and **Element, Flora, Fauna**: *One, two, three, four, five, /Five fish like to dive. /One fish told me, /«Let's play in the sea!»* [14]. In the material over the hyperconcept **Nature** is verbalized in the phrases “fish like to dive”, “in the sea”, describing a place and acts of marine habitants.

Entertainment is represented by hypoconcepts **Sport and Games, Art, Holidays and Traditions**: *Xmas pudding, Xmas tree, /mas time is gay and free. /mas bells sing «ding-dong», /t's a merry Xmas song* [14]!

The English celebration of Christmas is highlighted in the example. So, a child describes traditional meals,

sceneries, mood during a holiday: "Xmas pudding", "Xmas tree", "Xmas time is gay and free", "Xmas bells", "a merry Xmas". Thus, in the picture of the world of a child the bright remembrances abandon such events, and that is why the hyperconcept **Entertainment** occupies an important place.

Society consists of **Religion, Government, Economy**: *Kings and queens may cling to power*/and the jester's got his call/But, as you may all discover,/the common one outranks them all [14]. The riddle contains the phrase "Kings of and queens may cling to power", that gives a case to understand how power, rulers and the obligations of government are represented in imagination of the English-language child. These lexical units nominate the hyperconcept **Society**.

To sum up, it should be marked that an idea about the world for a man is formed from early years, from the beginning of life. An inalienable role is played by a language, which represents in itself the events of history, culture and other. Thus, language presentations and language picture of the world appear which are represented in

concepts. Concept is an abstract notion, which is created on the basis of the personal comprehension of the purchased experience that contains cultural character and has subjective, emotional, estimating features. Concepts have a hierarchal structure, and are distributed on hyperconcepts, hypoconcepts, mezoconcepts and cataconcepts. The main place in the consciousness of a preschool aged child is occupied by hyperconcept **Person** with its hypoconcepts **Face** and **Body**, **Feelings** and **Emotions**, **Relations**, **Names**; **Household**, which consists of hypoconcepts **Work**, **Food**, **Wardrobe**, **Household Items**; **Nature**, which include hypoconcepts **Natural Phenomena** and **Element**, **Flora**, **Fauna**; **Entertainment**, which consists of hypoconcepts **Sport** and **Games**, **Art**, **Holidays** and **Traditions**; **Society**, which is divided into **Religion**, **Government**, **Economy**.

The perspective researches are the further detailed scientific work in the field of the study of separate hyperconcepts and their constituents on materials of English-language poetic infant works for the children of preschool age.

Reference:

1. Атрошенко Г. І. Лінгвостилістика англійської поезії для дітей: автореф. дис. на здобуття наук. ступеня канд. філол. наук: спец. 10.02.01. «Російська мова»/Г. І. Атрошенко. – Запоріжжя: ЗНУ, – 2005. – 25 с.
2. Залевская А. А. Языковое сознание и описательная модель языка//Методология современной психолингвистики. – М., Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, – 2003. – с. 35–49.
3. Карасик В. И. Этноспецифические концепты/В. И. Карасик//Введение в когнитивную лингвистику. – КемГУ, – 2004. – с. 6–105.
4. Колесов В. В. Слово и дело (из истории русских слов). – СПб.: Изд-во СПб ун-та, – 2004. – 703 с.
5. Краткий словарь когнитивных терминов/Кубрякова Е. С., Демьянков В. З., Панкрац Ю. Г., Лузина Л. Г. – М.: Филол. ф-т МГУ им. М. В. Ломоносова, – 1996. – 245 с.
6. Лихачев Д. С. Концептосфера русского языка.//Русская словесность. От теории словесности к структуре текста: Антология. – М.: Academia, – 1997. – с. 280–287.
7. Ляпин С. Х. Концептология: к становлению подхода.//Концепты. Научные труды Центроконцепта. Выпуск 1. – Архангельск: Изд-во Поморского ун-та, – 1997. – с. 11–35.
8. Наконечна Ю. С. Мовні засоби концептуалізації світу в англійських віршованих творах для дітей: дис. на здобуття наук. ступеня канд. філол. наук: спец. 10.02.04 "Германські мови" [електронний ресурс]/Ю. С. Наконечна. – К., – 2012.
9. Приходько А. Н. Концепты и концептосистемы/А. Н. Приходько. – Днепропетровск: Белая Е. А., 2013. – 307 с.
10. Русанівський В. М. Мова літератури для дітей/В. М. Русанівський//Мовознавство. – 2006. – № 5. – 112 с.
11. Соломоник А. Семиотика и лингвистика. – М.: Молодая гвардия, – 1995. – 352 с.
12. Bicknell T. How to Write and Illustrate Children's Books and Get Them Published/T. Bicknell T., F. Trotman. – London: F+W Media, – 1988. – 164 p.
13. Hasan R. The Texture of a Text//Media Texts: Authors and Readers/A Reader Edited by D. Graddol, O. Boyd-Barrett at the Open University. – Clevedon – Philadelphia: Multilingual Matters Ltd., – 1994. – P. 74–89.
14. All songs [Електронний ресурс] – Режим доступу: <http://www.kididdles.com/lyrics/allsongs.html>

*Getman Anastasiya Alexandrovna,
English teacher, Novosibirsk State Technical University,
Postgraduate student, Novosibirsk State Pedagogical University
E-mail: anastassia-email@mail.ru*

Representation of the concept poverty in english linguo-culture by means of verbs

Abstract: The article deals with the representation of the concept POVERTY by means of verbs and verb phrases in English. These verbs and verb phrases are divided into several groups depending on their seme. Main characteristics of the concept under consideration are highlighted.

Keywords: concept, poverty, representation, linguo-culture.

*Гетман Анастасия Александровна,
преподаватель английского языка,
Новосибирский государственный технический университет,
аспирант, Новосибирский государственный педагогический университет
E-mail: anastassia-email@mail.ru*

Репрезентация концепта «бедность» через глаголы в английской лингвокультуре

Аннотация: В данной статье рассматривается репрезентация концепта «бедность» глаголами и глагольными сочетаниями в английском языке. Глаголы и глагольные сочетания классифицируются по группам в зависимости от основного значения, семы. Выявляются основные особенности концепта на основании лингвистического анализа.

Ключевые слова: концепт, бедность, репрезентация, лингвокультура.

Основным объектом исследования последних лет является тема концептов. Имеется ряд работ, в фокусе рассмотрения которых находятся различные концепты. Создаются антологии концептов, пишутся монографии [1; 2]. Следует обратить внимание на то, что в основном рассматриваются концепты, которые можно отнести к универсальным в своем роде, то есть такие концепты, которые представляют важные сферы и явления действительности. К таким можно отнести концепты «судьба», «труд», «душа», «счастье», «любовь», «деньги», «собственность» и многие другие.

Концепту сложно дать одно точное, емкое определение. Рассматривая концепты в рамках того или иного направления, лингвисты предлагают различные определения тому, что является концептом. Для примера, А. Вежбицкая предлагает следующее его определение: фундаментальные человеческие концепты врожденные и являются неким «генетическим наследством человека». На основании этого лингвист делает заключение о том, что базовые фундаментальные концепты не отличаются от одного человеческого сообщества к другому [3, 33].

Известный специалист в области межкультурной коммуникации С. Г. Тер-Минасова отмечает, что многое в нашем понимании той или другой страны, другого народа основывается на определенных стереотипах. Лингвист, например, сопоставляет идеи в русских и английских сказках, связанные с богатством и бедностью. С. Г. Тер-Минасова приводит пример «poor but honest» (бедный, но честный), что является типичным и не вызывающим затруднений в восприятии у англичанина высказыванием, но вызывает негодование у русского [4, 174].

Как отмечалось выше, если утверждать, что присутствуют некие базовые концепты, то можно говорить о том, что есть определенное архетипичное представление о том или ином явлении. Здесь следует обратиться к К. Г. Юнгу и его теории архетипов. По К. Г. Юнгу под архетипом понимается «символическая формула, которая начинает функционировать всюду там, где или еще не существует сознательных понятий, или же где таковые по внутренним или внешним основаниям вообще невозможны. Содержания коллективного бессознательного представлены в сознании как ярко выраженные склонности и понимание вещей» [5, 459].

Концепт «бедность» можно считать одним из основных концептов в любой культуре. К такому выводу можно прийти на основании философских представлений о бедности. Вопросом о том, что такое бедность, какие связи есть между бедностью и социальным, политическим устройством, общество задается на протяжении всего своего существования.

В настоящей статье рассматривается концепт «бедность» и способы его репрезентации. Концепт может репрезентироваться различными способами (вербальными и невербальными), лексическими единицами различного уровня. Концепт репрезентируется посредством различных лексических единиц, таких как имена существительные, имена прилагательные, глаголы и глагольные сочетания. Однако следует отметить, что способом апелляции к концепту могут быть не только отдельные лексические единицы (слова), но и словосочетания. Другими словами, концепт репрезентируется на различных уровнях — от слова до текста различного объема. К текстам разного объема мы относим паремии, фразеологизмы и тексты, объем которых варьируется от одного предложения и более.

Данная статья посвящена анализу концепта «бедность» и рассмотрению его репрезентации посредством глаголов и глагольных сочетаний. Материалом для исследования послужили произведения художественной литературы XVIII–XX вв. [6, 21]. Определение временных границ исследования имеет принципиальное значение, так как именно в этот период (конец XVIII в. и далее) происходит формирование современных представлений о бедности и, соответственно, о богатстве, параллельное рассмотрение которых дает полную картину о концептосфере «бедность-богатство».

Анализируя способы апелляции к концепту «бедность», можно выявить основные группы глаголов и глагольных сочетаний. Первая и самая обширная группа глаголов и глагольных сочетаний представлена глаголами и глагольными сочетаниями, которые характеризуют состояние бедности. Сюда входят: *to be poor, to be ill and poor, to look weak and poor, to be always poor, to be too poor, to be very poor, to be like a poor man, to be a beggar, to appear as a beggar, to look like a tramp, to be destitute, to make ends meet, to be always necessitous, to belong to poor people, to be far from being well-off, to need money, to beg in the streets, to beg at a farmer's house, to go begging, to go a-begging, to be ill supply.*

Следующую группу составляют глаголы и глагольные сочетания, которые характеризуют переход

в состояние бедности, становление бедным. В эту группу входят: *to arrive destitute, to be brought face to face with necessity, to be poor to hideous indigence, to come to dire poverty, to reduce to great indigence, to sink to destitution, to become paupers, to get poor, to declare poor, to make a beggar, to make poor and miserable* и т. д. На основании примеров, входящих в эту группу, заключаем, что бедность — это не только нужда, но и несчастье.

Третья группа представлена глаголами и глагольными сочетаниями, определяющими состояние сравнительной бедности, например: *to have a few shillings in one's pocket for cigarettes, to have 2 or 3 pounds in ready cash, no more, to have only pence to jingle in his pocket, to have a little store of money, to have enough to eat.* На основании полученных данных можно утверждать, что бедность связана с отсутствием денег или недостаточным их количеством. Деньги — это материальное воплощение богатства, а их отсутствие — воплощение бедности.

Четвертую группу составляют глаголы и глагольные сочетания, которые характеризуют последствия, связанные с бедностью, а также состояние бедного человека. К таким относятся: *to suffer, to suffer the tortures of slow starvation, to die, to die in dirt, to die of fever, to die of starvation, to expire in the slow agonies of want, to close eyes in the bare streets, to be knocked out of the race, to be out of the place as a daisy in an orchid house, to live in loneliness, to sicken, to wear old clothes, to know no love of friends or kindred, to stand in the midst of wickedness and guilt* и т. д. Бедный человек одинок, следовательно, бедность — это одиночество. Кроме того, бедность связана со смертью.

Пятая группа — бедственное положение и нехватка средств. Эту группу представляют следующие глаголы и глагольные сочетания: *to owe over fifty pounds to the Glen Endowment, to owe a rent, to get into debts, to suspend payments, to be sunk and degraded, to be left to struggle on in poverty, to have no money, to have nothing, to wander in the streets, to wander in the dark nights, to leave in unexpectedly poor circumstances, to protect from the rain, to shelter from observations* и т. д.

Глаголы и глагольные сочетания, характеризующие лишения и неудобства, вызванные бедностью, представлены следующим образом, например: *to have no «bass», to get no pleasure out of life, to never get anything out of life, to know few pleasures, to have no choice* и т. д.

Седьмая группа — это глаголы и глагольные сочетания, характеризующие желания бедняков. В эту

группу входят: to imagine anything so luxurious, to eat sausages and soused herrings, to take out of the slime and mud.

Восьмая группа — глаголы и глагольные сочетания отторжения, лишения богатства, денег, имущества, например: to pay off one's obligations, to pay debts, to settle a debt, to pay rent, to reimburse loans.

Следующая группа глаголов и глагольных сочетаний связана с отрицанием принятия богатства в виде денег и имущества по собственному желанию, личным мотивам. Эта группа представлена следующим образом: to represent a great sacrifice (about money), to represent a noble generosity (about money paid), to sell, to «divide up between 'em perfectly square», to be glad to give money, to become Robin Hood и т. д.

Глаголы и глагольные сочетания десятой группы характеризуют и указывают на то, что бедность связана с трудом (в основном, с физическим трудом). Примерами в этой группе являются: to find another job, to do the cooking, to work under sweated conditions, to work, to have to work.

Бедность непосредственно связана с недоеданием, голодом. Основным глаголом в этой группе является to starve. К этой группе относятся глагольные сочетания с указанным глаголом, например: to starve in the gutter. Также в качестве примеров можно привести следующие: to be hungry, to be sharpened by hunger, to go wild with hunger, to be desperate with hunger.

Двенадцатая группа глаголов и глагольных сочетаний характеризует отрицательное отношение к бедным людям. Отрицательное отношение к бедным людям проявляется на лексическом уровне посредством глаголов и сочетаний, таких как to starve smb, to starve smb to death, to be despised, to be pitied, to be cuffed and buffeted, to laugh at clothes, to squash, to bully, to be frequently an object of suspicion, to look scornfully at smb, to threaten и т. д.

В тринадцатую группу входят глаголы и глагольные сочетания отрицательного отношения к бедности, например: to consider poverty as a crime, to hate poverty like a crime, to dislike, to be patronized, to not think oneself on an equality with, to live as a solitary dependant in a great house, to feel burdened with the sense of deep shame. На основании примеров, представленных в этой группе, можно заключить, что бедность связана с подчинением (это прослеживается и на уровне этимологии слов wealth, poverty), стыдом (идея «бедность — это стыд» является спорной, так как есть поговорки «poverty is not a shame, but being ashamed of it is» и «poverty is no shame», утверждающие обратное).

Бедность может восприниматься положительно. Глаголы положительного восприятия бедности составляют отдельную группу. В нее входят: to praise poverty, to forget about money, to forget about position, to be deliberately happy, to have mercy upon a poor boy, to have pity upon smb. Здесь присутствует связь с общехристианскими ценностями (счастье, любовь, милосердие).

Пятнадцатая группа — глаголы и глагольные сочетания, отражающие желания бедняков: to be married creditably, to want pounds, to want clothes to keep oneself warm, to want food to eat, to relieve the poverty.

В шестнадцатую группу входят глаголы и глагольные сочетания, отражающие внутреннее состояние бедняков: to have an inward treasure born with smb, to be humble, not to be ashamed of being poor, to manifest pride, to love the poor, to be neat and clean, to be capable of happiness. Здесь усматривается связь бедности и гордости, но не гордыни.

Следующая группа — группа глаголов и глагольных сочетаний, связанных с болезнями: to be ill, to be poorly, to make nervous and poorly. Проанализировав данные лексические единицы, приходим к выводу, что концепт «бедность» связан с болезнями, таким образом, бедность — это не здоровье.

Бедные люди способны на зависть. Этому находит подтверждение на уровне лексики: to view enviously, to talk of money (отдельная группа).

Девятнадцатая группа — это глаголы и глагольные сочетания, связанные с преступностью и преступлениями, например: to be sent to prison, to be sent to jail, to run away with money.

С предыдущей группой связана группа, в которой основной семой является нечестное приобретение богатства: to rob, to steal, to assail.

Бедный человек может деградировать. Эта идея является преобладающей при выделении глаголов и глагольных сочетаний со значением деградации личности в отдельную группу. В эту группу входят: to betray for money, to do anything for pesos, to degenerate in poverty, to become mercenary, to fly off from word.

Отобрав методом сплошной выборки лексические единицы и проведя лингвистический анализ этих единиц, можно утверждать следующее:

Концепт «бедность» репрезентируется целым рядом глаголов и глагольных сочетаний, которые характеризуют бедность с разных сторон, подчеркивая многогранность концепта.

Концепт «бедность» отличается относительной динамикой. С одной стороны, концепт репрезентируется глаголами и глагольными сочетаниями движения, действия (to arrive, to make, to go, to wander, to come и т. д.); с другой стороны, к данному концепту можно апеллировать и глаголами состояния (to be и т. д.).

На основании лингвистического анализа глаголов и глагольных сочетаний можно заключить, что есть

определенное архетипичное представление о бедности. Бедность связана с несчастьем, болезнями, плохими условиями жизни, преступлениями и т. д. С другой стороны, бедность ассоциируется со счастьем, милосердием, любовью, состраданием и т. д. Такое многослойное представление о бедности делает его интересным и актуальным объектом исследования.

Список литературы:

1. Антология концептов/[Абыякая О. В. и др.; науч. ред. В. И. Карасик, И. А. Стернин]. – М.: Гнозис, – 2007. – 511 с.
2. Гунина Л. А. Социально-регулятивные концепты в английской и русской лингвокультурах: монография. – Волгоград: Парадигма, – 2008. – 268 с.
3. Вежицкая А. Семантические универсалии и базисные концепты. – М.: Языки славянских культур, 2011. – 568 с. (Язык. Семиотика. Культура).
4. Тер-Минасова С. Г. Язык и межкультурная коммуникация: (Учеб. Пособие) – М.: Слово/Slovo, – 2008. – 264 с.
5. Юнг К. Г. Психологические типы. – М.: «Университетская книга», АСТ, – 1996. – 714 с.
6. Dickens, Ch. Bleak House/Ch. Dickens. – Moscow: Foreign Languages Publishing House, – 1957. – 931 p.
7. Dickens, Ch. Oliver Twist/Ch. Dickens. – London: Harper Press, – 2010. – 508 p.
8. Dickens Ch. The Old Curiosity Shop/Ch. Dickens. – Moscow: Foreign Language Publishing House, – 1952. – 641 p.
9. Dickens, Ch. The Posthumous Papers of the Pickwick Club/Ch. Dickens. – Moscow: Foreign Languages Publishing House, – 1949. – 895 p.
10. Twain, M. The Adventures of Tom Sawyer/Твен М. Приключения Тома Сойера: Книга для чтения на английском языке. – СПб.: Антология, – 2003. – 320 с.
11. Brontë, Ch. Jane Eyre/Charlotte Brontë. – Prague: ARTIA, – 1969. – 404 p.
12. Austen, J. The Complete Novels of Jane Austen/Jane Austen. – London: Wordsworth Editions Limited, – 2007. – 1434 p.
13. Greene, G. The Heart of the Matter/Graham Greene. – Harmondsworth: Penguin Books, – 1979. – 272 p.
14. Greene, G. The Power and the Glory/Graham Greene. – Harmondsworth: Penguin Books, – 1982. – 222 p.
15. Cronin, A. J. The Citadel/A. J. Cronin. – Moscow: Foreign Languages Publishing House, – 1963.
16. Tolkien, J. R. R. Farmer Giles of Ham [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://ae-lib.org.ua/texts-c/tolkien_farmer_giles_of_ham_en.htm.
17. Tolkien, J. R. R. The lay of Aotrou and Itroun [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://ae-lib.org.ua/texts-c/tolkien_the_lay_of_aotrou_and_itroun_en.htm.
18. Tolkien, J. R. R. Leaf by Niggle [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://heroicjourneys.files.wordpress.com/2008/09/niggle.pdf>.
19. Tolkien, J. R. R. Smith of Wootton Major [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.tolkien.ro/text/JRR%20Tolkien%20-%20Smith%20of%20Wootton%20Major.pdf>.
20. Kipling, R. Just So Stories [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://trwheeler.com/ebooks/just_so_stories.pdf.
21. Kipling, R. The Light That Failed [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www2.hn.psu.edu/faculty/jmanis/kipling/light-failed.pdf>.

Kultenko Maryana Viktorovna,
Senior Teacher at the Chair of Foreign Languages,
Natural Department, Altay State University
E-mail: marjanakultenko@rambler.ru

TQM Thesaurus through Eidetic Paradigm of Knowledge Development

Abstract: Eidetic paradigm of knowledge development with TQM thesaurus is introduced in this article. The terms “thesaurus” and “Eidos” are considered in this research. The process of constructing the reality with TQM thesaurus is shown in the experiment.

Keywords: TQM system, thesaurus, Eidos, ontology, constructing reality.

Social, economic and cultural change in the early 21st century demanded changes in the education philosophy and it requires some innovations in educational theory and practice. In accordance with the political and social order of society, the education system should be aimed to the ability to meet global quality standards. Scientific and technological progress and modern technological developments require, in their turn, highly skilled experts in these fields. The technological revolution and economic innovations contributed to the appearance of a fashion phenomenon as Knowledge Management (KM), which is a “gimmick of American advertisers, based on the illusion that knowledge (mental category) can be operated with the use of computers. Modern computer technology can manipulate only with certain algorithms with objects such as signals, texts belonging to the category of signs and of a different nature)” [6]. In this case, knowledge management is the extraction process, documentation, visualization and access to knowledge. In accordance with the KM, “knowledge” with all its components must be determined with a symbol that it’s not easy enough to do. Knowledge components (characters, images, experiences, perceptions, feelings, concepts) are in fact ontological because in the process of acquiring knowledge a person perceives the world around us, not only through the senses, but also interprets distinguishes, compares, identifies. Language is a means of describing all things — objects, events, phenomena and processes, helping to manipulate the “reality.” Human conceptual picture is subjected to constant additions and changes, whereas in the linguistic picture of the world representation of the various components of the conceptual picture of the world at different stages of social development (mythology, religious, philosophical and unscientific, scientific, social, political, artistic) co-exist for a long time. These are some contradictions that we can see today.

Transferring of the concept “knowledge” and all attempts to digitalize it are reflected in the system of

quality assessment TQM Management, founded by Edward Deming [2]. This control system is based on the production of quality in terms of customer products and services. Under the “product” in this case we consider the result of activity, whether it is production or education. TQM is defined as focused on quality, customer, based on facts, team process. This system is aimed to the systematic achievement of the strategic objectives of the organization through continuous improvement of work [8]. Despite the fact that initially TQM aimed to quality assessment of performance in the market sphere, the European countries have successfully used this system and education. Quality management system in education is based on language contained in the curriculum, training and other processes of an educational institution, its organizational structure, responsibilities, resources that provide education quality.

System terminology is presented in its thesaurus. There are many definitions of “thesaurus”: 1) Reference book, which lists all the lexical units of language information retrieval (descriptors) with their relationships, as well as synonymous descriptors and keywords and phrases of natural language [5, 4]; 2) *from the Greek*. — Treasure, in a general sense — special terminology, more objectively — the dictionary, a collection of information, corpus that fully covers concepts, definitions and terms of specific area of knowledge or activity that should help correct lexical, corporate communications (in other words — understanding in communicating and interacting persons connected one discipline or profession); 3) in modern linguistics — a special kind of dictionaries with general or specialized vocabulary, where the semantic relationships are specified: synonyms, antonyms, paronyms, hyponyms, hyperonyms, etc.) between the lexical units [6]; 4) also linguistic resources such as WordNet and EuroWordNet, describing the relationship between the lexical meaning of natural language as a hierarchical system of synsets, the so-called synonymous series combines words with a similar meaning and are inherently network nodes [7, 3].

In general, the thesaurus is a kind of language system, which is responsible for human knowledge. But knowledge itself is an abstract concept that can be understood, accepted or transferred only through the prism of the knowing subject. Here comes the problem of knowledge objectivity. One cannot deny existence of objective knowledge in the texts and thesauri, but also it cannot be denied that every subject recognizes knowledge, relying on its own linguistic and empirical experience. This problem — objectivity and subjectivity is closely connected with this notion known as “eidos”.

Originally “eidos (*al-Greek. Εἶδος* — view appearance, image), the term of ancient philosophy and literature, originally referring to «visible», «what you see», «substantial reality in thinking»; in general terms — a way to organize and/or existence of the object. In medieval and modern philosophy it is a category structure that interprets the original concept semantics”.

Aleksey Losev [10, 6] connects eidos with the meaning formation: «Eidos is, therefore, the first definition of the meaning at all, i. e. first supposition to its limits for the exact degree, the exact boundaries, resulting in front of us here and there the first and the most common structure and meaning, while still it has been a spouting spring of semantic processing, but not the design ... We disclose the nature of meaning. Eidos is the meaning itself».

So what actually is Eidos? We can say that it is a way we construct an image in the process of perception using general universe operators. They are common for both an observer and for the Universe. According to Losev, we can understand each other and design the world with this ultimate «template». This «template» is sometimes very different from how we design in our everyday world. Nevertheless, our everyday world contains all the elements relevant to Eidos context. Therefore, the «universal language» which we communicate with each other in various fields, contains the idea of Eidos.

According to this we can say that every word is Eidos, as well as any simple sentence is Eidos too.

Therefore, on the one hand, thesaurus units represent objective implementation of mental units — language unit of knowledge that captures contextual link of separate words [6, 80]. On the other hand, all units in thesaurus are ontological and subjective in their nature.

We conducted a series of experiments to demonstrate it. As Eidos is often associated only with the appearance, participants were to visualize a number of concepts: *quality, requirement, grade, customer, product, test, audit, etc* [3]. It should be noted that according to the results of this experiment the process of visualizing

concepts is one of the most important processes in the perception and comprehension of reality. It is known that an image has disproportionately more information than a word about it (its name). Further, the image, unlike words, is a universal language that can be understood by everyone without special training who can see.

At the same time in the process of visual cognition subject perceives everything through the prism of their own experience. Thus, we can see the concept transferring. At this stage the process of constructing the reality using the Eidos. Each Eidos is, the so-called “skeleton”, which gradually acquires some meanings.

We consider an example with the word *product*. The “skeleton” is a product or any good, service, or idea that can be offered to a market to satisfy a want or need. Further peripheral meanings appears which, as mentioned above, are ontological. Therefore, in the TQM system thesaurus a *product is educational services (product) (educational product)*. According to the results of the experiment, the students at the Faculty of Physics and Technology associate the word *product* with words of technics such as *program, design, software*; Faculty of Geography — *tour, route*; Math Department — *sum, multiplication, total*.

The term *consumer (customer)* in TQM thesaurus is *organization or person receiving (present) product (service)* [3]. In education — *usually student, client or customer (in education — usually the person or organization that finances learning that can also be studying) or end user (in education — usually the person or organization that has income from training received tutoring)*. During the experiment, this concept is associated only with the original meaning of a person, who buys smth.

Provider (education provider): supplier of educational services to students. This term is associated mainly with the Internet technology that can be explained by the widest spread of IT technology and the Internet.

As the result, we can conclude that imagery concepts arising in a person's brain is closely related to his subjective experience, as well as other extra-linguistic and linguistic facts. Visual perception allows a person to receive information in larger volume and easier, so the notion of reference in this case is obvious. Massmedia contribute to the formation of certain images, concepts. They usually reflect the economic and political situation. Having analyzed TQM system thesaurus, you can also see the system of education and relationships constructed by it. This type of education, where a customer (customer) is a student, parent, government; and a provider is university or other higher educational institution [1].

Thus, constructing eidoses, we start the process of conceptualization. Rendering one or another concept, lexical unit activates an appropriate cognitive context or frame as a model of ordinary knowledge of the basic concepts. There is still an important problem about the boundary between linguistic meaning and common (encyclopedic) that is not related to language and knowledge of the world that are important for understanding the meaning of individual texts or lexical units. More likely, this border does not exist, cause the context of the cognitive model is a model with canonized cultural knowledge that is shared by speaker of the community. Hence, thesaurus units represent objective implementation of mental units — language unit of

knowledge that captures contextual link the individual words [4, 141–145].

Exploring the thesaurus, you must remember the cultural, mental and experiential differences in the experience of a percipient. The list of lexical units proposed by TQM thesaurus partially corresponds with the reality of Russian society, as the images that arise in the minds of citizens of our country are not only ontological but also culturally specific. It creates difficulties in the perception of the proposed universal terminology. For a successful implementation of TQM education system, the supplied thesaurus should be revised and expanded, taking into account the perception of a Russian person.

Reference:

1. Colin N. Power Global Trends of Education. Электронный ресурс <http://www.flinders.edu.au/education/iej>
2. Deming E. W. Quality, Productivity, and Competitive Position, – Cambridge, Mass, – 1982.
3. ISO 9000 essentials//<http://www.iso.org/iso/home.htm>
4. Осокина С. А. Лингвистическая теория тезауруса: исходные основания. – Изд-во АлтГу, Барнаул, – 2012.
5. Жеребило Т. В. Словарь лингвистических терминов: Изд. 5-е, испр-е и дополн. – Назрань: Изд-во “Пилигрим”, – 2010.
6. Кузнецов С. В. Технологии управления знаниями (Knowledge management technologies) – [электронный ресурс], <http://www.knowbase.ru/knowledge-management-technologies.htm>
7. Лукашевич Н. В. – [электронный ресурс] <http://like-money.ru/stati/158-eurowordnet-i-tezauryty-tipa-wordnet-dlya-raznyx-yazykov>
8. Системы менеджмента качества. Основные положения и словарь. ISO 9001:2005. Quality management system – Fundamentals and vocabulary (IDT). Издание официальное. – Стандартформ. – М., – 2008. – [Электронный ресурс] <http://www.iso.staratel.com/TQM/Article/TQMEd.htm>
9. Яковлев С. В. О некоторых особенностях анализа методов формальной логики в творчестве А. Ф. Лосева. – [Электронный ресурс] <http://www.vpn.int.ru/index.php?name=Files&op=view&id=5034>

*Marusynets Marianna Mihailovna,
postgraduate student,
the Department of General and Germanic Linguistics,
Vasyl Stefanyk Precarpathian National University
E-mail: marusynetsm@ukr.net*

Functions of modal particles in Hungarian

Abstract: The article discusses the functions of Hungarian modal particles from the Relevance Theory perspective, which offers a cognitive account of utterance interpretation. It is argued that Hungarian modal particles govern the selection of context by guiding the hearer towards relevant interpretation.

Keywords: modality, modal particles, Relevance Theory, contextual effect, Hungarian.

The term “modal particles” refers to a special class of elements in different languages which express the speaker’s attitude towards the propositional content of the utterance. Modal particles are distinguished from other particles and functional parts of speech

on the basis of the following identification criteria: (1) they do not express syntactic relations; (2) they do not change the truth conditions of the utterance; deletion of a modal particle does not make the utterance ungrammatical. Though modal particles are

syntactically optional, they have important pragmatic functions.

Apparently little research on Hungarian modal particles (to my knowledge) has analyzed authentic data in a pragmatic framework. The research by Ch. Fábricz [1] was one of the first attempts at a description of Hungarian particles. The researcher divides the word class “*módotósók*” into “*modalis szavak*” (modal words) and “*partikulák*” (particles). Modal words are claimed to denote various degrees of probability. However, the study does not discuss the status of modal particles in Hungarian or their distinctive features. B. Keszler [2] distinguishes particles from adverbs and modal verbs and defines them as words with a weakened semantic meaning which cannot be used in answer to a question, do not perform any syntactic functions and are used to express emotions. Within the class of particles, the researcher identifies “*áryaló partikulák*” (toning particles), which perform pragmatic functions. However, such functions are not described in the study. A. Péteri gives a comprehensive account of German and Hungarian modal particles. He argues that Hungarian modal particles form a heterogeneous class; their role in a sentence depends on the part of speech from which they originated [4].

The present study aims at describing Hungarian modal particles in terms of their communicative functions and how they are interpreted in contemporary speech. The analysis requires a theoretical framework that can account for the variety of functions associated with the use of modal particles. Relevance Theory, developed by D. Sperber and D. Wilson [3], can be an adequate basis for this study. The theory is built around the claim that the speaker does not encode meaning but provides evidence of their intention to convey some meaning; the hearer infers the speaker’s meaning trying to find the best possible interpretation of the speaker’s verbal/non-verbal communicative act.

D. Sperber and D. Wilson argue that human cognition is geared to the maximization of relevance. One of the basic ideas of Relevance Theory is known as the Cognitive Principle of Relevance. Humans tend to perceive those stimuli which in a given context are more relevant to them than others, to select background assumptions which best fit the perceived stimuli, and to infer conclusions that provide the best explanation of the situation.

Another basic idea of Relevance Theory is the Communicative Principle of Relevance. D. Sperber and D. Wilson claim that the general tendency to maximize relevance makes it possible to predict and manipulate the addressee’s mental processes: the speaker uses an

ostensive stimulus which is certain to attract the addressee’s attention because it is relevant to him/her.

The Communicative Principle of Relevance presupposes that an act of communication is based on the presumption of optimal relevance. It means that a verbal or non-verbal communicative act should be relevant enough for the addressee to process. To have the addressee’s attention, the speaker has to make an act more relevant than other communicative acts, i. e. to ensure minimal processing effort on the part of the addressee. Thus optimal (maximal) relevance of an input presupposes that the first interpretation the addressee comes across, i. e. the one that requires the least effort, makes it unnecessary to look for other interpretations which will require extra processing effort.

Information processing results in a certain contextual effect, which is defined as the information which will help us to make an inference. Thus according to D. Sperber and D. Wilson, an input has greater relevance if (a) its processing yields greater contextual effect and (b) achieving this contextual effect does not require great processing effort. To paraphrase, at a given time in a given context, the most relevant input (information, idea, event, sound, image, etc.) for an individual is the one which in the context of background information requires minimal effort to process and ensures maximal result.

D. Sperber and D. Wilson [3, 108–116] point out that there are three basic types of “contextual effects”: (1) “contextual implications”, (2) the confirmation or “strengthening” of old assumptions, and (3) the correction or “abandonment” of old assumptions. This paper will argue that Hungarian modal particles can be classified in terms of their communicative function on the basis of these three types of contextual effects.

The present study analyzes the following modal particles: *hogyne, persze, még, már, is, hiszen, hát, csak, aztán, ám, éppenséggel, bezzeg, egyszerűen, ugye, ugyan*. The particles were elicited from four informants — native speakers of Hungarian who come from the Transcarpathian Region of Ukraine. All the informants have received secondary education at Hungarian schools. The elicitation procedure involved the following steps:

1. providing examples of sentences with modal particles;
2. analyzing the pragmatic meaning of the sentences;
3. outlining minimal situational contexts where the sentences can be used;
4. explaining the difference between a sentence with and without a modal particle.

The research material suggests that Hungarian modal particles maximize contextual effects and minimize the processing effort spent on interpreting an utterance. Building on D. Sperber and D. Wilson's classification of contextual effects, we identify the following functions of modal particles:

1. expressing contradictions between old assumptions/background knowledge and new information;
2. strengthening the existing assumption;
3. signalling a change in assumptions;
4. weakening the existing assumption.

Let us consider the first function, i. e. expressing contradictions between old assumptions/background knowledge and new information, which is performed by the modal particle *hiszen*.

Miért nem csináltad meg a házit? — Hiszen tudod, foglalt voltam.

Why didn't you do your homework. — But you know I was busy.

By using *hiszen* the speaker signals a contradiction between what she was sure of (that her interlocutor knows she was busy) and the new information (that the interlocutor reproaches her for not having done the homework).

The second function, i. e. strengthening the existing assumption, is typical of the modal particles *aztán*, *bezzeg*, *ugyan*, *még*, *már*, *persze*, *hogyne*, *ám*. In terms of strengthening effect, the particles have the following functions:

1. Strengthening assurance:

Hogyne tudnám, hogy mikor van a születésnapot. I sure know when your birthday is.

2. Strengthening admiration, praise:

Ez ám a jó idő! It's such fine weather!

Ez aztán nagyszerű! It's really so great!

The effect of *ám* is weaker than that of *aztán*.

3. Strengthening rejection:

Én ugyan nem mondok neked semmit. I won't tell you anyway.

4. Strengthening curiosity:

Vajon megmondja-e az igazat? Will he tell the truth, I wonder? (curiosity is directed at the speaker).

Ugye minden jó lesz? Will all be really okay? (curiosity is directed at the hearer).

5. Strengthening surprise:

Még hogy én ilyet mondtam? Did I really say so?

6. Strengthening reproach:

Bezzeg te jól tudtad, hogy ez fog történni. But you did know well that it would happen.

7. Strengthening impatience:

Gyere már! Go now, faster!

8. Strengthening irony:

Persze, neked mindig igazad kell, hogy legyen. Of course you always have to be right.

As regards the third function, the following particles signal a change in assumptions: *bezzeg*, *csak*, *egyszerűen*.

The particle *bezzeg* creates an ironic effect in the following example: *Bezzeg őt nem érdekli. Good that he's not interested in this.* The sentence can be interpreted like this: the speaker uses "good" ironically meaning that everybody is interested, but he is not, which is annoying. Without *bezzeg*, the speaker would just state that he is not interested.

Egyszerűen expresses despair or excuse:

Annát egyszerűen nem velték figyelembe. Nobody paid attention to Anna, that's it.

Csak turns a request into an order:

Add csak ide egy kicsit a könyvet. You now give me this book for a moment.

Two particles — *hát* and *éppenséggel* — perform the function of weakening the existing assumption. In the examples that follow, the particles express indifference, passivity:

Akkor még haza vagy nem? — Hát persze.

Are you going home or not? — Well, of course.

Éppenséggel nem mondanám. I wouldn't exactly say that.

Therefore, Relevance Theory offers tools that demonstrate how speakers are able to manipulate linguistic resources to get the intended message across to hearers. The research findings show that Hungarian modal particles encode meanings which govern the selection of context by guiding the hearer towards relevant interpretation.

Reference:

1. Fábricz Ch. Particles in Hungarian and Russian languages. PhD thesis. Szeged.
2. Keszler B. A mai Magyar nyelv szófajai rendszerezésének problémái. *Magyar Nyelvőr* 119 [1995]: 293–308.
3. Sperber D., Wilson D. *Relevance: Communication and Cognition* – Oxford: Basil Blackwell, – 1986. – 279p.
4. Péteri A. *Abtönungspartikeln im deutsch-ungarischen Sprachvergleich.* – Budapest: Asteriskos, – 2002. – 279s.

Naumuk Olha Vasilevna,
Lesya Ukrainka Eastern European National University,
Professor Assistant, Institute of Foreign Philology
E-mail: olganaumuk@rambler.ru

Verbalization of advice in modern French

Abstract: The article reveals the problem of searching the appropriate means of advice expression in modern French through the perspective of achievement of perlocutionary effect. The direct advice is considered as ineffective and it can lead to communicative failure. The indirect expressions means have great argumentative force in comparison with direct ones.

Keywords: advice, direct/indirect speech act, directive, perlocutionary effect.

Наумук Ольга Васильевна,
Восточноевропейский национальный университет
имени Леси Украинки, доцент, Институт иностранной филологии
E-mail: olganaumuk@rambler.ru

Вербализация совета в современном французском языке

Аннотация: В статье анализируется проблема прямых и косвенных средств экспликации совета на материале современного французского языка. Косвенное выражение позволяет говорящему лучше достичь желаемого перлокутивного эффекта совета.

Ключевые слова: совет, прямой/косвенный речевой акт, директив, перлокутивный эффект.

Современная лингвистическая наука фокусирует свое внимание на исследовании когнитивных характеристик единиц речи, в частности вербализации тех или иных концептов. В этой работе мы предлагаем анализ объективации совета на материале французского языка. Актуальность исследования обусловлена, прежде всего, невероятным проникновением данного концепта во все сферы жизнедеятельности: образование, политика, медицина, юриспруденция, религия и т. п. Это находит свое подтверждение в языке, и мы можем говорить о совете учителя, доктора, юриста, священника, а также политика. Весомость совета заключается в том, что он регулирует отношения коммуникантов и влияет на принятия важных решений. В нашем исследовании мы рассматриваем совет как директивный речевой акт (далее — РА), с помощью которого говорящий побуждает своего собеседника действие, которое будет полезным для последнего.

Концепт совет как важный элемент ежедневного сознания закреплен в французском языке в имени существительном — лексеме *conseil* и глагольной форме *conseiller*, вокруг которых размещается лексический континуум, необходимый для выражения совета в научном, художественном, религиозном и бытовом дискурсе. Кроме лексемы *conseil*, центральными единицами репрезентации совета считаем также *recommandation* и *suggestion*. Периферийными способами идентифицируем

слова, которые используют как идентификаторы для изъяснения центральных лексем. Это имена существительные: *délibéré, plaidoyer, aider, prudence, charge, consultation, orientations, dissuasion, encouragement, exhortation, avertissement, orientation, information, injonction, entrée, instruction, jugement, leçon, nouvelles, opinion, persuasion, prescription, proposition, orientation, suggestion, enseignement, témoin, nouvelle, vue, alerte*, которые подражают семантике синонимов глагола *conseiller*. Согласно с данными словарей, к синонимам глагола *conseiller*, принадлежат: *admonester, diriger, dissuader, encourager, interdire, exhorte, avertir, donner un pointeur, guider, instruire, donner son avis, prêcher, préparer, prévoir, recommander, orienter, suggérer, proposer, proner, presser, engager, inciter, pousser, conduire, diriger, inspirer, défendre*.

Следует подчеркнуть, что концепт СОВЕТ является сложным абстрактным концептом в сравнении с из чувственно наглядными, поскольку не имеет конкретного предмета или реализации в реальном мире. Однако с другой стороны данный концепт имеет четкие границы, благодаря которым он является основой речевого акта совета. Семантические значения лексем-номинаций концепта СОВЕТ отображенные в глаголах, которые отвечают речевому акту совета. Анализ семантики глаголов группы СОВЕТ делает возможным следующее упорядочивание прагматичных разновидностей РА совета.

Данные глаголы распределяются за своей семантической структурой на следующие группы:

- советовать что-то из профессиональной точки зрения (*recommander, conseiller, proposer, conduire, diriger, guider*);
- советовать что-то настойчиво (*conseiller, recommander, exhorter, enjoindre, charger, prescrire, presser, insister, inciter*);
- советовать что-то, чтобы предостеречь адресата от чего-то плохого: (*avertir, dissuader, metre en garde, mefier, aviser*);
- советовать что-то, подбадривая адресата (*commentaire, encourager, défendre, exciter, pousser, inspirer*);
- советовать что-то, поучая адресата (*guider, diriger, préparer, prêcher, orienter*);
- советовать что-то, предлагая какую-то альтернативу (*opiner, suggérer, engager*).

Анализ глаголов группы *conseiller* позволяет увидеть их семантическую общность и выделить следующие гиперсеми: 1. Приказ; 2. Поучение; 3. Предложение; 4. Рекомендация; 5. Предостережение. Это является основой для выделения прагматичных модификаций интенции совета.

Подчеркнем, что выражение совета вышеуказанными глаголами является прямой экпликацией. Например, (1) '*Vous devez trouver tout les documents si vous voulez y vivre... Premièrement je vous recommande de s'adresser à Monsier Duran... il est un de meilleur advocats de nos jours!*' [2, 79].

Прямой речевой акт очень часто может оказаться нежелательным и как правило ведет к коммуникативному провалу. Убедить собеседника можно не только выражая категорическое утверждение, но и, наоборот, снижая его категоричность. Высказывания, которые не претендуют на абсолютную истинность, имеют большую аргументативную силу, поскольку их тяжело опровергнуть. Фактический материал свидетельствует о том, что достижение перлокутивного эффекта косвенным речевым актом совета очень высокий и составляет около 1345 примеров, от общего количества проанализированных 3500 контекстов употребления речевого акта совета. Кроме того, имплицитное выражение имеет эстетические преимущества. Прямое общение с особой высокой речевой компетенцией приводит к потере некоторых имплицитных смыслов, что иногда не менее важно, чем собственно информация. Вариативность форм косвенного выражения совета регулируется факторами авторитетности говорящего, социально-психологической дистанцией

между коммуникантами, принципом бенефактивности, который показывает степень заинтересованности говорящего и адресата в действии, к которому казуирует высказывание, и степень важности действия. Косвенный речевой акт идентифицируем как речевое действие, когда «один речевой акт совершается непосредственно с помощью другого речевого акта [3]».

Среди исследуемых советов случаются такие, которые образуют бинарные речевые комплексы и сигнализируют (рядом с основным) о вторичном прагматичном значении — значении совета. Иллокуция совета в этом случае является вторичным прагматичным значением полиилокутивного речевого акта, который наслаивается на основное. Как уже было отмечено, превалирующей направленностью советов является директивная цель, достижение которой становится возможным с помощью разных прагматичных типов. В нашем анализе косвенного выражения совета разными прагматичными типами придерживаемся классификации Дж. Серля [3] и выделяем следующие коммуникативно прагматичные типы директивных высказываний совета: собственно директивы (34 %), репрезентативы (35 %), комисивы (15 %), экспресивы (9 %), декларативы (7 %).

Согласно данным фактического материала, императивные предложения с глаголом в форме повелительного наклонения являются основным средством выражения совета в французском языке. Выражение совета императивом возможно благодаря тому, что последний, будучи директивным речевым актом, способный передавать практически все оттенки директивности, в том числе и совет. Невербальными средствами конкретизации интенции служат интонация, сопровождение к высказыванию (жесты, хмурые бровей и т. п.), а также условия прагматичного контекста как триады, которая состоит из социального, лингвистического и ситуативного контекстов. Следует отметить, что категоричность формы императива, который выражает совет, смягчается благодаря бенефактивной направленности действия на адресата. Например: '*Ne fumme pas!*'

Выражение косвенного совета достигается также вопросительными предложениями, которые являются также синтаксической структурой таких речевых актов, как вопрос и просьба, что в классификации иллокутивных типов речевых актов Дж. Серля отнесены к прагматичному типу директива [3, 1–23]. Совет и рекомендация входят в группу нейтральных директивов, которые являют собой хорошо продуманное суждение компетентного лица, потому настоящие

речевые акты не могут быть выражены вопросительными конструкциями, которые характерны для выражения желания адресата выполнить действие. Очевидно, что совет будет успешным тогда, когда слушатель может к ней прислушиваться. Это условие важнейшее при оформлении косвенных побуждений в виде вопросов, поскольку во всех случаях, когда вещатель не знает, выполнено ли вышеупомянутое условие, он прежде всего должен это выяснить с помощью вопроса, во избежание риска, связанного с возможностью провала прямого побуждения.

Использование вопросительных конструкций в функции совета объясняется особенностями французской речевой культуры, в которой принято избегать прямого давления на своего собеседника, это знак уважения к последнему. Широкое употребление некатегорических, косвенных форм выражения совета в процессе общения устраняет однозначность и прямолинейность, которая может привести к столкновению точек зрения и интересов. Совет, выраженный вопросами, формально оставляет за слушателем возможность отказаться от рекомендованного действия. Выражение совета вопросительными предложениями является правомерным, ведь они „потенциально могут «эксплицировать побуждение»”.

В нашем исследовании мы выделяем по коммуникативной интенции вопросительные предложения, которые выражают косвенный совет. Фактический материал позволяет проследить направленность совета в виде вопросительных предложений на то, чтобы:

- а) напомнить адресату о возможной ситуации;
- б) ускорить выполнение совета.

Условие бенефактивной направленности действия на адресата является достаточно важным для функционирования речевого акта совета и является существенным условием, без которого нет речевого акта. Бенефактивность совета относится к условиям успеха речевого акта. Ее отсутствие или измененное содержание лишает речевой акт иллокутивной силы совета. Бенефактивными можно считать вопрос типа: *As-tu pensé à ...*, *Avez-vous pensé à ...*, которые отображают вероятную заинтересованность адресата в рекомендованном действии и относятся к первой группе вопросительных предложений, которые помогают говорящему намекнуть своему собеседнику на возможную (бенефактивную) ситуацию, подсказать, как решить проблему. Например:

- (2) *Avez-vous pensé à acheter un ou plusieurs objets?*

Продуцируя совет, говорящий может также придать косвенному совету, выраженному

вопросительным предложением, оттенка неотложности побуждения. Такие вопросительные предложения объединяются коммуникативной интенцией — ускорить следование совету: *Pourquoi ne pas...*

Pourquoi-questions выражают совет, который, как правило, касается личностной сферы, и призванные завуалировать прямой совет, который мог бы оскорбить адресата. Совет, выраженный вопросительно отрицательной конструкцией *pourquoi ne pas*, передает условие мотивирования достаточно своеобразно, поскольку направленная на поиск причин, которые могут помешать адресату выполнить рекомендованное действие. Ощутимость любых преград, является достаточным мотивом для выполнения действия, в нашем случае совета. Согласно данным фактического материала, косвенное высказывание совета относится к достаточно утонченным и деликатным вопросам и позволяет сделать вывод, что ход коммуникации между собеседниками происходит в неофициальной обстановке. Например:

- (3) *Pourquoi ne pas le lui dire carrément?*

Косвенное выражение совета достигается вопросительными предложениями, которые начинаются *ne pourriez-vous pas ...* и направленные побуждать адресата к самому быстрому выполнению рекомендованного действия:

- (4) *Ne pourriez-vous pas me dire son numéro de téléphone?*

Совет может имплицитно выражаться разнообразно *pourquoi*-questions, как *pourquoi devez-vous...* Это рекомендованное действие в первую очередь имеет целью указать слушателю, чтобы он не делал того, чего от него не требует ситуация, и того, которое требует от него лишней траты времени и силы. Например:

- (5) *Pourquoi devez-vous avoir plus confiance dans les informations données à la télévision?*

Косвенный совет реализуется также повествовательными предложениями с модальной конструкцией *il faut/il faudrait*. Выражения совета модальными глаголами не вызывает сомнения, как об этом свидетельствуют многочисленные исследования многих лингвистов. Поэтому правомерной кажется склонность исследователей называть совет „семантической моделью категории побудительной модальности”. С помощью модальных глаголов говорящий выражает свою собственную оценку того, о чем сообщает. Действие, к которому побуждает адресант в совете, кажется не только возможным, но и целесообразным, необходимым для собеседника, и осуществляется

в интересах слушателя. Этому пониманию значения совета отвечает различие в ее семантической структуре ирреальных компонентов „возможность”, „необходимость” волюнтативного значения. Поэтому естественным для побудительных контекстов, которые содержат совет, есть употребление лексем на обозначение необходимости, вынужденной.

Косвенное выражение совета модальными конструкциями: *il faut bon que toi/vous... ; tu devrais/vous devriez...* указывает на целесообразность или же неуместность выполнения определенного действия. Сопровождение совета оценкой целесообразности/нецелесообразности основывается на том, что вещатель считает себя авторитетным человеком и более компетентным чем слушатель в пределах обстоятельств, которые сложились. В совете имеется семантическая разница между модальными глаголами: *falloir* освещает субъективное мнение говорящего, тогда как *devoir* имеет пресупозицию, что мнение говорящего совпадает с морально-этическими нормами, принятыми в данном социуме. Выражение совета с помощью высказываний с модальными глаголами *falloir*, *devoir* имеет место в двух типах коммуникативного контекста: а) при равных отношениях и близкой дистанции между коммуникантами (6); б) при обращении старшего к младшему при любой социальнопсихологической дистанции (7):

(6) *Il faut bon que tu sois gentil.*

(7) *Peut-être que tu devrais le prévenir.*

Совет может быть оформлен с помощью *devoir* лишь в тех коммуникативных контекстах, когда между собеседниками существуют достаточно близкие отношения или когда статус говорящего, его возраст, жизненный опыт позволяют ему высказываться достаточно прямолинейно. Мать сыну:

(8) *Si je peux me permettre un conseil, vous devriez obtenir un mastère.*

Совет, выраженный конструкцией *ce serait peut-être...*, реферирует к возможности адресата изменить существующее состояние дел, которое сложилось вокруг него. Например:

(9) *Ce serait peut-être pas mal de lui écrire.*

(10) *Ce serait peut-être mieux que tu le fasses toi-même.*

Совет как косвенный РА может реализоваться повествовательными предложениями с конструкциями типа: *Si j'étais toi je..., Si j'étais à ta place je..., (Moi) à ta/sa place je ..., C'est le moment...*

(11) *Si j'étais à ta place, je continuerais mes études.*

(12) *Si j'étais toi je ne mangerais plus de chocolat.*

Выражение косвенного совета такими клишованными словосочетаниями, как *Si j'étais toi je..., Si j'étais*

à ta place je..., (Moi) à ta/sa place je..., свидетельствует, по мнению А. Вежбицкой, о том, что говорящий, „предоставляя совет, представляет себя на месте другого лица и считает свой совет мнимым решением и приказом, который отдается ему самому” [1, 268]. Такие словосочетания клишованого характера призваны подчеркнуть важность для говорящего интересов слушателя. Говорящий, апеллируя к тому, что он делал бы на месте слушателя, пытается придать побуждению оттенка упрека, заверить собеседника, что на его месте он сделал бы именно так, что наилучший выход — сделать так, как ему советуют. Стоит отметить, что для выбора такой формулы совета определяющими факторами является социальная и биологическая иерархия коммуникантов, а также сфера общения. Без сомнения указаны выше конструкции совета очень близкие к фамильярным, не слишком вежливым высказываниям. Например:

(13) *Si j'étais toi, je l'appellerais.*

Косвенный совет может выражаться также конструкцией *ce le moment...*, которая делает эмфатической необходимость быстрого выполнения рекомендованного действия, а также указывает на оттенок упрека со стороны говорящего. Адресант использует такие высказывания, если адресат не знает о времени выполнения действия или забыл о нем. Например,

(14) *Je pense que c'est le moment que vous fassiez du sport.*

Выражение совета в высказываниях имплицитным способом становится возможным благодаря таким синтаксическим конструкциям: *Il vaut/vaudrait mieux; Tu ferais/vous feriez (bien, mieux) de*, которые, очевидно, не только подчеркивают выгодность, полезность для адресата предоставленного говорящим совета, но и дают возможность проследить волюнтативность говорящего относительно действий и поступков собеседника. Такие высказывания непрямого совета построены преимущественно на основе аналитических оценочных предикатов. Формирование вышеприведенной оценочной разновидности побудительных предложений находит свое объяснение в специфике влияния совета не только на сознание, но и на чувство адресата. Имплицируя совет вышеприведенными конструкциями, говорящий выражает свое виденье относительно выполнения побуждения адресатом, а лексемы *bien* и *mieux* позволяют разделить желаемое за шкалой оценок и засвидетельствовать, что бенефактивным в высказывании есть адресат. Благодаря условному способу говорящий подчеркивает желательность действия и смягчает категоричность оценки,

а категория безличности играет роль минимализованного фактора в уменьшении давления на собеседника, следовательно, и в неуверенности относительно целесообразности сказанного. Приведем пример:

(15) *Il vaudrait mieux que tu parte avant la tombée de la nuit.*

Цель декларативных высказываний непрямого совета заключается в том, чтобы изменить ситуацию с помощью их произнесения. В высказываниях, которые имеют декларативную цель, говорящий вызывает положение вещей, представленное пропозициональным содержанием, исключительно благодаря успешному осуществлению им речевого акта [3]. Косвенное выражение совета декларативными высказываниями предопределяется социальными факторами. Говорящий, продуцируя совет, должен иметь высший статус и определенную власть для реализации декларации, в результате произнесения которой у адресата наступает новое состояние. Это возможно при определенной обстановке, такой как суд и вынесение приговора, увольнение с работы, отлучения от церкви. В связи с вышеприведенными обстоятельствами косвенное выражение совета декларативными имеет ограниченное использование. Например:

(16) *“Vous pouvez attendre dans la salle d’à côté. La décision va être rendue tout à l’heure” a recommandé la juge.*

Важным для понимания советов считаем контекстуальный фактор. Ведь в широком контексте с учетом взаимоотношения данного высказывания с другими можно установить характер коммуникативной интенции высказывания, его иллокутивную силу, оценить прагматичный эффект. Произнося одинаковые высказывания в разных контекстах, можно реализовать разные речевые действия. В скрытых и имплицитных советах иллокуция побуждения выводится из контекста и ситуации. Например:

(17) *Vous prendrez garde au verglas.*

(18) *... c’est moi qui ai élevé la montagne qui vous fermait un chemin si funeste; j’étais le médecin qui vous conseillait l’air natal; j’étais la pie qui vous criait de ne point combattre.*

Таким образом, совет в современном французском языке имеет большую вариативность языковых средств прямого и косвенного выражения. Разнообразие средств косвенной экспликации советов детерминировано говорящим, социо-психологической дистанцией между коммуникантами, а также бенефактивностью рекомендации.

Перспективу дальнейших исследований видим в анализе лингвокультурологических особенностей объективации совета на материале других романских языков.

Список литературы:

1. Вежбицкая А. Речевые акты/Анна Вежбицкая//Новое в зарубежной лингвистике. – М.: Прогресс. – 1985. – Вып. XVI: Лингвистическая прагматика. – с. 251–275.
2. Pagnol M. Fanny. – Paris.: Etidition de fallois. – 2010. – 450 p.
3. Searle J. A Classification of illocutionary acts/John Searle//Language in Society. – Vol. 5. – 1976. – P. 1–23.

Poleeva Julia Sergeevna,
Taras Shevchenko National University of Kyiv,
lecturer, higher postgraduate degree in linguistics,
the Institute of International Relations
E-mail: x_ps@ukr.net

Some dynamic features of lecture discourse

Abstract: The present paper deals with the results of an experimental phonetic study of some dynamic features of contemporary English-language lecture discourse. In the course of the experiment some relevant perceptual and acoustic cues of speech intensity that affect cognitive mechanisms of perception are identified.

Keywords: dynamic features, speech intensity, loudness, auditory processing, acoustic analysis, lecture discourse, information perception, cognitive strategy.

Lecture discourse has always been the object of attention of linguists (A.A. Leontiev, J. Park, J. Flowerdrew, R.R. Jordan, M. Ruetten), including phonetician

(T. Ye. Rybina, S. V. Budazhapova, I. M. Magidova, L. Pickering). Scientists figured out the character of prosodic composition of lectures (N.A. Kravchenko, T.P. Skorikova,

O.R. Valihura) or considered only one component of intonation (I.V. Petrenko, T.Ye.Yeremenko). So far dynamic aspects of lecture discourse have not been given thorough attention. This paper investigates only some of the dynamic features in terms of their impact on the cognitive processes of perception of information in spoken lecture discourse.

The *purpose* of the paper is to present the results of an experimental phonetic study of some dynamic features of contemporary English-language lecture discourse. The *relevance* of this study is determined by the lack of knowledge of the impact of dynamic parameters on the cognitive processes of reception and transformation of sensory information that organize speech understanding. The problem of the optimal perceptual and acoustic cues that determine acceptance of didactic information on hearing is the *subject* of this study.

It is known that a specific set of prosodic means of implementation of a discourse can be expressed by restrictions or even ban to the use of some of them [1, 158]. One of these components for lecture discourse is speech intensity, where there is a ban on screaming, as well as whispering.

By the dynamic feature of intonation on an acoustic level the author considers such parameter as intensity. Intensity (power of sound) is time averaged energy flux that the sound wave passes per time unit through area unit placed perpendicular to the direction of wave propagation. Sound intensity is proportional to the square of the amplitude of the sound pressure [2, 315]. The intensity level of a sound is commonly measured in decibels (dB), which is an objective measure of intensity. Alternatively, loudness is a psychological term that refers to the “magnitude of an auditory sensation” [3, 82]. In other words, loudness can be defined as the perceptual or subjective correlate of intensity of a particular sound [4, 27].

The study was carried out in accordance with the program developed. The dynamic components were identified through both auditory and instrumental analyses. Accordingly the summary of the results obtained in the paper is represented as a number of blocks: data interpretation of the auditory processing; data interpretation of the acoustic analysis; comparative analysis of the stages of the experiment.

The first step of the procedure was to pick up a number of appropriate voice samples to be used as speech materials in the experiments. The informants ($n = 36$) were given as speech stimuli twelve most contrasting excerpts of real life recorded academic lectures, performed by different speakers ($n = 12$). Six female and six male speech samples were studied. This proportion is motivated by “the purity

of the experiment” and allows to avoid additional difficulties in approximating the results. Out of these samples six lecturers-speakers were selected. The voice samples were characterised by the auditors-informants as “good”, “satisfactory” or “poor” depending on the degree of perception.

As percipients we engaged a group of auditors-phoneticians ($n = 5$) who are fluent in English, have deep knowledge of phonetics and phonology of the language, but are not native speakers. The selection of the percipients was carried out in accordance with the methodological requirements and determined by the language investigated and the objectives of the experiment. Involvement of an odd number of auditors is motivated by more correct subsequent statistical analysis.

Loudness perception can be measured using subjective rating scales. These rating scales for speech loudness are based on judgments of externally-generated speech stimuli or judgments involving self-generated speech at intended loudness levels [4, 31]. The participants were instructed to identify loudness levels and then make speech loudness judgments immediately after each playback of the recorded experimental samples of lectures. To describe speech loudness the author used the following rating scale of perceptual gradation: *low, decreased, moderate, increased, high*. To ensure the representativeness of the phonetic marking we considered only those cases that showed a matching rate 70 %. A unified system of diacritics was given in the instructions to the questionnaire and presented to each of the participants in the experiment.

The judgements of the nature of implementation of speech loudness in experimental samples of lectures by the auditors is as follows: «good» — *high* — 24.1 %, *increased* — 72.6 %, *moderate* — 3.3 %; «satisfactory» — *high* — 1.3 %, *increased* — 81.2 %, *moderate* — 17.5 %; «poor» — *increased* — 9.3 %; *moderate* — 81.1 %; *decreased* — 9.6 %. For ease of reference, the results of this study are given below as a summary data table (Table 1).

As can be seen from the above analysis, the *increased* intensity, even with a tendency to *high*, promotes the assimilation of information in lecture discourse. According to the auditors the increase of speech intensity draws the listener’s attention to what is reported, creates a sense of the importance of information and lecturer’s interest in it. The increase of intensity level of a sound provides a dynamic and energetic discourse that activates and maintains the attention of recipients of information. Thus, regardless of the polarity of the studied stimuli, there is an accentuation of information blocks by raising or lowering the intensity: the more important the segments – the loudness is increased, the less important – reduced.

Table 1. – Summary table of the results of the auditory processing of speech intensity (%)

Degree of information perception	Speech intensity				
	high	increased	moderate	decreased	low
good	24.1	72.6	3.3	0.0	0.0
satisfactory	1.3	81.2	17.5	0.0	0.0
poor	0.0	9.3	81.1	9.6	0.0

It is known [5, 62] that increased intensity demonstrates decisiveness, persistence and even obsession, which is logical in this case. According to another author [6, 125], such changes of intensity signify determination and firmness of intentions. At the same time stable level of intensity symbolizes the power of the signal and its rotation promotes strengthening of certain pieces of the message and the decrease of the others by varying the degrees of expressed emotions.

Thus, the results of the examination of speech intensity settings in actualization of cognitive strategies of lecture discourse on perceptual level indicate the importance of this parameter in prosodic system and necessitate the analysis of its acoustic correlates.

One of the studied parameters at the stage of acoustic analysis was intensity diapason (ΔI). In this paper the measurement was conducted in dB, which are then converted to relative units — percentage (%). The peak amplitude of the intensity in the studied fragments was conventionally taken as 0 dB or 100 % for each speaker [7].

The procedure for calculating the percentage of the minimum and maximum amplitudes of intensity was performed automatically by a computer program Speech Analyzer (version 1.5.) [8].

Intensity diapason in relative units is calculated by the following formula:

$$\Delta I = I_{\max} - I_{\min}$$

ΔI — the intensity diapason expressed as a percentage;

$I_{\max}$ — the maximum rate of intensity, expressed as a percentage;

$I_{\min}$ — the minimum rate of intensity, expressed as a percentage.

Determination of intensity diapason was carried out according to the following gradation: *narrow* (0–20 %), *narrowed* (21–40 %), *normal* (41–60 %), *expanded* (61–80 %) and *wide* (81–100 %).

Relative frequencies of the power diapasons of information blocks of utterances from different voice samples are presented in Table 2.

Table 2. – Intensity diapason in lectures with varying degrees of perception of information (%)

The degree of perception of information	Type of information block	Intensity diapason				
		narrow 0–20 %	narrowed 21–40 %	normal 41–60 %	expanded 61–80 %	wide 81–100 %
good	Background information	10.81	48.64	35.13	5.40	0.00
	New information	0.00	0.00	18.36	62.16	19.48
satisfactory	Background information	7.14	42.86	35.72	14.28	0.00
	New information	0.00	21.43	28.58	36.87	13.12
poor	Background information	0.00	8.69	56.52	34.78	0.00
	New information	0.00	0.00	26.80	60.85	13.04

The results (Table 2) indicate a general trend towards the use of intensity diapasons in lectures with varying degrees of information perception. As the Table shows, the core of power diapason in blocks of background information in samples characterized as “good” consists of *narrowed* (21–40 %) and *normal*

(41–60 %) diapasons. While quanta of new information mostly consist of *expanded* diapasons (61–80 %). Such opposition is extremely contrasting and helps the listener to navigate in the information plane of the discourse, to focus attention on the most important blocks of information.

In “satisfactory” there is only a slight shift of power diapasons on information contrasts. While the observation of the implementation of the studied parameter in samples marked as “poor” indicate significant differences in diapasons of intensity. According to Table 2 ΔI shift was registered on blocks of background information to *normal* (56.52 %) or *wide* (34.78 %), and to high-light significant information *expanded* (60.85 %) or *wide* (13.04 %) diapasons are used.

Comparative dynamics of intensity diapason suggests determining the status of this acoustic parameter as differential feature that reflects the effective implementation of prosodic marker of cognitive discourse strategies. The foregoing shows that the intensity diapason was a distinctive characteristic from the point of view of the goal and objectives of this research. A number of scholars [9, 36] emphasized the fact that the dynamic component of intonation is significant in terms of actualization of an utterance. Our study has allowed revealing optimal

perceptual and acoustic cues of loudness and intensity diapason for the effective perception. This differentiation was made possible by the use of the systemic methodological approach, specifically, an appeal to the listener’s mind through psycholinguistic experiment.

In the present study the importance of dynamic features was only briefly tested. Further studies may be directed to the identification of other indicators of speech intensity such as direction of movement of intensity curve, average sound pressure level ($\bar{I}$), correlation of maximums ($I_{\max}$) and minimums ($I_{\min}$) amplitude intensity and their localization. Prosodic marking is a complex phenomenon and affected by many different acoustic cues and the exclusion of some of them may not give a true picture of how they are realized in speech signal. Future work may focus on the analysis of dynamic interaction with other prosodic means of lecturer’s speech in terms of cognitive mechanisms of information perception.

Reference:

1. Комарова И. А. Конечное продление в различных жанрах речи и музыки//Проблемы фонетики: сб. стат./Отв. ред. Р. Ф. Касаткина. – М.: Наука. – 2002.
2. Русаков И. Г. Интенсивность звука//Большая советская энциклопедия. – М.: Издательство “Советская энциклопедия”. – Т. 12 – 1976.
3. Fletcher H., Munson W. A. Loudness, its definition, measurement and calculation//Journal of the Acoustical Society of America, 5. – 1933.
4. Clark J. Loudness perception and speech intensity control in Parkinson’s disease/Thesis format: Monograph. Available at: <http://www.ir.lib.uwo.ca>
5. Захарова Ю. М. Просодична інтерференція в англomовному дискурсі (експериментально-фонетичне дослідження мови арабо-англійських білінгвів): дис. ... канд. філол. наук: 10.02.04. – К., – 2004.
6. Калита А. А. Фонетичні засоби актуалізації смислу емоційного висловлювання: Монографія. – К.: Вид. центр КДЛУ, – 2001.
7. Speech Analysis Tutorial. Available at: <http://www.ling.lu.se/research/speechtutorial/tutorial.html>.
8. Speech Analyzer: version 1.5. Summer Institute of Linguistics. Copyright ©1996 –2000. Acoustic Speech Analysis Probject: JAARS – CCS, Waxhow, NC.
9. Багмут А. Й. Інтонія як засіб мовної комунікації. – К.: Наукова думка, – 1980.

Riabova Olga Valentinovna,
Saint Petersburg State University,
PhD, associate professor, the Faculty of Philology
E-mail: agloria@mail.ru

The word order in the Russian as a foreign language course: the learning specifics (B2 – C1 levels)

Abstract: The article describes a communicative function of word order in Russian. The focus is on the communicative competence acquisition process.

Keywords: communicative function, word order, foreign language acquisition.

Рябова Ольга Валентиновна,
Санкт-Петербургский государственный университет,
кандидат педагогических наук, доцент, филологический факультет
E-mail: agloria@mail.ru

Порядок слов в аспекте русского языка как иностранного: специфика изучения (уровни В2 — С1)

Аннотация: В статье рассмотрен процесс освоения иностранными учащимися коммуникативной функции порядка слов в русском предложении. Приведена система упражнений по развитию навыка употребления порядка слов в речи на русском языке.

Ключевые слова: коммуникативная функция, порядок слов, изучение иностранного языка.

Порядок слов в русском предложении традиционно считается одной из чрезвычайно сложных для освоения тем в курсе русского языка как иностранного. Необходимо, однако, подчеркнуть, что сложность данной темы проявляется постепенно — в связи с продвижением учащегося от одного уровня обучения к другому. И если на этапе А1 студенту достаточно использовать предложения с прямым порядком слов, чтобы быть понятым, то чем выше уровень владения языком, тем более значительной становится роль использования порядка слов в достижении определённой коммуникативной цели.

В практике преподавания русского языка как иностранного, особенно на начальных этапах обучения, у студентов довольно часто создаётся представление о том, что порядок слов в русском языке не является фиксированным. Это наблюдение легко сделать на основе анализа учебных текстов уже в самом начале изучения языка. Очевидно, что абсолютизация такого наблюдения и вывод о том, что порядок слов в русском предложении свободный, являются ошибочными. Многие лингвисты указывают на этот факт, например: «Мнение о свободе порядка слов в русском языке, вошедшее в учебные пособия, приводит к явным ошибкам в порядке слов в переводах, выполненных иностранцами, ...» [1, 4]. Однако это представление, к сожалению, не уходит из практики изучения РКИ. Но даже если говорить о нефиксированном порядке слов, то необходимо сделать существенное дополнение, чтобы учащийся адекватно представлял себе роль порядка слов в предложении на русском языке, а именно замечание о коммуникативной функции порядка слов, то есть «порядок слов может варьироваться в зависимости от коммуникативной задачи сообщения» [2, 191]. И, как показывает практика, именно это варьирование в коммуникативных целях представляет собой исключительную трудность для освоения студентами.

Изучение иностранного языка в современном мире ориентировано прежде всего на обучение речи, поэтому основной становится проблема выражения смысла с помощью точного использования средств изучаемого языка. Соответственно, технологии обучения развиваются прежде всего по пути освоения учащимися речи на иностранном (русском) языке.

Если носитель языка рассуждает о речи иностранца, то, как правило, первое, что приходит на ум, — это фонетическая сторона речи. Соответственно, в процессе освоения иностранного языка приходится решать проблему преодоления акцента в речи инофонов. Однако не менее заметный «акцент» можно наблюдать и в синтаксических структурах, используемых иностранцами, говорящими на русском языке. И так же, как в случае с фонетическим акцентом, закономерность развития «синтаксического акцента» состоит в том, что чем выше уровень владения иностранным языком, тем выше необходимость точного употребления синтаксических конструкций для передачи не только значения, но и интенции говорящего. Конечно, говоря об интенции, невозможно отойти и от понятия стиля речи, которое широко используется в практике преподавания РКИ.

Особую актуальность работа по освоению коммуникативной функции порядка слов в русском предложении приобретает на пороге уровня В2 (ТРКИ-2), так как именно в этот период обучения студенты достигают такого уровня коммуникативной компетенции, которая позволяет им обеспечить успешную коммуникацию в ситуациях повседневного общения, и переходят к освоению дифференцированных способов выражения значений и интенций в речи. То есть начиная с этого этапа приоритетной задачей учащихся становится осознание, различение и использование в собственной речи коммуникативных значений, передаваемых с помощью порядка слов. Другими словами, на этапе обучения от уровня В2 к уровню С1,

с одной стороны, студентам становится необходима «беглость» в составлении синтаксических конструкций, а с другой — безошибочный выбор конструкции, соответствующий коммуникативной ситуации.

Следует заметить, что упражнения на составление отдельных предложений из слов, представленных в словоформах, в которых данные слова употреблены в предложении, являются сложными для учащихся даже на завершающем этапе обучения по программе В2 (ТРКИ-2). Причиной такой сложности является не столько ошибочное распознавание грамматической формы студентом, сколько его неспособность видеть структуру русского предложения, и часто — невозможность распределить лексемы по синтаксическим группам внутри предложения. Конечно, это свидетельствует о целом ряде проблем, но основной всё же является осознание синтаксической структуры предложения, целенаправленная работа над которой способна в короткий срок избавить студентов от затруднений при конструировании русского предложения.

По мере приближения к уровню С1 (ТРКИ-III) студенты с удивлением отсознают, что синтаксическая организация формальной речи даётся им намного легче, чем неформальной. Если приложить это к тем видам работ, с которыми студенты сталкиваются в курсе общего владения русским языком как иностранным, то подготовить текст доклада и сделать этот самый доклад в устной форме оказывается для студента намного легче, чем составить неформальный диалог, и тем более спонтанно реагировать на реплики собеседника в таком диалоге. Так, например, по статистике обучения американских студентов (за последние 10 лет) по программе от уровня В2 к уровню С1 и затем к уровню С2, при достижении минимального уровня для сдачи теста С1 практически все студенты успешно выполняют задание по созданию текста доклада, а учебные диалоги в неформальном стиле на этом этапе успешно создаёт менее половины учащихся. При этом большую роль играет именно навык использования синтаксических структур: строго закреплённые структуры в формальных текстах относительно легко воспроизводятся студентами, а специфичность использования синтаксических структур и порядка слов для оформления коммуникативной ситуации неформального общения часто приводит к коммуникативной неудаче, что обусловлено различием функционирования синтаксических структур в родном и изучаемом языках (см., например, [3]).

На данном этапе обучения студентам необходима практика работы с единицами синтаксиса —

разнообразные задания на составление предложений, фрагментов текста и целых текстов. Однако высокую эффективность эти задания приобретают только при условии их постоянного и непрерывного использования в учебном процессе.

При изучении русского языка как иностранного от уровня В2 целесообразно использовать в системе следующие виды упражнений:

1. Составление отдельных предложений из слов, представленных в грамматических формах, необходимых для данного предложения.

Безусловно, это упражнение используется на самых ранних этапах обучения языку и имеет большое значение для осознания студентами структуры русского предложения, однако на этапе обучения от уровня В2 (ТРКИ-II) значение этого упражнения возрастает, так как усложняется использованием одних и тех же слов в ситуациях неформального и формального общения, а также в заданиях на конструирование фразы в том или ином функциональном стиле. Например, конструирование более и менее эмоционально насыщенных высказываний с помощью изменения порядка слов и помещение в конец предложения — в речевую часть — наиболее важных для высказывания слов.

Как было сказано выше, изучение языка от уровня В2 (ТРКИ-II) требует от учащегося дифференциации средств языка для наиболее успешного достижения коммуникативной цели. Таким образом, в казавшемся простым упражнении на составление предложения из слов открываются новые обучающие возможности: для совершенствования навыков учащихся по использованию роли порядка слов в разных коммуникативных ситуациях.

Например, такое задание.

Упражнение. Составьте предложения из слов, не меняя грамматические формы. Порядок слов необходимо поменять.

для, для, души, заниматься, здоровья, не только, но и, полезно, плаванием, считается, что

Возможные варианты предложений:

А) *Считается, что заниматься плаванием полезно не только для здоровья, но и для души.*

Б) *Считается, что заниматься плаванием полезно не только для души, но и для здоровья.*

Вариант А является предпочтительным, так как отражает общее представление о взаимосвязи понятий «плавание» и «здоровье», однако вариант Б также может быть принят как правильный ответ, но с обязательным комментарием о том, в какой

именно коммуникативной ситуации он может быть употреблён.

2. Составление отдельных предложений из слов, представленных в «начальных» формах, то есть имена существительные — в форме единственного числа именительного падежа или, если это требуется в тексте, имена существительные в форме множественного числа именительного падежа; имена прилагательные — в форме единственного числа, мужского рода и именительного падежа. Что касается форм глагола, то на данном этапе целесообразно представлять только его спрягаемые формы в форме инфинитива.

Первый вариант такого задания выполняется при условии не менять порядок, в котором расположены предложенные слова.

Упражнение. Составьте предложения, используя слова в необходимых грамматических формах и не меняя порядок слов.

У/собака,/который/найти/Роберт,/нет/аппетит.

Возможные варианты предложений:

А) *У собаки, которую нашёл Роберт, нет аппетита.*

Б) *У собаки, которая нашла Роберта, нет аппетита.*

В данном случае предпочтительным является вариант А, в отличие от варианта Б, который является менее употребительным в связи с описанной в нём ситуацией; хотя вариант Б синтаксически также правилен.

Второй — усложнённый — вариант этого упражнения — это упражнение с дополнительным заданием выстроить порядок слов. Очевидно, что выполнение этого варианта задания предполагает большую вариативность, которая будет обусловлена тема-рематическим делением высказывания.

Например, такой вариант упражнения.

Упражнение. Составьте предложения, используя слова в необходимых грамматических формах и не меняя порядок слов.

аппетит, который, найти, нет, Роберт, собака, у

При таком задании к указанным выше вариантам предложений добавляется, например, такой:

В) *У Роберта, который нашёл собаку, нет аппетита.*

Также возможно составление других примеров, синтаксически правильных, но описывающих менее реальные события.

При выполнении таких заданий необходимым условием успешности обучения является комментирование коммуникативных ситуаций, в которых данные примеры могут быть употреблены. Такие комментарии развивают представление о коммуникативном контексте и позволяют перейти к следующему типу упражнений.

3. Составление сложного синтаксического целого.

Хотя данное упражнение является усложнением предыдущего, оно приобретает совершенно новое качество, так как студенты должны учитывать контекст при составлении каждого предложения, входящего в сложное синтаксическое целое.

Работа с заданиями такого типа традиционно строится по пути увеличения количества предложений, входящих в единство. Например, следующее упражнение.

Упражнение. Перепишите фрагмент текста, используя слова в необходимых грамматических формах и не меняя порядок слов.

Традиция /отмечать/ Старый/Новый/год/идти/от/расхождение/Юлианский/календарь/и/Григорианский/календарь./Расхождение/календари/в/XX – XXI/века/составлять/13/дни./Старый/Новый/год/это/дополнительный/праздник/который/получиться/в/результат/смена/летоисчисление./Из-за/данный/расхождение/календари/мы/отмечать/два/Новые/год.

Результат выполнения задания:

Традиция отмечать Старый Новый год идёт от расхождения Юлианского календаря и Григорианского календаря. Расхождение календарей в двадцатом — двадцать первом веках составляет тринадцать дней. Старый Новый год — это дополнительный праздник, который получился в результате смены летоисчисления. Из-за данного расхождения календарей мы отмечаем два Новых года.

4. Составление сложного синтаксического целого с усложнением структуры входящих в него предложений.

Например, работа с таким фрагментом текста.

Упражнение. Перепишите фрагмент текста, используя слова в необходимых грамматических формах и не меняя порядок слов.

Традиция/отмечать/Старый/Новый/год/идти/от/расхождение/Юлианский/календарь/или/иначе/календарь/старый/стиль/и/Григорианский/календарь/тот/по/который/сейчас/жить/практически/весь/мир./Расхождение/календари/в/XX – XXI/века/составлять/13/дни./Старый/Новый/год/это/редкий/исторический/феномен/дополнительный/праздник/который/получиться/в/результат/смена/летоисчисление./Из-за/данный/расхождение/календари/мы/отмечать/два/Новые/год/по/старый/и/новый/стиль.

Результат выполнения задания:

Традиция отмечать Старый Новый год идёт от расхождения Юлианского календаря или, иначе,

календаря старого стиля, и Григорианского календаря, того, по которому сейчас живёт практически весь мир. Расхождение календарей в двадцатом — двадцать первом веках составляет тринадцать дней. Старый Новый год — это редкий исторический феномен, дополнительный праздник, который получился в результате смены летоисчисления. Из-за данного расхождения календарей мы отмечаем два Новых года: по старому и новому стилю.

Следует отметить, что, начиная с работы со сложным синтаксическим целым, упражнения на восстановление порядка слов отходят на второй план и относительно редко используются в практике преподавания. Это связано не столько со сложностью их выполнения из-за значительного объёма слов и не из-за большого количества создаваемых студентами вариантов, а прежде всего с обучающим эффектом. Дело в том, что, составляя предложения с уже зафиксированным порядком слов, учащийся по существу работает с текстами-образцами, воссоздав которые, он получает представление о наиболее уместных для данного коммуникативного акта синтаксических структурах и об особенностях использования этих структур.

5. Составление целых текстов из слов, представленных в «начальных» формах, как было указано в упражнениях второго типа.

Однако важным условием, которое, с одной стороны, усложняет выполнение заданий по составлению текстов, а с другой — развивает синтаксическую «зоркость» учащихся, является предъявление всех глаголов в форме инфинитива, даже если в тексте эти глаголы будут использованы в формах причастий или деепричастий.

Возможно, этот вид заданий следует более точно называть воссозданием текстов, так как в качестве материала для таких упражнений берут уже существующие тексты разных стилей и жанров.

В качестве примеров приведём два отрывка из текстов:

I.

И/этап/2012/2014/годы/являться/предварительный/этап/предусматривать/вынужденный/стабилизация/финансирование/мероприятия/в/рамки/различный/области/культура/в связи с/общеекономический/ситуация/в/страна/Предполагаться/поддержка/профессиональный/искусство/стимулирование/создание/новый/современный/произведения/наиболее/эффективный/направления/развитие/культура/и/развитие/отставать/направления/выполнение/необходимый/реставрационный/работы/проведение/культур-

ный/мероприятия/развитие/материальный/база/учреждения/культура/что/позволить/обеспечить/необходимый/качество/культурный/блага/и/услуги/предоставлять/население.

Данный отрывок является фрагментом текста делового стиля, поэтому при выполнении задания студент должен будет пользоваться известными ему особенностями использования форм слов в сочетании с особенностями порядка слов в текстах данного типа.

Результат выполнения задания:

Первый этап: две тысячи двенадцатый — две тысячи четырнадцатый годы — является предварительным этапом, предусматривающим вынужденную стабилизацию финансирования мероприятий в рамках различных областей культуры в связи с общеэкономической ситуацией в стране. Предполагается поддержка профессионального искусства, стимулирование создания новых современных произведений; наиболее эффективных направлений развития культуры и развития отстающих направлений; выполнение необходимых реставрационных работ; проведение культурных мероприятий; развитие материальной базы учреждений культуры, что позволит обеспечить необходимое качество культурных благ и услуг, предоставляемых населению.

II.

Неоспоримый/факт/джинсы/наиболее/распространенный/актуальный/одежда/который/быть/уместный/практически/езде/Но/каждый/относиться/к/они/по-своему/Для/одни/джинсы/являться/лишь/незначительный/деталь/объединять/дорогой/кеды/из/новый/коллекция/и/крутой/куртка/для/другие/же/это/некий/культовый/продукт/требовать/особый/внимание/

Данный отрывок является фрагментом публицистического текста. Для успешного выполнения такого задания от студента требуется владение основными нормами построения текста такого типа.

Результат выполнения задания:

Неоспоримый факт: джинсы — наиболее распространенная, актуальная одежда, которая будет уместна практически везде. Но каждый относится к ним по-своему. Для одних джинсы являются лишь незначительной деталью, объединяющей дорогие кеды из новой коллекции и крутую куртку; для других же это некий культовый продукт, требующий особого внимания.

На завершающем этапе обучения по программе С1 (ТРКИ-III) и при обучении по программе С2 (ТРКИ-IV) важным является составление текстов разных стилей, от распознавания которых часто

зависит выбор грамматических форм. Например, если текст написан в публицистическом стиле, то учащиеся должны отдать предпочтение спрягаемым формам глагола, где это возможно, тогда как в текстах научного стиля студенты будут преимущественно использовать причастия и деепричастия там, где это возможно в соответствии с синтаксисом предложения.

Конечно, работа с упражнениями на порядок слов традиционно строится по принципу «от простого — к сложному». Так, упражнения на восстановление порядка слов и на использование слов в нужных грамматических формах при фиксированном порядке слов возможно и целесообразно использовать в начале обучения по программе С1, а упражнения на составление сложного синтаксического целого приобретают

особое значение после первой трети курса С1. Работа с текстом — из-за относительно большого объёма и из-за разнообразия синтаксических конструкций — приобретает особую актуальность в заключительной трети обучения по программе С1 и предоставляет исключительные возможности для совершенствования синтаксических навыков и коммуникативных умений тем, кто изучает язык от уровня С1 к уровню С2.

Таким образом, следует констатировать, что группа таких простых на первый взгляд упражнений при регулярном использовании в процессе обучения позволяет достичь значительных результатов при формировании, развитии и совершенствовании синтаксических навыков студентов, изучающих русский язык как иностранный.

Список литературы:

1. Сиротинина О. Б. Порядок слов в русском языке. Изд. 2-е, стереотипное. – М.: Едиториал, – УРСС, – 2003. – 172 с.
2. Русская грамматика. Том II. Синтаксис. – М.: Наука, – 1980. – 710 с.
3. Щенникова Н. В. Специфика английской речи носителей русского языка: когнитивный аспект // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. – 2014. – Вып. 2 – с. 106–116.

*Semenenko Galina Nikolayevna,
Ph.D., Associate Professor,
Kyiv National Linguistic University
E-mail: gsemenenko@yahoo.com*

Qualitative methods of data processing in historical sociolinguistics

Abstract: The article considers the methodology of analyzing data extracted from diachronic corpora. It also discusses the potential of the quantitative analytical methods for studying language variation and language change.

Keywords: historical sociolinguistics, corpus linguistics, quantitative methods of data analysis.

*Семененко Галина Николаевна,
канд. филол. наук, доцент,
Киевский национальный лингвистический университет
E-mail: gsemenenko@yahoo.com*

Количественные методы обработки данных в исторической социолингвистике

Аннотация: В статье рассматривается методология анализа данных диахронических языковых корпусов. Определяется потенциал широкого использования количественных аналитических методов в социолингвистических диахронических исследованиях вариативности и языковых изменений.

Ключевые слова: историческая социолингвистика, корпусная лингвистика, количественные методы анализа данных.

При объективной недоступности образцов устной речи, основным источником данных для исторической социолингвистики служат письменные

тексты разных жанров, сохранившиеся с ранних этапов языкового развития. В этой ситуации сложно переоценить роль компьютеризированных

языковых корпусов, например, Хельсинского корпуса, ряда языковых корпусов группы Brown, корпуса ARCHER или корпуса раннеанглийской переписки PSEEC, появившихся в результате плодотворных взаимоотношений лингвистики, истории и информационных технологий. Задача статьи состоит в описании методов количественных исследований этих корпусов для решения основных задач диахронической социолингвистики.

Любое исследование только выигрывает от использования количественных методов, тем более что качественные методы часто подвергаются критике за сложность воспроизведения и подтверждения результатов анализа. Большое значение при количественном корпусном анализе имеют так называемые экспериментальные технологии, созданные для трансформации сложных рядов данных в итоговую (часто визуализированную) репрезентацию, которая позднее интерпретируется аналитиками и часто приводит к формулированию новой гипотезы.

Корпусные социолингвистические исследования посвящены сравнению частотности объективно вычисляемых языковых признаков, т. е. количественному анализу полученных примеров. Типичная задача исследования в рамках вариативной социолингвистики формулируется так: верно ли, что переменная *x* используется по-разному в корпусе А и в корпусе Б (например, корпуса текстов разных периодов, разных региональных/национальных вариантов, устные или письменные)? Для получения ответа этот вопрос необходимо трансформировать в гипотезу — утверждение, подлежащее проверке. В зависимости от результатов тестов гипотеза принимается или отвергается.

Одним из популярных статистических методов социолингвистического исследования является логистическая регрессия, которую используют для тестирования гипотезы о том, обусловлено ли чередование вариантов языковых переменных разными аспектами социальной ситуации говорящего с учетом влияния языковой среды [6]. Например, У. Дж. Эшби использовал логистическую регрессию для анализа вариативности в употреблении частицы *ne* во французском языке — в устной речи *ne* часто опускается, поскольку возражение актуализировано еще одним элементом. Эшби пришел к заключению, что возраст, социальный класс и гендер оказывают влияние на неупотребление отрицательной частицы *ne*, а именно, молодежь, низшие слои среднего класса и женщины отдают предпочтение

пропозициональному возражению без частицы *ne* [1]. Социолингвистические исследования такого рода неоднократно демонстрировали, что языковая вариативность коррелирует с факторами, связанными с социальной ситуацией говорящего, например, возраст, гендер, этническая принадлежность, социально-экономический статус.

Немаловажно, что количественные исследования изменений в языковой структуре в разные исторические периоды помогают в решении глобальных лингвистических проблем, например, установлении времени и особенностей процесса языкового изменения, выделении отдельных фаз такого процесса, определении взаимосвязанности или, наоборот, независимости изменений в формальных и функциональных признаках языковой формы, выделении причин и движущих сил процесса языковых изменений, их относительную важность в пространстве и времени, сравнении случаев языковых изменений в прошлом с языковыми изменениями, которые происходят в настоящем. Разумеется, социолингвистические исследования диахронии имеют много общего с синхроническими количественными студиями [7] на теоретическом и методологическом уровнях. Такая похожесть не является случайной, поскольку языковая вариативность, находящаяся в центре внимания современных вариативистов, — это ключевой фактор объяснения прошедших и текущих языковых изменений.

Историческая лингвистика зависит от анализа аутентичных данных, тем не менее, не все проблемы исследования заставляют ученых применять количественные методы — некоторые процессы языковых изменений проявляются в качественных отличиях, например, лексические единицы выходят из обихода, доминирующие модели порядка слов (*V2* в истории английского языка) перестают быть таковыми (конечно, эти процессы также можно выразить количественно, когда на определенном этапе языкового развития частота употребления анализируемых единиц будет равняться нулю). Однако, тщательная цифровая обработка диахронических данных становится необходимой в случае не простой констатации факта изменения, но исследования внутренней динамики такого изменения. Количественные исследования являются неотъемлемой частью многофакторных объяснений процесса языковых изменений, включающих множественные формальные, функциональные, внешние социальные факторы; современная статистика существенно облегчает анализ

взаимодействия между формальными, функциональными и внешними факторами для определения того, оказывает ли каждый фактор влияние независимо от других [5]. Предпосылка о независимом влиянии каждого фактора, используемая в подавляющем большинстве исследований, нуждается в доказательной базе, обеспечить которую можно только путем тестирования взаимодействия всех факторов. Количественные методы также используются для исследования взаимодействия времени, с одной стороны, и формальных, функциональных и внешних социальных факторов, с другой стороны, с целью определения действия одного и того же фактора в каждом временном промежутке, или выявления динамики влияния конкретного фактора на выбор говорящих. Без такого взаимодействия невозможно проводить сравнение особенностей функционирования языка в разные периоды его развития.

Некоторые исследователи используют комплексные подходы, часто в форме многофакторного регрессионного анализа. Регрессионный анализ предполагает оценку влияния на зависимую переменную (или реакцию) одной или больше независимых переменных (или предикторов). Важно, что и реакция, и предикторы могут быть разного типа, например, бинарными (синтетические и аналитические формы степеней сравнения прилагательных), категориальными или порядковыми (одушевленные/неодушевленные/абстрактные), или цифровыми (продолжительность звучания или длина слова в фонемах); в зависимости от характера зависимой переменной используется бинарная логистическая регрессия, полиномиальная, порядковая логистическая регрессия, или линейная регрессия. Основным преимуществом регрессионных моделей является то, что они позволяют исследователям рассматривать эффект нескольких предикторов (и их взаимодействие) одновременно [2, 165–236] и определять предикторы, имеющие значительное влияние на языковой выбор говорящих, и как именно реализуется это влияние (делает ли конкретный предиктор выбор более возможным). Тем не менее, несмотря на большие преимущества регрессионного моделирования, существуют исследования, не предусматривающие сравнения частотности определенных явлений в разные исторические периоды [3]. Например, для исследования употребления абсолютных причастных предложений в средне- и ранненовоанглийский периоды недостаточно анализа отдельных примеров или частоты употребления абсолютных

предложений в сравнении с другими финитными и нефинитными синтаксическими конструкциями. Необходимо, прежде всего, идентифицировать контексты, в которых употребляются эти предложения, а потом определить формальные, функциональные и внешние социальные особенности этих контекстов. На абстрактном уровне, решения исследователя основаны на необходимости определить, что “во временной период X контекстуальная особенность Y оказывала влияние на выбор говорящих в пользу новой синтаксической конструкции с относительной силой Z” [4, 50]. Анализируя влияние контекстуальных особенностей в определенные временные промежутки, исследователи получают дифференцированную картину особенностей процесса языковых изменений. Появляется возможность определить относительную роль контекстуальных особенностей, и силу их влияния в исследуемый промежуток времени. Также можно установить взаимодействие двух и более контекстуальных особенностей — наблюдался ли ощутимый эффект в случае их общего действия, или отсутствовал в случае их изоляции. Наблюдение такого типа очень тяжело делать на основе анализа отдельных примеров, количественный корпусный анализ в этом случае выполняет функцию увеличительного стекла, позволяя ученым обнаружить явления, которые, в ином случае, могли пройти мимо их внимания.

Необходимо отметить, что высокое качество полученных данных не является самоцелью: точная информация о процессе языкового изменения является важной предпосылкой для обсуждения причин и характера языковых изменений: изменение может быть результатом действия социальных факторов (американизация, колонизация), иметь культурные или жанровые особенности развития (осложнение, упрощение), быть вызванным структурными сдвигами (обобщение, аналогическое выравнивание). Установление связей между процессом изменения и потенциально конкурирующими факторами языковых изменений должно начинаться с определения факторов изменений после тщательного экспертного анализа. Именно в этом случае количественные методы имеют преимущество над качественными: количественный анализ позволяет определять относительное влияние серии факторов, отделять важное от неважного. Так, анализ может подтвердить, что определенный фактор имел лишь незначительное влияние и это влияние можно игнорировать — по меньшей мере, при анализе конкретной выборки

и населения, для которого эта выборка репрезентативна. Доказать это довольно убедительно на основе лишь качественных данных задача достаточно сложная. Конечно, не подвергается сомнению тезис о том, что любое количественное исследование невозможно без качественного обоснования, в то же время необходимо указать, что количественный анализ процесса языковых изменений чрезвычайно важен для качественного обоснования.

Результаты, полученные благодаря применению статистических методов и приемов, часто указывают на то, что модели языкового использования подвергаются незаметным на первый взгляд изменениям, которые невозможно обнаружить путем сравнения отдельных примеров, при этом их значение тяжело переоценить в терминах общего процесса языкового изменения. Во-первых, вариативный подход к анализу использования альтернативных языковых единиц, выполняющих одинаковую функцию, плодотворно перенесен на регрессивный анализ вариативности в процессе языкового развития. Благодаря диахроническим языковым корпусам, представляющие последовательные периоды развития языка, время может быть включено в анализ как один из взаимодействующих предикторов, также появляется возможность сравнить вариативность в современности с вариативностью на ранних этапах языкового развития. Во-вторых, количественный анализ предлагает детальное рассмотрение происходивших изменений, позволяя таким образом определить

конкретные факторы влияния на процесс языкового изменения в разные промежутки времени. Динамика диахронического варьирования может находиться в диапазоне от относительной стабильности до существенной реорганизации, когда необходимо внимание к деталям: исследование должно не просто дать ответ на вопрос о влиянии того или иного фактора, но и определить время начала действия такого фактора и изменения в силе влияния в процессе развертывания языкового изменения. В-третьих, результаты количественных исследований часто указывают на отсутствие влияния, что подразумевает невалидность гипотезы, предусматривавшей наличие такого влияния.

Количественные методы имеют значительный потенциал для исторических корпусных исследований, в первую очередь для определения масштабов вариативности, являющейся ключевым фактором в процессе языковых изменений, для чего необходимо иметь аналитические инструменты, обеспечивающие обработку комплексных данных и позволяющие проводить детальный анализ языковых событий. Кроме того, количественные аналитические методы обращают внимание на явления, которые бы в другом случае остались незамеченными исследователями. Тем не менее, отметим, что все статистические методы анализа диахронических данных находятся в процессе становления, они нуждаются в дальнейшем тестировании и усовершенствовании.

Список литературы:

1. Ashby W.J. The loss of the negative particle *ne* in French: A syntactic change in progress. – *Language*. – 1981. – No. 57. – P. 674–687.
2. Baayen R. H. *Analyzing Linguistic Data: A Practical Introduction to Statistics*. – Cambridge: Cambridge University Press, – 2008.
3. Gries S. Th. *Commentary: corpus-based methods*//*Current Methods in Historical Semantics*. – Berlin/New York: Mouton de Gruyter, – 2011. – P. 184–195.
4. Hilpert M. *Constructional Change in English: Developments in Allomorphy, Word Formation, and Syntax*. – Cambridge: Cambridge University Press, – 2013.
5. Hilpert M., Gries S. Th. *Quantitative approaches to diachronic corpus linguistics*//*The Cambridge Handbook of English Historical Linguistics*. – Cambridge: Cambridge University Press. Forthcoming.
6. Sankoff D., Labov, W. (1979). On the uses of variable rules//*Language in Society*. – 1979. – No. 8. – P. 189–222.
7. Tagliamonte S. A. *Analysing Sociolinguistic Variation*. – Cambridge: Cambridge University Press, – 2006.

Khamraeva Yorqinoy Nabizhanovna,
Ph. D. in Philology, Karshy State University (Uzbekistan),
the Faculty of Philology
E-mail: yorqinoykhamraeva67@mail.ru

Paradigm of verbal synonyms in semantic field

Abstract: The main object of article is to show a paradigm of verbal synonyms in a semantic field. The author of article considers a verbal synonym from the point of view of semantic unity.

Keywords: semantic field, paradigmatic relations, personality, temporality, locality, the core and the periphery.

The semantic field on the part of scientists is treated differently. It should be noted that some concepts are very similar, while others contradict each other; the third differ from those and others. And here different points of view are observed in relation to the “field”. For example, if F. P. Filin names the field a semantic affinity and similarity of meanings, L. Weisgerber names it a certain part of linguistic meaning and its component part, and G. Ipsen and A. Jolles have seen in the “field” a semantic group in which words are connected with each other in meanings. A similar interpretation can be seen and in words of J. Trier who claimed that «the verbal field represents a group of words which are closely connected with each other in meaningful relations and, being interdependent, predetermine meanings of each other» [3, 23].

In “The Dictionary of linguistic terms” by T. V. Zhrebilo the following definition is given to this notion: “SEMANTIC FIELD is onomasiologic and a semantic grouping of words, their hierarchical organization incorporated by one hereditary meaning and representing a certain semantic sphere in language. Onomasiologic property of a semantic field is a presence of hereditary seme in its basis, or a hyper seme, designating a class of objects. Sema-siological property of a semantic field is a correlation of field members with each other to integral-differential attributes in their meanings...” [2, 267].

One may come to such a conclusion from aforesaid characteristics: all above-named scientists are unified with aspiration to scientific research of internal structure of language on the basis of lexical-semantic system, in fact system character of lexicon is found out in distribution of words incorporated by meanings in lexical-semantic paradigms.

It is necessary to note, that verbal lexemes carry out a special role in a semantic field. It is concerned with that, the verbs opposing to nouns always possess the greater stability in comparison with the last. The most part of verbs, keeping the conditional attributes, are frequently used in figurative meaning, so polysemy is a constant follower of verbal lexicon. For this reason the verb in the Uzbek

linguistics is one of deeply investigated and perfectly developed spheres in comparison with other parts of speech.

In opinion of Russian scientist L. M. Vasiliev at semantic classification of verbal lexicon it is necessary to take into account three principles: 1) denotative (or thematic); 2) paradigmatic and 3) syntagmatic [1, 39]. Let's consider the given thesis by the example of a verbal lexeme “qaramoq” — “to look”.

1. At denotative the approach ontological division first of all such concepts, as a subject, a sign, a condition and action are observed. First of all denotative meanings of lexemes are taken into account with the purpose of allocation of semantic fields, when distributing words with common meanings, to lexical-semantic or to thematic groups in ideographic dictionaries. In this way semantic fields “Flora”, “Fauna”, “Person”, etc. are determined.

Association of lexemes into the certain conceptual classes occurs under requirements of the semantic field connected to the given concept. Such grouping doesn't occur chaotically, but under the concrete plan. Otherwise, certain words on the basis of semantic affinity are distributed on the center and periphery of a semantic field. A set of usual relations makes this or that paradigm in lexicon and defines it's functioning. Verbs in the Uzbek language as a significant part of speech in this respect are considered active and steady.

It is necessary to note, that the verbal lexeme *qaramoq* is one of active units of a semantic field “Person”; 18 meanings of this word, and also more than 10 values in combination with other language units are given in an explanatory dictionary of the Uzbek language [7, 243–244]. In connection with that the given lexeme is correlative with notion “eye”, sharply differs from lexemes *eshitmoq* — to hear, *so'zlammoq* — to speak, *hidlammoq* — to smell, *yemoq* — to eat, *yurmoq* — to go, and in any sense it's even opposed to them. For example: *Akbar derazadan ko'chaga qaradi.* — Akbar has looked at street through the window (the executor of action is the subject); *O'ng tarafdan qadam tovushi eshitildi.* — The sounds of steps were heard on the right (action is irrelative to subject).

2. In paradigmatic relations the verb *qaramoq* shows the following attributes:

a) Possesses synonymy: *boqmoq* — to glance, *tikilmoq* — to stare, etc.

b) has an antonymous pair: *ko'z yummoq* [9] — 1. to close eyes. (It is necessary to note, that the given verb has also other semes: 2. “To die, “pass away”, “to give soul”; 3. “not to take into account”, “not to react”, “to be silent”. But with these meanings the word enters into other, separate semantic fields.

c) It is filled with a positive estimation: *boqmoq* — to glance, *termilmoq* — to stare, to look for a long time, *nazar solmoq* — to cast a glance at, to look for a moment, *nazar tashlamoq* — to take a glance, etc.; in a negative estimation: *olaymoq* — to stare wide-eyed, *baqraymoq* — to goggle, etc.

3. In some cases interrelation or non interrelation of any word to a semantic field is defined on a degree of its coherence with the words which are in a nucleus. Hence, the special attention is demanded to syntagmatic relations of lexemes. For example, the word *qaramoq* considered by us has a neutral filling; therefore it can be used in a combination with many words of the given paradigm: *ko'z qiri bilan qaramoq* — to look of an eye edge, *uyalib qaramoq* — to look with hesitation, *suq bilan qaramoq* — to look with envy, *qarab o'tmoq* — to look over, etc. However the word *baqraymoq* (to stare) is impossible to use with words: *uyalib* (felling embarrassed), *sevib* (with love), etc.

It is known, that one of the most widespread relations in a verbal paradigm is a synonymy. This phenomenon is widely developed in the Uzbek linguistics; however it is not given a proper estimation from the point of view of a semantic field. Using only a theoretical approach to a semantic field it is possible to determine such phenomena as personality, temporality, locality in it [6], and to establish real verbal synonymy in close association with the given concepts. For example, S. Muhamedova when grouping words expressing direction of movement, at first separated them to verbs denoting statistical and dynamic movements. In turn she allocated verbs of dynamic movement to: verbs of objective movement and verbs of object-free movements. The first group is divided into six, and the second one — into three subgroups [4].

In our opinion, it is not the final stage in studying verbal lexemes. The most part of object-free verbs of motion is correlative to a personal micro field. In these verbs alongside with expression of horizontal, vertical, circular, standing, rotating movements, also in each movement and a condition there are points of the beginning, continuation and the end. This variety forms verbal synonymy.

On presence of the basic parts of a body of the person, accordingly for each of them function the verbs expressing action and condition, and it's not enough to give them a one-way estimation. So, let's return to verbal lexemes with the meaning concerned with the movement of an eye. Two synonymic lines with the notion “to see” are given in “The Explanatory dictionary of synonyms of the Uzbek language”:

1. “**QARAMOQ** (to look), **BOQMOQ** (to glance). — To look at something or anywhere, to glance at. *Boqmoq* is used less often.

2. **TERMILMOQ** (to stare), **TIKILMOQ** (to gaze intently), **TO'NMOQ** (to glare, fix an eye on). There are positive shades in a word *termilmoq*, “to look with good intentions” [8, 126].

Features of the given paradigm do not come to the end with it. Z. Siddikov investigated 29 values of a verb *qaramoq* (to look), 15 values — *boqmoq* (to glance), 29 values — *ko'rmoq* (to see), such lexemes as *mo'ralamoq* (to spy, peep) are added to the above-named paradigm still, *kuzatmoq* (to observe, watch), *ko'zi tushmoq* (to notice, drop an eye on), etc. [5].

In the Uzbek language this paradigm is considered as one of active ones. In order to define its specific character we need to reveal a leading word — a descriptor. In our opinion, this function is carried out by a word *qaramoq*:

1. *ko'rmoq* (to see); *ko'zi tushmoq* (to notice); *ko'z yugurtirmoq* — look through;

2. *mo'ralamoq* (to peep at); *poylamoq* (to spy); *kuzatmoq* — to watch;

3. *tikilmoq* — to gaze at; *termilmoq* — to look (stare) with good intentions; *to'nmoq* — to glare, fix an eye on; *razm solmoq* — to peer at, to examine;

4. *boqmoq* — to glance; *nazar solmoq* — to cast a glance at, *nazar tashlamoq* — to shoot a glance, *nigoh tashlamoq* — to glance over;

5. *javdiramoq* — to look with begging eyes; *anqaymoq* — to look in wide-eyed astonishment;

6. *alanglamoq* — to look round, *alang-jalang qilmoq* — to look perplexedly; *olazarak bo'lmoq* — to look round anxiously;

7. *baqraymoq* — to goggle at, *olaymoq* — to stare wide-eyed, *chaqchaymoq* — to gaze on, *o'qraymoq* — to frown at, etc.

If in the above we see a nucleus of a paradigm of a verb “qaramoq”, in periphery there are verbs *ochmoq* — to open (eyes), *yummoq* — to close (eyes), etc. All these lexemes are incorporated around one archi-seme “*ko'ruv*” — “vision” into one semantic field, based on affinity on semantic structure. It's necessary to note that verbs of the given paradigm are neutral in stylistic aspect first filled in a positive

shade, and then — in negative; and all of them are united in one paradigm with the common seme “to perceive by means of eyes”. A blind person cannot execute any of the mentioned actions.

It is necessary to note, that each word of a semantic field is united with the help of a common line with main leading lexeme on the basis of a common seme. For example, lexemes such as *tush* (dream), *ko'rmoq* (to see), *aytmoq* (to tell), *aloq-chaloq* (nightmares), *ta'bir* (interpretation), *tun* (night) are united in a uniform semantic field with the archi-seme *uyqu* (dream). In most cases in such fields verbs carry out the function of a leading lexeme. In formation of the given semantic field the verb *uxlamoq* (to sleep) plays a particular role.

This verb forms a synonymic line of graduonyms with following lexemes: *mudramoq* (to drowse; to nod), *mizg'imoq* (to take a nap), *ko'z ilintirmoq* (fall asleep 'short

time sleep'), *dong qotmoq* (to have a deep sleep). It should be taken into account that not any word which is behind a line has a relation to the given micro field. For example, the verb *uyg'onmoq* (to wake up) has no direct connection with a word *tush* (dream). But at the given lexical level in general, such relations of verbal lexemes are boundless and various.

Semantic fields in language are presented by uncountable sets; they are used in speech of a person with a certain objective. Exploration of such fields and their attributes and a detailed research of the information on semantic structure of each lexical unit will promote in improvement of mental activity of each person; as the language is a means of communication, it demands from the owners to follow the most acceptable kind at selection of this or that unit of a semantic field, and also true understanding of its significant components.

Reference:

1. Vasiliev L. M. Semantics of Russian verb. M.: High School, – 1981 p., – p. 184.
2. Zhrebilo T. V. The dictionary of linguistic terms. Nazran: LLC «Pilgrim», – 2010, – p. 486.
3. Karaulov Yu. N. Common and Russian ideography. – M.: Nauka, – 1976, – p. 365.
4. Muhamedova S. Semantic and valency features of verbs of action in Uzbek language: abstract of PhD paper work. – Tashkent, – 2007, – p. 48.
5. Siddikov Z. Semantics of lexemes of vision in Uzbek and Turkey languages: abstract of paper of the candidate of philological sciences. – Tashkent, – 2000, – p. 24.
6. Theory of functional grammar. (Bondarko A. V. and others.): Temporality. Modality. – L.: Nauka, – 1990, – p. 264.
7. The explanatory dictionary of Uzbek language. 5th volume, Tashkent: 'National encyclopedia of Uzbekistan' National scientific publishing, – 2008, – p. 592.
8. Khojiev A. The explanatory dictionary of Uzbek synonyms – Tashkent: Uqituvchi, – 1974, – p. 307.
9. The components of compound verbs in Uzbek made up of two root morphemes are not written together.

Shevchenko Alexander Ivanovich,
Candidate of philological sciences, associate professor of the department
of theory and practice of translation from the English language of
Zaporozhye National University, Zaporozhye (Ukraine)
E-mail: shevch.alex@gmail.com

The semantic potential of the English language publicistic text in the paradigm of teleology

Abstract: Sense generation in publicistic discourse is postulated as a teleologically determined means of realisation of the semantic potential of the English language publicistic text. This process is viewed as correlated with the final goal signification, structuring and restructuring of the textually represented reality by means of both linear (language) and nonlinear (schematic) systems of representation. Language representations of facts of reality in publicistic discourse form semiotic monads epitomizing the symbiosis of language and cognitive mechanisms of realisation of the semantic potential of the text.

Keywords: semantic potential, teleology, goal, sense generation, publicistic text, discourse, schematic representation, semiotic monad.

Шевченко Александр Иванович,
Кандидат филологических наук, доцент кафедры
теории и практики перевода с английского языка,
Запорожский национальный университет,
г. Запорожье (Украина)
E-mail: shevch.alex@gmail.com

Семантический потенциал англоязычного публицистического текста в парадигме телеологии

Аннотация: Смыслообразование в публицистическом дискурсе постулируется как телеологически обусловленный способ реализации семантического потенциала англоязычного публицистического текста. Этот процесс представляет собой сообразное с финальной целью означивание, структурирование и реструктурирование текстуально отраженной действительности средствами как линейной (языковой), так и нелинейной (схематической) системы репрезентации. Языковые репрезентации фактов действительности в публицистическом дискурсе образуют семиотические монады, воплощающие симбиоз языковых и когнитивных механизмов реализации семантического потенциала текста.

Ключевые слова: семантический потенциал, телеология, цель, смыслообразование, публицистический текст, дискурс, схематическая репрезентация, семиотическая монада.

Целью данной статьи является постулирование телеологической концепции смыслообразования в дискурсе как реализации семантического потенциала текста. Этот процесс рассматривается как когнитивно-семиотическое явление в виде сообразного с финальной целью означивания, структурирования и реструктурирования текстуально отраженной действительности средствами как линейной (языковой), так и нелинейной “схематической” системы репрезентации.

Под семантическим потенциалом текста понимаем целостную совокупность его содержательных параметров, креативно осмысливаемых во взаимодействии интериоризированных образов мира адресанта и адресата. Разброс субъективных трактовок казался бы недвусмысленного содержания текста, индивидуализация смысла, говорят о том, что образы, генерируемые текстуально отраженной действительностью, организуются в целостные единства сообразно принципам схематичности восприятия и формируют в сознании адресата-читателя определенные паттерны-схемы. В дискурсе как воплощении нелинейной динамики осмысления текста они служат своеобразными структурными волокнами смысла. Поскольку любая система подчиняется телеологическим объяснениям [29, 15], дискурс, будучи сложной самоорганизующейся системой, подобным образом восприимчив к рассмотрению в рамках телеологической парадигмы и может быть подвергнут анализу с привлечением понятийного аппарата телеологии.

Осмысление текста основывается на дуализме мышления как сочетании лингвистических и

ментальных “схематических” принципов репрезентации [28, 98; 19, 19]. Причем большинство последователей натуралистических теорий смысла в качестве базовых признают именно ментальные репрезентации [23, 175]. В то же время, дуализм, чувственно-перцептивную обусловленность обнаруживают и семантические процессы в речевой деятельности [8, 11], которые естественным образом экстраполируются на дискурсивные практики. Под схематической системой репрезентации применительно к телеологической проблематике понимаем всю совокупность довербальных ментальных структур человеческого сознания рациональной и чувственно-перцептивной природы [3, 54; 8, 11]. Лингвистическая система репрезентации соответствует принципам линейной последовательности, “схематическая” — принципам холистичной (нелинейной) симультанности [28, 100].

В данном исследовании постулируется гипотеза, в соответствии с которой телеологическая составляющая смыслообразования в дискурсе как обусловленное финальной целью (телосом) осмысление, переосмысление, структурирование и реструктурирование текстуально отраженной действительности в процессе семиотизации её компонентов объективируется средствами как линейной (языковой), так и нелинейной “схематической” системы репрезентации. Нелинейная система репрезентации связана со схематической природой восприятия, осмысления и структурирования действительности.

Экстраполируя данный феномен на процесс смыслообразования в дискурсе как осмысление

текстуально отраженной действительности и привлекая понятийный аппарат психолингвистики восприятия, считаем возможным предложить термин “телеологическая смысловая агрегация” для обозначения телеологически обусловленных характеристик формирования семантических связей между образами, генерируемыми элементами словесного поля нарратива. Смыслообразование в дискурсе осуществляется в виде сообразной с финальной целью селективного означивания и агрегации в смысловые единства текстуальных репрезентаций фактов отраженной действительности.

Мы также исходим из психолингвистических принципов восприятия текста, предполагающих формирование объединений образов, совокупность которых воспринимается в качестве смысловых единств. Элементы данных единств активно соплагаются на основе все новых реминисцентных и ассоциативных сопряжений [2, 325–327]. В соответствии с указанной схематической природой мировосприятия, образы объектов и явлений воспринимаемого мира организуются в целостные конфигурации, которые в разное время обретали различные терминологические обозначения в зависимости от подходов и исследовательских парадигм: монада [7], гештальт [5], бриколаж [22, 21], ниточка [1, 520], струна [20], фрейм [12].

Данные ментальные структуры, обеспечивающие нелинейные процессы мировосприятия, объединяет свойство *активного реструктурирования* воспринимаемой действительности. В частности, в рецептивной эстетике гештальт воплощает сущность рецепции как *интерпретации* в виде “психологической или символической конфигурации”, образованной в результате реструктурирования “под влиянием определяющих психологических структур” (Здесь и далее перевод наш, А.Ш.) [4, 789]. “Определяющие психологические структуры” имеют мотивационную подоплеку и напрямую соотносятся с феноменом целеполагания, принадлежащем парадигме телеологии. Отметим, что телеология как наука имеет целью рассмотрение способов и средств научного объяснения явлений действительности, используя категорию цели и понятия, принадлежащие её смысловому полю [11, 194–195; 25].

Исходя из вышеобозначенного понимания схематичности мышления, в данном исследовании анализ телеологически обусловленных семантических процессов в англоязычном публицистическом дискурсе осуществляется с применением телеологического и семиотического понятийного аппарата в единстве принципов линейной (языковой) и нелинейной

(схематической) реализации семантического потенциала текста через призму *категории целеполагания*. В данной работе смыслообразование в дискурсе исследуется в координатах телеологической лингвосемиотики как проявление и результат семиозиса [17]. Дискурсивный семиозис мы квалифицируем как средство реализации семантического потенциала текста. Семиозис понимается как динамичный феномен — “процесс, в котором что-то функционирует как знак” [14, 39] или как деятельность в виде *означивания* (сигнификации) явлений или объектов действительности [13, 376–377].

Схематическая составляющая осмысления текста проявляет себя в виде образования целостных ментальных знаковых конфигураций в результате телеологически обусловленных *селективных* процессов означивания (семиотизации) объектов и явлений действительности. Текстуально отраженные факты действительности в сознании индивидуума в результате процесса означивания образуют сопряженные с явлением целеполагания ментальные структуры, для обозначения которых в парадигме телеологической лингвосемиотики мы применяем термин “семиотическая монада” [9, 642; 15, 255]. Семиотические монады в данном исследовании постулируются как симбиоз языковых и когнитивных механизмов, воплощающих схематический принцип осмысления текста, и как продукт мыслительных операций вероятностной природы в виде индуктивных умозаключений (инференций), направленных на выявление возможных конечных целей (текстового концепта) нарратива.

Являясь формами рассуждения от частного к общему, при восприятии текста индуктивные инференции основываются на поиске логико-семантических связей (включая причинно-следственные) между номинациями определенных объектов, фактов, явлений действительности, их частотностью, позициями в структурной организации текста, локальной, исторической, социальной обусловленностью через призму причинно-следственных отношений. Наряду с этим, устанавливаются связи между постулируемым текстовым концептом, целеустановкой автора и картиной мира читателя-адресата.

Организирующим фактором и катализатором агрегации семиотизированных фактов действительности в целостные единства (семиотические монады) выступает *телос* как финальная цель в представлении индивидуума (адресанта или адресата). Необходимо подчеркнуть, что в парадигме телеологии понятие цели значительным образом опирается на

морально-этическую, нравственную составляющую человеческого сознания, основывающуюся на категориях добра и зла. Различные типы телеологических объяснений являются вариациями на одну и ту же тему: явление имеет место или предмет существует, потому что это соответствует понятиям добра или ведет к добру [29, 205]. Именно рассмотрение содержательных параметров текста, постулируемой автором концепт-идеи через призму выявления возможных нарушений фундаментальных нравственных постулатов, обуславливает специфику формирования семиотических конфигураций — монад. Этот процесс является результатом телеологически обусловленного выделения, *селективного* означивания и агрегации номинаций фактов действительности в целостные смысловые единства. Отбор объектов отраженной действительности для семиотизации осуществляется с привлечением *телеологической доминанты* как мотивационно обусловленного духовного, мировоззренческого и морально-этического компонента сознания, который в процессе поисков финального смысла ограничивает развитие семантических процессов в дискурсе рамками универсальных общечеловеческих ценностей и норм [16, 230].

Агрегация образов, генерируемых в процессе осмысления линейной языковой репрезентации действительности в виде “словесного (знакового) поля” [6, 208], осуществляется на принципах холизма с учетом специфики авторской картины мира. В нарративе языковую объективацию обретают, с одной стороны, определенные последовательности событий, фактов, явлений и, с другой стороны, общие указания относительно ожидаемых или желательных для автора оценок и эмоциональных реакций на отраженные в тексте факты с учетом изначально существующих общих для автора и читателя конвенциональных систем оценок и отношений (*idiosyncratic inferential dispositions*) [23, 178].

Особенности развития повествования, аранжировки отраженных в тексте фактов и их оценка автором могут вызывать связанный с категорией целеполагания “феномен неприятия” со стороны читателя [19, 31], который в данном случае выступает катализатором реструктурирования, реорганизации в сознании читателя цепочки отраженных в тексте фактов и стимулирует образование новых, непредусмотренных автором смыслов. Противоположное навязываемой автором системе оценок может объясняться, с точки зрения семиотики, так называемой “конкуренцией кодов” [10, 140], с точки

зрения телеологии, — диссонансом между телеологическими доминантами адресанта и адресата публицистического текста, т. е. соображениями этики, морали, убеждений и т. д., которые принадлежат сфере “моральной” телеологии [21].

Рассмотрим публицистические тексты, отражающие телеологические аспекты реализации семантического потенциала текста в процессе его осмысления адресатом в виде формирования целостных структур в единстве языковых и ментальных репрезентаций, состоящих из селективно означиваемых фактов действительности, не просто располагающихся рядом, а образующих смысловое единство и отражающих телеологическую специфику смыслообразования в дискурсе. Материалом для анализа послужило обращение президента Б. Обамы к нации в 2014 году [24], аналитические отзывы и комментарии к нему.

Архитектоника и семантическая организация исходного текста подчинены финальной цели — подтвердить состоятельность автора (субъекта речи) как президента в обеспечении прочности устоев американской государственности в виде использования обязательной конвенциональной фразы “*The state of our union is strong*”. По установившейся традиции данное обращение предполагает в несколько обобщенном виде: а) постановку и формулирование целей, которые необходимо достигнуть: *let's make this a year of action; speed up growth, strengthen the middle class; build new ladders of opportunity*; б) обозначение способов достижения цели: *wherever and whenever I can take steps without legislation... , that's what I'm going to do; access to a good job; hire more people this year; insourcing jobs from abroad; lower tax rates*; в) освещение достигнутых успехов: *the lowest unemployment rate; a rebounding housing market; a manufacturing sector that's adding jobs; more oil produced at home; deficits — cut by more than half*; г) упоминание стоящих перед обществом проблем: *(our) belief has suffered some serious blows; global competition had eliminated a lot of good, middle-class jobs, and weakened the economic foundations* [24].

Рассмотрение аналитических материалов и комментариев к данному тексту позволяет сделать вывод, с одной стороны, о существовании отмечаемых в подавляющем большинстве аналитических материалов универсальных телеологически обусловленных семантических векторов, которые объективируются в виде тематически и *целесообразно* организуемых в семиотические монады номинаций и лексических конструкций: *he focused on policies he can implement with executive action, bypassing Congress* [26]; *Obama vows to*

act alone on the economy; Obama declared independence from Congress; he will enact (initiatives) without legislative approval; relying on his own executive authority [27]; *Mr Obama has decided to stop trying to look toward Republicans for co-operation; gone ... was ... bipartisan cooperation, finding common ground, ... agreement* [18].

С другой стороны, очевиден значительный разброс в селективном означивании фактов отраженной действительности, в восприятии и понимании концепт-идеи как финальной цели текста обращения с параллельным смещением аксиологических акцентов. Семантические процессы в дискурсе, материализующиеся в виде монадных семиотических единств, обнаруживают следующие телеологически релевантные особенности: а) полная субституция заявленных субъектом речи целей адресатом сообщения: *to turn winter gloom into fall glory* [18]; б) переформулирование целей: *tries to rejuvenate a presidency ... to chart a new path forward relying on his own executive authority* [27]; в) заметный разброс в оценках стилистической и эмоциональной тональности способов достижения поставленной цели: *the defiant "with or without Congress" approach was more assertive than any of the individual policies he advanced* [27]; *Obama's speech was too soft, when harsh words and a «fighting spirit» were required; it was a far less offensive speech that I thought it would be* [18]; *he seemed energized and optimistic, cracking jokes; avoided playing the scold, cajoling lawmakers more than he chastised them* [26].

Осмыслению со стороны адресата, воплощающемуся в дискурсе в виде формирования целостных объединений генерируемых словесным полем образов — семиотических монад, подвергается степень эффективности текста обращения для обеспечения реализации поставленных целей с учетом как личностных характеристик субъекта речи, его профессиональных качеств, так и, собственно, содержательных параметров текста: *Mr Obama's ability to exert influence in Washington is waning; he has passed over the historic bridge from celebrated re-election to the status of an irrelevant lame-duck; a remarkably boring speech, intellectually and rhetorically; no idea was particularly exciting, or all that significant* [18]; *made major gains on having good plans for the economy, looking out for the middle class, and looking out for the interest of women; voters gave him high marks on his push for paycheck fairness, minimum wage, education, student loans, and job training* [18].

Одновременно критическому осмыслению подвергается: а) релевантность, валидность и

значительность поставленных целей: *didn't promise big changes; there was no transformation on offer; without major new programmes on offer; the lack of major programmes; a good speech about a modest agenda; a minimalist version of one of those second-term Clinton [addresses]* [18]; б) предлагаемые способы достижения целей: *it was more just ignoring the whole thing; he appears content to play the hand he's been dealt* [18]. В отдельных случаях обнаруживается полное неприятие авторской оценки и авторского структурирования действительности: *the problems the US is facing are of the president's own making; failed policies; the economy has stalled* [18].

Комментарии к электронным версиям публицистических текстов в интернете можно рассматривать как материал, имеющий лишь относительную достоверность, поскольку их могут отбирать для размещения на сайте по различным критериям и, не в последнюю очередь, исходя из соображений политкорректности и элементарной этики общения. Иными словами, они тоже являются плодом субъективных селективных процессов, сопряженных с феноменом семиотизации (означивания). Тем не менее, при всей их возможной предвзятости и категоричности, комментарии служат в определенных случаях достаточно надежным индикатором того, насколько и в какой мере принимается и реализуется заложенная в тексте концепт-идея как финальная цель публицистического текста.

Комментарии к рассматриваемому тексту в своем большинстве созвучны с обобщенной характеристикой формы и содержания обращения Б. Обамы в указанных выше аналитических материалах. Необходимо лишь сделать скидку на присутствие в комментариях категоричности, резкости и нетерпимости к чужому мнению: *The state of the union speech has become a waste of time, ... the President has thrown in the towel; it's a real shame for the American people; keep the populace stupid ... what a ridiculous country!!; will the American public wake up, ... and return American politics to sanity?* [18].

Таким образом, телеологическая составляющая смыслообразования в процессе реализации семантического потенциала публицистического текста выступает фактором, определяющим специфику структурирования и реструктурирования действительности, отраженной в тексте. Реализация семантического потенциала публицистического текста имеет телеологическую обусловленность и осуществляется в виде селективной семиотизации и ресемиотизации

отраженных в тексте явлений и объектов действительности. Критерием отбора фактов действительности в качестве значимых для актуализации семантического потенциала текста служит оценка осмысленной и семиотизированной текстуально отраженной действительности через призму телеологических доминант адресанта и адресата как идеализированных представлений о соответствии текстуальной репрезентации концепт-идеи морально-этическим канонам искренности, правдивости, порядочности и т. д. Языковые репрезентации объектов и явлений действительности при осмыслении текста и установлении

семантических связей между ними образуют семиотические монады, которые в данном исследовании постулируются как симбиоз языковых и когнитивных механизмов, воплощающих реализацию схематического принципа мышления в процессе смыслообразования в дискурсе.

Дальнейшее исследование может быть сосредоточено на средствах и способах выявления телеологически релевантных вероятностных векторов развития семантических процессов в англоязычном публицистическом дискурсе в рамках целостных семиотических конфигураций.

Список литературы:

1. Барт Р. Текстуальний аналіз "Вольдемара" Е. По//Антологія світової літературно-критичної думки ХХ ст. Львів: Літопис, – 2001. – с. 497–521.
2. Гаспаров Б. М. Язык, память, образ. Лингвистика языкового существования. М.: "Новое литературное обозрение", – 1996. – 352 с.
3. Горелов И. Н. Вопросы теории речевой деятельности. Психолингвистические основы искусственного интеллекта. Таллин: "Валгус", – 1987. – 196 с.
4. Зубрицька М. Термінологічний словник//Антологія світової літературно-критичної думки ХХ ст. Львів: Літопис, – 2001. – с. 786–813.
5. Коффка К. Восприятие: введение в гештальттеорию//Хрестоматия по ощущению и восприятию: Учебное пособие. М.: Изд-во МГУ, – 1975. – с. 96–114.
6. Левицкий В. В. Семасиология. Винница: НОВА КНИГА, – 2006. – 512 с.
7. Лейбниц Г. –В. Монадология//Сочинения в 4 томах: т. 1. М.: Мысль, – 1982. – с. 413–429.
8. Леонтьев А. А. Формы существования значения//Психолингвистические проблемы семантики. М.: Наука, – 1983. – с. 5–20.
9. Лотман Ю. М. Культура как субъект и сама-себе объект//Семиосфера. СПб.: «Искусство-СПБ», – 2000. – с. 640–648.
10. Лукин В. А. Художественный текст: Основы лингвистической теории. Академический минимум. – М: Издательство "Ось-89", – 2011. – 560 с.
11. Макаров М. Телеология//Философская энциклопедия. – М.: Сов. энциклопедия, – 1970. – Т. 5. – с. 194–195.
12. Минский М. Фреймы для представления знаний. – М.: Энергия, – 1979. – 154 с.
13. Міготті М. Семіозис (semiosis)//Енциклопедія постмодернізму. – К. Вид-во Соломії Павличко "Основи", – 2003. – с. 376–378.
14. Моррис Ч. У. Основания теории знаков//Семиотика. – М.: Радуга, – 1983. – с. 37–90.
15. Шевченко О. І. Дійсність як знак у сучасному англomовному дискурсі: телеологічні і лінгвокогнітивні основи семіотизації навколишнього світу: [монографія]. – Запоріжжя: ЗНУ, – 2009. – 347 с.
16. Шевченко О. І. Телеологічна домінанта та її функції у англomовному публіцистичному дискурсі//Нова філологія: 36. наук. пр. Запоріжжя: ЗНУ, – 2012. – Вип. 49. – с. 227–230.
17. Шевченко О. І. Телеологічна лінгвoseміотика (на матеріалі англomовної публіцистики): [монографія]. – Запоріжжя: ЗНУ, – 2012. – 218 с.
18. BBC, 29 January 2014 [электронный ресурс] – Режим доступа. – URL: <http://www.bbc.co.uk/news/blogs-echochambers-25936618>
19. Currie G. Framing narrative//Narrative and understanding persons. Cambridge: Cambridge University Press, – 2007. – P. 17–42.
20. Greene B. The elegant Universe: superstrings, hidden dimensions, and the quest for the ultimate theory. New York: W. W. Norton & Company, – 2010. – 464 p.
21. Kant I. The Groundwork of The Metaphysics of Morals. Cambridge: Cambridge University Press, – 1998. – 120 p.

-
22. Levi-Strauss C. The savage mind. Chicago: University of Chicago Press, – 1966. – 290 p.
 23. Papineau D. Naturalist Theories of Meaning//The Oxford Handbook of Philosophy of Language. Oxford: Clarendon Press, – 2008. – P. 175–188.
 24. State of the Union 2014. [электронный ресурс] – Режим доступа. – URL: <http://abcnews.go.com/Politics/state-union-2014-excerpts/story?id=22269708>
 25. Teleology//Encyclopaedia Britannica 2007. Ready Reference. – 1 электрон. опт. диск (CD-ROM); 12 см. – Системн. требования: Pentium III; 512 Mb RAM; Windows 2000/XP. – 2007.
 26. The Atlantic, 29 January 2014 [электронный ресурс] – Режим доступа. – URL: <http://www.theatlantic.com/politics/archive/2014/01/obamas-unexpectedly-energetic-state-of-the-union/283423/>
 27. The New York Times, 29 January 2014 [электронный ресурс] – Режим доступа. – URL: http://www.nytimes.com/2014/01/29/us/politics/obama-state-of-the-union.html?hpw&rref=us&_r=0
 28. Tyler S. A. The Said and the Unsaid. Mind Meaning and Culture. New York San Francisco, London: Academic Press, – 1978. – 487 p.
 29. Woodfield A. Teleology. Cambridge: Cambridge University Press, – 1976. – 232 p.

Section 6. Pedagogy

Секция 6. Педагогика

*Alieva Zamira Khalillaevna,
Karakalpak State University named after Berdakh,
Faculty of Pedagogic, Student
E-mail: aybahit@rambler.ru*

The history of development of karate on the South Maritime of Aral Sea — in Karakalpakstan

Abstract. This article describes the results of the study history and development of karate in South Aral Sea — in the Republic of Karakalpakstan.

Keywords: karate, martial arts, dan, history of the development, physical education.

*Алиева Замира Халиллаевна,
Каракалпакский государственный университет
имени Бердаха, студент факультета педагогики
E-mail: aybahit@rambler.ru*

История развития каратэ в Южном Приаралье — Каракалпакстане

Аннотация. В статье приводятся результаты изучения истории возникновения и развития каратэ в Южном Приаралье — Республике Каракалпакстан.

Ключевые слова: каратэ, восточные единоборства, дан, история развития, физическое воспитание.

История физической культуры представляет собой специфическую отрасль исторических и педагогических знаний. Она является важным разделом науки о физической культуре. Предмет её изучения — общие закономерности возникновения, становления и развития физической культуры и спорта на разных этапах развития общества. Среди современных форм физической культуры особое место занимает спорт, являясь продолжением исторического развития ее зрелищного направления. Высокая социальная значимость спорта, порождающая в обществе сложный спектр духовных, нравственных, социально-экономических и этических ценностей и проблем, определяет широкий интерес к исследованию причин его возникновения и основных тенденций исторического развития [1, 3–6].

Физическое развитие человека создает предпосылки для полноценной умственной работы. Известно, что интеллектуальный труд требует большого напряжения физических сил. Болезненность же человека, отсутствие физической закалки значительно

снижают эффективность умственной деятельности. Вот почему многие ученые (Л. Н. Толстой, И. П. Павлов и др.) стремились сочетать умственные занятия с физическими упражнениями, а некоторые активно занимались и занимаются спортом. Физически здоровый человек может лучше проявлять себя в производительном труде, преодолевать большие нагрузки, меньше утомляться. Наконец, правильное физическое воспитание, участие в спортивно-массовых мероприятиях способствуют формированию товарищества, коллективизма, требовательности к себе, а также укреплению воли [2, 238].

Как средства самозащиты, спортивные виды единоборств, в том числе каратэ-до вызывает особый интерес, особенно среди молодого поколения. К сожалению, об этом виде спорта многие из них знают поверхностно, что является преградой для совершенствования мастерства.

Поэтому, в предлагаемой статье остановимся на изучении истории развития спортивных единоборств в Каракалпакстане.

Многие из-за недостаточной информации об истории, философии и других аспектах каратэ, ошибочно считают его только как средство самозащиты, не предаваясь в суть. Поэтому, в целях более подробного изучения истории и философии каратэ, а также историю развития этого вида спорта в нашей стране для распространения их среди молодежи, нами начаты работы по сбору исторических материалов, связанных с этим видом спорта. Обогащение арсенала знаний по этому виду спорта позволяет учителям физического воспитания, тренерам и учащимся иметь более подробные знания и информации, которые могут быть использованы на занятиях по этому виду спорта.

Материал и методы. Изучение истории развития каратэ в Узбекистане, в том числе в Каракалпакстане практически не проводились. Поэтому мы выбрали общепринятые методы, применяемые в изучении истории педагогики. Эти методы включают в себе анализ литературных источников, беседы со специалистами, обобщения собранных материалов. Философские стороны и теоретические предпосылки каратэ, которые имеют большое значение в воспитании гармонично развитого молодого поколения, требует всестороннего глубокого изучения и анализа. Учитывая это, мы изучили введение в философию каратэ из имеющихся источников. Являясь одним из древних видов спорта, каратэ зародился в стране восходящего солнца. Однако в Республике Каракалпакстан каратэ начало свое развитие только в восьмидесятые годы прошлого века. Несмотря на это, оно стало стремительно развиваться и сегодня спортсмены Каракалпакстана стали завоевывать призовые места в спортивных аренах мира [3, 1]. Для изучения этапов развития каратэ в Каракалпакстане были использованы материалы прессы и документы Федерации каратэ-до Республики Каракалпакстан.

Результат и обсуждение. Зародился каратэ много веков назад в Стране Восходящего Солнца. От других видов спорта он отличается приемами и правилами. Определив главную цель каратэ-до как достижение совершенства в духовном и физическом плане, в ходе тренировок ученики постигают и учатся использовать в повседневной жизни законы, которые управляют миром и каратэ. Совершенство в каратэ достигается не за счет ущемления интересов окружающего мира, а в соответствии с развитием других людей и достижении гармонии с окружающим. Трактат Сюнь-цзы «Наставления к учебе» так определяет суть постижения техники каратэ: «... Совершенный человек учится так: все, что воспринимает его слух, он откладывает

в сердце, и это, затем, распределившись по телу, выявляется в его манерах и поведении, он сдержан в разговоре, осторожен в поступках ...». Постигая мастерство каратэ-до, ученики переносят все законы каратэ в свою повседневную жизнь. Это позволяет определить каратэ-до в целом как искусство повседневной жизни. И психика, и тело органически неразрывны, так как они необходимы для существования человека. Взаимосогласованное дополнение друг друга делает оба элемента одинаково значимыми. Занятия каратэ-до предполагают не только обособленное развитие каждого элемента, но и углубляют процесс их слияния и гармонии. Используемые для этой цели психологические (дзэн) и физические (каратэ-до) упражнения дополняют друг друга. Каратэ-до — ценное средство, при помощи которого можно постичь суть человеческого существования, ценность жизни и здоровья. Это искусство развивает уважение к жизни, к здоровью, к себе самому, к своему противнику по борьбе, к учителю и ко всем людям. Постигая искусство каратэ-до, строя свою жизнь в соответствии с биологическими и физическими законами природы и удовлетворяя потребности в соответствии с потребностями общества, мы таким образом достигаем гармонии с окружающим миром [4, 1–2].

Первые секции по каратэ появились в Каракалпакстане в конце 80-х годов благодаря опытным тренерам Тлеубергену Худайбергенову и Анатолию Киму. Большой вклад в развитие каратэ внесли тренеры Ж. Пирназаров, А. Данил, В. Круглов, Р. Ким. В годы независимости этот вид спорта поднялся на высокий уровень. Одним из примеров является Кубок мира по шотокан каратэ-до (WSKU) и открытый чемпионат Европы по каратэ-до (WKF), прошедший в городе Бурса (Турция). В составе сборной Узбекистана были спортсмены Каракалпакстана, которые приняли участие в этих соревнованиях. Команду атлетов из Каракалпакстана возглавлял Президент Федерации каратэ-до Республики Каракалпакстан Хамидулла Калимбетов. 8 наших спортсменов завоевали 6 золотых, 6 серебряных и 6 бронзовых медалей [5, 1].

На территории Республики Каракалпакстан данным видом спорта занимаются более 2000 человек. При Федерации каратэ-до функционируют Федерация каратэ Амударьинского района и города Нукуса как самостоятельные ННО, создана Инициативная группа «Центр оздоровления». Открыты спортивные секции в Канлыккульском, Кунградском, Чимбайском, Элликкалинском, Турткульском, Бозатауском районах, а также при отделениях, спортивных школах, детских

садах системы народного образования. Имеются сильнейшие спортсмены: Рустам Казаков — призер Открытого Чемпионата Дании (3 место, г. Гриве, май 1998 год), Кубок Мира (2 место, Германия, 2000 год), в Швеции (Мальме, 2004, Кубок Босфор — 2002), (3 место, Турция, апрель 2002 года), Болгарии (Варна, 2007) [6, 3–7]. Он начал заниматься каратэ с 1989 года и его тренером был В. Круглов. С 1996 года выступает в сборной команды Узбекистана и является мастером спорта международного класса, обладателем черного пояса 4-дана по каратэ-до. Он подготовил ряд спортсменов. Среди них 1 мастер спорта международного класса, 4 мастера спорта, 12 кандидатов в мастера спорта. Из них, А. Баймуратов — чемпион Центральной Азии, З. Алиева — обладательница Кубка Азии (Кота-Канабалу, Малайзия, 2007). Его воспитанники — А. Ахмурадов, А. Казаков, С. Каландаров, Б. Бекниязов, А. Баймуратов вошли в состав юношеской сборной Узбекистана [7, 44–45].

Весомый вклад в развитие восточных единоборств в Каракалпакстане и, в частности, шотокан каратэ-до, внес Хамидулла Абдуллаевич Калимбетов. В настоящее время он является Президентом Федерации каратэ Республики Каракалпакстан. Надо отметить, что Хамидулла Калимбетов подготовил достаточно много перспективных спортсменов. Среди его воспитанников немало чемпионов Узбекистана, победителей и призеров чемпионатов мира, Азии и других международных соревнований различных уровней. Так, например, в 2008 году на проходившем в г. Бухаресте (Румыния) открытом чемпионате Европы по шотокан каратэ-до третьего призового места была удостоена Асия Кутлымуратова. В октябре 2010 года в соревнованиях за Кубок мира, проходивших в г. Никосия (Кипр), его воспитанницы Наргиза Аллашева и Малика Абдижапарова завоевали второе место в своих весовых категориях.

В 2012 году, в Ташкенте на Кубке мира в составе сборной Узбекистана от Республики Каракалпакстан выступили 24 мастера восточных единоборств. Из них 15 человек завоевали 23 медали различных достоинств. Во второй половине апреля 2013 года в Ташкенте прошел чемпионат Республики Узбекистан по шотокан каратэ-до, на котором успешно выступили спортсмены Каракалпакстана. В составе сборной команды республики в соревнованиях

приняли участие 41 человек. Проявив подлинный бойцовский характер, большую силу воли и стремление к победе, они завоевали 39 медалей — 8 золотых, 12 серебряных и 19 бронзовых. Конечно же, немалая заслуга в этих высоких достижениях наших каратистов принадлежит тренерам-наставникам президенту Федерации каратэ Республики Каракалпакстан Хамидулле Калимбетову (Нукус), Бахыту Султамуратову (Канлыккольский район), Жумабике Карабалаевой (Кегейлийский район) и Полату Базарбаеву (Нукус).

Как видно из вышеизложенного, число спортсменов Каракалпакстана, участвующих на состязаниях мирового уровня и заслуживших призовые места из года в год увеличивается. Конечно, в этом велика заслуга тренеров, преподавателей физической культуры и наставников молодежи, которые за относительно краткий исторический срок добились больших успехов в деле развития этого вида спорта в нашем крае. Необходимо отметить также, что правительство уделяло большое внимание развитию спорта, особенно детского спорта. В последние годы увеличились число спортивных комплексов, оснащенных необходимым спортивным оборудованием и инвентарем. Созданные таким образом, условия для занятия многими видами спорта являлись одним из важных факторов для достижения успехов нашими спортсменами-каратистами.

Заключение. Обобщая вышеизложенное можно сделать вывод о том, что за относительно краткий срок своего развития в Каракалпакстане, каратэ стал одним из наиболее популярных среди молодежи видов спорта и число призеров из Каракалпакстана по этому виду спорта неуклонно увеличивается. В последние годы нашим государством уделяется внимание развитию спорта, особенно детского спорта как средства воспитания всесторонне и гармонично развитой личности. В общеобразовательных школах, лицеях, колледжах и в высших учебных заведениях созданы все условия для тренировок по многим видам спорта, в том числе каратэ, благодаря чему в последние годы число призеров чемпионатов по каратэ из Каракалпакстана увеличивается.

Таким образом, для нового поколения чемпионов в нашей стране создаются все необходимые условия, уделяется особое внимание физическому воспитанию, развитию и популяризации различных видов спорта.

Список литературы:

1. Матвеев Л. П. Основы общей теории спорта и системы подготовки спортсменов. — К: Олимпийская литература, — 1999. — с. 318.

2. Харламов И. Ф. Физическое воспитание как фактор всестороннего развития личности. Сущность физического воспитания и его содержание. – М. Педагогика. – 1999. – с. 238.
3. Электронный ресурс: www.parliamentrk.gov.uz/ru/news
4. Электронный ресурс: karate-online.org/histori/karate
5. Успешное выступление каратистов Каракалпакстана. – Электронный ресурс: www.parliamentrk.gov.uz/ru/news
6. Документы Федерации каратэ Республики Каракалпакстан. – Нукус 2012. – с. 3–7.
7. Кулаков Ю. И. Из истории физической культуры и спорта Каракалпакстана. – Нукус, «Каракалпакстан». – 2009. – с. 44–45.

*Allaniyazov Saharbay Aytbaevich,
Nukus State Pedagogical Institute
named after Ajiniyaz, assistant-teacher
E-mail: aybahit@rambler.ru*

The aspects of renewal of national games of the Karakalpak people

Abstract: In the article describes the issues related to the peculiarities of the organization physical education classes in environmentally disadvantaged areas.

Keywords: physical education, environmental conditions, health, adaptation, national sports.

*Алланиязов Сахарбай Айтбаевич,
Нукусский государственный педагогический институт
имени Ажинияз, ассистент-преподаватель
E-mail: aybahit@rambler.ru*

Аспекты восстановления национальных игр каракалпакского народа

Аннотация: В статье рассмотрены вопросы связанные с особенностями организации занятий по физическому воспитанию в экологически неблагоприятных регионах.

Ключевые слова: физическое воспитание, экологические условия, здоровья, адаптация, национальные спортивные игры.

Физическое развитие детей и подростков в настоящее время изучается в различных направлениях и одной из актуальных проблем продолжает оставаться проблема исследования ее особенностей в неблагоприятных экологических условиях проживания, например в Южном Приаралье. На наш взгляд, в таких сложных условиях необходимо усилить адаптационные возможности организма детей путем укрепления его общих физических способностей. Актуальность укрепления здоровья детей определяется необходимостью воспитания всесторонне и гармонично развитой личности, и нашим государством уделено должное внимание вопросам развития детского спорта.

Включение в программы физического воспитания подрастающего поколения, игр, которые в народе веками использовались в целях воспитания физически совершенных, сильных, выносливых людей, сегодня приобретает актуальность в нашей стране. В связи

с этим целью наших исследований являлась изучить национальные виды спорта, наиболее подходящие для использования в воспитании физически подготовленной, всесторонне развитой личности.

Материал и методы. Как известно, общими целями физического воспитания молодого поколения являются укрепление здоровья, физическое развитие, ознакомление учащихся молодежи с теорией и основами физического воспитания, передать им специальные знания по использованию основных средств и привитие практических навыков, изучение ими основных элементов спортивной техники, развитие у них духа гуманизма, патриотизма и интернационализма, подготовка свободно мыслящей, всесторонне развитой личности, готовой принять правильное решение при внезапных и неожиданных ситуациях.

В соответствии с Законом Республики Узбекистан «Об образовании» и «Национальной программой

по подготовке кадров» в сфере физического воспитания и спорта в высших учебных заведениях рекомендованы наряду с основными задачами такие задачи, как профилактика заболеваний посредством физических упражнений, укрепление здоровья, самоконтроль при выполнении упражнений; вовлечение учащихся к активным занятиям спортом, повышение их физической активности, оказание помощи им в становлении всесторонне развитым человеком, изучение достигнутых успехов на практике; изучение в семье, школе, лицеях, колледжах и высших учебных заведениях, национальных видов спорта, восстановление забытых видов спорта.

Действительно, национальные игры каждого народа возникли в связи с необходимостью физического развития в определенном направлении с учетом местных природных и климатических и других условий. За национальным характером народных игр кроется культурное богатство каждого народа. В связи с этим, мы изучили национальные спортивные игры каракалпакского народа с целью выявления возможностей возрождения и постепенного внедрения их в учебные программы. Методы исследования включают в себе обзор и анализ некоторых народных игр, их направленности на развития того или иного физического качества и обобщение полученных результатов анализа. Помимо этого наблюдали за учащимися школ и выявили какие игры они предпочитают играть во время перерывов, при этом особое обратили внимание на использование элементов народных игр, и какое влияние и каким образом оказывают эти элементы на организм детей и подростков. Все детали наблюдения записывали в дневнике, затем обобщали и анализировали полученную информацию.

Результат и обсуждение. В настоящее время многими исследователями [1] показано, что наряду с генетическими факторами, на развитие организма ребенка большое влияние оказывают экологические факторы. Научная значимость исследований, посвященных проблеме физического развития детей, особенно возросла в последние годы [2]. Процесс акселерации [3] значительно затормозился или даже остановился, в связи, с чем возникает необходимость в новых научных исследованиях. По многочисленным данным показатели физического развития и состояния здоровья отдельных групп детского населения за последние два десятилетия приобрели отрицательную тенденцию [4].

В статье профессор С. В. Хрущев пишет так: «Исследования свидетельствуют о том, что современные

дети в большинстве своем испытывают двигательный дефицит, т. е. количество движений, производимых ими, ниже возрастной нормы. И это оказывает отрицательное влияние на их организм, Более того, двигательный дефицит и к более выраженным функциональным нарушениям в организме ребенка» [5]. Простой пример, если ранее дети ходили в школу пешком даже на дальние расстояния, то сейчас на такие расстояния едут обязательно на транспорте и т. д. В таких случаях, необходимая физическая нагрузка должна компенсироваться только за счет спортивных занятий или уроков физического воспитания.

Как известно, физические упражнения или спорт приносят пользу только тогда, когда занимающиеся делает это с желанием и интересом. А желание у современного ребенка, избалованного чудесами современной техники и технологии (компьютеры, Интернет, мобильные телефоны) заниматься с обычными физическими упражнениями зачастую, нет. В таких случаях необходим другой подход, например, используя национальные игры, которые включают в себе элементы необходимых физических упражнений разнообразить занятия физической культурой. В связи с этим, для того, чтобы разнообразить упражнения и повысить интерес к выполнению физических упражнений, необходимо ввести в программы уроков физического воспитания различные игры. Наши наблюдения показали, что наибольший интерес вызывают у детей и подростков каракалпакские национальные подвижные игры, такие как «кашарман топ», «аркан тартыспак», «шуллик», «ак терекпе кок терек» и другие. Все эти игры веками существуют и дошли до наших дней и до сих пор являются любимыми играми детей.

Что же в них привлекают детей? Может быть, прежде всего — разнообразие приемов игры. Например, в игре «кашарман топ» все игроки по очереди занимает различные позиции. Каждая позиция в отдельности отличается от других, выполнением приемов, которые в основном направлены на развития того или иного физического качества игрока. В ней есть и бег, и прыжок, и удар битой летящего на воздухе мяча, ловля мяча на воздухе и бросок мяча [6]. Игра, можно так сказать, может заменить многие физические упражнения одновременно.

А игра «аркан тартыспак» направлена в первую очередь на развитие мышц рук, ног, плеч, выносливости и сплоченности. Игра привлекает тем, что у побежденной команды обязательно появиться желание состязаться еще раз, потому что, малейшая ошибка

может стать причиной поражения и побежденные игроки знают о том, какую ошибку допустил, поэтому они хотят играть еще раз и исправить ошибку. Игра требует от команды сплоченности и одновременного приложения усилий всеми участниками игры. Здесь сила и рывок имеет решающее значение.

Игра «Шуллик» развивает чуткость, меткость и скорость в движениях. Для игры особого инвентаря не требуется и при организации особой трудности не составляет. Поэтому эта игра распространена широко среди детей школьного возраста. Точно такая же игра встречается и среди народов Афганистана, но она называется по другому — «данда и кеиек» [7].

Игра «Ак терекпе кок терек» очень интересная национальная игра, которая включает в себе элементы бега, эстафеты и одновременно песнопения. Именно разнообразие приемов игры и наличие элементов народного пения в игре привлекают детей. Игра развивает быстроту в движениях, скорость и ловкость, а также способность петь в хоре и одновременно играть и плясать.

На сегодняшний день учеными и специалистами Нукусского государственного педагогического института имени Ажинияза разработана методика обучения игре «Кашарман топ» и она уже включена в программы обучения. Другие национальные игры находятся на стадии изучения с целью восстановления как культурные ценности народа и включения в программы обучения. Действительно, многие национальные игры каракалпакского народа направлены на физическое совершенствование молодого

поколения, благодаря богатству различных приемов, развивающих мышцы рук, ног, плеч, и на наш взгляд они достойны для включения в программы обучения, так как, они прошли испытания на протяжении веков, и дошли до наших дней, пройдя длительный путь становления, развития и совершенства.

Заключение. Каракалпакский народ как один из древних народов на протяжении веков внес свой вклад в развитие искусства и культуры. Среди каракалпакского народа до сих пор сохранились обычаи и традиции, связанные с воспитанием детей с ранних возрастов и есть целый комплекс мер для воспитания молодого поколения всесторонне совершенными, физически развитыми, сильными, ловкими и выносливыми.

Тяжелая жизнь, прожитая веками в суровых климатических условиях, закаляла народ и на основе опыта накопленного веками выработаны у народа комплекс методов воспитания (в том числе и физического воспитания) молодого поколения. Многие национальные игры, пройдя длительный путь становления, развития и совершенства дошли до наших дней, и до сих пор оставались любимыми играми детей. Многие из них вполне достойны для включения в программы физического воспитания детей и подростков.

Восстановление их как культурные ценности народа и внедрение в программы обучения, должно повысить желание учащихся заниматься ими, благодаря разнообразию приемов в них, также тому, что они вызывают интерес учащихся к историческим и культурным ценностям своего народа.

Список литературы:

1. Агаджанян Н. А., Катков А. Ю. Резервы нашего организма. – М.: Знание, – 1990. – с. 23–204.
2. Александрова Л. С., Ситников Ю. Е. Периферическая кровь у здоровых детей и при некоторых заболеваниях. Ташкент.: Медицина, – 1976. – с. 78–100.
3. Бугланов А. А., Салпина Е. В., Тураев А. Т. Биохимическая и клиническая роль железа. // Педиатрия. – 1991. – № 6. – с. 9–10.
4. Деденко Ш. И., Борисенкова Р. В. и др. К вопросам о взаимосвязи функциональных изменений и состояния здоровья с факторами климата Крайнего Севера. // Гигиена и санитария. – 1990. – № 7. – с. 4–9.
5. Физкультура для всей семьи/сост. Козлова Т. В., Рябухина Т. А. «Физкультура и спорт». – Москва, – 1989. – 463 с.
6. Алланиязов С. Возрождение каракалпакской национальной игры «Кашарман топ». – Махачкала – 2013. – с. 66–68.
7. Лукачи А. Игры детей мира. «Молодая гвардия», – 1977. – с. 78–79.

*Amitrova Maria Vyatcheslavovna,
Penza State Technological University,
senior lecturer, the Faculty of Foreign Languages
E-mail: amitrova79@mail.ru*

*Gusarova Yulia Vasilievna,
Penza State Technological University,
associate professor, the Faculty of Foreign Languages
E-mail: gusarovauvg@yandex.ru*

*Nelubina Elena Andreevna,
Penza State Technological University,
senior lecturer, the Faculty of Foreign Languages
E-mail: el-nel @bk.ru*

Foreign language teaching based on modular-rating technology of technical students (on the example of Penza State Technological University)

Abstract: Modular-rating technology of foreign language teaching is examined as an effective means of technical students' professional training. "Modular-rating education" is defined in the article. The essence of foreign language teaching based on modular-rating technology is described.

Keywords: modular-rating technology, foreign language teaching based on modular-rating technology, professional training.

*Амитрова Мария Вячеславовна, старший преподаватель
E-mail: amitrova79@mail.ru*

*Гусарова Юлия Васильевна, доцент
E-mail: gusarovauvg@yandex.ru*

*Нелюбина Елена Андреевна, старший преподаватель,
Пензенский государственный технологический университет,
Факультет иностранных языков
E-mail: el-nel @bk.ru*

Обучение иностранному языку студентов технического вуза на основе модульно-рейтинговой технологии (на примере Пензенского государственного технологического университета)

Аннотация: Рассматривается модульно-рейтинговое обучение иностранному языку как эффективное средство профессиональной подготовки студентов технического вуза. В статье дается определение модульно-рейтингового обучения. Представлена сущность обучения иностранному языку на основе модульно-рейтинговой технологии.

Ключевые слова: модульно-рейтинговая технология, обучение иностранному языку на основе модульно-рейтинговой технологии, профессиональная подготовка.

Современный этап развития российского общества главной задачей образовательной политики определяет обеспечение качества образования на основе соответствия перспективным потребностям личности, общества и государства. Формирование личности, способной к реализации своих возможностей, социально устойчивой и одновременно мобильной, адаптирующейся, способной вырабатывать и изменять соб-

ственную стратегию в меняющихся обстоятельствах жизни — главная цель современного образования, отвечающая социальным запросам. В соответствии с «Национальной доктриной образования в Российской Федерации» обновление образования должно происходить в направлении создания оптимальных условий для всестороннего развития личности с новым сознанием, с уровнем образования, отвечающим интересам,

склонностям и запросам человека. В этих условиях все большую значимость приобретает идея качества подготовки будущих специалистов по каждой учебной дисциплине. Реализуя эту идею, многие вузы модернизируют планирование и мониторинг подготовки в направлении усовершенствования образовательного процесса, что способствует адаптации образовательного процесса к сложившимся условиям. В этом контексте планирование и мониторинг качества подготовки по отдельно взятой дисциплине приобретает особое значение в образовательном процессе вуза [1, 3–4].

Как отмечают Е. В. Горюнова, Ю. Ю. Ковалева, С. Е. Мазанова и др., один из факторов, обеспечивающих качество профессионального образования, является модульно-рейтинговая система [2, 3].

Рассмотрению вопросов психолого-педагогического обоснования возможности использования модульного обучения и рейтинговой системы в высшей школе, оценки знаний обучающихся, особенностей, основных функций, принципов модульного обучения и рейтинговой системы, специфики организации процесса обучения в высшем учебном заведении с использованием модульно-рейтинговой технологии посвящены исследования многих педагогов и психологов.

Под модульно-рейтинговой технологией понимается педагогическая деятельность по проектированию, организации и проведению учебного процесса, основанную на структурировании дисциплин по модульному принципу с использованием рейтинговой системы для объективной оценки учебных достижений студентов.

Модульно-рейтинговая технология обучения в современной педагогике определяется как организация учебного процесса, при котором учебная информация разделяется на модули (относительно законченные и самостоятельные единицы, части информации). Совокупность нескольких модулей позволяет раскрывать содержание определенной учебной темы или даже всей учебной дисциплины [4, 127–128].

Мы разделяем точку зрения Т. В. Гуськовой и считаем, что рейтинговая система оценки знаний представляет собой совокупность научных, организационных, технологических и правовых положений, обеспечивающих объективную оценку учебных достижений студентов. При этом комплексным количественным показателем качества учебных достижений студентов является рейтинговая оценка, выраженная в баллах. Для повышения объективности оценки качества знаний студентов используется сто балльная шкала [5, 101–103].

Все выше сказанное позволяет сделать вывод о том, что рейтинговая система оценки знаний приобретает все более высокую значимость и активно внедряется в учебный процесс российских вузов.

Нами будет рассмотрены некоторые аспекты обучения иностранному языку на основе рейтинговой системы, организованной в Пензенском государственном технологическом университете (далее ПензГТУ).

В ПензГТУ рейтинговая система выступает основным средством оценки знаний, умений и навыков обучающихся, в рамках которой сочетается объективное оценивание уровня подготовки (профессиональных качеств) студентов посредством компьютерного тестирования и экспертное оценивание индивидуальных (личностных) качеств обучающихся. Результаты комплексного оценивания знаний, умений и навыков обучающихся на основе рейтинговых технологий чрезвычайно интересны студентам, так как позволяют наиболее оптимально выявить уровень знаний и сформированность профессиональных и личностных качеств [6, 7–8].

Гуманитарные дисциплины, к которым относится «Иностранный язык», являются обязательной частью профессионального образования, способствуют осознанию студентами места и значения своей профессии в инновационном развитии общества, стимулируют понимание возможностей знаний по иностранному языку как средства решения профессиональных задач, формирования социально значимых качеств для профессиональной деятельности.

Одной из наиболее эффективных и перспективных технологий организации процесса обучения иностранному языку в неязыковом вузе, по нашему мнению, считается именно модульное обучение.

Соглашаясь с мнением Т. В. Гуськовой Ю. Ю. Ковалевой, о том, что обучение по модульно-рейтинговой технологии формирует у студента осознание необходимости регулярной и качественной работы в течение семестра, повышает процесс самообразования, развивает способности и качества студента, повышает результаты учебной деятельности, мы используем модульно-рейтинговую технологию с использованием образовательной среды MOODLE на кафедре иностранных языков ПензГТУ [3, 5].

Основной структурно-организационной и структурно-содержательной единицей программы модульного обучения иностранному языку выступает модуль, который соответствует профессионально-ориентированному содержанию учебной дисциплины

«Иностранный язык». Каждый модуль обладает относительной самостоятельностью, и позволяет объединять профессионально-ориентированное содержание обучения и технологию овладения им в систему высокого уровня целостности; включает комплекс взаимосвязанных блоков учебного материала (учебных элементов и подэлементов), предназначенного для изучения студентами с разным уровнем владения иностранным языком, адаптированного к индивидуальным потребностям каждого обучаемого, обеспечивающего комплексное овладение студентами знаниями, навыками и умениями во всех видах иноязычной речевой деятельности.

Введение в содержание каждого модуля учебной дисциплины «Иностранный язык» тематического материала, основанного на специальной терминологии; речевых клише, необходимых для ведения переговоров с проектными организациями и поставщиками технологического оборудования; специальных текстов, связанные с особенностями технологического процесса и производства; коммуникативных заданий, имитирующих ситуации профессионального общения, направлено на осуществление углубленной, языковой подготовки по специальностям, формирование социально значимых качеств для профессиональной деятельности, начиная с младших курсов вуза.

В каждом модуле структура и содержание материалов взаимосвязаны и коррелируют с квалификационными требованиями к выпускникам и видами их профессиональной деятельности (производственно-технологическая, организационно-управленческая, научно-исследовательская, проектная, маркетинговая).

Использование балльно-рейтинговой системы контроля после изучения каждого модуля предполагает:

- систематичность контрольных срезов на протяжении всего курса в течение семестра или семестров, выделенных на изучение данной дисциплины по учебному плану;

- обязательную отчетность каждого студента за освоение каждого учебного модуля/темы в срок, предусмотренный учебным планом и графиком освоения учебной дисциплины по семестрам и месяцам;
- регулярность работы каждого студента, формирование должного уровня учебной дисциплины, ответственности, самостоятельности, инициативности, медиакомпетентности и системности в работе;
- обеспечение быстрой обратной связи между студентами и преподавателем, деканатом, что позволяет корректировать успешность учебно-познавательной деятельности каждого студента и способствовать повышению качества обучения;
- ответственность преподавателя за мониторинг учебной деятельности каждого студента на протяжении курса.

Каждый семестровый курс предлагается оценивать по шкале в 100 баллов. Для получения зачета достаточно набрать 51 балл.

Таким образом, применение модульно-рейтингового обучения иностранному языку студентов неязыкового вуза позволяет решить такие важные задачи, как реализация профессионально-ориентированной направленности учебно-воспитательного процесса; обязательный учёт потребностей и интересов обучаемых, связанных с достижением высокого уровня иноязычной компетенции, который является достаточным для эффективного межкультурного профессионального общения; сформированность социально значимых качеств для профессиональной деятельности, что обеспечивает интеграцию иноязычной подготовки в общую профессиональную подготовку будущих специалистов на основе специально разработанных модулей.

Список литературы:

1. Мутырова А. С. Педагогическая система профориентационной работы вуза в условиях непрерывного образования: автореф. дис. ... канд. пед. н. 13.00.08. – Астрахань. – 2008.
2. Горюнова Е. В. Повышение качества образовательных услуг региональных вузов на основе внедрения инноваций и инновационных стратегий: автореф. дис. ... канд. э. н. 08.00.05. – Ростов-на-Дону. – 2011.
3. Ковалева Ю. Ю. Концепция модульного обучения иностранному языку студентов вузов: автореф. дис. ... д. п. н. 13.00.02. – Нижний Новгород. – 2013.
4. Насырова Э. Ф. Модульно-рейтинговая и проектная технологии обучения студентов с учетом личностно-деятельностного подхода // Вестник Челябинского государственного педагогического университета – 2009. – № 2. – с. 127–135.
5. Гуськова Т. В. Использование информационных технологий в образовательном процессе высшей школы // Регинология. – 2010. – № 4. – с. 101–105.

6. Андреев А. Б. Рейтинговая система мониторинга качества подготовки специалистов с применением компьютерного тестирования / А. Б. Андреев, А. А. Федосеев, Т. В. Гуськова, И. П. Дивненко, Р. Ю. Авдеев // Качество и ИПИ (CALS)–технологии. – 2006. – № 2. – с. 6–11.

*Anpilogova Ludmila Vladimirovna,
Orenburg State University, Candidate of Pedagogical Sciences,
Associate Professor, Faculty of Journalism
E-mail: anpilogova62@mail.ru*

*Anpilogov Dmitry Georgievich,
Orenburg State University, Student,
Architecture and Construction Faculty
E-mail: DmitriyAnpilogov@gmail.com*

The structure of professional communication training process of students-journalists at the university

Abstract: the article examines the structural components of professional communication training process of students-journalists at the University. The proposed structure provides the freedom of choice of educational contents by the student to meet their own professional needs of life.

Keywords: training, professional communication, the structure of training process, the contents of education.

*Анпилогова Людмила Владимировна,
Оренбургский государственный университет,
кандидат педагогических наук, доцент, факультет журналистики
E-mail: anpilogova62@mail.ru*

*Анпилогов Дмитрий Георгиевич,
Оренбургский государственный университет,
студент, архитектурно-строительный факультет
E-mail: DmitriyAnpilogov@gmail.com*

Структура процесса обучения студентов-журналистов профессиональному общению в вузе

Аннотация: В статье рассматриваются структурные компоненты процесса обучения студентов-журналистов профессиональному общению в вузе. Предлагаемая структура обеспечивает свободу выбора содержания образования студентом с целью удовлетворения собственных профессионально-жизненных потребностей.

Ключевые слова: обучение, профессиональное общение, структура процесса обучения, содержание обучения.

На современном этапе развития общества образование приходит к новому ракурсу осмысления человека — как уникального творца ценностей. Данное видение обуславливает необходимость организации такого образовательного процесса, в котором будут создаваться условия для эффективного развития личности. Одним из таких условий является усвоение человеком теории и практики общения. Мы считаем, что сегодня в системе образования вуза речь должна идти о создании особого пространства

формирования и развития общения, являющегося частью профессиональной деятельности журналистов.

Определяющей характеристикой содержания обучения выступает его структурное оформление. Нами были определены следующие задачи структурирования учебного материала по обучению профессиональному общению студентов:

- разработать структуру рациональной подачи учебного материала с точки зрения её хранения в памяти студента;

- заложить в создаваемую структуру способ уплотнения фактического материала и его развертывания в ситуациях общения;
- выстроить учебный материал, обеспечивающий поступательное развитие познавательной деятельности студентов;
- выделить целостные системы научных знаний и их структурные элементы.

Детерминантами структуры содержания обучения общению, оказывающими влияние на набор структурных компонентов и их взаимосвязи, явились:

- знания об общении, имеющиеся в разных науках с их представлением по темам: человек в системе отношений, деятельность, языковая культура, саморазвитие;
- опыт обучения общению, имеющийся в философской, педагогической, психологической, филологической науках;
- возрастные и психологические особенности и индивидуальные свойства обучаемого;
- осознанная необходимость формирования и совершенствования общения как эффективного фактора самоопределения человека;
- осуществление принципа движения от теории к практике и др.

Содержание учебного процесса как система может иметь различную структуру представления. Предлагаемая нами структура содержания обучения профессиональному общению представляет собой комплекс, включающий следующие компоненты: информационно-содержательный (теоретический), процессуально-практический, т. е. компоненты содержания обучения были классифицированы по признаку теоретического и практического обучения, представляющего собой интегративное единство, в основе которого лежит знаниевый аспект.

Делая ставку на информационно-содержательный компонент, мы придерживались понимания теории как совокупности научных знаний об общении. Обеспечению накопления теоретического материала служит содержательная наполняемость структурных компонентов, реализующаяся благодаря структурным единицам — блокам (философскому, психологическому, филологическому, педагогическому).

Такая дифференциация вызвана тем, что любая содержательная система обладает своим составом и градиация потока информации вызвана правилами оптимальной организации обучения, требующими определения путей дифференцированного разделения информации, обоснованного направления её

потоков и установления сочетания составляющих обучения.

Формирование содержания блоков осуществлялось на основе потребности реализации цели овладения студентами знаниями об общении, взятых из разных научных областей. Данная цель указывает направление деятельности, способствующей формированию и совершенствованию знаний об общении, умений и навыков его правильного выбора. Исходя из этого, каждый блок имеет целостную самостоятельность содержания, определяемую содержанием науки и необходимостью использования в деятельности журналиста. Поэтому организация содержания обучения вытекала из взаимосвязи всех составляющих (блоков) на основе их объединения по темам: человек в системе отношений, деятельность, саморазвитие личности, языковая культура. Именно единство тем синтезировало систему информации об общении.

В итоге каждый блок, представляющий свою науку, определял общее содержание компонентов обучения общению во всей полноте знаний, накопленных на протяжении истории развития человечества. Такое содержание компонентов, построенных на основе комплекса знаний, позволяло реализовать информационную функцию. Предлагаемые блоки давались студенту в определенной последовательности. Это позволяло выйти на уровни усвоения знаний: осознанного восприятия и запоминания, применения знаний по образцу, творческого использования знаний и умений в профессиональной деятельности журналиста.

Иными словами, в информационно-содержательный компонент была заложена синтезированная система знаний об общении. При этом учитывалось то, что, получая эти знания, человек переосмысливает их на основе своего жизненного опыта и выбирает необходимые. Поэтому предлагаемые знания об общении являются лишь определенной схемой, на основе которой будет складываться в сознании студента картина эффективного общения в процессе деятельности, т. е. схема предлагаемых знаний — это лишь некий «каркас», необходимый как руководство к действию при формировании общения.

Предлагаемая информация об общении образует в процессе обучения определенные информационные потоки для решения значимой задачи обучения: переработки информации об общении в знания, умения, навыки студента, посредством чего обеспечивается выбор способа общения. При этом важным является создание «новой» информации на основе

соединения «новых» и «старых» знаний, т. е. поступающая информация в обучении соединяется через тезаурус с имеющимися знаниями студентов, на основе которых и создаются новые знания, позволяющие осуществить выбор способа общения. Иными словами, в обучении количество информации возрастает за счет постоянного оптимально-дозированного «приращения».

Такой подход обеспечивает свободу выбора содержания образования самим студентом с целью удовлетворения жизненных потребностей личности. Это проявляется в самостоятельном выборе студентом необходимого знания и переноса его в ситуацию общения на основе комбинации известных знаний об общении.

Важным является «приращивание» полученных знаний об общении на себя. Задача обучения состоит в том, чтобы на основе готовых знаний об общении происходило узнавание особенностей собственной коммуникации (как я общаюсь?), а затем и его корреляция. «Примеривание» узнаваемого на себя облегчает оценку собственного стиля, манеры общения с тем, чтобы на этой основе строить соответствующую работу по их совершенствованию. В таком подходе проявляются черты творческой деятельности журналиста.

Чтобы получить статус знания, информация должна «примериваться» к действию, усваиваться в его контексте. Знание в нашей модели выступает и в качестве предмета, и средства решения задач общения в будущей деятельности. Но нашей целью не являлось засилье готовых знаний. В процессе обучения мы стремились организовать творческую познавательную деятельность студентов. Иными словами, происходила не просто трансляция информации, а фасилитация осмысленного учения.

Конечным результатом обучения являются умения, знания служат лишь инструментом при освоении умений. Задачей обучения являлось формирование в обучении интеллектуальных умений, умений выполнять мыслительные операции, т. е. пользоваться знаниями в ситуациях общения. При этом содержание обучения профессиональному общению студентов-журналистов становится эффективным при наличии следующих критериев:

- объем сообщаемой информации не должен превышать возможности её реального усвоения, т. е. соблюдение дозированности информации, но с условием её постоянного «приращения»;

- содержание информации должно быть строго систематизированным в едином смысловом контексте;
- каждая последующая информация опирается на предыдущие знания;
- теоретический материал рассчитан не столько на усвоение готовых знаний, сколько на развитие самостоятельного мышления в процессе получения информации;
- содержание информации ориентировано на мыслительную, творческую и профессиональную деятельность обучающегося.

В процессе получения знаний студент должен воспроизвести и применить полученные знания на практике. Для этого используются дидактические циклы (по Л. Я. Зориной), обеспечивающие поступательное движение информации, заложенной в блоках. Каждый дидактический цикл несет фрагмент содержания информационного блока, который мы определяем как этап новой тематической информации. Он обуславливает тот уровень усвоения содержания образования, за которым следует новая порция тематического содержания, новый цикл обучения.

Иными словами, в обучении профессиональному общению наблюдается следующее: движение каждого витка (блока новой информации) обеспечивается тематическими этапами, которые строятся на дидактических циклах, без прохождения которых невозможно дальнейшее движение по спирали обучения.

Основная цель теоретического компонента обучения профессиональному общению находится во взаимосвязи с целью практического компонента — формированием у обучаемых коммуникативных умений, необходимых для их будущей профессиональной деятельности и самореализации в ней. В обучении общению теория дополняется практикой. В целом в системе подготовки специалистов они взаимосвязаны и едины. Процессуально-практический компонент — это сложный взаимосвязанный комплекс научно обоснованного содержания обучения специалиста, опирающийся на теорию и уточняющий её.

Таким образом, предлагаемая структура обучения за счет постоянного «приращения» новой информации об общении и её применения на практике обеспечивает гибкость и самостоятельность мышления, расширяет кругозор студента, что позволяет ему перейти на более высокие уровни своего коммуникативного развития и обеспечивает выход на выполнение профессиональных задач.

Исследуя структурные компоненты содержания процесса обучения студентов-журналистов профессиональному общению можно сделать следующие выводы:

- обучение профессиональному общению может войти в качестве составной части в концепцию образовательного процесса университета и служить эталоном для определения качества обучения;
- предлагаемое обучение позволит повысить уровень знаний студентов об общении, приобрести коммуникативные умения и качества;
- процесс обучения рассматривается как объективно существующий объект изучения;
- обучение имеет иерархическую структуру, обеспечивающую поступательный поток информации об общении, понимаемый как фасилитация осмысленного учения;
- процесс обучения общению будет способствовать возникновению новых смысловых и содержательных акцентов в понимании нового социального опыта, позволяющего переконструировать имеющийся опыт общения в соответствии с полученными знаниями.

*Balaieva Kateryna Sergeevna,
Vasyl Stefanyk PreCarpathian National University,
postgraduate student, the Institute of Pedagogy
E-mail: bkatia@mail.ru*

Training for pre-school education in a foreign theory and practice

Abstract: The article presents the features of foreign theory and practice training for pre-school education in particular for innovative practice. The analysis of training in order to find the main mechanisms to improve it in Ukraine.

Keywords: training of preschool education, scientific and methodical regional center Referendariat, professional development schools.

*Балаева Екатерина Сергеевна,
Прикарпатский национальный университет
им. В. Стефаника, аспирант, педагогический институт
E-mail: bkatia@mail.ru*

Подготовка специалистов для дошкольного образования в зарубежной теории и практики

Аннотация: В статье рассматриваются особенности зарубежной теории и практики по подготовке специалистов для дошкольного образования в частности к инновационной практической деятельности. Проводится анализ профессиональной подготовки с целью поиска основных механизмов повышения эффективности ее в Украине.

Ключевые слова: подготовка специалистов дошкольного образования, научно-методический региональный центр, референдарият, professional development schools.

Инновационные процессы в системе образования требуют специалиста инновационного типа, способного к постоянному самообразованию и профессиональному самосовершенствованию, способного реализовать образовательные стандарты, внедрять новейшие педагогические технологии. Новые требования к профессиональной компетентности педагогических кадров обуславливают поиск основных механизмов повышения эффективности их профессиональной подготовки.

Одним из путей решения данной проблемы в условиях интеграции Украины в мировое и общеевропейское образовательное пространство является анализ, осмысление и оценка мировой теории и практики по подготовке специалистов для дошкольного образования [5, 185].

Так скажем, во Франции основная подготовка педагогов дошкольной отрасли происходит в университетских педагогических институтах и педагогических научно-учебных объединениях и дополнительная

трехлетняя фундаментальная университетская подготовка с последующей двухлетней педагогической специализацией [8, 105].

Профессионально-педагогическое образование студентов предусматривает три цикла, где на первом (3 года) осуществляется изучение обязательных фундаментальных дисциплин и курсов по выбору с последующей сдачей экзаменов; на втором (профессиональном) (1–2 года) заканчивается экзаменом, состоящий из теоретической и практической частей. Далее лицензиата зачисляются на должность стажеров — преподавателей, где на I-м этапе стажировки студенты слушают лекции по педагогике, принимают участие в коллоквиумах, знакомятся с документацией, на II-м — выполняют функции учителя. Практическую часть студенты сдают комиссии. Выпускники получают академическую степень магистра. Третий цикл (2–3 года) — специализация с элементами научных исследований в учебно-научных объединениях, после чего студенты получают высшую педагогическую квалификацию или защищают диссертацию [1, 324].

Научную важность для исследования имеет анализ учебного плана подготовки будущих педагогов, который включает обязательный модуль, включающий такие наименования дисциплин: учитель в классе, учитель и его ученики, учитель в учебном заведении, учитель и администрация; техника и педагогические ресурсы; ориентация учащихся; школа в экономической жизни региона или по сравнению с европейской системой образования. Модуль вооружает будущих специалистов информацию о специфике образования во Франции, формирует профессиональные умения с учетом особенностей детского коллектива, обучает технике выражения, психологическим подходам, применению технических средств обучения [9, 211]; модуль по выбору предполагает изучение таких дисциплин: современные средства массовой информации и коммуникации, центры документации и информации для учителя; устная речь и общение; тяжелые ученики, философия и воспитание, психология, социология и воспитания, новые исследования в системе воспитания, которые обеспечивают будущих педагогов дополнительными знаниями об информационном, коммуникационном, документальном и методическом обеспечении; дисциплинарный модуль включает: французский язык, чтение и письмо, математика и математические понятия, эволюция научных концепций, современные иностранные языки и эстетическое воспитание; междисциплинарный модуль включает: роль языка в процессе обучения,

роль средств массовой информации в образовании, заочное обучение, воспитание и окружающая среда, воспитание и гражданственность, воспитания и здоровья [10, 17].

Таким образом, особенностями подготовки к инновационной деятельности в педагогических вузах Франции являются дисциплины обязательного цикла и дисциплины модуля за выбором, которые обеспечивают теоретическую подготовку.

В современной Германии университетская подготовка будущего учителя состоит из трех компонентов [5]: на первом предусмотрено изучение 2–3 учебных предметов, необходимых для профессиональной деятельности. Обязательными предметами для всех студентов является немецкий язык, математика и предмет по выбору, второй — изучение педагогических наук. Государственные предписания определяют следующие разделы педагогических и гуманитарных наук, которые должны стать предметом преподавания и обучения в университете. К ним относятся: воспитание и образование (педагогика, философия), развитие и обучение (психология), общественные предпосылки воспитания (социология, педагогика), учреждения и формы организации системы образования (педагогика, социология, право), преподавания и общая дидактика, третий компонент — практика (референдариат), представляет собой профессиональную практическую подготовку в школе, которая ориентирует студентов на усвоение педагогических технологий в учительских семинариях, где при взаимодействии студента (стажера) и наставника (референдариата) происходит теоретическая подготовка к практической деятельности [4, 411].

Подытоживая опыт Германии по проблеме подготовки педагогических кадров понимаем, что подготовка воспитателей в стране осуществляется двухступенчатое: теоретически и практически. Инновационную подготовку педагогических кадров осуществляется при референдариате.

Подготовка будущих специалистов дошкольного образования в Японии осуществляется в младших колледжах (танки дайгаку) с 2–3 – летним обучением на базе старшей средней школы [2, 95].

На основе анализа профессиональной подготовки будущих специалистов дошкольного образования в Японии, Л. Зданевич, обобщаем, что учебные планы в вузах охватывают такие циклы дисциплин: общенаучные, социально-гуманитарные, педагогические, специальные. Большое внимание в процессе обучения также уделено освоению методик занятий

по рисованию, театра, физической культуры, музыки и других отраслей. В рамках обучения также есть курсы по детской психологии, физического и умственного здоровья детей, питания и социальных отношений [3, 25].

С 1991 года в Японии действует Новый стандарт педагогического образования который включает кроме дисциплин педагогическую практику и профориентационную работу. При университетах функционируют детские сады и школы как экспериментальные площадки, где отрабатываются новые методики и технологии обучения и воспитания. Подобные школы становятся лабораториями педагогического мастерства для студентов — практикантов и преподавателей [7, 47].

Многоуровневая структура высшего педагогического образования США предусматривает профориентацию абитуриентов (общенаучный, профессиональный и последипломный) университетской подготовки и повышения квалификации.

Современная система подготовки кадров дошкольного образования состоит из Совета профессионального развития в дошкольном образовании, в которую входят Национальная ассоциация образования детей, Международная ассоциация образования детей и Главное управление «Хэд Старт», определяющие образовательную политику в сфере подготовки педагогических кадров, разрабатывающие содержание программ профессиональной подготовки, стандарты и требования к профессиональной компетентности воспитателей [6, 93].

Анализ содержания образовательно-профессиональных программ подготовки педагогических кадров

позволил выделить три этапа подготовки будущего учителя, а именно: мотивационный, содержательно-процессуальный и деятельностно-творческий.

В системе высшего педагогического образования США созданы новые институты на основе укрепления взаимодействия вузов с общеобразовательными заведениями и социальной инфраструктурой. В основе деятельности professional development schools при университетах [3, 45] лежит идея интеграции вузов и школ для достижения общей цели — повышение качества образования через повышение качества подготовки учителей. Согласно стандартам NCATE деятельность школ профессионального развития направлена на: практическую подготовку студентов (будущих учителей), суть которой заключается в сотрудничестве будущих учителей с практикующими учителями и преподавателями университетов, развитие профессиональных умений практикующих учителей; исследовательскую деятельность в области образования, которая связана с поиском эффективных методик преподавания, содействие повышению учебных результатов учащихся путем улучшения качества предоставления образовательных услуг [2, 185].

Таким образом изучение опыта зарубежных стран по подготовке будущих воспитателей к применению инновационных технологий в практической деятельности, позволил обобщить ее особенности, а именно: гибкость программ подготовки, создание при учреждениях подготовки педагогических кадров учреждений для инновационного развития будущих специалистов; разнообразность форм и методов профессиональной подготовки; сочетание практическая и теоретическая подготовка (референдариат) и т. д.

Список литературы:

1. Encyclopedia of early childhood education/Ed. by L. R. Willianis, P. Pronin Fromberg. – New York; London: Garland, – 1992. – 518 p.
2. Детский сад в Японии: Опыт развития детей в группе/общ. Ред.. В. Т. Нанивской. – М.: Прогрес, – 1987. – 240 с.
3. Зданевич Л. Особливості підготовки майбутніх вихователів до роботи з дітьми у дошкільних закладах Японії/Лариса Зданевич//Вісник Прикарпатського національного університету. Вип. XLVI. Педагогіка. — Івано-Франківськ: Рута, – 2013. – с. 23–27.
4. Исаева Т. А. Педагогическая практика в образовательном процессе высших учебных заведений России и за рубежом (на примере университетов Великобритании, США, Германии) [Текст]/Т. А. Исаева//Молодой ученый. – 2012. – № 4. – с. 412–414.
5. Лунгрен П. Структура подготовки учителей Германии. [Электронный ресурс]: [сайт] – Режим доступа: http://vestnik.yspu.org/releases/materialy_mejdunarodnogo_seminara/14_1/
6. Мельник Н. І. Розвиток дошкільної освіти у США: дис. ... канд. пед. наук.: 13.00.08/Мельник Наталія Іванівна – Черкаси, – 2011. – 327 с.
7. Павлова Т. А. Проблемы подготовки и переподготовки учителя японской школы: традиции и современность//Сибирский учитель. Региональный научно-методический журнал. – 2001. – 1. – с. 47–48.

8. Погребняк Н. М. Сучасний етап піднесення вищої педагогічної освіти університетського рівня у Західній Європі, США та Японії/Н. М. Погребняк//Актуальні проблеми методології, історії, теорії та практики педагогіки вищої та середньої школи: наукове видання; [наук. ред. проф. О. В. Глузман]. – Сімферополь: Вид-во ТНУ, – 2012. – с. 100–109.
9. Пуховська Л. П. Професійна підготовка вчителів у Західній Європі в кінці XX століття: дис ... доктора пед. наук: 13.00.04/Пуховська Людмила Прокопівна – К., – 1998. – 354 с.
10. Романенко О. В. Реформування професійної підготовки майбутніх учителів середніх навчальних закладів Франції: автореф. дис. на здобуття наук. ступеня канд. пед. наук: спец. 13.00.01 – загальна педагогіка та історія педагогіки/О. В. Романенко. – Луганськ, – 2007. – 21 с.

*Bogiv Evelina Ivanovna,
lecturer, Selected unit of the National University
of Life and Environmental Sciences of Ukraine
«Mukachevo agricultural college», Mukachevo, Ukraine
E-mail: evelinb@ukr.net*

Continuing Education — the path to the future (Weiterbildung — der Weg in die Zukunft)

Abstract: The article analyzes the social function of national universities in the system of informal adult education in Germany, their specific features as municipal centers for lifelong education, which are supported by the state and provide access of various social groups to a wide range of educational services throughout the country.

The author found that people's universities from the beginning of its founding encouraged investment on education and promote social integration. They are ready to fulfill different needs: catch-up education, integration of ethnic minorities and migrants, teaching people of the third age (seniors), multicultural and intercultural education. The main pedagogical principles of teaching in these universities are focus on the participant, contact with life, discursion coexistence, learning as a social process. The most common forms of learning in non-traditional universities in Germany today are: informal and formal, they are closely related to informally acquired competences which are observed with wide range of educational offer, diversity of themes and training and make it possible to interact with each other.

Keywords: adult, personality, adult education, non-formal education, national universities, social and community function people's universities.

Politische, wirtschaftliche und soziale Veränderungen in unserer Gesellschaft, die Entwicklung der Marktwirtschaft, die rasche Aktualisierung von Informationen, die Globalisierung, etc. erfordern ein hohes Niveau des modernen menschlichen Lernens. Dies wiederum legt eine besondere Verantwortung auf das Bildungssystem des Landes, das die Bedürfnisse der Mitglieder der Gesellschaft in Kenntnisse und Fähigkeiten erfüllen muss, und sie zur konstanten Selbstbildung ermutigt.

Folglich, vor moderner Gesellschaft steht die Aufgabe «Ein Leben lang lernen, um Schritt mit dem Leben zu halten.» Dieser Ansatz bewirkt die Entwicklung des lebenslangen Lernens, der ein gesamter Prozess ist, und, in der Regel, aus zwei Komponenten besteht:

Die erste Komponente — Grundschule, Mittelschule und Hochschulbildung — die vor beruflicher Tätigkeit steht, die zweite Komponente — Weiterbildung (zusätzliche Bildung), die in zwei Formen auftreten kann: formelle

Bildung (die auf dem Wechseln der Lernperioden in speziellen Einrichtungen basiert) und informelle Bildung (die auf dem Wechseln des unorganisierten Lernens und beruflicher Tätigkeit für Erwachsene basiert und ein Leben lang hält).

Informelle Erwachsenenbildung ist ein wichtiger Faktor für die bewusste Verwirklichung der wichtigen Projekte der Persönlichkeit. Die Entwicklung dieser Bildungsrichtung ist durch Bedürfnisse des Erwachsenen im lebenslangen Lernen aktualisiert, das wiederum durch sozioökonomische und kulturelle Veränderungen in der Gesellschaft verursacht wird [3, 28].

So besteht ein Bedarf des tiefgreifenden Umdenkens über die Rolle, Funktion und den Platz der informellen Bildung im Bildungsraum der Gesellschaft. Die intensiven sozialen und wirtschaftlichen Veränderungen, die in der Ukraine zurzeit vorhanden sind sowie akute Probleme im Gebiet der formalen Bildung beweisen, dass die

Aussagen über die Priorität der nicht-formellen Erwachsenenbildung, als Teil des lebenslangen Lernens, nicht genug begründet sind.

Deswegen ist die Analyse der Bildungssysteme im Ausland sehr wichtig. Zugleich finden wir bei der Analyse, dass die Entwicklung der nicht-formalen Bildung ein gemeinsamer Weg der zivilisierten Industrieländer ist.

In diesem Sinne, verdienen die Prozesse in diesen Ländern die ganze Aufmerksamkeit, darunter mächtige Bildungsreformen, als Reaktion auf die Notwendigkeit «um lebenslanges Lernen für alle zugänglich zu machen» (OECD, 2003), zum Beispiel durch eine deutliche Steigerung von Publikationen.

Nach Ansicht der führenden US-Experten sind die Sachkosten für die informelle (zusätzliche) Bildung höher, als Kosten für Grund-, Mittel- und Oberschule zusammen genommen (R. Caffarella, Sh. Merriam). Derzeit haben die überwiegende Mehrheit der entwickelten Länder die Notwendigkeit für die Entwicklung und Verbesserung der Erwachsenenbildung erkannt. Unter diesen Bedingungen sind die Erfahrungen über moderne Bildungssysteme anderer Länder, die bereits über fortgeschrittene Methoden der Regulierung, geeignete Formen und Methoden der Erwachsenenbildung verfügen, bedeutsam. Somit hat die theoretische vergleichende Analyse der globalen Trends in der Erwachsenenbildung und ihrer informellen Komponente eine große Bedeutung für Hauswirtschaft im Rahmen der Integration im globalen Bildungsprozess, um optimale Lösungen für Probleme zu finden, die in der Praxis in der Erwachsenenbildung in der Ukraine auftreten.

Die Analyse von komplizierten Prozessen, die im europäischen System der Weiterbildung stattfinden, ist besonders wichtig im Zusammenhang der sozialen und wirtschaftlichen Beziehungen und hat Einfluss auf die Entwicklung der nationalen Erwachsenenbildung.

In diesem Sinne ist die Analyse des informellen Bildungswesens der Erwachsenen in deutschsprachigen Ländern bedeutsam, um auf Grund dieser Analyse mögliche Integrationswege der Ukraine in den europäischen Bildungsraum zu bestimmen. Doch trotz des stetigen Anstiegs in den ukrainischen pädagogischen Studien, als auch im Ausland, ist das Problem der nicht-formalen Bildung nicht systemisch und auch nicht methodisch begründet worden.

Ihre Interpretation, die formale Bildung als zweitrangig zu betrachten, entspricht nicht seiner wahren Rolle bei der Transformation der Bildung in die kontinuierlichen Weiterbildung, die lebenslang in der Entwicklung sowohl des Einzelnen als auch in der Gesellschaft geschieht.

Die Auffassung der Kategorie «informelle Erwachsenenbildung» erfordert tiefgreifendes Umdenken, was eine neue Bildungssituation in unserem Land ermöglichen würde, die auf den Ideen des menschlichen Zentrismus und auf Persönlichkeit orientierte Pädagogik gegründet ist.

Die Erfahrung Deutschlands bei der Entstehung und Entwicklung der Erwachsenenbildung und der VHS, ist unserer Meinung nach äußerst wichtig, da die Wettbewerbsfähigkeit der Industrie in diesem Land, die Qualität der Produkte durch die hohe Professionalität der Arbeiter und Angestellten gewährleistet wird, so die Meinung von Experten.

Zu einem großen Teil ist dieses Phänomen ein Ergebnis der Ausbildung, ein Teil davon die nicht-formale Bildung, die einen besonderen Platz in Europa im allgemeinen Bildungssystem besitzt. Bildung und Erwachsenenbildung in europäischen Ländern entspricht dem Prinzip der sozialen Marktwirtschaft. Allerdings, wie Forscher feststellen, wächst insbesondere das Interesse am deutschen Bildungssystem, aus verschiedenen Gründen. In Deutschland herrscht ein relativ niedriges Niveau an Arbeitslosigkeit und Jugendkriminalität und es wird ein guter Übergang von der Schule in die Berufswelt gewährleistet sowie eine schnelle Reaktion auf die neuen und modernen Anforderungen in der Berufswelt durch entsprechende Weiterbildungsmaßnahmen [1, 6].

Die Volkshochschulen sind unter anderem die größten öffentlichen Anbieter der pädagogischen Arbeit mit Erwachsenen, das nicht-formale Bildungssystem in Europa, betreffend. Die Studie der Popularität der VHS unter anderen Einrichtungen der informellen Bildung für Erwachsene, hat die Bedeutung des Begriffs gezeigt, die auf zwei wichtigen Komponenten basieren. Erstens, ist die Verfügbarkeit der Ausbildung ein Grundprinzip und bleibt gleich während der gesamten Dauer ihrer Existenz, und zweitens, ihren Zweck — Schaffung der Möglichkeiten für die Bildung von Fähigkeiten und Kompetenzen, wie Verantwortung, Partizipation, Solidarität, Motivation, Initiative, Kreativität, Respekt, Toleranz, interkulturelle Kompetenz, Emanzipation, kritisches Denken, geistige Unabhängigkeit, was in der Regel zur demokratischen Staatsbürgerschaft des Landes führt.

Im pädagogischen Wörterbuch werden die Volkshochschulen als „öffentliche Bildungseinrichtungen, die unabhängig von Bildungsniveau und Alter, die kulturellen und beruflichen Fähigkeiten zu fördern“ definiert [5].

Heimvolkshochschulen (HVHS) sind besondere Einrichtungen der Erwachsenenbildung, die ihre Bildungsveranstaltungen ausschließlich oder überwiegend in Gestalt

mehrtägiger oder mehrwöchiger Kurse bei gemeinsamer Unterbringung und Verpflegung (Internatsform) anbieten. Heimvolkshochschulen, im Unterschied zu gewöhnlichen Volkshochschulen, sind häufig im ländlichen Raum abseits der großen Städte angesiedelt, um eine „lernfördernde Distanz zu den Belastungen des beruflichen und privaten Alltags“ zu gewährleisten [2].

Die Materialien der Sondersitzung im März 2011 des Deutschen Volkshochschulverbandes betonten: „Bildung für alle, unabhängig von der sozialen Klasse, Geschlecht, Bildungsstand und Alter, Religion, Weltanschauung, Nationalität — ist der Zweck der Existenz der nationalen Universitäten. Niemand kann vernachlässigt werden. Auf den nationalen Universitäten liegt die Verantwortung, die als Hauptstütze der sozialen Integration dienen, lebenslanges Lernen nicht nur in homogenen, sondern auch in heterogenen Lerngruppen mit unterschiedlichen Förderbedarf zu ermöglichen.

Die Volksuniversitäten trennen nicht, sondern vereinen auf der Grundlage der sozialen Herkunft oder dem Bil-

dungsstand. Gemeinsam lernen — ist kein Slogan, sondern sind Praktiken, die mit differenziertem Ansatz für das Lernen auf die individuellen Bedürfnisse zugeschnitten sind.

Eine Analyse der Fachliteratur zeigt, dass die Volkshochschulen in Zeiten großer Veränderungen mit Siegen und Verlusten, in Zeiten der drohenden verheerenden sozialen Schichtungen besonders gefragt sind. Merkmal ihrer Arbeit seit der Gründung war die Fähigkeit, alle Bürger zu organisieren und sie zu einem Teil der Gesellschaft machen, die ständig lernt, Bürger zu aktivieren und zu engagieren in allgemeinen öffentlichen Angelegenheiten und die Notwendigkeit, die Probleme in allen Gesellschaftsbereichen zu lösen [4, 474].

Da das System der Erwachsenenbildung sehr effektiv ist, und die Volkshochschulen, neben anderen Institutionen, wie das katholische Bildungswerk oder das Kolpingwerk, ein wichtiger Bestandteil sind, ist es wichtig herauszufinden, in welchem Umfang und unter welchen Bedingungen diese Erfahrungen in der Erwachsenenbildung in der Ukraine umgesetzt werden können.

Reference:

1. Липкина И. Н. Система образования взрослых в Германии: Учеб.-метод пособие/И. Н. Липкина, В. П. Тарантей. – Гродно: ГрГУ, – 2001. – 104 с.
2. Heimvolkshochschule. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: 12.23.2012: <<http://de.wikipedia.org/wiki/Heimvolkshochschule>>. – Загол. з екрану. – мова нім.
3. Forum Bildung (Hrsg.) (2001): Materialien des Forum Bildung, Lernen – ein Lebenslang. Vorläufige Empfehlungen und Expertenbericht, Bund-Länder-Kommission für Bildungsplanung und Forschungsförderung. Bonn: Arbeitsstab Forum Bildung.
4. Süßmuth R., Sprink R. Volkshochschule. In: Rudolf Tippelt Aiga von Hippel (Hrsg.) Handbuch Erwachsenenbildung/Weiterbildung 4., durchgesehene Auflage VS Verlag für Sozialwissenschaften/GWV Fachverlage GmbH, Wiesbaden 2010.
5. Народные университеты/Педагогический словарь. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: 05.07.2012: <<http://enc-dic.com/pedagogics/Narodnye-University-1126.html>>. – Загол. з екрану. – мова рос. – http://www.global-d.ru/new_cms/indexd61c.php?id=5

*Vershinina Svetlana Valeryevna,
Tumen University of the Gas and Oil, candidate of economic sciences,
the assistant professor of Economy Department, organization and management of production
E-mail: sversh1978@yandex.ru*

Impact of students innovation-oriented culture on the adaptation to the new social conditions

Abstract: The article describes the role of the main elements constituting the innovative culture and providing the successful adaptation to the dynamically changing conditions of the socio-economic development. The proposed approach links the individual needs and peculiarities of the student's personality, creative activity, students' innovation and makes up the innovative culture, providing the successful adaptation to any environment.

Keywords: innovative culture, adaptation, self- management, creative activity, critical thinking.

*Вершинина Светлана Валерьевна,
Тюменский Государственный Нефтегазовый Университет,
кандидат экономических наук, доцент кафедры
экономики, организации и управления производством
E-mail: sversh1978@yandex.ru*

Влияние инновационной культуры студентов на адаптацию к новым социальным условиям

Аннотация: В статье описывается роль основных элементов, составляющих инновационную культуру как обеспечивающих успешную адаптацию к динамично изменяющимся условиям социально-экономического развития. Предложенный подход увязывает индивидуальные потребности и особенности личности студента, творческая деятельность, студенческое новаторство и формирует инновационную культуру, позволяющую успешно адаптироваться в любой среде.

Ключевые слова: инновационная культура, адаптация, личностное самоуправление, творчество, критическое мышление.

Современный социально — ориентированный подход в педагогике — это подход, ориентированный на личность студента как будущего специалиста в любой области. Новая образовательная политика требует от современного студента понимание и принятие своего положения в постоянно изменяющихся социально-экономических условиях. Каждому студенту после окончания ВУЗа придется очень быстро адаптироваться к новой социальной роли и к новым социально-экономическим условиям.

Адаптация на социальном уровне представляет собой систему регулирования различного рода отношений. Нас будут интересовать отношения двух видов: человека к человеку и человека к природе. Задачей адаптации является гармонизация всей совокупности отношений как в самом обществе, так и общества с природой. В настоящий момент в основе экономического развития заложены такие механизмы, которые должны вести к наиболее оптимальному использованию ресурсов общества, при этом очень важным остается вопрос сохранения качества окружающей среды. Также не стоит забывать о наиболее актуальной проблеме любого общества — удовлетворения потребностей людей по улучшению качества их жизни. Здесь наблюдается прямая зависимость между временем, затрачиваемым на процесс адаптации и успешностью профессиональной карьеры. Чем меньше времени будущий специалист затратит на процесс адаптации, тем успешнее он станет в профессиональной деятельности. Задачей любого педагога в рамках своего предмета является оформление и закрепление компетенций, которые в будущем помогут (уже специалисту) более быстро и менее болезненно адаптироваться к изменяющимся социально-экономическим условиям.

В зарубежной практике последнее время наиболее актуальным ориентиром образования является развитие компетенций, направленных на адаптацию человека в динамично развивающемся жизненном пространстве, что естественным образом отражено в образовательных стандартах. В данный момент одной из самых важных задач нашего образования является успешный переход на новые стандарты образования. Изменение всей системы образования связано с отсутствием связи между теоретическим обучением и требованиями практики, направленной на формирование адаптационно-значимых качеств и успешную адаптацию. Упор в образовательном процессе школы и высших учебных заведений все еще делается на получение знаний, или правильнее сказать того значимого минимума знаний, который бы вел к успешной адаптации специалиста. В силу этого у студента вырабатывается так называемое стереотипное мышление, что является неприемлемым для успешной профессиональной деятельности. Поэтому подрастающему поколению приходится самостоятельно вырабатывать инновационный взгляд на окружающие процессы и явления и использовать новаторский подход к решению экономических проблем, а ведь это не всегда всем по силам. В результате этого весь опыт оказывается неполным, так сказать «усеченным». В этом опыте часто почти совсем отсутствует инновационная составляющая. Отсутствие этой составляющей делает затруднительным механизм адаптации к условиям современного рынка. А значит, будущим специалистам будет достаточно трудно выжить в экономически нестабильной среде. Наша задача помочь будущим специалистами открыть в себе и максимально

развить те качества, которые помогут студентам безболезненно и эффективно адаптироваться к различного рода изменениям.

Надо отметить, что проблема адаптации не является новой в науке. Этим вопросом занимались и занимаются представители философии, психологии и некоторых других областей знаний. При этом, в каждой науке свой подход к адаптации и адаптационным механизмам. Биологи, например, подходят к адаптации как к физиологическому и биологическому явлению. Авторы социальных исследований рассматривают адаптацию как фактор социальной жизни, а экономика, соответственно — как фактор экономической жизни.

В российской литературе проблемами адаптации занимались П. К. Анохин, Т. Г. Дичев, А. В. Сахно, В. П. Петленко и другие. Данный подход заключается в анализе адаптации с позиции теории отражения. Согласно этой теории, процессуальный механизм формирования и развития адаптации рассматривался исходя из принципа отражения реальности. Так, например Т. Г. Дичев, объяснял адаптационные процессы через процессы приспособления организма к требованиям и условиям среды [3]. С другой стороны это приспособление самой среды к потребностям жизнедеятельности организма. В рамках статьи нас будут интересовать потребности высших порядков согласно классификации Маслоу. Отсюда можно сделать вывод, что адаптация — это универсальное средство свойственное всем живым существам.

Современному обществу нужны образованные, предприимчивые и инициативные люди, которые могут самостоятельно принимать неординарные решения. Следовательно, современные студенты должны быть готовы к сотрудничеству, отличаться мобильностью, динамизмом и креативностью. Это является неотъемлемым фактором развития инновационной культуры студентов для реализации в дальнейшей профессиональной деятельности. Прежде чем исследовать понятие инновационной культуры посмотрим, что говорят классики о культуре вообще.

Рассмотрим подход к определению культуры Кларка Уисслера. С его точки зрения культура — это фиксированный комплекс неких взаимосвязанных идей и понятий. Джеймс Форд говоря о культуре очень близок к пониманию данного феномена Уисслером. Он говорил, что культура может быть оптимально определена через поток идей, перетекающий от одного индивида к другому посредством характерного поведения. Уолтер Тейлор считал, что

культура — это все интеллектуальные конструкты-идеи, которые осознаны и приняты индивидом из окружающей его среды или созданы по ходу жизни непосредственно им. Подводя небольшой итог можно сказать, что культура состоит из идей. С этой позиции естественным образом вытекает понятие инновационной культуры.

Под инновационной культурой будем понимать знания, умения, навыки и опыт систематической целенаправленной подготовки, комплексного развития и всестороннего освоения различных новшеств во всех отраслях человеческой жизнедеятельности, при условии сохранения динамического триединства: прошлого, современного и будущего, с позиции формирования принципиально нового. Можно сделать небольшой вывод о том, что ключевым моментом в понимании инновационной культуры есть осознание и принятие того факта, что — это прежде всего творческая деятельность.

Такой вид деятельности оказывается наиболее успешным тогда, когда потребность в новом у определенного студента будет максимально высокой. Что же касается сути данной потребности, то тут необходимо отметить следующее: Г. В. Ф. Гегель, например, считал, что потребность в новом — это есть сущностная и одна из самых главных характеристик “социального человека”.

Творческая деятельность и культура современного студента во многом зависит от уровня развития его творческих способностей. Этот фактор, конечно же, является небольшим минусом при формировании и развитии инновационной культуры современных студентов, так как в ВУЗ приходят люди с уже сформировавшимися способностями.

Многие исследователи рассматривают проблему человеческих способностей как проблему творческой личности, говоря при этом что, в основе творческой личности лежат не особенные творческие способности, а система мотивации и психические черты данной личности.

Творческий студент — это мотивированный на успех человек, использующий в своей деятельности творческий компонент. Какие же черты характера свойственны людям, с развитой инновационной культурой, так называемым инноваторам? Наиболее значимыми чертами будут прежде следующие:

1. открытость и мобильность ума — как способность поверить реализовать идеи-фантазии;
2. независимость и умение олицетворять себя отдельно от группы, находясь в группе,

т.е. приоритет на личностные стандарты, а не на групповое мнение;

3. высокая степень активности в ситуациях неопределенности и риска;
4. эстетическая сторона натуры — как стремление к созиданию и созданию красоты;
5. уверенность в своих силах, решительность;
6. а также, взаимосвязанные и переходящие друг в друга черты женственности и мужественности в поведении.

Базой для формирования наиболее значимых черт современного студента творчески ориентированного является личностное самоуправление, это находит подтверждение в диссертационном исследовании О.В. Тарасовой [4].

Безусловно, данный список можно продолжать практически бесконечно. И в конечном итоге мы приходим к выводу о том, что в основе инновационной и интеллектуальной активности лежит непосредственно инициатива и активность, которые в свою очередь должны выходить за рамки стандартных ситуаций и не зависеть от внешних оценок. Комплексный подход к изучению творческой культуры личности определяется не только наличием большого творческого компонента, важным остается и высокий уровень развития способности критическому мышлению.

Следует отметить основное отличие творческого мышления от критического: творческое мышление — это тип мышления, при котором происходит формирование принципиально нового решения поставленной задачи. Критическое мышление в свою очередь представляет собой проверку и апробацию предложенных решений. Причем целью данной проверки является определение области возможного применения данных решений. Для эффективного решения инновационных задач современному студенту необходимы оба этих типа мышления.

Для того, чтобы будущий специалист научился мыслить инновационно и творчески, необходимо научить его свободно мыслить, и не использовать шаблонные пути поиска решения. В этом может помочь метод свободных ассоциаций, который заключается в том, что студент говорит всё, что приходит ему в голову, вплоть до абсурдного. Данная методика находит отражение в экономических и других дисциплинах. Примером может служить использование метода “мозгового штурма” при принятии групповых решений. Данный метод основывается на психологических и педагогических закономерностях развития.

К таким закономерностям относят четыре типа операций:

1. слияние и отождествления самого себя с проблемой или частью проблемы. Примером может быть осуществление себя с механической частью оборудования. На первый взгляд это кажется не реальным, но это может привести к инновационным идеям. Для успешной реализации такого рода операций педагог может попросить написать студентов сочинение от лица неодушевленного предмета;
2. сходные или полностью идентичные явления и процессы можно найти в совершенно иных, часто неожиданных областях знания и практики. Так, например, при создании первых компьютеров использовались перфокарты, которые до этого применялись в ковроткачестве, что в свою очередь никак с развитием компьютерной техники не связано;
3. при формулировке задач, требующих инновационного решения и стоящих перед студентами рекомендуется использовать поэтические образы и метафоры;
4. расширяя поэтические образы и метафоры в педагогической деятельности можно использовать фантастическую аналогии. При этом проблема решается сама собой, как в сказке, порой игнорируя фундаментальные законы природы.

Следующим важным моментом в процессе формирования инновационной культуры являются критические установки личности студента. И если критическое мышление имеет конечной целью конструктивный характер, то критическая установка деструктивна по своей сути. Чрезмерное желание человека критиковать только лишь ради критики, порой не обоснованной, имеет психоэмоциональный характер, нежели познавательную цель, направленную на создание инновации. Как творческое, так и критическое мышление зависят непосредственно от уровня профессионализма, от развитости способностей личности к систематическому получению и формированию новой информации. Рассмотрим наиболее важные факторы, которые влияют на формирование и развитие инновационной культуры студентов. К основным факторам относят:

1. состояние и динамику развития информационных технологий, поскольку информационные системы позволяют не только проводить экономический анализ текущих тенденций, но и осуществлять прогнозирование;

2. организацию инновационного климата и креативности, которые благоприятствуют инициативному поиску новаторских идей;
3. полноту использования интеллектуального капитала, состоящего из знаний, умений и полученных навыков, которые в дальнейшем учитываются при разработке практических моделей инициативной деятельности;
4. реализацию современных организационных принципов новаторства, которые безусловно должны являться фундаментом классического образования.

В современном обществе для успешной профессиональной деятельности необходимо уметь экономически мыслить, а это значит уметь использовать научные знания для объяснения социально-экономических явлений и событий, понимать причинно-следственные связи в экономической области и принимать инновационные решения, основанные на этих знаниях. Естественно существует неразрывная связь между формированием и развитием инновационной культуры студента, его инициативности, активной творческой позиции с экономическим мышлением и способностями личности. В настоящий момент, когда прогрессирует коммерциализация ВУЗов, многие студенты выпускных курсов не умеют логически мыслить и решать поставленные перед ними экономические вопросы, видеть и понимать существующие социально-экономические процессы и явления.

Инновационная культура студента-менеджера, как будущего успешного профессионала должна включать в себя следующие компоненты (заметим, что данный список является далеко не полным, перечислены только те компоненты, которые относятся к экономическим):

- 1) экономические знания как конечный продукт усвоения студентами законов экономики, необходимых для успешной профессиональной деятельности.
- 2) умения, связанные с экономической направленностью — способность студента выпускника

быстро, точно и сознательно применять на практике усвоенные знания. Такие умения должны быть направлены на совершенствование профессиональной деятельности и формирование успешности будущего профессионала в целом. Самыми важными экономическими умениями студентов менеджеров являются: умения планировать работу, организационные умения и умение развиваться и совершенствования.

Экономические знания, умения и качества могут остаться неиспользованными в современном мире, а значит не оказать существенного влияния на формирование творческого и критического мышления, инновационной деятельности и инновационной культуры. Для того чтобы пробудить интерес у студентов и вызвать потребность использовать полученные знания и умения на практике необходим очень сильный мотивационный компонент.

3) Потребности и интересы, стимулирующие профессиональную деятельность. Потребность получать знания и успешно реализовывать их в своей деятельности должна быть целенаправленной и максимально осознанной.

4) Экономически значимые качества личности.

Таким образом, инновационную культуру следует представить как явление, прежде всего профессиональное. Ведь именно профессионалы из любой отрасли вносят принципиально новое в различные сферы социальной жизни. Но не стоит упускать из виду, что базой инновационной культуры любого человека, будь то студент-выпускник или студент первокурсник, а может быть и педагог, являются общекультурные (социальные) качества личности. К ним следует отнести такие как: духовность, гражданственность и эрудиция.

Именно все эти качества являются продуктом современного образовательного процесса и необходимы для успешной адаптации студентов к динамично развивающемуся социальному обществу. Они должны постепенно становиться свойствами личности студентов — инноваторов, будущих конкурентоспособных профессионалов.

Список литературы:

1. Интеллектуальная и творческая одаренность. Междисциплинарный подход: IX Междунар. конф., Италия, Рим, 6–13 апр. 2008: сб. тр./под ред. В. В. Альминдерева, А. А. Никитина, М. Г. Пашенко. – Новосибирск: Изд-во ИПИО РАО, – 2008.
2. Мясников В. А. Образование в глобальном измерении: монография/В. А. Мясников, Н. Н. Найденова, И. А. Тагунова. – М.: УРАО ИТИП, – 2009.
3. Павлов С. Е. Адаптация, – Москва, – 2000., – 282 с.
4. Тарасова, О. В. Личностное самоуправление: социально-философский аспект (на материале предпринимательской деятельности)// диссертация на соискание ученой степени кандидата наук. – Тюмень, – 2006.

*Zebzeeva Valentina Alekseevna,
Orenburg state pedagogical University, docent of the chair
of Pedagogics of pre-school and primary education
E-mail: Val.orin@mail.ru*

The organization's ecological-subcultural practices as a condition of ecological development of children of preschool age

Abstract: In the article the problems of ecological development of children of preschool age. One of the conditions of ecological development of children is the organization's ecological-subcultural practices.

Keywords: ecological development, 's ecological-subcultural practices, environmental subculture.

*Зебзеева Валентина Алексеевна,
Оренбургский государственный педагогический университет,
Доцент кафедры педагогики дошкольного и начального образования
E-mail: Val.orin@mail.ru*

Организация игровых эколого-субкультурных практик как условие экологического развития детей дошкольного возраста

Аннотация: В статье рассматриваются проблемы экологического развития детей дошкольного возраста. Одним из условий экологического развития детей выступает организация игровых эколого-субкультурных практик.

Ключевые слова: экологическое развитие, игровые эколого-субкультурные практики, экологическая субкультура.

Чтобы выжить, человечество должно научиться жить на Земле по-новому. Жить так, чтобы гармонично достигнуть двух целей: высокого качества окружающей среды и здоровой экономики для всех народов мира. Для успешного достижения этих целей недостаточно усилий государств и их руководителей. В этих условиях экологическое образование во всех его звеньях приобретает приоритетное значение. Еще лет двадцать назад об экологии и экологическом образовании дошкольников речь не шла. В настоящее же время оно стало одним из важных направлений дошкольной педагогики и реализуется в дошкольных учреждениях страны.

Многими учеными высказывается мысль о том, что уровень экологического образования детей остается низким и одной из причин этого является ограничение возможности активного взаимодействия детей с естественной природой (А. В. Миронов, Т. П. Южакова, А. Е. Тихонова, И. Т. Суравегина, Н. М. Чернова).

В наше время наблюдается процесс отчуждения человека (ребенка) от природы, которое проявляется в разных формах. Быстрый рост городов и, соответственно, численности городского населения привел к тому, что многие дети живут в практически искусственной среде, не имеют возможности общаться

с природными объектами. Изо дня в день они видят серые монотонные здания, чувствуют под ногами асфальт, дышат выхлопными газами автомобилей, видят искусственные цветы дома и в детском саду.

Многие дети представляют природу как что-то очень отвлеченное и отдаленное. «Природу», по их мнению, можно увидеть на даче, у бабушки в деревне, в лесу. Крайне редко дети отмечают парки, деревья, птиц в городе, хотя они существуют рядом с ними.

Еще одна проблема — замена реальной природы виртуальной. На вопрос о том, каких животных они знают (видели), дошкольники все чаще дают ответы типа: «Птицу я видел по телевизору». Ребенок все больше времени проводит за компьютерными играми, видеомagneфоном, телевизором. Никакой, даже самый красивый видеофильм о природе не заменит живого общения с ней.

Современные дети знают компьютер, интернет, быстро схватывают информацию. Они очень восприимчивы, хотят узнавать новое и стремятся осмысливать происходящее. Современные дети — исследователи, они не верят на слово, а стремятся всё проверить. Они больше опираются на свой опыт, постоянно сравнивают собственные наблюдения. Они более общительны, практичны, смелее и решительнее, стремятся к познанию, оценке и к достижениям. Они меньше верят

в сказку, но много сами придумывают и ценят творческие проявления.

Психологи отмечают, что в лесу, на лугу человек воспринимает природу комплексно: видит, слышит, чувствует запахи. Только такое восприятие эффективно. При просмотре же видеофильма мы только пассивно смотрим. Ребенок должен иметь возможность вдохнуть запах цветка, потрогать лист, кору, побегать босиком по траве, обнять дерево, самостоятельно открыть тайны природы. Общение с природой имеет не только познавательное, но и оздоровительное, релаксационное значение. Общение с не искащенной природой способно снять стрессы, напряжение, вдохновить человека на творчество. Общение же с изуродованной средой угнетает человека, будит разрушительные импульсы, губит физическое и психическое здоровье.

«Отчужденных» от природы детей с каждым годом становится все больше. Это приводит к недостаточному развитию сенсорных каналов восприятия окружающего мира, у ребенка ограничивается круг воспринимаемых предметов, плохо формируются различные образы окружающего мира, отстает формирование самоощущения и самопознания.

Следует констатировать факт, что в дошкольном образовательном учреждении чаще всего происходит подмена природной и социальной среды игрушечной, в которой ребенок чувствует себя уверенным. Однако когда он попадает в реальную среду, находящуюся за пределами дошкольного образовательного учреждения, он испытывает дискомфорт и проявляет себя неадекватно. Все выше перечисленное приводит к резкому спаду у детей интереса к занятиям, труду, откровенному проявлению эгоизма, агрессивности, жестокости. Образуется разрыв между знаниями у детей о нормах и правилах общения с миром природы, окружающими людьми и реальным поведением, что является признаком экологической депривации.

Экологическая депривация — отсутствие полноценного общения ребенка с объектами природы. Она ведет к экологическому депривационному развитию личности ребенка, что проявляется в депривационных состояниях, депривационных реакциях. Экологическая депривация — психическое состояние, целостная характеристика психической деятельности ребенка за определенный период времени, показывающая своеобразие протекания психических процессов в период отсутствия взаимодействия с миром природы (Н. Д. Левитов). Следствием любого вида

депривации является более или менее выраженная задержка в развитии речи, освоении социальных навыков, развитии мелкой моторики [2].

Последствия депривационных ситуаций, проявляются в несформированности у детей экологических представлений, о нормах и правилах взаимодействия с природой, познавательных интересов, ценностного отношения к миру природы: чувства влечения к природе, познавательного интереса на основе ценностных представлений, склонности к непрагматическому взаимодействию с природой, низким уровнем любознательности [2].

Приведенный краткий анализ особенностей экологического развития детей, находящихся в ситуации депривации, закономерно ставит вопрос о возможности снятия ее последствий или хотя бы сглаживания, коррекции их. У образования появляется новая функция — диагностировать отклоняющееся по экологическим критериям поведение в окружающей среде и обеспечивать коррекцию этого поведения [5].

Концептуальную идею нашего исследования составляют мысли о том, что в ситуации экологической депривации источником экологического развития детей выступает экологическая субкультура детства, так как в ней реализуются программы деятельности, поведения, позволяющих принимать решение по поводу взаимодействия с миром природы, сохраняются образцы ценности, отношения к природе, информация об образе жизни в природе. Проблема исследования заключается в поиске путей использования в педагогическом процессе потенциала экологической субкультуры детства в качестве источника экологического развития детей и возможности устранения экологической депривации.

Субкультура экологическая — это одно из проявлений экологической культуры, которое охватывает собой сферу отношений человека к природе. Речь идет не о любых отношениях, а о тех и в той мере, в которых и в какой мере представлено позитивно-творческое, позитивно-созидательное начало деятельности людей, направленное на гармонизацию интересов человека, общества и возможностей природы. А. Д. Клещев понимает экологическую субкультуру как форму существования, а сознание, определяющее эту форму, он называет образом жизни, который включает, по крайней мере, два компонента: природосберегающее и здоровьесберегающее существование. Он также отмечает, что природосберегающие ценности часто входят в конфликт с традиционной жизненной практикой.

Г.П. Сикорская рассматривает экологическую субкультуру как образовательный системокомплекс, «класс экологической субкультуры» с особыми эколого-образовательными качествами, который позволяет центрировать образовательный процесс на саморазвитии и самоопределении учащихся через экологическую культуру. При этом определение системокомплекса «экологическая субкультура» связано с поликультурностью образовательного пространства. Также, экологическая субкультура рассматривается как система экологических ценностей, сформировавшаяся в результате стихийного взаимодействия с Культурой в рамках различных субкультур.

В своем исследовании мы рассматривали экологическую субкультуру детства как источник и фактор экологического развития детей. В этом процессе ребенок занимает активную позицию, участвует в собственном развитии в качестве субъекта.

На экологическую субкультуру детства накладывает отпечаток экологическая культура взрослых. С одной стороны, мир детей манифестирует свое отличие, свой суверенитет от мира взрослых, а с другой — не может полностью автономизироваться от него и вынужден в специфической форме вести постоянное диалогическое общение с ним. Аналогичные отношения складываются и между детьми разных возрастных групп, как представителями различных возрастных субкультур.

На экологическую субкультуру детства влияют личные усилия самого ребенка, проявляющиеся в разных видах эколого-ориентированной деятельности.

На экологическую субкультуру детства оказывает воздействие детская субкультура, традиции, которые передаются из поколения в поколение детей. Экологическая субкультура детства поликультурна, так как в ходе инкультурации дети имеют дело с различными этническими культурами.

На экологическую субкультуру детства оказывают влияние различные субкультуры. Каждая общественная система представляет собой мозаику из определенного набора субкультурных групп, каждую из которых любой человек может выбрать для себя. Основные субкультуры, элементом которых является ребенок — это субкультура семьи, педагогическая субкультура и детская субкультура [1].

В пространстве Детства, взрослые и дети, вступая в совместное взаимодействие, выполняют гуманную трансмиссию: первые передают культурные ценности прошлого и настоящего, а вторые — познают их и сохраняют в настоящем и будущем. При

этом экологическая субкультура будет проявляться в стремлении ребенка к самоутверждению, сопоставлении и анализе своего соответствия экологическому идеалу, характерному для данного исторического этапа, присвоении бытующих представлений об экологически целесообразном поведении в природе, существующих в мире детей и взрослых экологических традиций, норм поведения, их отношений к природе. В этом случае, экологическое развитие ребенка можно представить как развертывание заложенных предзаданностей, а ход образования как процесс поиска, узнавания, формирования образа «Я».

Одно из важнейших условий присвоения детьми экологической субкультуры детства — организация эколого-субкультурных практик, под чем понимается организация экологоориентированной деятельности детей в детском сообществе, в результате которой ребенок присваивает опыт экологически целесообразного поведения в природе, ценностного отношения к природе, опыта получения информации о мире природы, опыт творческой деятельности.

Благодаря практикам в детской экологической субкультуре у него оформляется неповторимый культурно-экологический опыт, который ждет реализации [1].

Существует множество различных видов деятельности, число их примерно соответствует количеству имеющихся потребностей.

Понятие «экологическая деятельность» является обобщением исторически сложившихся видов и форм социальной деятельности общества (природо-преобразовательной, природоохранительной, природовосстановительной, эковоспитательной). Специально организованная экологическая деятельность дошкольников носит имитационный характер, поскольку она моделирует жизненную практику и направлена на овладение конкретными практическими умениями. В связи с этим правильнее будет обозначить ее как экологически ориентированную деятельность.

В процессе исследования нами наблюдались и были описаны игровые субкультурные практики детей дошкольного возраста происходящие в процессе взаимодействия детей с природой.

«Встреча с муравьишкой Кузей» (6 лет — Настя Л.) Очищенную палочку девочка обмакивала в сахар и опускала в муравейник, для того, чтобы увидеть и почувствовать муравьиную кислоту. Перегораживала муравьиную тропу, наблюдала за действиями муравьев. Ограждала веточками, камушками муравьиную тропу. Такие действия учат детей подражать

трудолюбивым муравьям, уточняются знания детей о поведении муравьёв, месте их обитания.

«Бал цветов» (дети 5–6 лет) Летом дети собирали луговые цветы, веточки деревьев, кустарников, листики и мастерили дюймовочек, принцесс, богатырей, обыгрывая, знакомый, либо вымышленный сюжет сказки. Например: Дюймовочка — «Одуванчик» говорит, что все её любят за то, что сначала она похожа на солнышко, а потом на неё можно дуть, и белые семена-пушинки разлетятся в разные стороны. Дюймовочка — «Василёк» говорит, что она выросла на лужайке и хочет подружиться с Дюймовочкой — «Одуванчиком», тут встречается «богатырь» «Колокольчик голубой» и приглашает, дам на бал цветов, где все гости танцуют и веселятся. Такие игровые действия учат детей играть дружно, уважать мнение другого человека, спланировать коллектив детей, так же систематизируются знания о цветах и их особенностях.

«Волшебный ручеёк» (7 лет — Саша М.) Весной на прогулке дети мастерят из листьев, веточек, сухой коры дерева кораблики и пускают в ручеёк, наблюдают за его движением, комментируют ситуации, в которые попадает кораблик. Такие игры развивают у детей наблюдательность, закрепляют знания о ручейках, о дарах природы, формируют желание общаться со сверстниками.

«Чудо песок» (6 лет — Мария Л.) Ребёнок на прогулке летом играет в песок, закапывая кисти рук, а после просит товарища найти, где прячутся пальчики. Такие игры знакомят со свойствами песка, развивают наблюдательность.

«Секретик» (7 лет — Инна З., Валерия Ч.) Весной, летом дети на прогулке находят красивые камушки, листики, веточки, пёрышки и под кустиком или около дерева капают небольшую ямку, и кладут туда аккуратно и красиво все дары природы, которые они нашли. После чего закапывают и через некоторое время делятся с детьми, которым доверяют. Такие действия формируют у детей доверительные отношения, учит их быть правдивыми по отношению друг другу, также формирует интерес к природным объектам.

«Встреча с подземным жителем» (5 лет - Стёпа Д., Алёша М.) Дети на прогулке после дождя замечают на поверхности земли дождевого червяка и наблюдают за его поведением и внешним видом, проложив ему тропинку из веточек, листиков. Такие действия детей позволяют знакомить с особенностями строения и поведения подземных обитателей, расширяются представления детей о животном мире.

«Солдатики» (6 лет — Сережа Д.) В первые дни весны, когда грело теплее солнышко и появилась молодая зеленая травка на улице, в палисадниках рядом с заборами появились красные жуки — солдатики. Они очень быстро бегали. Казалось, что они что-то ищут и не находят. Дети подкладывали на пути жуков разные предметы и наблюдали, как они преодолевали эти препятствия. Здесь закрепляются знания о первых признаках весны; знания о самых маленьких жителях планеты — насекомых (их появление — признак весны).

«Строители». Весной муравьи строили домик, носили палочки, соломинки. Глядя на них, девочка воображала, что она — большой муравей и помогала им строить. Девочка брала палочку и подкладывала в муравейник. А когда муравей кусал её, отбегала от домика и возмущалась, что муравьи не видят в ней муравья, так как она на них не похожа или им не нужны помощники. После этого девочка обижалась на муравьев и долго не подходила к муравейнику. Дети получали знания о сезонных изменениях в природе весной, о насекомых, о том, что муравьи строят домики, они очень дружные и больно кусаются.

«Я спасатель». (6 лет — Даша Н.) Летом в жаркий солнечный день всем хочется пить. У бабушки в огороде стоял большой чан с водой. Много пчелок садилось на его края и пили воду. Но дул лёгкий ветерок и создавал на воде волны и многие пчёлы и осы падали в воду и начинали тонуть. Если девочка видела кого-то в воде, то брала длинную соломинку и старалась поймать и вытащить (спасти) пчелу. Пчела видя «палочку-выручалочку» цеплялась лапками, и её вытаскивали на сушу. Девочка надавливая на неё соломинкой, отжимала лишнюю воду. Что интересно первое время девочка спасала только пчёл (потому что они делают мёд), а позже стала спасать и ос (они тоже хотят жить). А позже приходила и проверяла: если пчелы не было, значит, она живая — улетела. А затем подходила к маме и говорила: «Мама я — спасатель»! И рассказывала ей о случившемся. Так воспитывались сострадание, желание проявлять заботу о животных, доброжелательность, любовь.

«Игра в куколки». (4 года — Ира К., 5 лет — Надя О.) На улице рядом с деревьями дети искали небольшие палочки — это у них были куколки. Шли с ними на песок. Из влажного песка «пекли» для них пирожки, оладушки (лепили их руками или формочками). Затем накрывали стол (искали деревянную палочку ложку) и кормили куколок, при этом вели себя как «настоящие» мамы. А потом укладывали спать: стелили соломку (кровать), на неё камешек

(подушка), укладывали куколку и укрывали одеяльцем (листочком).

«Болото». (7 лет. — Серёжа А) Осенью после дождя в то время когда родители черпали лужи со двора мерил их глубину на улице в резиновых сапогах. Прежде чем зайти в лужу измерял палочкой, ставя её перед собой — как — бы прошупывая почву. («А то, вдруг засосёт!») А кто глубже зайдёт, определяли по следу (от воды) на сапогах.

«Город». (6 лет — Ваня Р.) Из песка строили дороги (деревянной круглой палкой проводили по песку — оставляя след), по краям выкладывали камешки (там заканчивалась дорога — это были края), рядом строили домики (делали из песка кучки и вставляли в них трубу-палочку). Рядом с домами делали огород и грядки сажали урожай — листики, высаживали травинки, цветочки. Знание изобилия даров природы; знание свойств песка.

Подобные эколого-субкультурные практики можно найти и в воспоминаниях уже взрослых

людей. В подобных играх ребенок активно взаимодействует с природой, наблюдает, экспериментирует. Свой формирующий эксперимент мы построили на основе активного включения детей в игровые эколого-субкультурные практики. Как показали результаты исследования средний показатель высокого уровня экологического развития детей на этапе контрольного эксперимента повысился до 78 %, тогда как на этапе контрольного эксперимента он составлял всего 28 %.

Экологическое развитие детей старшего дошкольного возраста обеспечивается, если ребенок имеет возможность участвовать в различных эколого-субкультурных практиках. Ребенок учится понимать окружающий мир. У него формируется круг экологических интересов и культурно-экологических потребностей, которые он стремится удовлетворить самостоятельно, либо с помощью сверстников или взрослых.

Список литературы:

1. Зебзеева В. А. Эколого-субкультурные практики детей дошкольного возраста // Начальная школа плюс До и После. – Москва: – 2011. – № 7. – с. 3–7.
2. Зебзеева В. А. Экологическая депривация и пути её устранения // Начальная школа плюс До и После. – М.: 2007. – № 6. – с. 6–10.
3. Куликовская И. Э., Чумичева Р. М. Категориальное видение картины мира ребенком // Ребенок в мире культуры / под. ред. д. п. н. профессора Р. М. Чумичевой, – Ставрополь: Изд.-во Ставропольсерис-школа, – 1998. – с. 295–346.
4. Лазарева О. Н., Волкова Н. А., Ворошилова В. М. Теория и методика экологического образования детей. – Екатеринбург: Изд.-во УрГПУ, – 2004. – 279 с.
5. Моисеева Л. В., Иванова А. В. Экологическая картина младших школьников: образ и познавательная модель: монография. – Екатеринбург: Изд.-во УрГПУ, – 2004. – 96 с.

*Kamyshova Nadezhda Viktorovna,
a teacher of fine arts, School № 531,
St. Petersburg, Russia,
E-mail: kamyshovanadya@yandex.ru*

Look at the art school

Abstract: the article touches upon art in school. And raises the issue of assessing creativity as creative product assessment and evaluation of the creative process. The author focuses on the fact that an element of creativity is possible in any school subject.

Keywords: art in school, artistic creativity, creativity assessment.

Each subject in the school system, depending on its content and ways of organizing learning activities of students reveals some room for creativity. In any educational field have the ability to create, create or discover some-

thing new. Art — figurative reflection of the world in the arts is a special form of a variety of human creativity.

Art school presented academic subjects: art and music. The federal basic curriculum of these classes are held

once a week with 1 to Grade 7. Objective of the course — the development of visual-spatial reasoning, students as a form of emotional and value, the aesthetic development of the world, giving the opportunity to express themselves artistically and orientation, moral space [6].

The subject “Art” of an integrated character, includes the basics of different kinds of visual- spatial skills: painting, drawing, sculpture, design, architecture, arts and crafts, etc. Its uniqueness and significance was determined aimed at forming associative imagery and spatial reasoning, intuition, simultaneous perception of complex objects and phenomena, emotional evaluation, ability to paradoxical conclusions, to the knowledge of the world through the senses and emotions, on the basis of the development of artistic abilities and creativity of the child.

Form lesson should promote and encourage student creativity, creating a creative atmosphere in the classroom. From the perspective of Kit White, creativity — is always a discovery, “if you are dealing only with what you know, maybe you do not your job. Learning something new, surprising yourself, you are involved in a process of discovery”.

Creativity — the process of activity, creating a qualitatively new material and spiritual values or a total objective of creating a new one. The main criterion of creativity — its uniqueness result. Schoolboy puts in their creative work possible, their abilities, their vision of the world, self, expresses the final result of some aspects of his personality. This fact gives additional value to the products of creativity. According to Matthew Arnold: “... an expression of the creative power of free creative energy — the highest function of man.”

In all the arts creativity is not only reflection of reality, but in the expression of the artist. Personality of the artist, is the result of his life. According to Pablo Picasso: “Artist — emotional personality. It is fueled by a wide variety of sensations. They are inspired by heaven and earth, rustling paper, any combination of temporary forms, web weightlessness”.

De Bono argues that creativity is not only an innate ability, you need to direct training of creative thinking. At fine arts lessons constantly going to work with images, convert them, because in their creative thinking is done transcoding, ie the transition from spatial objects to conditionally graphic, three-dimensional images from two-dimensional to the back and forth. It turns out that creativity is impossible without artistic activity, where the process of creation, from the origin of figurative conception to its realization.

Creative idea arises from the collision of two forces: the impact of the outside world, life, society, nature and the internal needs, psychological readiness, irresistible call of feelings thoughts, wishes to say something to people.

Artistic creativity inherent in every person, and freedom of creativity is one of its inalienable rights. According to the writer Daniil Andreev: “Creativity — the highest, the most precious and sacred human ability, the manifestation of the divine prerogatives of them his spirit.” Through art student expresses himself as a free person and is exempted from any external influence, from the limitations of human mobility; from the constraints of public life.

How to assess creativity? After the lesson “Art” is a chain of subject disciplines, which should be subject to evaluation. On the one hand we get a process of creative activities, and other product or creative work. What is more valuable: achieving results or efforts made to creativity? The evaluation should include both, and more. We can not ignore the personal desire or impulse to achieve creative work and evaluate only the final result. The whole process from beginning to end of the lesson relate to creativity, even the conduct of this lesson is a creative process, only part of the teacher.

Obviously, the artistic creativity in the classroom “Art” does not occur outside of time: high school students depend on the social environment, socio-economic and political conditions, the level of culture, geographical location, the whole group of existing aesthetic principles. The creative process may relate to different forms of activity on different subjects in different atmosphere, different conditions, etc. The most striking examples of creativity presented in the works of artists, composers, actors, directors and other artists, which the company refers to the special people — people with innovative thinking.

It is recognized that students have more creative than others, new relationships are easily formed in their head that lead to the generation of new ideas. But school program opens and develops creative thinking is not only a capable and talented students, but also for those who need some help. And if logical reasoning, the teacher would have to, in this case, to abandon the teaching of humanities, natural sciences, mathematics, engineering disciplines, etc., giving these areas a student with a certain set of qualities.

Gymnasts, for example, hone their skills constant training. English scientist Philip Carter offers exercises to develop creative thinking, memory, intelligence and intellect, performing that can train your brain just like your muscles are trained [2].

Undoubtedly, it is impossible to make each of the great artist, as well as the study of Russian language and literature does not all writers. If, however, all educated people write competently express their thoughts coherently, solve mathematical problems, then why not

learn to think creatively? “The most creative one can not learn. Unlike exercise, developing creativity and a mechanical process, although they certainly can direct thoughts in a new direction, creativity itself requires much more effort” [5].

Reference:

1. Intensive development of creative thinking: Per. with Engl./B. Clegg, P. Beach. – Moscow: OOO “Publisher Astrel” LLC “Publisher AST”, – 2004.
2. Ken Russell, Philip Carter. Develop intelligence. Exercises to develop creative thinking, memory, intelligence and intellect – M: Astrel, – 2003.
3. Indicative Programme for academic subjects. Fine art classes 5–7. Music, 5–7 classes. Arts, 8–9 classes: project. – 2nd ed. – M.: Education, – 2011. – 176 p. – (Standards of the second generation).
4. Horomina N. Encyclopedia of wisdom. Collection of thoughts, sayings, aphorisms, paradoxes, epigrams — M. RIPOL Classic, – 2007.
5. Intensive course for the development of creative thinking: Per. with Engl./B. Clegg, P. Beach. – Moscow: OOO “Publisher Astrel” LLC “Publisher AST”, – 2004. – 392 p. – (Intensive).
6. Sample programs for academic subjects. Fine art classes 5–7. Music, 5–7 classes. Arts, 8–9 classes: project. – 2nd ed. – M.: Education, – 2011. – 176 p. – (Standards of the second generation).

*Klinkov Georgi Todorov,
University of Plovdiv “Paisii Hilendarski”, Bulgaria,
Senior Assistant Professor Dr., The Faculty of Pedagogy
E-mail: starcom2@abv.bg*

Pedagogical and Educational Reasons for Implementing the TRIZ Strategy in the Process of Technological Education in Bulgaria

Abstract: The most important feature of modern education is its focus on students’ adaptivity, as well as on their ability to cope with situations related to social and technical changes, to be able to experiment straight in classrooms. These educational directions received international recognition at the beginning of the 1990s as “working reference points” in UNESCO programs.

Keywords: TRIZ, strategy, experimentation, learning tasks.

The most important feature of modern education is its tendency to help students not only to adapt, but to actively assimilate situations related to social changes. At the beginning of the 1990s, these educational references received international recognition as “working reference points” in UNESCO programs [3].

‘We live in an age when the world is getting transformed right before our eyes, and it is possible, in the near future, to witness the transformation of the type of civilisational dimension itself’ [5].

The types of civilization are defined above all by the system of “over-biological programs” of human activity, behaviour and communication. Academician V.S. Stepin calls it a “system of sociocodes”, which represent the diversity of knowledge, rules, ideals, images, ideas, habits, value qualities. The introduction of these sociocodes to

the young generation, based on the permanency of social experience, is a major priority of the modern educational paradigm worldwide.

The abbreviation TRIZ/Teoriya Resheniya Izobretatelskikh Zadatch/, translated from Russian, means Theory of Inventive Problem Solving. It was developed by Genrich Altshuller, who started working on it back in 1946, and the first specialised publication on the subject was created in 1956 under the name *On the Psychology of Inventive Creation* in the journal *Issues of Psychology*. The article defines the main objective of this innovative idea for educational change: “To provide rules for organising the thinking in a multi-screen system, based on studying the development of technological systems” [1].

The International TRIZ Association was founded in 1989. The program product “Invention Machine”, which

was introduced in the same year and is based on the already popular TRIZ technologies, allows engineers to solve specific design problems.

In the period 1995–97 *The Inventing Machine* was translated into English and bought by leading international companies such as FORD, Caterpillar, IBM, Motorola, Procter & Gamble.

The reasons to analyse the possibilities of using TRIZ, and its variant ARIZ/Algorithm of Inventive Problem Solving/, in the Bulgarian educational system are as follows:

1. Currently this technology has such a big reserve of practical experience that it reaches beyond “design engineering”, and is applied as analysing and problem-solving technology in almost all subject areas. It is a sort of research model, used for processing scientific knowledge, regardless of its nature and sphere of application.

2. Now TRIZ is popular not only in Russia, but also in most of the European countries, USA, Japan, Canada and Korea.

3. There is a development of both the theory and technology for solving creative problems. Now the ideas are transferred to non-technical objects: artistic systems, management, advertisement, PR, solving social, technical and educational problems, specific to the educational system.

4. This specific educational system includes different age groups, starting with the youngest/kindergarten children/. With this methodology, every child will be able to solve their problems in a non-standard, innovative way.

5. The traditions of our educational system, which are directly connected with primary labour education, the technical and technological education at junior-high schools and specialised vocational technological and economical education at high schools, are the necessary basis for the implementation of TRIZ and ARIZ technologies.

The pedagogical and methodological reasons are:

1. Students of all school grades study and act/technically, technologically and organisationally/within an environment which is different from the classroom and closer to the production environment, although only on the basis of specific, didactically explained imitation models.

2. Students use technological materials of complex source nature and production specifications, which allows the implementation of different adaptive educational systems.

3. Students use hand tools, which despite their limited technological field of application require

introduction to different methods of organisation and operation within the previously adopted technological mode of operation.

4. Students are introduced, in theory and practice, to knowledge from important branches of engineering, material production, general and specialised technology and economics, which form the respective technical competence within the specialised, standard and regulated vocabulary, as well as the skills for organisation of the activities and their control.

5. Students use methods and strategies concerning the technical and artistic construction and modelling, the design of technical objects, the technology of production process planning and applied design. This is done in conditions of a training and specialisation deficit within the respective scientific discipline.

6. The school practice allows students to determine the necessary technological materials and to select them, based on their chemical, physical and production properties.

The use of TRIZ and ARIZ within the conditions of a modern educational system creates the necessary educational and instrumental grounds for the development of systematic inventive thinking.

It would be naïve to think that the computer and the interactive board would bring the necessary “curricular” comfort within the totally changed educational paradigm, defining in the first place a total and systematised change of the nature of technical, specialised and professional-economic education in the Bulgarian national model, as well as in the rest of the world.

The TRIZ technology and the methodology based on it, when educating children in preschool age/4th age group/, as well as students from 1st to 4th grade, has a significant information indicator, which most scientists contributing to the TRIZ technology based on its educational option of application, define as “a skill or ability to develop specific technological thinking in the course of creating or deducing technological objects or phenomena of complex conceptual nature.”

In a different form (methodological and prognostic), with different contents (curricular and regulative), using a different methodological education base (particularly the “projection method” and “heuristic discussion”), in all its scope of interpretive variants, the place and the role of technical tasks with variable terms, the TRIZ technology is implemented in countries with a clear educational paradigm, such as Russia, France and the USA. In Russia there are two classical authors who interpret TRIZ education — Georgy Shchedrovitsky/*Theory of Activity* and *Theory of*

Technical Thinking/, as well as the “conception of inventive technology” authored by Genrich Altshuller. In France, Michelle Deron from Strasbourg University is working in this direction, whose conception unites the social-working experience of a child student, and the possibility to materialize it through the activity within publically significant objects — artifacts; because when children become familiar with the technical objects from a different class, and the respective technical process, they try, (very often unconsciously, unregulated and contrary to any technical logic) to introduce utilitarian qualities, which the object already has to some degree, and they also consciously seek to enhance them, as they ignore such qualities, which are embedded in the object based on its immediate use. Or in the American Thought Factory, offered as an alternative to the widely used in the West (the English-speaking community) polyvalent technical and technological education, based on the “active learning”, “creating individual information theory in class”, “transfer of knowledge, which the students have obtained individually based on their own knowledge on technology and engineering”. Here, we usually include the projective technology of J. C. Jones and the sociometric technology of Jacob Moreno.

Currently in Russia, TRIZ technology is applied as a methodological part of the daily planning of the learning process in most schools and kindergartens, not only in the European part of the country.

A variation of TRIZ is used in Ukraine, authored by Larisa Shragina, who offers a set of original exercises, which develop above all the creativity of students and the inventive moment (technical creativity) in the description and practical use of technical objects and phenomena, for the development first of all of systematic thinking, of controlled imagination, based on the functional-systematic approach, which really allows every teacher to turn the educational process into a cognitive-creative activity, without changing the learning environment, thus developing the creative abilities of students in the kindergarten-school system, by building permanent technological sets of notions, terms, tools for diagnostics and correction in the course of the productive educational activity [6].

For a period of 15–20 years, TRIZ technology has been modified only insignificantly; if there are any modifications, they concern only the methodological interpretation of main educational and practical indicators.

In his article *Basics of the Theory of Inventive Problem Solving*, 2000, Vladimir Petrov discusses the main formulations of TRIZ:

- seeking and promoting non-standard ideas in the educational practice;

- formulating and solving multiple creative problems;
- development of creative thinking skills;
- forming permanent relations within the small social group of a student body.

The methodological stages of TRIZ implementation can be presented with the words of Constantine Stanislavski: “To make the complex simple, to make the simple usual, and to make the usual — pleasant”.

It is based on the reflection of the human activity, when many of the significant things have happened or are happening by scientific chance or scientific search.

The **main functions** of TRIZ can be interpreted in the following way:

1. Solution to creative and inventive problems with a different degree of difficulty without choosing a solution option (constancy of their invariable part).
2. Forecasting the development of technical systems and technical processes through defining general solutions or objectively new ones.
3. Development of personal qualities, which form the social environment of every individual.
4. Development of conceptual skills while working with various classified technical information.

The structure of TRIZ includes two main blocks:

The first is related to solving standard problems of educational or training specifics, based on an existing information fund — educational standards, rules, methods, educational resources.

The second serves the need for solving non-standard problems through the development of a program — in our case it is optimising the informative field of TRIZ by using the heuristic options of discussion as a sort of interactive method of education. It is supplemented by information safeguards and methods for control of psychological factors, including reflection, self-training, forming divergent and convergent thinking.

At the moment of their admission to school, students have a reserve of theoretical and practical knowledge and applied skills. These skills and knowledge are objectified in a different way, based on the traditional educational system, which in the “Lifestyle and Technologies” studies, 1st to 4th grade, is closer to the material-production system (in some of its aspects — presence of materials, tools, working standards, results).

Very often, the term, the norm inventiveness is misinterpreted. Thus the educational (pedagogical) methods to define TRIZ are widely known and reproductive, namely: analogy, inversion, empathy, association

method, situational problems, the method of the hidden qualities of the object, conventional and reverse brainstorming, synectics, the method of focal objects.

It is important, for the purposes of approbatory classes in 1st — 12th grades with application of TRIZ technology, to provide, for example, the possible verification practices, which should be included in the type model of a class with application of TRIZ, namely:

- Skills to analyse situations by establishing cause-and-effect relationships, by uncovering the hidden dependencies and relations, building skills for forecasting the consequences of a specific practical action;
- Skills to integrate and synthesise technical information, i. e. building skills for finding organised information of technical and technological nature, while simultaneously drawing respective conclusions;
- Active attitude to contradictions, their formulation within the educational practice and their solving by means of different volumes of learning problems with admissible variable specifications;
- Demonstration of divergent thinking by displaying originality, sustainability, flexibility;
- Stage-by-stage approach to the interpretation of TRIZ objects and phenomena through their terminological, semantic and logical indicators and individual properties.

In the late 1950s, a new school was formed in Soviet Union pedagogics, which was interested in the “construction” of optimal learning systems and design of the learning process. The term “educational technology” was introduced. At the basis of this programming paradigm lies the idea of total control on the learning process and the design of educational cycles. One of the principal characteristics of this educational technology is the obligatory reproduction of learning operations and their ability to be repeated by any educator.

It is a well-known fact that the realisation of educational technology is unthinkable without the diagnostically determined objectives of learning, without the orientation of all learning procedures to the achievement of the objectives, without operational feedback, evaluation of in-stage and conclusive learning.

TRIZ/ARIZ/are definitely “research strategies”, popular due to their comprehensive instrumental base of realisation.

The scientific-educational researches of V.I. Andreeva explain that the term “research method” (discussed outside the general educational context of research technology) was systematically used in educational literature as early as 1924. During this period the first important works dealing with this problem were published, authored by B. E. Raykov, V. F. Natalie, B. V. Vsevyatsk, A. P. Pinkevich, K. P. Yagodovski. The term “research method” was introduced by B. E. Raykov, as “a method for arriving at conclusions based on specific facts, individually observed by students or reproduced by them during trials” [2].

In addition to these principal conceptions, related to the etymology and the methodology of application of the “research method”, I. Y. Lerner says in his publications, that this method is still not a priority of the educational practice.

“At a different level and with different methods, children must participate both theoretically and practically in the knowledge-acquisition laboratory, to get acquainted with the technology of obtaining knowledge, and above all, to master the thinking operations which ensure the acquisition and assimilation of new knowledge” [4].

In our opinion, within the new educational paradigm in Bulgaria, by placing normative and curricular emphasis on specialised technical and professional education, the TRIZ strategy would help solve many substantive, practical-pedagogical and methodological problems, which occur during the process of its practical implementation in the educational practice of 1–12 grade.

Reference:

1. Altshuller G. S (1991), *Find an Idea, Introduction to Theory of Inventive Problem-solving*; 2nd edition, Novosibirsk, Science ISBN 5–02–029265–6; – p. 58–59.
2. Andreev V. I. *Heuristic Programming in Class Research*, a teacher’s book, – M. Higher School, – 1981, – p.18.
3. Klarin M. V. *Innovations in World Pedagogy: Learning Based on Research, Games and Discussions* (International experience analysis), Riga: Experiment Printing House, 1995, p. 176–1–2;
4. Lerner I. Y., *Introduction of Students to Scientific Methods as a Connection between Education and Life* (On the issues of research method of education); Soviet Pedagogy, – 1963, – No 10, – p. 16.
5. Stepin V. S. *Philosophy and Civilisation*, 20th Century Philosophy, Vyacheslav Stepin: Materials for republic readings, 10, Minsk, 18 Nov 2004, Editors Y. S. Yaskovich, V. S. Vyazovkin, Mn. RIHE, – 2005, – p. 120–128.
6. Internet resource: <http://triz.direktor.ru/> (2.02.2014).

Larin Sergey Nikolaevich,
FGBUN Central Economics and
Mathematics Institute RAS, Moscow, Russia
E-mail: sergey77707@rambler.ru

Lazareva Larisa Yrievna,
ANO DPO Institute of International
Standards Accounting and Management, Moscow, Russia
E-mail: lazarlu@rambler.ru

Yudinova Valentina Vasilievna,
ANO DPO Institute of International Standards
Accounting and Management, Moscow, Russia
E-mail: udinval@rambler.ru

Adaptation foreign systems of continuous vocational education and training for experts of Russian corporations

Abstract: The authors investigated the possibility of adapting foreign experience training in continuous professional education and training in relation to the Russian reality. Approaches to research training and skills development on the example of a modular program of educational IFRS, which was developed at the Institute of International Standards Accounting and Management.

Keywords: corporation, professional, vocational training, advanced training, system, foreign experience, adaptation.

Ларин Сергей Николаевич,
ФГБУН Центральный экономико-математический институт РАН, г. Москва, Россия
E-mail: sergey77707@rambler.ru

Лазарева Лариса Юрьевна,
АНО ДПО Институт международных стандартов учета и управления, г. Москва, Россия
E-mail: lazarlu@rambler.ru

Юдинова Валентина Васильевна,
АНО ДПО Институт международных стандартов учета и управления, г. Москва, Россия
E-mail: udinval@rambler.ru

Адаптация зарубежных систем непрерывного профессионального обучения и повышения квалификации для специалистов российских корпораций

*Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского гуманитарного
научного фонда, проект № 14-06-00012 «Инновационные технологии и методы
непрерывного профессионального обучения и карьерного роста персонала организаций»*

Аннотация: Авторами статьи исследованы возможности адаптации зарубежного опыта подготовки специалистов в системах непрерывного профессионального обучения и повышения квалификации применительно к российским реалиям. Рассмотрены подходы в обучению специалистов и повышению их квалификации на примере образовательной модульной программой по МСФО, которая разработана в Институте международных стандартов учета и управления.

Ключевые слова: корпорация, специалист, профессиональное обучение, повышение квалификации, система, зарубежный опыт, адаптация.

Развитие рыночных преобразований в российской экономике, выход российского бизнеса на международные рынки и его интеграция в крупные

корпоративные структуры привели к значительно-
му увеличению спроса на профессиональных бухгалтеров, обладающих сертификатами по ведению

бухгалтерского учета в соответствии с требованиями международных стандартов финансовой отчетности (МСФО). Однако сегодня многие российские компании к этому, поскольку многие требования российской системы ведения бухгалтерского учета не соответствуют общепризнанным требованиям МСФО. Отсюда возникает проблема подготовки в России специалистов, способных вести отчетности с учетом требований МСФО. По оценкам ведущих экспертов, российской экономике требуется около 50 тыс. специально обученных бухгалтеров, в то время как сегодня, по самым оптимистичным подсчетам, их не более 10 тыс. [1]. Поэтому вполне очевидной становится необходимость определенного переходного периода, в течение которого, во-первых, будет необходимо вести параллельно бухгалтерский учет в соответствии с российскими стандартами отчетности и в соответствии с МСФО, а во-вторых, будет подготовлен недостающий контингент квалифицированных бухгалтеров, которые и обеспечат ведение такого учета.

В настоящее время в России существуют только две общепризнанные на международном уровне национальные квалификации, использующие в своей основе МСФО, — стандарты британской Ассоциации присяжных сертифицированных бухгалтеров (АССА) и стандарты канадской СРА (CERTIFIED PUBLIC ACCOUNTANTS). Программы АССА в сфере обучения по МСФО признаны ООН в качестве основы для создания единой международной квалификации бухгалтера.

АНО ДПО Институт стандартов международного учета и управления (ИМСУУ) сочетает широкую дифференциацию услуг в сфере обучения по МСФО с фокусированием их продвижения на конкретные сегменты рынка, которые занимает та или другая корпорация. Учитывая изложенные выше обстоятельства, ИМСУУ в своем стратегическом развитии ориентирован на указанные два уровня международной квалификации.

В настоящее время одной из наиболее популярных во всем мире форм повышения квалификации специалистов является корпоративная форма обучения. Она незаменима, когда возникает потребность в обучении большой группы специалистов корпорации в сжатые сроки. Самым лучшим решением всех проблем в такой ситуации может стать единая образовательная программа корпорации, разработанная в соответствии с МСФО. Именно таким продуктом — уникальной образовательной модульной программой по МСФО,

которая может быть легко трансформирована к условиям практической деятельности практически любой корпоративной структуры — обладает ИМСУУ. Освоение модульной программы специалистами гарантирует им не только качественное повышение уровня профессиональной квалификации за счет использования передовых форм обучения и современных педагогических технологий, но карьерный рост.

В отличие от традиционных учебных заведений, где основой процесса обучения являются лекции и семинары, при использовании корпоративных форм обучения основная масса знаний и навыков приходит через решение реальных производственных задач, самостоятельное изучение практических материалов, немедленное применение получаемых знаний и навыков в выполнении конкретной работы. При этом процесс обучения носит ярко выраженный прикладной характер и направлен на выработку практических навыков, применимых на рабочем месте по принципу «здесь и сейчас».

Реализация в российских компаниях образовательной идеологии системы НПОиПК специалистов является наиболее эффективным способом профессиональной переподготовки руководителей предприятий, управляющих, бухгалтеров и других финансовых специалистов. При таком подходе решается главная задача: финансовые вложения в образование капитализируются и превращаются в важный нематериальный актив компании.

Поскольку основным контингентом слушателей ИМСУУ являются специалисты, уже имеющие определенный уровень профессиональной квалификации, но испытывающие необходимость в получении новых знаний, необходимых им для качественного выполнения своих служебных обязанностей, то для их обучения целесообразно выбрать систему НПОиПК. Основными принципами ее построения являются:

1) система НПОиПК должна быть составной частью общей системы управления компанией и обеспечивать взаимосвязь процессов обучения с системами совершенствования методологии учета и управления персоналом;

2) реализация процесса обучения в системе НПОиПК должна осуществляться с учетом специфики текущей ситуации ведения бухгалтерского учета в компании и составления ее отчетности в формате МСФО;

3) система НПОиПК должна охватывать все структурные подразделения компании, специалисты которых участвуют в составлении отчетности в формате МСФО;

4) реализация системы НПОиПК должна основываться на эффективной интеграции процессов составления отчетности в формате МСФО с другими видами учета на базе создания единого информационного пространства;

5) технологичность практического применения системы НПОиПК обеспечивается за счет признания руководством компании необходимости непре-

рывного повышения квалификации своих специалистов.

Уникальность модульной образовательной программы ИМСУУ по МСФО заключается в достаточно простой ее трансформации к условиям деятельности практически любой компании, выступающей в роли заказчика. Более наглядно это утверждение раскрыто в следующей таблице.

Недостатки существующих систем обучения специалистов в сфере МСФО	Преимущества модульной программы обучения ИМСУУ
Формирование модулей программ обучения происходит без учета роли и места каждого слушателя в процессе составления отчетности	Слушатели в зависимости от уровня их знаний, места и роли в процессе составления отчетности разбиты на фокус-группы
Группы формируются без предварительной оценки степени подготовленности слушателей	Предусмотрено тестирование специалистов и выявление степени их соответствия квалификационным требованиям применительно к конкретным рабочим местам
Руководство предприятий не имеет возможности контролировать процесс повышения профессиональных навыков сотрудников	Руководство предприятий формирует требования к результатам обучения. Предусмотрена оценка знаний специалистов после обучения
Обучение сотрудников предприятий осуществляется вне целостной системы подготовки кадров, что может привести к потере квалифицированных кадров	Обеспечивается взаимосвязь процессов системы НПОиПК с системой стимулирования персонала, что позволяет удерживать квалифицированных специалистов на предприятии
В процессе обучения основной упор делается на приобретение теоретических знаний	Основная цель обучения — приобретение теоретических знаний и практических навыков на примере разбора наиболее сложных вопросов и конкретных ситуаций

По мнению авторов, практическое внедрение системы НПОиПК специалистов и применение модульной программы обучения в российских корпорациях позволит повысить эффективность их предпринимательской деятельности за счет того, что:

1) модульная программа ориентирована на запросы практически всех основных сегментов специалистов финансовой сферы, сталкивающихся с необходимостью ведения учета в соответствии с МСФО:

- для тех, кому необходимо овладеть новыми знаниями, предназначена программа углубленного изучения МСФО и особенностей их применения в России (базовая программа);
- для тех, кто уже специализироваться в сфере МСФО, предназначена программа подготовки к сдаче экзамена на Диплом АССА по МСФО (ДипИФР);

2) базовая программа по МСФО состоит из 5 модулей, что позволяет в зависимости от уровня начальных знаний специалистов модифицировать

программу обучения, в состав которой может включаться от 2-х до 5-ти обучающих модулей;

3) теоретический материал программ обучения по МСФО всегда подкрепляется практическими примерами, что дает возможность специалистам самостоятельно составлять отчетность организации в формате МСФО уже в ходе обучения;

4) используемые при формировании программы методики легко позволяют переориентировать любой модуль на конкретные фокус-группы специалистов финансовой сферы, различающиеся по своему месту и роли в процессе составления отчетности по МСФО.

Таким образом, наличие у ИМСУУ уникальной образовательной модульной программы способствует росту численности квалифицированных специалистов, способных вести бухгалтерскую отчетность российских корпораций в соответствии с требованиями МСФО.

Список литературы:

1. Папонова Н. Е. Обучение персонала компании. Практическое пособие. – М.: Финпресс, – 2011. – 176 с.

Linkov Alexander Yordanov,
University of Plovdiv "Paisii Hilendarski", Bulgaria
Senior Assistant Professor PhD, The Faculty of Pedagogy
E-mail: starcom2@abv.bg

Hermeneutic grounds for the interpretation of the concept "Instructional Design"

Abstract: The expression "Instructional Design" (deriving from English — Instructional Design or ID) is very commonly used as part of the specialised vocabulary within the bounds of pedagogy.

Instructional Design, based on the hermeneutic meaning of the sense (interpretation) of scientific, normatively organised educational content, could also be viewed as a poly-model medium of the learning process, related to the creation of pedagogical tools.

Keywords: hermeneutics, pedagogy, design, transformation

The term *hermeneutics* originates from the Ancient Greek Myths, where the herald of the Gods, Hermes, had to interpret and explain the divine tidings to mortals.

In the Ancient philosophy, the term hermeneutics is used in the sense of "art", related to the interpretation of parables, polysemantic symbols, interpretation of the works of ancient poets, most often Homer [9].

The generalisation of hermeneutics as a separate tradition regarding the analysis of meaning (understanding) is evident in the works of W. Dilthey, M. Heidegger, and especially in the works of H. G. Gadamer, K. O. Apel, P. Ricoeur.

E. Betti writes, that the stylistic interpretation (which is also the methodological basis of the existence of instructional design), is defined first of all by the nature and specificity of the information which is subjected to such procedure [10].

The word combination "Instructional Design" (ID) is often used as specialised vocabulary within pedagogy.

If we try to differentiate the semantic border of the two words — *instructional* and *design*, based on their polysemy, we will have the following meanings:

1. *Instructional* has the following contextual meanings — educational, instructive, training.
2. *Design* has a larger semantic field and adopts the following meanings — drawing, pattern, sketch, model, construction, composition, process of shape forming, artistic engineering, appearance and work of art.

The following terms are also very popular at present: *instructional systems design*, *instructional design* or *ID-technology*, which replaces the known "pedagogical design" [8].

P. Smith and T. Ragan define instructional design as a direction in pedagogical science which is concerned with the studying of objects, conditions, situations, scenarios, and projects supporting the educational system.

Within pedagogical reflection, the **object** of instructional design appears to be the learning environment and its inventory — material and virtual objects, which are used in educational practice.

The **subject** of instructional design appears to be the process of changing the behaviour of the participants within the limits of a dynamic learning environment [12].

R. Gagne offers the following principles for organising the learning process, based on instructional design, elaborated by me on the basis of certain activities and models of behaviour.

1. Gain Attention — suggest that students should discuss a problem, a new situation; use multimedia to gain their attention. This makes your lesson more substantial and the activity more motivating.

2. Identify learning objectives — define a learning objective for students. You need to describe the skills which students will acquire during their learning process. This will help them appreciate individually the information obtained and to comprehend it more thoroughly and permanently.

3. Stimulate the recollection of prior knowledge of students. Remind them of facts, rules, habits, which they must know and which are relevant to the topic studied. Provide them with elements of support, which will help them to understand and remember the learning material.

4. Present the material to be learned. Try to present the learning material as a text, verbal explanations and details, drawings, photos, animations. Break the material into fragments, and avoid overloading the memory.

5. Provide guidance to learning. Provide students with guidance on the learning activity. Keep in mind that the presentation of the material is quite different from the instructions as to how exactly to interiorise this material.

6. Provide informative feedback. Correct the behavioural models of students [11].

The instructional design based on the hermeneutic meaning (interpretation) of the scientifically and normatively organised learning material can be seen as a poly-model learning environment, related to the creation of educational tools, which will help the implementation of the following fundamental principles: fragmentation of the learning material, interactive presentation, multimedia reproduction of the elements, which are included in the informative field of the respective discipline.

As to the realisation of the functional parameters of instructional design, we must keep in mind the fact that many of them are obtained as a result of its direct connection with the process of pedagogical designing.

V.M. Monahov defines 4 possible outcomes of the pedagogical design (seen as a specific method and as part of the instructional design): 1. Pedagogical System; 2. Education Management System; 3. Methodological Support System; 4. Project of educational process [4].

The term *instructional design* is part of the works of researchers such as I. G. Alexandrova, D. A. Kovalev, M. N. Krasnyansky, K. G. Krechenikov, M. V. Moiseeva, V. N. Podkovirova, I. M. Radchenko, I. N. Sapugletsev, A. Y. Uvarov, etc.

The term *instructional design* was first used during WWII, as part of corporate economic training, aiming to unify and improve the textbooks on main disciplines. This methodological model is based on studies in the field of cognition, educational psychology and problem-solving strategies.

Most often, *instructional design* is defined as “an area where specific pedagogical actions are prescribed in order to obtain some desired educational results: a decision-making process regarding the achievement of desired modifications and knowledge, taking into account the nature of the specific learning material and target audience [7].

One of the Russian classic researchers of instructional design, A. Y. Uvarov, discusses the term as a systematic (transformed into a system) use of knowledge (principles) for effective learning activity (learning and training) in the process of design, development and use of learning materials different in nature, volume and specificity [8].

In Western and Russian specialised literature, the term design in pedagogy has several meanings. The most commonly used term “instructional design” is discussed as an area of pedagogical knowledge, based on

pedagogical specification theories (normative and informative requirements) for development, realisation and evaluation of the learning environment, providing high quality education; as a process of designing the learning environment in compliance with the didactic principles and patterns of the learning process; as a process of designing learning objects and materials, as components of the learning environment; as a learning discipline [6].

The term *design* should not be transferred literally and solely on the pedagogical postulation of its manifestation. Moreover, the popularisation of the hermeneutic conception on the meaning of the different categories of written discourse inevitably results in the final juxtaposition of the terms “interpretation” and “understanding”.

As A. F. Zakirova notices, the practical and figurative categories “rushing into pedagogical studies”, such as: metaphors, symbols, comparisons, allegories, designations, as well as the categories of everyday language (experience) have heuristic functions in the learning process; they are a sort of a method for development of relevant pedagogical solutions [2].

In this respect, we should keep in mind the fact that hermeneutics applied to the modern understanding of the meaning “in the process of search, supports not only the rational-logical, but also the irrational beginning of human activity, giving a special meaning to feelings and intuition” [5].

In his popular article, K. G. Krechetnikov writes: “The main purpose of instructional design is to create and maintain an environment for students, where based on the rational notions, interconnections and combinations of different types of educational resources, to provide psychologically comfortable and pedagogically validated development of the subjects” [3].

In the course of hermeneutic analysis, it is necessary to pay special attention to the term *design* outside the field of *instructional design* or *pedagogical designing* (realised as a special case of ID technology).

The term *design* is that part of the content which very precisely and fully interprets the possible instrumental limits within which ID technology can be planned (designed) and managed.

The possibilities for scientific and methodological management of the informational limits of interpretation of the term *design* stand behind its hermeneutic supplementation.

The practical aspect of design facilitates the teacher in “constructing the learning space (learning envi-

ronment or learning field) for realisation of a premediated instructional design. It allows the participation of students in the creation and construction of an “optimal learning environment”.

It would be appropriate to apply the 3-step design structure (taken within the context of J. C. Jones' instructional design) as a methodological platform, expanding the hermeneutic meaning and use of *instrumental design*. It includes three stages of design in its different types of educational manifestations (educational, formal, designing, technological, lexical, cognitive, research, innovative), which according to the chronology of presentation are as follows:

1. Divergence — here the projected situation is expanded in order to provide sufficient space for finding solutions. At this stage, the known facts are systematised, the unknown is comprehended and criteria are developed [1].

2. Transformation — at this stage solutions are adopted and a conceptual scheme of the projected object (learning environment, field, model) is created.

3. Convergence — here the only optimal educational and technological solution to the learning task is selected from the group of alternatives.

Reference:

1. Jones J.C. *Design Methods*, translation from English, 2nd Edition, – 1989, – p. 89–90.
2. Zakirova A.F. *Introduction to Pedagogical Hermeneutics*, Yekaterinburg, – 2000, – p. 101.
3. Krechetnikov K.G. *Instructional Design and its Significance to the Development of Information and Educational Technologies*; Internet resource: <http://ito.edu.ru/2005/Troitsk/2/2-0-9.html> (update 10.02.2014).
4. Monahov V.M. *Instructional Design – Modern Tool for Didactic Studies* (Text)/V.M. Monahov//School Technologies – 2001, – No 5, – p. 75–89.
5. Morozov A.V., Chernilevskiy D.V. *Creative Pedagogy and Psychology*, a teaching guide, M. Academic Project, – 2004, – 2nd edition, – p. 9.
6. Oспенikova E.V. *The term “instructional design”, Theoretical approach to designing the educational process*. Internet resource: http://mdito.pspu.ru/nfpk/um16/uk16um1_lekcii.html (update 07.02.2014).
7. *Instructional Design*, Animal Lab News, – 1997, – v.1, – Edition 1.
8. Uvarov A.Y. *Instructional Design*//Informatics, – No 30, – 2003, – p. 2–31.
9. Spirkin A.G. *Philosophy*, textbook, electronic version, – p. 131.
10. Betti E. *Hermeneutik als allgemeine Methode der Geisteswissenschaften*. – Tübingen, – 1962, – p. 78–79.
11. Gagné R.M. et al. *Principles of Instructional Design*: Thomson/Wadsworth, – 2005. – 416 p.
12. Smith P.L., Ragan T.J. *Instructional Design*..: Wiley, – 2004. – 400 p.

Prozenko Olena Borysiwna,
Mariupoler Staatliche Universität, Dozent,
Lehrstuhl für Ausbildungsmanagement und Pädagogik
E-mail: elena_pro2008@ukr.net

Entwicklung der Akmeologie in der Ukraine

Abstract: Im vorliegenden Artikel wird die Akmeologie als ein Zweig des menschlichen Wissens betrachtet, die die Besonderheiten in der professionellen Entwicklung der reifen Persönlichkeit erlernt. Es klären sich Hauptkategorien und Begriffe der Akmeologie (die Persönlichkeit, die Reife, der Selbstausdruck usw.). Die Autorin definiert Grundtermini wie „Akme“ und „Professionalismus“, die Besonderheit der Akmeologie. Es werden Richtungen in der Entwicklung der angewandten Akmeologie festgestellt, darunter der pädagogischen Akmeologie

Keywords: die Akmeologie, die angewandte Akmeologie, der Professionalismus, der Akme.

Moderne Tendenzen in der Entwicklung der ukrainischen Bildung sind durch Integration des Wissens, interdisziplinäre Beziehungen, gegenseitige Beeinflussung verschiedener Wissenschaften bedingt, was zur wirksameren Lösung der von der Gesellschaft gestellten Ausbildungs-

probleme beiträgt. Entwicklung des Professionalismus bei der reifen Persönlichkeit, schöpferische Entwicklung der Fachkräfte in verschiedenen Zweigen, Verbesserung der Fertigkeiten der Selbstregulierung, Selbstrealisierung, Selbststudiums des Menschen werden integrativ in der

Wissenschaft ‚Akmeologie‘ untersucht, die an den Grenzen solcher Wissenschaften wie Psychologie, Soziologie, Pädagogik, Philosophie, die Gerontologie entstand.

Das Problem des Entstehens und der Entwicklung der Akmeologie, als einer der Wissenschaften über die Errungenschaft der professionellen Meisterschaft, wurde in den Werken solcher Gelehrten wie K. Abul‘hanowa-Slawskaja, O. Bodalew, W. Wakulenko, J. Gagin, N. Guziy, A. Korostel‘, V. Zazykin, N. Kuz‘mina, A. Markowa, V. Maksimow, V. Ognew‘juk, S. Pal‘tschevskiy, L. Rybalko erforscht. Doch, das Vorhandensein der wissenschaftlichen Erarbeitungen in dieser Richtung beachtet, ist das Problem in der Entwicklung der akmeologischen Wissenschaft noch nicht voll beschrieben.

Ziel dieses Artikels besteht in der Bestimmung der Akmeologie als eines Bereiches des wissenschaftlichen Wissens, in der Charakteristik ihrer Hauptkategorien und Begriffe.

Analyse der einheimischen und ausländischen psychologisch-pädagogischen Literatur zeugt davon, dass in Russland Ende 80er — Anfang 90er Jahre des XX. Jahrhunderts erste akmeologische Forschungen erscheinen, die Gesetzmäßigkeiten und Phänomene in der Entwicklung des Menschen auf der Stufe seiner Reife und besonders bei der Errungenschaft des höchsten Niveaus in dieser Entwicklung betrachten. Zum ersten Mal wurde der Begriff **Akmeologie** im Sinne ‚Wissenschaft über die Entwicklung der reifen Menschen‘ vom hervorragenden Psychologen M. Rybnikow 1928 eingeführt.

Der Terminus **Akmeologie** entsteht vom altgriechischen „akme“ und bedeutet den höchsten Punkt, die Reife (in der wörtlichen Übersetzung «akme» — der Gipfel, die Blüte oder die Spitze). In der antiken Zeit nannten die Griechen mit diesem Wort so eine Altersperiode im menschlichen Leben, wenn sich die Reife, Möglichkeiten und Kraft des Menschen auf dem Gipfel befinden [5, 7–9].

Nach der Meinung solcher Forscher wie G. Jaworskaja, V. Gladkow, O. Gorchakowa lassen sich die Vorbedingungen fürs Entstehen der Akmeologie noch in der Entwicklung der altertümlichen Welt finden, wenn unter der Kulmination «akme» eine Erscheinungsform der aktiven Beziehung zum Leben verstanden würde: Fähigkeit, verschiedene Materialien zu verwenden, Technik für die Herstellung der Werkzeuge zu besitzen. Es dauerte die Entwicklung der Akmeologie im alten China. Die chinesischen Philosophen gehen die Ideen der Akmeologie heran, so entsteht die Idee der Vervollkommnung des Menschen und der Gesellschaft, es werden die pädagogischen und sozialen Handlungen angeboten, die an den

Fortschritt gerichtet sind, und zwar: Errungenschaft von Akme durch die Erkenntnis der Begriffe In und Jan. Akmeologisches Wissen hat seine Reflexion in den philosophischen Schriften der Renaissance (die Vollkommenheit des Menschen wird als maximales Niveau der Selbstrealisierung verstanden); in der Philosophie der Aufklärung (am höchstens werden die Fähigkeiten des Menschen bewertet, selbständig den Lauf der Ereignisse zu analysieren, die selbständigen Lösungen zu fassen); in den klassischen Arbeiten der deutschen Philosophen (Akme wird als moralische Vervollkommnung betrachtet, dessen Gipfel der kategorische Imperativ sei) [4, 152–157].

Entwicklung der Akmeologie lässt in vier Etappen geteilt werden:

1) die latente Etappe, indem sich notwendige wissenschaftliche und kulturologische Vorbedingung für die Absonderung der akmeologischen Problematik bildeten;

2) die nominative, in dieser Periode erschienen das akmeologische Wissen und der Terminus **Akmeologie**;

3) die Inkubationsperiode, im Laufe deren der Gegenstand der Wissenschaft und ihr objektives Feld gebildet wurden, theoretische und angewandte Forschungen begannen;

4) die institutionelle, indem die Akmeologie den Status der selbständigen Wissenschaft vollständig erworben hat, vollständige akmeologische Forschungen durchgeführt wurden, akmeologische Abteilungen in den Bildungseinrichtungen geschaffen wurden [5, 14].

Die Priorität in der theoretischen Entwicklung und der praktischen Einführung der akmeologischen Ideen gehört nach der allgemeinen Anerkennung dem Russland. In verschiedenen Hochschulen der Russischen Föderation waren die Lehrstühle und die Labors für Akmeologie organisiert. Durch die Aspirantur und Doktorantur wurde die Kaderausbildung der höchsten Qualifikation nach dem Fach 19.00.13 — die Psychologie der Entwicklung, Akmeologie begonnen. In den Hochschulen Moskaus, Sankt Petersburgs, Tulas, Kalugas, Nishnij Nowgorods und anderer Städte wurden wissenschaftliche Beiräte für die Habilitation von Dissertationen in diesem Fach organisiert. Seit 1991 existiert die Internationale Akademie der akmeologischen Wissenschaften (MAAH) mit dem Hauptquartier in Sankt Petersburg und den Abteilungen in Moskau, in verschiedenen großen Regionen Russlands und im Ausland. Ab 1994 wird die theoretische Zeitschrift «Akmeologie» ausgegeben, und ab 1997 — die Zeitschrift „die Fragen der Akmeologie“. Regelmäßig werden die akmeologischen wissenschaftlichen Konferenzen und die Symposien durchgeführt. In Moskau funktioniert das Internationale

akmeologische Institut — die erste Bildungseinrichtung für die Vorbereitung der Fachkräfte der höchsten Qualifikation [3, 14–15].

In der Ukraine wird die Kultivierung des akmeologischen Wissens noch seit der Zeiten des ukrainischen Philosophen G. Skovoroda beobachtet, der die Ideen der moralischen-ethischen Philosophie predigte, die sich auf solchen führenden Grundprinzipien basiert: die ethische Hauptaufgabe des Menschen ist die Errungenschaft des Zustandes der Gleichheit mit dem Gott, Angleichung des Menschen dem Gott auf den Prinzipien der Selbsterkenntnis, die in drei Etappen erreicht wird (Selbstidentifizierung der Persönlichkeit, Erkenntnis wie das öffentliche Wesen, Erkenntnis wie die Existenz) [4, 165–168].

In der modernen Ukraine macht sich die Aufmerksamkeit zu der akmeologischen Wissenschaft vom Anfang des XXI. Jahrhunderts bemerkbar: es funktioniert die wissenschaftliche Organisation „Ukrainische Akademie der Akmeologie“ aufgrund der Kiewer Universität namens Boris Grinchenko, zur Zeit existieren 24 Abteilungen der Akademie in verschiedenen Städten und den Regionen unseres Landes (Berdjansk, Dnepropetrowsk, Donezk, Shitomir, Saporoshje, Kiew, Lugansk, Lwiw, Rowno, Chmelnyzka u. a.), es wird die Zeitschrift „Akmeologie in der Ukraine: die Theorie und die Praxis“ ab 2010 ausgegeben, werden wissenschaftliche Forschungen und Konferenzen zur akmeologischen Problematik in den Hochschulen durchgeführt [7, 15].

Heute definieren die ukrainischen Gelehrten Akmeologie als eine Wissenschaft über die Errungenschaft des Menschen den höchsten Gipfel in der Lebenstätigkeit und der Selbstrealisierung des schöpferischen Potentials, was als eine Grundlage der allgemeinmenschlichen potentiellen Möglichkeiten ist. Objekt der Akmeologie ist die reife Persönlichkeit, die sich progressiv entwickelt, sich hauptsächlich in den professionellen Errungenschaften realisiert. Als Gegenstand der Akmeologie gelten Prozesse, Gesetzmäßigkeiten und Mechanismen der Verbesserung des Individuums, die Individualität, und der Persönlichkeit in den Lebenstätigkeiten, im Berufe, im Verkehr, was zur Selbstrealisierung und der Errungenschaft des Gipfels in der Entwicklung der professionellen Reife führt [5, 17–18].

So teilen sich akmeologische Basiskategorien und Begriffe in solche fünf Gruppen:

1) Begriffe, die die höchsten Stadien, Niveaus, Qualitäten in der Entwicklung der Persönlichkeit und ihrer Charakteristik bestimmen (Akme, Reife, Professionalismus);

2) Begriffe, die die Veränderung der Systeme charakterisieren (Subjekt, Strategie, Organisation);

3) Begriffe, die die Ausnutzung des Menschen eigene lebenswichtige, natürliche, einstündige Ressourcen bestimmen (Individuum, Arbeitsfähigkeit, professionelle Langlebigkeit);

4) persönlich-orientierte Begriffe (Persönlichkeit, Ich-Konzeption, Bereitschaft);

5) Begriffe, die das Niveau der Selbstrealisierung von der Persönlichkeit charakterisieren (Selbstbestimmung, Selbstausdruck);

6) Begriffe, die die Tätigkeit auf den höchsten Stadien der Entwicklung definieren (hohe Produktivität, Effektivität, Kreativität, Meisterschaft) [1].

Es seien miteinander verbundene Hauptbegriffe der Akmeologie betrachtet, zu denen solche Termine wie „Akme“ und „Professionalismus“ gehören. In der Akmeologie unterscheiden sich „Professionalismus der Tätigkeit“ und „Professionalismus der Persönlichkeit“.

Professionalismus der Tätigkeit ist eine qualitative Charakteristik des Subjektes der Tätigkeit, was hohe professionelle Qualifikation und Kompetenz, Vielfältigkeit der wirksamen professionellen Fertigkeiten und des Lernens, Besitz von den modernen Algorithmen und den Weisen der Lösung bei den professionellen Aufgaben bedingt.

Professionalismus der Persönlichkeit ist eine qualitative Charakteristik des Subjektes der Tätigkeit, was hohes Niveau in der Entwicklung der professionell-wichtigen und persönlich-geschäftlichen Qualitäten widerspiegelt, die sogenannte akmeologische Invariante des Professionalismus, das adäquate Niveau der Forderungen, die Motivations- und Orientierungssphäre, die sich auf die progressive Entwicklung der reifen Fachkraft richtet [2, 18].

Vom akmeologischen Standpunkt aus ist die professionelle Reife eine umfangreiche Kategorie, die die Entwicklung der moralischen-ethischen Qualitäten, die humanistische Ausrichtung der Persönlichkeit, die Normativität des Verhaltens und der Beziehungen vorsieht. Die reife Persönlichkeit charakterisiert sich durch hohe Verantwortung, Sorge für andere Menschen, soziale Aktivität, besitzt nicht nur humanistische Weltanschauung, sondern auch hohe professionelle Errungenschaften und wirksame Selbstrealisierung [3, 7].

Der Grad der menschlichen Reife, der sogenannte Gipfel dieser Reife oder „Akme“ ist ein multidimensionaler Zustand des Menschen, der bedeutend eine zeitlange Etappe seines Lebens erfasst und zeigt, inwiefern sich der Mensch als ein Fachmann in einem bestimmten Zweig, als eine Persönlichkeit gebildet hat. Dieser Zustand ist nicht statisch, sondern neigt zu der kleineren Variabilität und der Veränderung. Es lassen sich die

Gesetzmäßigkeiten in der Entwicklung des Menschen allseitig erlernen, als eines Individuums (das komplizierte lebendige Organismus), einer Persönlichkeit (die Beziehung des Menschen zu verschiedenen Seiten der Wirklichkeit) und eines Subjektes der Tätigkeit (vor allem als ein Fachmann), was zur professionellen Reife führt. Eine große Aufmerksamkeit in der Akmeologie wird den objektiven und subjektiven Faktoren geschenkt, deren Zusammenwirkung dem erwachsenen Menschen das Niveau von Akme erreichen lassen. Der Terminus „Akme“ wird sehr mehrdeutig gedeutet.

Zum Beispiel, O.M. Gawaleschko bestimmt zwei Herangehen an die Erläuterung dieses Begriffes. Erstens, bedeutet Akme den Gipfel in der Gesundheit des Menschen, in seiner Entwicklung als einer Persönlichkeit, oder den Höhepunkt der Ergebnisse in der Tätigkeit des Menschen. Dabei wird die Errungenschaft vom Akme des Menschen zeitlich begrenzt. Zweitens, kann der Frist von Akme eine langwierige vorübergehende Periode in die Leben des erwachsenen Menschen bedeuten, indem für ihn das hohe Niveau der Arbeitsfähigkeit, die gesellschaftliche Aktivität charakteristisch sind, dabei realisiert diese Persönlichkeit gleichzeitig ihr professionelles Potential schöpferisch und produktiv [2, 28].

Also, untersucht die Akmeologie als eine Wissenschaft Hauptkategorien und Begriffe, die mit der Bestimmung der professionellen Meisterschaft der reifen Persönlichkeit in verschiedenen Zweigen der Lebenstätigkeit verbunden sind. Auf der modernen Etappe der Entwicklung von der Akmeologie entwickeln sich neue wissenschaftliche Richtungen, die auf die selbständige Existenz berechtigt sind: militärische, pädagogische und soziale Akmeologie, Akmeologie der Verwaltung, Akmeologie der Tätigkeit in den extremen Bedingungen und ähnliches. Die Aufgaben der angewandten Akmeologie sollen allgemeinakmeologischen Prinzipien entsprechen, aber stellen dabei auch die professionellen Besonderheiten dar. So untersucht die pädagogische Akmeologie die Wege der Errungenschaft des Professionalismus in der Tätigkeit des Pädagogen. Als Gegenstand der pädagogischen Akmeologie nennt S. Pal'tschewsky die Selbstentwicklung der Subjekte des pädagogischen Prozesses im Verlauf der Ausbildungstätigkeit zwecks der Vorbereitung auf die Selbstbestimmung im Leben, des professionellen Entstehens, der Entwicklung und der Vervollkommen der pädagogischen Meisterschaft auf dem Wege der Realisierung der Persönlichkeitsstrategie im Leben [5, 32].

Nach der Bemerkung von V. Paskar, wird in der pädagogischen Akmeologie das eigene methodologische

Instrumentarium erfolgreich entwickelt. Neben den allgemeinwissenschaftlichen Methoden (Analyse, Synthese) werden die Methoden der Psychologie und der Pädagogik (Umfragen, Beobachtungen, Befragungen, Teste, Modellierung) verwendet. Zur Zeit sind auch akmeologische Methoden entwickelt: die akmeologische Beschreibung, die Konstruktion der Akmeogramme. Es gibt praktische Aufteilung der diagnostischen Methoden: **Life — date** — die biographischen Fragebögen, die diagnostischen Methoden, die auf dem Erlernen des realen Lebens, des Lebenswegs des Menschen aufgebaut sind; **Questen — date** — Methoden in Form von den Fragebögen, zum Beispiel Cattel-Test; **Test — date** — Methoden der Aufgabe, zum Beispiel intellektuelle Aufgaben [6].

Als Hauptaufgaben der pädagogischen Akmeologie nennt S. Pal'tschewsky solche: Erforschung der psychologisch-pädagogischen Bedingungen beim professionellen Entstehen der Persönlichkeit im Laufe des Studiums in den verschiedenen Ausbildungsinstitutionen; Entwicklung der akmeologischen Modelle des professionellen Entstehens der Fachkräfte für die vielfältige Zweige der Wirtschaft und der pädagogischen Fachkräfte, die für ihre Vorbereitung verantwortlich sind; Bestimmung der Wege für die Verbesserung der pädagogischen Meisterschaft der pädagogischen Fachkraft in den Einrichtungen verschiedener Niveaus; Entwicklung der Probleme, die mit dem Mechanismus der Bildung der professionellen Motivation, der Selbstreflexion, des Bedürfnisses nach der Aktualisierung des professionellen-persönlichen Potentials bei zukünftigen Spezialisten verbunden sind; Entwicklung und wissenschaftliche Begründung der Modelle des Professionalismus in der pädagogischen Tätigkeit als eines dynamischen Systems, die invariant bezüglich aller pädagogischen Systeme ist [5, 33].

Die angewandte Akmeologie wird allmählich durch neue Richtungen der Forschung bereichert. In der Perspektive der Entwicklung befindet sich die medizinische Akmeologie, welche die Verbesserung der professionellen Meisterschaft der medizinischen Fachleute, die Probleme ihrer professionellen Gesundheit und ähnliches erforschen soll. Eine perspektivische Richtung der angewandten Akmeologie ist die juristische Akmeologie, die als Objekt Professionalismus der Tätigkeit von Juristen und Angestellten der Rechtsschutzorgane bestimmt. Es sei hinzugefügt, dass die angewandte Akmeologie Grundlage für andere perspektivische Richtungen hat. Sie stützen sich auf die akmeologischen Forschungen des Professionalismus in der Sphäre der Wirtschaft und des Unternehmens, des Professionalismus in den internationalen Beziehungen, der informativen Tätigkeit [1].

Zusammenfassend kann man behaupten, dass die Entwicklung der Akmeologie als einer Wissenschaft über die Errungenschaft von der reifen Persönlichkeit ihres

Gipfels in der beruflichen Tätigkeit nicht nur eine reiche Geschichte des Entstehens, sondern auch perspektivische Wege der weiteren Entwicklung hat.

Reference:

1. Акмеология: учебное пособие/А. Деркач, В. Зазыкин. – [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://rudocs.exdat.com/docs/index-49007.html?page=14#2289072>
2. Акмеологія з основами психології кар'єри: навч. посіб./Укл. О. М. Гавалешко, В. В. Пасніченко, Т. А. Кривко. – Чернівці: Рута, – 2004.
3. Вакуленко В. М. Акмеологічний підхід у теорії і практиці вищої педагогічної освіти України, Білорусі, Росії (порівняльний аналіз): автореф. дис. на здобуття наук. ступеня д-ра пед. наук: 13.00.01. «Загальна педагогіка та історія педагогіки»/Валентина Миколаївна Вакуленко. – Луганськ, – 2008.
4. Основи акмеології: навч. посіб./Укл. Г. Х. Яворська, В. М. Гладкова, О. А. Горчакова. – Київ: Освіта України, – 2012.
5. Пальчевський С. С. Акмеологія: навч. посібн. для студентів вищих навчальних закладів/С. С. Пальчевський. – Київ: Кондор, – 2008.
6. Паскар В. І. Ціннісні характеристики педагогічної акмеології як напрямку міждисциплінарних досліджень результатів діяльності вчителів початкової школи [Електронний ресурс]/В. І. Паскар. – Режим доступу: www.bdpu.org/scientific_published/scientific_published/conf_2008/articles/Section_2/Paskar.doc/view.
7. Перевозчиков В. І. Актуальні питання розвитку акмеологічної науки в Україні/В. І. Перевозчиков// Акмеологія в Україні: теорія і практика. – 2010. – № 1.

*Mударисова Alsu Aidarovna,
graduate student KazGUU
E-mail: Alsu00@mail.ru,*

Value and sense of competence as a form of leisure needs of young people in the conditions of the activity of cultural institutions

Abstract: The article presents the analysis of the axiological competencies as a form of leisure needs of young people in the conditions of the activities of cultural institutions in view of the contemporary socio-cultural situation.

Keywords: Value-semantic competence in terms of leisure, the concept of competence, competence, above-professional and general professional competence.

*Мударисова Алсу Айдаровна,
Аспирант КазГУКИ
E-mail: Alsu00@mail.ru,*

Ценностно-смысловые компетенции как средство формирования досуговых потребностей молодежи в условиях деятельности культурно-досуговых учреждений

Аннотация: В статье представлен анализ ценностно-смысловых компетенций как средство формирования досуговых потребностей молодежи в условиях деятельности культурно-досуговых учреждениях с учетом современной социально-культурной ситуации.

Ключевые слова: Ценностно-смысловые компетенции в условиях досуга, понятие компетенции, компетентность, надпрофессиональные и общепрофессиональные компетенции.

Ценностно-смысловые компетенции относятся к общему содержанию развития человека, конкретизируются на уровне мировоззрения и смысла жизни.

Данные компетенции основываются на главных целях жизнедеятельности личности, представления социального опыта и опыта личности для дальнейшего

получения жизненных навыков и практической деятельности в современном обществе.

Формирование ценностно-смысловых компетенций связано, в первую очередь, со способностью молодежи видеть и понимать окружающий мир, осознавать свою роль и предназначение, умение выбирать целевые и смысловые установки для своих действий и поступков, принимать решения.

Понятие компетенции — это понятие современное, динамичное, несущее особую смысловую нагрузку, связанное с совокупностью взаимосвязанных качеств личности: знаний, умений, привычек, способов деятельности, которые являются заданными для соответствующего круга предметов и процессов, необходимых для продуктивного действия относительно них. С помощью ценностно-смысловых компетенций можно решить круг серьезных познавательных, развивающих и духовно-образующих задач, направленных на реализацию личностью своего потенциала в условиях досуга.

Так, З. Н. Сафина отмечает, что компетенция определяется как совокупность знаний, умений и навыков, которые необходимы для выполнения конкретной работы. В данном случае умения рассматриваются ею как способность и готовность эффективно применять знания на практике, в конкретной ситуации, в профессиональной деятельности, определяемой требованиями должности. Совокупность ключевых компетенций, включает социальную компетенцию, поликультурную компетенцию, языковую компетенцию, информационную компетенцию. Как считает автор, при характеристике ключевых компетенций важным является также учет пяти основных потенциалов, которыми должна владеть личность и на базе чего выстраивается формирование ключевых компетенций: это познавательный, морально-нравственный, творческий, коммуникативный и эстетический потенциалы, которые задают направленность процессу развития личности. В обозначенной проблеме важным является анализ расхождений между существующими и ожидаемыми компетенциями. В связи с этим возрастает значимость диагностических процедур или комплексной диагностики личностно-профессионального потенциала личности и факторов, как влияющих на подготовку специалиста, так и тех, на которые можно воздействовать.

Также и Лебедева Н. В., анализируя особенности формирования компетенций, отмечает, что компетентность — это способность к деятельности в определенной личностно-значимой ситуации. С позиций

компетентностного подхода основным непосредственным результатом образовательной деятельности становится формирование ключевых компетенций. Под ключевыми компетенциями подразумеваются способности личности справляться с самыми различными задачами. С учетом данных позиций, автор выделяет следующие группы ключевых компетенций:

1. Ценностно-смысловые компетенции.
2. Общекультурные компетенции.
3. Учебно-познавательные компетенции.
4. Информационные компетенции.
5. Коммуникативные компетенции.
6. Социально-трудовые компетенции.
7. Компетенции личностного самосовершенствования [3, 17].

Одним из важных методов формирования компетенций, является метод проектов. По мнению Н. В. Лебединой, молодежь, работая в группах, разрабатывают план совместных действий, находят источники информации, способы достижения целей, распределяет роли, выдвигает и обсуждает идеи. Все участники оказываются вовлеченными в познавательную деятельность, а обучение в сотрудничестве позволяет овладеть элементами культуры общения в коллективе и элементами управления [3].

В диссертационной работе И. В. Чаплыгиной компетенции рассматриваются как знания, умения, навыки и опыт, объективно помогающие выпускнику в решении какой-либо задачи, а также совокупность личностных качеств и способностей, необходимых для успешного овладения определенной деятельностью. К ключевым компетенциям в данном исследовании относятся надпрофессиональные и общепрофессиональные компетенции. Надпрофессиональные компетенции — универсальные знания, умения и навыки, качества и способности выпускника, обеспечивающие его конкурентоспособность и социальную адаптацию в условиях рынка труда. Общепрофессиональные компетенции — это знания и умения фундаментальной направленности, качества и способности выпускника, определяющие его профессиональную мобильность [7].

Ценностно-смысловые компетенции в условиях досуга — это компетенции освоения участниками мировоззренческой картины мира, жизни человека и человечества, отдельных народов, общественных явлений, событий; способность выстраивать внутреннюю целевую доминанту, выражающую стремление личности к реализации ее творческого потенциала и сущностных сил, направленных на качественное потребление ценностей духовной культуры, развлечений и других

видов культурно-досуговой деятельности, определяющих качество культуры досуга личности.

Культура в наибольшей степени, чем какая-либо другая сфера, отражает динамику жизни человеческого сообщества в ее целостности, дает представление об осмыслении людьми конкретной исторической эпохи, своей роли в социуме, причастности к важнейшим историческим событиям. Восприятие жизнедеятельности людей как культурно-исторического процесса ставит в центр внимания человека с его мыслями, чувствами, стремлениями, идеалами, верой, деятельностью, творца своей собственной и общественной жизни.

Историческое прошлое предстает как источник богатейшего опыта, накопленного многими поколениями в организации своего досуга, элементы которого могут быть с успехом использованы в сегодняшней реальной практике. Освоение истории культуры имеет огромное воспитательное значение, оно формирует в человеке гражданские качества, пробуждает чувство уважения к культурным традициям своего народа, содействует развитию исторической памяти.

Большую роль в подготовке и проведении досуговых мероприятий играют разнообразные учреждения культурно-досуговой сферы. Они относятся к категории коллективных организаторов досуга и предназначены создавать условия для отдыха и духовного развития различных слоев населения в сфере свободного времени. К наиболее популярным учреждениям досуговой сферы относятся социально-культурные комплексы и центры досуга, клубы, парки, музеи, библиотеки, театральные, концертные и кинозалы, спортивные заведения.

Реально действующей, динамично развивающейся структурой являются современные социально-культурные комплексы и центры досуга. Они действуют в каждом районе города, сельском поселении и предназначены для проведения воспитательной работы в сфере досуга с населением в семейно-бытовой среде и ее окружении, организации клубов по интересам, художественного, прикладного, технического творчества, группового общения и отдыха жителей социума. Это разнообразные Дома и Дворцы Культуры, спортивно-оздоровительные центры и т. п. Большинство из них является государственными учреждениями культуры, в состав которых входят клубы и кружки различного направления, коллективы художественной самодеятельности, методические отделы.

Среди современных культурно-досуговых учреждений действуют клубы, электронные библиотеки,

парки, развлекательные, оздоровительные и образовательные центры, планетарии, музеи, ярмарки и выставочные центры, комплексы и залы, театры, филармонии и концертные залы, цирки, компьютерные центры, клубы и салоны, залы игровых автоматов, рестораны и гостиницы, дома отдыха, турбазы и пансионаты, предприятия индустрии досуга, полиграфии, кино- и видеопроизводства составляют основу социально-культурной инфраструктуры.

Учитывая сложившееся противоречие между объективными возможностями культурно-досуговых учреждений в удовлетворении рекреативных и духовных потребностей разных групп населения и реальным уровнем их деятельности, коренное переосмысление сути, природы, целевых установок, содержания и форм деятельности центров общественного досуга началось значительно раньше глобальной перестройки общественно-политической жизни, происшедшей в стране в 90-х годах.

Т. А. Маноеenkova, анализируя особенности современной организации досуга молодежи в культурно-досуговых комплексах, сделала вывод, что они должны быть направлены на развитие познавательной мотивации и творческих способностей молодежи; осуществление воспитательно-профилактической работы по предупреждению правонарушений; формирование общей культуры и здорового образа жизни; организации социально-значимого досуга молодежи; создание условий для самореализации [5].

В диссертационном исследовании А. А. Пугачева обоснована сущность формирования национального самосознания молодежи в условиях деятельности учреждений культурно-досугового типа, которая представляет собой педагогически регулируемый процесс интеграции культурно-досуговых учреждений с включением молодых людей в различные виды деятельности с целью достижения самостоятельной и осознанной моральной саморегуляции личности, воспитания любви к Отечеству, гордости за его прошлое и настоящее, стремления защищать его интересы. А. А. Пугачев выявил специфику формирования национального самосознания молодежи в условиях деятельности учреждений культурно-досугового типа, которая заключается в особом потенциале и универсальности возможностей этих учреждений в выработке активной жизненной позиции молодых людей через включение в социально-значимые и духовно-нравственные формы деятельности, в процессе которых формируется осознанная гражданская позиция личности. В исследовании также выявленная сущность и специфика процесса

формирования национального самосознания молодежи в условиях деятельности учреждений культурно-досугового типа, которая дополняет теорию социально-культурной деятельности систематизированной и конкретизированной информацией о возможностях учреждений культурно-досугового типа формировать социально-ценностные ориентации молодежи, развивать социально-культурную активность и проводить целенаправленное воспитание личности [4].

В диссертации Д. В. Кондратьева раскрыта оптимизация процесса внедрения инновационных технологий менеджмента в деятельность учреждений культурно-досугового типа, которая характеризуется спецификой социокультурной среды, характером педагогической интеграции учреждений социально-культурного и культурно-досугового типа в социуме и синтеза их деятельности в ходе реализации конкретных культурно-досуговых программ. Д. В. Кондратьев считает, что современная трансформация функций учреждений культурно-досугового типа как центров общения расширяет и усиливает педагогическое содержание инновационных технологий менеджмента, усиливает социально ориентированное воспитание и образование. Как отмечает автор, оптимизация процесса внедрения инновационных технологий менеджмента включает разработку социально-культурных программ, *интеграцию социального, культурного, творческого видов деятельности* и представляет целостный процесс взаимодействия социализированных и индивидуализированных компонентов с проектируемыми параметрами в зависимости от целей, задач, возрастных особенностей аудитории и содержательной стороны рекламы и паблик рилейшнз [1].

Формирование ценностно-смысловых компетенций молодежи в условиях досуга — это способность молодежи видеть и понимать пути и способы рационального использования свободного времени, связанных с умением ориентироваться в культурно-значимых ценностях современного общества, реализацией в деятельности и общении социокультурного потенциала досугового времени, активного стремления духовно насыщать и интенсивно строить досуг, умением выбирать целевые и смысловые установки для своих действий и поступков, направленных на удовлетворение досуговых потребностей, культурно-досуговых установок и ценностей.

Формирование ценностно-смысловых компетенций в условиях досуга связано с вовлечением молодежи в совокупность различных видов занятий, осуществляемых в свободное время, в результате которых происходит развитие личностных качеств человека, удовлетворяются его духовные потребности, физические и другие социальные значимые потребности.

В индивидуально-психологическом плане для молодежи характерны не всегда осознанное желание освободиться от внешнего контроля, повышенная эмоциональность, возбудимость, идеализация некоторых жизненных представлений, максимализм, а также неустойчивость нравственных позиций, часто основанная на восприятии негативных явлений общества. Однако, сохранить свою неповторимость, остаться самим собой даже в самых сложных условиях человек может, только сохраняя свою личность. Чем богаче мир и сложнее жизненные варианты, тем актуальнее проблема выбора собственной жизненной позиции, базирующаяся на ценностно-смысловых компетенциях.

Список литературы:

1. Кондратьев Д. В. Оптимизация процесса внедрения инновационных технологий менеджмента в деятельность учреждений культурно-досугового типа: Дисс... канд.пед.наук/Кондратьев Д. В. – Москва, – 2007, – 173 с.
2. Ключко Е. М. Культурно-досуговая деятельность населения России: Теоретико-методологический и исторический аспекты/Ключко Е. М. – Учебное пособие. – 2-е изд. – М.: МГУКИ, – 1999. – 132 с.
3. Лебедкова Н. В. Формирование ключевых компетенций у студентов через применение ИКТ/Н. В. Лебедкова, А. Н. Шушакова//Молодой ученый. – 2012. – № 4. – с. 425–427.
4. Пугачев А. А. Формирование национального самосознания молодежи в условиях деятельности учреждений культурно-досугового типа: Дисс.. канд. пед.наук/Пугачев А. А. – Тамбов, – 2008. – 142 с.
5. Маноенкова Т. А. Доклад «Организация культурно – досуговой деятельности молодежи» [Электронный ресурс]/Маноенкова Т. А. – Режим доступа: <http://staroehmelevoe.68edu.ru/>
6. Тифанова М. Ф. Ценностно-смысловые компетенции и возможности их формирования средствами уроков английского языка [Электронный ресурс].//Интернет-журнал «Эйдос». – 2012. – № 2./Режим доступа: <http://eidos.ru/journal/2012/0329-06.htm>.
7. Чаплыгина И. В. Формирование ключевых компетенций студентов при изучении общепрофессиональных дисциплин в колледже: Дисс... канд.пед.наук/Чаплыгина И. В. – Москва, – 2006. – 195 с.

*Shevchenko Svetlana Velerievna,
North- Caucasus Socially and Technical Institute, associate professor
E-mail: svshevchenko08@mail.ru*

*Romanenko Elena Semenovna,
Stavropol State Agrarian University, associate professor
E-mail: elena_r65@mail.ru*

*Sitak Larisa Aleksandrovna,
Stavropol State Pedagogical Institute, associate professor
E-mail: sitakl@bk.ru*

Professional model of the young specialist in the field of Ecological Culture

Abstract: The article discusses the concept of formation the ecological culture of Technical university students. The composite components of environmental education are defined.

Keywords: environmental education, humanely-biological, self-regulation, professional portrait, effectiveness, efficiency, professiogramme.

*Шевченко Светлана Валерьевна,
Северо-Кавказский Гуманитарно-технический институт, доцент
E-mail: svshevchenko08@mail.ru*

*Романенко Елена Семеновна,
Ставропольский государственный аграрный университет, доцент
E-mail: elena_r65@mail.ru*

*Ситак Лариса Александровна,
Филиал Ставропольского государственного педагогического института, доцент
E-mail: sitakl@bk.ru*

Профессиональная модель личности студента в области формирования экологической культуры

Аннотация: В статье рассматривается концепция формирования экологической культуры студентов технических вузов. Определены составные компоненты экологического воспитания.

Ключевые слова: экологическое воспитание, гуманно-биологический, саморегуляция, профессиональный портрет, действенность, работоспособность, профессиограмма.

Экологические проблемы стали предметом изучения в теории различных наук — естественнонаучных, философских, педагогических, психологических, культурологических.

Проблемы взаимоотношения общества и природы получают развитие в работах А. М. Галеевой, И. Д. Лаптева, М. М. Моисеева, Н. Ф. Реймерса, С. Н. Соломина, Е. Федорова и др. Вопросы теории и практики экологического образования нашли отражение в исследованиях Т. В. Барсуковой, Т. В. Васильевой, А. Н. Захлебного, И. Д. Зверева, И. Т. Суравегиной и др. [4]. Необходимость кардинальных изменений в отношении человека к проблемам экологии получает научное обоснование в учении В. И. Вернадского о ноосфере, согласно которому новые отношения с природой возможны лишь

на основе усиления гуманно-биологического смысла образования и воспитания.

Для формирования экологической культуры, развития экологического мышления и экологического сознания необходимо учитывать ведущий тип деятельности студентов.

Формирование заданных качеств личности определяется составными основами экологического воспитания, которые выражаются: в способности вести здоровый образ жизни; способности планирования своего рабочего дня, времени, деятельности; способности находить компромисс в конфликтных ситуациях; способности вызывать положительную реакцию окружающих; способности к аналитико-синтетической деятельности, в результате которой принимать

оптимальное решение; основывать выбор правильного решения на сравнении, обобщении, проведении аналогии, поиске умозаключений [3].

Составные экологической воспитанности студента высшего учебного заведения предъявляют и определенные требования к его личности. Эти требования должны носить как некий универсальный и обобщенный характер, так и учитывать исходный уровень экологической образованности будущей личности, его индивидуальные особенности, личностные свойства, базироваться на структуре профессиональной готовности студентов к процессу формирования экологической культуры.

Для решения поставленных задач были использованы компоненты личности, предложенные А. Я. Аре- том, А. А. Бодаевым, А. И. Кочетовым, которые могут быть использованы в качестве основных характеристик экологически воспитанной личности [2].

Саморегуляция. Организация профессиональной деятельности требует работоспособности, в ходе которой проявляются его физическая и психологическая саморегуляции, а организация, профессиональной деятельности требует умения прогнозировать последующие действия, анализировать полученные результаты. Работоспособность является не только функциональной характеристикой организма, обеспечивающей выполнение занятий, связанных с умственным и физическим трудом. Работоспособность зависит и от условий жизнедеятельности организма.

Саморегуляция личности связана с таким качеством, как самообладание и проявляется в выдержке, самоконтроле, которое должно быть адекватно в соответствии с различными условиями. Саморегуляция содержит и самонаблюдение, самопонимание, оценочное отношение к себе и окружающим, ценностные ориентации личности, также экологическую осознанность, экологическую действительность и экологическую ответственность.

Экологическая сознательность проявляется не в импульсивной деятельности, а в обоснованной сознанием. Такую личность отличает логичность суждений, соотнесение усвоенных знаний с действительным отношением к себе и окружающим.

Действенность связана с практической включенностью личности в различных аспектах своей жизни. Это качество проявляется с активностью будущего специалиста в применении экологических знаний, умений и навыков в области своей профессиональной деятельности.

Экологическая ответственность проявляется в способности личности оценить соответствие результатов своей деятельности поставленным целям; принятых коллективными или общественными нормами, в ходе чего развивается чувство сопричастности к общему делу.

Можно предположить, что эффективность формирования экологической культуры студентов технического вуза определяется единством самореализации, осознанности, действенности и ответственности.

Изначальный уровень экологической культуры студентов вуза, структуру готовности к экологическому воспитанию, а также основываясь на рассмотренные характеристики экологически воспитанной личности, можно определить основные требования к профессиональному портрету выпускника вуза, обладающего экологической культурой.

В настоящее время не существует общепризнанной схемы разработки модели студента, «портрет» которого связан с формированием экологической культуры. Наряду с тем, существуют исследования по методологии построения модели специалиста (В. Анисимов, Н. Пантина и др.), принцип моделирования облика специалиста (А. Головачев, Н. Горикова, В. Железняков и др.) [1].

Вырабатывая профессиограмму профессиональной готовности, выделяются две группы требований: общие (представляют собой социальный заказ общества, в них определены все важные черты личности); профессиональные, определяемые направлением, связанным с формулированием экологической культуры (основываются на особенностях сферы деятельности).

Модель специалиста составлена на основе изучения отечественного опыта подготовки специалистов высших учебных заведений. Она, конечно, содержит в себе элементы и содержание ранее разработанных профессиограмм. С учетом новой ступени подготовки кадров высших учебных заведений, а именно бакалавров, нам представляется возможным применение данной профессиограммы к новой ступени высшего профессионального образования.

Профессиограмма составлена из следующих блоков: профессионально-значимые личностные качества; профессиональная компетентность, ведущие направления деятельности выпускника вуза.

Профессионально-значимые личностные качества:

— нравственные (ответственность перед собой и обществом, честность, справедливость, требовательность к себе, объективность, тактичность, дружелюбие, уважительность);

— коммуникативные (умение находить общий язык с коллегами, определять стиль общения, принимать их взгляды, уважение и доброжелательность к инакомыслящим и не похожим на тебя, стабильно возникающее чувство радости и удовлетворения при достижении положительных результатов экологической деятельности);

— интеллектуальные (способность к творческому мышлению, эрудированность в области экологических наук, экологической культуры);

— общегражданские (социальная активность, чувство общественного долга, ответственное отношение к природе; мотивация определенным интересом к экологическим проблемам и способам их решения; желанием и готовностью решать эти проблемы, потребностью личности участвовать в их решении, желанием внести достаточно значимый вклад; убеждение в том, что мы можем, способны и должны сберечь и совершенствовать окружающий нас мир, убеждение в целостности, гармоничности, взаимосвязанности и взаимообусловленности компонентов окружающего мира и высокой роли, уникальности каждого индивида в нем;

— волевые (выдержка, самообладание).

Профессиональная компетентность:

Знания: знание содержания и сущности процесса экологического воспитания как составляющей целостного педагогического процесса.

Умения:

1. Дидактические: изучение уровня экологической воспитанности студентов и коллектива студентов с учетом всех сфер жизнедеятельности с целью диагностики и проектирование их развития и воспитания.

2. Целеполагания: уточнение определенных задач по экономическому воспитанию студентов на основе изучения их возрастных и индивидуальных особенностей, социально-психологического климата в коллективе.

3. Проектировочные: осуществлять текущее и перспективное планирование, учитывая все сферы жизнедеятельности и различных направлений экологического воспитания, основываясь на интересах

студентов; выработка умений безопасно и безвредно управлять деятельностью, желаниями, активностью воспитанников, предупреждая опасные влияния среды.

4. Организаторские: выявление и организация актива в студенческом коллективе и управлении им; организация различных видов коллективной, групповой и индивидуальной типов деятельности на выполнение поставленных задач; использование разнообразных форм, методов и средств для организации работы по формированию экологической культуры студентов; развитие их общественной активности природоохранной деятельности.

5. Коммуникативные: устанавливать педагогически-целесообразные отношения со студентами, правильно выбирать стиль общения с отдельными студентами, группами, коллективами, коллективами по работе, администрацией, представителями общественности при проведении работы по экологическому воспитанию.

6. Аналитические: дифференцировать и анализировать экологически ориентированную информацию с последующим использованием в работе по формированию экономической культуры студентов; аналитические, прогностические и оценочные умения, позволяющие правильно и своевременно понять сущность экологически опасных последствий, выбрать и реализовать стратегию их предотвращения; анализ и осмысление собственной деятельности по формированию экологической культуры студентов, ее варьирование;

7. Поведенческие: включение студентов в созидательную, экологически ориентированную деятельность; способности передать студентам собственное отношение к экологическим ценностям.

Полученную модель необходимо откорректировать с учетом того, что каждое внешнее педагогическое воздействие отмечает С. Л. Рубинштейн [4], действует на индивида через внутренние условия, которые у него сформировались ранее, тоже под влиянием внешних воздействий. Изучая роль активности личности в собственном развитии, важно помнить, что самое действенное воспитание такое, которое обращено к собственным силам воспитываемой личности.

Список литературы:

1. Анисимов О. С. Онтологии в рефлексивном пространстве. – М., – 2002.
2. Караковский В. А., Новикава Л. И., Селиванова Н. Л. Воспитание? Воспитание, воспитание. Теория и практика воспитательных систем. – М. – 1996. – 119 с.
3. Паринаова С. Г. Развитие познавательных способностей учащихся в процессе экологического образования Дис... кан. пед. наук. – Саратов, – 2002. – с. 170.
4. Рубинштейн С. Л. Проблемы общей психологии. – М. – 1973. – 369 с.

*Postevka Georgiy Ilich,
Chernivtsi National University, postgraduate student,
Faculty of Pedagogy, Psychology and Social Work
E-mail: Laila_196625@rambler.ru*

European development vector of music education in Bukovina (from the end of the 19th century to the thirtieth of the 20th century)

Abstract: This paper analyzes the influence of European, including — Romanian, musical culture of the late 19th to the first third of the 20th centuries on the development of music education in Bukovina. The characteristic of the content of music education in different types of regional educational institutions is suggested. The impact of European musical culture in unity with folklore regional features on the development of music education for children and youth of Bukovina is examined.

Keywords: music education, music culture, educational establishments, conservatory, musical communities.

*Постевка Георгий Ильич,
Черновицкий национальный университет, аспирант,
факультет педагогики, психологии и социальной работы
E-mail: Laila_196625@rambler.ru*

Европейский вектор развития музыкального образования на Буковине (конец XIX — 30-е гг. XX в.)

Аннотация: В статье проанализировано влияние европейской, в том числе — румынской, музыкальной культуры конца XX — первой трети XX веков на развитие музыкального образования на Буковине. Дается характеристика содержания музыкального образования в разных типах учебных заведений края. Рассматривается влияние европейской музыкальной культуры в единстве с фольклорными особенностями края на развитие музыкального образования детей и молодежи Буковины.

Ключевые слова: музыкальное образование, музыкальная культура, учебные заведения, консерватория, музыкальные общества.

Интеграция современной Украины в европейское образовательное и культурное пространство — сложный и противоречивый процесс, однако не стоит забывать, что Украина всегда исторически и культурно не просто тяготела к европейским ценностям, а была частью Европы, украинский народ — европейской нацией. Это особенно справедливо в отношении отдельных регионов Украины, которые в силу сложившихся исторических обстоятельств в определенные периоды становились частями стран Восточной и Западной Европы — Австро-Венгрии, Польши, Румынии, Чехословакии. Буковина — один из них; край, который с 1774 года был частью австрийской (позже — Австро-Венгерской империи), а с 1918 до 1940 гг. пребывал в составе Румынии. История региона в межвоенный период (1918–1940 гг.), безусловно, сложна и специфична, ведь с одной стороны, оккупация Румынией привела к целенаправленной политике румынизации во всех сферах общественно-культурной и образовательной жизни, а с другой — именно в эти годы в крае особенно четко проявился европейский

“стержень” — борьба за демократические ценности, сохранение культурно-национальных особенностей каждой нации и поиск путей толерантного их сосуществования.

Исследователи (прежде всего — украинские и румынские) детально изучали обозначенный исторический период с точки зрения экономического развития, событий политической жизни, общественных и национальных движений, образования и культуры. Что касается музыкального образования, эстетического воспитания разных слоев населения края, прежде всего учащихся начальных и средних учебных заведений, то специальных научных разработок нами не зафиксировано, что актуализирует тему данной публикации. Ее целью видится попытка обосновать европейское устремление развития музыкального образования учащихся на Буковине в конце XIX — 30-х годах XX века. Так называемый австрийский период в истории музыкального образования в крае исследован историками педагогики Я. Вышпинской, А. Залуцким, А. Кушниренко и др. В связи с этим мы обратим

наше внимание на период первой трети XX века — румынский период в истории Буковины, который не стал предметом отдельных научных разработок.

Обосновывая идею, что в музыкальном образовании на Буковине органически сочетались европейские, украинские и местные (украинские и румынские) элементы, считаем возможным рассмотрение предмета статьи как комплекс трех составляющих: музыкальная культура и образование Западной Европы — особенности музыкальной культуры и воспитания в Румынии — специфические проявления европейских устремлений в музыкальной культуре, образовании и воспитании на Буковине. Отметим, что именно в первой половине XX века в европейской музыкальной педагогике возникли и распространились целостные системы музыкального воспитания детей, охватывавшие разные аспекты музыкального образования и воспитания.

Так, система музыкально-ритмического воспитания, созданная швейцарским композитором и педагогом Э. Жак-Далькрозом, базируется на идее о необходимости целостности процесса музыкального воспитания, интеграции различных музыкальных выразительных средств для развития эмоциональности и настоящей музыкальности детей. Педагог стремился к восстановлению триединства музыки, слова и движения как способов гармонического развития личности; его методические поиски увенчались созданием, так называемой евритмики — направления музыкальной педагогики, в которой ритм сочетался с остальными элементами музыкального языка, со структурой и формой произведения. Содержание музыкального образования в методической системе Э. Жак-Далькроза представлено в трех взаимосвязанных сферах: ритмике, сольфеджио, импровизации [2, 93–95].

Идеи Э. Жак-Далькроза своеобразно развил выдающийся немецкий композитор и педагог Карл Орф (1895–1982), который считал, что музыкальное воспитание не должно ограничиваться развитием слуха, ритма, слушанием музыки, обучением пению и игре на музыкальных инструментах. Задание музыкального воспитания — стимулировать и направлять творческую фантазию, умение импровизировать, творить в процессе индивидуального и коллективного музицирования. Методическими компонентами системы К. Орфа стали синтетический подход (единство слова, музыки, движения); творчество как метод обучения; элементарное музицирование на простых музыкальных инструментах, опора на пентатонические лады [2, 100–101]. Отметим также, что в эти годы

интересные находки в области методики музыкального образования и воспитания были сделаны украинскими музыкантами и композиторами — Н. Леонтовичем, К. Стеценко, В. Верховинцем, Б. Яворским.

В исследуемый период в Королевском Регате (собственно румынских исторических территориях — Г. П.) музыкальная культура развивалась довольно активно. Наиболее ярким ее представителем был Джордже Энеску (George Enescu) (1881–1955) — композитор, дирижер, скрипач, пианист, основоположник современной румынской композиторской школы. Закончив Венскую консерваторию, Дж. Энеску на протяжении всей жизни выступал в мировых музыкальных столицах — Париже, Вене, Нью-Йорке, Москве, Бухаресте. Коллегами в его концертной деятельности были известные музыканты — Б. Барток, К. Хаскилл, П. Казальс, Д. Ойстрах, а среди его учеников не менее именитые личности мира музыки — И. Менухин, А. Грюма, Ж. Неви, К. Фера, Л. Суружон. Перу Дж. Энеску принадлежат три симфонии, три фортепианных и два струнных квартета, три скрипичные и две виолончельные сонаты, вокальные произведения на стихи французских символистов. Музыковеды подчеркивают, что в творчестве Дж. Энеску органически соединились европейский романтизм Р. Шумана, Р. Вагнера, И. Брамса, неоклассицизм, необарокко И. Стравинского, С. Прокофьева и элементы румынского фольклора, которые особенно ярко представлены в его всемирно знаменитых “Румынских рапсодиях” [11]. Архивные источники, пресса тех лет свидетельствуют, что Дж. Энеску активно гастролировал на “новоприсоединенных землях”, в том числе — и на Буковине. Его концерты с большим успехом прошли в краевой столице в середине 20-х годов, только в 1923 году он дал 4 сольных концерта, о чем восторженно писала местная пресса.

Безусловно, развитие музыкального образования в первой трети XX века происходило на фоне расцвета культурной жизни: основания театральных трупп, выступлений известных музыкантов, деятельность музыкальных обществ. Это не могло не отразиться на роли и значении музыкально-эстетического направления воспитания, создании особой атмосферы, которая характеризовала культурные обстоятельства жизни буковинцев. Что касается музыкального образования, то на Буковине в межвоенный период музыка, пение, обучение игре на музыкальных инструментах входили в содержание образования начальных и средних школ. Особенное внимание ему уделялось в гимназиях и лицеях, программа обучения

в которых была чрезвычайно насыщенной. О содержании музыкального образования и воспитания, формах и методах обучения свидетельствуют методические пособия, учебники, хрестоматии по музыке, которые рекомендовались педагогам и учащимся учебных заведений края.

Так, наиболее известный румынский музыкальный дидакт начала XX века — М. Г. Послушнику — автор учебных пособий, хрестоматий по методике музыкального образования, которые использовались на Буковине в исследуемый период, был европейски образованным педагогом-ученым. Его дидактические идеи базировались на глубоком анализе научно-теоретических разработок теоретиков и практиков музыкальной дидактики (П. Роньйон, А. Лавиньяк, Б. Барток, Х. Рейман, Г. Адлер, М. Шевас, М. Бренет, М. Вулпеску, С. Дрегой и др.), о чем он сам пишет в предисловиях к своим трудам [9, 3]. Анализ учебных пособий М. Г. Послушнику свидетельствует о том, что он, подбирая музыкальный материал для учащихся, демонстрировал великолепный музыкальный вкус, эрудицию, знание лучших образцов европейской музыкальной культуры и народных песен. Так, в хрестоматии по музыке для учащихся IV класса он использует такой репертуар: “*Cantec din Tyrol*” (“Тирольская песня”), “*Patria randunelelor*” (“Родина ласточек”) на музыку Масини, “*Barcarola*” (“Баркарола” — песня гондольеров): музыка М. Берту, “*Credinta*” (“Вера”): музыка А. Твисига, “*Pestisorul*” (“Рыбка”) на музыку Ф. Шуберта [10]. Научные труды М. Г. Послушнику богаты цитатами из трудов его современников — известных европейских теоретиков музыки.

Буковину с полным основанием можно рассматривать в контексте проекции западноевропейской музыкальной культуры и образования, особенно это касается открытой в 1924 году Черновицкой консерватории — первого и до сих пор единственного высшего музыкально-профессионального учебного заведения края. Срок обучения в ней составлял 8 лет: первые четыре длился подготовительный курс, в последующие годы учащиеся овладевали множеством технических упражнений и этюдов, почти на каждое следующее занятие необходимо было досконально изучить новое произведение, звучание которого приближалось бы к концертному исполнению. Каждый мог учиться играть на одном или двух музыкальных инструментах, изучать сольфеджио и теорию музыки, декламацию. В первый год работы консерватории преподавательский состав насчитывал 20 человек, среди которых: 5 преподавателей фортепиано, 3 скрипки,

2 преподавателя вокала, 2 виолончели, по 1 педагогу по классу флейты, кларнета, трубы, тромбона, 3 преподавателя сольфеджио, 1 декламации. Консерватория была обеспечена музыкальными инструментами, имела богатую музыкальную библиотеку.

Как свидетельствуют источники, учащиеся консерватории под руководством преподавателей на протяжении и в конце каждого учебного года давали отчетные концерты на самой большой и представительной в городе концертной площадке — в Национальном театре Черновцов. В программе исполнялись произведения известных западноевропейских музыкантов и самих преподавателей консерватории. Так, в программе концерта 8 февраля 1925 г. оркестр консерватории под руководством дирижера Р. Миали исполнял симфонию № 6 В.-А. Моцарта, увертюру к “Оберону” К.-М. Вебера, сюиту для оркестра авторства директора консерватории А. Зирра [4, 30]. В отчетном концерте 19 июня 1926 г. звучали произведения Г. Генделя (“Сюита соль-минор”), К. Дебюсси (“Арабеск”), А. Дворжака (Квинтет для пианино), концерт В.-А. Моцарта, Ж. Бизе (Адажьетто для тромбона), Г. Генделя (“Ларго”), соната И. Брамса, “Прелюдия” А. Скрябина и другие. Во второй части концерта приняли участие ученицы черновицкой женской школы, которые продемонстрировали великолепное исполнение “Рондо” Л. Бетховена, “*Vogel als prophet*” Р. Шумана, пролога к опере “Паяцы” Р. Леонковалло, сонату си бемоль минор М. Балакирева и др. [4, 51].

На протяжении 1926/1927 уч. г. учащимися консерватории под руководством профессоров — известных музыкантов — были проведены четыре симфонических концерта. Все они — тематически объединены, например 13 марта 1927 г. состоялся концерт фортепианной музыки класса профессора П. Желеску, на котором исполнялись произведения клавесинистов XVIII в., следующее выступление — посвящение творчеству К. Дебюсси, а 8 мая 1927 г. учащиеся исполняли В.-А. Моцарта, Л. ван Бетховена, Д. Скарлатти, Р. Шумана, И.-С. Баха, Э. Грига и др. [4, 68–75].

Буковина и ее столица — город Черновцы — были настоящими оазисами музыкальной культуры, начиная со второй половины XIX века. Активная концертная деятельность известных европейских музыкантов (Ф. Листа, Ф. Пауэра, К. Микули, А. Гржимали, Ч. Порумбеску и др.) способствовала созданию музыкальных обществ на национальной основе. Наиболее известными были “*Gesangverein*” (“Певческое объединение”), “*Der Verein zur Forderung der Tonkunst in der*

Bukovina” (“Товарищество содействия музыкальному искусству на Буковине”), “Mannergesangverein” (“Мужское певческое товарищество”) — все немецкие; “Armonia” (“Гармония”) — румынское, “Буковинський Боян” (“Буковинский Боян”), “Руський міщанський хор” (“Русский мещанский хор”) и др. — украинские. Их члены активно пропагандировали европейские музыкальные традиции; организовывали концерты (хорового пения, сольных исполнителей), театральные постановки. Например, известный певец и музыкант Денис Руснак руководил хором музыкального общества “Руський міщанський хор” (“Русский мещанский хор”) [1, 187]. Музыкальные общества организовывали концерты, так общество “Буковинський Кобзар” в марте 1926 г. в зале филармонии провело праздничный концерт, дирижировал которым профессор музыки, известный общественный деятель Буковины И. Садагурский [8, 3].

На Буковине в к. XIX — первой трети XX века родились и жили будущие известные европейские музыканты, исполнители и композиторы. Среди них — певцы братья Орест и Денис Руснаки, “украинский Карузо” — Йозеф Шмидт, певицы Филомена Лопатинская, Лидия Липковская, оперная дива (сопрано) Виорика Урсуляк. Виорика Урсуляк родилась в Черновцах, училась в Венской и Берлинской консерваториях; пела в Венской и Берлинской операх, других городах Германии. Прожив большую часть жизни, она все-таки была известна в крае благодаря радио, телевидению, грампластинкам с ее произведениям. Благодарные земляки после смерти певицы приняли решение установить в Черновцах на доме, где она провела детские годы, мемориальную доску.

Филомена Лопатинская (1873–1940) — драматическая актриса, певица (сопрано) — родилась в Черновцах, закончила Львовскую консерваторию, музыкальную карьеру начала в аматорском хоре при Народном Доме Черновцов, выступала в самодеятельной труппе театра общества “Русская беседа”; с успехом пела во Львовской и Варшавской операх. До начала Первой мировой войны, уже будучи известной исполнительницей, каждый год гастролировала на Буковине. В ее репертуар входило более 40 партий мировой и украинской оперной классики, украинские и польские народные песни, произведения Н. Лысенка, С. Людкевича, А. Вахнянина, С. Гулака-Артемовского; Ф. Лопатинская — первая исполнительница партии Татьяны в опере “Евгений Онегин” П. Чайковского [2, 211–213]. Осенью 1919 г. в уже оккупированных Черновцах Ф. Лопатинская дает большой

концерт, в программе которого фрагменты бессмертных опер “Чио-Чио-сан” и “Травиата”. Последний раз на родине она выступила в конце апреля 1921 г., тогда певица принимала участие в шевченковском концерте, организованном обществом “Буковинський Кобзар” [1, 250]. Только тяжелая болезнь (прогрессирующая глухота) заставила ее покинуть сцену, до конца жизни певица жила в Советской Украине.

Оперная дива начала XX века Лидия Липковская тоже родилась на Буковине, обучалась вокалу в Петербургской консерватории, была солисткой Мариинского театра, театра “Ла Скала” (Италия), принимала участие в “Русских сезонах” С. Дягилева в Париже, гастролствовала в Италии, США (на сцене всемирно известной “Метрополитен-Опера”). После революционных событий 1917 г. певица переезжает во Францию; активно гастролствует в Японии, Китае, Сингапуре, Австралии, Новой Зеландии [1, 253–265]. Несмотря на занятость и прибыльные контракты, она не забывает родные края. В 1924 г. Л. Липковская в Национальном театре г. Черновцы вместе с пианистом Сверженски дала сольный концерт из произведений классиков европейской музыки. Автор заметки в газете “Glasul Bucovinei” (“Голос Буковины”) с восхищением писал, что голос Л. Липковской “... похож на пение жаворонка, она великолепно владеет техникой пения, показывает настоящие колоратурные чудеса” (перевод — Г. П.). Ее исполнение чрезвычайно оригинально: она способна стилизовать собственный голос, будто это звучат клавиши фортепиано. С невероятным профессионализмом, продолжает корреспондент, были исполнены произведения М. Равеля, М. Мусоргского, а румынскую песню “Плачет Быстрица” (“Planje Bistrita”) певица исполняла на бис [5, 2].

Всемирно известный тенор Орест Руснак (в те годы — солист Кенигсбергской оперы) неоднократно выступал в родном городе. Великолепный концерт он дал 2 июня 1926 г. в зале Черновицкой филармонии [7, 3]. В августе 1928 г. он вновь посетил родину и перед длительным турне в США, выступил в Черновцах с двумя большими концертами в Национальном театре. Программа включала произведения немецких, итальянских, румынских и украинских авторов. “Меломаны города имеют возможность послушать прекрасную музыку в исполнении тенора с великолепной репутацией”, — подчеркивает корреспондент [6, 3]. Брат О. Руснака — тоже известный певец — активно участвовал в музыкальной и общественной жизни края. Так, 12 июня 1926 г. члены украинского общества “Буковинський Кобзарь” провели музыкальный

вечер, в котором приняли участие самодеятельные буковинские артисты Е. Шкраба (сопрано); М. Термена и Ф. Томоруг-Алчевский (альты); О. Гешка (баритон); В. Теодорович (бас). Специальным гостем был тенор Денис Руснак [12, 3].

Таким образом, музыкальное образование и воспитание на Буковине в к. XX — первой трети XX века представляло собой органическое единство европейской, украинской и румынской музыкальных традиций, свидетельством чего является содержание музыкального образования в учебных заведениях края,

функционирование специальных учреждений для подготовки профессиональных музыкантов (консерватории), деятельности музыкальных обществ. Кроме того, Буковина в исследуемый период имела чрезвычайно богатое, пестрое, удивительно разнообразное “культурное лицо”, представленное самодеятельными и профессиональными коллективами, украшенное выступлениями звезд европейской классической музыки и взрастившее плеяду самобытных музыкантов, имена которых занимают достойное место в украинской и европейской музыке.

Список литературы:

1. Демочко К. Мистецька Буковина: нариси з минулого/Кузьма Демочко. – Чернівці: Книги–XXI, – 2008. – 336 с.
2. Енциклопедія історії України: Т. 6/[Редкол.: В. А. Смолій (голова) та ін.]. – К.: Наукова думка, – 2009. – 790 с.
3. Ростовський О. Я. Теорія і методика музичної освіти: навч.-метод. посіб./О. Я. Ростовський. – Тернопіль: Навчальна книга – Богдан, – 2011. – 640 с.
4. Anuarul conservatorului de muzica si arta dramatica din Cernauti dela 1924–1928. – Cernauti: Ed. conservatorului de muzica si arta dramatica; Tipografia Hornik & Birnbaum, – 1928. – 104 p.
5. Concertul Lipkovska//Glasul Bucovinei. – 1924. – 14.12. – № 1714. – p. 2.
6. Concertele tenorului de opera Rusnak//Glasul Bucovinei – 1928. – 31.06. – № 2726. – p.3.
7. Muzicale. Concert//Glasul Bucovinei. – 1926. – 30.05. – № 2116. – p. 3.
8. Muzicale. Concertul societatii Bucovinskii Cobzar//Glasul Bucovinei. – 1926. – 24.03. – № 2069. – p. 3.
9. Poslusnicu M.Gr. Istoria muzicei contimporane si moderne la romani (muzica bisericeasca, muzica culta si poporana pentru clasa VII-a secundara de ambele sexe)/M.Gr. Poslusnicu. – Bucuresti: Cartea romaneasca, – 1935. – 160 p.
10. Poslusnicu M.Gr. Crestomatia muzicala pentru elevii clasei a IV a scoalelor secundare de ambe sexe/M.Gr. Poslusnicu. – Bucuresti: Cartea romaneasca, fara an. – 84 p.
11. Rapeanu V. George Enescu/Valeriu Rapeanu. – Bucuresti: Editura fundatiei Pro, – 2003. – 200 p.
12. Serata muzicala//Glasul Bucovinei. – 1926. – 13.06. – № 2127. – p.3.

*Rezvan Oksana Alexeevna,
PhD Pedagogy, Doctoral candidate, Kharkiv Skovoroda
National Pedagogical University, Kharkiv, Ukraine
E-mail: rezvanoksana@rambler.ru*

The role of emotions in the development of a future specialist's professional and reflective views

Abstract: In the article it is defined the role of emotional and cognitive reflection process for future specialists. It is presented the techniques of negative emotional state reflection. It is proved the dependence of personal self improvement on the ability to do reflection of emotional state.

Keywords: Emotional process, cognitive process, negative emotional state, self improvement .

Emotions in a person's life are the regulator of the definite objects and phenomenon of a person's life importance. If a person has developed ability to realize his or her emotions the person can fix the attention on the events which cause the definite emotion and the reflection of personal emotional state helps to find the source

of these events. That is why in our opinion it is important to pay attention on emotional and regulative component of a future specialist's professional and reflexive view.

Emotionally-rich educational process activates the process of training students for professional activity as it stimulates students to have genuine reaction to

information, defines the level of interest to this or that object of study and it is important personal achievements which can be presented as social or self esteem. Effective using of students' emotions in teaching process causes the students to realize the necessary elements of professional education.

The aim of the article is to research the role of emotions in personal professional reflection.

The researching of emotions is widely-presented in scientific literature in many theoretical and practical works. It should be paid attention to the works which allow defining the connection of personal emotions and reflection. In Stanley Schachter's the two factor theory of emotion the emotion is considered as the combination of two factors. These are physiological excitement and cognitive interpretation. The author proves that the reaction to external events causes activity of thinking about what the reason of this excitement is. That is a bit of a reflective state [7, 379–399].

A number of Russian and Ukrainian psychologists have the same idea, determining three aspects of emotional process. These are emotional aspect (S. Rubenshteyn, G. Shingarov), emotional aspect of attitude (P. Jakobson, V. Myasishchev) and reflective aspect (V. Vilunas, G. Fortunatov). S. Rubenshteyn emphasizes that feelings show a person's attitude to social surroundings and to objects of knowledge and activity as emotional experience emphasizing the importance not the events reflection but their importance for a person. Thus the reflective aspect helps to define the value of the object's emotions for an individual and one of the reflection functions is to realize the importance of the object for a person in his or her activity [2].

In scientific research the reflection is connected with emotional stability as professional quality of a modern engineer [3]; it is examined as the result of a personal emotional stability [4]; as a catalyst of personal emotional state when the first signs of manipulation appear [5].

It is interesting P. Anokhin's biology theory about emotions, in which it was proved the importance of physiological activities which cause emotional processes. The scientist took notice that the main negative emotions give the body warning of problems inside of it (hunger, thirst) which stimulate the definite action (finding food or water). The result of these actions (satisfaction) has positive emotional background which is set in person's memory as "getting the reward" [1]. If we apply this theory to any emotion according to its essence it can be affirmed that emotions determine developing the functional system of a body, defining the direction of behaviour and

defining the goal. Situational emotions, which appear in the process of estimating some stages of the action, give an opportunity to correct the behaviour and to achieve the goal. We have defined that both the process of activity estimation and its correction depending on existing emotions is a component of reflective activity and thus way we have defined the close connection emotional and estimated aspect of activity with its reflexion.

In V. Zarytska's work [11] it is said about the problem of emotional intellect in the process of training future specialists, defining the problem of emotional intellect as integral person's ability which is the ability to realize, control and regulate personal emotions and the emotions of other people and use these emotions in activity and communication. The author determines that the peculiarities of emotional intellect influence on training for professional activity are clearly revealed in cognitive (idea about himself or herself and about other people), emotional (personal feeling) and behaviour (communicative behaviour) fields of student life. In our opinion the idea about himself or herself and other people concerns reflective knowledge because it determines individual attitude to personal ego in real life. But these ideas can differ in reality very much. In V. Trusov's research [8] it is pointed out that describing himself or herself the person emphasizes inconstancy, flexibility his behaviour, its dependency on situation, but describing the other person, stable personal peculiarities predominate and they define his or her behaviour in different situations. Thus when a person characterizes himself or herself it can be noted the indulgence to personal actions but it can not be noted when the person characterizes the other person. Reflexion of this discrepancy and non-agreement of descriptions with reality gives opportunity to pay our attention on personal criticizing of personal perception and perception of other person.

Reflexion is impossible without person's emotional reaction on aspects of his activity. Double reflexion of each other (each person's realization what he or she really is, how he or she sees himself or herself in professional activity, how he or she is seen by other people) is reflexion, stimulation to which can be emotions as to these person's reflective views. From the methodological point of view, reflexion is a procedure which is the critical attitude to the action (reflective action where a person sets the problem and corrects the standards) and any criticism causes the emotions as to the reason of the problem.

V.A. Petrovskiy distinguished four elements of professional reflexion determined by emotions manifestation:

- realization of the real professional motivations;

- ability to differ personal problem and other people's problem;
- estimate of personal action result;
- estimate people's actions, empathy and decentralizing ability [5, 20].

Thus except of the category of realization which is an element of reflective activity it should be defined the category of personal sensitivity to a specialist's effort. Such emotional qualities as feeling of tact, extent, participation, orientation according to the standard define the degree of person's empathy, his ability to feel other person's emotions and according to this to correct his or her own actions. That is emotionally estimated component of reflective activity must be oriented toward forming a future specialist's empathy.

It is naturally that any activity (including professional activity) can not be without definite conflicts arising according to their participants' emotional tension. During the emotional experience a person loses mind control over behaviour which causes the person to act unreasonably. It is certainly that the conflict will be won by the person who is the first who takes the emotions under control and regulates them. Thus the opportune estimate personal emotional states is as conflicts regulator as their protection in professional activity and reflexion of emotions in a conflict allows to settle them by constructive way.

Modern practical psychologist M. Vasilyev [9] suggests using the methods of relieving stress in conflict situations with the help of 'justified' or authentic emotions. Explaining the author's opinion it should be noted that there are four types of authentic feelings. These are positive feeling (gladness) and negative feelings (fear, anger, sadness). Gladness unlike negative feelings does not clearly connected with time. It can be directed to present time as well as to past or future. Each of negative authentic feelings is constructive for a person according to its time direction. Thus authentic fear teaches a person to be careful, predicting danger in future; authentic anger teaches to mobilize the force for the breakthrough in present time; authentic sadness helps to lose the past. At the same time these feelings are non-constructive if they have wrong orientation to time: fear and anger which are past-oriented can not change the event which was in the past, but the person who has these emotional states has non-constructive behaviour and is vindictive. Fear and sadness which are future-oriented break positive resources mobilization, a person's arising anxiety which stops the activity.

Considering this M. Vasilyev suggests using the method of three steps which helps to regulate emotional states:

- step 1 — finding the emotion;
- step 2 — analyzing the situation which caused it;

- step 3 — identifying authentic emotions which help to solve the problem and non-constructive emotions which forward the conflict exciting [9, 33–34].

Knowing practical experience of the author it is useful to take notice that the second step of emotions regulation of conflict situation has reflective side because learning the situations which cause the emotions, a person realizes their reasons and knowing his or her personal reactions helps him or her to be trained to emotional reactions. We agree with the author that asking some definite questions to himself or herself the person can estimate the emotional reaction of the definite situation and these questions can be named reflective questions:

- Does my reaction and behaviour help me to achieve my goal?
- Does my behaviour help or disturb people who I love?
- Does this behaviour help me to communicate effectively with other people?
- Do I achieve what I want expressing the emotions (do I avoid discomfort caused by the conflict)?
- Do these emotions influent on my health?

Emotional expression shows the level of personal realization of his or her individuality, which is, as O. Yakovleva says, "realization of personal emotional reactions and states, which indicates the personal attitude to the situation" [10, 22]. Thus it can be stated that the emotional attitude to the definite aspects of professional activity and realization of these emotion reasons define the degree of a future specialist's professional identification, his or her personal realization of individually important factors of professional environment. Emotional experience which deals with person's analyzing of his or her professional behaviour, motivation and activity demonstrates the level of professional importance for a person.

The degree of emotional and cognitive process reflexion as to the future profession permits to develop critical attitude to way of life, estimate personal life, have adequate reaction to different professional situation, look after his feelings, differentiate himself or herself as "I am a person who works", "I am a person who thinks", "I am a person who estimates".

Realization of importance of definite aspects in professional development process acts through emotion expression. In this process it is important for a person to realize emotional sign (positive or negative), his or her attitude to himself or herself or to other irritant (people or action results) and affective degree. Emotion

expression can be distinguished as stable and positive emotions (emotions of satisfaction and enthusiasm), negative and worried emotions (worrying, depression, and disappointment), negative and aggressive emotions (anger). Beside this negative and aggressive emotions can be distinguished failure as anger towards himself or herself as the result of realization of personal imperfection, which stimulates the person to define the degree of personal readiness to self-improvement and anger towards other people as the result of their complaints of the respondent's self-discipline. In this case a person is infantile, inability to estimate the reason of personal failure in business and responsibility for personal lack self-discipline in joint activity. Analyzing these considerations it must be noted that it is personal locus of control varieties according to the reasons which is the barrier of the definite activity or personal relationship. Infernal locus of control is a person's emotion of anger towards himself or herself. External locus of control is aggressive emotions towards other people. This external locus of control

as aggressive emotions towards other people proves the reflective process in a person's consciousness. This idea can be explained through realization algorithms:

1. a person realizes that he or she is imperfect (it can be the result of no result);
2. he or she realizes that her or his imperfect is visible for the people who are especially important for him or her;
3. there is some definite psychological defence which protects personal estimate which can be seen as aggression towards the people who realize his or her imperfection.

Thus the aggressive behaviour in professional activity can be the result of incipient reflection of personal imperfection. To change the profession reflection into constructive one the student should be oriented towards finish each reflective process. In our opinion it is important to use technique of emotional state reflection which is presented in the table 1.

Table 1. – Students' Emotional State Reflection

Form of the emotion	The emotion itself (what exactly I feel)	The reason for the emotion (when I feel that?)	Circumstances of the emotion (Which my actions cause this emotion?)	What is the real problem?	What should I do?
aggression	I hate	Someone cavils	I am late, I do a mistake, I am untidy	I am unorganized	Control your emotions
disappointment	I am so sorry	Something was not able to be done	I was stopped ... I did not have ... I was not given ...	I am unorganized	Take responsible for actions, To be able to determine the priorities, To say "no" to people
Annoy-ance	What a pity!	Something was not able to be done	I couldn't..., I did not think of...	I am unorganized	Change self esteem, Improve organizational skills
Self-directed anger	I am idiot!	Something was done wrongly	I do so simple mistakes	I am inattentive	Control the action
Self-directed anger	I am unreliable	I have done a mistake	The people suffer at the hands of me	I am inattentive, I have forgotten ...	Not to take too much responsibility, To use your abilities rationally

The result of using this technique must be realization of personal negative emotional states through reflective action. That is forming skills to find the real problem which causes the negative emotions and as the result to realize the ways which can correct personal professional imperfection level.

Conclusion. Realization of the emotions according to training and professional activity (their essence and direction) and analysis of the reasons of their origin cause personal emotional behavior reflection which result is its correction and personal self improvement.

Reference:

1. Anokhin P.K. Emotions [Psychology of Emotions. Tests]. – Moscow. – 1984.
2. Bukhalo O.L. Young Students' Emotional Culture Development under Psychological and Pedagogical Interaction Process [Doctor of Pedagogic sciences dissertation abstract: speciality 13.00.07]. – Kharkiv: KNPU. – 2011.
3. Korneshchuk V.V. Theory and Practice of Professional Reliability Development of Future Specialists in Social and Metric Sphere of Activity [Doctor of Pedagogic sciences dissertation abstract: speciality 13.00.07]. – Odessa. – 2009.
4. Kosov B.B. Personality: Theory, Diagnostics and Development. – Moscow: Academy Project. – 2000.
5. Petrovskiy V.A. Personality in Psychology: Paradigm of Subjectivity. – Rostov-on-Don: Fenix. – 1996.
6. Rubenshteyn S.L. Fundamentals of Psychology. – St. Petersburg. – 2001.
7. Schachter S. & Singer J. Cognitive, Social, and Physiological Determinants of Emotional State. [Psychological Review]. – 1962. – 69: 379–399.
8. Trusov V.P. Social and Pedagogical Researches of Cognitive Processes. – L. – 1980
9. Vasilyev N.N. Training of Overcoming Conflicts. – St. Petersburg.: Rech. – 2007.
10. Yakovleva E.L Emotional Mechanisms of Personal and Creative Development. Questions of Education, – 1997. – 4: 27–32.
11. Zarytska V.V. Psychology of Emotional Intellect Development in the Professional Training System of Humanities Specialists [Doctor of Pedagogic sciences dissertation abstract 19.00.07]. – Zaporizhzhya. – 2012.

Section 7. Psychology

Секция 7. Психология

*Adamchuck Alexander Valeriyovych,
National Academy of State Border Service
of Ukraine the Bohdan Khmelnytsky
E-mail: djugunvika@inbox.ru*

Distribution mobbind in a military environment as social-psychological problems

Abstract: The article discusses the concept of “mobbing”. Given a theoretical analysis of the socio-psychological studies of mobbing. Attention is paid to the spread of this phenomenon among military disclosed the main causes of mobbing.

Key words: military units, soldiers, impact, mobbing, psyhoteror.

*Адамчук Александр Валериевич,
Национальная академия Государственной пограничной
службы Украины им. Богдана Хмельницкого
E-mail: djugunvika@inbox.ru*

Распространение моббинга в военной среде как социально — психологическая проблема

Аннотация: В статье рассматривается понятие «моббинг». Дается теоретический анализ социально-психологических исследований моббинга. Внимание уделяется проблеме распространения данного явления среди военнослужащих, раскрыты основные причины возникновения моббинга.

Ключевые слова: военное подразделения, военнослужащие, воздействие, моббинг, психотеррор.

Постановка проблемы и ее связь с важными научными или практическими заданиями.

В условиях гуманизации всех сторон военной службы неуклонно растет потребность в оздоровлении морально-психологического климата в подразделениях разных военных формирований государства [8, 7]. Значительная роль в этом процессе принадлежит должностным лицам, которые выступают непосредственными руководителями подчиненного личного состава [3; 4]. Отсюда важную теоретическую и практическую значимость приобретает исследование проблемы межличностного взаимодействия личного состава в формальных группах и выявления оптимальных путей предупреждения и преодоления руководителями подразделений моббинга среди подчиненного личного состава. Наличие такой проблемы требует поиска эффективных путей ее решения.

Постановка задания. Несмотря на значительный интерес исследователей к этой проблеме, в условиях военной деятельности, в частности среди пограничных подразделений она еще остается малоисследованной. Подтверждением такого мнения служит то, что на сегодняшний день в научно-психологической литературе практически отсутствуют работы, в которых было бы раскрыто модель деятельности руководителя пограничного подразделения по предупреждению и преодолению моббинга среди подчиненного личного состава.

Также отсутствуют практические рекомендации по предоставлению ими психологической поддержки подчиненным, которые являются объектами психологического насилия (травля) членами коллектива.

Учитывая сказанное, **целью этой статьи** является уточнение сущности, содержания и признаков моббинга, а также психологические причины его возникновения в военной среде.

Изложение основного материала исследования. Анализ научно-психологических источников свидетельствует о том, что отдельные проблемные вопросы, связанные с возникновением моббинга в разных сферах жизнедеятельности человека рассматривали в своих работах такие исследователи как: О. Демидович (эмоциональное насилие на работе в Испании и странах Европейского Союза) [2], А. Кирейчев (моббинг в сфере управления человеческими ресурсами) [4], Ю. Кравцова и П. Каратаев (моббинг в зарубежной юридической психологии) [7], О. Тищенко (моббинг в трудовых правоотношениях) [9], Ю. Филиппова (моббинг как педагогическая проблема) [10], К. Колодей (психотеррор на рабочем месте) [6] и др. Однако, что касается военной среды, то проблема моббинга здесь пока, что не стала предметом отдельного исследования. На это указывает отсутствие соответствующей научной литературы.

Однако, реальна жизнь военной части — свидетельствует о том, в каждом коллективе, рядом с позитивными, имеют место и негативные социально-психологические процессы и явления, которые являются следствием противоречивости человеческой природы и внутригрупповых межличностных отношений [3]. К сожалению, это может стать причиной не только расстройства среди членов коллектива, но и негативно отражаться на самочувствии людей.

По результатам анализа научных источников мы выяснили, что понятие «моббинг» является новым термином, который отображает явление травли человека на рабочем месте [2; 4; 10]. По мнению К. Колодей, это психотеррор на рабочем месте [6], а М. Кириленко [5] называет его коллективным психологическим террором. В любом случае, жертва моббинга становится объектом негативного влияния членов коллектива.

Специалисты выделяют несколько разновидностей моббинга: горизонтальный и вертикальный. Горизонтальный моббинг отображает ситуацию, когда угроза идет от коллег. При вертикальном — задействована иерархическая система: руководство запугивает подчиненного или, наоборот, подчиненные решили выжить руководителя.

Принимая во внимание, сказанное нами выше, можем сделать вывод, что моббинг в военной среде может проявляться, прежде всего, как неуставные отношения между военнослужащими разных периодов службы (так называемая дедовщина). В этом случае с целью запугивания военнослужащих младшего периода службы, инициаторы моббинга могут

выбрать жертву среди них и методически ее унижать и оскорблять.

Особое влияние на возникновение моббинга среди военнослужащих имеет негативный морально-психологический климат коллектива. Исследователи А. Бандурка, С. Бочарова, Е. Землянская считают, что психологический климат есть моральной (эмоциональной) атмосферой, которая складывается в производственной группе, являющейся комфортной или дискомфортной для членов группы [1, 177]. По их мнению основными показателями психологического климата являются удовлетворение работой и отдельными сторонами производственной ситуации, перспективы роста, повышение квалификации, характер межличностных отношений в группах как по горизонтали (между сотрудниками), так и по вертикали (между руководителями и подчиненными), дружеские неформальные связи членов групп, текучесть кадров, бесконфликтность и т.п. Как видим исследователи указывают на то, что атмосфера в коллективе может быть комфортной или дискомфортной для членов коллектива. Отсюда вполне логично говорить о том, что дискомфортная атмосфера в военном подразделении будет способствовать возникновению моббинга среди личного состава.

В общем, результаты сделанного нами анализа окончательно указывают на то, что социально-психологический климат отражает «степень удовлетворения» членов коллектива различными сторонами межличностного общения и взаимодействия. Следовательно, это дает нам основание говорить о влиянии социально-психологического климата коллектива на возникновение моббинга среди военнослужащих.

По свидетельству исследователей, характерными особенностями моббинга является то, что он всегда направлен на одного человека, а не на группу. И, наконец, моббинг не преследует никаких целей, кроме унижения и запугивания жертвы. При этом методы используются примерно одинаковые, в частности: *создание искусственной изоляции лица* (игнорируют, выгоняют, скрывают информацию и др.), *игнорирования достижений лица* (непризнание и унижение заслуг), *порча репутации лица* (ропуск сплетен, основание, унижение).

Практика свидетельствует, что наибольший риск стать жертвой моббинга возникает в ситуациях, если: сотрудник сильно отличается от коллег; сотрудник или кто-то из своих, неожиданно назначен на высокую должность или внезапно снижен; сотрудник является объектом зависти со стороны коллег.

Учитывая мнения исследователей, в военном подразделении могут возникать разные виды моббинга: бойкот военнослужащего, насмешки, распространение лживой информации, донос, издевательство.

Практика свидетельствует, что самой распространенной причиной моббинга является зависть и антипатия к коллеге, например, его успеха, расположению к нему руководства [6]. Иногда причиной моббинга может быть виктимное поведение человека: лишние хвастовство, игнорирования коллективных традиций, вызывающее поведение, напыщенность и др. Учитывая это, руководителям подразделений следует знать причины возникновения моббинга среди подчиненных и принимать меры по предупреждению этого явления среди них.

В общем, именно от поведения военнослужащего зависит отношение к нему других членов военного подразделения, а также групповой контроль и санкции [1, 101]. Более того, поведение военнослужащих в значительной степени определяет их внутриколлективный статус, а именно: высокий, средний или низкий. В большинстве случаев именно низкостатусные члены военного коллектива из-за своей слабости, закрытости и трусливости становятся жертвами моббинга.

Военные психологи отмечают [4; 5 и др.], что на межличностное взаимодействие военнослужащих влияют как субъективные так и объективные факторы. К субъективным факторам относятся — индивидуально-психологические особенности военнослужащих: темперамент, характер, способности, направленность личности и ее психические состояния. К объективным факторам в первую очередь относятся внутригрупповые социально-психологические явления, которые могут быть в военных коллективах. Среди явлений, обуславливающих возникновение проблемного межличностного взаимодействия отдельно выделяются: негативные групповые настроения (вызывается недовольством, тошнотой, незанятостью), негативные традиции, неуставные отношения,

отсутствие управления, некомпетентность и безграмотность командиров.

Анализ научных источников свидетельствует о том, что к причинам, которые способствуют возникновению проблемного межличностного взаимодействия среди военнослужащих, следует относить: пассивность органов военного управления; отсутствие у офицеров достаточных знаний, умений и навыков работы с людьми; недостаточная организационная работа по отбору призывного контингента приводит к тому, что в войска попадают лица, совершившие правонарушение к призыву, или за своими морально-психологическими и физическими качествами не отвечают требованиям службы на границе; серьезные недостатки в решении социально-бытовых проблем связанных с размещением, организацией питания, бытового, медицинского, финансового и других видов обеспечения порождают нездоровую обстановку в военных коллективах..

Выводы из данного исследования. По результатам анализа научных источников [2–4; 6–10] мы пришли к выводу, что под понятием «моббинг в военной среде» следует понимать явление травли личным составом военного подразделения одного из своих членов. В значительной степени распространения моббинга среди военнослужащих зависит от ряда причин субъективного и объективного характера. Прежде всего, от индивидуально-психологических качеств инициатора и жертвы моббинга, а также, от индивидуально-психологических качеств руководителя подразделения, где возникло явление моббинга. Учитывая это, среди *перспективных направлений дальнейших исследований* данной проблемы является уточнение общих требований к руководителю подразделения как субъекту предупреждения и преодоления моббинга среди подчиненного персонала, а также обоснование психологического инструментария предупреждения и преодоления моббинга среди военнослужащих.

Список литературы:

1. Бандурка А. М., Бочарова С. П., Землянская Е. В. Психология управления. – Харьков: Фортуна-Пресс, – 1998. – 464 с.
2. Демидович О. Мобінг немає національності: Емоційне насилля на роботі в Іспанії та країнах Європейського Союзу//Профспілки України. – 2006. – № 6. – с. 21–24.
3. Карчевський І. Р. Проблемна міжособистісна взаємодія особового складу військової частини та особливості її діагностики і попередження: Автореф. дис... канд. психол. наук: 19.00.09/І. Р. Карчевський. – Хмельницький: Національна академія Державної прикордонної служби України ім. Б. Хмельницького, – 2005. – 19 с.
4. Кирейчев А. Моббинг как социально-психологическое явление в сфере управления человеческими ресурсами//Культура народов Причерноморья. – 2005. – № 58. – с. 43–45.

5. Кириленко М. Хто сьогодні біля плити/Марія Кириленко. – Дзеркало тижня, № 3 (682) 26 січня – 1 лютого – 2008.
6. Колодей К. Моббинг. Психотеррор на рабочем месте и методы его преодоления/Пер. с нем. – Х.: Изд-во Гуманитарный Центр, – 2007. – 368 с.
7. Кравцова Ю. А., Каратаев П. И. Проблема моббинга в зарубежной юридической психологии (на примере концепции Х. Леймана)/Воронежский институт МВД России, № 1 (26). – 2006. – с. 177–181.
8. Статути Збройних Сил України. – К.: Атіка, – 2006. – 432 с.
9. Тищенко О. В. Явище мобінгу в трудових правовідносинах: реалії сьогодення [Текст]/О. В. Тищенко//Бюлетень Міністерства юстиції України: Офіційне видання. – 2008. – № 6. – с. 62–67.
10. Філіппова Ю. І. Мобінг як педагогічна проблема.//Практична психологія та соціальна педагогіка. – 2006. – № 2. – с. 74–75.

*Anvarova Dilorom Musoevna,
Bukhara Institute of Engineer Technologies,
senior Lecturer
E-mail: asbegmatov@yandex.com*

Psychological features of diagnosis and methods of forming spiritual values in adolescents

Abstract. In the article discusses the process of formation of the spiritual needs of adolescents, reveals peculiarities are used in various techniques studying of the psychological characteristics of diagnosing the presence and level values.

Keywords: spirituality, value, national and universal values, the need for self-awareness, diagnosis, spiritual education, educational approach.

In the post-Soviet period in the CIS countries, a growing interest in the study of issues of spirituality and spiritual education. This is particularly due to the fact that, during the Soviet period category “spirituality” and “spiritual education” were not in the scientific treatment. Negative attitude towards these categories are explained by of their contradiction atheistic spirit prevailed in the former Union of Marxist — Leninist ideology.

After the Soviet Union collapsed and the failure in most countries from the domination of the Marxist — Leninist ideology, there is growing interest in the study and research on the category of “spirituality” and “spiritual education”.

Intensive study of the problems of spiritual education put on the agenda the development of diagnostic levels of breeding sites of education. This is because, without a pre-determined level of education and condition of the subject can not take effective measures to improve this level.

Central place in the structure of spirituality occupy values. Proceeding from this, we have been tasked to study the state of formation of values and characteristics of adolescents.

Adolescence is a period of intense spiritual quest. Due to the fact that teenagers, unlike younger children develop more critical attitude toward the world,

including and the elders, we can assume that they have the perception of the phenomena of the external world to move to a new stage. This stage is characterized by the majority of adolescent activity and criticality. This stage is also one of the most important stages of the formation of self-consciousness.

Consciousness is characterized by awareness of their purpose, features and values. According to one of the classifications of values, are those as they are divided into universal and national. The boundary between the human and national values are not absolute, they are closely related both genetically and relevant. Human values are formed on the basis of national values and contrary to the values of national and universal present moments.

National values are the result of centuries of experience of this ethnic group and features of his world. These experiences and worldview are transmitted to the younger generation through the education system and in the process of socialization.

Education and socialization occur on a specific ethno-cultural soil. This necessitates taking into account ethnic and cultural factors in the development of methods of spiritual education.

Values have an important place in the structure of the spirituality of any ethnic group. In philosophical and

sociological theories of value is defined as "... the subject of any nature, which has significance for the subject, i.e the ability to meet with their needs." Consequently, for the study of values and value orientation of the individual, you must first examine its needs [1].

The formation of the valuable relation to adolescent spirituality is based on the formation of the spiritual needs. Without spiritual needs no spiritual quest. Therefore spiritual education appropriate to begin with the formulation of spiritual needs. Effectiveness of spiritual education largely depends on the strength and intensity of needs. Need "both dynamic state — inner impeller activity, dynamic state of heightened tension, which "pushes" the person to certain actions" [2].

Based on the above assumptions and conclusions we set a goal to develop a methodology study of formation of the spiritual needs of adolescents. To achieve this goal, the following objectives were: 1) the study of representations of teenagers the formulation of features of spiritual values, and 2) a study of adolescents willingness to self-education and self-improvement as an important indicator of spiritual perfection, and 3) analysis of the conformity of national schools textbooks on social and humanitarian disciplines spiritual development of teenagers.

In the process of solving the tasks regularly in the spotlight were ethnocultural peculiarities of spiritual values in adolescents.

In solving the first group are tasks used a series of diagnostic procedures, including interview, questionnaire, interview and essay. These techniques were used to determine the level of formation and system of spirituality. These techniques have also contributed to the definition and cognitive features of the formation of spirituality.

The second group consisted of the methodologies used in the survey and the leading method of determining the needs of adolescents. They also contributed to the development and definition of the level of ability to assessing spiritual values. These techniques were also help in the study of the characteristics of each level of the needs of adolescents and identify the main elements of the structure of values.

The third group of methods included questionnaires, composition and technique Tara Sinclair. These techniques have contributed to the study of the level of the formulation of knowledge and attitudes formed in their actions and deeds.

With the first group of methods the adolescents was tasked with identifying the correct answer to the question of the morality of spirituality, religious faith,

philanthropy; honesty, courage, culture, manners, knowledge.

It turned out that most teens difficult to answer this question. To facilitate the response given the additional task — Rank, these concepts are meaningful to you. The most important concept for teens were courage, honesty, religious belief, education, culture. In solving this problem has been identified and gender differences. In girls, the most important concepts of order different from the order of the boys: the culture, manners, conscience, honesty, religious faith.

When interviewing adolescents including was asked the question: what are the spiritual characteristics are underdeveloped in your peers: education, internal culture, honesty, courage, conscience, humanity, education, kindness? The responses to this question there is a correlation with the answers to the question of the most important concepts. Teens who consider most significant for them the concept courage responded that their peers do not enough to this quality, and those who most significant notions considers himself to honesty, responded that their peers do not have enough of it. No coincidence in the responses were observed in 8 per cent of responses. There is also striking gender differences.

Teenagers were still given an assignment to write an essay on "What is Spirituality?" Analysis of works shows that the authors find it difficult to answer the question posed in the subject compositions. Some of them (17.9 %) said that spirituality is an inner state of a person, spirituality is a person's conscience. Most (53.3 %) believes that spirituality is the presence of morality and culture. Only a small fraction (7.7 %) connects spirituality with honesty, kindness and benevolence.

The experiment showed that most adolescents find it difficult when explaining spirituality. Analyzing the works written by teenagers and an explanation of the concept in national textbooks "Fundamentals of spirituality", we came to the conclusion that the cause of difficulties in adolescents in explaining this concept lies in particular in the approaches to the explanation of this concept in textbooks. So, in the textbook "Fundamentals of spirituality and national idea" for 7th class educational approach prevails. Without denying the importance of this approach to the explanation of spirituality, it should be noted that this approach is limited to explaining only the substantive aspect of the subject that is it only gives knowledge of spirituality. But the subject "Fundamentals of spirituality" is not indebtedness organizing forming perceptions and knowledge. In contrast, for example from the natural

sciences, which aim to give students the knowledge, the subject “Fundamentals of spirituality” indebtedness of students to form more and beliefs. If the lessons of biology or physics students should receive about the nature of biological or physical phenomena, the lessons on the basics of spirituality in addition to students learning the essence of this phenomenon should be charged by the conviction of the need to be guided by this knowledge in life, every day and every hour. It can be assumed that teachers in explaining each topic of the subject trying to form such beliefs. It would be wise to lay such orientation in presenting each of the themes of the textbook.

In order to enhance and ensure the completeness of the study adolescents were asked additional questions:

1. “What does it mean, in your opinion, to become a person?” To this question have been made answers:

a) the achievement of independence and prosperity, and b) the acquisition of skills and win the respect of colleagues; c) high intellectual potential, and d) a high level of morality and humanity; e) Continuous improvement spirituality e) strong will and commitment to the goal. If you have any other answers, you can add them.

2. What is important for the inner spiritual world? Possible answers: a) self-identity; b) the development of intelligence, c) improving knowledge and spirituality, and c) a decision of moral problems (search for the meaning of life), and d) the solution of personal problems. Do not think about these problems. Adolescents is recommended to evaluate each option on the six point system 0–5.

Majority of adolescents overall 5 points “achievement of independence and prosperity.” Answer “continuous improvement spirituality”, the majority of adolescents was valued at 1 point “Development of intelligence” received an average of 3.23 points, and the “personal problems” was rated 4.37 points. According to the results of a study formation evaluation component was also divided into 3 degrees. Low degree is characterized by limited spiritual needs, the average — constancy spiritual needs, but they exhibit systematic incompleteness, high same degree of spirituality is characterized by constant and systemic.

The experiment revealed that teens are formed to a certain extent notions of Goodness, Beauty and Truth. But most of them are these representations in undeveloped form, it lacks the completeness, consistency and systematic.

The obtained results on the representations of teenagers about spirituality indicate significant differences in them. Given these differences, the levels of development of these concepts can be divided into three levels: low, medium and high. Low degree of development indicates a basic understanding of spirituality. They have no idea of only one or two signs of spirituality.

The average degree of availability expresses view of the main signs of spirituality, but these ideas are not complete and systematized not fully.

Indicates a high degree of completeness and clarity of vision, their systematic. In this presentation reflects all the basic features of spirituality.

Reference:

1. Новейший философский словарь. Минск.– 1999, – p. 799.
2. Internet resource: http://www.psychologos.ru/articles/view/potrebnost_kak_dinamicheskoe_sostoyanie

*Zheleznyakova Yulia Vladimirovna,
Classical private University,
postgraduate, the Faculty of practical Psychology
E-mail: jk99799@yandex.ru*

The feeling of loneliness is as a factor of addictive behavior among teenagers

Abstract: Interpretation of the causes of addictive behavior. The analysis of the impact of loneliness on the formation of addictive behavior. The study was conducted among adolescents 11–12 years.

Keywords: loneliness, addictive behavior, entropy, teen, consciousness.

Железнякова Юлия Владимировна,
Классический частный университет,
аспирант, кафедра практической психологии
E-mail: jk99799@yandex.ru

Чувство одиночества как фактор аддиктивного поведения у подростков

Аннотация: в статье рассматриваются причины возникновения аддиктивного поведения. Проводится анализ влияния чувства одиночества на формирование аддиктивного поведения. Исследование проводилось среди подростков 11–12 лет.

Ключевые слова: одиночество, аддиктивное поведение, энтропия, подросток, сознание.

Существует определенное сходство между физической зависимостью от различных химических веществ, таких как алкоголь, наркотики, и психологической, к которой относят такие виды деятельности как игромания, пищевая зависимость, телевизионная, любовная и др. Большинство физических зависимостей имеют под собой психологическую основу, поэтому необходимо рассматривать не столько физиологический аспект возникновения аддиктивного поведения, сколько психологический.

И. Пятницкая в своих исследованиях в области изучения причин формирования аддиктивного поведения указывает, что к настоящему моменту наука располагает знаниями описательного характера. Более того, практически во всех исследованиях изучаются люди с уже сформированными зависимостями, что само по себе может поставить под сомнение истинность в изучении причин возникновения аддиктивного поведения. Так как то, что изучается, может являться следствием, а не причиной. Ценность нашего исследования заключается в том, что исследование касалось раннего подросткового возраста, когда аддиктивное поведение не сформировано окончательно.

Аддикция представляет собой результат сложного плохо предсказуемого взаимодействия наследственных, биохимических, социальных и индивидуально-психологических факторов. Но все эти факторы становятся условием развития аддиктивного поведения только при наличии определенных условий в микро-социуме ребенка.

Среди психологических факторов, создающих условия для развития аддиктивного поведения, большое значение придается неблагополучным семьям. Подросток, растущий в дисфункциональной семье, испытывает воздействие негативных факторов, ведущих к формированию аддиктивного поведения. Дистресс, высокий уровень тревожности и неадекватная самооценка часто указываются как основные

причины употребления наркотиков в подростковой среде. Многие авторы подчеркивают особую роль матери в формировании у ребенка риска возникновения аддикций: матери, которые не в состоянии адекватно удовлетворять эмоциональные потребности ребенка, являются одним из факторов формирования аддиктивного поведения. Но чтобы не являлось фактором возникновения аддиктивного поведения, аддиктивная реализация направлена на снижение негативного эмоционального фона и получение удовольствия [5].

Так как желание получать удовольствие руководит жизнью всех людей, а аддиктов особенно, мы считаем необходимым разделить таких понятий как удовольствие, которое связано с насыщением тела и зависит от ощущений, эмоций, и удовольствие, связанное с внутриличностным удовлетворением, которое способствует развитию личности. Эмоциональная оценка реальности помогает корректировать деятельность, но если деятельность направлена только на получение позитивных эмоций, она может быть разрушительной для личности. Подростки, чья деятельность направлена на получение удовольствия от внутриличностного развития, стрессоустойчивы, лучше адаптированы в социуме, способны устанавливать глубокие социальные контакты и более успешны, чем те подростки, чья деятельность направлена на получение удовольствия, которые не связаны с личностным развитием. Они не дисциплинированы, не обладают достаточно сложными навыками, пессимистичны, более подвержены влиянию стресса и негативных чувств [3].

Противоположностью удовольствию является чувство тревоги и беспокойство. Именно от этих негативных чувств аддикт пытается избавиться. Так как человек — это социальное животное, то наше человеческое «Я» сохраняется именно в социуме. Оторванный от социума человек скатывается в свое животное прошлое: забывает речь, нормы культуры

и морали, постепенно сходит с ума. То есть социум служит той самой средой, в которой родившийся ребенок «очеловечивается» и «очеловечивание» поддерживается социальной средой на протяжении всей его жизни. Поддержание своей социальности через сохранение социальных контактов жизненно важная необходимость. Аддикт не в состоянии выстраивать конструктивные эмоциональные отношения в силу сложившихся еще в детстве обстоятельств. Именно, детская психологическая травматизация наносит непоправимый ущерб в комплексном развитии ребенка. Ребенок учится коммуникациям у своих родителей. Он не только перенимает стиль общения от одного и другого родителя, формируя при этом свой, но еще и делает определенные выводы о социальных отношениях. Дисфункциональный родительский стиль является не только условием развития аддиктивного поведения у детей, но и предпосылкой возникновения и формирования аддиктивного поведения в последующих поколениях. Такой стиль провоцирует феномен «парадоксального самоуничтожения», который не только является одним из способов избегания травмирующей среды, но и искажает поведенческие паттерны, межличностное взаимодействие, когнитивные способности и влияет на всю последующую жизнь [5].

Качество отношений, которые устанавливаются в первые годы жизни между родителями и ребенком обозначают качество отношений в более взрослой жизни. Ребенок ищет близости, прежде всего тогда, когда испытывает тревогу или страх. Он надеется, что близость к матери, даст ему уверенность, защиту и чувство безопасности. Если в ходе детско-родительских отношений эти потребности не удовлетворяются, или удовлетворяются не полностью, в недостаточной степени, то часто формируется ненадежная привязанность, которая при последующей социализации будет переноситься на другие отношения. Таким образом, надежная привязанность между родителем и ребенком является условием для того, чтобы ребенок мог познавать окружающий мир и себя как самостоятельную и эффективно действующую личность. Без проявления деятельного интереса к миру и к самому себе, человек замыкается и становится аутичным. Формирующиеся в младенческом возрасте отношения способствуют развитию моделей будущего социального поведения и достижению определенной психической стабильности. Если ребенок в раннем детстве в течение продолжительного времени приобретает опыт надежных отношений хотя бы с одним

взрослым человеком (необязательно с матерью или отцом), это становится важным фактором, который в дальнейшем станет базой формирования эмоционально-близких отношений во взрослой жизни [2].

Формирование надежной привязанности ребенка — это защитный психологический фактор, который не только предотвращает психические заболевания, но и формирует психологически здоровую личность. Теория безопасности У. Блатца, которая заключается в том, что любой человек в своем эмоциональном развитии должен иметь опыт первичного доверия к важному референтному лицу, подчеркивает значимость детско-родительских отношений. З. Фрейд также указывал на тот факт, что для того, чтобы человек мог выстраивать психологически здоровые отношения в своей взрослой жизни, в детстве у него должен быть опыт постепенного разрыва связи с родителями. Другими словами, у ребенка должен быть опыт постепенного приучения к чувству одиночества.

Наше стремление быть среди людей обусловлено генетически. Боязнь остаться одному берет свое начало с младенчества. Страх одиночества З. Фрейд объясняет тревогой, которую испытывает ребенок в отсутствии матери. В этом состоянии сложно поддерживать порядок в сознании. Более того, сознание, предоставленное само себе не в состоянии блокировать негативные мысли и стремится к энтропии. Родители научают своего ребенка в контексте детско-родительских отношений контролировать и управлять, т. е. упорядочивать свое сознание. Если этого не происходит, то сталкиваясь с чувством одиночества, подростку сложно переносить онтологическую тревогу, что может в свою очередь служить базой возникновения аддиктивных паттернов поведения. Аддиктивное поведение помогает существенно изменить содержание и организацию своего сознания, но не является способом улучшения управления своим сознанием. Умение не избегать одиночества, а проводить это время с пользой является особенно важным. Подростки, которые не способны оставаться наедине с собой, в дальнейшем испытывают трудности, как и в социализации, так и в умении выстраивать эмоционально-близкие отношения, и не обладают навыками радости жизни без внешних стимулов. Низкий уровень позитивного восприятия жизни обычно выражается в сокращении социальных контактов [4]. Если подросток не научается находиться один, то для структурирования своего сознания и избегания тревоги, обращается к внешним стимулам: телевидение, еда, компьютерные игры, алкоголь, курение,

наркотики— все, что помогает отвлечь свое сознание от негативных мыслей и эмоций. В основе практически всех зависимостей лежит внутриличностный конфликт или противоречия, с которыми личность не может справиться, не прибегая к уходу от реальности. Поэтому зависимость представляет собой личностное нарушение, которое выражается в неумении структурировать свое сознание внутренними стимулами. Таким образом, семья может выступать как положительным, так и негативным фактором в развитии ребенка. Именно поэтому так важна роль родителей в научении ребенка конструктивно переживать чувство одиночества используя его для личностного развития. Упорядочивание своего сознания с помощью внутренних способов и стимулов ведет к личностному развитию, через внешние — к формированию аддиктивного поведения.

Таким образом, концептуальной гипотезой эмпирического исследования выступает предположение,

что чувство одиночества является фактором возникновения аддиктивного поведения.

На первом этапе обработки результатов эмпирического исследования мы проанализировали конструкт влияния чувства одиночества на аддиктивное поведение с помощью корреляционного анализа между показателями субъективного чувства одиночества и аддиктивного поведения. Результаты обработки данных показали статистически значимую позитивную корреляционную связь между субъективным чувством одиночества и аддиктивным поведением: $r = 0,51$ при $p < 0,0001$.

Далее мы рассмотрели влияние детско-родительских отношений на формирование чувства одиночества и аддиктивного поведения. Результаты обработки данных показали статистически значимую позитивную корреляционную связь между детско-родительскими отношениями, чувством одиночества и аддиктивным поведением (табл. 1).

Таблица 1. – Показатели коэффициентов корреляции Спирмана между отношениями с родителями и субъективным чувством одиночества, аддиктивным поведением

	шкала	Субъективное чувство одиночества	Аддиктивное поведение
1	У меня близкие и доверительные отношения с мамой	0,171** 0,0001	0,226** 0,0001
2	У меня близкие и доверительные отношения с папой	0,337** 0,0001	0,368** 0,0001
3	Меня задевает, когда мама не признает моих достижений	-0,246** 0,0001	-0,66 0,92
4	Меня задевает, когда папа не признает моих достижений	-0,107** 0,008	-0,141** 0,0001
5	Я боюсь, что мама узнает, что на самом деле я не такой (ая), как она думает	-0,198** 0,0001	-0,148** 0,0001
6	Я боюсь, что папа узнает, что на самом деле я не такой (ая), как он думает	-0,172** 0,0001	-0,057 0,162
7	Я не люблю просить о помощи родителей, даже тогда, когда мне это необходимо	-0,063 0,105	-0,264** 0,0001
8	У меня есть ощущение, что родители контролируют мою жизнь	-0,070 0,072	-0,21 0,594

Примітка: * — зв'язок значимий на рівні $p \leq 0,05$; ** — зв'язок значимий на рівні $p \leq 0,01$.

Как видно из результатов исследования для раннего подросткового возраста показатели корреляции между субъективным чувством одиночества подростков и близкими отношениями с родителями оказалась значимой. Более того близкие и доверительные отношения в раннем подростковом возрасте более значимы с отцом ($r = 0,337$, при $p \leq 0,01$). Также значимы показатели корреляции между близкими отношениями с родителями и аддиктивным поведением. Так же как

и в случае субъективного чувства одиночества, наиболее плотная позитивная связь установлена между аддиктивным поведением и близкими отношениями с отцом ($r = 0,368$, при $p \leq 0,01$). То есть можно сделать вывод, что в раннем подростковом возрасте качество отношений с отцом играют более значимую роль в возникновении чувства одиночества, чем с матерью. Такая ситуация выглядит вполне закономерной, так как отец выполняет функцию социального контроля и является

носителем требований, дисциплины и санкций, его любовь нужно заслужить. Любовь матери безусловна. Отец способствует формированию социально полезных целей, идеалов и отношений.

В ходе исследования было выявлена плотная статистически значимая отрицательная корреляционная взаимосвязь между важностью признанием родителями достижений подростков и субъективным чувством одиночества. Подросток, которого не задевает равнодушное отношение родителей к его достижением, испытывает субъективное чувство одиночества. При этом, безразличное отношение подростка к признанию матерью его достижений ($r = -0,246$, при $p \leq 0,01$), является более сильным фактором в переживании субъективного чувства одиночества, чем то же самое, но в отношении отца ($r = -0,107$, при $p \leq 0,01$). Не смотря на то, что влияние материнского воспитания на особенности мотивации достижения ребенка является опосредованным, наше исследование показало более сильную взаимосвязь между этими факторами. Этот факт, по нашему мнению, подлежит более детальному исследованию.

Также была выявлена статистически значимая отрицательная корреляционная связь между важностью для подростка признания отцом его достижений и аддитивным поведением ($r = -0,141$, при $p \leq 0,01$). При этом важность признания матерью достижений на формирование аддитивного поведения влияния не имеет ($r = -0,66$, при $p = 0,92$). Подростки, отцы которых принимают активное участие в их воспитании, более социально адаптированы и стрессоустойчивы. Именно эти факторы являются значимыми в формировании аддитивного поведения [1].

В результате корреляционного анализа была выявлена статистически значимая отрицательная связь между страхом подростка перед тем, что родители узнают какой он на самом деле и субъективным чувством одиночества. Подросток, который не

нуждается в родительском принятии, безразличен, к тому, что о нем думают родители, испытывает субъективное чувство одиночества. При этом безразличие к мнению матери о себе для подростка является немного более значимым фактором возникновения чувства одиночества ($r = -0,198$, при $p \leq 0,01$), чем к мнению отца ($r = -0,172$, при $p \leq 0,01$).

Была установлена статистически значимая отрицательная корреляционная связь между страхом подростка перед тем, что мама узнает какой он на самом деле и аддитивным поведением ($r = -0,148$, при $p \leq 0,01$). Принятие отцом личности подростка не имеет существенного влияния на формирование аддитивного поведения ($r = -0,057$, при $p = 0,162$).

В ходе исследования было выявлена плотная статистически значимая отрицательная корреляционная взаимосвязь между желанием просить о помощи родителей и аддитивным поведением ($r = -0,264$, при $p \leq 0,01$). Как невозможность просить о помощи так и постоянные просьбы о помощи независимо от того насколько она необходима являются важными факторами формирования аддитивного поведения. В случае постоянного обращения за помощью можно говорить о формировании созависимых отношений между родителем и подростком.

Ощущение контроля со стороны родителей не имеет влияние на возникновение субъективного чувства одиночества и аддитивного поведения.

Для более глубокого анализа влияния чувства одиночества на формирование аддитивного поведения у подростков нами был проведен корреляционный анализ между факторами субъективного чувства одиночества и показателями аддитивного поведения. Факторы субъективного чувства одиночества были получены на основе методики диагностики субъективного чувства одиночества Д. Рассела методом анализа главных компонент с помощью вращения варимакс, факторным анализом.

Таблица 2. – Показатели коэффициентов корреляции Спирмана между факторами субъективного чувства одиночества и аддитивным поведением

Шкала	Социальная беспомощ- ность	Отчуждение	Чувство при- надлежности	Коммуни- кативные барьеры	Отсутствие эмоциональ- но близких отношений.	Разделение ценностей и интересов
Аддитивное поведение	0,103** 0,008	0,250** 0,0001	-0,066 0,094	0,214** 0,0001	-0,063 0,105	0,139** 0,0001

Примітка: * — зв'язок значимий на рівні $p \leq 0,05$; ** — зв'язок значимий на рівні $p \leq 0,01$.

Как видно из табл. 2, корреляции между аддитивным поведением и 6 факторами субъективного

чувства одиночества значимыми оказались факторы социальной беспомощности, отчуждения,

коммуникативные барьеры, разделение ценностей и интересов. Факторы чувства принадлежности и эмоционально-близких отношений не коррелируют с аддиктивным поведением.

Наиболее плотная статистически значимая позитивная корреляционная взаимосвязь является между фактором отчуждения и аддиктивным поведением ($r = 0,250$, при $p \leq 0,01$). Отчуждение подростка как в отношениях со своими сверстниками, так и со своими родителями, влечет за собой нарушение социальных и психологических связей, ухудшение или даже разрыв отношений подростка со значимыми для него людьми. Так как в подростковом возрасте установление новых социальных контактов, вхождение в новый коллектив затруднительно, то обрыв старых связей ведет к социальной депривации подростка.

Также нам представляется интересным тот факт, что ни отсутствие эмоционально-близких отношений, ни чувства принадлежности к какой-либо группе не имеют корреляции с аддиктивным поведением, на фоне значимой корреляции с фактором отчуждения. Возможно, это связано с тем, что подросток под видом социально-одобряемых действий реализует свойственные этому возрасту агрессивные тенденции по отношению к сверстникам и родителям. Такое конвенционально-нормативное поведение сопровождается с одной стороны открытым желанием подростка получить одобрение в тех случаях, когда его поведение отвечает принятым в культуре, но формально выполняемым нормам, а с другой отличается, отчуждением от потребностей и переживаний других индивидов и оказание им помощи [6]. Можно предположить, что у аддиктов не сформированы в процессе онтогенеза потребности в установлении близких эмоциональных связей. Более того в зависимости от того на сколько травматичным было ранее психологическое развитие личности, то близкие эмоциональные отношения могут представляться угрожающими сохранности целостности личности подростка. Но так как потребность в эмоциональном общении сохраняется, то она проецируется на предметы, предметные суррогаты и активности, т. е. формируется аддиктивные паттерны поведения.

Вторая наиболее плотная позитивная статистически значимая корреляционная связь определилась между коммуникативными барьерами и аддиктивным поведением ($r = 0,214$, при $p \leq 0,01$). Достаточно

часто в подростковом возрасте общение приобретает деструктивную форму, без взаимопонимания. Причиной затруднений общения могут выступать индивидуально-психологические особенности общения, включающие интеллектуальные, волевые, личностные. Плохо развитые коммуникативные навыки подростка мешают ему не допускать появления деструктивных отношений или переводить отношения из деструктивных в конструктивные. Появление непонимания в отношениях приводит к повышению уровня тревожности и агрессивности, что в свою очередь может привести к социальной изоляции. Так же возможен вариант того, что подросток не обучен конструктивному взаимодействию с другими людьми, так как в его семье преобладали деструктивные коммуникативные способы взаимодействия. Но и в первом, и во втором случае у подростка возникает дефицит общения, и он реализует потребность в общении через аддикцию.

Была выявлена плотная позитивная корреляционная взаимосвязь между разделением ценностей, интересов и аддиктивным поведением ($r = 0,139$, при $p \leq 0,01$). Безразличие к внутреннему миру подростка, не разделение его интересов выводит подростка из того социума, в котором он существует. То, что интересно ему, не интересно и неважно больше никому. И как следствие, устанавливаются эмоциональные отношения, связи не с другими людьми, а с неодушевленными предметами или явлениями.

В ходе исследования была выявлена плотная статистически значимая позитивная корреляционная взаимосвязь между социальной беспомощностью и аддиктивным поведением ($r = 0,103$, при $p \leq 0,01$). Это можно объяснить тем, что непонимание правил выстраивания отношений в социуме вносит дополнительный элемент в тревожное состояние, которое присуще аддиктам. Социальное созревание в подростковом возрасте характеризуется осмыслением подростком себя и своей принадлежности к обществу, степенью выраженности прав и обязанностей, степенью овладения миром социальных вещей и отношений, насыщенностью дальних и ближних связей, их дифференциацией.

Таким образом, результаты исследования подтверждают наше предположение о наличии статистически значимых связей между чувством одиночества и аддиктивным поведением в раннем подростковом возрасте.

Список литературы:

1. Борисенко Ю. В. Психология отцовства // Журнал практической психологии. – 2007. – № 1. – с. 3–7.

2. Бриш К. Х. терапия нарушений привязанности: от теории к практике. Пер. с нем. – М.: Когнитив-центр, – 2012. – 316 с.
3. Селигман М. В поисках счастья. Как получать удовольствие от каждого дня: пер. с англ./М. Селигман. – 2-е изд. – М.: Манн, Иванов и Фербер, – 2011. – 320 с.
4. Чиксентмихайи М. Поток: психология оптимального переживания/М. Чиксентмихайи; пер. с англ. – 4-е изд. – М.: Смысл; Альпина нон-фикшн, – 2014. – 464 с.
5. Электронный журнал «Психологическая наука и образование» www.psyedu.ru/ISSN: 2074–5885/2010, № 5.
6. Murphy L. B. Social behavior and personality sympathy. – N. Y., – 1937.

*Ihsanova Svetlana Gennadiyevna,
Volga State Socio-Humanities Academy,
Department of General and Social Psychology, Associate Professor
E-mail: ihsanova@bk.ru*

Individual psychological background of neuroticism personality

Abstract: This article presents the results of research personal determinants of neuroticism. The method of mathematical analysis of diagnostic data.

Keywords: neurosis, personality traits, correlation, mechanism of neuroticism.

*Ихсанова Светлана Геннадьевна,
Поволжская государственная социально-гуманитарная академия,
кафедра общей и социальной психологии, доцент
E-mail: ihsanova@bk.ru*

Индивидуально-психологические предпосылки невротизации личности

Аннотация: в статье приводятся результаты исследования личностных детерминант невротизации. Использован метод математического анализа диагностических данных.

Ключевые слова: невроз, личностные черты, корреляция, механизм невротизации.

Проблема невротизации личности приобретает в последнее время остро социальное значение: конфликты, неудовлетворенность, раздражительность и апатия стали спутниками современного человека, отражаясь на всех аспектах его жизни и резко снижая ее качество. При этом миллионы людей, страдающих неврозами, не получают надлежащей помощи, прежде всего, потому, что их расстройство не было диагностировано.

Практическая диагностика невротизации личности обусловлена теоретическими подходами к пониманию сущности неврозов и механизмов невротизации. Анализ психологической и медицинской литературы, посвященной проблематике неврозов, позволяет выделить как минимум два принципиально различных взгляда на природу невротического страдания: невроз как соматический симптом, не имеющий структурной основы (У. Каллен, В. М. Блейхер и И. В. Крук, З. Фрейд, и др) [1; 3; 4; 7]

и невроз как «пограничное» нервно-психическое расстройство при отсутствии психотических явлений (В. П. Мясисев, П. Б. Ганнушкин, Б. Д. Карварский, А. М. Свядош, А. И. Захаров и др.) [2; 5; 6]. Указанное разночтение приводит к разнообразию определений невроза, однако не исключает возможности выделить его характерные признаки. Мы бы отнесли к ним психогенную природу невротического расстройства и наличие травмирующих обстоятельств.

Под травмирующими обстоятельствами чаще всего понимают различные нарушения в системе значимых отношений [5; 6]. Это могут быть конкретные события драматического характера, разрушающие гармоничность отношений с людьми, или последствия внутреннего конфликта, отражающие дисгармоничность отношения к себе. Так или иначе, механизм невротизации указывает на роль личности в его разворачивании, поскольку именно личность

является тем феноменом, который детерминируется отношениями и детерминирует их.

Понимание невроза как личностного расстройства дает нам основание для того, чтобы предположить наличие личностных предпосылок к его возникновению. Такими предпосылками могут быть, на наш взгляд, черты личности или степень их выраженности. Гипотеза о существовании индивидуально-личностных предпосылок невротизации легла в основу исследования, результаты которого представлены в настоящей статье.

Исследование взаимосвязи между личностными характеристиками индивида и различными аспекта-

ми невротизации проводилось на базе Поволжской государственной социально-гуманитарной академии в декабре 2013 года. Выборка из 43 испытуемых была составлена рэндомным способом и выравнена по возрасту и социальному положению. Диагностическими методами стали многофакторный личностный опросник Р. Кэттелла 16PF и опросник социально-психологической адаптации К. Роджерса и Р. Даймонда. Для математической обработки эмпирических данных был применен метод корреляционного анализа с использованием коэффициента корреляции Ч. Спирмана. Ниже представлен фрагмент корреляционной матрицы, содержащий интересные для нас связи.

Таблица 1. – Взаимосвязь личностных характеристик с некоторыми проявлениями невротизации

	адаптивность	дезадаптивность	лживость	приятие себя	неприятие себя	приятие других	неприятие других	эмоциональный комфорт	эмоциональный дискомфорт	внутренний контроль	внешний контроль	доминирование	ведомость	эскапизм
A	0,13	-0,26	-0,24	0,05	-0,09	0,17	-0,35	0,01	-0,12	-0,11	-0,16	0,09	-0,09	-0,12
B	0,29	-0,06	0,40	0,47	-0,16	0,19	-0,06	0,25	0,03	0,02	0,12	0,25	0,00	0,07
C	0,06	-0,10	-0,19	0,10	0,06	-0,03	-0,15	0,04	-0,14	-0,01	-0,04	-0,31	0,02	-0,19
E	0,16	-0,14	0,39	0,37	0,00	-0,23	-0,02	0,24	-0,11	0,01	-0,02	0,28	-0,25	-0,19
F	-0,03	-0,29	-0,13	-0,15	-0,25	0,12	-0,34	-0,13	-0,20	0,08	-0,27	-0,14	-0,04	-0,27
G	0,24	-0,25	-0,13	0,07	-0,06	0,34	-0,17	0,37	-0,17	-0,06	-0,34	-0,25	-0,18	-0,16
H	0,36	-0,22	0,34	0,21	-0,19	0,21	-0,21	0,30	-0,13	0,20	-0,21	0,34	-0,14	-0,14
I	0,01	-0,16	-0,21	0,14	-0,06	0,10	0,00	-0,07	-0,09	-0,09	-0,18	0,01	-0,17	-0,11
L	-0,10	0,08	0,20	-0,06	0,03	-0,18	-0,08	-0,14	0,10	0,14	0,03	-0,21	0,08	0,05
M	-0,21	0,31	-0,04	-0,28	0,20	-0,04	0,17	-0,07	0,23	-0,04	0,28	-0,17	0,24	0,06
N	-0,14	0,01	-0,28	0,00	0,13	-0,15	-0,06	-0,39	0,12	-0,05	-0,04	-0,06	0,01	-0,14
O	-0,13	0,27	0,15	-0,31	0,26	0,11	0,11	-0,31	0,21	0,20	0,29	-0,21	0,19	0,13
Q₁	0,30	-0,18	0,07	0,50	-0,14	-0,21	0,07	0,23	-0,16	0,01	-0,15	0,19	-0,26	-0,09
Q₂	-0,26	0,03	0,02	-0,25	-0,11	-0,24	0,16	-0,21	-0,03	0,10	-0,04	-0,01	-0,05	0,01
Q₃	0,40	-0,20	-0,17	0,11	-0,27	0,30	-0,02	0,02	-0,26	0,20	-0,30	0,01	0,01	-0,11
Q₄	-0,16	0,18	0,33	-0,27	0,16	-0,04	-0,05	-0,12	0,19	0,21	0,14	-0,01	0,04	0,04

Изучение результатов, полученных с помощью корреляционного анализа, позволяет сделать несколько важных наблюдений. Во-первых, мы видим, что связи между чертами личности и проявлениями невротизации действительно существуют, что сразу же подтверждает наше исходное предположение. Во-вторых, можно

отчетливо выделить связи, указывающие на, условно говоря, «невротические» черты личности и «антиневротические» характеристики. Рассмотрим наиболее важные для нашего исследования связи.

Положительная корреляция между фактором интеллекта (B) и такой характеристикой адаптивности,

как «принятие себя» составила 0,47. Если понимать под интеллектом качество психики, состоящее в способности адаптироваться к новым ситуациям, способности к обучению на основе опыта, пониманию и применению абстрактных концепций и использованию своих знаний для управления окружающей средой, такой результат представляется вполне закономерным. В настоящем контексте интеллект можно считать близким понятию «адаптивности», о чём может свидетельствовать приближающийся к значимой величине коэффициент корреляции между «интеллектом» и «адаптивностью». Интеллект можно назвать антиневротическим фактором ещё и потому, что этот показатель находится в положительной связи с «принятием себя». «Принятие себя» — категория зрелой, гармоничной личности, лишённой внутренних противоречий и неразрешимых конфликтов. Полученный результат свидетельствует о том, что принятие себя требует большой интеллектуальной работы, что крайне важно учитывать при организации психотерапевтического воздействия.

Эмоциональная устойчивость (С) отрицательно коррелирует со стремлением к доминированию. Парадокс заключается в том, что чем менее устойчива эмоциональная сфера личности, тем сильнее ее стремление к доминированию. Такой результат можно объяснить лишь тем, что при эмоциональной неустойчивости доминантные тенденции личности носят невротически компенсаторный характер и, следовательно, антиневротическим фактором мы можем считать эмоциональную устойчивость.

Интересно отметить, что достоверной связи между доминированием как личностной чертой (Е) и доминированием как способом адаптации выявлено не было. Это в определенной степени подтверждает идею о различных типах доминирования, которые могут проявляться как органичная черта личности, — и тогда выполняет антиневротическую функцию, — или как неорганичный для личности способ адаптации, — и в этом случае становится проявлением невротичности.

Прямая связь дезадаптивности со шкалой праксерния-аутиа (практичность-мечтательность) указывает на роль идеалистичности как личностной черты в механизме невротизации: отвлеченность, рассеянность, аутичная позиция, инвертированная ориентация не защищают человека от травм и разочарований, а, напротив, трансформируют его личность по невротическому типу.

На социальную природу невротизации указывает связь между фактором дипломатичности (N) и уровнем эмоционального комфорта: чем более изощрен индивид в социальных ролях и играх, тем менее комфортно он себя чувствует. Следовательно, социальная одаренность, искушенность в анализе отношений, способность перевоплощаться в разные роли не гарантируют человека от невротизации и дезадаптации в направлении эмоциональных дисфункций.

Тревожность как устойчивая черта личности является очевидным невротическим фактором, поскольку, препятствует принятию себя и не располагает к эмоциональному комфорту. На это указывают отрицательные связи фактора тревожности (О) с уровнем эмоционального комфорта и показателем принятия себя.

Особое внимание необходимо уделить факторам нормативности (G — высокое супер-Эго — низкое супер-Эго) и социальной смелости (H). Обе шкалы обладают наибольшим количеством корреляционных связей с показателями дезадаптивности и невротичности. В контексте нашего исследования этот результат подчеркивает значение этих черт в проявлениях невротизации или защите от нее. Так, выраженность в чертах личности нормативности облегчает принятие себя, повышает эмоциональный комфорт и снижает необходимость внешнего контроля над поведением. Социальная смелость положительно связана с общим показателем адаптивности и уровнем эмоционального комфорта. Вопросы может вызвать корреляция фактора H с доминированием, на невротический характер которого мы уже указывали. Но, возможно, когда речь идет о связи доминирования с «сильной» личностной чертой, оно теряет свою невротическую природу и становится органичным проявлением личности.

Подводя итог анализу результатов, мы можем сформировать достаточно убедительные перечни «невротических» и «антиневротических» личностных факторов. К первым можно отнести такие черты личности, как шизотимия (сниженная общительность), эмоциональная неустойчивость, озабоченность, идеализм, социальность (дипломатичность) и тревожность. Вторую группу составят аффектотимия (в данном случае ее можно понимать как общительность и открытость), интеллект, эмоциональная стабильность, нормативность и социальная смелость.

Таким образом, предположение о личностных предпосылках невротизации нашло свое эмпирическое подтверждение. Мы полагаем, что дальнейшее изучение проблемы невротизации в рамках

персонологических инструментальных исследований позволит глубже понять природу невроза и не толь-

ко определит развитие методов борьбы с неврозами, но и предложит стратегию их профилактики.

Список литературы:

1. Блейхер В. М., Крук И. В., Боков С. Н. Практическая патопсихология: Руководство для врачей и медицинских психологов. – Ростов-на-Дону, – 1996.
2. Карвасарский Б. Д. Неврозы. – М.: Медицина, – 1980. – 448 с.
3. Клиническая психология/Под ред. Б. Д. Карвасарского. – СПб.: Питер, – 2006. – 959 с.
4. Мельченко Н. И. Клиническая психология. – Самара: Сам ГМУ, – 2002. – 584 с.
5. Менделевич В. Д., Соловьева С. Л. Неврология и психосоматическая медицина. – М.: МЕДпресс-информ, – 2002. – 608 с. (с. 360–376).
6. Мясищев В. Н. Личность и неврозы. – Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, – 1960. – 426 с.
7. Свядощ А. М. Неврозы. – М.: Медицина, – 1982. – 368 с.

*Kameneva Tatiana Vitalievna,
Zaporozhye National University,
professor of psychology, the Faculty of Psychology
E-mail: davidushka2014@gmail.com*

Modern approaches to understanding the essence of the phenomenon of professional speech psychologist

Abstract: The analysis is carried out major contemporary approaches to the study of the essence of professional speech psychologist. Characterized the main provisions of the system, the activity, akmeological, synergistic, variability approaches to determine its nature. We interpret the definition is suggested a professional speech psychologist.

Keywords: professional speech psychologist, methodology, akmeology, synergetics.

*Каменева Татьяна Витальевна,
Запорожский национальный университет,
преподаватель психологии, психологический факультет
E-mail: davidushka2014@gmail.com*

Современные подходы к пониманию сущности феномена профессиональной речи психолога

Аннотация: В статье осуществляется анализ основных современных подходов к исследованию сущности профессиональной речи психолога. Характеризуются основные положения системного, деятельностного, акмеологического, синергетического, вариативного подходов к определению его природы. Предлагается собственная интерпретация определения профессиональной речи психолога.

Ключевые слова: профессиональная речь психолога, методология, акмеология, синергетика.

Актуальность исследования. Неопределенность феномена профессиональной речи психолога в современной психологии, неоднозначность научных интерпретаций структуры и составляющих речевой деятельности психолога определили необходимость углубленного исследования и обобщения положений основных общенаучных подходов к исследованию сущности профессиональной речи психолога. Такой анализ поможет нам наилучшим образом осознать современную структуру знаний о профессиональной

речи психолога, понять компоненты, всесторонние связи исследуемого явления.

Цель исследования состоит в определении основных методологических подходов к пониманию сущности профессиональной речи психолога.

Методология исследования. Были проанализированы современные подходы к исследованию профессиональной речи психологов [1–6], использован собственный опыт работы автора статьи. Среди методов были использованы следующие теоретические

методы: анализ, сравнение, систематизация и обобщение научно-теоретических источников; среди эмпирических: наблюдение, анализ продуктов деятельности студентов.

Анализ научных источников и изложение основного материала. Анализ истории развития научных исследований речи дает основание говорить, что владение словом интерпретировалось чрезвычайно широко. Его связывали с ораторским искусством, с процессом общения.

Первые попытки выделить речь как самостоятельный предмет психологического анализа были сделаны немецкими учеными В. Вундтом, В. Гумбольдтом, Г. Штейнталем в конце XIX-го столетия. Выходя из лингвистического анализа В. Гумбольдт определил речь как определенную активность (деятельность) [1]. Важным источником знаний о психолингвистике стала гипотеза лингвистической относительности Уорфа-Сепира [10].

В Америке в 40–60 годы XX-го столетия Ч. Осгудом была создана одна из основных лингвистических концепций речи [9]. Другим американцем, Дж. Миллером были рассмотрены психические процессы, взаимосвязанные с речью и коммуникацией [8]. Н. Хомский разработал теорию трансформационной грамматики глубинной структуры высказывания [7].

В Украине исследованию термина «речь» служили наработки института языкознания им. О. Потебни, психолингвистические исследования О. Леонтьева, наработки Г. Костюка в психологии обучения. Общие теоретические вопросы проблемы речевой подготовки специалистов были исследованы Л. Выготским, О. Лурией, С. Рубинштейном. Тем не менее, существует немного специально направленных современных исследований профессиональной речи психолога: О. Бондаренко, Н. Шевченко, В. Семиченко, Ю. Паскевской, Н. Калиной.

Представляется, что современная методология исследований в психологии четырехуровневая: философский, общенаучный, конкретно-научный и методологический уровни. Чтобы наиболее полноценным образом исследовать психическое явление, ученые используют все уровни методологии, ищут новые принципы, методы. Мы рассмотрим методологические основы нашего понимания профессиональной речи будущих психологов на общенаучном и конкретно-научном уровнях.

Наиболее распространены системный, синергетический, акмеологический (общенаучные), деятельностный (психологический), подходы к исследованию феномена профессиональной речи психолога,

структуры речевой деятельности. Психологические исследования, связанные с тем или иным подходом интересуются вопросами определения сущности профессиональной речи психолога, взаимосвязи личностного развития и развития профессиональной речи, взаимосвязи и взаимовлияния структурных компонентов профессиональной речи психолога.

В соответствии с деятельностным подходом, профессиональная речь психолога рассматривается как процесс, речевая деятельность, речевой акт. Основные положения этого подхода сформулированы в теориях В. Гумбольдта, а в отечественной психологии О. Леонтьева [3]. Теория деятельностного подхода акцентирует внимание, что речь — это определенная активность (деятельность), это вербальное общение с помощью речевых знаковых единиц: слов, синтаксических конструкций, текста, интонаций, часто с помощью невербальных способов. В границах такого понимания профессиональной речи психолога исследуются: физиологические основы речевой деятельности; механизмы речи в соответствии с его видами: механизм говорения (устная речь), механизм аудирования (восприятие и понимание устной речи); кодовые переходы; взаимосвязь мышления и речевой деятельности психолога; реализация функций языка в речевой деятельности; формирование речевой интуиции, речевого имиджа и т. д..

Второй подход к пониманию сущности профессиональной речи психолога — системный. Он предполагает поиск и средства фиксации интегративных свойств данной системы синтетическим способом, раскрывает свойства, отношения и связи, которые имеет система с другими системами, подсистемами, частями и элементами. В рамках этого подхода говорят о профессиональной речи психолога, как определенной системе. Рассматривают речь не как процесс, а как результат, текст. Этот подход исследует: макроструктуру текста (текст — это часть психического); ряд подсистем текста, его компоненты, связи; стили речевой деятельности; использование речевых средств (лексических, грамматических) в тексте; средства устной выразительности. Профессиональную речь психолога в этой интерпретации связывают с исполнением профессиональных заданий и рассматривают в контексте принадлежности к системе профессиональной деятельности. Системный подход предполагает реализацию принципа детерминизма: внешние условия действуют на личность через внутренние условия (психику), которые являются основным источником развития качеств личности.

Подобное понимание речевой деятельности психолога изложено в работах Н. Жинкина [2].

На сегодняшний день осуществляются попытки использования синергетического подхода к исследованию профессиональной речи психолога. Исходный постулат синергетики — это идея о самоорганизации системы. С такой позиции текст как синергетический объект приобретает свойство спонтанной активности, которая реализуется не только как способность к самоорганизации, но и свойство организации окружающей среды.

Об акмеологическом подходе к пониманию проблемы профессиональной речи психолога говорят многие исследования. Акмеология объединила ученых, которые сосредоточились на изучении личностных, психофизиологических характеристик зрелой личности психолога, на определении объективных и субъективных факторов, внутренних и внешних условий, которые дают ей возможность лучше реализовать себя.

В педагогической теории, по определению О. Степанова, М. Фицулы, речь — это вербальная коммуникация, средством которой есть слова. По уровню экстерииоризации речь бывает внутренняя и внешняя. Внешняя речь включает все виды устной и письменной речи. Устной называют звуковую речь, которая воспринимается другими людьми с помощью слуха. Ее разновидностями являются диалог и монолог. Письменная речь — процесс общения с отсутствующим собеседником с помощью письменных текстов. Внутренняя речь является видоизменением внешней. Она является средством внутренней подготовки к деятельности, механизмом речевого мышления. Профессиональная речь связана с функциональной деятельностью специалиста [4].

Существует также вариативный подход к исследованию профессиональной речи психолога, который предполагает разные трактовки сущности речи разными науками. Комплексный подход объединяет несколько подходов к пониманию сущности профессиональной речи психолога.

Мы пришли к выводу, что один из подходов к пониманию профессиональной речи психолога говорит о том, что его можно определить и как способ общения психолога. Профессиональное общение

представляет собой основу речевой научно-педагогической, консультативной, практической деятельности психолога; оно является одним из наиболее важных аспектов профессионализма, мастерства, компетентности специалиста.

Мы согласны с мнением современных украинских психологов Н. Шевченко, Т. Ханецкой, которые феномен профессиональной речи психолога в исследованиях интерпретируют шире, чем речевую культуру психолога. Она была рассмотрена ими, как важный элемент профессиональной подготовки будущих психологов. Ее формирование основывается на совершенствовании речевой деятельности будущего психолога на развитии его профессионально важных свойств личности [5].

Обобщая результаты вышеперечисленных исследований, в контексте системного, деятельностного, акмеологического подходов мы пришли к выводу, что профессиональная речь психолога — это вид речевой деятельности людей психологической отрасли знаний (функционально-содержательный признак), которая находит проявление в использовании языка. Профессиональная речь психолога может быть как процессом так и результатом деятельности. С одной стороны, профессиональная речь психолога — это многоуровневая, сложноорганизованная структурная система, которая действует в соответствии с законами психического; исполняет коммуникативную, формирующую, коррекционную, развивающую, сигнализационную, обучающую функции. С другой стороны, как психический процесс, профессиональная речь психолога характеризуется стадийностью. Главными признаками ее есть структурированность, целенаправленность и научность. Она исполняет профессиональные задачи, содержит в себе профессиональные высказывания и термины.

Выводы. Имеют перспективу углубленные исследования профессионального речевого сознания психолога, профессионального речевого имиджа, стилевых особенностей профессиональной речевой деятельности психолога. Также важно исследовать развитие профессиональной речи психологов как на разных этапах обучения в ВУЗе, так и в процессе реальной профессиональной деятельности.

Список литературы:

1. Гумбольдт В. Избранные труды по языкознанию/В. Гумбольдт — М.: — 1984.
2. Жинкин Н. И. Психологические основы развития речи//В защиту живого слова. — М.: Просвещение, — 1966. — с. 5–25.
3. Леонтьев А. А. Деятельность, сознание, личность. — М., — 1975. — 304 с.

4. Фіцула М. М., Степанов О. М. Основи психології і педагогіки: Навчальний посібник. – К.: «Академвидав», – 2006. – 520 с.
5. Шевченко Н. Ф. Формування професійної свідомості практичних психологів у системі вищої освіти. Дисертація доктора психологічних наук: 19.00.07. – інститут психології ім. Костюка; Київ, – 2006. – 230 арк.
6. Bandura A. Social learning theory. – Englewood Cliffs, NJ: Pentice-Hall, – 1977. – 375 p.
7. Chomsky N. Explanatory Models in Linguistics//Logic, Methodology, and Philosophy of Science. Stanford, Califor.: Stanford University Press, – 1962.
8. Miller G. Language and speech. – San Francisco: Freeman, – 1981.
9. Osgood Ch. Psycholinguistics, Cross-Cultural Universals, and Prospects for Mankind. Praeger Publishers, – 1988. ISBN 0-03-059433-2
10. Whorf B. The relation of habitual thought and behavior to language/New-York, – 1956.

*Sobirova Dilafroz Abdurozиковna,
Bukhara State University,
Doctoral student in psychology and sociology
E-mail: asbegmatov@yandex.com*

Social intelligence: general defining moment

Abstract: This article discusses general aspects of definitions of social intelligence. This phenomenon is interpreted as a person's ability to properly understand their own behavior and the behavior of other people in society.

Keywords: social intelligence and social nature, the concept of the scientific approach, understanding, social environment, social contact, socialization.

At various times, supporters of various schools of psychology in their own interpreted the concept of “social intelligence”: as the ability to get along with others (Moss F. & Hunt, T., 1927); as the ability to deal with others (Hunt, T., 1928); knowledge about people (Strang R., 1930); the ability to easily get along with others, the ability to enter their position to put yourself in the other (Vernon P. E., 1933); ability to critically evaluate and correct feeling, mood and motivation of other people (Wedek J., 1947).

Summarizing these views, the famous American psychologist David Wexler proposed to define social intelligence as to the fitness of the individual human being (Vechler D., 1958). Active interest in this phenomenon, many psychologists and in the middle of the XX century. Created his famous multi-factor model of intelligence J. Guilford devotes a special place to the social intelligence. He predicts that in his model of intelligence is not less than 30 abilities related to social intelligence. Some of them belong to the understanding of the behavior of some in productive thinking and behavior in some — to its evaluation. It is also important that J. Guilford emphasizes that understanding the behavior of others and itself has largely nonverbal. Before researchers always had the task of determining the boundaries of social intelligence. Its solution required

to separate from the abstract social intelligence (IQ) and academic interpretation.

Human activity in all spheres has a social character. It manifests itself or in cooperation with the social environment, or professional activities. As if the person was not isolated professional environment, as if not avoided live communication with other people, it will still have to engage in social contacts. Moreover, professional activity in the system of subject-subject relations requires special ability, which is necessary for successful interaction with people. This ability of specialists called “social intelligence.”

Social intelligence — the ability property understanding the behavior of people. This ability is essential for effective interpersonal interaction and successful social adaptation.

The ability of another person to understand is that the interests of others, empathy, establish contacts, to predict the development of communication processes, the ability to assess the social situation and properly understand their role in her understanding of their rights and obligations of moral duty. Social intelligence is considered to be the basis of socialization.

Considering intelligence as individual, personal property rights, we may note that the content of functions is reflected double conditionality of social intelligence,

i. e. inner and outer worlds. Scientists, researchers sought to understand and explain the specifics of this phenomenon, offering distinct ways of studying it, isolated various forms of intelligence.

The study of social intelligence took place in several stages.

Stages of studying social intelligence.

Phase 1 (1920–1924 years.) For the first time in scientific psychological lexicon coined the term “social intelligence.”

In 1920, the American magazine «Psychology and education» round table was organized, in order to clarify the concept of “intelligence”.

Phase 2 (1925–1938 gg.) Characterized by the desire to psychometric study of social intelligence. Definitions of social intelligence were aligned with the psychometric approach, translated into standard measurement of individual differences.

Stage 3 (kon.30's — 1965) Social intelligence disappears from the subject field of psychology. And further work in this had been area recognized hopeless. All studies were terminated.

Stage 4 (1965–1969). Social intelligence is considered in the model structure of intelligence

Decided to allocate some general scientific approaches to the study of intelligence.

General scientific approaches to the study of intelligence:

1. Structural and genetic approach which is based on the ideas of Piaget and consider intelligence as the supreme universal way of balancing the subject with the environment.

2. Cognitive approach is based on an understanding of intelligence as a cognitive structure which is determined by the specificity of individual experience. The founders of this approach are J. Bruner, DC Tikhomirov.

3. Factor- analytic approach is the most common in modern psychology. Its founder is Charles Spearman. He considers intelligence as a general “mental energy”; the level of which is determined by the successful execution of any tests.

4. Hierarchical models of intelligence where intellectual qualities are arranged in a hierarchy by the level of generality. One of the common concepts belongs to of R. Cattell.

Variety of approaches to the definition of social intelligence demonstrates the ambiguity of its structure. At the same time in the definitions of the SI can be noted a number of common features.

1. Most approaches SI interpreted as the ability, therefore, it is associated with certain activities and is a personal education.

2. Scientists recognize SI independent of general intelligence.

3. Social intelligence is described as a complex structural entity consisting of several abilities.

4. Subject of these abilities acts establishing relationships between events in which actors are the man himself and his social environment.

Available empirical research in psychology affect SI problem mainly in areas such as the study of the features of SI and psychological qualities of the person, his relationship with general intelligence and its components.

Formed social intelligence plays an exponential characteristic of a particular civilization, a particular type of culture, and as such can be described as historical processes of judgment in relation to the collective history of the subject.

Thus, social intelligence — a person's ability to correctly understand their own behavior and the behavior of other people in society.

This ability is essential for effective interpersonal human interaction and successful social adaptation. Social intelligence implements cognitive processes associated with mapping the human as a partner in dialogue and action.

Analysis of theoretical and experimental approaches in psychological science shows that social intelligence is a concept that has no single it is considered to be an, unambiguous interpretation. Variety of approaches to the definition of social intelligence demonstrates the ambiguity of its structure. At the same time, the definitions of social intelligence can note a number of general points. First, most approaches social intelligence is interpreted as the ability, therefore, it is associated with certain activities and is a personal education. Secondly, most scholars recognize social intelligence independent of general intelligence. Third, social intelligence is described as a complex structural entity consisting of several abilities. Fourth, the subject of these abilities appears to establish a relationship in which actors are the man himself and his social environment.

Special relevance of social intelligence and increase its level of development gains for managers, which manage people and team. The level of development of social intelligence head largely determines the features of human interaction in the group and the formation of collective (team). Many researchers believe that the

personality of the leader depends largely on the successful adoption of management decisions, management efficiency, the success of the organization.

Thus, social intelligence — a relatively new concept in the science of psychology, which is in the process of development and refinement.

Reference:

1. Айзенк Г. Ю. Интеллект: новый взгляд. «Вопросы психологии» – 1995. – № 1 – с. 160.
2. Лужбина, Н. А. Социальный интеллект как системообразующий фактор психологической культуры личности: Дис... канд. псих.: Барнаул, – 2002.
3. Немов Р. С. Психология. В 3-х книгах. – М., Просвещение, – 1995.
4. Пиаже Ж. Избранные психологические труды. – М., Международная педагогическая академия. – 1994.
5. Южанинова А. Л. К проблеме диагностики социального интеллекта личности. В сб.: «Проблемы оценивания в психологии». – Саратов, издательство Саратовского университета, – 1984.

*Taylyakova Feruzahon,
Andijan Machine building Institute, Senior Lecturer
E-mail: asbegmatov@yandex.com*

Psychology of family business

Abstract: This article analyzes the basic psychological characteristics of family businesses. The author describes the psychological properties that contribute to improve individual and family businesses. The article also discusses mental properties adversely affect the development of a family business.

Keywords: Psychology, family business, psychological characteristics, entrepreneur confidence, stress.

After gaining independence, Uzbekistan in 1991, there was a sharp rise in unemployment. This was due to fact that in the former Union of Uzbekistan developed mainly as a source of raw materials, capital stock per capita was one of the lowest in the country it is the first point. Second, disruption of economic relations of enterprises with entities in other countries, led to downtime or bankruptcy. This is a situation where people started to open their own businesses because they lost their jobs, factories closing, wages paid to long delays. Those years were off the number of small enterprises, including as well and family. People discovered family businesses for two reasons:

1. Becoming unemployed somehow tried to feed the family. Such were the majority and most of them were not prepared for entrepreneurship either professionally or technically and technologically and psychologically. Most of these businesses closed in the first 2–3 years after opening.

2. People who had an entrepreneurial spirit were delighted economic freedom that came with the country's independence, liberation from economic and political shackles of the former Union. But not all businesses based these people began to develop successfully. To achieve success in the family business, except the desire needed more and abilities, skills and facilities. Family

business still required people and organizational skills, patience and a strong will.

Managed to successfully develop family enterprise, the taste of freedom and feeling a commercial vein, stayed in business today forever. They changed his first “shell” in the market for decent shops and rented a “point” — for manufacturing premises. Learning needs of the market, they have been producing popular items like souvenirs, handmade glassware, open in the production of its small shops, to enter into contracts for the supply of goods to other regions. Today, they are already successfully operating in the form of mini — factories, while remaining completely family-owned since the entire capital — in the hands of the couple, which continues to manage the enterprise. Specificity of family businesses can quickly react to changes in the business, as all family members understand the state of affairs on the basis of this number to advantages of family business can be attributed maximum flexibility to respond quickly to market needs [1].

According to the internationally accepted definition of management, entrepreneurship — an independent kind of activities carried out by the person at your own risk in order to obtain a systematic profit. Thus the profit can be obtained from the use of the property as well as from the sale of goods, provision of services or any type

of work. Entrepreneur must necessarily be registered according to the law of the country and abide in his business acting civil and tax codes.

From a legal point of view to become an entrepreneur can be any able-bodied citizen or foreigner, who has resided on its territory, provided that it is not the soldiers, militiamen, and holds a public office that is incompatible with the conduct of business.

There are limitations to successfully do business from a psychological point of view. It's no secret that not everyone by virtue of their individual psychological characteristics can become a successful entrepreneur. In the first years of independence, many have discovered the trick "on a whim", resulting in despair, without training and pre-planning, because there were certain circumstances. Maybe that's why we had so great a percentage closed firms. Trading in a few months, people began to realize that business is built completely to him, he hardly establish contacts with strangers, he does not like competition and competition, it does not suit the long working hours and full independence, it would be hard to act in the face of uncertainty and it is difficult to constantly make decisions. And he closes his time either case or toils of business, until the case is closed by itself, leaving behind grief and frustration and many outstanding debts. Unfortunately, this happened despite the full support of the state.

To implement a successful business you need to have certain psychological qualities: independence, the vision of the overall situation in the market and, therefore, developed analytical skills. It is absolutely necessary to be able to win the trust of people and trust yourself to strangers, have perseverance, the ability to control their needs and whims, great capacity for work. Everything else, the entrepreneur must be able to take risks and know the consequences of their risk, able to work in a permanent situation of instability and instability have increased stress obstacles nerves breakdown. And if a man can boast all these rarely combined in one person qualities, it can safely start a business.

Before you open a business, people think twice indebtedness — whether to start, and it's not so much whether he has some skills in any craft, can produce something. Much more important — if he has any business capacity, whether to sell their services, interested in them, please if his competitive spirit, competition, without which there is no business. If not — he still has a chance to succeed, but that he is absolutely necessary to cooperate with the person next to you, the best of the number of close relatives, which has pronounced the entrepreneurs.

The man who decided to become an entrepreneur and own business, but now you know exactly what business will be able to succeed alone (not the stock character). Then the necessary cooperation, or association with a companion. For successful business it is necessary that a companion on the qualities and characteristics of the business it could complement. For example, it is — a unique specialist in a particular area has a remarkable analytical skills and patience to achieve the goal, but does not know how to negotiate with the right people. Then his companion must necessarily possess a commercial talent, finding the right connections and be able to present the goods in the right light for the people. At the same time enjoy an active ambitious character. It was such a successful example of creating a family business can serve as Kaspersky Lab, where her husband started a software development Eugene Kaspersky his wife — manager was able to successfully bring to the market and to make known to the whole country.

World experience shows that, in the small and medium business it is easier to start with the family company. But when opening all family case you need to understand the pros and cons of such a family organization, know all the pitfalls lying in wait to be able in time to avoid them. As you know, the whole business is built on trust. It is quite possible that this is the reason for the predominance of small business family firms. Confidence in the family is apparently higher than his friends and acquaintances. At the same time, every member of the family knows the nature of his relative, colleague, his motivation and the ability to know how to use in a proper way the ability of each other in a common cause. This family with strong family ties is often a clan of like-minded, and if all come to believe about the beginning of a new common cause, then everyone will work "not out of fear but out of conscience.

"The second distinct advantage of the family firm before Group Company — all relatives can at first, which is very important for small businesses to work for free or for a nominal fee. When everyone knows that capital and profits will go to the family and the total budget amount to family capital, which turns their common heirs. However, as the expansion of family firms are beginning to grow and family problems that are exacerbated by the transmission company inherited. According to the statistics of many countries, only five percent of family firms is possible not only to save the family business, but also to continue to develop it in the third generational change owners. But it is an example of these few companies confirms the fact that skillfully arrayed business relationships in the family firm necessarily lead to the success of a company, the

more common indicators that the whole family firms to successfully develop their business than non-family enterprise type. The main problem stems from a family business for the same reason that its benefits — the complexity of family relationships. Perhaps, more importantly, what it depends on the precarious situation of the family firm — often mixed business with family relationships, conflicts, proceedings, grievances. Related feelings do not allow time to notice the mistakes and errors, a relative lack of skills, and overly indulgent “family relationship” and appeasement leads to a series of unsuccessful operations and generally cause much harm to the company.

Among the mental properties that negatively affect family business should include the fact that “... Some women unusually strongly peculiar to the so-called “ syndrome of impotence. “They feel a sense of self-doubt, underestimate their abilities and opportunities, which has a negative impact on business success, personal and family life“. Suslov TF Personal determinants of combining professional and family roles for women entrepreneurs [2].

Therefore, when you open and run the family business must consider both favorable and negative, harmful to business quality family companions.

Reference:

1. Omonova Feruza, Member of the Legislative Chamber Oliy Majlis. Weekly Market, Tashkent 13.12.2011 year.
2. Suslova T. F. Личностные детерминанты совмещения профессиональных и семейных ролей женщинами-предпринимателями. Avtoreferat dissertacii. Na soiskanie uchenoy stepeni kandidata psixologicheskix nauk. – M.: – 2009, – p. 14.

Section 8. Regional studies and socio-economic geography

Секция 8. Регионоведение и социально-экономическая география

Semkina Olga Sergeevna, Ph. D., professor

Skopinsky Alexey Igorevich, student

Sviridova Elena Sergeevna, student,

*Financial University under the Government of the Russian Federation,
the Faculty of Public and Municipal Management*

E-mail: elenasviridova1993@rambler.ru

The role of Management in the development of accomplishment municipal territory

Abstract: In this work, the main issues relating to the management system-landscaping municipality were reflected. First of all, the author draws attention to the basics theoretically improvement of the municipality, in addition, it's also describes the current state of affairs concerning extended to address the problem. In the future, management analyzed accomplishment for example municipalities Kaluga region and the Republic of Tuva. In conclusion, there are proposals to improve the management landscaping these areas.

Keywords: Landscaping, environment, landscape, architecture, climate, air pool, grounds, buildings, environment, urban planning, landscaping, social and economic demands.

Семкина Ольга Сергеевна, к. э.н., профессор кафедры

Скопинский Алексей Игоревич, бакалавр

Свиридова Елена Сергеевна, бакалавр,

*ФГБОУ ВПО Финансовый университет при Правительстве РФ,
факультет «Государственное и муниципальное управление»*

E-mail: elenasviridova1993@rambler.ru

Роль управления благоустройством в развитии территории муниципального образования

Аннотация: в представленной работе отражены основные вопросы, касающиеся системы управления благоустройством территории муниципального образования. В первую очередь, автор обращает внимание на теоритические основы благоустройства муниципального образования, а также описывает существующее положение дел, касающихся выдвинутой к рассмотрению проблемы. В дальнейшем, производится анализ управления благоустройством, на примере муниципальных образований Калужской области и республики Тыва. В заключении выдвигаются предложения по совершенствованию системы управления благоустройством названных территорий.

Ключевые слова: Благоустройство территории, окружающая среда, ландшафт, архитектура, микроклимат, воздушный бассейн, территория, застройка, экология, градостроение, озеленение, социально-экономические требования.

В современных условиях, проблема сохранения и оздоровления окружающей среды, а также вопрос

формирования в городской черте условий, благоприятно влияющих на психологическое и физическое

состояние человека, являются основополагающими. Именно поэтому особое внимание уделяется обеспечению благоприятной окружающей среды.

Необходимо отметить тот факт, что значительный вклад в развитие теоретических и практических знаний в отечественной ландшафтной архитектуры внесли С. Н. Палентреер, Ю. Б. Хромов, Л. Б. Лунц, Л. С. Залесская, Е. М. Микулина, З. Н. Ярчина, З. Х. Френкель, М. Н. Петров и П. В. Сытин и др. [4].

Именно поэтому в настоящее время накоплено достаточно опыта в сфере благоустройства и озеленения городов, создано большое количество озеленительного ассортимента растений, разработана техника их выращивания, найдено достаточное количество способов озеленения территорий, определены способы содержания зеленых насаждений.

Озеленение территории включает в себя — многопрофильные и специализированные парки, сады, скверы, бульвары, набережные, которые предназначены для организации отдыха и досуга населения. Как правило, под элементами озеленения территорий подразумевают такие зеленые насаждения, как: деревья, кустарники, газоны, цветники и естественные природные растения [5, 61].

Необходимо обратить внимание на то, что основными направлениями по благоустройству и озеленению городской территории являются:

- территориальное планирование, которое направлено на создание особых условий для продолжительного социально-экономического развития;
- система управления земельными ресурсами и недвижимостью, повышение инвестиционной привлекательности;
- жилищное строительство всех форм собственности;
- система инженерной и транспортной инфраструктуры, озеленение городской территории, а также обеспечение условий экономии ресурсов.

Калуга — город в центральной России, административный центр (с 1944 года) Калужской области. Образует муниципальное образование Городской округ Город Калуга. Население города — 331 351 чел. Город расположен на обоих берегах реки Оки и на притоке Оки реке Яченке, в 160 км от Москвы. Калуга и Калужская область входят в состав Центрального федерального округа, а также Центрального экономического района.

В 2014 году город Калуга стал победителем Всероссийского конкурса «Самый благоустроенный город», из 98 городов 60 регионов России Калуга была признана одной из лучших.

Кроме основного этапа конкурса были подведены итоги предварительного этапа конкурса по следующим направлениям: зеленое и цветочное хозяйство; дорожно-уличная сеть; жилище; торговля и бытовое обслуживание; реформа ЖКХ [2].

Таким образом следует отметить, что для победы в столь значимом и масштабном конкурсе необходимо применить значительные усилия по озеленению и благоустройству городского хозяйства. Еще одной проблемой, актуальной на данное время в г. Калуга, является проблема летнего отдыха. Сейчас ведется работа по изучению вариантов возможного изменения экологического состояния Яченского водохранилища. С этой целью рассматривается вопрос о включении мероприятий по зарыблению, а также проведению работ по обследованию гидроэкологического состояния водохранилища в проект долгосрочной городской целевой программы «Чистая вода» на 2013–2018 годы. [3]

Что касается основных проблем в благоустройстве республики Тыва, то непосредственно в г. Кызыл развитие жилищно-коммунального хозяйства, повышение уровня благоустройства и санитарного содержания осуществляется за счет:

- формирования эффективного собственника жилищного фонда и коммунальной структуры;
- стимулирования конкуренции в сфере жилищно-коммунального хозяйства, обеспечения проведения конкурсов по каждому виду жилищно-коммунальных услуг с целью снижения их стоимости и повышения качества;
- внедрения системы бюджетирования жилищно-коммунального комплекса, позволяющей анализировать полученные и прогнозировать перспективные экономические показатели в целях укрепления финансовой дисциплины, оптимизации схемы управления хозяйственной деятельностью;
- соблюдения мер социальной защиты малоимущих слоев населения.

Осуществляются работы по уборке мусора, благоустройству и озеленению мест отдыха граждан, исторических и памятных мест, территорий вокруг административных зданий и придомовых участков. В целях снижения негативного воздействия на окружающую среду местными администрациями производится

ликвидация несанкционированных свалок, осуществляется снос или передача индивидуальным предпринимателям бесхозных и пустующих объектов.

Таким образом, в заключении хотелось бы сказать, что на территории обоих муниципальных образований, существуют определенные проблемы, которые, по мере поступления, решаются местными властями. Однако особенно следует отметить тот факт, что в городе Кизыл крайне ограничены средства для финансирования благоустройства территории, а также чрезвычайно низка активность со стороны граждан и со стороны органов власти, а большинство правил и норм существуют лишь на бумаге. Благоустройство территории города Калуга осуществляется быстрыми темпами, уделяется внимание созданию зон отдыха для граждан, ведется организация мероприятий по содержанию и ремонту скверов, парков, бульваров, решается проблема с утилизацией отходов.

В заключении хотелось бы отметить, что для большинства городов актуальность решения вопросов состояния городских дорог и благоустройства терри-

торий сегодня очевидна и настоятельно необходима. Больше того — за последний год эта проблема вышла на первый план. Таким образом, для улучшения экологического состояния территории необходимо выполнить следующий ряд преобразований [4, 53]:

- Повысить пропускную способность трасс, шоссе и городских дорог;
- Благоустроить придомовые территории, территории парков, скверов, проспектов;
- Создать необходимое количество автомобильных парковок и запретить стоянку транспортных средств на территориях жилых дворов;
- Разместить деревья и кустарники в качестве средств масштабного и функционального разграничения пространства;
- Адаптировать территории к требованиям физически ослабленных лиц;
- Постоянно осуществлять плановое озеленение территорий;
- Привлекать горожан к мероприятиям по благоустройству территорий.

Список литературы:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2013 N 6-ФКЗ, от 30.12.2013 N 7-ФКЗ, от 05.02.2014 N 2-ФКЗ).
2. Закон Калужской области от 28.02.2011 N 121-ОЗ (ред. от 28.03.2013) «О регулировании отдельных правоотношений, связанных с охраной окружающей среды, на территории Калужской области».
3. Приказ от 17 февраля 2011 г. N 51–11 о ведомственной целевой программе «стимулирование муниципальных программ по повышению уровня благоустройства территорий».
4. Владимирова В. В. Управление градостроительством и территориальным развитием/В. В. Владимирова. – М. – 2014.
5. Николаевская И. А. Благоустройство территорий/И. А. Николаевская. – М. Академия, – 2013.

Section 9. Sociology

Секция 9. Социология

*Begmatov Abdulladzhon Seradzhidinovich,
Academy of public administration under the President
of the Republic of Uzbekistan, Doctor of Philosophy, Professor
E-mail: asbegmatov@yandex.com*

On the relationship between societal control and social partnership

Abstract: In present paper discusses the similarities between social control and social partnership, which provides a close relationship between them. The author analyzes the specific form of the relationship of social control and social partnership at the example of the Republic of Uzbekistan.

Keywords: societal control, social partnership, institutions of civil society, state control, public control subjects, the subjects of social partnership, social norms, administrative reform.

Analysis of the situation in countries with economies in transition shows that currently establishment of the institute of societal control is impossible without the participation of the state. Proceeding from this, the Republic of Uzbekistan on the initiative of the President adopted a number of laws that perpetuate the control status of the institutions of civil society. Thus, in March 2014 the Legislative Chamber of the Parliament of the Republic of Uzbekistan considered and adopted the bill proposed by President Islam Karimov «On Amendments and Additions to Certain Articles Constitution of the Republic of Uzbekistan». This law was considered and approved by the Senate of the Parliament in April 2014.

Changes and additions to the Constitution of the Republic of Uzbekistan introduced in order to further the democratization of power and control, to ensure the phased implementation of the principle of « From a strong state to a strong civil society». Thus, the Act significantly strengthens the role and importance of civil society in addressing the major problems in the socio- economic and humanitarian spheres. Article of the Constitution determined that the citizens of the Republic of Uzbekistan have the right to participate in managing the affairs of society and the state through self referendums and democratic formation of state authorities. Amendments to this article complement the norm that this right is realized by developing and improving public control over the activities of public authorities. The adoption of this law promotes a consistent implementation of democratic reforms in Uzbekistan and raising the

status of societal control to the level of a constitutional norm. He thus has a significant influence to ensure consistent development of civil society.

Analysis of the relationship of social partnership and societal control involves clarifying the content of these concepts. Overview of the Russian literature shows that «some scholars the concept of» societal control «and» societal control «is used as similar» [1]. It should be noted that this approach is preserved from the Soviet era.

In Soviet times, the «societal control» was regarded as the corresponding activities of the state and public institutions. While the priority was given to develop a theory of the state control problems. This was due to the essence of the Soviet state, where the interests of individual citizens were subject to the will of the ruling class and the party- state nomenclature.

State control is one of the basic mechanisms governing the relationship between society and the individual, society and the state, the state and social institutions. It plays an important role in ensuring the stability of society but this kind of control is not included in the concept of «societal control.»

The Company, it is civil institutions and all citizens through its control check the actions of individual control subjects, especially the state. This shall be done in accordance with the social norms and standards of value, legal stipulations that is the essence of societal control.

Thus, the identification of the concepts of «public» and «societal control» is methodologically wrong; the concept of societal control includes two components:

the state and public control. Public control is part of societal control.

In the context of administrative reform in the transition countries, the changing nature of the relationship between state and society. The dynamics of these relationships should be reflected in the content of societal control. Without this public control can not be effective.

Interests of non-profit community organizations and businesses in monitoring the activities of public authorities and the controls are the same. Businesses suffer primarily from the arbitrary and corrupt government officials. Consequently, civil society monitoring the legality of public authorities and protect the interests of business. So bring together third sector and business opportunities in the control over the activities of government indebtedness provide a synergistic effect.

The dynamics of the relationship between the state and society in the transition to a market economy has a significant impact implementation of the principles of social partnership in the life of society. To trace the role of social partnership in social change should clarify its content. Review of the literature suggests that the interpretation of this concept by various authors differ in content. Without going into the details of these differences, consider the dynamics of the evolution of the concept.

During the Soviet period the category of social partnership was not a subject of scientific analysis, because it contradicts the basic postulates of the theory of the class and was at odds with the official ideological doctrine. «Social partnership in employment was denied» [2]. As it is marked to be as a phenomena of inherent in a capitalist type of social and labor relations.

There are a number of sociological factors causing ever-increasing interest in the social partnership, its mechanisms, laws and principles of operation. These factors should be those arising objectively transformation phenomena are becoming a reality in modern society's transit. It is primarily about the origin and development of so-called. Third sector — non-profit community organizations that it use technology in the practice of social partnership cooperation with authorities, the business sector, etc. At the same time it should be noted to pay a special attention to themselves instruments of social partnership authorities seeking to enlist the support of the population.

Social partnership, surpassing the scope of the labor sphere, confidence is built into the fabric of relations of various social actors, groups, communities. Increasingly, social partnership serves as a strategic planning tool, the integrated development of territorial formations, playing an important, sometimes decisive role in management decisions. Social partnership was legitimized by the Labor Code of the Republic of Uzbekistan, documents the strategic development of the country, such as the concept of «deepening further democratization of the country and the formation of civil society,» President Islam Karimov.

The Lower House of Parliament passed in March 2014 Law of the Republic of Uzbekistan «On social partnership» in the first reading. A characteristic feature of the Act is that it takes into account the latest advances in social and political thought on the subject. Theoretical basis of this Law is a cross-cutting theory of social partnership. Moreover, the emphasis is on him Partnership of public authorities and NGOs in the implementation of programmers at having social importance.

In the legislation of a number of countries, there is a formal restriction subjects partnership framework of the production sphere. The Law of the Republic of Uzbekistan «On social partnership» contingent subjects of social partnership beyond these limits and also covers public authorities and non-profit organizations.

According to the theory of cross — sectoral subjects of social partnership are public authorities, non-profit organizations and bodies representing the interests of business.

Consideration of the content and structure of societal control and social partnership showed the presence in them of a number of general points: 1. Their subjects, including, are non-profit organizations. 2. Their goal is the formation and development of civil society institutions. 3. Important partners as societal control and social partnership is the media and local self-government. 4. They both are important factors in the democratization of society. 5. Both they are important factors in ensuring social security.

The presence of these general aspects of the subjects, the objectives and content of societal control and social partnership indicates the need for their close collaboration. Ensuring such interaction will contribute improving of efficiency as societal control and social partnership.

Reference:

1. Румянцева В. Г. Общественный контроль за деятельностью государства: к теории вопроса // История государства и права. – 2009. – N 11.
2. Михеев В. А. Основы социального партнерства: теория и политика – М. – 2001, – р. 6.

Section 10. Philology and linguistics

Секция 10. Филология и лингвистика

*Aksyonova Anastasiya Aleksandrovna,
Kemerovo State University, student,
the Faculty of Philology and Journalism
E-mail: aa9515890227@yandex.ru*

Near and far in the world of the novel Olesha "Envy"

Abstract: This article deals with the spatial relationships near and far in the world of the novel Olesha "Envy." This study suggests that such relationships are based system of certain bonds.

Keywords: space, communications, the art world, near and far, value area, exotic and domestic.

*Аксенова Анастасия Александровна,
Кемеровский государственный университет,
Студент, факультет филологии и журналистики.
E-mail: aa9515890227@yandex.ru*

Близкое и далёкое в мире романа Юрия Олеши «Зависть»

Аннотация: Данная статья посвящена рассмотрению пространственных отношений близкого и далёкого в мире романа Ю. Олеши «Зависть». Проведенное исследование позволяет утверждать, что такие отношения основаны системой определённых связей.

Ключевые слова: пространство, связи, художественный мир, близкое и далёкое, ценностная зона, экзотическое и домашнее.

Рассмотрим характеристики «близости — удалённости» и их значимость в художественном мире романа Ю. Олеши «Зависть». Категория близкого включает в себя значения родного и домашнего, а категория далёкого — значения чужого и авантюрного. Но при ближайшем рассмотрении такая однозначность исчезает, и взаимодействие этих понятий усложняется появлением особенностей соседства точек зрения. Близкое и далёкое в пространственной системе романа представлено проблемой выбора между ценностными зонами Дом — Путь. Чтобы установить причины образования этих зон в системе романа, рассмотрим разные их оценки.

Тема укоренённости в домашних ценностях находит своё выражение в наблюдениях в плоскости «близкого и далёкого». Володя Макаров издали наблюдает за Бабичевым, притворяясь спящим: «... Я лежал на диване; нога тяжёлая, как рельса. Сам на тебя смотрю, — ты за столом, за зелёным колпаком, пишешь. Смотрю на тебя, — вдруг и ты на меня;

я сразу закрываю глаза, — как с мамой!» (выделено нами — А.А) (I, XIII). Мы видим похожую сцену, когда Кавалеров с этого же самого дивана наблюдает за Бабичевым, притворяясь спящим: «Когда утром он из спальни проходит мимо меня (я притворяюсь спящим) в дверь, ведущую в недра квартиры, в уборную, моё воображение уносится за ним» (I, I). Совершенно одинаковые действия героев Кавалерова и Макарова вызваны абсолютно разными причинами. Для Макарова жизнь в квартире Бабичева связана с образом домашней защищённости («как с мамой»), он почти приёмный сын. А для Кавалерова проживание в этом доме (доме незнакомого человека) — это выражение его бездомности и одиночества. В глазах Володи зелёный абажур лампы — колпак. Если Кавалеров описывает характер зелени («пальмовая» — в данном контексте синоним удалённости от домашнего быта и связь с антидомашней экзотикой), то Володя акцент в восприятии объекта делает на форме: колпак. Это связано с отношением Макарова к сидящему

под «колпаком» Бабичеву. Возникающее сравнение абажура с колпаком обусловлено 1) с одной стороны — статусом покровителя (под колпаком, то есть под защитой), который в лице А. Бабичева чувствует В. Макаров, и потому поясняет: «как с мамой». 2) с другой стороны — образ несвободы: фразеологизм «быть под колпаком» означает быть в ловушке. Зелень этого абажура именно пальмовая, то есть, иными словами, она чужеродна. Таким образом, для одного персонажа наблюдение «издали» (буквальная топологическая удалённость) проецируется на отношения как знак заботы, а для другого, наоборот, становится знаком отчужденности. В случае с Макаровым пространственная дистанция — это знак заботы о нём Бабичева, а в случае с Кавалеровым та же пространственная дистанция — знак удалённости на периферию жизненного процесса (Бабичев собирается и уходит, не замечая Кавалерова и не разговаривая с ним).

Кавалеров нуждается в собственном жилье, в частной собственности, уюте, комфорте. Его пугает ситуация заброшенности в мир, неустроенности. Бездомность и враждебность окружающего мира ассоциируется у него с опасностью, что выражается в описании бабичевского храпа, похожего на название опасного географического пункта. Образ пространства, которое видит герой, напрямую зависит от ценностной системы персонажа. Вот эпизод с ночным пробуждением Кавалерова: «Очень часто ночью я просыпаюсь от его храпа. Осовелый, я не понимаю, в чем дело. Как будто кто-то с угрозой произносит одно и то же: «Кракатау... Крра... ка... тоууу...». Кракатау — действующий вулкан. Вулкан, как и пальма, — образы чужеродные относительно серости быта и родственные между собой как объекты экзотики. Такой пространственный «скачок» выражает жизненное сознание героя. Подтверждением тому, что такая семантически значимая «ослышка» героя — это не случайность, а привычная для него закономерность, служат указания «одно и то же», «очень часто». В этой закономерности просвечивает образ замкнутости, безвыходности («одно и то же» т. е. каждую ночь повторяющееся. На это указывает то, что «ослышка» становится систематической). Но реальный «Кракатау» — это объект экзотический и пространственно удалённый. «Кракатау» отражает не только буквальную топологическую удалённость, но и исходящую от А. Бабичева опасность, его враждебное по отношению к Кавалерову положение. Сравнение бабичевского «Четвертака» с осадой Трои аналогично сравнению бабичевского

храпа с вулканом Кракатау на основании связей Трои и Кракатау с полюсом экзотического, а «Четвертака» и храпа — с бытом и физиологией. Важно отметить, что образы Трои и Кракатау не просто маркёры экзотического полюса, но с образом Трои связана семантика кровавой битвы, длительной войной. Смертельная угроза, исходящая от безопасного с виду троянского коня, такая же серьёзная опасность спящего, но могущего стать смертельным извержением вулкана Кракатау.

Такие вполне домашние вещи, как настольная лампа, храп спящего человека, кровать, рисунок на одеяле — в изображении рассказчика обретают фантастические свойства и оборачиваются стороной антиидиллической, разрушающей представление о домашнем как о безопасном пространстве. В связи с этим, настольная лампа и ночной храп сравниваются с чем-то весьма удалённым географически, а кровать и выцветшее одеяло пугают героя как привидение (то, что привиделось, явилось из потустороннего мира). Во всех приведённых примерах речь идёт о вещах по той или иной причине удалённых от героя, но тем самым ещё раз происходит утверждение домашних ценностей. Стоит заметить, что всякое обращение домашних предметов в опасные сопровождается категорией удалённости, то есть буквальным изображением недоступности их обретения.

Строительный энтузиазм Андрея Бабичева, его энергия, авторитет, масштаб — это то, что позволяет рассказчику сказать о нём: «он, как факир, пребывает в десяти местах одновременно» (I, II). Преодоление пространственно выраженной удалённости воспринимается Кавалеровым как чудо. Сравнение именно с факиром — это указание на «экзотический», недостижимый полюс существования (что отражает романтизированность взглядов Кавалерова). Сравнения, которые подбирает Кавалеров, характеризуются метафоричностью и яркой образностью, относятся к сфере чего-то экзотического, западноевропейского и сказочного. Сравнивая Бабичева с факиром, он как бы осуществляет «перевод» с языка повседневности на язык поэтический. Далёкую деловую сторону жизни он приближает, окрашивая её сказочными атрибутами. Тем самым, герой становится противопоставлен всему современному, советскому, будничному. Так буквальная топологическая дистанция между полюсами экзотики (заграница) и серости (родной город) обретает ещё одно измерение — социальное. Кавалеров сравнивает Москву и Италию (они противопоставлены как «близкое»

и «далёкое»). И всё далёкое в его описаниях выступает как синоним слову «прекрасное»: «(Как будто не в Москве, а в Италии...) Делая усилие, Кавалеров припал к окну виском и увидел двор, ограждённый каменной стеной. Галерея находилась на высоте, средней между вторым и третьим этажом. С такой высоты за стеной ему открылся (Италия продолжалась) вид на страшно зелёную площадку» (II, VII). Преодолеть дистанцию «от себя до Италии» герою легче, чем «от себя до Москвы». Хотя пространственно Кавалеров находится в Москве, но «душой», в мечтах он находится в Европе. Площадка, напоминающая Италию, «страшно зелёная». Слово «страшно» в данном контексте выступает синонимом слову «очень», но при этом семантический аспект основного, «пугающего» значения не утрачивается. Зелень этой площадки пугает своей неестественностью, преувеличенностью. Образ Италии возникает неоднократно. Дистанция между детством и взрослой жизнью, которая отнюдь не является пространственной, косвенно выражается через топологию (Москва — Рим). Ещё одним воплощением «экзотического» и пространственно удалённого пункта выступает образ древней войны: «Осада Трои, — подумал поэт. — Осадные башни» (II, VI). Это сравнение «Четвертака» с осадой Трои связано с пространственной и временной дистанцией между москвичом Кавалеровым и древней Троей. Такое сравнение позволяет увидеть разницу масштабов между чем-то действительно великим (война) и приземленным (стройка общепита). Сходство между этой стройкой и отмеченным историческим событием указывает как раз на восхищение масштабом замысла. Кроме того, «Четвертак», ещё не достроенный до конца, вызывает у Кавалерова чувство страха, как и безобидный на вид троянский конь. Таким образом, всё будничное, рабочее, «скучное», что окружает Андрея Бабичева, противопоставляется всему, к чему стремится Кавалеров: авантюрному, сказочному, фантастическому. Есть некая «романтическая» установка Кавалерова на то, что далёкое, экзотичное, «красивое» лучше близкого, серого, пошлого. В один ряд экзотических объектов выстраиваются образы пальмы, вулкана, Южной Америки, факира, Будды, Италии, Папы Римского, Трои и Июкасты. (Кроме того, перечисленные образы географически связаны со сферой «тепла»). Это географическая экзотика, указывающая на далёкость (вулкан, пальма). К ним примыкают (но уже в качестве отдельной группы культурные эмблемы западно-европейских буржуазно-мещанских ценностей («чувств»). В мире романа

они как бы, с одной стороны, отменяются, оттесняются как неактуальные, «прошлые ценности») образы Европы, Парижа, Тома Вирлири с котомкой (устремлённый вдаль).

В связи с тем, что Кавалеров — это не только романтик, но и завистник, для него мир, который он отрицает, выглядит необычайно привлекательным. Он умеет видеть прекрасное и в близких, неприглядных вещах (мусор на пустыре), но всё далёкое, экзотическое, незнакомое, европейское кажется ему прекрасным а priori. Поэтому «повернувший бинокль на удаление начинает просветлённо улыбаться» (I, XV). Стремление Кавалерова к новому миру и, одновременно, отчуждённость от этого мира изображается в сценах на матче: «Кавалеров, не спуская глаз, смотрел на ложу, напрягал зрение и, уставая, работал воображением, стараясь получить то, чего не мог издали увидеть или услышать» (II, VIII). Кавалеров смотрит на ложу издали — это буквальное отражение пространственной недоступности Вали, которая символизирует другую, более непреодолимую невозможность, нежели недостижимость в пространстве: «Вдова Прокопович — символ моей мужской униженности. <...> А мечты о необычайной любви бросьте. <...> Ну, что вам ещё нужно? Та? Тонкорукая? Воображаемая? С яйцевидным личиком? Оставьте. Вы папаша уже. Валяйте, а? Кровать у меня замечательная...» (I, VI). Пространственная удалённость героев здесь лишь иллюстрирует проблему. Дело не в том, что Валя далеко сидит, ведь он, казалось бы, может подойти к ней, что-то сказать, завязать знакомство. Он видит её уже после открытой ссоры с Бабичевым, между героями обозначена разница во взглядах, Валя любит Володю и принадлежит кругу людей, которым Кавалеров объявил войну. Расстояние между ним и Валей на матче — это топологическим языком выраженная борьба способов видения мира и способов жить. Две различные установки обретают своё пространственное выражение ещё на одном примере. Вертикальная ось пространства представлена образами, объединяющими облака и Южную Америку. Облако «стоит над городом», так же, как тень Будды «низвергается на город» откуда-то сверху. Это служит указанием на огромное расстояние (от неба до земли). Дело в том, что Южная Америка, как и статуя Будды, — это нечто, в пространственном отношении удалённое от местонахождения Кавалерова, а главное — удалённое от бытовой сферы, которая окружает героя. Вспомним, как выглядит статуя Будды, по которой люди взбираются вверх. Мысленно

он «отправлялся бы в фантастические путешествия по резьбе — всё выше и выше — по ногам и ягодицам купидонов, лез бы по ним, как лезут по статуе Будды, не умея охватить её взором, и с последней дуги, с головокругительной высоты, срывался бы в страшную пропасть, в ледовитую пропасть подушек ...» (II, VI). Этот образ относится к вертикальной оси. Пространственная вертикаль подтверждается семантикой духовности и совершенствования. Просветление отсылает нас к образу Будды, уже встречавшемуся в тексте романа в связи с образом А. Бабичева как героя чуждого пониманию Кавалерова. Будда буквально означает просветлённый. Во-первых, Будда — это образ, который связывает совершенствование и просветление с чужой иноземной культурой. Но есть и другая, горизонтальная ось пространства, которая представлена плоскостью и приближенностью к земле кровати вдовы. Герой разрывается между двумя этими способами существования, так как окружающая его реальность — отсутствие своего дома и необходимость возвращаться в дом вдовы Прокопович, так как это единственный вид жилья, который позволяют ему средства. Однако духовные запросы и потребность приобщиться к чему-то значительному идут вразрез с его положением. Это проявлено и в том, как Кавалеров тянется к празднику на аэродроме: «Но праздник, шумевший там, манил меня. Я остановился на зелёном валу и стоял, подняв бледное добродушное лицо, и смотрел в небо» (II, VI). Пытается доказать, что принадлежит к кругу этих людей: «Я оттуда. (Рукой я махнул на группу людей, встречавших наркомвоену). — Вы не оттуда, улыбнулся военный» (I, IX). Это ситуация несовпадения героя с самим собой.

Вспомним бинокль, настроенный на удаление, который заставляет просветлённо улыбаться, графин на столе президиума. Удалённость настраивает Кавалерова на эстетически-созерцательный лад. Игроки на футбольном поле издали кажутся быстрыми, лёгкими, выносливыми, неуязвимыми, почти игрушечными. Но всё безобидное издали, вблизи предстаёт серьёзным и реалистичным. Резкая смена ракурса изображения и, соответственно, смена дистанции прослеживается в следующей подробности: «Зевакам новостью были подробности роста или сложения того или иного игрока, жестокость ссадин, тяжёлое дыхание, полное смятение одежды. Издали всё производило более лёгкое, праздничное впечатление» (II, IX). В глазах Кавалерова, который сторонится деловой жизни, но всё-таки завидует Бабичеву, всё, что связано с миром детства, изображается через

удаляющие стёкла бинокля: «Я нахожу, что ландшафт, наблюдаемый сквозь удаляющие стёкла бинокля, выигрывает в блеске, яркости и стереоскопичности. Краски и контуры как будто уточняются. Вещь, оставаясь знакомой вещью, вдруг делается до смешного малой, непривычной. Это вызывает в наблюдателе детские представления. Точно видишь сон. Заметьте, человек, повернувший бинокль на удаление, начинает просветлённо улыбаться» (I, XV). Здесь подтверждается романтическая установка Кавалерова, которую мы наблюдали в соотношении экзотики и серости, свидетельствующая о том, что незнакомое и далёкое, на его взгляд, лучше изученного и близкого. Так же, как катер, проплывающий далеко внизу, напоминает разрезанную миндалину (реалия экзотическая), а не реалию русской действительности. Удаление преобразует всё реальное, натуралистичное, неприкрашенное, будничное в сказочное, красивое, праздничное. Здесь показано нечто обратное: приближение настолько сильное, что можно слышать тяжёлое дыхание и видеть жестокость ссадин, словно под микроскопом. Эти два вида ракурса представляют собой как бы два способа мировидения, которые, если брать их по отдельности друг от друга, дают искажённую картину. В авторско-читательском горизонте эти детали объединяются, и художественный мир романа предстаёт топологически завершённым. Отношения «игроки — зрители» аналогичны отношениям «оратор — толпа». Взгляд с близкого расстояния даёт возможность увидеть значимые детали («подробности роста или сложения того или иного игрока»), но мешает видеть картину игры целиком и наоборот. Кстати, стоит отметить, что игра останавливается, прерывается, как только зритель приближается к игроку вплотную. Это обусловлено тем, что акт игры, как и акты ораторского выступления, имеют сходство с неким священнодействием, для включения в которое (как это ни парадоксально) необходима позиция удалённости. Оценочность присуща категориям «близкое» и «далёкое», но это не означает, что далёкое всегда рассматривается как положительное, а близкое — как отрицательное или наоборот.

Если мир, увиденный в удаляющие стекла бинокля, оценивается как прекрасный, то можно наблюдать и прямо обратный эффект, когда удалённость объекта, наоборот, делает его пугающим, странным: «Звонили в невидимой с балкона церкви <...> Он вился в срединной точке <...> таинственный музыкант, неразличимый, черный, может быть, безобразный, как Квазимодо <...> таким страшным малевало

его расстояние. При желании можно было бы спокойно сказать так: мужичок распоряжается посудой, тарелочками. А звон знаменитой колокольни назвать смесью ресторанного и вокзального звона» (I, XII). Это обусловлено характером рассматриваемого объекта. Изображение как игроков с футбольного поля, так и звонаря, строится на переходе от рассматривания издали к резкой смене ракурса на противоположный. Умышленная резкость в сокращении пространственной дистанции обнаруживает наличие таких подробностей, которые «не должны» попадать на первый план, «не должны» привлекать внимания: «Так много было дано свету, что и далёкие наблюдатели видели уровень воды в графине на столе президиума» (II, VI). Важен сам президиум и его члены, но фокус видения героя-рассказчика отлажен таким образом, что центральное место «в кадре» занимает уровень воды в графине. Таким образом, сам президиум и его значение у малывается, отступает на второй план. Если в случае с выступлением А. Бабичева взгляд героя, направленный вдаль, символически отражает характеристику его общей жизненной установки на нечто «глобальное», уподобление всякому оратору актуализирует его ораторскую сущность, увлечённость своей речью (в свете того, что провозглашение глобальных перемен ценностно импонирует персонажу). В эпизоде с уровнем воды в графине на столе президиума отражается ситуация обратная этой и раскрывается совершенно другая характеристика такого персонажа, как Кавалеров. Если А. Бабичев воодушевлён глобальной стороной проекта, то Кавалеров напротив, отмечает, что «слишком много было дано свету». А та дистанция (как пространственная, так и внепространственная), которая создаёт условия для контакта оратора и толпы (это выражено в атрибутах выступления: стол, рампа, графин), отражает бессмысленность этого проекта в глазах рассказчика. Для рассказчика то, на что направлено выступление, является идущим вразрез с его взглядами на жизнь. А вот расположенный высоко звонарь — воплощение западноевропейских грёз, уходящих корнями в прошлое (средневековая Европа). Москва и Европа противопоставлены и по принципу времени (современность — средневековье, будущее — прошлое). Во-вторых, одним из этих игроков является В. Макаров, который мечтает стать «Эдисоном нового века». Для Кавалерова же Макаров вовсе не Эдисон, а плебей и выскочка. Между Валеи и Иваном Бабичевым воздвигнута социальная дистанция

(Андрей Бабичев оградил её от отца-алкоголика, асоциального элемента), но родовая связь эту внешнюю, искусственную дистанцию нарушает. Не разрушает до конца, но нарушает её устойчивость.

Точка зрения, объединяющая различные (частные) правды, изображается в эпизодах, в которых речь идет об общечеловеческих категориях: «Когда я поселился здесь, солнечный заяц в два часа дня сидел на косяке двери. Прошло тридцать шесть дней. Заяц перепрыгнул в другую комнату. Земля прошла очередную часть пути. Солнечный зайчик, детская игрушка, напоминает нам о вечности» (I, XII). Во-первых, Кавалеров говорит «нам» (всем людям), а не «мне» (одиному наблюдателю). «Нам» указывает на сближение, единение, тогда как одиночество указывает на дистанцию. Во-вторых, «вечность» — это то, что уравнивает самых разных людей (так же, как и детство), поэтому «детская игрушка напоминает нам о вечности». Кавалеров, не покидая пространства квартиры, делает вывод о том, что планета Земля прошла в космическом пространстве очередную часть пути. Об объединении космической и домашней точек зрения мы видим во фрагменте: «По небу шли облака и по стёклам и в стёклах перепутывались их пути» для характеристики персонажа очень важно то, что близкое (стёкла) и далёкое (облака) изображаются в тесной взаимосвязи, что свидетельствует о том, что герой-рассказчик подмечает единство, которое приближает его к авторскому кругозору. Происходит деполяризация пространственных полюсов. В сопоставлении «по небу — по стёклам» далёкое описывается через близкое. Облака шли по небу и по стёклам, действие на земле совпадает с действием на небе. Облака олицетворяются (шли). Небо и стёкла воспринимаются как дорога, по которой можно идти. Перепутывающиеся в стёклах пути облаков. Здесь перепутываются близкое и далёкое, что очень важно для характеристики персонажа. Близкое и далёкое, как и большое и малое, не находятся в отношениях взаимного исключения, герой удерживает одновременно оба параметра в своём кругозоре. В этом и заключается особенность позиции персонажа, выраженной через такую пространственную организацию.

Мы рассматриваем ряды эпизодов, в которых только в идеализированном, препарированном виде домашние топоры изображаются в качестве близких, а бытовая сторона домашней жизни изображена чуждой (метафорически далёкой для героев А. Бабичева и В. Макарова), в то время как буквально,

топологически эта бытовая сторона как раз находится поблизости, повсеместно вокруг них. А сам экзотический полюс удалён географически. Есть пространство г. Москва, но в ней экзотика и средневековый Париж. На основании изученного материала мы приходим к выводам, что такие далёкие топоры, как Италия, Париж, Южная Америка, Троя, являются малыми и близкими топорами как раз потому, что с ними обычно сравнивают герой объекты из близкого полюса г. Москвы. Дело в том, что следует различать реальную топографию и вымышленную. И реальные (в пределах художественной действительности) Париж, Италия, Южная Америка — это совсем не то же самое, что Париж, Италия и Южная Америка в сознании рассказчика. Кавалеров берет

их как бы «в чистом виде» не как реальный город. В итоге мы обнаруживаем, что идеализированная экзотика оборачивается на самом деле не чем иным, как пропагандой семейного быта и пафосом обретения домашнего очага, которого лишены персонажи. Иначе говоря, всё географически удалённое и в реальности недостижимое является близким в качестве культурных штампов для сознания рассказчика, когда персонажи на время как бы выходящие из своего «амплуа», становятся на необычную для себя точку зрения. Это как раз говорит о том, что насколько они не помещаются в своей «идеальной» установке, ровно настолько они выигрывают в глазах автора и читателя.

*Bykova Tatiana Valeriivna,
Kyiv National Pedagogical University
behalf M. P. Drahomanova,
docent of Ukrainian literature
E-mail: nanan@meta.ua*

National images and symbols Hutsulshchyna pages «Mountain watercolors» Ignatius Khotkevych

Abstract: The article by analyzing the works of art of the twentieth century Ukrainian writer I. Khotkevych investigate the influence of national images and symbols on the attitude Hutsuls revealed the extent of their interaction with their native land, is considered in greater depth the problem of correlation of small and large homeland in the life of every nation. From the perspective of an outside observer Hutsulshchyna perceived as syncretism of local images and symbols, this region presents.

Keywords: Hutsulshchyna, national images, symbols, text, work.

*Быкова Татьяна Валерьевна,
Киевский национальный педагогический
университет имени М. П. Драгоманова,
доцент кафедры украинской литературы,
E-mail: nanan@meta.ua*

Национальные образы-символы Гуцульщины на страницах «Горных акварелей» Игнатия Хоткевича

Аннотация: В статье при помощи анализа художественных произведений украинского писателя XX века И. Хоткевича исследуется влияние национальных образов-символов на мироощущение гуцулов, раскрывается степень их взаимодействия с родной землей, рассматривается более углубленно проблема соотношения малой и большой Родины в жизни каждой народности. С позиции постороннего наблюдателя Гуцульщина воспринимается как синкретизм локальных образов-символов, презентующих этот край.

Ключевые слова: Гуцульщина, национальные образы, символика, текст, произведение.

Текстуальный диапазон Гуцульщины первой трети XX века включает достаточное количество художественных произведений, где украинские писатели

на философском уровне решают вопросы о сакральной роли Карпатского края для гуцула, а также почему именно в этом экзотическом месте, находящемся

далеко от цивилизации, удалось сохранить неприкосновенность природы и на ментальном уровне единство человека и среды обитания.

Гуцульщина начала XX века как этническая составляющая картины украинского мира с позиции антеизма становится объектом творческого исследования в произведениях М. Коцюбинского «Тени забытых предков», И. Хоткевича «Горные акварели», «Гуцульские рассказы», М. Грушевского «На горах», Н. Романович-Ткаченко «Карпатские этюды», Ю. Шкрумеляка «Огни с полонин», И. Синюка «Образки из природы» и т. д. Антеистическая парадигма вышеупомянутых произведений четко определяется общеизвестной формуле Альберта Швейцера: «Я — жизнь, хочет жить, я — жизнь среди жизней, которые хотят жить» [2, 35]. Эта философская позиция полностью выражает внутренний смысл «Горных акварелей» И. Хоткевича.

В системе художественных образов-репрезентантов гуцульского края писатель особое место выделяет национальным образам-символам водной стихии. Наблюдая за ходом гуцульской жизни, писатель выделяет среди основных идентификаторов края те символические образы, которые характеризуют именно Гуцульщину, раскрывают ее внутреннюю сущность. Водная стихия как философский символ жизни края, а значит и всего мира, характеризуется в новеллах «Черемош», «Наводнение», «Жизнь», «С гор потоки», «Дарабою» и др.

Главным представителем водной стихии края на Галицкой Гуцульщине И. Хоткевич считает реку Черемош. Образ главной реки Карпатского края проходит лейтмотивом через все наследие писателя. Со страниц его произведений звучит бесконечная хвалебная ода и молитва к этой реке. Благоговейно называя Черемош «Гуцульской Рекой», «Красулею дикою, вимогливою, зминливою», писатель подчеркивает особый сакральный статус Черемоша в жизни каждого гуцула. Это Великая Река воспринимается реципиентом с подачи писателя как живое существо, которому присущи различные черты характера и способное управлять судьбами всех жителей этого горного края. Средства персонификации позволяют постичь все величие и красоту главной реки Гуцульщины. Обращаясь в высоком стиле к Черемошу, автор-философ размышляет над тесной ментальной связью, существующей между гуцулом и Рекой, на берегу которой он проживает. О невероятной силе такой связи свидетельствует и влияние Реки на всю жизнь самого автора, несмотря

на то, что он не гуцул: «Чимось владаєш ти наді мною, чимось зневолюєш. Усе неначе спомини мої несеш із кожною хвилею своєю, все неначе надії обіцяєш. Я не в'язав із тобою свого життя, я не кидався в тебе ні щасливий, ні зрозпачений, і не маєш ти прав на мене — а преці ж володієш мною» [1, 68] (Тут и далее цитаты подаются языком оригинала. — Т. Б.). Река — сакральный символ Матери-природы для всей Гуцулии, полнящая красотой каждого, кто хотя бы один раз ее видел.

Объективно оценивая значение Черемоша в жизни гуцула, И. Хоткевич характеризует ее многочисленными эпитетами: «Красная Река», тайная, «Суровой Река», дикая, гневная, злобная. Каждое авторское название Черемоша должным образом подкрепляется размышлениями, поясняющими такую беспристрастную авторскую оценку. Однозначно называя Черемош «родной рекой», «источником жизни и существования гуцульского» И. Хоткевич стремится найти причину такой тесной ментальной связи между гуцулом и его Рекой. Называя Черемош «Суровой Рекой» автор констатирует факт благоговейного верования гуцулов в непобедимую силу природной стихии: «Ти, Сувора Ріко!.. Чому все напружені брови і вся ти скоро до гніву? Чому в одній хвилі можеш розсердитися, почорніти, зашуміти грізно й невимоло і повалити гори за горами, ревучи, розкриваючи пащі-безодні і похланяючи все живе?.. І тоді шум твій стягає гуцулів з усіх кічер (кичера — это гора, покрытая лесом, с голой вершиной. — Т. Б.). Ідуть і йдуть, мов за чарівним голосом, становляться безмовно позовж берегів і дивляться. Тільки дивляться отупілими очима в схвильовані безодні, не говорячи ні слова, мов би не бачать, як Ти руйнуєш їх працю, їх надії, їх все» [1, 69].

Автора удивляет гипнотическая гуцульская зачарованность «дикостью» Реки. Поэтому, констатирует писатель, живя по законам Природы, гуцул не стремится их нарушить, по отношению к природе на ментальном уровне он остается послушным ребенком, склоняя голову перед ее величием.

Черемош является национальным сакральным символом целой Гуцульщины, образом малой Родины, в котором сконденсирована вся непревзойденная таинственная красота Карпатского края. Этот образ-символ поражает своей экзотичностью и неповторимостью, а следовательно имеет определенные ментальные признаки, позволяющие идентифицировать Гуцульщину на карте мира. И. Хоткевич отмечает, что собственно географическое расположение этой реки,

дает возможность увидеть ей «всю Гуцульщину», захватить «всю поэзию» края, а значит, и впитать в себя все составляющие внутреннего мира Карпат.

С позиции быстрого течения реки происходит фиксирование всех жизненно важных реалий Гуцульщины: «Надивився і на полонини розлогі, безкраї, і на густі сигли (горный лес из елей, имеющих только верхушки. — Т. Б.) непробивні й дико-суворі, обглянеш з усіх боків і гуцульський осередок самітний у відлюдній тишині і вчуєш там співаночку дівочу, як стане дівча на березі, само серед безконечностей лісових, серед височенних до небесних гір та й вигукує на всі простори, аж відляски йдуть, аж нявки і люзони (люзона — это девушка, умершая перед венчанием. — Т. Б.) з-під каменя визирають розцікавлені і зумовляються утопити колись дівчини ще» [1, 69].

Художественные аудио-визуальные топонимы создают иллюзию синтетического раскрытия внутренней сущности Гуцульщины как места-рая для жизни гуцулов-автохтонов. В одном предложении писателю удалось масштабное охарактеризовать и идентифицировать национальную самобытность горного края, нетронутого цивилизацией. Для гуцула Черемош как главный образ-топоним Гуцульщины выступает символом большой и малой Родины.

Однако, по мнению Г. Хоткевича, Гуцульская Река имеет свои характерные особенности, которые отличают ее на фоне других рек. Силой Природы Черемош не способен поражать своей умеренной текучестью и спокойствием характера. Своеобразным пророчеством наполнены философские размышления автора о непосредственном влиянии цивилизации начала XX века на быстрый естественный ход Черемоша: «Чекай! Прийдуть до тебе інші люди, в новому заліззю нові рицарі і скують тебе, Черемоше, каменем і залізом і новим, ще невідомим тобі путем, міцнішим від заліз. І сосци питаючі тебе істоцять, і пізнають твої тайни чорногірські, і станеш ти послухним, як дитина. Смирно потечеш у твердою рукою ще на папері окреслених берегах, будеш роззуватися в будень і убиратися в свято, і ніхто вже не буде боятися гніву твого» [1, 71]. Писатель-философ в рассказе «Черемош» отмечает различие в отношениях к Гуцульской Реке гуцула-автохтона и других представителей общественности, не имеющих духовного единения с Гуцульщиной. В этом символическом образе сконденсирована для автора не только красота, но и боль целой Гуцулии, экзотичность и неповторимость которой может ликвидировать с жестокой силой цивилизационный прогресс.

Неизменность общественных процессов писатель не отрицает, однако с объективной осторожностью стремится предостеречь Гуцульскую Реку, а вместе с ней целую Гуцульщину от неоднозначного отношения к своим детям-автохтонам: «Плакати будеш, Черемоше, скований Черемоше. Плакати будеш по тих часах неповоротних, коли був лиш ти та гуцул, і боролися ви один з одним, і підстерігали, тішилися, коли одному удавалося побороти другого» [1, 71]. Писатель неоднократно констатирует, что такое взаимодействие Гуцульского края с гуцулами является естественным, расписанным по законам природы. По сути, это закон сосуществования нескольких особей, где путем симбиоза происходит момент формирования внутренней силы края и его автохтонов-гуцулов. Вся сакральная энергия Гуцульщины непременно должна выплеснуться в силу духа ее жителей, которые когда-то поведут за собой весь мир: «Гей! Так ірви ж береги, Черемоше, вали гори, зоставляй великий спомин по собі! Може з твоєї хвилі зробиться поет тобі й зуміє могутнім, як ти, словом затрясти кам'яним вінцем непорушним гір твоїх і показати світові цілому невиту Красу їх! І світ здивується тоді і скаже — невже була серед нас краса така, а ми нічого о тім і не знали?» [1, 71].

Восклицательные предложения, междометия, риторические вопросы выражают весь спектр эмоций, переполняющих внутренний мир писателя. Чувство гордости за этот карпатский край граничит с искренним авторским изумлением того, что быстрый ход цивилизации еще не успел разрушить экзотический спрятанный райский мир Гуцульщины. Таким эмоциональным воодушевлением прозаик стремится проявить свою позицию относительно общественных эволюционных процессов, которые могут Гуцульщину превратить в образ-символ потерянного рая, уничтоженного человечеством.

Экзистенциальная проблематика другого рассказа И. Хоткевича «Жизнь» побуждает реципиента к философским размышлениям о смысле человеческого бытия, осознание принципов выживания человека в обществе, каким образом естественные законы корректируют жизнь одного человека и целого общества.

Созерцание автора за сплавом леса горными потоками Черемоша ассоциируется с течением жизни человеческой общности. Законы природы и законы человечества сосуществуют в потоке жизни, существенно влияя друг на друга. Выступая в роли не непосредственного участника событий, а выполняя

своеобразную роль Бога или сверхчеловека, способного управлять потоками и жизнями, автор исследует внутреннюю сущность человеческой жизни.

Быстрый поток горной реки в произведении ассоциируется с быстрым течением жизни, на ход которого влияют иногда и алогические законы: «Дивлюся на одну ріку — і бачу другу... Мов на екрані проходить передо мною людське життя, так само безладне, в таких само безсмыслених рухах, як от у оцих кльові. І таке саме безцільне. І аж смішно стає — яке то все глупе, яке випадкове, і на глупих і випадкових законах побудоване. Бо є одна лиш всемогутня і безконечна сила — от та, що пре всі оті ковбки, кльові, платви, другарі, заметільниці. Елементарна, тупа й безоглядна, жорстока сила життя. Безтямно і незаслужено виносить одних наперед, а других тручає між каміне, б'є в кашіці і запроваджує на ринь» [1, 77].

Вкладывая традиционный символический смысл в противопоставление река — жизнь, автор предстает настоящим философом, размышляя над ценностью и востребованностью человеческого бытия. Сравнивая движение различных ковбков (колод. — Т. Б.) бурной водой, писатель углубляется в размышления о существовании в мире человека соотношение добра и зла, законов выживания, логики, справедливости. Многочисленные рассуждения касаются манеры передвижения бревен рекой, во время такого созерцания И. Хоткевич рисует в своем воображении целые жизненные ситуации, разрабатывает человеческие характеры, прослеживает финальные моменты существования мнимых людей, делает логические выводы о значении элементарного случая в жизни каждой личности: «Скільки ж їх! І як різна їх доля і як однаково безцінна. Коли б хто в силі був зрозуміти — чому он той ковбок вигідно направився серединою і все йому якось дається, а другий от чомусь летить навскіс. Скоро, покvapно, в повній і добрій вірі, що робить якнайліпше. І спробуй його переконати, що не туди він пішов, що на кашіцю впрост несе і сили свої і талант, що в пусто-дурно потратить молодість — не повірить і хльопнеться з усього розмаху і пропаде, а інші, і

дурніші, і не талановиті прошмигнуть за той час мимо і ген вже де ген!» [1, 80].

За несколько пессимистичным авторским настроением скрытое объективное видение сущности законов всей Вселенной, в котором законы человечества не имеют существенного влияния. Да, именно Река Жизни, подобно горной реки, по мнению автора, задает тональность в незримом потоке человеческих судеб, оставаясь при этом внешне равнодушной ко всем потребностям человечества: «А велика Ріка Життя реве і гуде і все в ній тоне. Атом чистоти гине разом із брудом атомом і, здається, ніщо непотрібне — ні чистота, ні бруд. Усе втоне у Безконечності морі і всьому одна ціна...» [1, 82].

Гуцульщина предстает в данном случае латентным фоном, что побуждает лирического героя задуматься над проблемами, которые выходят за локальные рамки определенного края, ведь они касаются жизнедеятельности всего общества. Философские проблемы бытия, затронутые в произведении, достигают вершин своей глобальности за счет постоянной авторской апелляции к символике понятий «бесконечности», «равнодушия» и отсутствия логики в понимании всех природных процессов.

Несмотря на активную или пассивную общественную жизнь, каждый человек, по мнению автора, является естественным организмом, которому отведено для существования определенный промежуток времени. И. Хоткевич как настоящий антеист в «Горных акварелях» придерживается идеи глубокого единения гуцула с родным краем, когда даже небольшое упоминание, разговор о родной горной местности создает эффект «живой воды» для ментального мира гуцула, способно наполнить его внутреннее естество содержанием («Марод» Г. Хоткевича).

Для писателя Гуцульщина — это идеальный мир сосуществования природы и человека, где гуцул-автохтон является полноценной духовной сущностью и составляющей Карпатского края. Именно философия жизни гуцулов-автохтонов и природа Карпат, по мнению писателя, формируют представление общества о своеобразии и неповторимости Гуцульщины начала XX века.

Список литературы:

1. Хоткевич Г. М. Твори [Текст] / Г. М. Хоткевич. — Х.: Кооперативне видавництво «Рух», [1928]. Т. 7: Гуцульські оповідання / ред. і передм. А. Березинський. — [Б. м.]: [б. в.], — 1931. — 286 с.
2. Швейцер А. Благоговенье перед жизнью / А. Швейцер. — Москва: Прогресс, — 1992. — 573 с.

Garin Sergey Vyacheslavovich,
Ph.D., Assistant Professor
of Kuban State University, Krasnodar, Russia
Email: svgarin@gmail.com

Homeric psychological lexicon and its historical contexts

Abstract: this paper studies semantic aspects of Homeric psychological concepts in a broad textual context. The aim is to clarify its pragmatic components and analyze the difficulties that arise when such terms as *ψυχή*, *θυμός*, *ἦτορ*, *στήθος* and *φρεν* are translated from Ancient Greek into English. The matter of functional features of Homeric archaic vocabulary is discussed as well.

Keywords: *ψυχή*, *θυμός*, *ἦτορ*, *στήθος*, *φρεν*, substance, soul, spirit, heart, midriff.

Interest towards semantic aspects of Homeric psychological lexicon and its historical contexts is based on the fact that they reflect more than just lexical distinctions of antique archaic epoch in relation to Hellenistic *koine* and to Modern Greek. The pragmatics of such concepts as *ψυχή*, *θυμός*, *ἦτορ*, *φρεν* were concentrated on essentially different types of architecture of human consciousness during various historical eras of antiquity. They described an *interior* of the soul to put it broadly. These concepts in their Homeric interpretation fix the lost semantic horizons surrounding the Greeks during the archaic period. Those were the horizons, which had already been clear to contemporaries of Aristophanes and Aristotle but disappeared completely with the advent of Christian texts of Septuagint.

One of the brightest terms of the Hellenistic psychology is *πνεῦμα*, reflecting *spirit* in its special religious and spiritualistic plane. However, Homeric Greece did not know this concept, which lexically subordinated all the following areas of religious spiritual experience in future times. It is known that there is no such term as *πνεῦμα* in Homer's texts. It appears only in extensive Homeric scholia of the late time. Infinitely diverse lexical and semantic layers reflecting syncretism and functionally fuzzy objects of the language were involved in Homeric archaic tradition instead of *πνεῦμα*.

Considering variations of Ancient Greek lexicon and their translations into English, there is a problem of discrepancy between semantic possibilities of the two specified languages. All lexical variety of Ancient Greek psychological lexicon having hundreds of derivatives usually narrows down to two or three steady lexical structures in English. We have exactly the same situation with Homeric psychological terminology, i. e. with such concepts as *ψυχή*, *θυμός*, *ἦτορ*, *στήθος*, *φρεν*, etc.

A key difficulty in interpretation and translation of Homeric psychology into English is the semantic differentiation between *θυμός* and *ψυχή*. This differentiation

probably seemed clear to the archaic Greeks, but in English it's almost inexpressible because of the fact that for the *two* specified Ancient Greek words only one English noun "*soul*" is used ("*spirit*" is rare, indeed). For example, in the first book of the "*Iliad*": *τοὺς μὲν ἀναστήσειεν, ὃ δ' Ἀτρεΐδην ἐναρίζοι, ἥε χόλον παύσειεν ἐρητύσειέ τε θυμόν* [1, book 1, line 191], "whether to draw his sword, push the others aside, and kill the son of Atreus, or to restrain himself and damp his soul", *θυμός* acts as quality of a *substance*, soul. However, in the fifth book of the "*Iliad*" we see *ψυχή* in identical function: *εὖχος ἐμοὶ δώσειν, ψυχὴν δ' Ἀΐδι κλυτοπόλῳ* [1, 5, 640], "You shall yield glory to myself, and your soul to Hades of the noble steeds ...". And in a passage below *ψυχή* is substantialised to its extreme degree in the form of *spirit*: *τὸν δ' ἔλιπε ψυχὴ, κατὰ δ' ὀφθαλμῶν κέχυτ' ἀχλύς*. [1, 5, 682], "He left spirit, his eyes became covered by haze".

The same happens to such concepts as *φρένες* and *θυμός* that in English translations sometimes coincide but sometimes differ. So, in the first book of the "*Iliad*" we read: *ἦρωϊς Ἀτρεΐδης εὐρὺν κρείων Ἀγαμέμνων ἀχνόμενος· μένος δὲ μέγα φρένες ἀμφιμέλαιναι* [1, 1, 103]. "The powerful hero, having a force, king Agamemnon, is excited in anger; gloomy heart is in his awful chest ..." or: *αἰεὶ δ' ὀπλοτέρων ἀνδρῶν φρένες ἡερέθονται*, "hearts of young people are thoughtless, changeable".

The term *φρένες* in Homeric psychology has rather *chest-related* (midriff) *semantics* and only occasionally *mental*: *Πάτροκλος· τοῦ δ' οὐχ ἄλιον βέλος ἔκφυγε χειρός, ἀλλ' ἔβαλ' ἔνθ' ἄρα τε φρένες ἔρχεται ἀμφ' ἀδινὸν κῆρ* ... [1, 16, 481]. "Patroklos then aimed in his turn, and the spear sped not from his hand in vain, for he hit Sarpedon just where the midriff surrounds the ever-beating heart". Here *ἔρχεται* denotes "to surround". Let's consider the other fragment with the same overtones: *ἐκ χροὸς ἔλκε δόρυ, προτὶ δὲ φρένες αὐτῷ ἔποντο· τοῖο δ' ἅμα ψυχὴν τε καὶ ἔγχεος ἐξέρυσ' αἰχμὴν* [1, 16, 505]. "I pulled out the spear — and behind it a cover from

the heart: together both the life and spear the winner extorted from him". Ψυχὴν here has metaphorical relation to the concept of "life". Both θυμός and ψυχή act as the vital bases of life. Lack of one or another is fatal to existence of a person.

According to the subject of discussion, it is useful to clarify the role of the noun ἦτορ, expressing the semantic layer of *heart*, the vital centre. This term is very hard to translate into English due to the fact that θυμός often carries out the same semantics: Ὡς φάτο· Πηλεΐωνι δ' ἄχος γένετ', ἐν δέ οἱ ἦτορ στήθεσσι λασίοισι διάνδιχα μερμήριζεν [1, 1, 188], "he spoke — the son of Peleus felt grief, and his heart within his shaggy breast was divided". Here στήθεσσι reflects a chest location, a notion of which along with θυμός or ἦτορ represents a frequent phenomenon in Homeric texts.

The nearness of the θυμός and φρένες is remarkable in one passage where φρένες is more likely to gravitate semantically to the mental projections, rather than to emotional or somatic: ἦος δ' ταυθ' ὥρμαινε κατὰ φρένα καὶ κατὰ θυμόν, ἔλκετο δ' ἐκ κολεοῖο μέγα ξίφος, ἦλθε δ' Ἀθήνη [1, 1, 193–194]. "While he was thus in two minds, and was drawing his mighty sword from its scabbard, Athena came down".

We see in the fragments given above that the concept of θυμός can act as a semantic equivalent to each of the specified nouns, namely ψυχή, ἦτορ, στήθος, φρεν.

One of the brightest images of θυμός is certainly its Platonic version, which has become classical. However, both before Plato as well as after him, the concept of θυμός had an impressive history. During the era of Homer and Hesiod this word reflected semantically an independent functional part of an *inner world* of an individual, predetermining his personal qualities in many respects. However, in the period of high classics and Hellenism θυμός acts rather as a *hypostatic* property with an *accidental nature*.

The concept appears in works by Homer and Hesiod often. Greeks of the Homeric era didn't have the same ideas of soul that became traditional in the period of Plato and later in the first centuries AD. Object that was later called ψυχή reflected something different in the Homeric world. In an early Greek epoch θυμός concentrated on the most important semantic subjects of ontology and substance of the spirit as vital essence of a person. θυμός is an archaic basis for all subsequent psychology.

So, we meet θυμός in the specified sense in the fourth book of the "Iliad": ὥς τὸν μὲν λίπε θυμός, ἐπ' αὐτῷ δ' ἔργον ἐτύχθη [1, 4, 470]. "There he was left by spirit, and business began". It says in the fifth song of the "Diomedes Feats": πᾶσιν ὀρίνθη θυμός· ἀτὰρ γλαυκῶπις

Ἀθήνη [1, 5, 29]. "All spirit were confused: and then sparkling Athena...". The moment of Diomedes's feats where Aphrodite answers Dion is quite interesting: οὐτὰ με Τυδεὸς υἱὸς ὑπέρθυμος Διομήδης... [1, 5, 376]. "Diomedes, the haughty leader of Argos wounded me. "The word ὑπέρθυμος is transferred into English by adjective "spiritual" in its central vital semantics as in Homer's Greek text.

In Hector's meeting with Andromache θυμός varies from spiritual semantics to the semantics of the heart, reflecting the psychic centre: μαρνάμενοι περὶ ἄστυ· σὲ δ' ἐνθάδε θυμός ἀνήκεν [1, 6, 242] "... close to the city? And you heart ..." θυμός has a substantial, full-blooded mode here, expressing spirit in its somatic location (heart) as emotional and vital focal point.

In Hector's dramatic dialogue with Helen about her being the reason for the whole Trojan disaster, Hector says: Ἑλένη φιλέουσά περ· οὐδέ με πείσεις· ἥδη γάρ μοι θυμός ἐπέσσυται ὄφρ' ἐπαμύνω Τρώεσσ', οἳ μέγ' ἐμείο ποθὴν ἀπεόντος ἔχουσιν. "Helen, don't ask to sit down; as you are kind, I will disagree; strongly I am carried away by my spirit to protection of the Trojans expecting on the field of fight".

The subject of θυμός in its somatic location also continues in Hector's speech to Andromache: ἢ ποὺ τίς σφιν ἔνισπε θεοπροπίων ἐὺ εἰδώς, ἢ νῦ καὶ αὐτῶν θυμός ἐποτρύνει καὶ ἀνώγει [1, 4, 439]. "Truly about that, they were told by the wise prophet, or, probably, by their knowing heart". And further on in the same speech: ... οὐδέ με θυμός ἄνωγεν, ἐπεὶ μάθον ἔμμεναι ἐσθλός [1, 6, 444]. "Heart will forbid me; I learned to be fearless".

Hector develops a cordial and courageous patriotic address in his speech to the army "κέκλυτέ μεν Τρῶες καὶ εὐκνήμιδες Ἀχαιοὶ ὄφρ' εἴπω τά με θυμός ἐνὶ στήθεσσι κελεύει" [1, 7, 68]. "Troy sons and brave Achaeans, hear me; I will tell you that noble heart orders". Here, θυμός functions not only as the spirit (soul), but also as all undifferentiated conscious and volitional parts of mentality. And further on: ὑμῖν δ' ἐν γὰρ ἔασιν ἀριστῆες Παναχαιῶν τῶν νῦν ὃν τινα θυμός ἐμοὶ μαχέσασθαι ἀνώγει [1, 7, 74]. "Here, Achaeans, with you your most brave heroes whose hearts wish to battle for me". We notice again, that θυμός is designated a certain focal point of psychic activity.

Further on in the above episode Achaeans cheered up while Trojans were all ears during Ajax's exit which was so aggressive, visually impressive and awful: Τρῶας δὲ τρόμος αἰνὸς ὑπήλυθε γυῖα ἕκαστον, Ἐκτορί τ' αὐτῷ θυμός ἐνὶ στήθεσσι πάτασεν. "But to the everyone of Trojans the awe entered in his members; even at Hector's heart shuddered in a mighty chest". And further with the

same modulations: ὄφρ' εἶπω τά με θυμός ἐνὶ στήθεσσι κελεύει [1, 7, 369]. "... I will tell what the heart inspires me in a chest", here στήθεσσι is a spatial location of θυμός in its cardiac sense. We see the same expression in the song 8 where θυμός corresponds with its location. So, we notice in Zeus' speech: κέκλυτέ μεν πάντες τε θεοὶ πᾶσαι τε θάιναι, ὄφρ' εἶπω τά με θυμός ἐνὶ στήθεσσι κελεύει [1, 8, 6]. "Listen to my word, both gods of heavens and goddesses: I will tell you that heart inspires me in the chest". In other fragment, Nestor tells the following in his appeal to horses, mentioning Andromache who took care of them: ὑμῖν παρ προτέροισι μελίφρονα πυρὸν ἔθηκεν οἶνόν τ' ἐγκεράσασα πιεῖν, ὅτε θυμός ἀνώγοι [1, 8, 189]. "You are the first whom I offered wheat, a pleasant food to you, I stirred wine to drink as your heart wished". Here θυμός acts as a generator and the centre of desires.

The cordial subject proceeds in Hera's dramatic speech to Poseidon: καὶ ῥα Ποσειδάωνα μέγαν θεὸν ἀντίον ἠΰδα· ὦ πόποι ἐννοσίγαι' εὐρυσθενές, οὐδέ νυ σοὶ περ ὀλυμμένων Δαναῶν ὀλοφύρεται ἐν φρεσὶ θυμός [1, 8, 202]. "God multipowerful, shaking the earth! Why doesn't your heart suffer about dying brave Danaans?" As well as in "Fight of Gods": Ἐκτορος ἀντικρὺ, βαλέειν δέ ἐῖτο θυμός – "Heart aiming to Hector, sought to strike him".

Further we come across one of the most interesting places in Homer's works, where θυμός possesses the highest degree of "spiritual" substance, localized in one's chest: ὥς ἐδαΐζετο θυμός ἐνὶ στήθεσσι Αἰχαιῶν [1, 9, 8]. "The souls of Achaeans were divided within them." If earlier we saw that θυμός itself was either a localization vector, or the cordial centre of spiritual life, here θυμός stands for the soul regarded together with localization. Localization is presented by "Στήθεσσι" – a plural form of the noun στήθος (a chest). Here θυμός denotes not only "heart", but also "soul" in its integrity. The term ἦτορ appears in the next line Ἀτρεΐδης δ' ἄχρ' ἐμὲ γὰρ βεβλημένος ἦτορ ... Ἀτρεΐδης [1, 9, 9]. It is an analog of θυμός, acting as a semantic equivalent of "heart". "The son of Atreus with heart pierced by grief deep". It is interesting that English doesn't possess such semantic tools as Greek flexible nouns, by means of which it would be possible to demonstrate the difference between ἦτορ and θυμός, which seemed quite obvious to the Homeric Greeks. Therefore in both cases we tend to use the habitual term "heart". However, ἦτορ is the centre and the heart, both taken in their vitality along with generating and containing functions. ἦτορ is a certain basis, "the seat of life" as the great Liddell & Scott Greek Lexicon points out.

To be fair, it should be noticed that θυμός rarely loses its substantiality in Homer's poetry. It acts in

accidental attribution of thirst, desire. Diomedes's speech in the 9th song goes: εἰ δέ τοι αὐτῷ θυμός ἐπέσσυται ὥς τε νέεσθαι [1, 9, 42], – "You so strongly wish to return to the house". Here it is possible to translate θυμός ἐπέσσυται as heat and thirst at their worst.

However, already in the same song, around the 100th line, θυμός comes back to habitual Homeric sense of the central cordial and spiritual background of human life: ...κρηῖναι δὲ καὶ ἄλλω, ὅτ' ἂν τινα θυμός ἀνώγη – "Thought to execute and another, who, with heart inspired...". And further on we see the same tonality again: τοῦ δ' ὠρίνετο θυμός ἀκούοντος κακὰ ἔργα [1, 9, 595], "he was excited with spirit, having heard about terrible affairs".

Thus, the Homeric understanding of the term θυμός is based on substantive and complete semantics connected to the centre of motivations, activity and behavior. And we should not identify θυμός with will (βούλη), which carried out an independent function.

You should not believe, however, that substantive interpretation of θυμός is defined exclusively by Homeric lexicon. It is known that the text contacting Homeriada accumulated traditional semantic elements inherent in all national public life of Achaean Greece.

We meet semantics identical to Homeric θυμός in Hesiod's "Theogony". In Prometheus' speech to Zeus θυμός appears together with its location: Ζεῦ κύδιστε μέγιστε θεῶν αἰεγενετῶν, τῶν δ' ἔλεν ὀπποτέρην σε ἐνὶ φρεσὶ θυμός ἀνώγει. "The Zeus, greatest of eternally living gods and most nice! Choose what your spirit will want in the breast!". And further, in the 665th line: ...πολέμου δ' ἐλὶλαίετο θυμός, – "... and their souls desired wars". The highest level of substantialisation of the thumos in the form of soul as a center of spirit, desire and life is remarkable.

The Homeric epos reflected an average type of Greek because of aiodos (songs) moving from one area of the text to another. It is known that Homer's language (now being considered as one of dialects) did not belong territorially to any Greek dialect known at that time. It did include features of almost all of them. At the same time, Hesiod's hexameter belongs to a typical Ionic dialect widespread in Boeotia where the poet lived. Existence of identical semantic structures concerning θυμός both in "average" Greek (Homer) and in its local Ionic Boeotian modifications (Hesiod) speaks about universality of considered understanding of θυμός in archaic Greece.

By the time of Periclean Athens, several centuries after Homer, θυμός partially loses its substantive overtones. Lexical derivatives and peripheral meanings of Homeric θυμός come to the forefront at that period.

Reference:

1. Homerus Ilias. Oxford: Clarendon Press, – 1931.
2. Kelly Andrew. A Referential Commentary and Lexicon to Iliad. Oxford: Oxford Press, – 2007.
3. West Martin. Greek Epic Fragments. Cambridge: Clarendon Press, – 2003.

*Grygorash Viktoriia Sergeevna,
Odessa I. I. Mechnikov National University,
postgraduate student,
the Faculty of Romance and Germanic Philology
E-mail: grigorash.viktoriya@mail.ru*

Variation of temporal characteristics in the Yorkshire dialect speech

Abstract: The article considers the temporal component of Yorkshire dialect speech. The research is based on the instrumental analysis of the following parameters: average syllable duration (ASD), pausation ratio (K_p), average duration of pauses.

Key words: temporal component, instrumental analysis, ASD, pausation ratio.

*Григораши Виктория Сергеевна,
Одесский национальный университет имени И. И. Мечникова,
соискатель, факультет романо-германской филологии
E-mail: grigorash.viktoriya@mail.ru*

Вариативность темпоральных характеристик в речи носителей Йоркширского диалекта

Аннотация: Статья посвящена анализу темпорального компонента речи носителей Йоркширского диалекта. Проведенное инструментальное исследование базируется на анализе следующих характеристик: среднеслоговой длительности, коэффициента паузации и среднепаузалы длительности.

Ключевые слова: темпоральный компонент, инструментальное исследование, среднеслоговая длительность, коэффициент паузации.

Для любого человека в процессе коммуникации не составит труда понять, быстро или медленно говорят другие люди, но вряд ли он сможет объяснить, каким образом он определяет скорость или другими словами темп речи говорящего [2].

В научной литературе встречаются несколько определений темпа речи, которые взаимодополняют друг друга. Российский лингвист А. М. Антипова под темпом речи понимает «среднюю скорость речи на протяжении определенного отрезка речи» [1, 107]. Л. Р. Зиндер дает следующее определение темпу: «Темп речи — это относительная скорость произнесения отдельных слов в синтагме или одной синтагмы по отношению к другой [4, 276].

Вместе с другими компонентами интонации темп организации просодии речевого высказывания (1) передает смысловую нагруженность информации,

(2) выступает способом оформления различных единиц членения речи (синтагм, фраз, сверхфразовых единств), (3) является показателем типа и стиля произнесения, (4) характеризует эмоциональность речи [5, 332].

Исследователи темпа речи придерживались различной методики при изучении этой просодической характеристики. Большинство фонетистов пришли к выводу о необходимости использования двух способов измерения скорости речи: включая паузы (по определению Лейвера [11] — скорость речи) и исключая паузы (скорость артикуляции).

Определение темпа речи зависит от целей, поставленных самим исследователем. Это обуславливает наличие большого разнообразия различных классификаций. Традиционной является следующая классификация степеней темпа речи (медленный, средний

и быстрый), которая указывает на степень важности высказывания. Широко известной также является классификация Д. Кристала [10, 84–85], согласно которой темп подразделяется на простой (стабильный) и сложный (изменяющийся), в пределах которых существует внутренняя градация.

К настоящему времени проведено большое количество исследований, посвященных анализу скорости речи в различных языках [8; 9; 12; 14], но недостаточно изученными остаются особенности темпа диалектной речи. По мнению Т. И. Шевченко, изучение показателей темпа и паузации может помочь сделать адекватные выводы относительно социальных характеристик личности, т. е. принадлежности к определенному классу и профессиональной группе людей [7]. Темп речи также может служить ее своеобразным маркером, передавая при этом не только содержательно-фактуальную информацию, но и психоэмоциональное состояние говорящего, его переживания чувства и эмоции. П. Роуч утверждает, что единственный способ проверить эти положения — провести широкомасштабные исследования на базе различных языков мира и разнообразных социальных ситуаций [13].

Объектом исследования в данной работе является речь носителей Йоркширского диалекта — одного из северных диалектов современной Англии.

Предметом исследования является темпоральный компонент речевой интонации.

Материалом исследования являются монологические квазиспонтанные отрывки из радиоинтервью с носителями Йоркширского диалекта (записи International Dialects of English Archive и Millennium Memory Bank).

Цель данной работы — изучение варьирования темпоральных характеристик в речи носителей Йоркширского диалекта с учетом их гендерной принадлежности.

Исследование проводилось согласно методике фонетического эксперимента с использованием **методов** слухового и инструментального анализа с дальнейшей статистической обработкой полученных данных.

Для реализации цели исследования были поставлены **задачи**:

Определить основные темпоральные характеристики речи носителей Йоркширского диалекта, учитывая следующие параметры:

- а) длительность всех фраз (в мс);
- б) количество слогов во всех фразах;

в) значения средней длительности слога во фразе (в мс);

г) коэффициент паузации (K_p);

д) длительность всех межфразовых, межсинтагменных, внутрисинтагменных пауз (в мс);

е) процентное соотношение пауз различной длительности (в %);

ж) среднепаузальную длительность (в мс).

2. Выявить влияние гендерного фактора на темпоральную организацию речи носителей Йоркширского диалекта.

Исследования проводились отдельно по информантам и по группам в целом. В речи каждого информанта анализу подвергались все фразы в пределах микротематического единства (МикТЕ) [3].

Средняя длительность слога (СДС) каждой отдельной фразы вычислялась по формуле:

$$t_s = \frac{t_\Sigma}{n},$$

где t_s — средняя длительность слога (мс.); t_Σ — общая длительность фразы, исключая паузы (мс.); n — количество слогов во фразе.

Следует отметить, что СДС тем выше, чем медленнее темп речи информанта.

Рассмотрим характер распределения СДС в речи мужчин и женщин, носителей Йоркширского диалекта (см. табл. 1).

Анализ гендерных различий показал, что в исследуемых квазиспонтанных отрывках речи темп артикуляции мужчин быстрее, чем темп женщин (СДС соответственно равна 193,6 мс. и 218,1 мс.). Среди мужчин самый медленный темп зафиксирован в речи пенсионера, бывшего шахтера (СДС = 254,9 мс.), в то время как самый быстрый темп маркирует речь студента колледжа (СДС = 159,7 мс.). В группе женщин медленнее всех говорит пенсионерка, 90 лет (СДС = 313,7 мс.), а быстрее всех студентка колледжа (СДС = 158,8 мс.).

Следующими темпоральными компонентами речи носителей Йоркширского диалекта, которые исследовались, являются коэффициент паузации и среднепаузальная длительность (см. табл. 2).

При нахождении коэффициента паузации K_p оперируем двумя величинами: суммарной длительностью звучания, включая паузы — t_Σ , и суммарной длительностью звучания, исключая паузы — t_k . Коэффициент паузации рассчитываем по формуле [5, 85]:

$$K_p = \frac{t_\Sigma}{t_k}$$

Следовательно, при паузальной насыщенности коэффициент паузации K_p возрастает.

Таблица 1. – Средняя длительность слога (в мс.) в речи мужчин и женщин

Мужчины		Женщины	
Студент колледжа, 20 лет.	179,4	Студентка колледжа, 17 лет.	214,3
Студент колледжа, 17 лет.	159,7	Студентка колледжа, 17 лет.	200,4
Студент колледжа, 20 лет.	168,7	Студентка колледжа, 17 лет.	158,8
Студент колледжа, 17 лет.	182,8	Студентка колледжа, 17 лет.	204,6
Помощник режиссера телевидения, 27 лет.	203,6	Секретарь-ресепшионист, 30 лет.	171,4
Безработный, 32 года.	190,5	Преподаватель хореографии, 33 года.	183,9
Безработный, 32 года.	168,1	Фермерша, 38 лет.	208,1
Фермер, владелец гостиницы, 35 лет.	188,7	Директор маслобойни, 40 лет.	215,9
Сантехник, 53 года.	172,3	Владелица собственного отеля, 59 лет.	223,7
Оператор администратор, 49 лет.	197,0	Женщина-журналист, 57 лет.	212,6
Волонтер, 45 лет.	194,2	Женщина, няня в детском саду, 42 года.	211,7
Торговец, 50 лет.	177,6	Врач-терапевт, 45 лет.	209,2
Работник сельского и водного хозяйства, 71 год.	218,1	Пенсионерка, 90 лет.	313,7
Пенсионер, бывший водитель школьного автобуса, 75 лет.	204,7	Пенсионерка, бывшая учительница, 77 лет.	289,6
Пенсионер, бывший шахтер, 65 лет.	254,9	Пенсионерка, бывшая работница фабрики одежды, 78 лет.	230,5
Пенсионер, 75 лет.	236,7	Пенсионерка, сновальщица, 78 лет.	241,2
Средние показатели	193,6	Средние показатели	218,1

Таблица 2. – Показатели коэффициента паузации и среднепаузальной длительности во фразах квазиспонтанной монологической речи носителей Йоркширского диалекта

Информанты	K_p (в отн. ед.)	t_{cp} (мс)
Мужчины	1,43	647
Женщины	1,38	574
Средние показатели	1,41	611

Несмотря на то, что темп артикуляции мужчин быстрее, чем женщин, на перцептивном уровне женская речь воспринимается как более быстрая. Это достигается за счет большей паузальной насыщенности мужской речи по сравнению с женской (1,43 vs. 1,38). Среднепаузальная длительность в речи мужчин также превышает значение этого показателя у женщин (647 мс vs. 574 мс).

Следует отметить, что все зафиксированные в речи паузы были классифицированы следующим образом:

- 1) сверхкраткая пауза — до 200 мс;
- 2) краткая пауза — от 201 до 500 мс;
- 3) средняя пауза — от 501 до 800 мс;
- 4) длительная пауза — от 801 до 1200 мс;
- 5) сверхдлительная пауза — свыше 1200 мс.

Кроме того, речь носителей Йоркширского диалекта маркируют как **заполненные** паузы (заполненные некоммуникативными звуками), так и **незаполненные**. Заполненная пауза хезитации длиннее,

чем незаполненная, при этом «наполнитель» такой паузы вокализируется не на все время длительности заполненной паузы. То есть, заполненная пауза состоит из абсолютной паузы и «наполнителя» [6, 315].

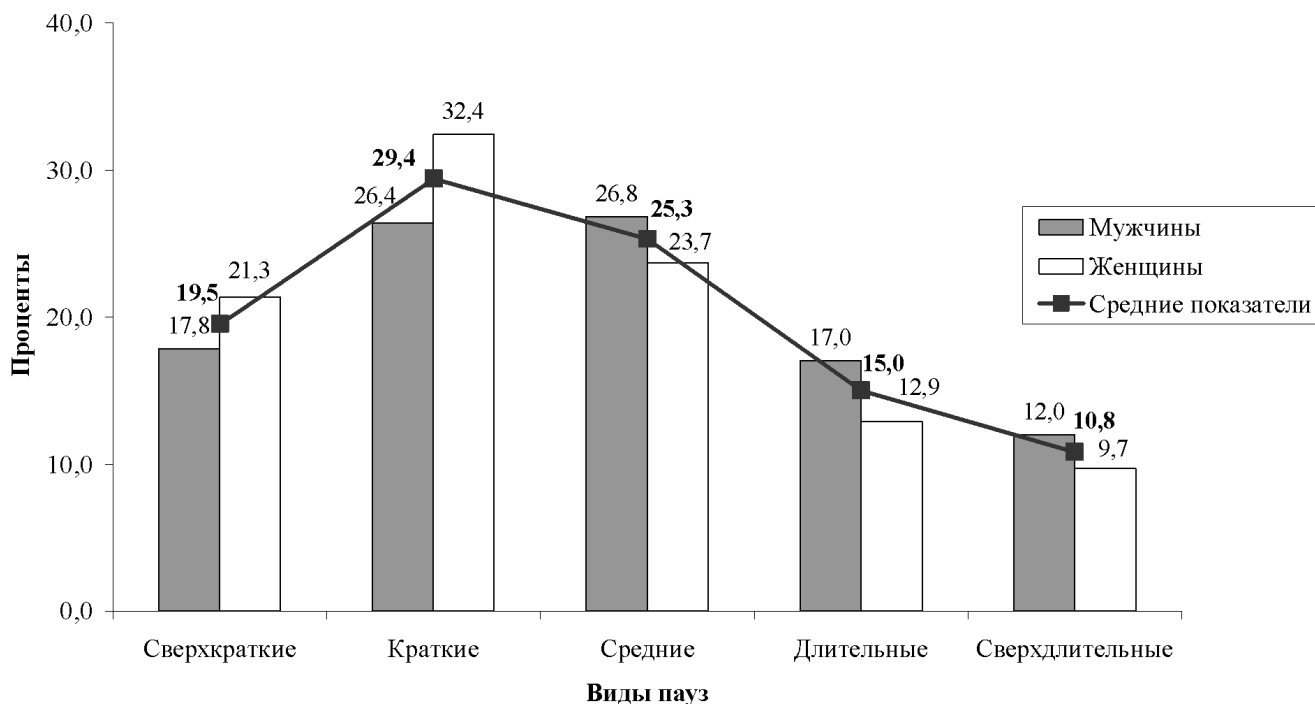

Диаграмма 1. — Виды пауз в речи носителей Йоркширского диалекта, %

Анализируя паузальную дифференциацию в речи мужчин и женщин, носителей Йоркширского диалекта (см. диаграмму 1), приходим к следующим выводам: в речи женщин по сравнению с речью мужчин доминируют сверхкраткие (21,3 %) и краткие паузы (32,4 %), в то время как в речи мужчин преобладают по сравнению с речью женщин паузы средние (26,8 %), длительные (17,0 %) и сверхдлительные (12,0 %). Паузы средней длительности как в речи мужчин, так и в речи женщин, придают звучанию оттенок монотонности и однообразия. Наличие же в речи женщин большего количества сверхкратких и кратких пауз свидетельствует об их умелом владении просодическими средствами.

В качестве иллюстрации приведем пример из анализируемого материала:

Well, I were born in Leeds^{492 мс} which is in West Yorkshire.^{668 мс} Uh^{457 мс} and brought up all around^{363 мс} all

around there umm^{1655 мс} see I did my^{328 мс} qualification and schooling in Leeds^{353 мс} and then I went on to study.^{937 мс} Uhh I moved to London for a short time to study uhh^{1105 мс} and then I moved back up so I didn't like living down there.^{605 мс} So I moved back up into Yorkshire uhh^{931 мс} and I live out in Halifax, now. Uh-hhm^{1817 мс} since I've lived here I've started my own business umm^{1032 мс} I run a shop;^{619 мс} me hobbies is my allotment^{310 мс} me pen,^{124 мс} doing my digging, umm^{1751 мс} cricket umm^{1809 мс} and various other forms of sport.

Наряду со значительной паузальной насыщенностью исследуемой звучащей речи носителей Йоркширского диалекта следует отметить ее дробное синтагматическое членение. Как в мужской, так и в женской речи фразы содержат от 2 до 5 синтагм, которые отделяются друг от друга заполненными (uh, umm, uh-hhm) и незаполненными паузами (табл. 3).

Таблица 3. – Соотношение заполненных и незаполненных пауз в анализируемых отрезках речи, %

Информанты	Заполненные паузы	Незаполненные паузы
Мужчины	12,4	87,6
Женщины	7,6	92,4
Средние показатели	10,0	90,0

Исходя из соотношения заполненных и незапол-

ненных пауз в речи носителей Йоркширского диалек-

та, следует отметить, что мужская речь доминирует по количеству заполненных пауз по сравнению с женской речью (12,4 % vs. 7,6 %). В проанализированной квазиспонтанной речи заполненные паузы хезитации выполняют коммуникативную функцию, а именно помогают осуществлять контроль и коррекцию речи. Меньшее количество заполненных пауз в женской речи свидетельствует о более авторитетной и уверенной манере вести беседу, а также о четком и выработанном стиле речевого поведения.

Таким образом, исходя из всего вышеизложенного, можно констатировать: несмотря на меньшее значение показателя СДС, а соответственно более быстрый темп артикуляции, мужская речь на перцептивном уровне

воспринимается как более медленная по сравнению с речью женщин-носителей диалекта ввиду большей паузальной насыщенности и наличия большего количества длительных и сверхдлительных пауз.

Полученные в ходе нашего инструментального исследования результаты позволяют сделать выводы о том, что временная организация речи является информативным показателем и служит гендерным дифференцирующим признаком. Темпоральные характеристики речи можно считать одним из признаков параметров идентификации социально-территориальных типов произношения, а в более широком плане можно говорить о темпе речи как о социальном маркере.

Список литературы:

1. Антипова А. М. Система речевой интонации. – М.: Высшая школа, – 1979. – 131 с.
2. Бабушкина Е. А. Темп речи как социальный маркер // Вестн. Бурят. гос. ун-та. Сер. Романо-Германская филология. – 2010. – Вып. 11. – с. 13–17.
3. Бровченко Т. А. О просодике коммуникативных единиц монологической речи // Интонация. – К.: Высшая школа, – 1978. – 130 с.
4. Зиндер Л. Р. Общая фонетика. 2-изд. – М.: Высш.шк., – 1979. – 312 с.
5. Общая и прикладная фонетика: [учебник для студ. вузов, обуч. по направл. и спец. «Лингвистика»] / Л. В. Златоустова Р. К. Потапова, В. В. Потапов, В. Н. Трунин-Донской; – [2-е изд. перераб. и доп.]. – М.: Изд-во МГУ, – 1997. – 416 с.
6. Петренко І. В. Функціональні паузи у лекції з дидактичної сфери // Наукові записки КДПУ. Серія: Філологічні науки (мовознавство). – Кіровоград: РВЦ КДПУ імені В. Винниченка. – 2000. – Вип. 48. – с. 312–319.
7. Шевченко Т. И. Социальная дифференциация английского произношения. – Москва: Высшая школа, – 1990. – 144 с.
8. Baric H. C. Cross-linguistic Study of Temporal Characteristics of Different Types of Speech Materials // Language and Speech, – 1977. – P. 116–126.
9. Cowley S. Conversational Functions of Rhythmical Patterning // Language and Communication. – 1994. – Vol. 14.4. – 500 p.
10. Crystal D. Prosodic and Paralinguistic Correlates of Social Categories // The English Tone of Voice Essays in Intonation, Prosody and Paralanguage. – Edward Arnold: London, – 1975. – 380 p.
11. Laver J. Principles of Phonetics. – Cambridge: CUP, – 1994. – 707 p.
12. Lehiste I. Suprasegmentals. – Cambridge: M. I. T. Press, – 1979. – 194 p.
13. Roach P. Some Languages are Spoken More Quickly than Others // L. Bauer and P. Trudgill (eds.) Language Myths. – New York: Penguin Books, – 1998. – P. 150 — 159.
14. Vanne E. Subjective Estimation of Speech Rate // The Netherlands Phonetica. – 1982. – Vol. 39. – P. 136–139.

*Kostomarov Peter Ivanovitch,
Tomsk Polytechnic University, PhD,
senior lecturer of the Department of the Foreign languages
E-mail: petrkost@yandex.ru*

Anthropozentrismus und Sprachpersönlichkeit

Abstract: Der Artikel wird der Beschreibung einer der dynamisch entwickelnden Richtungen der modernen Sprachwissenschaft gewidmet, die als Hauptfaktor der Untersuchung des Phänomens der individuellen Sprache betrachtet ist. Der wichtigste Teil des Anthropozentrismus — Sprachpersönlichkeit — wird analysiert, die als neues Objekt der wissenschaftlichen Forschung gilt.

Keywords: Anthrozentrismus, Sprachpersönlichkeit, individuelle Sprache, Sprachpersonologie.

Zur Zeit sind die Sprachforscher der Meinung, dass in der linguistischen Wissenschaft globale Veränderungen passieren, die im Übergang von der Betrachtung der Sprache als von den Menschen selbstständiges System zur Beschreibung der Sprache als „anthropologisches Phänomen“ bestehen [12, 136]. Der Übergang der linguistischen Untersuchungen erfolgt sich auf neues Paradigma. J. W. Dorofeev betont, dass „die Wende der linguistischen Prioritäten, Erarbeitung der neuen Strategien der linguistischen Suche zur Umwandlung des gegenwärtigen Systems der Meinungen über die Sprache und Prinzipien der linguistischen Untersuchungen und Bildung des neuen Wissenschaftsparadigmas in der Linguistik geführt haben“ [7, 302].

Es sei hervorgehoben, dass anthropozentrisches Paradigma tiefe historische Wurzel in der Wissenschaft hat. Einer der ersten Forscher, der die Idee der Gründung der Wissenschaft über die Sprache auf anthropozentrischen Grundlagen ausgedrückt hatte, war der größte deutsche Wissenschaftler J. von Humboldt, der meinte, dass das Lernen der Sprache zum Endziel der menschlichen Selbsterkennung dient.

Die Ideen, die von J. von Humboldt ausgedrückt sind, widerspiegeln sich in den wissenschaftlichen Studien von A. A. Potebnja. Denkend über die Entwicklung der Sprache behauptete er: „In der Wirklichkeit entwickelt sich die Sprache in der Gesellschaft und dabei nicht darum, dass der Mensch ein Teil des Ganzen ist, dem er gehört, gerade seinem Stamm, Volk, der Menschheit, nicht in Folge der Notwendigkeit des gegenseitigen Verständnisses als Bedingung der Möglichkeit der gesellschaftlichen Maßnahmen, aber auch darum, dass der Mensch sich selbst versteht, nur wenn er das Verständnis seiner Worte auf anderen Menschen prüft“ [14, 87].

Interessant ist der Gedanke von E. Benveniste über „Aneignung der Sprache des Sprechenden“. E. Benveniste ist einer von ersten Wissenschaftlern geworden, der systematische Sprachbeschreibung gegeben und den

Begriff „Autor und Adressat“ als wichtige Komponenten der Kommunikation eingeleitet hat. In seinem Buch „Allgemeine Linguistik“ schrieb er, dass die Spracheigenschaften so eigenartig sind, man kann darüber reden, dass sich Sprache über nicht eine, sondern mehrere Strukturen verfügt, jede von diesen konnte als Grundlage für Bildung der ganzen Linguistik sein“ [2, 45]. Unauflösliche Verbindung der Sprache und des Menschen in der Formulierung von E. Benveniste lautet: „Es ist unmöglich, den Menschen ohne Sprache darzustellen und die Sprache für sich selbst zu erfinden. In der Welt existiert nur der Mensch mit der Sprache, der Mensch, der mit anderem Menschen kommuniziert, und die Sprache gehört notwendig dem Menschen. Gerade in der Sprache und dank der Sprache wird der Mensch als Subjekt konstituiert“ [2, 293].

Seit der zweiten Hälfte des XX. Jahrhunderts verwurzeln sich die Ideen von E. Benveniste in der Linguistik. In den 70-er Jahren erläutert J. S. Stepanow bei der Analyse des Beitrags von E. Benveniste zur Entwicklung der Sprachwissenschaft die Tatsache, dass „die Sprache laut Maßstab des Menschen geschaffen, dieser Maßstab ist im Sprachaufbau gesteckt; in Übereinstimmung mit dem Maßstab muss die Sprache gelernt werden. In ihrer Hauptstruktur bleibt die Linguistik immer die Wissenschaft über die Sprache im Menschen und über den Menschen, sie sei geisteswissenschaftlich, also solche, die wir im Buch von Benveniste finden“ [2, 15].

Bemerkenswert ist die Präzision des bekannten litauischen Sprachforschers R. I. Pawilenis, der glaubt, dass „es um den Menschen handelt, nicht nur um passiven Referenten der sprachlichen Ausdrücke, sondern um ihren Interpretator, nicht einfach um Sprachträger, sondern vor allem um Träger der bestimmten konzeptuellen Systeme, auf deren Grundlage er die Sprache versteht, die Welt erkennt und erfolgt die Kommunikation mit anderen Sprachträgern“ [13, 259–260].

80–90-e Jahre des XX. Jahrhunderts sind als Periode der theoretischen und praktischen Untersuchung

der Verbindung der Sprache und des Menschen gekennzeichnet. Erster Schritt auf dem Wege dieser Analyse ist die Monographie von B. A. Serebrennikow "Die Rolle des menschlichen Faktors in der Sprache. Sprache und Denken".

Weitere Entwicklung der Linguistik ist mit dem steigenden Interesse der Forscher an Problem der Verbindung der Sprache des Menschen und seines Denkens verbunden. Wie M. A. Schelyakin betont, "semantische Funktion der Sprache ist durch Funktion der subjektiven Realität, Formen und Denkweise vorbestimmt und widerspiegeln die Orientierung des Menschen in der Welt" [18, 132]. Anthropologisches Paradigma stellt den Menschen auf ersten Platz und die Sprache gilt als sein wichtiges Merkmal, Bedingung der Existenz. Da menschlicher Intellekt nicht ohne Sprache wegzudenken ist. Die von Menschen produzierten Texte widerspiegeln die Dynamik des Gedanken und die Weisen der Darstellung der Denkprozesse mit Hilfe von sprachlichen Mitteln. Im Rahmen dieses Paradigmas werden solche Richtungen wie kognitive Linguistik, Sprachkulturologie und viele andere gebildet. Die Aktualität der Untersuchungen des mentalen Bereiches wird durch die Analyse der Texte, der er produziert, und Realisation des germanewtischen Verfahrens zur Kulturbeschreibung bestätigt. Der Sinn dieses Verfahrens besteht darin, dass Kultur als Gesamtheit der Texte betrachtet wird, die als Behälter der Information, Resultat der Kulturerrungen-schaften des Menschen gelten.

Wichtiger Bestandteil des Begriffssystems der modernen Wissenschaft über die Sprache ist anthropozentrisches Verfahren, das in den Studien der russischen Sprachforscher den Ausdruck findet. In der Arbeit "Über anthropozentrisches und systemzentrisches Verfahren zur Sprache" betont W. A. Alpatow, dass anthropozentrisches Verfahren historisch als primär gezeichnet wird und darin besteht, dass der Forscher die Sprache als sein Träger lernt und dabei auf "Erkennung und Beschreibung seiner Vorstellungen des Sprachträgers stützt, die als linguistische Intuition genannt werden" [1, 15]. Der Autor spricht über systemzentrisches Verfahren zur Sprachanalyse und weist darauf hin, dass bei diesem Verfahren die Sprache als irgendwelches System verstanden wird, die unabhängig vom Individuum funktioniert, was die Möglichkeit gibt, dieses System mit Methoden der Naturwissenschaften zu forschen. Er behauptet, dass "jede Sprachforschung tief anthropozentrisch ist, man muss verstehen, auf welche Etappe der Analyse wir auf Intuition stützen, und auf welche wir strenge Methoden nutzen, die überprüft werden können" [1, 21].

Die Sprachforscherin E. N. Remchukowa meint, dass anthropozentrisches Verfahren für das Lernen der Grammatik wichtig ist. Sie schreibt, dass "anthropozentrisches Verfahren zur Grammatik nicht nur als linguistisches Modetribut ist; gerade dieses Verfahren ermöglicht die Gesetzmäßigkeiten der schwierigen und gleichzeitig harmonischen Verbindungen der Sprache und der Rede zu zeigen, die Fähigkeit verschiedener Typen und Genres schöpferische Rede zu realisieren, was im Sprachsystem gesteckt ist" [16, 309].

E. S. Kubrjakowa betrachtet den Anthropozentrismus als Hauptprinzip der modernen Linguistik und stellt fest, dass "Anthropozentrismus als besonderes Untersuchungsprinzip charakterisiert wird, das darin besteht, dass wissenschaftliche Objekte vor allem laut ihrer Rolle für den Menschen, ihrer Nutzung in seinem Leben, ihrer Funktionen für die Entwicklung der menschlichen Person und ihrer Verbesserung gelernt werden. Er erkennt sich darin, dass der Mensch als Ausgangspunkt bei der Analyse der Erscheinungen wird, dass er an dieser Analyse beteiligt ist, die die Perspektive und Endziele bestimmt. In der Linguistik ist anthropozentrisches Prinzip mit dem Versuch verbunden, sprachliche Erscheinungen im Zusammenhang "Sprache und Mensch" zu betrachten" [10, 212]. Nach ihrer Ansicht, "anthropozentrisches Prinzip ist mit der Untersuchung der Probleme verbunden, die den Zusammenhang des Menschen und seiner Sprache: Sprache und geistliche Aktivität des Menschen; Sprache, Denken und Bewusstsein des Menschen; Sprache und Physiologie des Menschen; Sprache und Kultur; Sprache und Kommunikation; Sprache und Menschenwerte angehen.

Es sei hervorgehoben, dass laut Ansichten von E. S. Kubrjakowa anthropozentrisches Prinzip der Linguistik in zwei Richtungen realisiert wird, "Mensch in der Sprache, der als Bewusstseinträger und Translator der Kultur auftritt und "Sprache im Menschen", die als Maß aller Dinge in der Sprache und Kultur ist" [11, 216].

Anthropozentrismus in der Linguistik wird von Wissenschaftler als Rakurswende der Forschung erklärt und ist mit der Formulierung des neuen Forschungsobjektes (Sprachpersönlichkeit) verbunden.

Der Begriff "Sprachpersönlichkeit" wurde zunächst in der russischen wissenschaftlichen Literatur der größte Gelehrte W. W. Winogradow genutzt. Der Wissenschaftler merkte in dem Buch "Über die Sprache der schöpferischen Prosa", dass Denkmal nicht nur ein Meisterwerk des kollektiven Sprachschaffens aber auch der Ausdruck der individuellen Auswahl ist und schöpferische Transformation der Sprachmittel seiner Zeit in den

Zielen des ästhetisch wirklichen Ausdrucks des Kreises der Vorstellungen und Emotionen sind. Der Sprachforscher kann sich selbst von der Lösung der Frage über die Weisen der Nutzung des von der Person umwandelnden Sprachschatzes, über den er sich verfügen kann.

Die Konzeption der Sprachpersönlichkeit, die als zentraler Begriff der Sprachdidaktik betrachtet wurde, bot G. I. Bogin in der ersten Hälfte der 80-er Jahre an. Er behauptet, dass Sprachpersönlichkeit ein Mensch ist, der vom Standpunkt seiner Bereitschaft betrachtet wird, Sprachhandlungen zu erfüllen, Sprachwerke zu schaffen und zu akzeptieren" [3, 1].

Seit der zweiten Hälfte der 80-er Jahre wurde das Problem der nationalen Sprachpersönlichkeit fundamental von J. N. Karaulow erarbeitet. Im Buch "Russische Sprache und Sprachpersönlichkeit" bestimmt er die Sprachpersönlichkeit als Gesamtheit der Fähigkeiten und Charakteristiken des Menschen, der die Sprachwerke (Texte) schafft und wahrnimmt, die sich dadurch unterscheiden: a) Niveau der strukturell-sprachlichen Komplexität; b) Tiefe und Genauigkeit des Realitätsausdrucks; 3) bestimmte Zielstrebigkeit" [9, 33].

Man kann den Begriff "Sprachpersönlichkeit" auf verschiedene Weise interpretieren. Der Begriff "Sprachpersönlichkeit" ist von Projektion des mehrdisziplinaren Begriffs in den Bereich der Sprachwissenschaft gebildet, in dem philosophische, soziologische und psychologische Meinungen auf gesellschaftlich wichtige Gesamtheit der physischen und geistigen Menscheneigenschaften zum Ausdruck kommen, die seine qualitative Bestimmtheit bilden.

Vor allem versteht man unter "Sprachpersönlichkeit" der Sprachträger, der durch seine Bereitschaft zur Sprachaktivität identifiziert wird, d. h. Komplex der psychophysischen Individuumseigenschaften, die ermöglichen, die Redestücke zu erzeugen und wahrzunehmen, d. h. die Redepersönlichkeit.

Unter "Sprachpersönlichkeit" versteht man auch die Gesamtheit der Besonderheiten des verbalen Menschenverhaltens, der die Sprache als Kommunikationsmittel nutzt, d. h. das ist kommunikative Persönlichkeit. Und zuletzt unter "Sprachpersönlichkeit" versteht man im lexikalischen System gesicherter national-kultureller Prototyp des Trägers der bestimmten Sprache, "semantischer Fotoroboter", der auf Grund der weltanschaulichen Einstellungen, Prioritätswerte und Verhaltensreaktionen geformt wird, die im Wörterbuch ausgedrückt sind, also Wörterbuch-, Etnosemantikpersönlichkeit" [5, 64–72].

Das der Sprachkollektiv aus vielen konkreten Sprachträgern besteht, so muss man über Sprachpersönlichkeit

als "Mehrschichts-, und Mehrkomponentenparadigma der Redepersönlichkeit" [8, 19], und Redepersönlichkeit muss man als Anzahl der Elemente der Sprachpersönlichkeit interpretieren, die mit extralinguistischen und linguistischen Charakteristiken der gegebenen Kommunikationssituation verbunden sind. Ihre kommunikative Ziele und Aufgaben, ihr Thema, Norm, Usus, ihre entokulturellen, sozialen und psychologischen Parameter. Der Mensch (Individuum) wird nur in der Gesellschaft, im Resultat der Kommunikation mit Menschen realisiert. Persönlichkeit ist Mensch, der schon im Prozess der Sozialisierung seine menschliche Identität zugewiesen hat, einschließlich die Sprache der Gesellschaft im Volumen, das notwendig im gegebenen Lebensmoment für gleichrechtliche Beteiligung an der Produktion der materiellen, geistigen und sprachlichen Worte" [14, 25].

A. A. Worozhbitowa betrachtet die Sprachpersönlichkeit vom Standpunkt der Psycholinguistik und Pragmalinguistik. Der Autor schreibt, dass "in der Psycholinguistik die Sprachpersönlichkeit die Ausgangscharakteristiken hat, unter denen Mechanismen und Modelle der Produktion und Wahrnehmung der Menschenrede verstanden werden" [6, 14]. Der Intellekt bildet das System der Argumente der Sprachpersönlichkeit. Gegebene Argumente kann man durch Prisma der Pragmalinguistik betrachten, in der der Mensch dargestellt ist, der sich über Einstellung, Ziele, Regel und Taktik der Kommunikation sowie Pressupposition — Evaluation und Wissen über den Gesprächspartner und darüber, was er mitteilt. Die Tendenz der Entwicklung der Pragmalinguistik wird zur größeren Aufmerksamkeit, die auf den Intellekt des Menschen als gewöhnliche Persönlichkeit gerichtet ist, die logische Fähigkeit hat" [6, 14]. Heutzutage wird zur Forschung der Sprachpersönlichkeit auch Rhetorik eingesetzt, die die Sprachpersönlichkeit als Anzahl der Menschen-, und Gattungsfähigkeiten und Bereitschaften im Bereich der Redeaktivität betrachtet, die auf Individuum projizieren können" [6, 15].

Der Anthropozentrismus wird in der gegenwärtigen Phase der Entwicklung der Sprachwissenschaft dadurch realisiert, dass der Forscher die Sprache als Träger untersucht, der auf seinen Vorstellungen über diese Sprache und individuelles Sprachgefühl basiert. Der Anthropozentrismus ist in der Tat festgestellt, dass eine Person zu einem Ausgangspunkt in der Analyse wird, zur Sprachpersönlichkeit als verkörperte Hauptverbindung, die die Anzahl von verschiedenen Eigenschaften hat und eine Möglichkeit gibt, die Besonderheiten ihrer Funktion als Objekt der wissenschaftlichen Untersuchung zu identifizieren.

Reference:

1. Алпатов В. М. Об антропоцентричном и системоцентричном подходах к языку. *Вопр. языкознания*. – М., – 1993. – № 3.
2. Бенвенист Э. *Общая лингвистика*. Пер. с фр./общ. ред., вступ. ст. и коммент. Ю. С. Степанова. – Изд. 2-е, стереотип. – М.: Едиториал УРСС, – 2002.
3. Богин Г. И. *Филологическая герменевтика*. – Калинин: Изд-во КГУ, – 1982.
4. Виноградов В. В. *О художественной прозе*. – М. – Л.: Госиздат, – 1930.
5. Воркачев С. Г. Лингвокультурология, языковая личность, концепт: становление антропоцентрической парадигмы в языкознании. *Филологические науки*, – 2001. – № 1.
6. Ворожбитова А. А. *Теория текста: антропоцентрическое направление*. – М.: Высш. шк., – 2005.
7. Дорофеев Ю. В. Антропоцентризм в лингвистике и предмет когнитивной грамматики. *Актуальные проблемы современной когнитивной лингвистики: мат-лы. XV междунар. лингвистической конф. "Язык и мир"*. Таврический национальный ун-т им. В. И. Вернадского, – 2008.
8. Зыдевкин В. Д. *Немецкая разговорная речь: Синтаксис и лексика*. – М.: Международные отношения, – 1979.
9. Караулов Ю. Н. *Русский язык и языковая личность*. – М.: Наука, – 1987.
10. Кубрякова Е. С. Человеческий фактор в языке. *Язык и порождение речи*/ [Е. С. Кубрякова, А. М. Шахнарович, Л. В. Сахарный]; отв. ред. Е. С. Кубрякова; АН СССР, Ин-т языкознания. – М.: Наука, – 1991.
11. Кубрякова Е. С. Эволюция лингвистических идей во второй половине XX века (опыт парадигмального анализа) // *Язык и наука конца 20 века*. – М.: Ин-т языкознания РАН, – 1995.
12. Маслова В. А. *Лингвокультурология*. – М.: Издательский центр "Академия", – 2001.
13. Павленис Р. И. *Проблема смысла: современный логико-философский анализ языка*. – М.: Мысль, – 1983.
14. Потебня А. А. *Полное собрание трудов: Мысль и язык*. – М.: Изд-во "Лабиринт", – 1999.
15. Пятаева Н. В. *Изучение и описание сложных лексических систем в свете современной лингвистической парадигмы. Актуальные проблемы филологии и филологического образования: тр. всерос. науч. конф. (27 марта 2006 г., г. Стерлитамак)*. – Уфа: Гилем, – 2006.
16. Ремчукова Е. Н. *Креативный потенциал русской грамматики*. – М.: Изд-во РУДН, – 2005.
17. Серебренников Б. А. *Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира*. – АН СССР, Ин-т языкознания. – М.: Наука, – 1988.
18. Шелякин М. А. *Язык и человек: К проблеме мотивированности языковой системы: учеб. пособие*. – М.: Флинта, – 2005.

Khamitova Zulkamal Zhumagulovna, Senior English teacher

Tugambekova Marksiana Alpysbaevna, English teacher

Kakzhanova Sholpanl Aidarkhanobvna, Senior English teacher,

Karaganda State Technical University,

Foreign Language Department

E-mail: jahaitova2010@yandex.ru

Interactive technologies use in English language training

Abstract: Intercultural and communicative competence promotes adequate mutual understanding, intercultural dialogue at professional level, provides mobility and integration into the European educational space especially now in connection with occurrence of Kazakhstan in Bologna process Case study occurred in the middle of XX century in the walls of the Harvard Business School, and has played a leading role in the preparation of specialists of different profiles. This technology has the interactive nature of learning, focused on cooperation and business partnerships.

Keywords: competitiveness, innovative technologies, competition conditions

The entry problem of Kazakhstan in 50 competitive countries of the world raised by N. A. Nazarbaiev, Presi-

dent of the Republic of Kazakhstan inseparably linked with preparation of highly specialized experts capable

to provide competitiveness of the country. Fast rates of technical and economic development, globalization and internationalization processes, innovative technologies, competition conditions and strengthened use of information technologies cause occurrence of new knowledge necessary for successful activity which certainly demand participation of experts of the new level capable to be integrated into this process and to optimize it.

In such conditions proficiency in a foreign language becomes the important component in vocational training. In the course of foreign language studying there is a formation of the subject of the intercultural communications possessing the intercultural and communicative competence. Intercultural and communicative competence promotes adequate mutual understanding, intercultural dialogue at professional level, provides mobility and integration into the European educational space especially now in connection with occurrence of Kazakhstan in Bologna process [1, 46].

The new paradigm of education result, changed its focus, its purpose and content focuses on the transition from a knowledge-centered learning to competence, to develop independence and creativity of trainees, competitiveness, mobility and quality of future specialists.

Competence approach represents today the innovation process in education in accordance with accepted in most developed countries, the general concept of educational standards and implies a transition in the design of educational content and its quality control system to a system of its competences.

Analysis of preliminary observations and own experience shows that the orientation of many of the situations in the process of learning foreign language communication to the simultaneous formation of students' professional and communication skills has a positive effect on the motivation of educational activity of students, the diversity of the learning process, gives it a pragmatic character.

The basis for the integration of foreign language and subject-professional competencies that are generated in the educational environment, may become a context-based variety learning, using situational and modeling technology (case study, incident method, case-technology).

The aim of context-based variety of training is to adequately incorporate the student learning activities on mastering foreign language communication into his future professional activity. In this, case, the basic unit of learning is problem-communicative task, presented as

a problem situation in the resolution of which mastering a foreign language at the level of personal, social and professional sense should be [2, 98].

In the analysis of specific situations the learner shows his activity, it is useful in time and duration of lessons depends on the scale of the situation and level of knowledge of the audience.

Case study has the following characteristics:

- Resolving problems and communication problems from the real situation;
- Maximum number of people involved in their learning, clarifying and making decisions;
- Low degree of dependence of the trainees from each other;
- Having the right to correct and incorrect answers;
- Teacher serves as an expert, the catalyst of the educational process and the coach.

Case study occurred in the middle of XX century in the walls of the Harvard Business School, and has played a leading role in the preparation of specialists of different profiles.

This technology has the interactive nature of learning, focused on cooperation and business partnerships.

The essence of case technology is that the student receives a set of educational materials, enclosed in a folder (case) and as a result he gets acquainted with the content of the material and offers his own solution, using existing professional knowledge and skills, as well as improving language skills and skills in discussing the problem situation.

The practice of using such technology at the language lessons helps to intensify the learning process and is effective in forming cognitive language capabilities of students. As a result of using this technology increases the intensity of the training process and provides a variety of forms of interaction between its participants, since the essence of technology "case study" is its focus on interpersonal communication and its impact on mental and social structure of personality. Training professionally oriented communication requires the possession of the following professional and communicative skills [3, 75]:

- Perceive and evaluate information that comes in the verbal and non-verbal forms;
- Make diagnostics and problem analysis;
- Formulate and logically construct a statement observing the language rules;
- Take part in discussion;
- Participate in making collective decisions.

Case study technology model is as follows:

1. Teacher's comment on case study materials, students' acquaintance with the case content.
2. Detailed acquaintance with the content of case study materials, expressing an opinion on the content of case study, a plan development under discussion problems.
3. Statement by the leaders of the subgroups, the discussion of issues, teacher's comments, teacher's evaluation of work, written assignment on the problem.

Case technology (the method of analysis microsituation) — Cases, casus (from lat.casus — complicated or unusual case). Specific practice case are offered to trainees in writing or orally.

Case method is a business game in a nutshell, the training material is trained as a micro challenges (microsituation), the knowledge acquired in the course of their active research and creative activity, resulting in increased efficiency of training and changing the level of academic motivation.

Case technology is aimed at developing the knowledge, development-oriented analytical skills information gathering and analysis, diagnosis, prognosis). Communicative nature of the exercises with the help of case technology makes it possible to quickly, efficiently, but quite fully appreciate importance of the discussed problems and proposed solutions [4, 26].

Case technology allows to perform successfully the following tasks:

- Acquire the necessary skills and techniques of analyzing situations from the professional sphere of activity;
- Take rapid decisions “here and now”;
- Develop the ability to request additional information from the teacher needed to clarify the situation;
- Develop the ability to carry out the presentation;
- Develop skills in critical and analytical thinking;
- To develop skills in independent decision-making.

Study effectiveness using case-technology depends largely on the training of teachers.

Analysis of the situations by incident method consists in the fact that information should be found by the trainee himself, it is necessary to teach the student to search for information: its collection, systematization and analysis.

Students get only a brief message about the incident (situation), which occurred in his career.

The main tasks of the incident method is as follows:

- Collection of missing information;
- Determination the essence of the problem;
- Clarification of the facts to make any decision.

Learners are going to have to find additional information using the questions; “What?”, “Where?”, “When?”. “Why?”, “How?”, “What?” The main purpose of this method is to improve the skills of the trainees on the one hand, make decisions under conditions of insufficient information on the other hand to collect efficiently and use information needed for decision-making in smaller subgroups of 3–5 people [5, 62].

This method allows us to strengthen the incentives for sustainable consumption information to develop trainees' analytical and critical thinking skills of forecasting, weigh their actions and intentions as well as gather information directionally and efficiently.

Forms of organization activities may include:

- 1) request for additional information is discussed by group and the question about the necessity of taking a motivated solution is decided;
- 2) each sub-group gets the requested information and during the debate it is realized which obtained information was used in reaching a decision;
- 3) quality (relevant information for decision-making) and quantitative assessment (in points, points) of the requested information is performed compared with the value of the decision in the same units as the pre-negotiated, but evaluation of the decisions is made by all participants.

The method of situational analysis (case study, technology case, incident method) allows to solve simultaneously three pedagogical objectives:

- to make the learning process methodically controlled by the teacher;
- to provide cognitive involvement of students with different levels of training;
- provide feedback, establish permanent control over the process of learning and quality teaching.

The method of situational analysis also contributes to the formation of the trainees the following competencies:

- willingness to accept responsibility for group activity;
- the ability to organize the group work properly;
- the ability to overcome the difficulties;
- ability to conduct their own line, carrying out the reasoning, using different communication techniques, strategies and models of communication;
- ability to find the causes and sources of critical situations;

- the ability to formulate ideas, proposals and projects;
- willingness to take creative solutions;
- the ability to foresee the consequences of the steps taken and decisions;
- the ability to make productive use of working time.

The greatest value is the fact that the method of situational analysis develops the students needs to learn, change their motivation and helps to build confidence, which gradually demonstrated in verba and nonverbal levels.

There are different theories on the “best” way to teach a child to use two languages. Most researchers agree that a child, who is exposed to two languages at an early age. and simultaneously, will naturally learn to use both languages.

Children can be expected to go through some periods of mixing two languages and borrowing vocabulary to express ideas, sometimes within the same sentence. This occurs because vocabulary may exist in one language but not in the other. Or words from one language may convey a message that is not easily translated into the other language. A separation of the two languages will occur gradually. Children may also experiment with the two languages to create special effects or to express themselves in specific settings. For example, one language may be identified as less formal and used for information about events related to home and family. The other language may be identified as more formal and used for activities outside the home. There may also be periods when one language is used more than the other. The opposite occurs with a change in the environment.

Children may not be equally skilled in both languages. It is common for there to be greater understanding than actual use of one language. Less confusion will occur if children learn to associate the two languages differently, for example if one language is used while speaking to the mother and the other while speaking to the father [6, 187].

In general, speech-language problems are less likely to occur when both languages are introduced early and simultaneously. There is a greater possibility of problems if children are introduced to a second language during the preschool years after another language was used exclusively. Some people believe that if a second language is introduced before the first language is fully developed, the development of the first language may be slowed or even regress. Others believe that the skill level of the second language will develop only to that of the first.

Parents who are concerned about their child's speech-language development should contact a speech-

language pathologist. An appropriate evaluation of skills will include evaluation of both languages, and will be completed by a bilingual speech-language pathologist or one who has knowledge of the rules and structure of both languages and the assistance of a translator or interpreter. The discovery that a child has some delays in both languages does not necessarily indicate a need for professional services. These delays may be characteristic of a two language

It is entirely possible to teach your child two or even three languages, and four is not unheard of. In Kazakhstan many toddlers learn four languages with little or no difficulty. The main requirements for this learning are: the parents speak only their mother-tongue to the child; the child has some reasons to learn the languages (motivation); and there is reinforcement of some kind for these languages, preferably outside the home. If the language of the environment is a third language, then the child will easily learn the third language once they start playing with neighbouring children.

There appears to be a ‘window’ of learning language that ‘opens’ at about the age of ten months. Infants can hear much earlier, of course, and there is some evidence that they can even hear in the womb. It is clear that they will begin to imitate the ‘noises’ they hear, and when there is a reaction from their caregivers, they begin to associate meanings with the sounds. Over the next two years, infants acquire language at an astonishing rate. By the age of three, they have acquired basic syntax (sentence structure), basic grammar (the ‘rules’ of the language), and a large vocabulary of basic words necessary to their physical and emotional survival. Their motivation to talk with their caregivers is high: asking for something usually results in being given the thing they need. Similarly, then the infant begins to play outside, with other children, then the motivation to talk to these children is high, and the infant will try to learn the language of play. Later on, at school, the other languages that are used in environment will be important too [7, 25].

The important thing to remember is that each child is an individual, and that each child will learn when they are ready to learn. If you think your child is ‘late learning to talk, be sure you have ruled out all possible physical causes, including possible deafness, and then just wait. Especially if there is more than one language in the baby's home environment, then the baby will be learning first to process and separate the different languages, before talking begins. This ‘separating the languages process’ is why it is important that each parent speaks only then mother-tongue to the baby. They can speak a

third language among themselves if they want the baby to hear and become familiar with that language as well, but it is important that the baby hears native-speaker sounds if you want the baby to make native-speaker.

There is considerable debate among linguists as to when the 'language learning window' closes, if it closes at all. However, there does seem to be an 'optimal' age for language learning, when the child's mind is still open and flexible, and not cluttered with all sorts of other learning, not to mention the society's views on which languages are 'prestige' languages, and which ones are regarded by the society as of little or no importance. The latter affects motivation: children will be admired for speaking a 'prestige' language, and teased and bullied for speaking a 'non-prestige' language. When the mind is being taught many other things than language, there is less 'processing space' left for language learning. At the moment, the 'optimal' time for learning a second language appears to be 'at the same time as the first language', i. e. in the home beginning at birth to three years (providing the parents speak these two languages as their mother tongue). The next best time for *learning* a second, third, and even a fourth language, appears to be between the ages of two to seven years. A third period for learning a second language is from about ten to *thirteen* years of age, this is in cases when the second language is not the language of either the parents or the environment. This is the reason behind the push to introduce 'foreign' language learning into the curriculum of elementary schools, in the grade when the child is about ten-eleven years old [8, 160].

Parents who want their children to learn their mother-tongue must realise that it will take time, beyond simply speaking their mother-tongue all the time to the child. This means things like reading out loud (this should go on until the child learns to read on their own, and for a few years afterwards until the child says stop), singing to them and teaching them songs and nursery rhymes, showing video films in the parent's language (radio is not as good as there are no visual clues), and having other adults or children talk to the child in this language (grandparents are invaluable here). Taking the child to visit in a country where the parent's language is the language of the environment is also a good idea, if it is practical: sending the child to spend time with grandparents at about the age of eleven or twelve is also a good idea, for many reasons. This is probably a good place to remind parents that a multilingual environment is also a multicultural environment, and that it is very difficult if not impossible to separate language from culture. Without a context (culture) for the language, the child will

have difficulty making sense of the meanings underlying the words.

Parents should be sure the child has a firm grounding in the parents' own languages before trying to teach a second or third language. This should if possible include learning to read and write in at least one of those two languages. Some countries in Europe offer children in the early grades of elementary school the possibility to learn to read and write in their 'home' language: parents should check if this is possible in their local schools. Parents who want to teach their child to read at home should remember that linguists think it is impossible to teach a child to read before they have learned to talk: first the child learns a system of sounds that have meaning, and how to put these 'meaning' sounds together in a larger system; then the child learns a system of symbols (letters or ideograms) that have the same meanings as the sounds and/or combinations of sounds. A phonetic system of learning to read is preferred by many linguists, for languages that have alphabets. Teach the child the sounds of the letters first, and then teach 'sounding out' the words from the letters. Simply reading aloud to a child while holding the child in your lap and putting your fingers under the big letters in a picture book, or under the words in a storybook, is one method of teaching a young child to read. It is rare that a child learns to read under the age of four. Writing can be taught at the same time as reading, or after the child has learned to read: begin with making separate letters, and the first written word taught is usually the child's own name.

Problems will arise when the child starts playing with neighbourhood children who do not speak the language the parent is trying to teach them. This is the stage when a lot of parents give up. The child does not want to be 'different' from their playmates, and speaking another language certainly makes you different. If the parent refuses to answer the child, or to give them what they want until they ask for it in the parent's 'own' language, the process of learning the language will continue. Some parents make an agreement to talk to the child in the language of the playmates when the playmates are around, and the 'home' language when only family is 'home': personally I think this does not work well. The problems will increase when the child starts kindergarten. The parent must keep speaking only their 'own' language with the child, or the child will lose the language.

Teaching a child a language that is not the mother-tongue of either parent is usually not a good idea. Unless the parents are completely bilingual themselves, that is, they speak two languages as native languages, and then

the sounds that are produced for the child to imitate will be tinged with a strong accent. Similarly, unless the parent speaks the non-native language exceptionally well, then the child will learn the mistakes that parent makes in that language. Finally, and perhaps more important, teaching a second or third language that the parent does not know well will confuse the child unnecessarily. Wait until the baby has mastered the native languages of both parents well enough to be able to have long, meaningful conversations (about five years old) and has begun to play with other children, before deciding about introducing a language that the parents do not speak well. Remember that the child will learn the language of the environment and the school even without input from the parents. Trying to teach the child an artificial language, can be done only if both parents speak it well enough to converse in it daily where the child can hear them. Again, this must be considered a second or third language, and teaching it is best done only after the child has learned the parents' languages well. Children who do not use this 'artificial' language in their teen years will almost certainly lose it. since as said above, languages need to be spoken or they will be lost [9, 54].

No matter what age your child is, or whether you speak one language or several, you can raise > our child bilingual. While you can probably already envision some of the advantages your child will enjoy once she can speak two languages, it might be motivating to know that learning two languages, in and of itself, will be hugely beneficial to her. Research shows that children who are being raised bilingual enjoy language, academic, and cognitive advantages, from increased abstract thinking and problem-solving abilities to improved school performance, even in math. Children who learn a second language are also more culturally aware. And while you may have more immediate concerns at the moment than your child's future job prospects, it's worth noting that the ability to understand different cultures and interact comfortably with people of different origins is a skill highly sought after by corporations, and it's only likely to become more so in the coming years. Here are the tips to get you going.

Start as early as possible.

While adults can and do learn languages, the brain is more receptive to language learning during childhood. You may not realize it, but at birth, your child's brain is pre-wired to learn all of the languages of the world, regardless of what language or languages you speak. That's right. Your child could learn Swedish or Zulu or Hindi, all without an accent — if she were to hear them early on and often enough. Teaching your child a second language

starting at birth is ideal, not just for your child but also for you, because it gets you in the habit from the very beginning. Postponing bilingualism can mean never starting bilingualism.

Know that whether you are bilingual or monolingual, you can raise your child bilingual.

Nearly every child can learn a second language. Indeed, throughout the world, bilingualism is the rule and not the exception. Even in the United States, 20 percent of families speak a language other than English at home. But whether parents are bilingual or monolingual themselves, they're recognizing, in ever increasing numbers, how important it is for their 21st-century children to learn more than one language. And there's no evidence whatsoever that a child with English-speaking monolingual parents can't learn a foreign language. Define the level of proficiency you'd like your child to achieve.

Before beginning, it is helpful to understand what it means to be bilingual. This can be explained based on levels of bilingual proficiency. The first level is the ability to understand a second language. (This is sometimes referred to as passive bilingualism because it doesn't involve actively speaking it). The second level is being able to carry on conversation, more or less fluently, in the second language. The third, and final, level is the ability to read and write as well as speak that language. Identify and prioritize your bilingual goals for your child — and for your child to aim for greater proficiency — as each level is a solid stepping-stone to the next. For example, if your child can already understand and speak a language, it is going to be easier for him to pick up a book in that language and learn to read it.

Look for outside support to keep you going.

As *With any important and long-term parenting goal*, support is necessary and crucial when teaching your child a second language. Weekend language schools, tutoring, and play groups can help you connect with other families who are raising their children to speak your language and help up the "language input." If you are less than fluent in the second language, it is also important to recognize that you'll need more outside support to boost your child's second-language learning. The good news is it's easy to find that support in the area. Just think of all the different cultures and languages that are right outside your door.

When setting your bilingual goals for your child, the most important thing to keep in mind is that the more intensive and extensive the language "input," the faster your child is going to learn the language and the higher the proficiency level he will reach. Having a "weekly bilingual plan" that lists different types of activities you'll do in

your language, such as reading to your child, watching a movie, or playing a computer game, and when you'll

do them, helps you ensure that your child gets the right amount of language input to match your bilingual goals.

Reference:

1. Кунанбаева С. С. Современное иноязычное образование: методология и теории. – Алматы, – 2005г. – 264с.
2. Контекстное обучение как один из способов профессионализации иноязычного образования. // Научный журнал «Менеджменте образовании». – Алматы, – 2010. – № 3 (58). – с. 97–104.
3. The Business" Upper-Intermediate student's book, Jeremy Townend with Paul Emmerson, Macmillan. – 2008.
4. "New Market Leader". Intermediate Business English Course Book. David Cotton. David Falvey, Simon Kent; Pearson Education Limited, – 2007.
5. Coillier, Virginia P. A Synthesis of Studies Examining Long-Term Language Minority Student Data on Academic Achievement. // Bilingual Research Journal 16 (1&2), – 1992.
6. Cummins, James. The Entry and Exit Fallacy in Bilingual Education. // NABE Journal 4, – 2003.
7. Hamers Josiane F., Blanc Michel H. A. Bilinguality and Bilingualism // Cambridge University Press, – 1989.
8. Mackey William F. Toward a definition of Bilingualism. // Journal of the Canadian Linguistic Association, – March, – 1999.
9. Peal Elizabeth, Lambert Wallace E. Relation of Bilingualism to Intelligence. // Psychological Monographs, – 2006.

*Miroshnichenko Yulia Alexandrovna,
Zaporizhzhya National University,
postgraduate student, the Faculty of Foreign Languages
E-mail: miroshnichenko30@mail.ru*

“Duel encoding” in the novel “Ghostwritten” written by D. Mitchell

Abstract: The principle of “duel encoding” in D. Mitchell's novel “Ghostwritten” is under analysis in this article. Real-social and extraordinary-philosophic aspects are under consideration.

Keywords: postmodernism, popular literature, elite literature, game, existential motives.

*Мирошниченко Юлия Александровна,
Запорожский национальный университет,
аспирантка, факультет иностранной филологии
E-mail: miroshnichenko30@mail.ru*

«Двойное кодирование» в романе Д. Митчелла «Литературный призрак»

Аннотация: В данной статье проанализирован принцип «двойного кодирования». Рассмотрены реально бытовые и притчево-философские аспекты.

Ключевые слова: постмодернизм, массовая литература, элитарная литература, игра, экзистенциальные мотивы.

Постмодернизм как сложное сочетание философии и литературы, культуры и искусства, массовости и элитарности потребовал в конце XX начале XXI вв. значительных изменений. Перед писателями встала задача — создать различные виды реальности, мыслить неограниченно и владеть дискурсами всех культурно-исторических эпох.

В сфере особо пристального внимания литературоведов находится проблема соотношения массо-

вой и элитарной культур, которая реализуется в понятии «двойное кодирование». Так как появилась необходимость «объяснить природу художественных постмодернистских текстов (под «текстом» с семиотической точки зрения подразумевается семантический и формальный аспект любого произведения искусства, поскольку для того, чтобы быть воспринятым, он должен быть прочитан реципиентом [2, 47]»).

Прием двойного кодирования оказывается довольно неоднозначным в постмодернистской парадигме. Под ним понимают не два, а сразу несколько кодов. Так, любое произведение, по теории Р. Барта, реализуется в соединении различных кодов. Среди них теоретик выделяет пять: культурный, герменевтический, символический, семиотический и нарративный [2, 38].

С. Скоропанова видит особенности этого приема в двухуровневой или многоуровневой организации текста и отмечает, что «постмодернистский текст реализует множественность смысла и предполагает множественность равноправных интерпретаций» [6, 8]. Таким образом, с помощью двойного или многократного кодирования читатели могут раскодировать (понять) ровно столько, сколько им позволяет уровень их интеллектуального развития.

Постмодернизм, играя с формами и кодами разных эпох, стилей и направлений позволяет писателю, в свою очередь, играть и с текстами, и с читателями. Соответственно, можно сделать вывод о том, что постмодернизм положительно относится к так называемой «массовой» культуре. Ю. Ковбасенко подчеркивает, что одним из важных заданий постмодернизма является «стремление вернуть массового читателя... где компоненты элитарной и массовой культур используются в равной степени как амбивалентный игровой материал... и поэтому происходит «элитаризация» массовой культуры и одновременно — «омассовление» элитарности» [3]. Как результат, массовая литература обращается к неограниченной аудитории и наследует «высокую» (элитарную) литературу для решения развлекательной функции.

Целью данной статьи является определение специфики «двойного кодирования» в романе Дэвида Митчелла «Литературный призрак».

Творческое наследие современного английского писателя — пять романов (“*Ghostwritten*” («Литературный призрак»), “*Number 9 Dream*” («Сон № 9»), “*Cloud Atlas*” («Облачный атлас»), “*Black Swan Green*” („Черно-зеленый лебедь”) и “*The Thousand Autumns of Jacob de Zoet*” („Тысячи осеней Якоба де Зоэта”).

Дебютный роман писателя (“*Ghostwritten*” («Литературный призрак»)) вышел в 1999 году (но на русский язык был переведен только в 2009 году). Он выиграл “*John Llewellyn Rhys Prize*” (как лучшая английская книга, написанная автором моложе 35 лет) и был номинирован на “*Guardian First Book Award*”.

В критических рецензиях, посвященных творчеству Д. Митчелла, приводится мысль, что романы

этого автора представляют парадокс, так как принадлежат одновременно и к массовой, и к «серьезной» литературе.

«Литературный призрак» привлекает внимание критиков и читателей с одной стороны своим неординарным построением, а с другой — простыми и понятными темами.

Популярность и своевременность книги «Литературный призрак» обусловлена склонностью автора к постмодернистской художественной практике, а именно, к фрагментарности, нелинейному построению произведения, игровому фактору, интертекстуальным включениям и т. д.

По свидетельству Н. Блинкоу, роман «Литературный призрак» — серия свободно переплетающихся историй, которые привлекают своей эпизодичной формой (фрагментарное изображение событий) [7].

Интересной представляется мысль Е. Риц о том, что «дебютная книга тридцатилетнего автора оказалась изысканной в композиционном плане. Дэвид Митчелл предложил новаторскую форму большой художественной прозы. «Литературный призрак» изначально воспринимается как роман в новеллах, никак не связанных между собой. Но постепенно проявляется единый сюжет, где все взаимосвязано, где каждый незначительный эпизод приобретает новый смысл» [5] (нелинейное построение произведения).

С. Нов подчеркивает, что Д. Митчелл воссоздает в романе «чужую» культуру» [9] (имагологический аспект). И это не случайно, так как автор прожил восемь лет в Японии, где преподавал английский японским студентам и имел возможность наблюдать и оценивать.

Но имеются и критически настроенные отзывы. Так, Р. Макфалейн считает, что роман сложно структурированное произведение и страдает от «сверхтворческой плодовитости» и большого количества информации [8]. Однако, на наш взгляд, информация воспринимается частями (порциями), поэтому роман не является перенасыщенным.

Спецификой данного романа является то, что текст имеет два уровня прочтения: реально-бытовой (интересный для массового читателя) и иносказательно-философский (интересный для интеллектуального читателя).

Прием «двойного кодирования» позволяет автору открыть перед читателем несколько возможностей. Итак, первая — детективный роман. Такая повествовательная стратегия выбрана не случайно, так как, по его замыслу, она лежит на поверхности

и оказывается наиболее привлекательной для массового читателя, который увлекается приключениями с острыми и запутанными сюжетами. Детективная интрига представляет собою своеобразное начало массовой литературы.

В романе «Литературный призрак» Д. Митчелл придерживается традиционной схемы написания детектива. Здесь присутствуют расследования взрывов в Токийском метро («Окинава»), поиск украденных картин из Эрмитажа, который сопровождается кровавыми убийствами («Санкт-Петербург»), преследования выдающейся ученой агентами Пентагона («Клир-Айленд») и другие. Такая интрига захватывает читателя и создает определенный развлекательный характер.

Особый колорит детективным сюжетам романа придает исторический фон, на котором разворачивается данная интрига (также рассчитан на «среднего» читателя). Автор подробно показывает порабощение китайского народа на примере одной семьи («Святая гора»), которую сначала ущемляет войско Военачальника, затем обворовывают «освободители» из Японии, на смену которым приходят с оружием гоминдановцы. И наконец, семью «культурно перевоспитывают» «маоисты». Они отнимают маленький отель в месте паломничества на Святой горе.

Еще одна особенность, которая привлекает читателя в романе «Литературный призрак» — мистическая. Поэтому роман приобретает также мистический характер.

В романе действуют персонажи-призраки. Среди них — маленькая девочка, которая живет в квартире Нила Броуза («Гонконг»). Медиум предполагает несколько вариантов появления ребенка. Во-первых, нежелательных детей привозили на остров Лантау и бросали там умирать от голода и холода среди диких зверей, Во-вторых, когда японцы, во время войны с китайцами, оккупировали Гонконг, они вывозили туда арестованных и заставляли рыть себе могилу. Возможно, девочка что-то украла и ее расстреляли. В-третьих, девочка — дочь белого специалиста и служанки. Мужчина бросил женщину, а она от обиды оставила девочку около дома. Но во всяком случае «призрак находится в тени, где ему и полагается быть. Если призрак выходит из тени, он становится человеком» [4]. Призрак способен взять на себя боль и страдания живых. Но ужасным является то, что это призрак ребенка.

Еще один призрак — старуха, которая является безымянной Женщине («Святая гора»), она говорит:

«Не бойся. Дерево поможет тебе. Оно подскажет тебе, когда нужно бежать и прятаться» [4]. Это материальное воплощение накопившихся проблем и способ защиты от них при помощи мистического существа.

А потом, после смерти Мао Цзэдуна, Женщина видит призрак молодой девушки. Но она уже могла успокоить и себя и несуществующее существо (символизирующее скорые изменения). Так происходит приспособление к новым обстоятельствам.

Автор удачно вводит в повествование мотив духа, переселяющегося из одного человека в другого. Дух размышляет: «Почему я такой, каков есть? У меня нет генетического кода? У меня нет родителей... Но я обладаю разумом и совестью. Гуманный негуманоид» [4]. Этот процесс показывает состояние живого человека, пытающегося найти смысл своего существования, но найти его не может и погибает.

Как видим, чтобы привлечь внимание «обычного» читателя, в свой роман автор вводит детективную интригу, которую дополняет историческим и мистическим фонами.

Интеллектуальный читатель задумается над заголовком произведения, сложно построенным сюжетом и обратит внимание на философско-притчевое начало.

Заголовок романа «Литературный призрак» является символическим. И он указан в содержании произведения. Так, писатель, написавший всего одну книгу («Лондон») называет себя «литературный неф или литературный призрак, как вам больше нравится» [4], так как не считает, что он сложился как писатель.

Кроме внешнего заголовка, интересными оказываются внутренние. Это названия каждой части. Их в романе десять: «Окинава», «Токио», «Гонконг», «Святая гора», «Монголия», «Санкт-Петербург», «Лондон», «Клир-Айленд», «Ночной поезд» и «Подземка». Восемь частей имеют географические названия мест и являются мощным культурологическим аспектом. Д. Митчелл, таким образом, подчеркивает не только свою осведомленность миром, но и расширяет диапазон и масштабность своего повествования.

«Ночной поезд» — это название передачи, где радиоведущий Бед Сегундо в прямом эфире общается с искусственным интеллектом, который называет себя Стражем Зверинца.

«Подземка» — это токийское метро, где произошел теракт в 1995 году.

Следовательно, и заголовок всего произведения, и названия отдельных его частей подчеркивают глубокий философский смысл романа.

Автор не скрывает своего намерения озадачить читателя, ведет с ним игру, последовательно обманывая его ожидания, на которые сам же и наводит. Читатель чувствует неуверенность уже изначально, когда не может определить, в каком времени и месте он находится.

В романе несколько сюжетных линий, которые происходят в разных местах мира: Окинаве, Нью-Йорке, Гонконге, Монголии, Санкт-Петербурге, Лондоне и Ирландии. А также несколько рассказчиков: Кайсуке Сенаке (участник теракта, проведенного сектой в токийском метро в 1995 году), Сатору (начинающий саксофонист, подрабатывающий продавцом в музыкальном магазине), Нил Броуз (банковский менеджер из Лондона), безымянная Женщина из Китая (в юности ее изнасиловал сын военачальника, а родные не вступились за ее честь), дух (переселяется из одного живого существа в другое и философствует по поводу смысла существования), Марго Латунская (наблюдательница в Эрмитаже), писатель Марк ((написал только одну книгу об игроке в крикет Денисе Макстоне), физик Мо Мантервари (ей пришлось всю жизнь прятаться от Пентагона, где ее склоняли к разработке ядерной бомбы) и радиоведущий Бет Сегундо (во время радио передачи общается с искусственным интеллектом).

Следует отметить, что во всех историях, которые, на первый взгляд, кажутся бессмысленными сказками, рассказчики поднимают довольно серьезные философские проблемы, такие как смысл человеческого существования, человек и история, человек и власть, человек и природа.

Смысл человеческого существования автор передает через экзистенциально-притчевые мотивы («абсолютная свобода», «полная зависимость», «человеческая ответственность» и «страх»).

Д. Митчелл отрицает концепцию «абсолютной свободы» личности и противопоставляет ей тезис о «полной зависимости» от определенных факторов. Так, Кайсуке Сенаке (фигурирует в двух частях «Окинава» и «Подземка», и с другими персонажами

связан только на маргинальном уровне), говорит: «Я во всем подчиняюсь воле Его Пророчеству» [4]. Кайсуке несет смерть, но, одержимый властью, считает, что дает своим жертвам свободу.

В полемику с концепцией «абсолютной свободы» автор также вводит важный тезис — о «человеческой ответственности». Операция Кайсуке под угрозой и он понимает: «Я не могу ставить под угрозу миссию Его Пророчества. Лучше умереть» [4].

Но «ответственность» борется со «страхом», и даже не за провал операции, а за собственную жизнь. Он боится: «Умереть... Я не хочу, чтобы этот вагон стал моей могилой» [4].

Проблема «человек и истории» раскрывается на фоне реальных исторических событиях. Так, в части «Святая гора» в результате революции коммунистическая партия «освободила» народ от религиозных оков, где «врагами народа объявили даже соратников Мао, творцов культурной революции». История доказала, что это были тяжелые времена. Потому что оказалось, что «самые кровожадные властители древности — котятя по сравнению с сумасшествием Мао» [4]. Такими оказались коммунистические лидеры и в других социалистических странах мира (проблема «человек и власть»).

Человек существует в природе, неразрывно связан с ней. Научный прогресс заставил забыть вероятности нежелательных изменений в окружающей среде. Так, даже известный физик Мо Мантервари, которая занималась созданием искусственного интеллекта, предостерегает: «Мы создаем модель, чтобы объяснить природу, а модель занимает ее место и гонит природу прочь со двора» [4] (проблема «человек и природа»).

Таким образом, проблема синтеза «массового» и «элитарного» нашла свое решение в произведении Дэвида Митчелла «Литературный призрак». В романе автор соединил реально-бытовые (детективные, исторические, мистические) и иносказательно-философские аспекты, которые оказались интересными для большого круга читателей.

Список литературы:

1. Барт Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика. Москва: «Прогресс», – 1994. – 616 с.
2. Ильин И. П. Постмодернизм. Словарь терминов/Под ред. А. Е. Махова. – М.: ИНИОН РАН (отдел литературоведения), – 2001. – 384 с.
3. Ковбасенко Ю. Література постмодернізму: по той бік різних боків [Электронный ресурс]/Ю. Ковбасенко – Режим доступа: <http://vmurol.com.ua>
4. Митчелл Д. Литературный призрак. – М.: Эксмо; СПб.: Домино, – 2009. – 608 с. – (Интеллектуальный бестселлер) [Электронный ресурс]/Д. Митчелл – Режим доступа: <http://fictionbook.in/devid-mitchell-literaturniy-prizrak>.

5. Риц Е. Чейголосутебявголове Дэвид Митчелл. Литературный призрак [Электронный ресурс] / Е. Риц // Комментарии (14 октября 2009) – Режим доступа: <http://booknik.ru/reviews/fiction/cheyi-golos-u-tebya-v-golove/>
6. Скоропанова И. С. Русская постмодернистская литература: Учеб. пособие. – 3-е изд., изд., и доп. – М.: Флинта: Наука, – 2001. – 608 с.
7. Blincoe N. Spirit that speaks [Электронный ресурс] / N. Blincoe // The Guardian (21 August 1999) – Режим доступа: <http://www.guardian.co.uk/books/1999/aug/21/guardianfirstbookaward1999.guardianfirstbookaward/print>
8. MacFarlane R. David Mitchell lets his imagination run riot in Number9dream, but he can control the results? [Электронный ресурс] / R. MacFarlane // The Observer (11 March 2001) – Режим доступа: <http://www.guardian.co.uk/books/2001/mar/11/fiction.davidmitchell>
9. North S. Ghostwritten by David Mitchell [Электронный ресурс] / S. North – Режим доступа: <http://www.hackwriters.com/ghostwritten.htm>

*Plekhanova Elena Alexandrovna,
Orenburg State University,
post-graduate student, the Faculty of Philology,
E: mail: plekhanova.elena.osu@gmail.com*

Functional and style differentiation of mass media texts

Abstract: Interpretation of mass media texts from the point of view of humanities is examined in the article. The mass media texts are analyzed for the purpose of defining of functional and style differentiation.

Keywords: mass media, mass communication, functional styles, functional and style differentiation

*Плеханова Елена Александровна,
Оренбургский государственный университет,
аспирант, факультет филологии
E: mail: plekhanova.elena.osu@gmail.com*

Функционально-стилевая дифференциация текстов СМИ

Аннотация: В статье рассматриваются проблемы интерпретации текстов СМИ с точки зрения гуманитарных наук. В статье уделяется особое внимание функционально-стилистическому аспекту изучения языка СМИ.

Ключевые слова: СМИ, массовая коммуникация, функциональные стили, функционально-стилевая дифференциация.

Отмечая активное внимание к функционально-стилистическому аспекту изучения языка СМИ, Г. Я. Солганик позиционирует язык СМИ как особое литературное образование, уникальность которого определяется своеобразием выполняемых задач. В связи с этим Г. Я. Солганик высказывается в пользу исследования схемы коммуникации адресант — код (речь) — адресат в стилистическом плане, объясняя свою позицию различной ее реализацией в каждом функциональном стиле, что оказывает «сильное воздействие на выбор языковых средств, на характер речи, на специфику выразительных средств» [1, 456–457].

При изучении текстов СМИ возникает серьезная проблема, связанная, по мнению Д. Н. Шмелева,

со стилистической антигомогенностью языка массовой информации, выражающаяся в его материальной неоднородности. Отмеченная особенность является природным стилевым признаком текстов СМИ [2, 67].

Характеризуя исследования массовой информации как достаточно трудный процесс, Ю. В. Рождественский также поясняет свое утверждение особой сложностью предмета, выражающейся, во-первых, в коллективном и коллегиальном создании текста СМИ, во-вторых, в интеграции различных функциональных стилей. Таким образом, массовая информация — сложный по способу создания и безграничный по устно-письменным источникам текст [3, 229].

Т. Г. Добросклонская заостряет внимание на амбивалентной природе языка средств массовой информации. С одной стороны, он характеризуется единством и целостностью, определяющимися своеобразием речеупотребления в сфере массовой коммуникации, предопределенностью форм и константностью тематической структуры. С другой стороны — язык СМИ — это разнородное, с точки зрения функциональной стилистики, образование, что влияет на универсализацию тематики, открытость, динамичность и взаимодействие медиатекста со всеми другими сферами речеупотребления [4, 28].

Отмеченная автором двойственность составляет важнейшее свойство языка массовой информации, которое позволяет определить его как особый вид функционально-стилевых единств.

В основе построения медиатекста лежит принцип поиска языковых средств в соответствии с коммуникативными целями. Умение выбрать и употребить языковые средства в соответствии с параметрами общения, со специальными функциями СМИ как вида общения, с условиями восприятия текста позиционируется А. А. Леонтьевым как культура речи в СМИ [5, 152]. Данное умение обуславливается и формой предоставления информации. А. А. Леонтьев выделяет:

1) открытую вербальную (словесную) форму — предоставление сведений в виде отдельного высказывания или цепочки взаимосвязанных высказываний; размещение новой информации в предикативной части высказывания;

2) скрытую вербальную форму — словесное завуалированное выражение информации; размещение новой информации в группе подлежащего в виде так называемой латентной предикации;

3) пресуппозитивную или затекстовую форму — имплицитное выражение информации в тексте, основанное на гипотетичном предположении об осведомленности коммуникатора и реципиента о событии;

4) подтекстовую форму — возможность извлекать информацию из текста, при отсутствии в нем информации [5, 159].

Амбивалентность языка СМИ явилась причиной отсутствия системного описания языка массовой информации с точки зрения его функционально-стилевой дифференциации.

Г. Я. Солганик позиционирует тексты СМИ как принадлежащие публицистическому стилю, так как понятие «публицистика» (от лат. *publicus* — общественный) подразумевает, что «автор обязательно

касается социальных вопросов или рассматривает частные проблемы, но непременно с социальных позиций <...> стилистический аспект языка СМИ предполагает изучение, прежде всего воздействующей и информативной функций, исследование того, как проявляется влияние этих функций на язык и стиль СМИ» [1, 456–458].

Н. И. Клушина относит тексты массовой информации к стилю массовой коммуникации, одному из самых открытых в системе функциональных стилей для элементов функционально-делового, научного стилей, где находят применение разговорные способы выражения и используются художественные средства. Распределение всего массива текстов СМИ производится «в зависимости от преобладания в них либо экспрессии, либо стандарта к информационному или публицистическому подстилям». К информационному подстилю Н. И. Клушина причисляет «информационные жанры; к публицистическому — аналитические жанры, сатирические жанры, художественно-публицистические жанры, рекламные жанры» [6, 479–480].

Солидаризируясь с Н. И. Клушиной в вопросе детерминации информационного и публицистического подстилей, Т. С. Дроняева определяет учет количественных характеристик целого текста (преобладание в тексте элементов оценочных или безоценочных, логизированных) как критерий, определяющий принадлежность журналистского произведения к информационному или публицистическому подстилям [7, 496].

Сочетание стандарта и экспрессии в качестве основного стилистического принципа организации языка в публицистике выделяется также и М. П. Брандес. Основу газетно-публицистического стиля, по словам автора, составляет «книжный» язык, выражающий предварительно продуманную и организованную целостную информацию посредством сочетания элементов разных стилей при их частичном сохранении или утрате исконной стилистической окраски [8, 197].

М. Н. Кожина, А. Р. Дускаева, В. А. Салимовский, отмечая разнообразие устных и письменных жанров публицистического стиля, обогащают перечень сетевым публицистическим жанром (средствами массовой коммуникации, включая электронные СМИ, в том числе Интернет). Интернет является «речевой средой принципиально нового типа, поскольку здесь размываются различия не только между монологом и диалогом, но и устной и письменной формами речи, между официальным и неофициальным общением, между социально — и индивидуально

ориентированным общением, причем все это характерно и для публицистических Web-жанров» [9, 387].

В качестве основной составляющей языка средств массовой информации рассматривается язык газеты, в частности газетные тексты информационной направленности. Анализ языка и стиля определенных газетных жанров (стилистика газетных жанров), функционально-стилистические особенности газетно-публицистического стиля подробно исследовались в фундаментальных работах ученых (В. В. Богуславская, 2008; К. И. Былинский, 1996; Г. О. Винокур, 2006; Т. Г. Винокур, 2009; М. Н. Володина, 2008; Т. Г. Добросклонская, 2005, 2008, 2012; Н. Б. Кирилова, 2006; В. Г. Костомаров, 1971; Е. М. Лазуткина, 2008; Л. М. Майданова, 1987; Д. Э. Розенталь, 1980; Г. Я. Солганик, 2008, 2008 а, 2008 б; А. Д. Швейцер, 2012; A. Bell, 1992 и др.). Интеграция таких характеристик языка газетно-публицистического стиля, как стилистическое разнообразие, открытость, динамичность, с той ролью, которую играет газета в современном обществе, предопределили постоянный интерес к изучению языка газеты как одного из функциональных стилей речи. Анализ теоретических вопросов, рассматриваемых учеными, позволил нам выделить основные векторы исследований в данной области.

1. Описание лексических, грамматических и стилистических особенностей современной газеты в диахроническом и синхроническом аспектах (Бессарабова, 1985; Грозданов, 2007; Зененко, 2004; Клушина, 1995; Синячкина, 1997; Шайдорова, 2009; Шишлянникова, 1984; Leiba, 2006 и другие).

В этом проблемном поле выделяется работа Н. И. Клушиной, направленная на выявление семантических и стилистических трансформаций, происходящих в языке современной газеты, а также в их квалификации [6].

Признание уникальной способности средств массовой информации за короткий период времени вводить в употребление новые языковые явления обусловило актуальность проведенного Н. В. Зененко комплексного исследования газетно-публицистического стиля речи с учетом проникновения элементов других функциональных стилей современного испанского языка [11].

В работе Ю. А. Шайдоровой осуществлена функционально-стилистическая систематизация экспрессивной лексики с позиции дихотомии (стандарт/субстандарт), позволяющей дифференцировать литературную (кодифицированную) и нелитературную (некодифицированную) лексику, проведены

лексические замеры colloquialных и некодифицированных единиц, выявлена степень и глубина взаимодействия устно-разговорной речи и языка газеты. Особый интерес представляют обнаруженные стилистические приемы, в организации которых участвует colloquialная и субстандартная лексика [12].

Актуальные вопросы изменения смысла и смены стилистической характеристики концептуальных для газеты слов, исходя из функционального аспекта лексики, рассматриваются в диссертационном исследовании Н. С. Синячкиной. Теоретическое значение имеют выявленные общие и частные экстралингвистические причины языковых изменений, которые оказывают постоянное воздействие на лексику языка газеты, особую значимость в данном контексте приобретает и примененный универсальный способ отбора речевых средств «шкала ценностей» в структуре газеты [13].

Комплексное изучение Ф. Т. Гроздановым языковых особенностей газет, функционирующих исключительно в виртуальном пространстве, является результативным с точки зрения обнаружения характеристик, отличающих Интернет-газеты от традиционных бумажных, языковых приемов, средств и способов, которыми оперирует сетевая журналистика, особенностей восприятия читательской аудиторией в зависимости от авторской принадлежности данного типа медиатекста, изданий, освещающей тематики. [14].

2. Изучение процессов организации и самоорганизации текстового пространства газеты (Вэньцзе, 2007; Некрасова, 2011; Никифорова, 2011; Хазов, 1984; Фаткабарова, 2007 и другие).

Изучению газетного сообщения как системы, «характеризующейся наличием отношений и связей между образующими ее элементами и неразрывным единством с окружающей средой, во взаимодействии с которой проявляется ее целостность», посвящена работа Ю. М. Фаткабаровой. Автор определяет краткое газетное сообщение как структурно доминирующий тип текста современной русскоязычной прессы, обладающий своим семантическим и графическим инструментарием и детерминирующий лингвистические и экстраязыковые условия функционирования информационного пространства текста [15].

Ч. Вэньцзе выявляет основные закономерности построения текстов современных газетных заметок, при этом во внимание принимаются как лингвистические, так и экстралингвистические факторы. Проведенное исследование доказывает, что структура газетной заметки определяется целым комплексом

текстовых характеристик: отношением «заголовочный комплекс — текст», типом членения информации на абзацы и/или выделенные шрифтом части, композиционным типом развертывания текста (нарративный, описательный, смешанный типы) [16].

Причинно-следственные связи между сдвигами нормы и динамическими характеристиками массового сознания носителей языковой культуры устанавливаются М. С. Некрасовой. Впервые автором проводится анализ употребления языковых единиц как компонентов русского языкового пространства современной прессы, и выявляются непосредственно те компоненты языкового пространства, в которых отражается изменение нормы, а также ментальные изменения [17].

Диссертационная работа Ж. А. Никифоровой выполнена в междисциплинарном аспекте с учетом данных лингвосинергетики. Научная новизна заключается в обосновании проблемы самоорганизации газетного гипертекста, выработке классификации газетных заголовков (элементов гипертекста), основанной на их размере и особенностях структуры, исследовании ритмов членения газетного гипертекста и композиционно-графическом моделировании гипертекста газет (Никифорова, 2011).

3. Репрезентация определенных типов языковой личности в публицистическом дискурсе (Дедюкова,

2010; Зарипова, 2012; Киуру, 2008; Серова, 2007; Соколовская, 2002; Шаова, 2011 и другие).

Новая авторская методика анализа медиатекста с позиций дискурсного анализа публикаций прессы, направленная на реконструкцию интерпретационных моделей имиджа политического лидера в процессе политической коммуникации, разработана К. В. Киуру [18].

В исследовании С. А. Серовой получает дальнейшее развитие концепция языковой личности и современного газетного текста, анализируются приемы контраста, языкового повтора и языковой игры с точки зрения повышения прагматической интенсивности и оценочно-воздейственной функции современного газетного текста (Серова, 2007).

Такое повышенное внимание Т. Г. Добросклонская эксплицирует тем, что «во-первых, газета является старейшим средством массовой информации, в котором складывались и формировались основные стилистические приемы и средства, характерные для языка массовой коммуникации в целом, во-вторых, газетные тексты представляют собой наиболее доступный и удобный с точки зрения лингвистического описания материал, так как не требуют предварительной записи и последующей расшифровки» (Добросклонская, 2012).

Список литературы:

1. Солганик Г. Я. Стилистика публицистической речи / Г. Я. Солганик // Язык средств массовой информации: Учебное пособие для вузов / Под ред. М. Н. Володиной. – М.: Академический Проект; Альма Матер, – 2008. – с. 456–469.
2. Шмелев Д. Н. Русский язык в его функциональных разновидностях / Д. Н. Шмелев. – М.: Издательство «Наука», – 1977. – 168 с.
3. Рождественский Ю. В. Теория риторики / Ю. В. Рождественский. – М.: М.: Флинта; Наука, – 2006. – 512 с.
4. Добросклонская Т. Г. Медиалингвистика: системный подход к изучению языка СМИ: современная английская медиаречь: учебное пособие / Т. Г. Добросклонская. – Флинта; Наука, – 2008. – 264 с.
5. Леонтьев А. А. Психолингвистические особенности языка СМИ / А. А. Леонтьев // Язык средств массовой информации: Учебное пособие для вузов / Под ред. М. Н. Володиной. – М.: Академический Проект; Альма Матер, – 2008. – с. 146–152.
6. Клушина Н. И. Особенности публицистического стиля / Н. И. Клушина // Язык средств массовой информации: Учебное пособие для вузов / Под ред. М. Н. Володиной. – М.: Академический Проект; Альма Матер, – 2008. – с. 479–496.
7. Дроняева Т. С. Информационный подстиль / Т. С. Дроняева // Язык средств массовой информации: Учебное пособие для вузов / Под ред. М. Н. Володиной. – М.: Академический Проект; Альма Матер, – 2008. – с. 496–521.
8. Брандес М. П. Стилистика текста. Теоретический курс: учебник / М. П. Брандес. – М: Прогресс-Традиция; ИНФРА-М, – 2004. – 3-е изд., перераб. и доп. – 416 с.
9. Кожина М. Н. Стилистика русского языка: учебник / М. Н. Кожина, Л. Р. Дускаева, В. А. Салимовский. – М.: Флинта: Наука, – 2012. – 3-е изд. – 464 с.

10. Клушина Н. И. Семантические и стилистические изменения в лексике современной газеты: (на материале газет 1989–1994 гг.): дис. ... канд. филол. наук/Н. И. Клушина. – Москва, – 1995. – 200 с.
11. Зененко Н. В. Лексико-грамматическая специфика газетно-публицистического стиля речи (На материале прессы пиренейского варианта испанского языка): дис. ... канд. филол. наук/Н. В. Зененко. – Москва, – 2004. – 167 с.
12. Шайдорова Ю. А. Лексика разговорного употребления в языке газеты: дис. ... канд. филолог. наук/Ю. А. Шайдорова. – Белгород, – 2009. – 194 с.
13. Синякина Н. Л. Основные тенденции в развитии лексики языка газеты на современном этапе, 1985–1996 гг.: дис. ... канд. филол. наук/Н. Л. Синякина. – Москва, – 1997. – 198 с.
14. Грозданов Ф. Т. Язык молодежных Интернет-газет: дис. ... канд. филол. наук/Ф. Т. Грозданов. – Москва, – 2007–155 с.
15. Фаткабрарова Ю. М. Структурно-семантическая характеристика кратких газетных сообщений: автореф. дис. ... канд. филол. наук/Ю. М. Фаткабрарова. – Москва, – 2007. – 22 с.
16. Вэньцзе, Ч. Особенности организации текста газетной заметки: автореф. дис. ... канд. филол. наук/Ч. Вэньцзе. – Москва, – 2007. – 26 с.
17. Некрасова М. С. Языковое пространство современной русской газеты: динамика нормы как отражение ментальных процессов: дис. ... канд. филол. наук/М. С. Некрасова – Чита, – 2011. – 167 с.
18. Киуру К. В. Имиджевый медиатекст в политической коммуникации: дискурсный анализ: дис. ... д-ра филол. наук/К. В. Киуру. – Санкт-Петербург, – 2008 – 391 с.

*Shevel Tamara Alexandrovna,
National Pedagogical Dragomanov University,
Teacher of faculty, Kiev
E-mail: shevelt@ukr.net*

National pathos of Ukrainian modernist N. Voronyy's poetry

Abstract: In clause N. Voronogo's poetic heritage concerning patriotic sounding and national idea of its products is considered. Sources of such ideological fullness and motivation of necessity of the reference of the author to a theme of the historical past are found out.

Keywords: early ukrainian modernism, symbolism, patriotism, national conception.

*Шевель Тамара Александровна,
Национальный педагогический университет
имени М. П. Драгоманова, преподаватель, г. Киев
E-mail: shevelt@ukr.net*

Национальный пафос поэзии украинского модерниста Н. Вороного

Аннотация: В статье рассматривается поэтическое наследие Н. Вороного в отношении патриотического звучания и национальной идеи его произведений. Выявлены истоки идейной наполненности и мотивация необходимости обращения автора к теме исторического прошлого.

Ключевые слова: ранний украинский модернизм, символизм, патриотизм, национальная идея.

В украинской литературе модернизм способствовал преодолению комплекса неполноценности, восприятию новаций того времени в европейском искусстве. Идею профессионального индивидуального национального творчества, настоящей литературы на основе знания мирового искусства отстаивали

критики журнала «Украинская хата» Н. Евшан и Н. Сриблянский. Активная позиция модернизатора украинской литературы Николая Вороного проявляется в желании сделать собственную литературу современной, достойной европейских образцов. Поэт увлекался идеями Драгоманова, авторитетом

был для него И. Франко, он занимался редакторской и театральной деятельностью, а его жизнь оборвалась расстрелом по сфабрикованному делу.

Поэзия Н. Вороного скреплена национальной патриотической идеей, особенно лирика с гражданским звучанием. Сам поэт писал: «национальный элемент был во мне всегда очень сильным, кроме сознания, он превалировал во мне как поэтическая стихия» [6, 132]. Поэт, как и много его современников, жил идеей национального и культурного возрождения, мечтал об украинской государственности после февральских событий 1917 года в России и даже ожидал провозглашения большевизма, потерявшись в веренице политических партий и течений. Ещё в 1919 году, в 25-летие своей творческой деятельности, поэт говорил о том, каким должен быть его народ: высокоморальным, гуманным, благородным и духовно красивым, чтобы все народы смотрели на него с чувством уважения, а соборная Украина жила как великая независимая нация.

Цикл Н. Вороного «3 хвиль боротьби» насквозь проникнут национальной романтикой, а его основу составляют произведения патриотического содержания. Уже первая поэзия «*За Україну*» исполнена переживаниями за будущее Украины и народа после Февральской революции, апеллируя к самосознанию интеллигенции:

*За Україну,
За її долю,
За честь і волю,
За народ!* [2, 14].

По мнению В. Кузьменко, припев конденсировал смысловой потенциал поэзии: «и клич к бою, к борьбе за освобождение из-под царского гнёта, и переживание за лучшее будущее родной земли» (перевод авт. — Т. Ш.) [4, 18]. В. Погребенник назвал этот марш «манифестацией вольнолюбивых настроений украинства, которое, порвав позорные царские оковы, вышло «из-под ярем и тюрем» на волю» (перевод авт. — Т. Ш.) [6, 132].

Тема свободы Украины по-новому разрабатывалась в молодой украинской поэзии начала XX века, в частности поэтами-современниками Н. Вороного Г. Чупринкой и А. Олесем. Поэзия А. Олеся 1906 года «Ой, не квітни, весно» сопоставима с поэзией Н. Вороного из рассматриваемого цикла «*Гори, горами...*», но патриотически маркированные поэзии Олеся и Вороного имеют существенные различия. В частности, для Олеся реальность является эстетическим феноменом, а Вороний не тяготеет

к обобщению, берёт за основу свою философскую концепцию. Критики акцентируют на том, что в поэзии Н. Вороного эстетично обозначена именно духовная ценность патриотического чувства, что сближает его с Олесем и является характерной чертой для символических и неоромантических тенденций украинской поэзии. «Одной из определяющих мировоззренческих ценностей выступает в поэзии Н. Вороного любовь как патриотическое чувство», а «*чуття святе*» любви к родному краю аксиологично равнозначно красоте и освободительному стремлению (перевод авт. — Т. Ш.) [3, 96].

Традиционный в украинской литературе образ родного края часто эксплуатирован в поэтическом наследии Н. Вороного. Автор цикла «*3 хвиль боротьби*» оплакивает судьбу родного края («*Чорний сон*») и призывает современников к единственно возможному пути улучшения — к борьбе («*Гори, горами...*»). Любовь к родному краю несоизмеримо мощнее, чем любовь к женщине, особенно остроконфликтной является ситуация, когда автор ставит лирического героя перед выбором: любовь к родному краю или непатриотическая девушка, которая «*Вкраїни не кохає*». В. Погребенник рассматривает поэзию «*Ти не моя!*» как порождение литературного диалога Н. Вороного с украинской литературной традицией, ведь в этом произведении автор идейно и эмоционально самобытно модифицировал одноименный стих Степана Руданского, который стал народной песней [5, 300]. В общем патриотизм Вороного по своей силе близок к патриотизму Т. Шевченко, особенно в большинстве поэзий цикла «3 хвиль боротьби». Ища истоки собственного национального сознания, Н. Вороний отмечал: «Одно слово — Шевченков «Кобзарь» и украинский театр разожгли во мне национальную стихию» (перевод авт. — Т. Ш.) [2, 592]. Позже наследие писателя пополнился произведениями, посвящёнными Т. Шевченко: «*Пам'яті Т. Шевченка*», статті «*Тарас Шевченко*», «*Як народ читає Кобзаря*», «*Найперший обов'язок*», «*На могилі генія*».

Вороний имеет свой пантеон авторитетов касательно патриотической гражданской позиции, что подтверждается адресными поэзиями, как этого цикла («*На свято відкриття пам'ятника Іванові Котляревському*», «*Іванові Франкові*»), так и других, в частности цикла «*De mortuis*», который открывается поэзией «*На Тарасовій панакхиді*» с подзаголовком «Пам'яті Т. Шевченка». В. Кузьменко обращает внимание на поэзию «*Серце музики*», посвященную

памяти великого композитора Н. Лысенко: «поэт славит певца, который *«вічно буде жить»* в памяти народной, потому что творил для будущего... Постоянные преследования, травля свели поэта в могилу...» (перевод авт. — Т. Ш.) [4, 22]. Но Н. Вороний возвеличивает такую патриотическую жертвенность:

*Висока честь: прийняти смерть
За любий, рідний край!* [2, 160].

В посвящении «Пам'яті Франка» вторая поэзия изображает поэта именно как народного героя, акцентируя на его сподвижнической деятельности для Украины:

*Що будить сили молодії,
Руйнує зло, живить надії
На Україні в лютий час!* [2, 161].

Наиболее мощный и искренний патриотический посыл чувствуется в поэзии «*На батьковій могилі*». Стихи, посвящённые отцу, есть у многих поэтов-современников Н. Вороного. И все они архетипно связывают образ отца с родным краем, лирический герой декларирует продолжение дела отца и отмщение:

*В огні палає рідний край!..
Спи, любий мій, не потурай —
За тебе син полине в бій!..
Спи, батьку мій...* [2, 163].

Похожее отмечаем в поэзии Г. Чупринки «Батькові» [10, 35], О. Коваленко «До батька» [8, 88].

Обновлённой и переосмысленной выступает в творчестве Н. Вороного история, которая имеет примеры доблести и героизма. Историческая тематика выступает и источником, и способом выражения патриотизма. «О чём бы ни писал Вороний, всегда так или иначе в его произведениях появлялся образ родной земли» (перевод авт. — Т. Ш.) — отмечает В. Кузьменко [4, 23]. Сыновним чувством любви к родной земле исполнена поэма «*Євшан-зілля*». Летописная легенда также привлекала внимание Л. Майкова, И. Франко, фигурирует этот мотив и в произведениях Н. Чернявского, Л. Мосенза. Непосредственной предшественницей поэмы Н. Вороного в украинской литературе В. Лесик считает поэму Леси Украинки «Давня казка». Есть основания для типологического сопоставления, ведь Вороний имел возможность ознакомиться с поэмой, когда работал в редакции журнала «Житє і слово». Именно тут в 1896 году впервые была напечатана поэма Леси Украинки, «*Євшан-зілля*» Н. Вороний создал через три года. В это время И. Франко работал над рассказом с таким же названием, завершил его в 1914 году, а опубликовал в следующем году под названием «Ор і Сирчан».

Сюжет поэмы основан на легенде из Лаврентиевского списка Галицко-Волынской летописи о том, как пленённый князем Владимиром Мономахом сын хана вспомнил родную степь благодаря запаху сухого зелья евшан (полынь). Полностью расшифровывает символ резюме поэмы, которое является обращением к Украине:

*Україно! Мамо любя!
Чи не те ж з тобою сталося?
Чи синів твоїх багато
На степах твоїх зосталося?* [2, 145].

В таком непосредственном обращении к Украине исследователь В. Погребенник видит идею «патриотического собирания украинской силы, которая поможет и Отчизну направить на верный путь» (перевод авт. — Т. Ш.) [6, 133], но преградой становится предательство сыновей. Учёный считает поэму «артистически одной из самых совершенных версий», которая «звучит вечным «помни» всем живым и нерождённым» [6, 133]. Летописная легенда у Н. Вороного, не взирая на декларированный аисторизм эстетики модернизма, обрела бытово-исторический колорит. Это констатирует Я. Полещук, отмечая, что модернисты осуществляли ревизию мировоззренческих основ восприятия человеком прошлого, исторической памяти [7, 212].

Мотив сыновьего долга и верности родной земле сближает поэму Н. Вороного «*Євшан-зілля*» с балладой Роберта Льюиса Стивенсона «Вересковый мёд», что даёт основания для возможного типологического сопоставления. Начиная от портретного сходства, находим схожесть в их любви к Родине, переживании за судьбу родного народа, страдании от разрыва между идеалом и действительностью. Оба произведения имеют легендарную основу, описывают эпоху раннего средневековья, центральной в обоих выступает идея свободы и патриотизма. По мнению Г. Вербеса, поэма «*Євшан-зілля*» «воспитала и будет воспитывать новые поколения патриотов» (перевод авт. — Т. Ш.) [1, 16].

Убеждаемся, что помимо символической многозначности модернистической образности Н. Вороного, самой мощной струёй идейного звучания его произведений становится патриотическая нота. Отдельную тему для размышлений составляет также национальный пафос и идейность поэзии модернистов. Национальные и патриотические ноты символистской поэзии никак не противоречат декларированной аполитичности современного искусства, а наоборот, являются генерированными философией рубежа

веков, в частности Ф. Ницше с его идеей «гордого сверхчеловека». Н. Вороний в душе лелеет национальную идею и, желая жить в собственной стране среди духовно высоких людей, наполняет символику собственной поэзии патриотической идеей. Патриотизм проявляется во многих его произведениях, даже в, казалось бы, насквозь современных, через народнопе-

сенные метафоры, фольклорные образы, милые сердцу топосы. Но ранняя поэзия, которая отмечена влиянием предыдущей литературной традиции, а также ранние циклы, в частности цикл «З хвиль боротьби», демонструють качественные образцы идейно сильной украинской современной поэзии.

Список литературы:

1. Вервес Г. Микола Вороний/Г. Вервес//Вороний М. К. Поетії. Переклади. Критика. Публіцистика. – К.: Наукова думка, – 1996. – 704 с. – с. 5–30.
2. Вороний М. К. Поетії. Переклади. Критика. Публіцистика/Микола Вороний. – К.: Наукова думка, – 1996. – 704 с.
3. Камінчук О. Поетія Миколи Вороного і український символізм/О. Камінчук//Українська мова й література в середніх школах, гімназіях, ліцеях та колегіумах. – 2010. – № 1. – с. 85–100.
4. Кузьменко В. І. Микола Вороний/В. Кузьменко//Історія української літератури ХХ століття: Навч. посіб. для студ. вищ. навч. закл./[За ред. проф. В. І. Кузьменка] – К.: КСУ, – 2007. – 374 с.
5. Погребенник В. Микола Вороний/Історія української літератури. Кінець ХІХ – початок ХХ ст.: У 2 кн.: Підручник/За ред. проф. О. Д. Гнідан. – К.: Либідь, – 2006. – Кн. 2. – 496 с.
6. Погребенник В. Кастальське джерело: Українська література кінця ХІХ – початку ХХ століття: Посібник. В 2-х кн. Кн. 2 Новітнє українське письменство. – К.: «Освіта України», – 2007. – 218 с.
7. Поліщук Я. Міфологічний горизонт українського модернізму. Літературознавчі студії. – Івано-Франківськ, – 1998. – 320 с.
8. «Українська хата». Поетії. 1909–1914/[упор. В. Шевчука]. – К.: Молодь, – 1990. – 264 с.
9. Черкасенко С. Микола Вороний//Вороний М. В сьайві мрій. – К., – 1913.
10. Чупринка Г. Поетія/Грицько Чупринка. – К.: Радянський письменник, – 1991. – 495 с.

Section 11. Philosophy

Секция 11. Философия

*Ardashova Yaroslava Igorevna,
National Aviation University,
postgraduate student, the Faculty of Philosophy
E-mail: yasenka_ponamka@ukr.net*

Spirituality in the structure of personality

Abstract: the article considers the place of spirituality in the personality structure. Analyzed the views and positions of scientists in Eastern Europe on the issue of spirituality personality.

Keywords: spirituality, personality, spirit, development.

Problem of spiritual formation — one of the most important questions of our time. After all, spirituality provides all the extreme mental characteristics of human. Issues of spirituality are among the major psychological and philosophical problems. The modern civilization was needed to solve such vital task as: overcoming social and national injustice, termination national crisis that requires radical transformation of the minds of many people like a new revival of society.

Spirituality is linked to the internal condition of the person. Spirituality reflects not only the experiences which connect with traditionally considered to be religious, but also such experiences which linked to perception and cognition, all human activity and all the functions in total have such values as ethical, aesthetic, heroic, humanitarian and altruistic. Spirituality — is the internal world of human, connection between personality and religion. Spirituality — a perfect start for beginning of all creative power that make human better and brings them to the pure and precious world. And in this pure and precious world exist love, kindness, compassion, creativity, justice, freedom. Spirituality — this is the whole value human experience that is not divided by eras. Spirituality serves as the integrity of develop of the individual, as a call to do something which is not done naturally. The call, which requires individual interpretation. Spirituality — a way of life. Dal Russian Dictionary defines spirituality as something that opposes the flesh.

Even in the age of primitive culture it is possible to see the beginnings of the emergence of elements of spiritual culture: Elements of morality, mythological worldview, early forms of religion, ritual action. Rudiments of

moral consciousness of primitive man are the cultural taboos, later rituals. During of this period, the individual consciousness was still barely developed and almost completely merged with the collective.

Gradually formed speech, and thus there is rapid development of thinking and self-consciousness. The individual stops to identify themselves with the team, he can already create and talk his own thoughts about events or situations that exist. Spiritual foundation of the original culture at this stage becomes mythological consciousness. Due to the lack of knowledge the myths became as a base, with which explains everything.

In this undifferentiated form primitive mythology includes the beginnings of the spiritual culture of humanity that stand out from it in the later stages of development. Thus, the first form of religion can be considered the first form of spiritual culture — totemism, animism, fetishism, magic. As for research in spirituality Ukrainian philosophy, the first mention traced back to the days of Kievan Rus. Such well-known figures as Cyril and Methodius, the Great Vladimir, the Wise Yaroslav (“Russian Truth”), Vladimir Monomakh (“Manual”), Nestor the Chronicler (“The Tale of Bygone Years”), Metropolitan Hilarion (“Sermon on Law and Grace”) — were the primary sources of spiritual formation of the individual. Their writings were taught the basic laws of life and the existence of contemporary society. Great importance had and work of St. John Chrysostom, which dealt with the spiritual development of the individual. Teofan Recluse believes that the essence of the spiritual life is to convert heartfulness and physicality in spirituality, that is the inspiration of the soul and the body. That is

the purpose of spiritual growth is the way to improve yourself as creature in all its manifestations, in finding of the meaning of existence, in growing of morality and harmony in ourselves.

Exactly Christianization of ancient society even in the tenth century, initiated the formation of a new, spiritual and personal image of the world in the minds of contemporary people.

According to the religious beliefs, «spirituality» — is a manifestation of the degree (disclosure) and the develop of Spirit of God in human. Ukrainian philosopher V. Zenkivsky believes that spirituality — a divine creative force that permeates all life (soul and body) and defines its new quality. The priest-psychologist V. Nychyporov says that the spiritual human can be person with such level that can with help of God subordinate sphere of emotional and physical foundations of the spiritual life [2, 148]. T. de Chardin said that the phenomenon of human is the result of spiritual evolution of the universe: «so can we now go through unspiritual way and waste all the effort universe?».

Thus, the religious interpretation of the term «spirituality» has quite definite sense, it is — a special status of the believer — the proximity of the soul, the inner world to God. According to Christian anthropology, human is the image and likeness of God, because it is able to know the eternal, endless, enduring, spiritual and identify yourself with it.

Formation of spiritual identity linked with degree of development of human spirituality which depends from level of perfection and harmony of human society. Philosophers of different ages always take in attention a spiritual self-identity.

Cosmists philosophers of the twentieth century such as K. Tsiolkovsky, V. Vernadsky, A. Czyzewski, said that only the spiritual development of human can become the force which push of all evolution. N. Berdyaev noted that only from the spiritual development of man, from what kind of spirit, depends of all human development [2, 3]. «Heaven — wrote N. Berdyaev — is the most profound depth of our spiritual life» [4, 2]. In this depth, in his opinion, founded a spiritual experience as the deeper layer being. Spirituality serves as the essential characteristic of human's inner world, as a factor of human enlightenment, human society. S. Frank in his book «The Spiritual Foundations of Society» showed that human society is a particular phenomenon of the spiritual world, not just material world.

In Russian religious philosophy XVIII — XIX century was popular the idea that harmony of social relations is

possible only on the spiritual basis, that is through spiritual develop of each person. G. Pan, M. Gogol, P. Yutkevich, P. Kulish determine priority role of individual spiritual as component of the formation of social relations. G. Skovoroda believed that social progress of society undoubtedly depends from the spiritual development of each individual.

The problem of spirituality is also involved in Russian religious philosophy XIX — XX centuries. Such philosophers as V. Soloviev, N. Berdyaev, V. Lossky, P. Florensky, S. Frank, I. Ilyin, O. Men understand spirituality in the measurements of the Christian religion and explored some aspects of «spirituality» [1, 89]. N. Berdyaev in his work «The Spirit and Reality», «Spiritual crisis of the intelligentsia», «Philosophy of free mind» connects spirituality with freedom, sense, creative activity, integrity, love. He said that spirituality has not only personal, but also social character [4, 158–161]. Researcher in term “spirituality” also understands specifically human quality that characterizes the motivation of a person's behavior, the need for understanding of the world and themselves, in search of the sense of life and its purpose. V. Soloviev saw spirituality as the moral nature of man. S. Frank treated spirituality as involvement in God as a way of connection with people. I. Ilyin believed that only a reverence for God is an expression of spirituality.

So, N. Berdyaev, S. Frank, M. Tareyev, V. Zenkivsky, V. Vernadsky, P. Simonov, A. Alekseyenko combine the spiritual life, with the spiritual essence of human, with the awakening of spirituality. According to V. Zenkivsky spiritual life of the individual shows in his relationship with God, with the world, with society and with himself, with the spiritual world [2, 121]. It manifests itself through life creativity, professional activities, actions, character of self-determination, social relations.

According to the concept of Ukrainian philosopher of the XX — XXI century S. Krinsky spirituality expressed with help of finding meaning and purpose of human life, with help of the inner world of the individual, his freedom. Ukrainian philosophical tradition does not define some certain notion of «spirituality», but this problem is considered in the context of the «philosophy of the heart» H. Skovoroda, P. Yurkevich. G. Skovoroda brings the concept of «spirituality» to category of «heart.» He describes the human which consist from two natures — invisible — spiritual, and visible — material. Spirituality is an invisible but important essence of human. P. Jurkiewicz, follower of N. Skovoroda launched the concept of the heart as the defining basis of spiritual life.

By modern Ukrainian philosopher T. Turina Love is an indicator of spirituality, as neither knowledge nor skills or abilities or talents without love is not indicative of spirituality as they may be used for evil, to destroy and dispose. By meaning of most scientists Faith, Love, Goodness, Truth and its harmonious unity express the spirituality of human [1, 113]. In the Christian religion, the concept of spirituality is seen as a purely divine. Spiritual development possibilities of human is the degree of approximation to the Creator, that is the level of spirituality.

In the spiritual and esoteric philosophies see that spirituality is associated with the spiritual self-development, self-identity, which leads to the development and opening of human spirituality. Spirituality is a way of transcending the verge of this life and involvement in Eternity.

S. Krimsky believes that if analyze the determination of «spirituality» from integrated, synthetic positions, combining religious, spiritual and esoteric, scientific position that «spirituality» can be understood as the core of every individual, a center that integrates into a whole human being.

T. Turina takes several definitions of spirituality: Spirituality — is the essential character of a person which leads her to seek the highest sense of existence, helps to relate their lives with absolute values, and thus, to join God actualize intrinsic spiritual force of personality. Spirituality — the ability to understand by human's place in life, to understand the need for continuous self-

development, the need to live in harmony with yourself and the world.

Summarizing the information already known about the definition of «spirituality» can integrate this information in few theses:

- with help of spiritual human overcomes alienation between themselves and the outside world, that it helps to live in harmony with each other, expresses the unity of human and the world.
- spirituality — it is a methods of self-creation, self-development of personality. It is from the opening and development of spirituality in human begins the way from human to himself, to God.
- spirituality — controlled by the principles of self-awareness, self-development and personal fulfillment, focus on higher value, the maximum manifestation of creative power of the individual.
- true spirituality is manifested in the deep inner degeneration of human through meaningful spiritual earthly way of moral self-improvement.

Thus, the «spirituality» — is the core of every individual, the center that integrates into a whole human being, is the essential character of a person who leads her to seek the highest sense of existence, helps to relate their lives with absolute values, and thus, to join God actualize intrinsic spiritual force of personality, is the ability to understand human's place in life, to understand the need for continuous self-improvement, self-development, the need to live in harmony with yourself and the world.

Reference:

1. Кримський С. Ранкові роздуми/Зб.ст. – Худож.оформ. О. Білецького. – К.: Майстерня Білецьких, – 2009. – 120 с.
2. Зеньковский В. В. Проблемы воспитания в свете христианской антропологии. – М.: Изд-во Свято-Владимирского Братства, – 1993. – 225 с.
3. Бердяев Н. А. Экзистенциальная диалектика божественного и человеческого//Мир философии. – Ч. 2. – М., – 1991. – с. 158–161
4. Бердяев Н. О. О назначении человека.//Мир философии. – Ч. 2. – М., – 1991. – с. 256–262.

*Novak Tatyana Vladimirovna,
National Aviation University,
postgraduate student, the Faculty of Philosophy
E-mail: novaktv@ukr.net*

Virtualization of countercultural environment in information age

Abstract: This article examines transformation of countercultural groups of Internet communities by interests.

Keywords: Internet, counterculture, subculture, virtualization.

It is hard to overestimate an impact of Information and Communications Technology (ICT) on

human, on its psyche, on human society as a whole and its culture. At the peak of information technology

development, which is to use a fundamentally new technology of information transmission among which an important role is played by the Internet. Transparency of public relations have changed in the socio-cultural space and created a favorable ground for the development of a variety of subcultural groups in the Internet environment. Global information develops rapidly and unpredictably. Much ahead of theoretical understanding of its consequences, it confronts the international community many questions of a philosophical nature. The question is in significant role Internet and is in modern information technology in the transformation of the counterculture environment and the transition of the environment in virtual space. This problem was leaned by Herbert Marcuse, Jean-Paul Sartre, E. Rose, P. Suyizi, N. Brown, L. Goldman, A. Ginsberg, P. Goodman, K. Lorenz, T. Leary, M. McLuhan, A. Watson and others.

An important contribution to the study of youth of the second part of the XX century was made by a number of Russian researchers: A. Aksyutina, M. Baychorov, L. Balashov, G. Bokov, A. Bondarenko, AV Bondarenko, A. Grigoriev, Y. Davydov, M. Degtyarev, A. Zapesotskiy, A. Ereemeeva, I. Kovshova, S. Levikova, V. Lyeontyev, L. Melnikov, A. Melville, M. Mindolina, A. Myasnikov, I. Sukhin. Among the Ukrainian researchers are M. Popovic, M. Slyusarevskoho, T. Schepanskoho, A. Yavornytsky etc. They focused on the features of counterculture movements in Ukraine.

Tempo of spreading and using different cultural values has increased rapidly with the help of Worldwide Computer Network named Internet. And now it is possible to visit virtual museums, libraries, galleries, concert halls, as well as to meet brilliant masterpieces of artists, architects, sculptors and other worldwide known artists. As a consequence of that, the results of creativity in terms of information and universal access are no longer the property of a nation, culture, and become the property of all mankind. This in turn affects the counterculture transformation, changing its basic parameters and creates new cultural ties that influence change and transformation counterculture environment in the formation of subcultural interests. If the counter-culture is the culture inherent to the way of thinking and action among young people — a system of values and knowledge of young people associated with a particular status-position in the socio-cultural reproduction that oppose the dominant values and norms of society, a subculture of the information age-social community, groups of young people who have certain interests that are not inherent in most of the traditional culture. The entry of a young man in a

particular youth subculture education means its acceptance of its norms, values, worldview, style, lifestyle and trappings belonging to this formation.

As it was already mentioned, the latest means of mass communication and computer technologies have created the preconditions for the emergence of subcultural communities in the Internet space, creating a virtual reality subculture medium. In the virtual reality is understood as artificial agents in computer environment, which can penetrate, changing it from the inside, observing and experiencing transformation with real feeling. An important feature of virtual reality is the participation of the person. Unlike computer reality that may exist, for example in the form of knowledge, virtual reality, as rightly noted V.M. Rozin — a sensual reality, life, environmental, Reality Event «here and now». Moreover, developments in virtual reality unfolding just inside the minds of the user. They are not for other people or in physical time. The virtual space created preconditions for the existence of subcultures of interest and facilitate conditions for admission to a particular community. With the transition of subcultures in the acquisition process of virtual communities of identity and becoming part of a subculture much relieved. To join the subculture of internet space, enough to convince the online community that you own, that you share their views and put some pictures of typical images, marks on his profile on the social network.

Nowadays virtuality is being developed actively by young people who call themselves gamers (English “game” — a game), hackers, Cyberpunks. Modern computer games mimic reality perfectly. Although the events occurring in the game, certainly less «real» than those that can be seen on television, but the fact that the player takes part in these events, creating much more powerful effect of immersion in the virtual world. In addition, studies have shown that, without being completely present and leaving room for imagination, a world often becomes more attractive than when it is a photographic copy of reality.

Nowadays young generation, dissolved in a virtual space, created an image of your own world, a world of unlimited possibilities. It is closely monitored only his own consciousness of the young man. The only question is what this consciousness is. For young people lost and need a youth subculture of the old type. After all, there is no need to go somewhere and think what to do when you can not leave home, sitting at a computer screen, communicate with a mass of people and get even more than it can give the traditional «get-together» [1].

So there was a new subculture of the «cyber-subculture.» Young people in this subculture will not see as being «hang out» in the street; their subculture dissolved in virtual reality. It is like a virus: invisible to others, but the «striking» of more young people.

In terms of virtual being particularly clear tendency for the practical abolition of subject -to-subject paradigm of communication. It in fact there is only a symbolic entity whose main function in most cases is not even communication, but personalization information. In the online space, users «meet» with a special software for various content sites that make it possible to share any information in real time. Many of these sites have formed and relatively stable contingent of visitors, virtual friends together.

Upon closer examination virtual subcultural environment acts primarily as a means of self-expression non-vector person, where the relationship with the world under the influence of virtual communication are built today is difficult and controversial. On the one hand, they contribute to personal development, expand the cultural field of life, creating new meaning-making centers; on the other hand, make deforming effect, changing the way of thinking and mentality scale cultural norms and values. Establishing of modern subcultures is made within a few tendencies:

- tendencies of individualization, which is to expand the range of scenarios lifestyles, forms of «involvement» in the society with the help of the media and by connecting to enclaves of global information over a computer network;
- tendencies of strengthening psychological dependence when there is a long walk in a virtual maze of information that is characterized by a strong dependence of the activity and the loss of control over their actions;
- tendencies in expansion manipulative practices when using new information technologies is enhanced manipulation of public and individual consciousness;
- tendencies growth simulation of presentation of social competence in which the deficiency space and time leads to the fact that the only rational form of scientific discussion becomes illogical, unstructured, but at the same time, effective presentation of the image or idea of the theory;
- tendencies of social technologies enrichment range and building partnerships mechanisms [1].

Virtual reality of subcultures copies objective world around us. Subcultural representatives build their own

space, using in its creation crafted and tested true laws, traditions, values and norms. Copying a reality on certain grounds, virtual subculture becomes more attractive for its creators and participants. An attractive possibility is itself independent modeling of virtual space on his own script and realizing this scenario in their work. Representatives virtual subcultures opens the possibility of rapid changes and global objects in the individual effort of one entity. In contrast becomes reality in which global revolutionary changes are achieved, usually at the expense of social change. The virtual world of subcultures is more flexible, it adjusts to a person as opposed to the real world, using specific features of virtual culture, which are compensations of absentee in absolute reality. In the virtual world there is the open nature of mobility is not an important social status, financial status, family history, while the objective reality are the main factors of success. In addition, a virtual world is a positive emotional environment with simplified communicative function [3].

Creating a fictional world into the virtual world of subcultures, allows the user to counter commonplace and boring interesting fictional virtual world. Presented subcultural practice embodies the different sides of the virtual culture, presenting its versatility. In this subculture phenomenon is only open dynamic companies that appear as a result of rapid technological development.

To sum up, it can be concluded that counterculture virtualization environment is a transformation of the counterculture in the subculture of interest that exist in the Internet space. Subculture information society transformed in the plane of the Internet, becoming a social group, representatives of which have in common is that each of them enrolls herself to it. Representative or carrier subculture takes norms, values, view of the world, lifestyle, etc. as a model of its existence. This transformation counterculture influenced by information and communication technologies. In addition, ICT using mass media, the Internet gives an opportunity to the representative to access other subcultures, to discuss and create their own culture, to establish relationships with others and put itself to an entirely new space. Subcultural virtual environment is an environment of the informational society, which is constructed by media industry, mass media and the Internet. When we understand virtualization modification subculture counterculture society under the influence of information and communication technologies. The presence of subcultures — witness the internal diversity of the counterculture of the society and its ability to develop, adapt to new conditions.

The relationship with the world subculture influenced by virtual communications are built today complex and contradictory. On the one hand, they contribute to personal development, expand the cultural field of life, creating new centers; on the other hand — carry deforming effect, changing the way of thinking and mentality

scale cultural norms and values. Counterculture of the information society is constructed media industry, mass media and the Internet, modifying it internally, making counterculture to subculture — in the interests of the group.

Reference:

1. Барматова С. Изменение места и роли коммуникации в современном мире//С. Барматова//Вестник Московского Университета. Серия 9. Философия – 2009. – № 3. – с. 158–169.
2. Левикова С. И. Молодежное движение США//С. И. Левкова//Вестник Московского Университета. Серия 10. Философия. – 1991. – № 1. – с. 12–20.
3. Мантов Р. Е. Эскапизм как основная функция искусства в современном обществе//Полигнозис. – 2003. – № 1.
4. Сухіна І. Г. Молодіжна контркультура (філософський і соціологічний аспекти)/І. Г. Сухіна//Вісник Донецького університету. Серія Б: Гуманітарні науки. – 2001. – № 1. – с. 283–288.
5. Щепанська Т. С. Символіка молодіжної субкультури: досвід етногр. дослідження системи//Щепанська Т. С./П: Питер. – 1993. – 123–156 с.
6. Лур'є С. В. Культурная антропология в России и на Западе: Концептуальные відмінності/С. В. Лур'є//Соціальні науки і сучасність. – 1997. – № 2. – с. 112–123.

*Poltavtsev Oleksandr Gennadievich,
Kyiv Regional In — Service Teacher Training Institute,
Head of department of education management, Ph. D. in Philosophy
E-mail: alpoltavtsev@gmail.com*

Structuralism today

Abstract: The author defends the view that in order to determine the structuralism, we must consider the structure of the formation of philosophy where structuralism expresses the position of objectivity and rationality.

Keywords: structuralism, structure, philosophy.

*Полтавцев Александр Геннадиевич,
Киевский областной институт последипломного образования
педагогических кадров, заведующий кафедрой
управления образованием, кандидат философских наук
E-mail: alpoltavtsev@gmail.com*

Структурализм сегодня

Аннотация: В статье отстаивается точка зрения, что для определения структурализма недостаточно принимать во внимание особенности культурно-исторического контекста и идеи конкретных персоналий. Необходимо также учитывать общую структуру формирования философской мысли, где структурализм выражает позицию объективности и рациональности.

Ключевые слова: структурализм, структура, философия.

Было время, когда структурализм уверенно занимал умы общественности Европы. Но как стремителен был рост его популярности, так же стремительно он потерял свое бывшее очарование. Что же такое структурализм сегодня? Сейчас даже этот вопрос, возможно, частично утратил свою актуальность, ведь

он уже был поставлен в далеком 1983 году французским мыслителем Ж. Пуйоном [8].

Однако, спустя почти 20 лет, эта же статья Ж. Пуйона была переиздана. Примечательно также, что на рубеже тысячелетий появляются новые исследования, которые, так или иначе, актуализируют тематику

структурализма. Среди них следует отметить работы французского историка Ф. Досса [7], российских ученых Н. Автономовой [1] и А. Дьякова [4], украинской исследовательницы С. Повторевой [5].

Что же представляют собой сегодня новые попытки изучения структурализма? Всего лишь дань прошлому, и структурализм превратился в объект изучения для историков? Или же, все-таки, и сейчас структурализм сохраняет свою актуальность как своеобразная попытка понимания и объяснения реальности?

Сегодня исследователи структурализма не могут обойти его историческую составляющую, так как, действительно, структурализм — это явление мировой мысли, которое имеет свои хронологические и географические рамки. То есть, структурализм рассматривается в определенном контексте, без которого понять его было бы совершенно невозможно. Например, французский мыслитель В. Декомб предлагает рассматривать структурализм в противопоставлении феноменологии, которая некоторое время господствовала в интеллектуальной мысли Европы [3, 77–81]. Также структурализм можно смело рассматривать в оппозиции к экзистенциализму.

Помимо этого, исследователи структурализма пытаются его персонифицировать, ведь как бы парадоксально это не звучало, но сами представители структуралистской мысли не создали ни своей более-менее определенной школы, ни, тем более, своего единого понятийного аппарата.

М. Фуко, например, в одном своем интервью примечательно заявил: «Если спросить тех, кого включают в рубрику «структуралисты» — Леви-Строса или Лакана, Альтюссера или лингвистов, — они бы ответили вам, что у них друг с другом нет ничего общего или мало чего общего. Структурализм — это категория, которая существует для других, для тех, кто не имеет к нему отношения. Только извне можно сказать, что такой-то, такой-то и такой-то — структуралисты. Это у Сартра нужно спрашивать, кто такие структуралисты, поскольку он считает, что структуралисты представляют собой сплоченную группу (Леви-Строс, Альтюссер, Дюмезиль, Лакан и я), группу, которая образует своего рода единство; но как раз этого вот единства — заметьте себе это хорошенько, — его-то мы как раз и не обнаруживаем» [6, 352].

В действительности между мыслителями структуралистского толка не было единства даже в понимании ключевого понятия — структуры. Именно поэтому в 1959 г. в Париже состоялся colloquium, посвященный уточнению термина «структура». Но,

не смотря на попытки дать однозначное определение структуры, дебаты не прекратились [4, 12].

Все это, конечно же, заставляет сегодня историков мысли проводить громадную аналитическую, синтетическую и, что самое главное, творческую работу по выделению (созданию) того общего, что можно использовать для определения и понимания структурализма. Но это, в свою очередь, рождает разногласие между самими историками. Вот поэтому сегодня до сих пор нет однозначного ответа на вопрос: что же такое структурализм?

А если нет однозначного ответа, то имеет ли ценность структуралистские исследования, и не превращаются ли они в замкнутую паразитирующую игру, которая замыкается на определении своих собственных смыслов?

Мы, в рамках нашей небольшой статьи, попробуем дать ответы на эти вопросы, не обращая непосредственно ни к понятию структуры, ни к прямому историческому контексту, ни к конкретным персоналиям. Напротив, попробуем обратиться к тем скрытым «плоскостям», которые очень часто остаются незамеченными. Образно говоря, попробуем определить структуру, которая обеспечила появление самого структурализма.

Такая структура, хоть и не была применима непосредственно к структурализму, была уже обозначена Ф. Энгельсом, развита В. Лениным и переосмыслена французским структуралистом Л. Альтюссером. Речь идет о «партийности» философии. Тезис о «партийности» философии предполагает, что вся история философии не более чем борьба двух противоположных направлений мысли. Согласно Ф. Энгельсу и В. Ленину — это материализм и идеализм. То есть, если отбросить нюансы, то, по сути, многообразие философских взглядов можно свести к двум противоположным направлениям, так как любое философское учение отсылает к тем общим фундаментальным понятиям, которые не могут быть обоснованы не только в рамках этого учения, но и не могут быть обоснованы вообще. А раз они не могут быть обоснованы, то принимаются на веру и представляют собой выражение области чистой субъективности. Л. Альтюссер по этому поводу писал, что «... раз вся история философии есть не что иное, как бесконечная смена декораций на месте одной и той же схватки, если философия — не что иное, как борьба двух направлений, *Kampfplatz*, по выражению Канта, то мы попадаем в сферу чистой субъективности — сферу идеологической борьбы. ... невозможно доказать основополагающие принципы материализма

и точно так же невозможно доказать (или опровергнуть: эта невозможность бесила Дидро) принципы идеализма. Их нельзя доказать потому, что они не могут быть объектом познания, то есть такого познания, какое возможно в науке, где доказательно обосновываются свойства исследуемого объекта» [2, 59].

Следует также отметить, что предлагаемая структура «материализм — идеализм» может приобретать разные названия. Например, «субъективизм — объективизм» или «рационализм — иррационализм» ... Сама возможность формирования подобных структур заложена в языке. Язык, как знаковая система, предполагает, что знак есть самим собой только благодаря его отличию от другого знака. То есть, высказанная мысль всегда предполагает наличие за своими рамками другой мысли. Любое философское учение — это система высказываний, за границами которой всегда есть другая, противоположная система высказываний, другое философское учение. И как бы не старался тот или иной философ создать абсолютную систему, которая бы смогла уместить в себе все многообразие бытия, его попытки всегда будут тщетны, потому что всегда будет нечто иное, так как сам язык перманентно это предполагает.

Таким образом, общая единая философия невозможна. Есть лишь философские взгляды тех или иных

персоналий. А сама философия превращается в поле борьбы философских учений, которые можно свести к двум взаимоисключающим силам, которые, в свою очередь, основываются на обобщенных понятиях, неподдающихся обоснованию.

Структурализм в этой борьбе философских мнений занимает свою четкую позицию. Структурализм — это не что иное, как попытка рационального обоснования реальности на основе признания ее объективности. Тем самым, структурализм вступает в борьбу с феноменологией и экзистенциализмом, где ярко выражены акценты на субъективное переживание и иррационализм. Ведь структурализм, независимо от идей конкретных мыслителей, изначально предполагает наличие реальности, которая, с одной стороны, находится за феноменальным миром, а с другой — поддается рациональному объяснению.

Таким образом, подытоживая вышесказанное, отметим, что для определения структурализма недостаточно принимать во внимание особенности культурно-исторического контекста и идеи конкретных персоналий. Необходимо также учитывать общую структуру формирования философской мысли, где структурализм выражает позицию объективности и рациональности.

Список литературы:

1. Автономова Н. С. Познание и перевод. Опыты философии языка. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), – 2008.
2. Альтюссер Л. Ленин и философия. – М.: «Ад Маргинем», – 2005.
3. Декомб В. Современная французская философия. – М.: «Весь мир», – 2000.
4. Дьяков А. В. Ролан Барт как он есть. – СПб: «Владимир Даль», – 2010.
5. Повторева С. В. Структурний підхід – структуралізм – постструктуралізм (еволюція методології та її поширення у гуманітарних студіях). – Львів: Видавництво Львівської політехніки, – 2010.
6. Фуко М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Пер. С. Табачниковой. Под ред. А. Пузырея. – М.: «Касталь», – 1996.
7. François Dosse, Histoire du structuralisme. Tome 1. Le champ du signe 1945–1966; Tome 2. Le chant du cygne 1967 à nos jours. Réédition, Paris, Éd. La Découverte, coll. La Découverte/Poche, – 2012.
8. Jean Pouillon, Le structuralisme aujourd'hui // Revue des Sciences morales et politiques, – 1983, – 4: 655–665.

*Simonov Igor Valentinovich, PhD,
Nizhniy Novgorod State Pedagogical University, the senior lecturer
E-mail: isimonov@yandex.ru*

Religious-ethical doctrines of L. Zamenhof

Abstract: Interpretation of hillelism (hillelismo) and homaranism (homaranismo) – religious-ethical doctrines of Lazar Zamenhof (1859–1917), mostly known as the originator of the international planned auxiliary Esperanto language.

Keywords: Zamenhof, judaism, esperanto, hillelism, homaranism, neutral-human religion.

Симонов Игорь Валентинович,
Нижегородский государственный педагогический университет,
кандидат философских наук, доцент
E-mail: isimonov@yandex.ru

Религиозно-этические учения Л. Заменгофа

Аннотация: В статье анализируются «гиллелизм» и «гомаранизм» — религиозно-этические учения Лазаря Заменгофа (1859–1917), известного прежде всего в качестве инициатора международного планового вспомогательного языка эсперанто.

Ключевые слова: Заменгоф, иудаизм, эсперанто, гиллелизм, гомаранизм, нейтрально-человеческая религия.

Лазарь (Лейзер, Людвиг) Маркович Заменгоф (1859–1917) известен, прежде всего, как создатель международного планового вспомогательного языка эсперанто, проект которого был обнародован им в 1887 году.

Эсперанто на сегодняшний день является практически единственным реально функционирующим «искусственным» языком, используемым не в качестве интеллектуальной игры, а для решения серьезных социально-коммуникативных задач, на основе которого возникло преемственное, действующее на протяжении более 120 лет международное сообщество его «пользователей», оригинальная субкультура и литература.

Однако «доктор Эсперанто» был не только инициатором общественного движения по преодолению «вавилонизма», но и автором религиозного учения под названием «гиллелизм» (затем — «гомаранизм»). Первоначальным побудительным мотивом для его создания были волнующие Заменгофа, российского еврея, проживавшего в городах Белостоке, Гродно и, большую часть жизни, в Варшаве, проблемы этноса, к которому он принадлежал.

В 1901 году Л. Заменгоф, прежде, в 1880-е годы, увлекавшийся идеями раннего сионизма (палестинфильства) и членствовавший в организации Хиббат Цион, публикует на русском языке под псевдонимом Ното сум брошюру «Гиллелизм. Проект решения еврейского вопроса», а также рассылает «Обращение к еврейской интеллигенции» аналогичного содержания. Название доктрины происходит от имени Гиллеля, иудейского богослова эпохи Второго храма, умершего около 10 г. н. э. Он известен, в частности, своим этическим учением, сущность которого отразилась в ответе одному из учеников на вопрос, что является главным в религии: «Что тебе неприятно, того не делай ближнему, вот сущность всей Торы, все остальное только комментарий; иди, изучай!»

[1, т. 6, с. 502]. Автор брошюры задается вопросом, какова причина рассеяния евреев, их во многом трагической судьбы и ущемленного места в мире. По мнению Заменгофа, суть «еврейского вопроса» состоит в узконациональном характере иудейской религии, неизбежно приводящей к замкнутости и конфликтам с другими этносами. Автор призывает еврейскую интеллигенцию встать под знамена изобретенной им новой религии — гиллелизма, создать «новую религиозную партию», «социально-религиозную организацию», которая будет руководствоваться «не буквой, а духом Моисеева учения».

Сущностью «гиллелизма» объявлялись следующие принципы:

«1. Мы чувствуем и признаём существование высшей Силы, управляющей миром, и Силу эту мы называем Богом.

2. Законы свои Бог вложил в сердце каждого человека под формою совести; слушайся всегда поэтому голоса совести своей, ибо это есть никогда не умолкающий голос Бога.

3. Сущность всех законов, данных нам Богом, выражается формулой: люби ближнего и поступай с другими так, как ты хотел бы, чтобы другие поступали с тобою, и не делай никогда ни явно, ни тайно таких поступков, о которых твой внутренний голос говорит тебе, что они Богу не нравятся. Всякие же остальные учения, которые ты услышишь когда-либо от твоих учителей и руководителей и которые не заключаются в кардинальных трёх пунктах религии, составляют только человеческие комментарии, которые могут быть истинны, но могут быть и ошибочны. ...».

Так как необходимым условием для внешних религиозных форм есть их одинаковость для всех исповедующих данную религию, то церковь гиллелитов устанавливает общий Синод, который будет устанавливать и регулировать внешние религиозные

формы, обязательные для всех общин гиллелитов [2, раздел III].

Заменгоф дает в своей брошюре и ряд конкретных пояснений по поводу обрядовой стороны гиллелизма и его отношения к классическому иудаизму. «Библия считается у евреев священной книгой; так как это действительно книга великая, которая положила фундамент монотеизму, на которой нравственно воспитано всё цивилизованное человечество, и на которой основан также весь гиллелизм, то ничто не препятствует и гиллелизму относиться к ней с подобающим благоговением и каждый раз читать в своих храмах отдели из неё. Но относиться к ней *дословно* было бы, разумеется, явно противно законам гиллелизма [2, III].

Автор доктрины гиллелизма предлагает оставить в силе ряд еврейских обрядовых традиций (суббота, празднование Нового Года, Судного Дня, Пасхи, Хануки и других), однако наполнить их новым содержанием. При этом «содержание и форма всех молитв, как совершенно идущих вразрез с духом гиллелизма, должны быть, разумеется, радикально изменены от начала до конца», а «древнееврейский язык, как придающий церкви характер узко национальный и к тому же как совершенно немыслимый в настоящее время для свободного, сознательного и искреннего выражения своих мыслей и молитв, должен быть, разумеется, устранён» [2, III].

Из сторонников гиллелизма как раз и должен сформироваться «нормальный еврейский народ», не имеющий комплексов нынешнего. Но более того: гиллелисты в будущем должны составить «идейный, нейтрально-человеческий народ», «народ будущего». Начало последнему положат гиллелисты-евреи, однако позднее, по мере укрепления авторитета гиллелизма, к этой «нейтрально-человеческой религии» будут примыкать и обратившиеся в гиллелизм представители других национальностей, так что в конечном счете возникнет «объединенное человечество». «Гиллелизмом закончится великая историческая миссия еврейского народа» [2, IV].

При этом возникновение «объединенного человечества» не будет означать исчезновения национальностей как таковых — они сольются, не теряя своей индивидуальности, будут едины во множестве.

По мнению автора данной статьи, можно говорить о влиянии на Заменгофа российского стиля социально-философского мышления, в частности, об опосредованном воздействии некоторых своеобразно истолкованных идей Владимира Соловьева

(1853–1900), автора философской концепции «всеединства». Вл. С. Соловьев, прекративший преподавание в Московском университете за два года до поступления туда Заменгофа (он в 1879–1881 годах учился на медицинском факультете), был популярен среди еврейской интеллигенции благодаря его выступлениям против антисемитизма [1, 14, 445–447]. С большим уважением относясь к «богороджающему народу», подчеркивая, что «еврейство есть избранный народ Божий», Вл. Соловьев провозглашал, что «грядущий Израиль послужит деятельным посредником для очеловечения материальной жизни и природы, для создания новой земли, идеже правда живет» [3, 1: 211, 221, 256]. Разумеется, у христианина Соловьева эти идеи связывались с его общей концепцией о грядущей победе истинного вселенского христианства и вхождении «лучшей части еврейства в христианскую теократию» [3, 1, 255], однако речь идет не о прямых заимствованиях у Соловьева, но о влиянии на «доктора Эсперанто» российской идейной атмосферы. Сама принципиальная мысль о возможности существования народа, в менталитете которого преобладают не этнические, а общечеловеческие черты, также характерна для духовной атмосферы России. Именно таким народом считал русский народ К. С. Аксаков и другие славянофилы.

Отдельные моменты гиллелизма схожи с взглядами Германа Коена (Cohen, 1842–1918), еврейского философа, публиковавшего свои произведения в Берлине и Марбурге. Коен известен в истории философии в первую очередь как глава Марбургской школы неокантианства, однако он много писал и о проблемах, связанных с еврейским народом и иудаизмом. Среди этих работ — «Ознакомление с еврейским вопросом» («Ein Bekenntniss in der Judenfrage», 1880), «Культурно-историческое значение Субботы» («Die kulturgeschichtliche Bedeutung des Sabbat», 1881), опубликованные посмертно «Религия разума по источникам иудаизма» («Religion der Vernunft aus den Quellen des Judentums»), «Этика Маймонида» («Die Ethik des Maimonides»).

В 1888 году вышла работа Коена «Die Nachtenliebe im Talmud» («Любовь к иным в Талмуде»), где он развивал идею о том, что эпоха Мессии не может наступить, пока не возникнут группы живущих в мире и гармонии людей, которые станут образцом для остального человечества. Таким образцовым сообществом, по Коену, должен стать еврейский народ [4, 48–49].

Однако в своих статьях на идеологические темы и в письмах инициатор эсперанто никогда не упоминал кого-либо из современных ему философов, социальных мыслителей.

Каких-либо конкретных организационных последствий брошюра создателя эсперанто не имела, «церковь гиллелитов» создана не была. Доктрина «гиллелизма» не была замечена еврейской интеллигенцией, выбравшей, как известно, в конечном счете, идеи Теодора Герцля.

В 1906 году в первом номере журнала «Российский эсперантист» были без подписи опубликованы «Догматы гиллелизма». Это, однако, был уже новый вариант религиозно-этического учения «доктора Эсперанто». В предисловии подчеркивалось, что гиллелизм образца 1906 года не является концепцией «специально только для одной человеческой группы, для регулирования отношения этой группы к окружающему миру». Во втором номере того же журнала Заменгоф предлагает уже и новое название учения — «гомаранизм» (от эсперантского слова «homarano» — «член человеческой семьи»).

«Догматы...» в самом начале провозглашали «окончательной целью» нового учения слияние людей «в один нейтрально-человеческий народ», подчеркивая, что «это будет совершаться постепенно, незаметно и без всякой ломки» [5, 5–6].

Хотя автор называл свой гиллелизм-гомаранизм религией, положения собственно религиозного характера содержатся только в десятом «догмате». Начинается заменгофский «символ веры» с установок, касающихся проблемы соотношения общечеловеческого, гражданского и этнического.

«Я верую, что все народы равны, и я оцениваю каждого человека по его личному достоинству и поступкам, а не по его происхождению. Всякое оскорбление или преследование человека за то, что он родился от другого племени, с другим языком или другой религией, чем я, я считаю варварством... Я верую, что каждая страна принадлежит не тому или другому племени, а вполне равноправно всем своим жителям, какой бы язык или религию они не имели... Патриотизмом, или служением своему отечеству, я называю только служение благу всех моих сограждан, какого бы происхождения, языка или религии они ни были... Народом своим я называю совокупность всех людей, населяющих мое отечество, какого бы происхождения, языка или религии они ни были» [5, 6–8].

В связи с данными «догматами» Заменгоф даже предлагал использовать в названиях стран и их

регионов только «имена нейтрально-человеческие», а не производные от этнонимов. Так, были предложены вызвавшие насмешки современников «доктора Эсперанто» названия «Варсовиландия» (Польша), «Паризрегния» (Франция), «Петербургрегния» (Россия), чтобы названия были столь же «нейтральны» по отношению к живущим в стране этносам, как Канада, Бельгия, Австрия, Перу.

В отношении религиозных принципов повторялось то же, что и в брошюре 1901 года, и подчеркивалось, что «сущность всех религий одна и та же». В заключение Заменгоф предлагал строить специальные храмы, где сторонники нового учения будут «слушать произведения великих учителей человечества о жизни и смерти, об отношении нашего «Я» к вселенной и вечности...» [5, 10–11].

Таковы основные положения религиозно-этического учения Л. Заменгофа, социальный пафос которого — отстаивание общечеловеческих ценностей, преодоление узкого национализма. По собственно религиозному содержанию гомаранизм напоминает доктрины деистического характера, восходящие к идеям Эдуарда Герберта Чербери (1583–1648), выступавшего за «разумную религию» в противовес «религиям откровения».

Кроме того, речь идет и об экуменических моментах. В своем ответе резко критиковавшему его католическому священнику Домбровскому Заменгоф подчеркивал, что его учение должно сыграть роль «моста» между различными конфессиями, что могут быть гомаранисты-христиане, гомаранисты-мусульмане, гомаранисты-иудеи [6, 311].

Распространение гомаранизма Заменгоф тесно увязывал с задачей распространения эсперанто («нейтрального языка», объективно обладающего, по мнению Заменгофа, «внутренней идеей»), рассматривая эсперантистов как основную целевую группу для первоначального внедрения гомаранизма («нейтральной религии»). В гомаранистских храмах предполагалось использовать «нейтральный язык».

Заменгоф пользовался среди эсперантистов огромным авторитетом, однако это не помогло ему в распространении его религиозного учения в эсперантистской среде: можно говорить о практически полном неприятии гомаранизма эсперантистским сообществом (реально действовала лишь небольшая группа гомаранистов в Варшаве), что стало для создателя эсперанто личной трагедией.

Заменгоф, однако, не оставлял попыток распространения своего учения. В 1912 году он отказался

от роли официального главы эсперанто-движения, чтобы полностью посвятить себя пропаганде гомаранизма. В 1913 году «доктор Эсперанто» занимался подготовкой «конгресса сторонников нейтрально-человеческой религии», который был намечен на 1914 год (после юбилейного X всемирного конгресса эсперантистов в Париже). На этом, если можно так выразиться, соборе, новая «этическая религия» должна была быть утверждена коллективно, а свои «догматы» Заменгоф планировал предложить лишь в качестве проекта. Конгресс не состоялся по причине начала Первой мировой войны.

Л. Заменгоф вплоть до своей смерти работал над совершенствованием своей доктрины, оттачивал формулировки «догматов» гомаранизма, желая яснее выразить мысль, что гомаранизм не связан с неуважением к национальным культурам, цивилизованному патриотизму, разным религиозным конфессиям и стараясь подчеркнуть, что его учение «нельзя смешивать с так называемым космополитизмом» [7, 461].

Последним сочинением «доктора Эсперанто» была статья «О Боге и бессмертии». Л. Заменгоф успел написать лишь ее вступительную часть: смерть, последовавшая 14 апреля 1917 года, помешала закончить работу.

Как уже отмечено, гиллелизм-гомаранизм никогда не был заметным явлением внутри международного движения эсперантистов. Эсперантизм в начале XXI века — это реалистическое общественное движение не иерархического, а сетевого характера, воздерживающееся в целом от радикальной наступательной пропаганды, осознающее свое скромное место в мире, не имеющее (и никогда не имевшее)

единой идеологии. Организованные сторонники этико-религиозной концепции Л. Заменгофа на сегодняшний день — это лишь два крайне малочисленных объединения из более чем сотни ассоциаций по интересам внутри движения: Hilelista Esperanto-Komunumo (Гиллелистское эсперанто-сообщество) и Homaranisma Asocio Tutmonda (Гомаранистская всемирная ассоциация).

Сегодня как в научных кругах, так и в средствах массовой информации преобладает мнение, что эсперантизм потерпел неудачу и является примером утопического социального проекта. Действительно, первоначально поставленная Л. Заменгофом и его сторонниками цель сделать эсперанто всемирным «нейтральным», не дающим никакому народу преимуществ контактным языком, «вторым языком для каждого» (*la dua lingvo por ĉiuj*) не достигнута. Вряд ли можно сомневаться, что современная геополитическая и мировая культурная ситуация не открывает перспектив для реализации миссии эсперанто в том виде, в каком ее видели пионеры эсперанто-движения. Вместе с тем, в начале XXI века эсперанто не превратился в архивное достояние истории культуры, и международное эсперанто-движение продолжает оставаться социолингвистической и социокультурной реальностью, одной из структур гражданского общества. В эсперантистском сообществе, при всем его плюрализме и прагматическом настрое, сложилась определенная система ценностей, среди которых — принципы уважения ко всем этносам, языкам и религиям, отвержение войны, насилия, шовинизма. В этом сыграли свою роль и взгляды основателя эсперанто-движения — Л. М. Заменгофа.

Список литературы:

1. Еврейская энциклопедия. Свод знаний о еврействе и его культуре в прошлом и настоящем. В 16 томах. — М., — 1991 (репринт).
2. Гомо Сум. Гиллелизм. Проект решения еврейского вопроса [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.esperanto.mv.ru/Hilelismo/hilelismo.html>
3. Соловьев В. С. Сочинения в 2 томах. — М., — 1989.
4. Gishron, Jeremi. Lingvo kaj religio: Studo pri la frua esperantismo kun speciala atento al L. L. Zamenhof. Jerusalema, — 1986. — 212 p.
5. Российский эсперантист. — 1906. — № 1, — с. 5–11.
6. Klopodis organizi, sed vane: Iam kompletigota plena verkaro de L. L. Zamenhof. Kajero 7. Kioto, — 1980. — 441 p.
7. Mortinta, sed senmorta! Iam kompletigota plena verkaro de L. L. Zamenhof. Kajero 9. Kioto, — 1981. — 518 p.

*Tarasova Oksana Valeriyevna,
Tumen University of the Gas and Oil, candidate of philosophical sciences,
the assistant professor of Economy Department,
organization and management of production
E-mail: okvaltar@mail.ru*

*Markov Leonid,
Tumen University of the Gas and Oil, student-bachelor
direction "Management" profile "International Management"*

Personal energy as a necessary condition for the innovative development of the society

Abstract: This article refers to the environment and the conditions of human life, the impact of the technological progress on the formation and development of innovative activity of an individual and the society. The author describes how to change human consciousness under the influence of the innovative activity and personal manifestation of energy such as desire to think and act creatively what concerns a single person or a group of people, which will promote the development of the society and the achievement of national goals and objectives.

Keywords: innovative activity, personality, society, energy, creative work, labor, creativity, promotion of results.

*Тарасова Оксана Валерьевна,
Тюменский Государственный Нефтегазовый Университет,
кандидат философских наук, доцент кафедры
Экономики, организации и управлением производства
E-mail: okvaltar@mail.ru*

*Марков Леонид,
Тюменский Государственный Нефтегазовый Университет,
студент-бакалавр направления «Менеджмент»,
профиль «Международный менеджмент», 3 курс*

Личностная энергия как необходимое условие инновационного развития общества

Аннотация: В данной статье говорится о среде и условиях жизнедеятельности человека, влиянии технического прогресса на формирование и развитие инновационной деятельности личности и общества. Описывается изменение сознания человека под воздействием инновационной активности и проявлении личностной энергии, как желания, стремления креативно мыслить и действовать, отдельно взятой личности или коллективу, что неизбежно способствует инновационному развитию общества и достижению национальных, общегосударственных целей и задач.

Ключевые слова: инновационная деятельность, личность, общество, энергия, творчество, труд, креативность, популяризация результатов.

Сущность человека по своей сути социальна и обладает биологической структурой и организацией, человек наделён биологической системой регуляции, с помощью которой осуществляет адаптационную функцию к изменяющимся условиям среды, в которой он существует.

Следует отметить и признать, что на условия существования и жизнедеятельности человека оказывает воздействие современная научно-техническая революция. Противоречивость научно-технического прогресса,

в целом формирование и развитие инновационной деятельности личности и общества, а так же отдельно взятых отраслей и субъектов экономики требует осознанного человеческого внимания в целях определения векторов существования и развития в дальнейшем.

Тенденции инновационной активности общества стимулируют активность деятельности человека, поскольку возрастает общее количество активаторов, раздражителей деятельности, имеющих положительные и негативные стороны, определяемые

социальными условиями и способностью человека к регулированию общественных последствий своих действий. Инновационное стремление и необходимость развития влияют на характер труда, определяя рост удельного веса значения умственной деятельности и её различных видов; наличие различного спектра компетенций: общекультурных, организационных, проектных, инновационно-ориентированных, общепрофессиональных, специальных, что является активизирующим фактором развития способностей человека, повышения его культурно-технического уровня.

С другой стороны, изменение характера труда ведёт к пропорциональному изменению физических способностей человека. Это, в ряде случаев нарушает естественную гармонию между физическим и умственным развитием, что в свою очередь формирует необходимость организации и развития специальных форм деятельности: от спорта, производственной гимнастики, туризма, до разработки специальных мероприятий по установлению нормальной психологической атмосферы в трудовом коллективе.

В экзистенциальной культуре деятельности индивид формирует многоплановость социальных ролей, отражая множественную совокупность общественных отношений. Наличными совершенствующимися функциями роли личности в инновационном развитии являются два направления: внешнее — оптимизация, осуществляемая обществом сознательно, детерминирующая поведение индивида; и внутреннее — постоянное совершенствование личности.

Раскрыть необходимость стимулирования обществом побуждающей направленности к совершенствованию личности можно через совершенствование личности как труженика, представленное при одновременном включении двух упомянутых выше направлений. Сработают ли эти импульсы — это будет зависеть от общей культуры личности, её волевых качеств и психологической установки.

В связи с переходом к инновационному, информационно-компьютерному, автоматизированному и технико-технологическому способу производства, как новой ступени развития цивилизации от труженика требуется не только повышение профессионально-технического уровня, но и высокая духовность «как явление есть иерархия вечных ценностей, которые не подвержены инфляции в контексте жизни отдельного человека и человечества в целом; под духовностью, как процессом мы подразумеваем актуализацию этих ценностей в жизнедеятельности человека и общества» [3, 199].

Современный труд должен наполняться творческим содержанием, основанном на «самодисциплине, самоконтроле», где фундаментом выступают совесть, другие моральные качества и «ценностные ориентиры личности, традиции.

С переходом к рыночным отношениям сформировалась проблема рассмотрения личности как собственника. Любой собственник, обременённый заботами, далеко не всегда применяющий наиболее прогрессивные условия и способы организации производства, не воспринимающий в силу узости своих интересов общественные проблемы, наименьшим образом проявляет себя как социально активная личность, в силу ориентирования на преумножения личных материальных благ. На наш взгляд, не представляется возможность провести прямую зависимость и закономерность между величиной обладаемой собственностью и проявлением личных высокотворческих и высокоморальных качеств, «как его способность к самоуправлению — вот долговременный и самый надёжный национальный ресурс» [2, 29]. За возможность сохранять способность оставаться личностью, собственнику необходимо каждодневно, ежеминутно сохранять отчуждённость к зловещим, сатанинским пристрастиям, развивающим паразитические потребности и зачастую аномальные и антисоциальные способы их удовлетворения в пользу своего духовного развития, сохранения нравственного облика, психического и физического здоровья во благо своих близких и общества в целом. Опираясь на способ достижения и получения прибыли у процесса совершенствования личности есть и иная сторона: допустимыми ли нравственно и юридическими способами или криминальными извлечена прибыль, на какие цели расходуется, приобретая положительный или отрицательный знак. К великому сожалению, в наше время преобладает большее количество предпринимателей и бизнесменов материальной направленности, т. е. формирование личной благосостоятельности любой ценой, пренебрегая моральным, а порой и уголовным кодексами.

Совершенствование личности происходит по двум направлениям: как труженика, так и собственника, и базируется на природе творчества, определении и развитии творческих способностей, на стремлении обеспечения новизны и уникальности получаемых в процессе деятельности продуктов.

Основой проявления творчества личности является активность, базирующаяся на энергии, как величине, характеризующей способность тел совершать работу, с другой стороны можно рассматривать энергию как

способность данной или определённой системы тел, находящихся в данных условиях, совершить некоторое, вполне определённое количество работы. Энергия системы может оцениваться по различным признакам, более того выделяют несколько видов энергии, в контексте инновационного развития личности и общества стоит отметить внутреннюю энергию, как однозначную функцию состояния системы, что означает, принятие внутренней энергией этого состояния, независимо от предшествующих событий и предыстории системы. В тоже время можно рассмотреть энергию, как меру способности физической или иной системы совершать работу, выражаемую в одних единицах.

В формате инновационного развития системы или отдельно взятой личности всплеск активности следует рассмотреть, по нашему мнению, как энергию взрыва, или ярко выраженный процесс, с чёткой и вполне сконцентрированной направленностью, процесс быстропротекающий с ударным, вибрационным (способствующим возбуждению) и оказывающим положительное, развивающее воздействие на окружающую среду, способствующим высокоскоростному расширению. Артефактами такого высокоскоростного расширения первоначальной активности личности, её энергичности являются: инновационное мышление, идеи, научные факты, достижения, теории, концепции, гипотезы, законы, закономерности и так далее. В инновационном процессе стадию развития, расширения, распределения и распространения квалифицируют как диффузию инноваций.

Существует много видов и форм энергии, которые используются в различных современных технологиях, но источники энергии квалифицируют в двух типах: не возобновляемые, технология получения и преобразования энергии из данных источников отработана и многие из них истощаются; к постоянным же источникам относят энергию солнца, другие альтернативные виды энергии, склонные к восполнению, частичному и полному восстановлению. Эксплицируя данные факты можно утверждать то, что личностная энергия относится именно к феноменальным возобновляемым источникам.

Творческие способности, проявляющиеся под воздействием движущей силы личностной энергии, обеспечивают креативность, новизну и уникальность получаемых продуктов. Большой толковый

психологический словарь А. Ребера истолковывает креативность, как процесс умственной направленности, способствующий решениям, генерированию и выработке идей, осмыслению и последующему созданию художественных форм, теорий товаров, услуг, любых иных продуктов, представляющих уникальность по своей сути и новизну. С другой стороны Е. Торренс приравнивает креативность к творческому мышлению, включающему чувствительность к проблемным ситуациям, выделяя и формулируя проблемы, генерируя гипотезы, способствующие решению проблем и далее их проверку, с формулированием решений и популяризацией результатов. В. Н. Дружинин, формируя представления о творческих способностях, выделяет три подхода к пониманию креативности- в первом, выражает сомнение существования творческих способностей, предполагая и отводя главную и определяющую роль в детерминации творчества ценностям, мотивации и личностным чертам. Во втором подходе рассматривает креативность как самостоятельную способность, в значительной степени не зависящую от интеллекта. При третьем подходе отождествляют креативность с высоким уровнем развития интеллекта.

Возрастающий интерес общества к получению новых идей, технологий, способствующих его инновационному развитию, должен включать экономический подход [1, 68], основывающийся на креативности и творчестве, с акцентом на технико-технологические, прикладные, информационные, управленческо-инвестиционные, направления. Наиболее распространённой в современных условиях является теория инвестирования, где креативность предполагает сочетание взаимосвязанных факторов: знаний, интеллектуальных способностей, качеств личности, мотивации, культуры мышления, понимания, отношения и окружающей среды.

Способности увидеть проблему под призмой нового и преодолеть барьеры обыденного сознания, выявлять и выделять пригодные для дальнейшей разработки идеи и умение убедить других в правильности, ценности и перспективности выбранной идеи — основные формирующие элементы данного подхода. По нашему мнению именно такой подход актуален в условиях современных тенденций необходимости инновационного развития общества.

Список литературы:

1. Вершинина С. В. Управление реконfigurацией промышленного предприятия в условиях экономической нестабильности. Дис. ... канд. наук/С.В. Вершинина. С.-П. гос. университет экономики и финансов. – 2009 г.

2. Тарасова О. В. Социальная диалектика предпринимательства: Личность. Самоуправление. Культура. Творчество. – Екатеринбург: Издательство Уральского университета, – 2005 г. – с. 238.
3. Шабатура Л. Н. Онтогенез традиции. Монография. – Екатеринбург: Издательство Уральского университета, – 2002 г. – с. 264.

*Tsekhmistro Ivan Zakharovich,
Kharkiv National University, professor chair
in theory of culture & philosophy of science
E-mail: ivantsekh@yandex.ru*

Wolfgang Pauli about spin and consciousness (possible quantum correlation base of consciousness and experiment to prove it)

Abstract: The ideal (non-entropic) nature of consciousness (and thinking) and their ideal “mechanisms” are considered in this article. It is not easy to understand these points from a common point of view. On the other hand, at present we are aware that there is a unique connection in nature that is deliberately not physical-causal, but implicative-logical by its nature. This is the implicative-logical nature of quantum correlation in EPR-experiments. Therefore, we may consider a possible appearance of EPR-correlations in the synaptic transitions in the brain as a real basis for generation of consciousness. Thus, an experiment is proposed to prove the quantum-correlation hypothesis for consciousness generation on the basis of a well-known experiment on the cross-section of the reticular formation in the brain.

Keywords: quantum correlations, implicative logical correlation, non-entropic nature of consciousness, synaptic transition, cross-section of the reticular formation, wholeness, quantum wholeness.

1. Introduction: Wolfgang Pauli’s prediction

W. Pauli, one of the founders of elementary particle physics, once wondered what role the most important properties of elementary particles — mass, electric charge, and spin — play in the universe. His answer was: mass determines the structure and metric properties of space and time; electric charge provides the existence of chemistry, living and non-living matter. And what is spin responsible for in nature? After the lingering and silent pause was heard such the unexpected answer by W. Pauli: “Spin is responsible for the existence of consciousness” (!).

Let us now turn to the ideal nature of consciousness and reasoning as well as real processes in the brain.

2. Ideal (Non-Entropic) Nature of Consciousness and Thinking

The comparison of psychology data about nature of thinking and theoretic informational approach of its modeling shows that real thinking and its modern theoretic informational models are absolutely different processes.

All information processes in the systems are based on a causal paradigm (in its determinative or probabilistic statistical form). According to this all existing and generally imaginable cybernetic machines are built on the basis of some specific physical causal relations (determinative

or probabilistic). Stafford Beer, a famous specialist in the field of cybernetics, claims quite frankly and rationally: “We must admit that all our ideas about management are naïve, primitive, they are subordinated to almost fatal idea about causality. The management, as most people think, (no matter how sorrowful it is for the developed society) is the process of rough compulsion” [1, 38].

In the basis of thinking processes in the natural intelligence not causal schemes but implicative (logical) relations and dependencies lie. In a real thinking process the result of an operation appears to be logically unavoidable, absolutely reliable and even predetermined through containing some accepted premises and postulates of the logic. A syllogism demonstrates the simplest implication. For example:

“All people are mortal” — (the major premise);

“Socrates is a man” — (the minor premise).

Conclusion:

“Socrates is mortal” — (logically unavoidable result).

The mechanism of other logical truths is exactly the same — implicative. The truth $2 \cdot 2 = 4$ is not a “cause” of the truth $4 - 2 = 2$ in the sense when a carom (a type of blow in billiards) is the cause of the moving of two balls, or some stimulus is the cause of some reaction. The validity of a judgment $2 \cdot 2 = 4$ is supposed to have (or includes, comprises) the validity of judgments $4 - 2 = 2$; $4 - 1 = 3$; etc.

Precisely this way of implicative relation characterizes a form of relations and dependencies in other fields of consciousness. The meaning of objective or duty concepts in the moral aspect does not cause, but involve quite specified actions. Besides this, according to the historical facts of martyrdom and asceticism, heroic deeds of prominent figures, who have come to realizing the historical necessity as his or her own aim with tremendous and truly overwhelming power. A person, who has totally devoted oneself to one's moral aim or duty, would rather lose one's life instead of giving up one's acts implicatively resulting from the contents of one's aim and duty that are inseparably linked with one's consciousness and finally one's being oneself. The life and deeds of such people virtually demonstrate that physical causality is actually the lowest, the simplest and the most primitive form of connection in the systems, and it has quite remote relation to the processes of governing in an organism and society to which St. Beer fairly pays attention [1, 38].

The whole theoretically informational ideology does not go beyond an abstract concept of the *set* and purely *multiple* interpretation of the thinking processes. There appears a concept of information on this basis: information is a measure of diversity on the sets.

On the other hand, the implicative properties of consciousness result from a phenomenon of its unique wholeness, evidently unavailable to any multiple (and therefore to theoretically informational) interpretation in theory.

Let's assume that the purely multiple paradigms are true when explaining the thinking, and that the reasoning process and its realization mechanisms have exceptionally set nature. It means that the reasoning process at its every stage is exhausted by the sets of any elements, their interaction and states (not necessarily finite, but also numerable powers). These abstract sets comprise in their generalized form everything that can be ascribed to the thinking nature in the network of any existing approaches from the extreme *physical reductionism*, where thinking processes are simply identified with neurodynamic physical processes, including the concept of *psycho-physical parallelism*, when the thinking is reduced to the world of ideal processes, flowing isomorphically to neurophysiological processes and up to extreme *idealistic* concepts of thinking and consciousness as a special spiritual world of ideal substances, but (what is here substantial for us) absolutely isolated, distinguishable, oriented to create some ideal multiplicity: a set of ideas, symbols, images, etc.

Let's introduce on the basis of this assumption a generalized set concept of the consciousness elements $\mathbf{M}_c$ that include everything in its generalized form: physical fractions of any nature, intelligence operations, abstract symbols and visual images, ideas, etc. The significant thing here is that this *set of elements* of consciousness (no matter what they are) must exhaust the nature and mechanisms of thinking so that there is nothing left in the thinking besides this set.

So our assumption is that both the contents and the thinking mechanism have exceptionally and exhaustively set nature, and therefore the concept of abstract set must be a sufficient base to describe and explain the thinking mechanisms.

But hardly we make this assumption, so natural and common that it is not always apparent, clear enough and quite distinctly expressed, when at this it's problematic character becomes clear and distinct. The issue is that the absolute set postulated on the basis of the thinking mechanisms (even if it has quite an abstract nature) is *inconsistent* with the fundamental for thinking law of identity. It comes from a possibility to bind with even an abstract set some (also abstract) generalized entropy $\mathbf{S}_{sets}$ as a measure of some in principle unavoidable and always remaining nonzero ambiguity of sample of subsets from a given set with the help of (again at least abstract) selective mechanism of the Turing type. At this indicates the concept analysis of the abstract set and inseparably connected with it diversity points, thus unavoidable ambiguity concerning the results of any possible procedures of the subsets selection and regulation of such abstract set. Each set has at least two different subsets: this very set and the empty set. All further discussion grounds on the fact of belonging to every set of the empty subset. That's why it is important to trace the grounds of this fact.

The evidence that the empty set is a subset of any set is determined or concluded on the basis of the specific subset using and empty set concept determination. For example, proving that if $\mathbf{A}$ is an arbitrary set then each element of the empty subset belongs to $\mathbf{A}$ set. As the empty set has no elements by definition it means that this condition is automatically fulfilled.

We can make the same conclusion with the help of the method of contraries. Suppose that the empty set is not a subset of some arbitrary set. This means that there exists at least one element of the empty set that is not element of the arbitrary set. But it is impossible, because the empty set has no elements by its definition. So it is wrong that the empty set is not a subset of the arbitrary set.

From the said above it is clear that if we link the nature of the thinking mechanism with some *sets* of elements, than the dilemma of thinking modeling comes down to achieving the absolute order and complete non-entropy of these sets corresponding to the absolute rigidity and complete non-entropy of the logical thinking.

A notion of a non-entropy that is useful for the thinking model on the abstract sets needs explaining. For this goal we will consider the abstract set as habitually (“a sack with beans”, that is the same as an array of absolutely separate element-individuals), and we will link the realization of any intelligent logical process on the abstract set (making of a syllogism, judgment, proof, etc.) with the achievement of the definite that remains the same by the unlimited repetition of this logical process of its subsets (and elements) order that model the thinking process and its result. The constancy of this set order and the sampling and ordering process that leads to it due to the unlimited repetition will testify to achieving of the complete non-entropy of this abstract multiple thinking model. To obtain such a model one has to perform the action of some abstract mechanism over the “sack with beans”, that in turn makes distinction, sampling and the ordering of the subsets and elements of the given abstract set.

And if this abstract selecting and ordering mechanism is not itself the thinking and consciousness [5], but also has exceptionally plural nature and is similar to the Turing machine, then the thinking modeling turns out to be impossible on this abstract plural basis. Because even if we postulate the absolute identity or an indistinguishability of elements in a set, the sampling process is not going to be completely definite anyway as it cannot be completely definite even over the one-element set. It comes from the fact that diversity is inseparably connected with the set concept (if there is the *set*, *plurality* then there is the diversity and vice versa). But if there is *plurality*, diversity, it means that there already exists a known ambiguity manifested specifically in the assessment of a possible result of the sampling process over this set. Even if we link the thinking with the one-element set, the abstract sampling mechanism of the Turing type cannot all the same produce quite definite result with the absolute validity in each act of its response, for example, the subset of a given one-element set, consisting of this very one-element set because of the fact that the one-element set also contains diversity introduced by its subsets: the empty set and set consisting of one element.

Though the possibility of the sampling of the specific one-element subset in a one-element set can be ad libitum close to the unit, it can never be identically equal to

the unit because of the presence of such a non-zero possibility as a “hit” in an empty subset area. And we have to take care of special non-entropy ensuring of the selecting mechanism that would provide the absolute exclusion of the empty subset sample.

By the same sign we come to a conclusion according to which the very set state is incompatible with the complete and absolute non-entropy that however is the most important characteristic of the thinking and consciousness processes. The set, the plurality means that there is at least the first and the second, different from the first. If one saves the meaning of the probability logarithm of some certain occurrence according to the entropy, then under the very fact of the existence of at least two outcomes for the sample results, performed over such a maximally defined set as a one-element set, the abstract entropy can never be equal to the zero as the probability of the certain result sampling can never be strictly equal to the unity.

Of course we can imagine the abstract selecting mechanism to be so perfect that the probability of the subset selection $\{1\}$ from the set $\{\{1\}\}$ would start approaching the unit, and then consequently the entropy would tend to the zero. However, the fact that this entropy becoming ad libitum close to the zero can never be *identically* equal to the zero until the set state is preserved at all, e.g. availability of $\{1\}$ and $\{0\}$ subsets in set $\{\{1\}\}$ is significant. But exactly this possibility of the smallest deviation from the absolute validity is totally incompatible with the absolute non-entropy of the logical thinking: Euclidean theorems have been reproduced and proved million times, but always with one and the same logically inevitable result. It is also true of any syllogism as it is as a matter of fact of any other logical product.

Thereby the generalizing of the entropy concept on the theoretically set basis shows its organic connection with the very set state. In the light of this connection the achievement $S_{\text{set}}=0$ is equal to the refusal from the set state, and it is possible only in this case. Unattainability of the condition $T=0$ and $S=0$ for real molecular sets of real physical world finds its natural generalizing in this conclusion.

This means that any even introduced abstract set mechanism cannot strictly model the simplest thinking operation of a type $2-1=1$ in principle. That is a fundamental difference between the implication in the basis of the real thinking operations and the behavior of the set mechanisms where the linkage and dependence have a physically causal nature. The main difference of the thinking process from the behavior of any set mechanism is

revealed in this fact. The identity law that lies on the basis of the thinking process $A \equiv A$ is indifferent to its unlimited reproduction and repeating, and the identity relation expressed by it always remains unchanged. But the behavior of the set mechanisms and in particular the subset sampling $\{A\}$ from the set $\{\{A\}\}$ are not like that. From this results that the forming and maintaining mechanism of the relation of the logical identity also cannot be purely multiple, because in this last case the identity relation has a statistics character and if to take into consideration its unlimited repetition together with $A \equiv A$ it can turn out at least once that A is not identical to A . Even one such occurrence is enough for all theorems and statements to lose their rigor and definiteness. This means that the whole science, logical change among people and the mankind thinking itself would be impossible. All the said above is the generalizing of the famous “thermodynamics paradox of thinking” originally formulated with regard to the task of the thinking modeling with the help of the physical-chemical means [2, 3–240]. Its maximal generalizing level on the abstract set basis is significant for us. Due to this the awareness of the indissolubility of the entropy linkage with the set helps understand that we should look for explaining the nature of thinking in the refusal from the very *set* state on the thinking grounds. There goes consequently the necessity of facing the phenomenon of the consciousness wholeness. Hence the wholeness phenomenon appears to be the only possible carrier of implicative thinking and consciousness structures.

The term “wholeness” has become a cliché, but its meaning in the quantum context is very precise albeit somewhat unconventional: whole as opposed to a set — that is, the ultimate unity that does not render itself to decomposition into elements and subsets, which are thus not applicable to its description. It is only this ultimate wholeness or unity that can be the natural source of the property of inseparability of particles described the unified non-factorizable Ψ -function. Let’s appeal now to some new hopes of a quantum holism, which has brought up to date in the light of quite successful EPR-experiments and recent achievements in the field of the quantum teleportation and quantum cryptography.

3. Two types of probabilities in nature: physical-causal and implicative-logical

a) Physical-causal probability.

This is a well-known type of classical probability which was until recently regarded as the only possible one in nature. It is very easy to come to it. For example, we have quite a definite *separate object*, but under the influence of multiple factors it can behave in probabilistic

pattern, such as a *cube* with six faces. We throw it a sufficient number of times and receive — depending on the correctness of the cube, its centering, etc. — one or another probability distribution of the occurrences of its different faces. Here a typical Kolmogorov probability theory is required.

While defining the probability of the occurrence of two or more numbers of random events (faces), their probabilities are simply added up, since these are probabilities of various independent events, unrelated to one another. These are classical probabilities, which evidently have a physical-causal nature, because in each such event of probabilistic behavior of the object, one can virtually always indicate some specific physical cause that induces some deviations in its behavior.

However this is exactly the approach that is not appropriate in the field of quantum phenomena. It does not answer the main questions: why probabilities represented by the Ψ -function are firstly primary and irremovable on principal, and secondly being allocated all over infinite space in the pure quantum appearance, they are interferable, i. e. mutually coordinated and mutually correlated, which is clearly demonstrated in the reduction of wave function and quantum-correlation effects. In other words: why do probability amplitudes summarize in quantum mechanics rather than the probabilities themselves as shown in the classical example?

b) Quantum implicative-logical probability

It is similarly easy to arrive at quantum probabilities. However, in this case we should start over from another beginning, by the name of Plank’s constant — h . Plank’s constant h is no trifling matter. It is the universal constant!

Really, the physical dimension of Plank’s constant is an action which can be represented in the form of the product: $mv \cdot s$ (impulse multiplied by distance) = $\varepsilon \cdot t$ (energy multiplied by time) = $V4 \cdot \rho$ (four-dimensional volume universe multiplied by the density of the mass-energy in it) = $\varphi \cdot N$ (wave phase multiplied by the number of the particles it transferred), etc. It turns out that also discovered by Leibniz was magnitude of action (action formalis as he called it), which always consists of a product of dynamic (impulse, energy, density, the number of particles, etc.) and kinematic (distance, time, four-dimensional volume, wave phase, etc.) quantities. Does it mean the action encompasses all the physics, since what else is there in physics except dynamics and kinematics? Statics, after all, is simply a particular case of dynamics.

Max Planck’s innovation — the universal constant of dimension h — entails incredible consequences,

which are still not fully realized by us (even in a hundred years!). The most important and currently visible consequence: the implicative-logical structure of probabilities in so-called pure quantum states. This comes from the following important condition. On the one hand, no matter what kind of physical quantity we can choose for measurement (a coordinate, time, 4-dimensional volume, wave phase, etc.), for each of them there must be a partner from the world of the dynamic quantities, so that their product generates the action. On the other hand, physical theory and experience unequivocally support Planck's finding — the existence of the smallest, though finite portion of action in nature. This is the universal constant h .

As a result, this constant, because of its dimension brings forward a unique structural property — a property of wholeness in the universal structure with the help of its finite (and not diminished) value: on the sub-quantum level, the whole world exists as an indivisible unit, a single whole, rather than a multiplicity of random elements.

The semi-classical presentation of an h^N cell in the phase space of the quantum system (N here is a number of the system dimensions) provides a visual illustration to this. Just as it is not possible for this cell either to diminish or to fracture, it is impossible to place any elements, points, trajectories, or other multiple images "inside" of it. This is a convincing illustration of a unique property of the world as wholeness rather than the plurality.

The final and unquestionable quantum-physical fact stems from here: there is no possibility for the exhaustive, single-valued and complete decomposition of the quantum system state in terms of elements and sets.

No matter what physical meaning we put into these notions (set or element) and no matter what corresponding kind of space we can choose: an ordinary geometrical space, momentum, energies, masses, time, space, etc. — each time we out of necessity come across the appearance of the corresponding kinds of uncertainty relations. And these relations turn each of our effort of trying of comprehensive multiple world description in terms of the elements and sets in the inevitably probabilistic picture as the final and unavoidable truth.

Thus, under the fundamental property of wholeness and indivisibility (which is formally expressed as the cell h^N in the phase space of the system) the quantum system is not a set of any substances, but it is a system of relations between macroscopically conditioned elements (e.g., some defined value of impulse, coordinate, total spin, etc.) and — under incomplete decomposability

into elements and sets — numbers of potential possibilities for defining corresponding conjugate values (elements), which are inherent to this state. This unique connection in nature, evidently, is given rise to by the universal constant h , which might be the most important stone laid by God for the basis of the universe.

Thus, under the objective existence of the universal Planck's constant in nature, we do not have the possibility to begin from any separate and quite definite object (element), as can be done in the classical case. Now, if we wish to start from a definition coordinate of some particle (element), we immediately come across a zone of quantum probabilities, defined by a well-known uncertainty relation $\Delta x \cdot \Delta p \sim h$, which actually produces quantum probabilities.

Any of our attempts to reduce uncertainty in the value of the coordinate (i.e. to shrink Δx to zero) means the immediate, self-acting, and implicative-logical in their own origin, rather than the physical-causal extension of the zone of probabilities for a value of impulse conjugated through the universal constant h — Δp .

It is implicative-logical because it results from an indivisible joint between coordinate and impulse obtained through Planck's constant which, as a universal constant, is an absolute and unavoidable source of fundamental implication in nature. In the zone of its significance, it acts logically, rather than in a physical-causal way, and out of time and space. This is the zone of specific quantum effects.

If there are any difficulties in understanding the implicative-logical nature of quantum probabilities or quantum correlations or phenomena of a reduction of the wave function, one can try exercising in derivation the relation of uncertainties for any imaginable dimension. While performing this we should take into account the restrictions that come from the fact of the existence of Planck's constant. The point of these restrictions is that the reduction of this Δx to zero logically, rather than in a physical-causal way brings about the instantaneous and automatic corresponding crowning of Δp not because of some — let us stress once more — additional physical-causal effects, but immediately in the implicative-logical way: under the fundamental, non-removable, non-eliminating, and indivisible relationship of coordinates and impulse given and held by the universal constant h . ("Implico" — from Latin — "indivisible", "whole").

Thereby, a physical-causal influence on the particle, recalling the physical-causal reduction to zero of Δx instantaneously and implicative-logically by the power of an indivisible relationship of coordinate and impulse,

given by the universal constant h , leads to an infinite impulse, which is deprived of any real physical meaning. We must note that also in the range of any observed real physical values, their relationship (mutual correspondence and correlation) obviously do not have a physical-causal, but rather implicative-logical nature.

In order to feel the full specific character of the quantum implicative-logical relationship, assigned by the indivisible and whole Plank's constant h , let us present the following illustration. Assume that we have a U-shaped vessel, the left half of which is filled by the indefinite form Δx , and the right half — indefinite form Δy : $\Delta x \mathbf{U} \Delta y \sim \mathbf{h}$.

Then it becomes obvious that the diminution of the level Δx always signals the expansion of Δy , and vice-versa. However, this normal physical-causal flow from one branch to the other of the U-shaped vessel of liquid, gas, other free-flowing body, etc. does not have any relationship to the quantum case. Quite the opposite, the correlation of quantum uncertainty is given in the necessary way — specifically logical — resultant from the fundamental wholeness of its product in the dimension of Plank's constant. It is naturally obvious that even the nature of this correlation is not physical-causal, but implicative-logical.

The experimenter physically acts upon the particle for the purpose to determine the subject of observation. But by the same token, instantaneous, not by force but rather the implicative-logical way through the fundamental quantum property of wholeness of the quantum system he extends the field of potential possibilities (and also probabilities as their mathematical measure) for the conjugate observed, etc.

Let us go on now to the EPR-experiment. Let the system consisting of two particles with the generic spin of null be in the extremely detailed so-called pure quantum state, which is described by unique wave function. Since the system in this state is not further detailed (i.e. indecomposable into elements and sets) and exists as an indivisible unity, we are forced to talk about the particles it consists of in terms of the probabilities of its (particles) discharges.

This means that the system structure in this state is formed with the help of collections of the potential possibilities of the states of its separate particles only. None of these states is real, but at the same time each of them as a possibility makes its own contribution to the probabilistic structure of the common system. Eventually only the collections of the probabilities of extracting such substances as the first or the second particle exist here, rather than these particles by themselves.

Because the exact value of the total spin of null exists, the spins making up this system of the particles cannot have a defined value in this case. It is expressed formally in the following way: the defined value of the total spin of the system does not commute with the defined values of the spins for the 1st and 2nd particles, which make up this system.

EPR-experiments unambiguously indicate that already after the spontaneous breakdown of the system and projection of particles, say the 1st to Paris and the 2nd to Tokyo, a perfect relationship remains between them until one of them (e.g. in Paris) experiences the real physical act of measure (or some other physical action). Namely, though the result of the measure in Paris will be always accidental, if it turned out to be that $\mathbf{S}_x^1$, say, equals $+1$, then the experimenter in Tokyo having measured the spin of his particle (after the measurement in Paris) will necessarily obtain $\mathbf{S}_x^2 = -1$.

However, the experimenter in Paris who starts first can always voluntarily choose either this or that projection of the spin of his particle for measurement. If, for example, the experimenter in Paris will readjust the equipment for the measurement of $\mathbf{S}_z^1$ and obtains $\mathbf{S}_z^1 = -1$, then the experimenter in Tokyo is doomed to receive only $\mathbf{S}_z^2 = +1$ in his measurement. Now this is not just determinism, but superdeterminism, which was expressed validly by David Bohm. The nature of this effect is evidently not physical-causal, but purely logical. This is indicated by the purely logical binding "if... then," which is used here. This binding directly expresses a logical implication.

Secondly, this implication unfolds not in the world of physical events (it is simply impossible there), but in its additional and tightly bound world of potential possibilities (and probabilities as its measure), which by their nature can only be bound and mutually correlated purely logically, rather than, of course, physically.

Thirdly, the very act of changes of probabilities for the future measure in Tokyo under the influence of the physical event (measurement) in Paris (reduction of the wave function) is of course momentary, which is conspicuously testified to by the experiments in quantum teleportation. Thus, all quantum-correlation effects take place out of time and space: instantly at any time and over any spatial distances.

It should not surprise us, because the acting characters here are strictly non-spatial substances: potential possibilities (probabilities) and also a non-spatial quantum property of the world as the indivisible unit which produces and holds them.

This very quantum property of the world as the indivisible unit that is a unique sub-quantum non-spatial “operator” that always resists us during the quantum experiment and plays its own game in response to our actions. This is a property of unit, by producing potential possibilities and keeping them, it rules over them, relocating them in strict correspondence with the changing configuration of the multiple (physically verifying) spatial-temporal aspect of the system, in which we create changes by conducting experiments (or measuring).

This approach gives us a simple and exhaustive explanation of the reduction of the wave function. Let the selected system be in a state in the form of such a decomposition: $\Psi_{(x)} = c_1\psi_1(x) + c_2\psi_2(x) + \dots + c_z\psi_z(x)$. The total sum of these particular states of the initial quantum system introduces the full collection of the potential possibilities inherent to the initial state $\Psi_{(x)}$. The mathematical measure of these potential possibilities are the probabilities introduced by the factors $c_1 \dots c_z$. The initial $\Psi_{(x)}$ in such a pure state has a remarkable integrity and finite indivisibility into any elements: it cannot be divided into the products of wave functions of the elements that have produced it.

This uniteness (or wholeness) is formally displayed in case when the whole collection of coefficients is normalized $c_1 \dots c_z$. It is exactly this sum that equals unit. As a result, we deal with the implicative-logical structure that provides purely logical mutual congruousness and coordination of all terms of the given decomposition.

The result of any physical influence (or measurement) on this initial state is going to be the realization of one of the partial states, say, $c_n\psi_n(x)$, which is always accidental and unpredictable. However, the very act of the realization of any of the partial states involves at the same time an instantaneous transformation into zeros of all other coefficients for all terms of the given decomposition except for $c_n\psi_n(x)$, where the coefficient has instantaneously transformed into unit in this process. This is called a reduction of the wave function: $\Psi_{(x)} = c_1\psi_1(x) + c_2\psi_2(x) + \dots + c_z\psi_z(x) \rightarrow \psi_n(x)$, which obvious testifies to the implicative-logical properties of the probabilistic structure of the initial pure quantum state.

Thus, the use of a holistic idea not only allows drawing the curtains covering the mystery of the property of noncommutativity, but also at the same time finding a direct answer to the question of why probabilities are primary in the description of physical reality, to realize the implicative logical organization of the probabilistic structure of the quantum system in a pure state and on this basis to give a natural explanation to the reduction

of wave function and quantum correlation effects. Their “mechanism” ultimately turns out to be clear — it is implicatively logical. The immediate, not physically causal, but implicatively logical character of quantum correlation effects is visually confirmed by the successfully conducted experiments on quantum teleportation (Dik Bouwmeester), in which actually nothing moves from one point of space to another. But the fact of teleportation is at hand! This result is exceptionally achieved with the help of successful manipulation of the potential possibilities (and probabilities) from a point of “departure” to a point of “destination” on the basis of the prepared quantum correlation connection between these points and its effective actualization.

Summary

How did all these appear to be possible? Through the natural relativization and restriction of the ultimately general abstract notion of set by means of introducing an additional and, in their respect, oppositional notion of non-set as the unique property of wholeness and indivisibility of the purely logical but not physically causal nature. And it is clear why: because the physical is the thing that is physically verified, e.g. is subject to the observation, manifestation, some physically causal outcome, display, etc. This is the world of elements and sets. But all of this is only one side of reality. The second one, and complementary in relation to the first, is the world as a whole and single unit on the subquantum level. This second side of reality on the subquantum level is neither physical, nor observed, nor manifested, nor physically causal, but just mentally comprehensible and purely logical, but in its nature objectively existing on the subquantum level. Thus we come to an amazing conclusion about the unity and mutual complementarity of the physical and logical in the properties of reality.

Along these lines this unique, not physically causal, but logical property of the world as an indivisible unity on the subquantum level is simultaneously both the source of the unavoidable potential possibilities in the structure of the quantum system and “operator” that governs the potential possibilities of the systems under the laws of logical implication in answer to these or those physically causal impacts on the system. The logical implication is a genuine mystery of the phenomena, which are imprecisely called “entangling” or “coupling” of particles.

The extreme generality of quantum physics was noticed a long time ago: no physical interaction exists, which, at sufficiently thin levels of detailed study, would not uncover quantum properties. The considered implicatively logical properties of the potential possibilities of

quantum systems in a pure state and implicatively logical nature of quantum correlations testifies to the effect that quantum physics is more than just physics. One day it will take us to the understanding of the nature of thinking, consciousness, and life.

4. EPR-Correlation in the Synaptic Transitions in the Brain as a Possible Basis for the Consciousness Generation

Let us now turn to the main question — analysing the possibilities of the application of quantum-mechanical ideas in order to make at least some progress in the Mind-Body Problem.

There is no doubt that sensory information that goes into brain from a peripheral nerve must be described in a quantum mechanical way, at least because of the extreme smallness of the portable energy. Besides, it is well known that any sensory signal that goes to brain inevitably splits into at least two branch signals, one of which goes to the specialized brain parts along the specific afferent pathways, and the second goes to the so-called formation reticularis (or netlike formation) that creates a general excited state of the brain. There abundantly exist conditions in the brain, because of which the only initial quantum system that has appeared in the issue of the irritation of a peripheral nerve receptor is under the split (mostly multiple). In the same way there exist all necessary conditions for the EPR-correlation to occur in the cerebration. And there appears the possibility to develop some ideas about not physics-chemical (not related to the energy transportation) relations of the events in the remote brain spots.

Let's believe that the only quantum system bearing the sensor information has initiated two subsystems. One of them covers the specific afferent system and the second one takes part in the general diffuse excitement of the main brain through the reticularis formation. Let the first subsystem, arrived at a point of destination in some specialized brain part, turns out to be locked in it because of the mismatch of the information it carries with the information coded on a nerve cell synapse of a given brain part. Then the second subsystem that takes part in the general irritation of the main brain through the reticularis formation can finally find synapse with an appropriate diagram of the polarization and cause a transition in it. This occurrence would result into momentary and unavoidable consequences for the first subsystem too, causing its transition through the synapses according to the EPR-correlation scheme.

In the terms of particles we could talk, for example, about two electrons with mutually antithetic orientation

of the spins: the first electron because of the incompatibility of its polarization spin of the postsynaptic film turned out to be locked on the pre-synapse in the end of a specific afferent pathway in a proper specialized brain part. Then the second electron that belongs to the same common original quantum system as the first one having appeared in the brain through the reticularis formation finds finally the synapse with an appropriate polarization and causes a transition in it. At this the specific transition conditions are those that the orientation of the first electron spin changes to the opposite, as a result it also makes a transition on its synapse. Therefore processing of information that came to the first synapse occurs in the same way due to the EPR-correlation, and the events on two deleted synapses appear to be linked neither in the coercive nor in the physically causal, but in the implicatively logical way [3].

At the end we really come to the possibility of non-coercive and non-physically causal relation of the events on two macroscopically deleted synapses of brain. Of course this relation itself between some single events in brain is still not the consciousness, as it is not a display of some consciousness in the experiments that have been made to verify EPR-correlations, it is just an elementary consequence of the holo-parameter 'operation' (e.g. the wholeness phenomenon) of the quantum system. However if the frequency of such correlation transitions on the main brain synapses achieves quite a high level, it can turn out that due to the mass character of such events non-coercive relation of separate synaptic transitions combining with the transitions in other synapses and mutually intensifying at their quite high frequency covers extensive brain areas, and on this basis in the actively functioning brain a qualitatively new state is forming — a unique property of its functional integrity due to which the whole system reacts on the incoming irritations as an indivisible wholeness (an indivisible unit). The events taking place in its separate parts turn out to be not physically causal, but they are connected with the events implicative logically in its other parts. This unique wholeness in the brain state formed and maintained with the help of the mass character of the non-coercive correlations on the transitions of its synapses will be the 'substantial' basis of our abstract 'I'. However during such a mass and avalanche-like process of the synapses activation the information as if illuminated by its wholeness reflects the individual experience of a given organism, then this abstract 'I' in its semantic aspect is filled right away with some definite informational content turning into a psychic 'I' of some specific individual — Ivan's 'I', or Peter's 'I', etc.

A secondary quantum process that appears in brain in such a way, and that creates its functionally integral state reproduces and imitates in it the subquantum wholeness for the whole neuron system that takes part in this process. Brain neurons occur to be linked to this created by them functional state of the brain wholeness, and they get under its influence to some degree. That's why a control over the neurons that take part in the production and maintaining of the consciousness process turns out to be captured and held back by the given secondary phenomenon -that is a unique wholeness property of the whole nervous system functional state. It means that a control over the distribution and correlation of the whole system potential possibilities in the process of the consciousness generation already belongs not to the natural holo-parameter as we could say from a physical point of view, and as it really happens in the real EPR-experiments, but to its imitating and substituting wholeness property of the nervous system functional state (that very our 'I' or famous von Neumann 'abstract I'), and it happens in such an extent in which the described systems take part in the generating and maintaining of this state.

By the same token we have a possibility for the first time to build a bridge from the 'spirit' to the 'matter' and to realize how the 'thought' can move a 'mass', how the 'sentient', or 'psychic' can cause some changes in the 'physical' and manipulate it. It is demonstrated in the fact that the manipulation of quite material sensor, motor and information neurons that take part in the common quantum process that generates the consciousness is not now performed with the natural holo-parameter, but its outcome in a given process — a unique integrity property of the brain irritated state. But if the natural holo-parameter of the quantum system just controls potential possibilities of the physical system in compliance with a given configuration of its maximum detailed state that is introduced by the Ψ -function, then the phenomenon of the consciousness wholeness being generated by the quantum process that has linked the sensor and motor neurons with the information structures kept in the brain achieves the status of a reflective or psychic phenomenon.

This means the following: in an awake state the appeared wholeness state of brain activates the main part of a given body informational thesaurus at the cost of the persistently incoming through the sensor canals energy and persistently "reads" it. In this persistent and mass activation of the information structures in a single quantum process there appears and exists the brain wholeness state — our 'I' (that is unique and inimitable for everyone

due to the individual experience). Then the selectively picked out sensor information that has been let in on this level of the psychic 'I' and that is compared with its 'personality' informational thesaurus or 'reflected' in it, of course, in the general case must lead to the inimitable reaction-behavior of a given organism due to the inimitability of the gained experience saved in its information structures (memory).

Thus the quantum holism allows us to make the consciousness problem clear:

1) the achievement of not physically causal, but implicative logical relation of the events on the macroscopically deleted synapses of brain. This relation can be an objective basis from which the structure logical properties of the thinking and consciousness develop that are not reduced to the causal linkage and dependencies;

2) the emergence of the unique property of brain functional wholeness on the basis of such implicatively linked and mutually correlated synaptic transitions (at their quite high frequency), due to which brain reacts on the incoming irritation as the indivisible unit. And this is the basis of our 'I' existence. Events happening in its separate parts appear to be connected with the events in the other parts not physically causal but implicative logically.

3) Therefore the unique wholeness property of brain functional state, generated by the mass process of the non-coercive EPR-correlation transitions on the synapses, which maintain them, connect the states of the sensor, motor and information neurons and controls them. In the issue a wave function that has linked the states of given neurons, the potential possibilities of which are now controlled by the unique wholeness property of the whole brain functional state, can be 'arbitrary' contracted to the states, which do not only correspond but also contradict indirectly incoming sensor information. These states are dictated by the irritated configurations of the information neurons imitating some expected or projectable future state of the organism that correspond to the will, desire, intention demonstration and a great many of other shades of the individual psychological behavior getting bigger because of the information activation and reading from the informational thesaurus of an organism and its continuous correlation with the incoming sensor information about the outer space and the organism state in it. By the same indication we find the answer to the nowadays nagging Mind-Body Problem at least to some degree.

Here it is important to answer the usual objections that arise with the idea of using quantum-correlated effects in explaining the nature of consciousness. They

come from the evident fact that quantum-correlated effects in every concrete case need enormous protection from thermal action and other accidental events now, which can provoke impossible decoherence of the original pure quantum state and make a quantum-correlated connection. Indeed, let us remember how, for example, thermodynamic protection of sensory information and its transportation from the first receptor to the highest cerebral cortex is provided. Very specialized research is needed in order to answer this question. It is important that this defense actually takes place in a living organism. However, life may have invented something like fiber optic paths, though it is scarcely probable.

What is more probable and what actually takes place in a functioning neural system is a quite effective defense from the thermal dispersion of information by way of transportation through regeneration, i. e. through the exact reproduction of the original sensory signal along a nerve fiber from one point to another step by step, etc.

In any case, questions of thermal protection of information are solved by the organism quite effectively: while walking quickly, your heel suddenly slips and your body immediately responds with a series of skilled movements that occur automatically and without any visibly conscious efforts due to how you manage to balance yourself and continue walking. The information traveled very quickly and without any distortion — it happened quickly and precisely, and a corresponding ruling signal traveled immediately to your heel, and not just there! One might start thinking that momentary quantum-correlated effects would be quite appropriate here.

The more difficult question is that of the appearance of the described phenomenon of functional integrity in a neural system that generates and keeps consciousness (conscious perception of reality). The quantum-correlated effect of connection of extracted synapses according to the scheme of the EPR-experiment may be possible, but it is exceptionally vulnerable to thermal influence in such a complicated and thermodynamically distant medium as the brain. The very thought of gaining protection from thermal influence with the help of traditional modern scientific cryogenic technologies is clearly absurd. Meanwhile, a brain in an active state functions as an accurate and effective machine, which is more delicate, flexible, refined, and inventive than any of its modern cybernetic parodies.

Moreover, every person is aware that he or she can always raise the intellectual and creative abilities of his or her brain. And it is possible not by means of liquefied nitrogen but vice versa — by heating up his or her brain

with a good cup of coffee or a strong drink, such as commonplace alcohol or even LSD, different stimulants, or drugs, etc.

The thing is that despite all the laws of thermodynamics, the brain functions better the more it is heated! Indeed, we know well that the phenomenon of consciousness (conscious perception of reality) disappears as soon as the general activity of the brain falls below 10^6 synaptic connections per second for the whole brain in general — the state of sleep inevitably takes place beyond this threshold.

And to the contrary, the awakening of the brain and its changing to an active state starts from the 10^6 of synaptic transmissions per second. Outwardly these circumstances look as if they should have raised the entropy and consequently hampered effective and precise processing of information in the brain, i. e. hampered the functioning of the brain. Alas! Considering the problem of consciousness, it seems that nature mocks at us, our ideas and technologies.

Meanwhile, a great amount of simple events that are necessary for generating and keeping a state of consciousness, can hold within itself the key to the mystery of consciousness. Indeed, the quantum-correlated link between extracted synapses is still not and cannot be consciousness. However, as it has been shown above, implicative-logical rather than physically-causal connections can be reached on the extracted synapses on the basis of quantum-correlated effects. In this way, the processing of incoming sensory and other information, reaching synaptic passages at quite a high level of frequency in the brain, means a new state — the unique property of its functional integrity, by which the whole system reacts to incoming stimulation as an indivisible integrity. Though this functional integrity of an excited brainstate is inherently caused by a mass avalanche-like accumulation of events — by EPR-transitions on single synapses, it is secondary with respect to them, it cannot be brought to them and has its own meaning and gains a completely new reflective function towards a common physical world that is beyond sensory receptors. This very phenomenon is a completely new and secondary unique functional integrity in the state of the brain, which is created and kept with the mass character of non-power correlations in the transmissions in its synapses. It makes its way to a possible “substantive” base of our abstract “Me”.

However, from a thermodynamic point of view, how is the achievement of such a pure quantum state bounding together most parts of neurons of the brain possible?

It appears possible due to the rapidly growing avalanche-like stream of EPR-events that form its foundation!

Many of these events will turn out not to be implemented or destroyed by thermal influence. But since events, which surmount in their quantity a number of 10^6 per second, come into play, many of them will remain intact and become realized in accordance with EPR-schemes. These are statistical laws of thermodynamics. And there will be enough of them to awake and provide an active state of the brain. This is why in this case nature resorted to huge, indeed astronomical, numbers and in addition to that quite a limited spatial volume — altogether 6–7 inches in diameter of brainpan.

5. Possible Experiment to Prove the Set Out Hypothesis

Is there any possibility to prove experimentally presented here ideas? Evidently that these ideas themselves must be carried to a more detailed and clear exposition, which allows to single out some empirical proved consequences that is very difficult to do right now. Nevertheless we can indicate one experiment. It can be enough to prove the main idea about involvement of the EPR-correlations in the generating of the consciousness state. Its point is the following: the importance of the activation and maintaining of the consciousness state has been proved due to many experiments of the dissection of the brain reticular formation. The experiments have proved specifically that when all parts of the brain, receptor and conductive devices (it means that the brain has been subjected to a continuous irritation by the incoming afferent impulses) are completely preserved, an animal, however, went immediately into hibernation during a cross-section of the reticular formation of the brain that is not more than one/thousands part of the central nervous system. The state of sleeping under anesthetic also occurs due to the blocking action of some drugs on the reticular formation.

The usual explanation of these facts is made by the assumption that the reticular formation creates the general tonic (irritated) state of the brain necessary for the consciousness to come into effect. But we can go further and assume that the impulses transferring into all parts of the cerebral cortex by the reticular formation are in the state of the EPR-correlation with the impulses moving to the cerebral cortex along the direct afferent pathways, since every time a pair of such impulses has a single source — a single original quantum system that has been formed in a receptor neuron. Then the following scheme to prove this assumption is possible. We should try to dissect the reticular formation with simultaneous introduction of

the diffusely distributed stimulation through the appearing cut that is equal to the usually observed potentials for the normal wakefulness state in the reticular formation.

In this case it is impossible to say that the cross-section of the reticular formation ‘excludes’ the general tonic state of the brain, because it will receive activating impulses through the reticular formation cut. And on the other hand, if the consciousness state does disappear (we assume it has to happen!), this fact will confirm the assumption about the decisive role of the EPR-correlation effects in the consciousness formation.

We could explain the experiment by indicating the fact that despite the preserving of the main brain activated state and its receiving of the sensor information through the specific afferent canals, the consciousness however disappears because of the evident missing of the EPR-correlation between the signals that come to the brain through the reticular formation cut and the signals that come to the brain along specific afferent pathways from quite a different source — from the receptors of the peripheral nervous system. This fact eliminates any possibility of the generating of the brain wholeness phenomenon on the basis of the EPR-correlations effects. By the same token we can achieve the explanation why the consciousness state disappears in the described experiment though the activated state of the main brain would be maintained by the impulses delivered into the upper part of the brain through the reticular formation cut.

We can also suggest another version of this experiment. The two animals of the same biological species with pronounced sleeping and wakeful states are exposed to a cross-section of the reticular formation with a simultaneous connection of impulses from the lower part of the reticular formation of one animal to the upper part of the reticular formation of another animal. It would cause the mutual exchange of the information between the animals that comes from the reticular formation to the brain. It is also obvious that in this case, any possibility of EPR-correlations between the signals, which come to the brain along straight afferent pathways, and somebody else’s signals that come to the brain of the animal from the reticular formation of another animal are absolutely ruled out. We suggest that in this case as well both animals would hibernate in spite of the ensuring of all conditions for the excited state of the brain of both animals. In this way our hypothesis about the decisive role of the EPR-correlations for the wakeful state to appear, e. g. consciousness would be proven.

Reference:

1. Beer St. Cybernetics and Management for the Production. 2nd edition. Nauka. Moscow, – 1965, – p. 38, (translation from English into Russian).
2. Kobozjev N. I. The research in the field of thermodynamics of thinking and information processes. In the book: Kobozjev N. I. Selected works. Vol.2. Moscow University Publishers. Moscow. – 1978, – pp. 3–240 (in Russian).
3. Tsekhmistro I. Z. Implicative logical nature of quantum correlations (II). // Voprossy Filosofie, – 2012, – N 5.
4. Tsekhmistro I. Z. Implicative logical nature of quantum correlations. // Physics-Uspekhi (44), 4, April, 2001.
5. It can't in essence be the task, whose exact target is the explanation of the possibility of thinking and consciousness. Otherwise it is the inevitable mistake, known in logic by the name *per idem* — that is to say, explanation by means of involving the explained.

*Chernyakova Natalia Stepanovna,
Herzen Staty Pedagogical University of Russia,
Professor, Northern People Institute
E-mail: Cherns2011@yandex.ru*

The notion of truth: between rejection and rescue

Abstract: The notion of truth is considered in the article as the category of thought by which we express the property of our thinking to reflect, to be in correspondence with objective entities, which are transcendent to the thinking itself. This universal meaning of the notion of truth couldn't be changed by any theoretical interpretation of the notions "being", "correspondence" or "criteria of truth".

Keywords: truth, being, thinking, knowledge, correspondence, true, false.

For the last two millennia the sacramental question "What is Truth?" turned into a ritual formula, the recitation of which demonstrates respect to the mysteries of human existence and cognition, but not to the notion of truth itself. The content of this notion seems for many philosophers so obvious that, like R. Rorty and after him, they think that "the fact that we possess such a notion is in itself no guarantee that there will be an interesting philosophical theory about it" [1, 282]. Calls to resolute reconsideration of the classical concept of truth were heard in the philosophy of the second half of the 20th century so often, and prospects for the future use of the very notion of truth were discussed by philosophers so seriously, that we should doubt not so much possibility of any interesting theory of truth as the fact of availability in our minds of just the notion, and not only a word "truth". Do we really understand the content of the notion "truth" and its status in intellectual activity, if, like K. Popper, believe that anyone can destroy or rehabilitate truth? At the XVIII World Congress of Philosophy (Brighton, August 1988) K. Popper considered it his duty to express gratitude to Alfred Tarski and to make a confession of his faith: of his "opposition to relativism" and his "54-year-long adherence to the Aristotelian theory of truth, rehabilitated by Tarski and successfully applied by him and by

Gödel to some mathematical problems" [2, 6]. Isn't it better to refuse the use of the notion "truth" at all than to consider, that two thousand years we fight over the decision of the elementary cartographic tasks, and together with D. Dennett rejoice that "serviceable, modest concept of truth... has its uses: when we want to compare two maps of countryside for reliability, for instance, or when the issue is whether the accused did or did not commit the crime as charged" [3, 97]? I think that the experience of philosophical thought and discussions of the 20th century must not be lost if we don't want continue to stand before a dilemma: either to use no more "marketable" concept of truth as correspondence of the trivial judgments to the evidences of common sense, or contemplate the greatness of metaphysical Truth, the concept of which can't be defined and can't be used in the cognitive process or in practice.

Despite the fact that in Aristotle's works there is no real definition of the truth and that statements of Aristotle himself, which is often cited in connection with the discussions of the problems of truth, doesn't form a theory, definition of truth as correspondence of the thought to reality is regarded as the quintessence of exactly Aristotelian understanding of truth. Sustainable philosophical tradition linked not only this definition, but, eventually, even the Latin formula "*adaequatio*

intellectus et rei” directly with Aristotle tuning the expressions “classical concept of truth”, “correspondent concept of truth” and “Aristotelian concept of truth” as synonyms. However, “truth” is a category, to be in possession of which people is due not to the peculiarities of this or that subject of knowledge, but to the specifics of the cognitive activity as such and moreover — of the way of human existence, an integral feature of which thinking is. As Bernard Williams wrote, “there is no history of the concept of truth”. Considering the historical conception of Thucydides, Williams emphasizes, that “it was not that he introduced a new definition or theory of truth”. On the contrary: “Everybody everywhere already has a concept of truth; indeed, they all have the same concept of truth. (The fact that they may have very different theories of truth just shows how much people’s theories of truth misrepresent their grasp of the concept)” [4, 163]. Indeed, it’s impossible to believe that not only philosophers, but all sensible contemporaries of Aristotle needed in proving that anyone who asserts that disconnected is disconnected and bound is bound says the true and anyone who thinks back to that state of things — the false, or that somebody is pale not because we consider him/her a pale, but, on the contrary, it is because somebody is pale, we who claim it tell the truth. Of course, these judgments became trivial long before the emergence of philosophy itself. So there are no more reasons to consider Aristotle as a founder of the concept of truth as a correspondence between thoughts and the real state of things than to consider him as an originator of the opinions that the Sun rises in the East or the wind blows up the sails. The essence of Aristotle’s reasoning isn’t the statement of trivial correspondence between our judgments and evidences of common sense (“I see that Socrates is pale, and I tell the truth: Socrates is pale”), but the understanding and theoretical explication of the idea that a judgment can be either true or false, because that to which the judgment is referred to and the existence of which is asserted in this judgment may in fact not exist. In other words, true or false, according to Aristotle, may be only that, in which being may be represented or not represented. Thus, the epistemological problem of truth turns into the ontological problem of existence, because the statement is true if and only if that, which is asserted in it, is really exists. But is it? That is the question the answer to which may be obtained only in the process of cognition.

Trivial interpretation of epistemological correspondence as copy, ideas as a print, the mind as a mirror and etc. is a consequence not of the basic meaning of the

term “*adaequatio*” or essence of the classical concept of truth, but of a highly simplified theory of knowledge. The classical understanding is based on a much more uncertain interpretation of “*adaequatio*” as coordination of thoughts with the objects without explicitly underlining or implicitly meaning the moment of absolute identification, copying, or making snapshots. The content of the classical definition of truth as correspondence of thoughts to their objects does not give grounds to think that thoughts can be brought into one-to-one-correspondence with reality, or make a conclusion about presence of intuitively clear and undisputable criterion for establishing whether thoughts correspond to object or not. It should be emphasized that questions about how exactly to verify/falsify any statement or proposition and what is the criterion of really true content are not included in “the classical concept of truth” in any interpretation of this concept.

It seems to me that a special historical case of the struggle against the classical concept of truth was only possible because, despite mutual criticism and the apparent incompatibility of fundamental principles, all philosophical schools of the 20th century involved in logical and methodological researches of scientific knowledge were united in their desire to reduce epistemological problems to the level of concrete scientific problems of mathematical, logical, linguistic or physical type. It is because of this total reductionism a tradition has arisen to call “classical”, “traditional” or “correspondent” such interpretation of the notion of truth, which is due not to the essence of the classical concept of truth or its definition, but only to a limited scientific approach to the study of fundamental problems of epistemology. The principal feature of this pseudoclassical interpretation of the truth is a consideration of thought not as a product of vital activity of the subject, but as an ideal object, existing among material objects. The concept of the idea as something that exists along with the object has led in its turn to the identification of epistemological relations of the correspondency between thoughts and objects with relations of structural similarity in mathematics and natural sciences [5, Part IV. *Civilization*, Chapter 16. *Truth*] and has resulted in that understanding of truth, which R. Rorty ironically described as a «vegetarian». According to this pseudoclassical interpretation of the notion of truth a true thought is likened to a map, diagram, formula or any other sign, which refers to the object, but is independent of it and exists along with him. This sign/image you can freely select, replace, refine or destroy without

losing sight of referred object and achieving maximum expressiveness of the sign or accuracy of the iconic image. Moreover, it's considered as possible that one and the same idea can be put in some different relations to the object and vary in more or less adequacy, just as two people can be to each other in relations of kinship, or of official subordination, demonstrating various properties of character and behavior.

The specifics of the critical attitude to the truth in the postmodernist philosophy was such that just this reductionalistic in relation to the epistemology and essentially pseudoclassical interpretation of truth was recognized as a "classical" and identified with the essence of what is possible to conceive "under the sign of Truth" in general. As a result, some philosophers have tried to get rid of this "classics" by creating various "non-classical" theories of truth — coherent, pragmatic, conventional, etc. and eventually formulating the question about expediency of application of the concept of "truth" as such, and others didn't lose hope for the salvation of the classical concept of truth in the name of salvation of the Truth itself. Not many others have noticed the non epistemological meaning of the prevailing interpretation of the classical concept of truth and senselessness in itself of the appeals to "deliverance from the truth".

The fundamental difference between such representations, as, for example, a map and the quantum theory, is that only about map we really know what it represents. Therefore the question, "Can the map be true, i. e. whether it can be a true representation of the object?" hasn't the epistemological sense, because we know exactly what this map represents. As to the quantum theory, a search of the referents for this representation coincides with the process of cognition of the microworld. We only then understand what it represents, when we obtain the corresponding referents by this representation itself. Maps, models, photos, schemes, etc. could be more or less accurate, but they can't be true or false, because creating and using maps or models, we know exactly what was the object of mapping or modeling, and comparing map with its referent we define only the accuracy of the two rows of dots: on the map and on the ground. In all these aspects, which are described by the concepts of homomorphism and isomorphism, no actually epistemological problems arise, because the photo is, of course, reproduction of the appearance of quite certain and no other person, the map is a representation of quite certain areas, and the model — a copy of quite certain object. As to epistemology, it, unlike cartography or modeling, considers only

those problems, which arise when the subject of cognition seeks to understand: a map of what locality has he created, and whether it is a map at all. Thought is not a map or a model that can be checked with the terrain or compared with the object of modeling. Thought is a product of intellectual activity of the subject, some state of his consciousness. The subject of cognition can't look at his own thought like at the map or model, because the content of his thought is exactly what replaces in his consciousness the object of knowledge, and he operates thoughts as the objects themselves, even not knowing whether they represent any object or not. Thought is "presenting" to the consciousness directly just itself and only indirectly — an objective referent. That is why the problems of references and ontological interpretation occur, on the one hand, and the concept of phenomenological intentionality — on the other. If being was presented to the consciousness per se no any problems of knowledge would ever exist.

It's important to emphasize that in the semantic correlation of language expressions with referents there is really no specific epistemological content. This content appears only when the subject of cognition doesn't know, what is being referred to, what should be considered as "facts", and, therefore, — whether his statement has as a referent a really existing object. In other words, the knowledge originates and exists only because the subject of cognition doesn't know, whether images arising in his mind really correspond to any objects, and therefore he can't operate with these images as with models or maps, about which it's precisely known, representations of what objects they are, or as with symbols, the meaning of which he has set himself. The process of establishing the validity of thoughts can't be presented in the form of correspondence between content of thoughts independent from the consciousness of the subject with an objective reality equally independent of consciousness, because the question of the truth occurs only and exclusively in the situation when there is a problem of existence of those characteristics which the subject of cognition attributes to the object. And this situation is an attribute of a single kind of relations — epistemological — between the object existing by itself and the image representing it in the consciousness of the subject. In other words, the notion of truth implies the unresolved question of the representation of things in the mind of the cognizing subject.

The fundamental difference between semantics and epistemology is that the significance of the symbols or terms of formalized languages is always arbitrarily set

and known, while an assessment of the true content of a judgment is always problematic. Thinking cannot exist, not expressing itself in judgment, but the true content of propositions, unlike the semantic meaning of linguistic expression, consists not in a matching of two objects, but in a correspondence between an object and a thought about it. True thought is such that it has the property of correspondence, which means that the objective being, which it represents and replaces in mind, “shines” through it. But it means that the thought, true or false, can’t be in a different relation to an object, and that it’s impossible to determine the truth through relations between material entities. The real epistemological problem is not whether our statement “It’s raining” represents the fact of the coming rain, but whether the rain is coming in fact or is it only seems to us. Only the problematization of the content of the judgment makes the question of the truth really relevant, for the question of truth arises only when the content of the judgment problematic relative to things, when we really don’t know, is there something external to which our contemplations is referred. The need to assess thoughts at their true content reveals problematic nature of the existence of those characteristics that the subject of cognition attributes to the object. This is the situation which generates actually cognitive attitude of the subject to the object. And precisely because the existence of somehow comprehended transcendental object is always only allowed as an ontological precondition, the actual development of knowledge consists in solving of the question about the truth of this assumption. If no request about transcendental is made, if the existence of properties attributed to a transcendent object isn’t questioned, the notion of truth has nothing to speak about, because the truth speaks only about the identity of being and thinking in the sense that any ontological assumption is problematic and should be subjected to the evaluation of its true content. Judgment asserts something as existent and can be true or false only because the real something either exists or doesn’t exist. Neither at the moment of judging, nor in the process of verification/falsification we don’t know if that which the judgment asserts really exists, i. e. don’t know is the judgment true or false. Only our real ignorance compels us to question the true content of our statements and makes this content really problematic. If a representation of being in the mind could be anything, no problems of cognition would ever exist, for it would mean that any thoughts are equivalent as representations of being itself. However, in a real process of cognition there are both true and false thoughts. And the essence of the process of

cognition is to distinguish the ones from the others. The question about the possibilities of cognition we can reformulate as the question of whether there is knowable? Is there something this thought corresponds to? — If there is, the thought is true; if there isn’t — the thought is false. So the epistemological question about the truth is tuned to the ontological question about object itself.

A semantic approach to the study of truth is based on the withdrawal of the judgment from the living process of thinking, as the result of which the judgment turns to be not the form of thought but the form of language in which just thought as the state of consciousness is lost. Due to this approach an opinion has arisen that Aristotle or Locke thought of knowledge as a relation between persons and objects, while the modern researchers think of knowledge as a relation between a person and a proposition [1, 141–142]. However, a person hasn’t any relations with propositions. When a person says “I know that ...” he expresses his attitude not to a proposition, but to the content of what he says. And this attitude is such that the speaker is sure that what he’s talking about really exists. “To know” means to claim something as an existing or to approve the assertion of the existence of something as true. “Not to know” means not to claim something as an existing or not to recognize the proposition of the existence of something as true. The category of truth reflects not the relation of the sentence to its referent, but the attitude of the living thought of the subject of cognition to being. It’s just being (reality, object) corresponds to consciousness as a property, an ability, an attribute of the cognizing subject. And only for the cognizing subject, only in his mind the being is revealed or hidden. The true judgment about the object is such a judgment, the content of which replaces in the consciousness the object itself. This mental substitution of object means his identification with the idea, but identification only and exclusively within the boundaries of thinking about the object. Comprehensible in this way “identity” of the thought with the object means its accuracy, adequacy, representativeness, but not the transformation of thought in knowable object itself.

The causal link between an object and a thought about this object only means that the object exists prior to and regardless of the act of thinking and that the reason for the existence of thought about this object is, undoubtedly, the object itself. Otherwise thought would forever reflect only itself and no cognition problems would ever exist. Meanwhile, the knowledge exists and exists only because the idea is not identical to the object itself. The

relation between the object and the idea is not an unambiguous, or the nature of a rigid determination. Nothing in the object creates the only possible idea of the subject of cognition. On the contrary, “the contact with reality” might result in true thought as in false. And the notion of truth represents just this problematical nature of knowledge by reflecting both the relation between thinking and being and the content of thought, which stands for the being in the mind.

Precisely because the category “truth” is an epistemological name of being itself, not imaginary but the real ambiguity of the word “truth” arises. This word means in the common sense as in the theoretical consciousness simultaneously not only a content of thought which is corresponded to an object, but this same object that is reflected in this thought. This semantic contradiction in the word “truth” is as stable, as the content of the category itself. That is why saying “truth” we mean “reality”, or “being”. The opinion that we can search for truth as if truth is hidden somewhere is possible only because in our consciousness the truth is identified with reality itself, and any judgment, perceived as true, has for us an ontological value. Asking “What is truth?” people are not meaning the semantic content of the word “true” or even the content of thought that this word signs, but they are meaning the reality to which thoughts must correspond to be true. Common sense perceives the question “What is truth?” as a question about the real object. This “natural attitude” of the consciousness towards the identification of the true thought and reality, the true thinking and being is the result of cultural and historical development. The destruction of this “natural attitude” is the specific task of epistemology as a branch of philosophy.

Only at the epistemological level the question “What is truth?” is becoming a question about the content of our consciousness, but not about the real objects. The epistemological question about the correspondence between thinking and being implies the possibility of their fundamental lack of correspondence. More over, the epistemology that is not aware of this possibility simply can’t exist. Epistemology as the theory of the knowledge is necessary just because

of knowledge about object is not the same as the object itself, and it is for this reason epistemology must disclose how the subject of cognition can obtain the correspondence between his thoughts and the object. The problematic character of epistemological relation, which exists solely in the consciousness of cognizing subject, means that evaluating the ideal images of his mind, the subject of cognition simultaneously is aware of the distinction between his own belief in the truth or falsity of these images and their objective value. There isn’t a formal logical or linguistic criterion for the distinguishing of true and false components of consciousness. This means that the fundamental uncertainty of cognitive situation consists not in the subject’s awareness of his ignorance, but in his not knowing about his so-called “actual knowledge”, i. e. about where his knowledge ends and ignorance begins, which he is considered as knowledge. This uncertainty should be taken into account in the judgment of true and mistaken. At every moment of time the subject of cognition knows something about the world, but he doesn’t know with absolute certainty whether his knowledge of it is just knowledge and not a mistake.

If thought is true, then through it “shines” the being itself. It’s in this idea the sense of the classical definition of the truth is. The question of truth applies to only one: the presence or absence of representation of things in the mind, in whatever way this representation was achieved. But, strictly speaking, if the methods and ways of establishing correspondence between thoughts and their objects are not problematic, there is no space for the category “truth”. All forms of cognitive activity — from daily to theoretical, from fortune-telling to the philosophical understanding of the world — operate on the same categorical form, even if in ordinary consciousness of some subjects there is no theoretical concept of “truth”. Ultimately, the very existence of the category of truth means that the subject of cognition not only distinguishes thoughts about the object from the object itself, but also realizes the possibility of their full discrepancy. One who isn’t aware of it can’t ask, “What is truth?”

Reference:

1. Rorty Richard, *Philosophy and the mirror of nature*. – Princeton, New Jersey: Princeton University Press, – 1979.
2. Popper Karl, *A World of Propensities*. – Bristol: Thoemmes Press, – 1990.
3. Dennett Daniel. *Postmodernism and truth*, in *Questions of philosophy*, no. 8. – 2001.
4. Williams Bernard. *Truth and Truthfulness: an essay in genealogy*. – Princeton and Oxford: Princeton University Press, – 2002.
5. Alfred North Whitehead. *Adventures of Ideas*. – New York: The Macmillan Company, – 1956.

*Yuldasheva Farida Hozhamkulovna,
Andijan State University, PhD Philosophy,
senior lecturer, head of Department of Philosophy
E-mail: asbegmatov@yandex.com*

Axiological aspects of cultural globalization

Abstract: The value aspects of cultural globalization. The author offers his approach to evaluating the effects of globalization processes the article considers have been stated in the given.

Keywords: cultural globalization, axiological dynamics, society, phenomenon.

Strengthening of ties and influences between governments, changes in cultural perceptions, interactions between civilizations, partial discrepancies between traditions and news, the opposing moves toward modern and traditional lifestyles, cultures of peoples the nations, harmonization of lifestyles and deeper understanding of national identities — these and other similar phenomena of modern time comprise the objective meaning of the process of globalization.

Any change in the Axiological dynamics is related to social development. Changes in all aspects of social life, naturally, change values. There is a dialectic relationship between Axiological dynamics and social dynamics. On the one hand, the social progress changes values, while on the other hand, changes in the values change societies. This means that the values are not something general and vague. Values or something of value, importance to the society and the person. If they lose their importance, they gradually lose their essence of values as well. At transitional and turning points of social development, society's change their attitudes towards values, change their approaches and evaluations. During such periods, fundamental transformations of family used take place.

Nowadays, changes in the system of values present new challenges for the societies. In order to overcome those challenges, it is important to develop principles for peoples and persons from different cultures to live together and interact.

It is without doubt that the negative consequences of globalization are jeopardizing the dialog between cultures and values, intercultural relationships, and the pluralism of cultures and morals. In this context, it is also important to have a strategy to fight the negative consequences of globalization. Currently there is an ongoing debate among experts on attempts to stop globalization, defend from it, and fight against its negative consequences.

We believe that the system of cultural and moral values is one of the strongest tools to fight the negative consequences of globalization, and at the same time, it is also under the influence of globalization.

Globalization, while it marks a new step in the quality of life and integration, it also changes traditional system of values in a society, and sometimes negatively influences it. Thus, axiology must study the issue and consequences of cultural modernization, seek ways to resolve these issues, and developed projections as to what kind of values tend to remain strong, and what values tend to change, and to evaluate consequences of these changes. This situation requires to sometimes review and re-evaluate the system of values, abandon some values as required by the context, and adjust some values for the sake of future progress. This is important both from theoretical and practical points of view.

The cultural and moral aspect of globalization is both controversial and complicated. Cultural globalization means the spread and development of unity in diversity. The more widespread it is, the stronger the interest in cultural and moral values, the stronger the efforts to restore historical national values. The cause in the cycle of dialectical development, every action creates a counter-action. From this point of view, the unification of cultures and values, in turn, creates the desire to retain the unique features of our culture.

Any type of globalization sometimes creates a division of values in a society. Because the discrepancy between traditional and modern lifestyles leads individuals onto different paths. This discrepancy is further strengthened by differences in the values between different generations, social groups and ethnicities.

In this context, it becomes an important challenge to create a dialogue between different nationalities, cultural and social groups.

Values how strong value the cause they don't easily give way to different values, thanks to the above-mentioned characteristics. They aspire to create a dialogue. Otherwise, nations that are not actively partaking in the globalization process due to various social and political reasons may fall under the influence of dominant countries, and was their cultures and identities.

The principles of democratic development requires that leading countries conduct an equal dialogue based on humanistic pluralism. Integration and globalization must respect unity in diversity, rather than reject difference and variety. In other words, no matter what area of the globalization we're talking about, it must consist of and reflect multiple individual units, and must not fully comply with any of these individual units. In the system of global culture, it is important to retain elements of different cultures in a harmonized manner, and not let any of these elements dominate over the others [1]. Such system must represent a unity of different cultures and values, and reflect their national and human aspects, their essence and diversity. Only then can the cultural dialogue based on humanistic pluralism equally reflect different parties' benefits.

From this point of view, the Uzbek National culture has big historical experience. Famous would make literature expert Ozod Sharafitdinov wrote the following: "I am pleased that this culture has never been wrapped off in its own shell. Since it has had strong linkages with general human values since ancient times, has always enriched and developed itself, it has an important place not only in its own area, but also in the world cultural platform. This culture has enjoyed development from the achievements of the colorful eastern civilization, as well as best features and practices of the western world. Of course, this is a natural and legitimate process" [2].

Another challenge that we face in the context of transformation of values under globalization is the development of mechanisms to protect traditional national values. As mentioned above, this situation requires that every nation and every culture must have its mechanisms and principles of defending its own culture, values and lifestyle from inappropriate external global influences. In other words, they must develop theoretical and practical defence mechanisms according to their lifestyles and values.

The main goal in this area, we believe, must be to retain the integrity of own culture, while also absorbing features of external cultures that match the nation's development priorities, and synthesize them to achieve national priorities. In this sense, maximalis and minimalism are equally harmful. In all cases, one must take into account his situation and needs, and act accordingly.

The selection of traditional values must be based on their importance to date and the future, their ability and potential to serve the society's needs in the context of globalization. Under the influence of globalization, the society will inevitably undergo some degree of modernization, but sometimes it will be necessary to stop some

aspects of this process that contradict with national and moral values using promotional of legal measures. This allows to prevent the loss of national values and extreme modernization, especially among young people who are prone to sharp changes. This in turn helps avoid misunderstandings, psychological and social conflicts between different groups in the society, retain the harmony and unity between generations. We believe that the suggested methods help prevent the negative influences of the influx of foreign culture that is taking place through mass media, Internet, foreign arts etc.

It should be mentioned that the globalization process is not necessarily responsible for all negative situations that can happen in the society. On the contrary, this is mostly the result of subjective factors. For that reason, attempts to blindly promote foreign cultures should be limited. We believe that in the globalization process, one shouldn't focus too much on tolerance. As we know, Torrance has an important place in the social mentality of our people. In general, tolerance is a positive phenomenon. One of the best definitions of tolerance was given by F. Mayor who was the Director General of UNESCO in 1987–1999: "What is tolerance? It is not biased or indifference. It is knowing and understanding others. It is mutual respect by mutual understanding. What is tolerance? Unity — yes. Unification — no. Diversity — yes. Violence — no. sharp debate — yes. Force and submission — no" [3]. Tolerance is one of the principles for countries and nations with different cultures to interact with mutual respect.

Tolerance requires openness and lenience towards others. President of Uzbekistan Islam Karimov says the following on the importance of such openness: "Indeed, the centuries old traditional eastern culture of our people that we're trying to preserve is different from western cultures in many aspects. The main issue here is how open is the traditional culture, how able it is to absorb different values. Not only unique individual cultures, but, first of all, cultures that enrich each other, will be able to survive" [4].

But speaking of global culture, excessive tolerance and openness do not always produce desirable results. This situation may cause decrease in the importance of the national culture in people's social life, thus creating new problems in establishing people's social identity. Besides, excessive tolerance in culture and ethics may shape wrong attitude among young people towards the national culture and morals, and give them a dominance of values that contradict with the national culture.

It is necessary to find ways to protect traditional and national values that serve the development of our country,

while applying principles of democratic freedom towards cultural globalization in Uzbekistan. Focus on national and moral values, recognition of traditional values as the main factor for moral development, and harmonization with democratic and universal values ensures a gradual entry into the globalization period. This also facilitates the construction of a democratic government and civil society.

In the current situation, what may present a challenge for Uzbekistan is that we face two types of problems at the same time: problems of the transition period, and problems related to consequences of globalization.

At the current state of Uzbekistan's development, the attitude of our nation to globalization must focus on protecting our historical values, while also absorbing values from progressive world cultures. Positive aspects of the modernization process should be integrated into our development path.

It should be mentioned that traditional cultures and values have a great impact on the individual's activity, lifestyle, and social life in general. Under the influence of modernization, traditional cultures and values change and adapt to the changing environment. If they fail to adapt to modernization and development, the spiritual development of youth may fall behind. Values are important not just because they are traditional or historical, but

mainly because they are critical for the current development. The importance of traditional values is that they allow us to preserve the unique aspects of the national culture, while also creating opportunities for utilization of modern values for future progress. Thus, the attitudes towards values must be based on the principles of traditionality and modernity, dialectism of nationality and universality.

In the modern time, globalization as an objective process is determining the future of the international community. Globalization is influencing Uzbekistan, too. The political, economic and moral reforms are taking place in conjunction with the ever deepening process of globalization. Our young, democratic nation faces multiple challenges related to this process. One of them is adjusting the consequences of globalization so that they serve our nation's progressive development. The essence of globalization is not exclusively aggressive: it is necessary to make the right use of its creation potential, and direct its results and consequences in the right way. Uzbekistan should not remain an observer in the globalization process; active and effective participation creates wider opportunities to gain a place among the most progressive developed countries.

Reference:

1. Vasilenko A. Political Globalistics. – M., Logos, 2 000. – p. 264.
2. Sharafitdinov O. Ecology and Culture. – Tafakkur, – 2005, – № 1. – 19–20 b.
3. Ata-Mirzaev O., Gentshke V., Murtazaeva R. Inter-Ethnic Tolerance in Uzbekistan: History and Present. T. Universitet, – 2004. – 11 b.
4. Karimov. Uzbekistan at the Threshold of XXI Century. Threats to Security Conditions for Stability, and Guarantees for Development. – Uzbekistan, – 1997. – 184 b.

*Yazdanov Ulugbek Toshmurotovich,
Samarkand State university, The doctoral candidate
of national idea and philosophy sub department
E-mail: yaz-81@mail.ru*

Modelling the public opinion by the method of χ^2 «xi-square criterion»

Abstract: In this article there is considered using the methods of mathematic modeling, that is to say analyzing the public opinion that is directed to a definite problem by the method of «xi-square criterion». Besides, in the article there is revealed how important the problems that are forming in the public opinion and the degree of their interconnection with each other.

Keywords: public opinion, mathematic modeling, method of «xi-square criterion», criterion, formula, respondent, reform, relation, coefficient, statistics, power of connectedness, degree.

Nowadays, public opinion is becoming so complicated, that its quality of mutability is bringing out a lot of

complications. Besides, in the XXI century integration of global processes is also making influence into the public

opinion, and the struggles for a human's mind and heart are showing their effect.

Therefore, not only studying the changeability, adoptability, features of effectiveness of the public opinion, but also defining a degree of interconnection of the problems, that are arising in the public opinion, is also becoming very important. That is why, the method of mathematic modeling will be appropriate in finding out the real state of the public opinion by the definite facts, in defining

what factors are making influence into it and reasons that are connected with its changeability features. One of the popularized methods of such modeling is "xi-square criterion". By this method we can not only find out the public opinion, but also we can reveal its degree of changeability, effectiveness, the degree of interconnection of one factor with another factor. Besides, this method also will suit for studying each problem, which is being considered separately, for defining their importance coefficient.

Table 1.

№	Place where the questioning was taken	Makhalla Citizen's Council of Makhalla Dashyak under Village citizen's Council Dashyak, Khiva district, Khorezm region January of 2014							
	Theme:	Are the reforms, that are being carried in our country, satisfying you?							
	Questions	Age of respondent			State of employment of parents			Total	100 %
		25–40	45–60	65–75	Parents	Father	Mother	108	
	General information about respondent	19	61	28	33	63	12	108	100 %
1	Yes, because: Peace is provided in our country	18	61	27	33	61	12	106	98,1
2	Yes, because: There exist all opportunities for the education of our children	15	61	27	32	61	10	103	95,3
3	Yes, because: Our social-economical life is much better than in neighboring countries	19	60	19	33	55	10	98	90,7
4	Yes, because: increased opportunities for living well	19	50	20	29	50	10	89	82,4
5	Yes, because: independence taught to work and live well	15	52	20	26	51	10	87	80,5
6	Yes, because: now we live not for living, but for living well	16	53	22	19	61	11	91	84,2
7	Yes, because: now it is possible to live well not by manual work, but by mental work	12	50	24	30	45	11	86	79,6
8	Yes, because: now we live not on the account of salary, but on the account of labour	17	43	25	22	52	11	85	78,7
9	Yes, because: Importance of human, nation, ancestors and generations have restored	18	50	22	20	58	12	90	83,3
10	Yes, because: we started to recognize ourselves	19	50	11	14	54	12	80	74,0
11	I have no attitude to the question	–	–	4	–	3	1	4	3,7

The method of "xi-square criterion" was worked out by Charles Pirson in 1900, and it is also called a satisfaction criterion of Pirson. Pirson showed the theory of revealing the interconnection between model foresights and experiment information. It will be appropriate in checking the matters connected with assessing the un-

known parameters of the model and agreement between model and experiment information.

Sometimes, in the process of processing the obtained information we come across complicated tables which include into itself several little tables. Analyzing such kinds of tables also brings a lot of difficulties. It is

natural that in such cases it can bring effective results to analyze the table by separating it into the part tables, then to make a conclusion summarizing the results.

By the χ^2 criterion we can find out the rate of questioning results taken on each variant. We call this rate χ^2 coefficient.

It should be mentioned that in the mentioned criterion χ^2 must be considered not as a square of some amount, but as marking coming out from the name of criterion.

We can find out how important the method of “xi-square criterion” is from the following results which were reached in the process of analyzing the results of research, carried out in Khorezm region (see Table 1.), by this method.

We shall analyze the statistic information, given in Table 1, only from the point of view of respondents' age. In this χ^2 coefficient of separate criterions for questioning with multiple criterions can be found by the following formula:

$$\chi^2 = \sum_{i=1}^m \frac{(E_i - T_i)^2}{T_i}.$$

Here:

E_i — value of factor;

i — empiric value on factor;

T_i — Theoretical value.

It is known that, empiric value will be similar with the true value written in the table. And theoretical value is found by the following formula:

$$T_i = \frac{\sum_{j=1}^n X_{i j} \cdot \sum_{k=1}^m X_{i j}}{\sum_{j=1}^n \sum_{k=1}^m X_{k j}}$$

Here:

m — number of factors;

n — number of criterions.

And $x_{i j}$ — is an ordinal number signifying number of respondents on factor i — by criterion j — Generalizing this formula we can write the formula of finding χ^2 - coefficient of separate criterions as following:

$$\chi^2 = \sum_{i=1}^m \left(\frac{E_i - \frac{\sum_{j=1}^n X_{i j} \cdot \sum_{k=1}^m X_{i j}}{\sum_{j=1}^n \sum_{k=1}^m X_{k j}}}{\frac{\sum_{j=1}^n X_{i j} \cdot \sum_{k=1}^m X_{i j}}{\sum_{j=1}^n \sum_{k=1}^m X_{k j}}} \right)^2$$

By the formula mentioned above We shall analyze the results of questioning on theme “Are the reforms, that are being carried in our country, satisfying you?”

In this sample $m = 11$, $n = 3$.

The process of finding the importance coefficient of respondent of age χ^2_{25-40} will be as following:

$$E_1 = 18; E_2 = 15; E_3 = 19; E_4 = 19;$$

$$E_5 = 15; E_6 = 16; E_7 = 12; E_8 = 17;$$

$$E_9 = 18; E_{10} = 19; E_{11} = 0.$$

$$\begin{aligned} \sum_{j=1}^n \sum_{k=1}^m x_{k j} = & (18 + 61 + 27 + 15 + 61 + \\ & + 27 + 19 + 60 + 19 + 19 + 50 + 20 + \\ & + 15 + 52 + 20 + 16 + 53 + 22 + 12 + \\ & + 50 + 24 + 17 + 43 + 25 + 18 + 50 + \\ & + 22 + 19 + 50 + 11 + 4) = 919 \end{aligned}$$

$$T_i = \frac{\sum_{j=1}^n X_{i j} \cdot \sum_{k=1}^m X_{i j}}{\sum_{j=1}^n \sum_{k=1}^m X_{k j}} = (18 + 15 + 19 + 19 + 15 + 16 + 12 + 17 + 18 + 19 + 0) \cdot \frac{18 + 61 + 27}{919} = \frac{168 \cdot 106}{919}$$

$$\frac{(E_1 - T_1)^2}{T_1} = \frac{\left(18 - \frac{168 \cdot 106}{919}\right)^2}{\frac{168 \cdot 106}{919}} = 0,09$$

So, the coefficient of answers of respondent from 25 to 45 years old to the first question is equal to $\frac{(E_1 - T_1)^2}{T_1} = 0,09$.

We will consider the answers of respondent of this age to the rest 10 questions. There will be shown only the last results of calculations. Because, our aim is not to show the calculations, but finding the importance coefficient of answers given by the respondents. If it is required, looking to the analyzing of the first question it is possible to look through the rest of them.

$$\frac{(E_2 - T_2)^2}{T_2} = 0,77; \quad \frac{(E_3 - T_3)^2}{T_3} = 0,06;$$

$$\frac{(E_4 - T_4)^2}{T_4} = 0,46; \quad \frac{(E_5 - T_5)^2}{T_5} = 0,05;$$

$$\frac{(E_6 - T_6)^2}{T_6} = 0,02; \quad \frac{(E_7 - T_7)^2}{T_7} = 0,88;$$

$$\frac{(E_8 - T_8)^2}{T_8} = 0,13; \quad \frac{(E_9 - T_9)^2}{T_9} = 0,14;$$

$$\frac{(E_{10} - T_{10})^2}{T_{10}} = 1,31; \quad \frac{(E_{11} - T_{11})^2}{T_{11}} = 0,73.$$

Now let's generalize the separate coefficients indicated above and find the general rate, that is to say the coefficient of answers of respondents from 25 to 45 years old to the 11 questions indicated above:

$$\begin{aligned}
\chi^2_{\text{at the age 25-40 years}} &= \frac{(E_1 - T_1)^2}{T_1} + \frac{(E_2 - T_2)^2}{T_2} + \\
&+ \frac{(E_3 - T_3)^2}{T_3} + \frac{(E_4 - T_4)^2}{T_4} + \frac{(E_5 - T_5)^2}{T_5} + \\
&+ \frac{(E_6 - T_6)^2}{T_6} + \frac{(E_7 - T_7)^2}{T_7} + \frac{(E_8 - T_8)^2}{T_8} + \\
&+ \frac{(E_9 - T_9)^2}{T_9} + \frac{(E_{10} - T_{10})^2}{T_{10}} + \frac{(E_{11} - T_{11})^2}{T_{11}} = 4.
\end{aligned}$$

Therefore, the coefficient of answers of the respondents χ^2_{25-40} is equal to 4,64.

It was defined that the rate of importance of the 11th question in the questioning is higher than in other factors. So, the answers given by the respondents show that the reforms, which are being carried in the country is forming positively in the public opinion.

As a conclusion: as it was mentioned above, the method of “xi-square criterion” is important in finding out the importance coefficient of the public opinion, in knowing the degree of each criterion, in knowing the degree of forming of a reality that are shaping in the respondents’ opinion regarding a definite problem in the process of answering the questions.

Section 12. Economics and management

Секция 12. Экономика и управление

*Vasylyshyn Tetiana Mykhailovna,
Ternopil Ivan Pulyui National Technical University, PhD student,
Department of Finance, Accounting and Control, Ternopil, Ukraine
E-mail: vasylyshyn_t@mail.ru*

Classification of methods and models of financial analysis of enterprises

Abstract: In the scientific article basic methods and models of financial analysis of enterprises are investigated by the author. Based on these results, analyzed methods and models are systematized in the form of classification.

Keywords: financial analysis, methods, models of financial analysis, classification.

*Василишин Татьяна Михайловна,
Тернопольский национальный технический университет имени И. Пулюя,
аспирант, кафедра финансов, учета и контроля, Тернополь, Украина
E-mail: vasylyshyn_t@mail.ru*

Классификация методов и моделей финансового анализа предприятий

Аннотация: В научной статье автором проведено исследование основных методов и моделей финансового анализа предприятий. Опираясь на полученные результаты, анализируемые методы и модели систематизированы в виде классификации.

Ключевые слова: финансовый анализ, методы, модели финансового анализа, классификация.

Современное состояние украинских предприятий свидетельствует о наличии серьезных проблем в обеспечении их устойчивого развития, что проявляются в глобальном финансовом кризисе, высоком удельном весе убыточных предприятий, повышенном финансовом риске, дефиците собственного оборотного капитала и низкой инновационной активности. В связи с этим возникает необходимость разработки и совершенствования аналитических инструментов финансового анализа предприятий, способных оперативно и адекватно оценивать его текущую и будущую финансовую устойчивость.

Отдельным вопросам данной проблематики уделялось внимание у трудах таких зарубежных и отечественных ученых, как: М. И. Баканова, И. Т. Балабанова, Л. Бернштейна, А. Д. Билык, Ф. Ф. Бутинец, О. В. Ефимова, В. М. Ивахненко, В. В. Ковалев, А. А. Лахтинова, М. Р. Метьюса, Д. Миддлтона, Е. В. Мних, А. М. Поддериогин, В. П. Привалова, Ж. Ришара, В. М. Родионовой, Г. В. Савицькой, Д. Стоуна,

А. А. Терещенко, Е. Хелферта, А. Д. Шеремета, С. И. Шкарабан и др.

Целью статьи выступает обобщение методов и моделей финансового анализа предприятий.

Одно из основных определений термина «метод» звучит так: метод — это прием или система приемов, которая применяется в какой-либо отрасли деятельности (науке, производстве и тому подобное) [3].

В свою очередь, метод финансового анализа — это системное, комплексное исследование, связанное определение информации финансового характера с целью ее объективной оценки, выявление резервов повышения эффективности использования финансовых ресурсов и обеспечения необходимой информацией для принятия оптимальных решений из их управления [6, 12].

Особенность методов финансового анализа заключается в использовании набора показателей, с помощью которых можно дать всестороннюю оценку деятельности исследуемого объекта, определить

причины их изменения, установить и измерить силу взаимосвязи между ними.

В экономической теории и практике многие авторы наводят разные классификации методов и приемов финансового анализа. Количество и широта их применения зависит от цели анализа, субъектов и объектов использования в каждом отдельном случае. Некоторые ученые советуют использовать интегральный показатель или как еще его называют синтетический. Другие, в свою очередь, считают нецелесообразным такое использование, указав перечень недостатков относительно их практического применения.

На практике используются такие шесть основных приемов финансового анализа [4]:

1. горизонтальный или часовой анализ (основывается на сравнении каждой позиции отчетности с предыдущим периодом);
2. вертикальный или структурный анализ (определяет структуру финансовых показателей);
3. трендовый анализ (сравнение каждой позиции отчетности с предыдущими периодами и определение тренда, то есть основной тенденции динамики изменения показателей);
4. анализ относительных показателей (расчет числовых отношений разных форм отчетности, определения взаимосвязей между показателями);
5. сравнительный анализ (сравнение показателей предприятия с показателями его дочерних предприятий и подразделений, а также конкурентов);
6. факторный анализ (анализ влияния отдельных факторов на результирующий показатель).

Экономист В. Г. Федоренко добавляет к основным приемам еще корреляционный анализ, который используют тогда, когда связь между явлениями скрыта разными второстепенными величинами, в результате чего невозможно непосредственно установить зависимость этого явления от факторов [5].

Большинство экономистов-ученых чаще всего методы финансового анализа разделяют лишь на: формализованные и неформализованные.

Неформализованные методы финансового анализа основаны на описывании аналитических процедур на логическом уровне, а не на твердых аналитических взаимосвязях и зависимостях.

К формализованным методам анализа относят: метод дисконтирования, логарифмический метод, метод цепных подстановок, метод арифметических разниц, дифференциальный метод, метод процентных

чисел, метод простых и сложных процентов, интегральный и балансовый метод.

Примерами неформализованных методов анализа являются: морфологический метод, сравнительный метод, метод экспертных оценок и сценариев, построение системы финансовых показателей и построение аналитических таблиц.

Одновременно с формализованными и неформализованными методами существует разделение на количественные и качественные методы анализа.

Существует три подвида количественных методов финансового анализа, а именно: статистические, бухгалтерские, экономико-математические [2, 205].

К статистическим методам включают: наблюдение, абсолютные и относительные показатели, средние величины, сравнения, группирования, графика и таблицы, детализация, ряды динамики, корреляционный анализ, дисперсионный анализ, метод главных компонентов, индексный метод.

Бухгалтерскими методами считаются: метод двойной записи, балансовый метод и другой.

Основой экономико-математических методов является использование элементарной математики, математического анализа, математической статистики, экономических методов, методов математического программирования, методов экономической кибернетики.

Основу качественных методов финансового анализа представляют эвристические методы, они позволяют сделать выводы об уровне ликвидности, платежеспособности, кредитоспособности предприятия и его инвестиционный потенциал. Эвристические методы финансового анализа — это специальные методы анализа, в которых важную роль играют опыт, интуиция, творческое мышление того, кто осуществляет анализ.

Эвристические методы в свою очередь разделяются на: экспертные и психологические.

Экспертные методы являются комплексом логических и математических приемов и процедур исследования, в результате которых от специалистов-экспертов получают информацию, необходимую для принятия взвешенных рациональных управленческих решений.

Психологические методы — совокупность правил и процедур, которые обеспечивают решение проблем и решение творческих заданий [1].

Как результат проведенного исследования нами было построено классификацию методов и моделей финансового анализа предприятий, изображенную на рисунке 1.

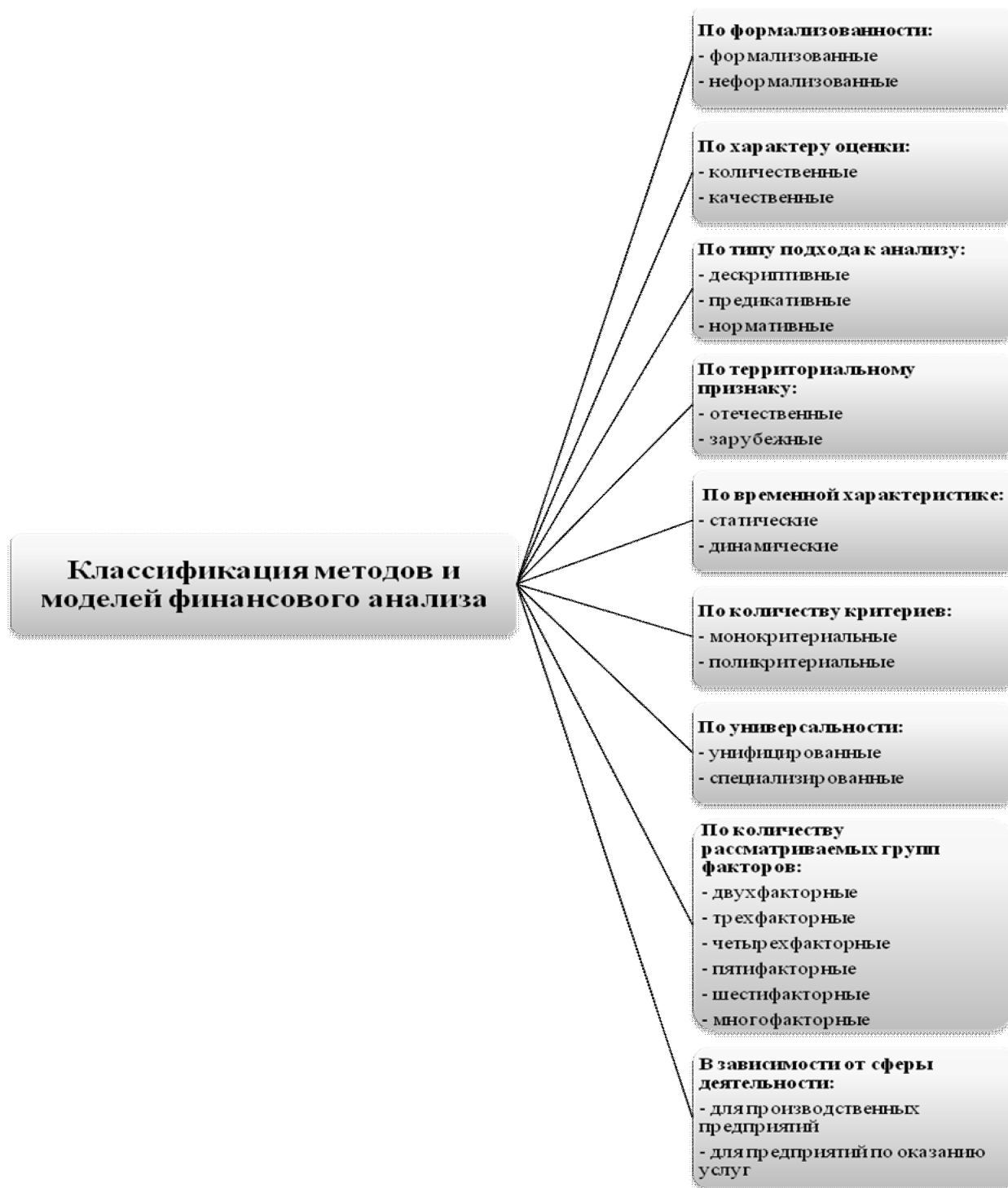

Рис. 1. Классификация методов и моделей финансового анализа предприятий

По формализованности, соглашаясь с мнением многих ученых, выделяем формализованные и неформализованные методы.

По характеру оценки есть количественные (используют математические и статистические процедуры) и качественные (базируются на опыте, знаниях, интуиции и квалификации аналитиков).

По типу подхода к финансовому анализу существуют: дескриптивные, предикативные и нормативные модели. Общим для этих всех моделей является

то, что они используют данные из бухгалтерской отчетности.

По территориальному признаку нами были выделены украинские и иностранные методы. Данное деление объясняется тем, что без рациональной адаптации иностранных методов к условиям хозяйствования в Украине, их применение является некорректное. Данные для вычисления аналитических показателей извлекают из форм отчетности, которые являются несколько видоизмененными в каждой

стране по содержанию и формам. Также для проведения финансового анализа используется различный перечень показателей и различные их нормативные значения, которые зависят от уровня экономического развития страны.

По временной характеристике все модели финансового анализа можно разделить на статические и динамические. Статические модели отражают состояние исследуемого объекта на определенную дату, а динамические в свою очередь — в течение определенного периода.

По количеству критериев, по нашему мнению, существуют монокритериальные (осуществляют анализ объекта по одному критерию) и поликритериальные (предусматривают выполнение анализа за совокупностью критериев) методы.

По универсальности выделяют унифицированные и специализированные методы финансового анализа. Первые можно использовать для любого объекта анализа, когда специализированные направленные на анализ конкретных объектов.

По количеству рассматриваемых групп факторов являются: двухфакторные, трехфакторные, четырехфакторные, пятифакторные, шестифакторные и многофакторные модели.

В зависимости от сферы деятельности осуществлено разделение на: методы финансового анализа для производственных предприятий и для предприятий по предоставлению услуг. Разделение, по этому признаку осуществлено учитывая различия и особенности деятельности предприятий по производству товаров и предприятий по оказанию услуг.

Использование разных методов, приемов и моделей финансового анализа дает возможность систематически и всесторонне оценивать финансовое состояние предприятия. Это будет способствовать

получению комплексной оценки финансовых результатов деятельности предприятий как за определенный период (в статике), так и за определенный ряд периодов (в динамике); даст возможность определить «критические точки» в финансовой деятельности и самые рациональные способы использования финансовых ресурсов предприятия. Это важно, поскольку неэффективное использование финансовых ресурсов является причиной снижения платежеспособности предприятия, а это в свою очередь — невыполнения разработанного плана прибыли и снижения уровня рентабельности предприятия.

Резюме: Проведенное выше исследование методов и моделей, которые используются в финансовом анализе предприятий, дало змогу обобщить результаты исследования и построить классификацию методов и моделей финансового анализа. При этом были использованы такие признаки: по формализованности; по характеру оценки; по типу подхода к финансовому анализу; по территориальному признаку; по временной характеристике; по количеству критериев; по универсальности; по количеству рассматриваемых групп факторов; в зависимости от сферы деятельности.

Summary: The foregoing investigation of methods and models, which are used in financial analysis of enterprises, gave an opportunity to summarize the results of research and to construct a classification of methods and models of financial analysis. In this case these symptoms are used: by formalization; by the nature of the assessment; by type of approach to financial analysis; on a territorial basis; by temporal characteristics; by number of criteria; by the universality; by number of considered groups of factors; depending on the scope of activities.

Список литературы:

1. Купалова Г. І. Теорія економічного аналізу: навч. посіб. – К.: Знання, – 2008. – 639 с.
2. Николаева Т. П. Финансы предприятий: учебно-метод. комплекс. – М.: Изд. центр ЕАОИ. – 2008. – 311 с.
3. Словник української мови: в 11 томах. – Том 4, – 1973. – ст. 692. [Електронний ресурс]. – Режим доступу: <http://sum.in.ua/p/4/692/1>
4. Тігова Т. М., Селіверстова Л. С, Процюк Т. Б. Аналіз фінансової звітності: навч. посіб. – К.: Центр учбової літератури, – 2012. – 268 с.
5. Федоренко В. Г. Основи менеджменту: / За науковою ред. проф. В. Г. Федоренка – К.: Алерта, – 2007. – 420 с.
6. Шеремет О. О. Фінансовий аналіз: навч. посібник. – К., – 2005. – 196 с.

*Klishkov Ivan Aleksandrovich,
The National research university «Higher school of economics»,
undergraduate student, the Faculty of Management
E-mail: Ivan.klishkov@bk.ru*

System of organization's business processes: evaluation of the effectiveness

Abstract: The article describes the process approach to the construction of management organization. Was performed the analysis of approaches to the creation of business processes value chain and considered the possibility of integration supply chain management and marketing classical methods.

Keywords: business processes, integrative approach, performance evaluation.

*Клишков Иван Александрович,
Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики», студент, факультет менеджмента
E-mail: Ivan.klishkov@bk.ru*

Система бизнес-процессов организации: особенности оценки эффективности

Аннотация: В статье рассмотрен процессный подход к построению управления в организации. Проведен анализ подходов к созданию цепочки ценностей бизнес-процессов и рассмотрены возможности интеграции классических методов управления поставками и маркетинга.

Ключевые слова: бизнес-процессы, интегративный подход, оценка эффективности.

На сегодняшний день, в теории управления организацией, бизнес-процессы рассматриваются как серия взаимосвязанных непрерывных действий. Из-за растущей динамики внешней среды, у процессного подхода появляется все больше приверженцев, руководители компаний стремятся повысить эффективность своей деятельности, за счет оценки качества бизнес-процессов.

С ростом индустриализации, из-за сильного усложнения работы, для повышения производительности труда, сотрудники организаций были вынуждены специализироваться на выполнении отдельных операций. Рост специализации, в свою очередь, привел к разделению подразделений по функциям и ослаблению межфункциональных связей. Это и стало предпосылкой для перехода к процессному подходу.

Процессный подход отвечает на следующие экономические вызовы:

— необходимость создания ценности, воплощенной в конечном продукте, которая складывается в бизнес-процессе;

— процессный подход позволяет полностью ориентироваться на производство результата для конечного потребителя, в то время как функциональный подход направлен на разрешение внутренних задач компании, а не с созданием потребительских ценностей;

— позволил устранить фрагментацию деятельности, дублирование, недостаток информационных потоков и нерациональное использование материальных, человеческих и финансовых ресурсов [1, 201–226].

Также, переход к процессному подходу был обусловлен следующими управленческими вызовами:

— необходимость определения границ процесса, поставщиков и потребителей;

— снижение риска субоптимизации процессов;

— необходимость понять взаимосвязи отдельных аспектов деятельности и повысить ее эффективность;

— необходимость стимулирования интереса сотрудников в конечном результате, т. к. результаты их работы зачастую не связаны с результатами работы организации в целом. Сотрудники не мотивированы на достижение целевых задач предприятия, т. к. их видение результата находится в рамках работы их отделов [2, 377–392].

Кроме того, процессный подход отвечал и на социальные вызовы. Подход позволил определять, в какой мере той или иной бизнес-процесс является ориентированным на общественно значимый результат. В ходе анализа менеджерами бизнес-процессов, стало возможным проводить детальные исследования социальных потребностей. Это позволило внедрять

системы стимулирования достижения социально значимых результатов и интегрировать запросы общества в реализацию миссии компании, благодаря возможности создания прозрачности бизнес-процессов, и дало предпосылки к увеличению клиентоориентированности и лояльности потребителей.

Процессный подход используют такие компании как консалтинговое агентство Arthur Andersen, энергетический холдинг Duke Power, транснациональная корпорация IBM, машиностроительная компания Deere, отраслевая некоммерческая ассоциация электросвязи TeleManagement Forum, компания по производству программного обеспечения SAP AG («Systeme, Anwendungen und Produkte in der Datenverarbeitung»/«Systems, Applications and Products in Data Processing» — Solution Map), некоммерческая организация по применению стандартов SCM — Supply Chain Council (SCC), консалтинговая компания BKG Profit Technology.

Научный интерес к процессному подходу и непосредственно оценке качества бизнес — процессов, заставляет обратиться к анализу накопленного теоретического материала. Изучением данной темы занимались такие российские исследователи и авторы книг и статей, как Е. А. Громова, С. Н. Пилаев, А. С. Чернигин, В. В. Ильин и другие.

Основные понятия и концепции рассмотрены в работах таких зарубежных исследователей, как Андерсен Бьёрн (Andersen Bjorn), Хаммер М. (Hammer M.) Чампи Д. (Champy J.), Т. Дейвенпорт (Davenport T.), Деминг У. (Deming W. E.), Дж. М. Джуран (Juran M. Joseph) и других.

Цель данной статьи — рассмотрение концептуальных основ управления эффективностью бизнес-процессов.

Впервые модель процесса, в виде «черного ящика», в котором находятся «вход» и «выход», предложил основоположник кибернетики Н. Винер еще в середине XX века. При этом «входы» представляют собой различные формы ресурсов, производимые вне данного процесса, перерабатываемые в нем, и необходимые для его непосредственной работы, для получения желаемого конечного результата, а «выходы» — конечный результат, возникающий после завершения процесса.

Началом эпохи формирования процессного подхода можно считать 50-е гг. прошлого века. Модель подхода была предложена Э. Демингом, она представляла собой модификацию концепции 30-х гг. “Plan, Do and See”, разработанной экспертом в области

аналитики, В. Шухартом. Цикл Деминга состоял из четырех стадий: “Plan, Do, Study (Check) and ACT”. В 1985 г. М. Портером была предложена концепция создания цепочки ценностей, (Value Added Chain Model), которая отражала деятельность организации, как цепочку последовательно взаимосвязанных видов деятельности.

Идеология внедрения процессного подхода в бизнес, связана с именами американских исследователей в сфере менеджмента, Майклом Хаммером и Джеймсом Чампи, которые, в конце 80-х — начале предложили перестройку бизнеса для перехода к использованию процессного подхода. Они охарактеризовали понятие «бизнес-процесса», как набор операций, позволяющих создать результат, имеющий ценность для потребителя.

В их работах впервые были представлены систематически изложенные понятия и методы по управлению и контролю бизнес — процессами. Созданный ими «традиционный» подход к управлению бизнес-процессами предполагал создание и замену старых процессов, кардинально новыми.

Процессный подход предполагал сдвиг основ от управления отдельными элементами системы на управление «сквозными» или «межфункциональными» процессами, которые связывают деятельность данных элементов.

Следующий подход к управлению бизнес-процессами был разработан Томасом Дэйвенпортом, на основе критического анализа работы предыдущего подхода. Он предполагал, прежде чем проводить перестройку бизнес-процессов, необходимо провести анализ работы уже имеющихся процессов организации.

В 90-х годах впервые получило широкое распространение и начало свое развитие понятие бенчмаркинга. Новая концепция, включающая в себя сферы маркетинга и менеджмента, захватила внимание людей, работающих как в теоретических, так и в практических аспектах бизнеса. Необходимо рассмотреть ее, как инструмент, повышения эффективности бизнес-процессов организации.

Обзор основных методологических источников показал, что основополагающим принципом принято считать сравнение своей продукции, с продукцией конкурента — внешняя структура, или сравнение продуктивности и качества продукции внутри компании, посредством анализа смежных отделов организации, или внедрения систем, исключающих возможность ошибки — внутренняя структура.

В современной, динамично развивающейся среде бизнеса, издержки, связанные с различными категориями основных и дополнительных видов деятельности, по созданию ценности, зависят от степени возможности объединения бизнес-процессов в единую цепочку, посредством связки звеньев — вертикальной интеграции.

Для интеграции, компаниям требуется выбирать подразделения, которые будут использовать собственные факторы производства. Это позволит значительно снизить издержки, не прибегать к лишним затратам и не обращаться к внешним услугам рынка. Используя собственные ресурсы, организации не придется контактировать с поставщиками, обладающими значительной рыночной властью. Это позволит экономить на издержках, посредством объединения процессов.

По мере развития информационно — технических систем, процесс интеграции является все более выгодным для компаний, имеющих связи цепочек создания стоимости как основных, так и вспомогательных видов деятельности и бизнес процессов. Данные «сцепления» также несут выгоду для процессов компании, выполняемых в различных отраслях. Они позволяют дифференцировать продукт и придать ему уникальность.

Координация различных видов деятельности требуется для эффективного удовлетворения потребностей покупателей. Для максимизации гибкости процессов необходимо оптимизировать виды деятельности, между которыми существуют связи.

Концепция создания цепочек ценности, в значительной мере повлияла на теоретическую и практическую деятельность бизнес-процессов и смену парадигмы, за счет интеграции концепций SCM (Supply Chain Management) и CRM (Customer Relationship Management). Новая конкурентная парадигма заключается в том, что друг с другом конкурируют цепи поставок, и успех компании будет зависеть от того, насколько хорошо она управляет отношениями в цепи поставок [3, 11–27].

SCM — подход представляет собой цепь, включающую в себя фокусную компанию, потребителя и

поставщика. Если в цепь, помимо основных, включены дополнительные бизнес-процессы, включающие в себя взаимодействие с поставщиками и потребителями, то данную цепь называют расширенной. Ряд авторов, утверждают, что цепь поставок в интегрированной цепочке, бизнес-процессов, может максимально включать в себя только хозяйственные субъекты от поставщика до потребителя.

В результате совмещения SCM и CRM, возникла концепция DCM (Demand Chain Management), которая воспроизводит основы и возможности интеграции классических методов управления поставками и маркетинга. Предполагается совмещение таких маркетинговых процессов, как сегментация рынка потребителей, выделение целевой аудитории и влияние на решение потребителя сделать покупку, с контекстом SCM.

В результате проведенного анализа, можно утверждать, что DCM, как подход, в контексте маркетинговой методологии управления потоком клиентов, и взаимодействия в сетях создания ценностей, позволяет отразить конкретный механизм интеграции цепочки в бизнес-процессы, создать баланс звеньев цепочки, и показать, какие формы приобретает клиентоориентированность, внедренная во взаимодействие процессов, и как ее увеличить. Это позволяет значительно расширить цепь, за счет интеграции в нее процессов маркетинга и внутрисетевой организационной структуры. Целью данного подхода служит описание координации между фирмами поставщиками, производителями и клиентами. Использование DCM предполагает возможность оценки его работы с помощью метода оценки качества услуг, ориентированных на потребителей.

Для рассмотрения возможностей интеграции бизнес-процессов, был использован системный анализ структуры функционирования данного подхода, на основе которого можно сделать вывод, что для оценки возможности интеграции компаниям следует создать систематизированную структуру оценки эффективности работы бизнес-процессов, что позволит определить потенциал возможностей для сокращения издержек.

Список литературы:

1. Moller K., Svahn S. Managing strategic nets: A capability perspective. *Marketing Theory*. – № 3 (2). – 2013. – P. 201–226.
2. Juttner U., Christopher M., Baker S. Demand chain management – integrating marketing and supply chain management. *Industrial Marketing Management*. – № 36 (3). – 2012. – P. 377–392.
3. Davenport T. H., Short J. E. The New Industrial Engineering: Information Technology and Business Process Redesign//*Sloan Management Review*, – 2011, – P. 11–27.

*Kublikova Tetyana Borisovna,
Odessa National Economic University, PhD,
the Department of the management
of organizations and of the foreign economic activity
E-mail: faro1@ukr.net*

*Kovalova Olena Nikolaevna,
Odessa National Economic University, postgraduate student,
the Department of the financial management and of the stock-market
E-mail: anazureaxis@yandex.ru*

The overview of models of the public-private partnership and of the spheres of their utilization

Abstract: The different approaches to the classification of models of the public-private partnership and their essential characteristics are highlighted in the article. The analysis of the current problems of the implementation of a public-private partnership mechanism in the Ukraine is described. The necessity of implementation of the foreign experience taking into account peculiarities of the national market is proved.

Keywords: models of public-private partnerships, spheres of the national economy, responsibility, risks, projects.

Reforming and modernization of the economy of the Ukraine is a key task of the government that actualizes an investigation of the different models of the public-private partnership (PPP). Such type of collaboration permits to use available funds of the private sector for a satisfaction of social needs. It also allows transforming governmental enterprises with a high level of depreciation into the effective and profitable participants of the economic relations. This determines a necessity of an analysis and a research of existing models of public-private partnership and their approbation to the economic reality of the Ukraine.

Pavlyuk K., Pavlyuk S. [5], Simson O. [6], Chykaeva I. K. [7], Shilepnizkij P. I. [8], Nejlova I. S., Mel'nik M. I. are the scientists that are involved in the questions of studying of the public-private partnership models.

This problematic isn't developed sufficiently as in the acts of legislation, as in the works of the scientists so the peculiarities of an implementation of models of the public-private partnership in the world practice are needful for an investigation. A practical value of research is in the use of the foreign experience in the process of the development of the public-private partnership.

A comparison of the models of the public-private partnership and an examination of the opportunities of their use in the Ukraine is the goal of an article.

There isn't a common opinion about a standard classification of the models of the public-private partnership.

Chykaeva I. K., Bgan L. G. [7] distinguish six models of public-private partnership: outsourcing, leasing, franchising, contract of rent, mix type of contracts, concession, privatization.

Pavlyuk K., Pavlyuk S. highlight models of the public-private partnership according to the materials of the representation office of the United Nations on the question of a development of the housing maintenance and utilities [5]: services contracts (governmental contracts, management contracts (O&M, OM&M), leasing contracts (BLT, BLTM, LROT), mix type of contracts (BOT, DBOT, ROT, BOOT, DBFO, DCMF, DBFOM, BOO), concessions, joint activity of the government and business.

There are two models of public-private partnership from the point of view of the international juridical practice [6, 225]: a concession model of the PPP in the spheres of the traditional responsibility of the government and an organizational model of the PPP. The first model obtained a realization in the sphere of an infrastructure and the second is an instrument of implementation of an innovational policy practically in the all spheres of an economy.

Classification of the World Bank divides models of the public-private partnership according to a participation of the private capital in the collaborating projects: management and lease contracts, concessions, Green-field projects, and divestitures.

The article number five of the law of the Ukraine "About public-private partnership" [1] determinates contracts of concession, of the joint activity and other contracts as the forms of the public-private partnership.

As Chykaeva I. K. accentuates: "The law of the Ukraine "About public-private partnership" has a "frame" character, as it defines a limited variety of the forms of a

cooperation between private and public sectors, but in a such form it can promote the development of the public-private partnership, because an economical potential of the PPP in the Ukraine can be estimated as a high" [7, 49].

Regardless of the diversity of the scientific opinions on the classification of the PPP models, all authors arrive to a conclusion that the mechanism of the public-private partnership should be developed as a rational way of the

modernization of the capital assets that belong to the important and strategic enterprises of the municipal and government forms of the property and to infrastructure facilities.

According to a report of a leading auditing and consulting firm Deloitte, models of the public-private partnership could be ranked for the level of the responsibility and risks of private or public sectors (pic.1).

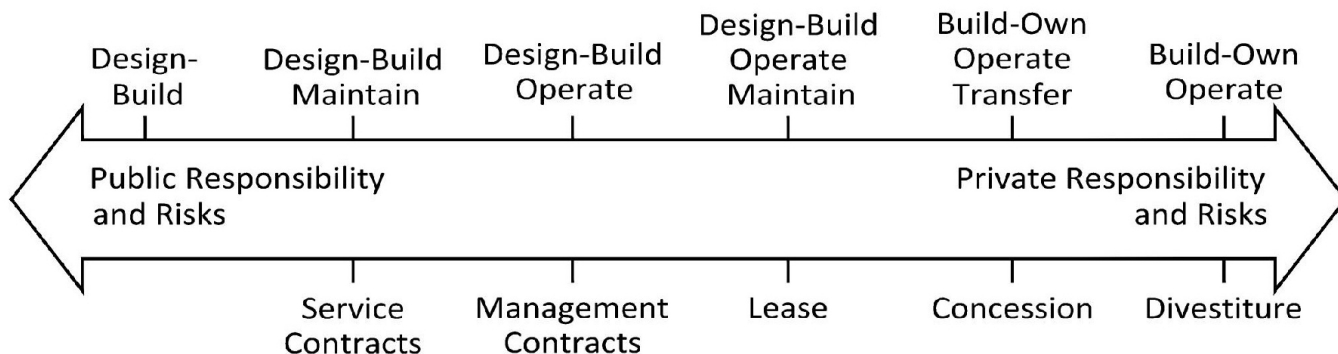

Fig. 1. Models of the public-private partnership by the level of the responsibility and risks [10, 5]

Governmental sector has responsibility for risks and a project implementation in accordance with the models Design-Build, service contracts and management contracts according to a presented conception. Models of leasing and concession differ from the others by the longest term of contracts, the domination of private investments and a growing level of risks that belong to the private business.

"Management contracts differ from the service contracts by the responsibility of private sector for the all aspects of the exploitation and a technical servicing of the object of the partnership" [10]. Service contracts are short-term and the government plays a role of an investor and a contractor of the tasks in this model. The government makes capital investments, but business forms operating capital in the service contracts.

The level of risks of private sector is minimum in the service contracts as the capital investments are made by the government sector.

The current financial situation (profitability) is the sphere of the responsibility of the private sector in the leasing contracts. The government makes a strategic planning of the public-private partnership object. In the same way as in the management contracts there is a necessity of budget funding that impedes a realization of this forms of the public-private partnership in the current Ukrainian economic situation because of the deficit of the budget. Investments are made as by the government as business in this model that is reflected on the picture in the middle level of risks and responsibility that are incidental to both sides of the partnership.

The concession is a model of the public-private partnership in which business makes investments in a construction and a development of a concession object and is responsible for its effective management and a realization of social important functions. Concession is a long-term agreement that can be from 10 to 50 years according to an article 9 of the law of the Ukraine "About concession" [2] that permits private sector to recompense investments in the whole and to obtain a profit.

The concession model of the public-private partnership is an optimal way for a realization of infrastructure projects that is proved by the experience of the Great Britain, Canada, and France. It is efficient to use concession in the circumstances of the high level of the moral and physical depreciation of the infrastructure network of the Ukraine and a limited amount of budget resources because an object stays in the governmental property in contradistinction from the privatization.

Furthermore using concession in the spheres, which are related to natural monopoly, permits to introduce an element of competitive relations in the case of choice private partners. As Shylepnytskyj P. I. emphasizes: "low prices, more innovations, an investment growth and improving services are results of introduction of concession relations" [8, 37].

The projects of the public-private partnership are related to the various spheres of the economy. An experience of the realization of the public-private partnership projects is summarized in the table 1.

Table 1. – The experience of the realization projects of public-private partnership (composed on the base of data [3], [9, 142], [4, 47])

Country	Housing maintenance and utilities	Airports	Housing accommodation	Health protection	IT	Harbor	Water supply and sewage	Automobile roads	Military defense	Reworking and elimination of waste
France	+	*				*	+	+	*	
Australia	+			+			+	+	+	
Portugal	+	*		*		+	+	+	*	
Spain	+			+		+	+	+		
UK	+	+	+	+	+		+	+	+	+
Finland				+				+		
Holland	*						*	+		
Greece		+		*				+		
Canada	+			*			+	+	*	
Germany	+	*					+	+	*	*
Ireland	+		*	*			+	+		*
Italy	*			+			+	*		+
Ukraine		*				*	*	*		

+ — realized PPP projects, * — early stage of the realization of the PPP projects

PPP projects are successfully realized in the spheres of water supply and sewage, housing maintenance and utilities, the construction of automobile roads and the health protection in accordance with the research.

The UK is a certain leader of the realization of the PPP projects almost in the all spheres of the economy. In particular this country started the partnership between the government and business in the form of the first system program Private Financial Initiative.

There is Australia on the second place that realized PPP projects in the spheres of the construction of automobile roads, water supply and sewage, military defense, health protection, housing maintenance and utilities.

Except of the traditional spheres of the realization PPP projects such as infrastructure, a transport sphere, a system of life necessities of the cities, there is a tendency of partnership in the sphere of military defense in which social security was traditionally on the first place.

Dluhopolsky O. V. and Zhukovska A.Yu. advance an opinion that: “as the private sector is focused on profitability it is impossible to practice a model of PPP in the spheres where a public security is important, management — expensive and services aren’t applicable for a sale (police, military defense, parks and reserves, libraries and museums, fire protection” [4, 46].

A sphere of PPP realization depends on priority-oriented spheres of economy and of some that aren’t

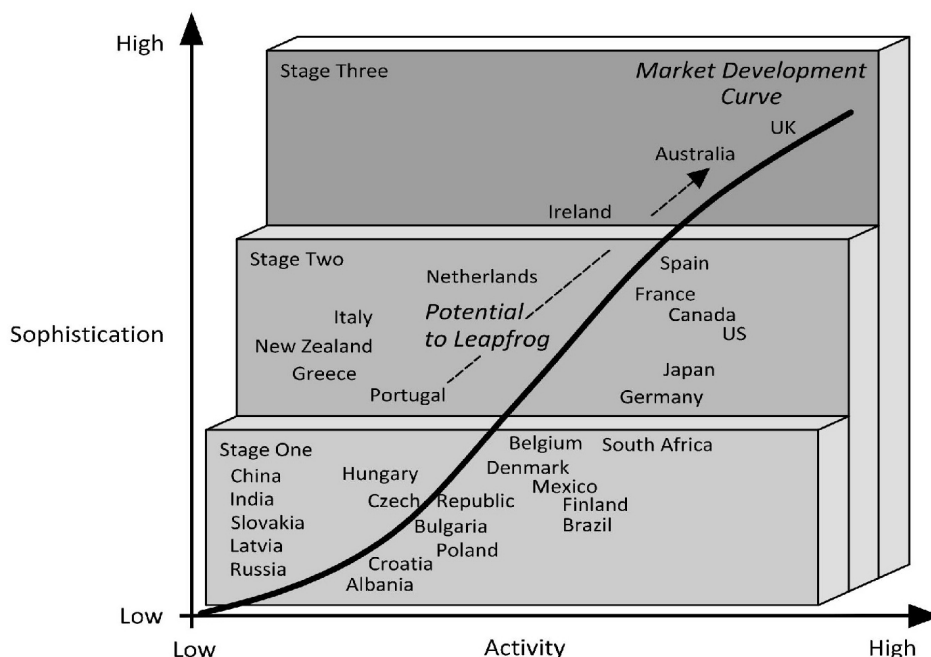
sufficiently financed on the part of budget programs as a world experience shows.

The Ukraine is on the early stage of formation of the PPP mechanism from the point of view of an insufficient legislative base and organizational-managerial problems.

As rightly been said by Chukayeva I. K.: “the government should concentrate efforts on the creation of the positive social opinion for a transfer of functions of ownership and use objects of government and municipal forms of ownership, procurement of confidence to the new for the Ukraine type of household relations” [7, 49].

One of the tasks of “The government program of an activation of the economy development on 2013–2014” [3] is attracting of the costs of the government and investment resources for the realization of the infrastructure projects with an aim of an implementation of structural reforms in the strategic sectors of the economy. The consideration of the resources of the public and private sectors is planned for a construction and modernization of transport infrastructural objects (automobile roads, harbors, airports).

According to a research of the Deloitte «Closing the Infrastructure Gap: The Role of Public-Private Partnerships», Ukraine isn’t highlighted on a curve of the ripeness of the private-public partnership in view of a discrepancy of criterions (pic.2).

Pic. 2. Public-private partnership Market Maturity Curve [10, 6] realize structural reforms in the strategic sectors of the Ukraine and to involve available funds of the private sector

Every study of the development of the PPP market has obligatory criterions that are requested by the world community. Countries on the first stage of the formation PPP mechanism should conform to the next characteristics [10, 6]:

- correlation of the PPP policy and a legislative providing;
- central government authority that controls processes of the project realization;
- standardized structure of the PPP contract;
- development of the comparator model of the public sector;
- transference of the experience of the PPP projects realization from the transport infrastructure to other sectors of the economy.

Conclusion. In such a way there are various opinions of the national and foreign researchers about the classification of the public-private partnership models but the biggest part agrees with a highlighting concession as a most effective model of the cooperation between private and public sectors. The positive influence of this type of the partnership on an economic situation determines a necessity of the development of the public-private partnership mechanism and its organizational-management base. PPP models are introduced mainly in the spheres of the life necessities of cities and infrastructure as the foreign experience showed. In this aspect market maturity curve is a special indicator of the development of the public-private partnership market in a country.

Reference:

1. Закон України «Про державно-приватне партнерство» від 01.07.2010 № 2404-VI [Електронний ресурс]. – Режим доступу: <http://zakon4.rada.gov.ua/laws/show/2404-17>.
2. Закон України «Про концесії» від 16.07.1999 № 997-XIV [Електронний ресурс]. – Режим доступу: <http://zakon4.rada.gov.ua/laws/show/997-14>
3. Державна програма активізації розвитку економіки на 2013–2014 роки. [Електронний ресурс]. – Режим доступу: http://www.kmu.gov.ua/control/publish/article?art_id=246247059
4. Длугопольський О. В., Жуковська А. Ю. Державно-приватні партнерства: зарубіжний досвід та уроки для України// Актуальні Проблеми Економіки – 2012. – № 3 (129). – с. 43–49.
5. Павлюк К. В. Сутність і роль державно-приватного партнерства в соціально-економічному розвитку держави/К. В. Павлюк, С. М. Павлюк// Наукові праці КНТУ. Економічні науки. – 2010. – Вип. 17. – [Електронний ресурс]. – Режим доступу: http://www.kntu.kr.ua/doc/zb_17_ekon/stat_17/02.pdf
6. Сімсон О. Державно-приватне партнерство в інноваційній сфері/О. Сімсон// Вісник Академії правових наук України. – 10/2011. – № 4. – с. 222–230. http://archive.nbuv.gov.ua/portal/soc_gum/vapnu/2011_4/SimsonO.pdf

7. Чукаєва І. К., Бган А. Г. Державно-приватне партнерство у реалізації проєктів енергетичної інфраструктури // Економіка і прогнозування – 2012. – № 4. – с. 46–53.
8. Шилепницький П. І. Державно-приватне партнерство: теорія і практика: монографія / П. І. Шилепницький; Інститут регіональних досліджень НАН України. – Чернівці, – 2011. – 455 с.
9. Шахов А. В. Методологические основы управления проектами государственно-частного партнерства // Вісник ОНМУ – 2009. – № 28. – 2009. – с. 140–148.
10. Closing the Infrastructure Gap: the Role of Public-Private Partnership. Deloitte [Електронний ресурс]. – Режим доступу: [http://www.deloitte.com/view/en_US/us/Industries/US-federal-government/2ea59a17c900e110VgnVCM100000ba42f00aRCRD.htm].

*Starkova Nadezhda Olegovna,
Kuban State University, candidate of science in Economics,
associate professor, International economics and management department
E-mail: n.starkova@mail.ru*

*Timinova Elena Vladimirovna,
Kuban State University, undergraduate
of International economics and management department
E-mail: timinovaelena@gmail.com*

Organization of staff marketing in russian and foreign enterprises

Abstract: The conditions of functioning of the enterprises on the modern market have been considered. The role of staff marketing, as a progressive tool to improve business performance by optimizing the use of human resources capacity have been evaluated. The features of the application of staff marketing in Russia and abroad have been researched. Specific applied aspects of staff marketing application on the leading example of the American and Russian enterprises have been considered.

Keywords: marketing, intellectual potential, staff, human resources, staff marketing, communications, knowledge, corporate culture.

*Старкова Надежда Олеговна,
Кубанский государственный университет, кандидат экономических наук,
доцент кафедры мировой экономики и менеджмента
E-mail: n.starkova@mail.ru*

*Тиминова Елена Владимировна
Кубанский государственный университет, магистрант
кафедры мировой экономики и менеджмента
E-mail: timinovaelena@gmail.com*

Организация маркетинга персонала на зарубежных и российских предприятиях

Аннотация: Рассмотрены условия функционирования предприятий на современном рынке. Оценена роль маркетинга персонала, как прогрессивного инструмента повышения эффективности бизнеса за счет оптимизации использования потенциала человеческих ресурсов. Исследованы особенности применения маркетинга персонала в России и за рубежом. Рассмотрены конкретные прикладные аспекты функционирования маркетинга персонала на примере ведущего американского и российского предприятия.

Ключевые слова: маркетинг, интеллектуальный потенциал, персонал, человеческие ресурсы, маркетинг персонала, коммуникации, знания, корпоративная культура.

В настоящее время современные отечественные предприятия осуществляют свою деятельность в условиях постоянного изменения и усложнения структуры экономической деятельности и социально-

экономических процессов. Реструктуризация и усиление влияния внешних факторов на функционирование экономических субъектов, увеличение многовариантности стратегии и тактики направлений достижения целей, повышение степени образованности человеческих ресурсов, увеличение запасов накопленных знаний общего профессионального характера обуславливают целесообразность поиска прогрессивных подходов к управлению бизнесом. В этих обстоятельствах повышается роль информационно-интеллектуальных ресурсов предприятия и персонала, как генератора передовых знаний, идей и важнейшего фактора развития современной организации. С точки зрения формирования интеллектуального потенциала фирмы основное содержание подсистемы управления человеческими ресурсами раскрывается через совокупность действий, направленных на разработку и применение методов и способов преобразования интеллектуальных и эмоционально-психологических ресурсов человека в информационно-интеллектуальные факторы бизнес-процесса фирмы [7, 36]. В функциональный состав данной подсистемы входит формирование и эффективное использование фондов знаний, необходимых для прогнозирования потребности в привлечении необходимых человеческих ресурсов, осуществление набора, отбора и создание условий для их оптимальной адаптации и ориентации на фирме. Реализация данных действий будет возможна при наличии уже хорошо подготовленных сотрудников, обладающих знаниями, позволяющими прогнозировать, какие конкретно интеллектуальные ресурсы необходимо будет привлечь предприятию в перспективе для сохранения своей конкурентоспособности. Такое прогнозирование подразумевает проведение предварительного анализа внутренних и внешних факторов, влияющих на формирование качественной и количественной потребности в человеческих ресурсах. Перед предприятием встаёт задача создания условий, обеспечивающих оптимальное использование человеческих ресурсов в объёме сбалансированных потребностей и интересов предприятия и каждого работника. Достижение такой сбалансированности потребности возможно за счет повышения эффективности управления персоналом организации, и в частности применения одного из наиболее прогрессивных его направлений маркетинга персонала.

Маркетинг является прогрессивным методом управления персоналом, пришедшим смену традиционному кадровому планированию. Применение маркетинговой методологии в планировании

человеческими ресурсами современной организации определяется не только целями работодателя, но и целями сотрудника. Работодатель заинтересован в повышении эффективности бизнеса за счет более рационального использования человеческих ресурсов и формируемых ими информационно-интеллектуальных активов. В этом смысле методология маркетинга может быть применима для разработки четкой стратегии повышения эффективности производства, основанной на многофакторном анализе человеческих ресурсов организации и во внешней среде, на рынке трудовых ресурсов, способных быть привлеченных к реализации поставленной цели. Сотрудник заинтересован в первую очередь в личностной самореализации. С этой точки зрения маркетинг персонала позволяет человеку в условиях жесткой конкуренции определить свое положение в обществе за счет максимальной мобилизации энергии и инициативы, природных дарований, приобретенных знаний и умений, личной предприимчивости и активной жизненной позиции.

Целью маркетинга персонала является оптимальное использование человеческих ресурсов организации путем создания максимально благоприятных условий труда и коммуникаций, способствующих повышению их эффективности; развитию в каждом сотруднике приверженности, лояльности своей организации и стремления к достижению целей фирмы.

В зависимости от направления реализации маркетинг персонала может подразделяться на внутренний и внешний. Задачей внешнего маркетинга персонала является формирование базы информационно-интеллектуальных активов фирмы во внешней среде для создания положительного и привлекательного образа фирмы на рынке трудовых ресурсов. Путем планомерной реализации ряда маркетинговых мероприятий предприятия таким образом приобретает приоритетную позицию наиболее востребованного работодателя среди специалистов на рынке труда. Это в свою очередь сопровождается обратными откликами со стороны рынка. Специалисты присылают на предприятия свои резюме с целью резервирования данных о них в информационной базе фирмы, которая используется сотрудниками управления человеческими ресурсами при поиске персонала на вакантные должности. Формирование такой базы является ценным интеллектуальным активом компании, который может быть использован не только в целях найма, но и в целях анализа ситуации на рынке, выявления переизбытка или нехватки лиц определенных

специальностей, что используется для разработки и корректировки не только кадровой стратегии, но и общей бизнес-стратегии компании.

Внутренний маркетинг персонала ориентирован на уже занятых в производственном процессе сотрудников предприятия и служит инструментом повышения эффективности их труда за счет выявления и создания максимально благоприятных условий работы в организации. Достоинством внутреннего маркетинга является обеспечение высоких стандартов качества на всех этапах создания стоимости, а не только на стадии выпуска конечного продукта. Благодаря ему повышается мотивация сотрудников к труду, а значит, он может рассматриваться как инструмент управления качеством продуктов и услуг.

В большинстве фирм ведущих зарубежных стран маркетинг персонала был внедрен и успешно адаптирован в системе управления организацией. Многие современные предприятия практикуют индивидуальный подход к своему работнику и максимальное удовлетворение всех его нужд. И это касается не только материального аспекта. Методология маркетингового исследования применяемая в анализе факторов повышения эффективности организации позволяет руководству определять, какие еще рычаги помимо материального стимулирования, предоставления социального пакета и прочих традиционных внутрифирменных стимулов, может быть использовано для повышения мотивации конкретного сотрудника к более производительному труду и генерированию идей. Маркетинг персонала позволяет руководству организации получить осведомленность не только о тех факторах, которые способствуют повышению удовлетворенности конкретного сотрудника условиями его работы в организации, но и определить его жизненные идеалы и ценности, не внедряясь при этом в его частную жизнь. Использование данных сведений в разработке программы стимулирования является наиболее эффективным с точки зрения повышения мотивации. Так, если выявлено, что ценного сотрудника крупной корпорации интересует творчество конкретного оперного исполнителя, в качестве поощрения за свой труд он может получить билеты на закрытое мероприятие с выступлением фаворита. Тем самым работодатель демонстрирует сотруднику свою осведомленность, внимание, уважение и заботу о его нуждах. Личностный подход в данном случае формирует еще большую приверженность сотрудника своей фирме.

Достаточно представительным с точки зрения демонстрации эффективного применения маркетинга

персонала, является опыт легендарной авиакомпании Southwest Airlines. Компания нанимает людей прежде всего за их отношение, после чего обучает навыкам, необходимым для выполнения работы. В компании полагают, что для выбора правильных сотрудников, необходимо обращать внимание не столько на профессионализм, сколько на умение думать вне привычных рамок, работать в команде, не бояться быть собой; честность и соблюдение правил этики; коммуникабельность, способность к взаимодействию в коллективе; серьезность в отношении к работе, но умение смеяться над собой. Необходимые качества сотрудников определяются разными способами. Это могут быть вопросы при интервьюировании типа «Расскажите нам о случае, когда вы уладили проблему с клиентом благодаря чувству юмора». Это может быть мнение сотрудника, который столкнулся в коридоре с соискателем. Каждый потенциальный работник компании незаметно «интервьюируется» еще до того, как он попадает в кабинет на собеседование и в этом процесс задействован весь коллектив организации.

Болезненный для каждого новичка процесс адаптации в компании в Southwest проходит максимально комфортно за счет специальной программы, названной «Близкие сердца». В рамках ее реализации отдельные сотрудники получают специальные футболки наставников и берут под свое крыло на полгода и более новичков. А сам процесс знакомства с компанией проходит в исключительно шуточном формате, наполненном доброжелательностью со стороны всего коллектива.

Традиционным для компании является то, что ее руководители периодически посещают различные филиалы Southwest, посылают сотрудникам открытки ко дню рождения, сообщают им об отзывах пассажиров относительно уровня и качества оказанных им услуг персоналом фирмы.

По оценкам одного из бывших руководителей компании реализация внутреннего маркетинга персонала создала у сотрудников такую лояльность и приверженность своей организации, которая могла бы удерживать их даже в случае невыплаты зарплат в условиях кризиса [3, 96]. А за счет внешнего маркетинга персонала Southwest Airlines была признана Forbes одним из самых завидных работодателей в США [10; 11].

Нужно отметить, что развитие маркетинга персонала происходит за рубежом достаточно динамичными темпами, вовлекая все большее число компаний, независимо от размера и видов деятельности. А многие крупные корпорации будь то Starbucks, Wal-mart,

Hewlett-Packard, Toyota, Coca Cola Co. Формулируют свои собственные программы маркетинга персонала, адаптивные их корпоративным культурам, а также разрабатывают методики по оценке их эффективности.

В то же время в России далеко не все крупные компании уделяют должное значение этому важному инструменту управления предприятием. Маркетинг персонала, хоть уже и не является чем-то неизученным и чуждым, но, как правило, внедряется на российских предприятиях крайне редко и непоследовательно. Со всем немногие отечественные предприятия включают маркетинг персонала в состав решаемых службами по управлению человеческими ресурсами задач, используя лишь отдельные инструменты маркетинга, вместо внедрения маркетинга персонала как системы.

Одной из наиболее популярных причин не желания руководителей и собственников внедрять маркетинг персонала в систему управления предприятия называется нехватка финансовых ресурсов и надлежаще подготовленных специалистов [6, 17]. В то же время, специалистами доказано, что затраты на развитие человеческих ресурсов и системы управления человеческими ресурсами являются долгосрочными инвестициями, способными повысить не только эффективность бизнеса, но и его стоимость [1; 6; 8]. Понимающие это организации постепенно изменяют прежние условия управления персоналом, прибегая к адаптации апробированного зарубежного опыта, так и разрабатывая собственные программы маркетинга персонала.

Одной из организаций, способной быть примером наиболее развитого маркетинга персонала среди российских фирм является ЗАО «Юлмарт», основанная в 2008 году в Санкт-Петербурге. В настоящее время компания имеет 30 кибермаркетов и 250 аутопостов — пунктов выдачи товара в более чем 50 различных городах России. Кибермаркет — это новый формат магазина электроники «без витрин», придуманный и запатентованный Юлмартом. Основным видом деятельности компании является продажа компьютерной техники, цифровой и бытовой электроники.

Управлению человеческими ресурсами и отдельно маркетингу персонала в компании уделяют особое значение, так как руководство Юлмарта делает большие ставки на развитие интеллектуального потенциала предприятия за счет своих сотрудников. В компании работают более 6500 специалистов различных областей деятельности, выполняющих многообразные функции и наделенные всевозможными полномочиями и компетенциями, но все они объединены

единым стремлением к достижению поставленных целей. Компания принимает в свою команду людей с высоким желанием работать, расти и развиваться. Программа адаптации новичков в компании организована так, что с первых дней работы сотрудники вовлекаются в процесс формирования общекорпоративной идеологии и коллективного созидания цели. Это является одним из важных направлений маркетинга персонала компании, в рамках которого реализуется ряд специальных мероприятий. В первый месяц работы в Юлмарт все новички проходят Welcome-тренинг, где знакомятся с ценностями, философией, принципами построения организационной культуры компании. Тренинги проводят внутренние тренеры. Это обычные сотрудники, которые помимо своей должности изъявили желание обучиться и пройти аттестацию в управляющей компании на тренеров.

В Юлмарте хорошо налажены горизонтальные и вертикальные коммуникативные связи, в которые вовлечены все без исключения сотрудники и управленцы. В компании есть свой корпоративный портал, где отображаются все достижения компании, новости и изменения. Любой рядовой сотрудник, менеджер, директор имеют свободный доступ ко всей информации.

Юлмарт реализует программы по обучению персонала и повышению их компетенций и квалификации, причем многие из этих программ являются ноу-хау компании. Раз в полгода компания реализует свой собственный проект по обучению директоров магазина, региона, дивизиона — Школа МСА, где амбициозные работники получают возможность прохождения курсов по высшему менеджменту. Важными достижениями маркетинга персонала компании является создание учебного портала и самостоятельная разработка интерактивных электронных курсов группой разработчиков. E-learning (электронное обучение) подразумевает под собой использование современных информационных технологий для эффективной доставки знаний и развития человеческих ресурсов. В настоящее время данный вид обучения является наиболее востребованным и приемлемым для современного человека, который успевает усваивать знания конспективно и приобретать навыки дистанционно. Интерактивные курсы Юлмарта разработаны с учетом на практическое вовлечение участника. Цель такого обучения — дать сотрудникам возможность, просто, быстро и качественно приобретать знания, формировать навыки, которые они смогут применить на практике, не задавая лишних вопросов. Такая программа является легко масштабируемым и

максимально рентабельным инструментом обучения. В 2014 году отмечен резкий рост востребованности данной образовательной программы. Руководители отделов со всех регионов систематически направляют заявки группе разработчиков Юлмарт на создание специальных интерактивных курсов для обучения своих сотрудников.

Важным направлением маркетинга персонала является мониторинг его уровня. Раз в полгода в каждом магазине Юлмарт проводится анонимный опрос, направленный на оценку организационной культуры компании. Из анализа опроса на конец 2013 года, 92 % краснодарских сотрудника Юлмарт дали положительную оценку взаимоотношениям между сотрудниками, уважению индивидуальных прав людей, обучению и повышению квалификации, справедливости при оплате труда, мотивации персонала, отсутствию половой дискриминации, удовлетворенности сотрудников стилем руководства и управления, демократичности управления и т. д.

Реализуемые Юлмарт мероприятия в рамках маркетинга персонала повышают лояльность сотрудников к компании, интерес к работе, своему делу, амбициоз-

ность, целеустремленность. Проявления эти свойства сотрудники повышают производительность своего труда, что прямо отражается на повышении эффективности работы всей компании. Подтверждением этому являются достижения компании. В 2014 году Юлмарт занял первое место среди интернет-ритейлеров России. По версии журнала Forbes, Юлмарт, с доходом в \$1021 млн. за прошлый год, занял первое место в рейтинге «20 крупнейших интернет-магазинов», опубликованном в мартовском номере издания [4].

Рассмотренные примеры применения маркетинга персонала в процессе управления предприятием, подтверждающие его эффективность, не являются единичными случаями, как в нашей стране, так и за рубежом. И не смотря на то, что в России его распространение еще не приобрело массового характера уже намечаются позитивная тенденция роста заинтересованности большого числа управленцев к внедрению маркетинговой методологии в процесс управления персоналом [2; 5; 9] с целью повышения эффективности и конкурентоспособности бизнеса за счет оптимального вовлечения человеческих ресурсов в процесс создания уникальных конкурентных преимуществ.

Список литературы:

1. Бадаев И. Мудрость компании – не в ее возрасте, а в мудрости ее «внутренней Википедии»?/Управление персоналом. – 2013. – № 21. – URL: <http://www.top-personal.ru/issue.html?3498>
2. Бедненко А. Нет плохих и хороших кандидатов! Есть подходящие и не подходящие именно вашей компании/Управление персоналом. – 2014, – № 6. – URL: <http://www.top-personal.ru/issue.html?3612>
3. Грабс-Уэст Л. Сотрудники на всю жизнь. Уроки лояльности от Southwest Airlines/Пер. с англ. – М.: Изд-во «Манн, Иванов и Фербер». – 2011. – 128 с.
4. 20 крупнейших онлайн-магазинов России: рейтинг Forbes/Forbes.ru – URL: <http://www.forbes.ru/reitingi-photogallery/251169-20-krupneishikh-onlain-magazinov-rossii-reiting-forbes/photo/1>
5. Семенов А. Вера в себя – ключ в движении к крупной компании/Управление персоналом. – 2013, – № 20. – URL: <http://www.top-personal.ru/issue.html?3488>
6. Современные проблемы управления человеческими ресурсами: монография/под ред. Л. В. Свиридовой, В. В. Романова. – Н. Новгород: Изд-во Волго-Вятской академии гос. службы, – 2011. – 372 с.
7. Старкова Н. О. Функционально-содержательная характеристика подсистемы управления интеллектуальными активами фирмы. Экономика: теория и практика. – Краснодар, КубГУ, – 2003, – № 5. – с. 33–38.
8. Старкова Н. О., Кизим. А. А. Оценка Интеллектуальных активов развития человеческих ресурсов/Колл. монография. Повышение производительности труда как базис инновационного развития/Коллектив авторов – Краснодар, изд-во Научно-исследовательского института экономики Южного федерального округа – 2012. – 256 с. – с. 196–218.
9. Фетисова Е. Приглашайте к себе молодых выпускников только с близкими вам ценностями. Бизнес и высшее образование: какими хочет видеть бизнес выпускников вузов?/Управление персоналом. – 2014, – № 8. – URL: <http://www.top-personal.ru/issue.html?3625>
10. Makovsky K. Behind The Southwest Airlines Culture/Forbes.com. URL: <http://www.forbes.com/sites/kenmakovsky/2014/04/17/backpack-etiquette/>
11. Southwest tops Forbes' list of most-reliable airlines/Triangle Business Journal – URL: <http://www.bizjournals.com/triangle/stories/2008/09/29/daily37.html>

*Morozova Natalay Ivanovna,
Volgograd branch of the Russian Economic University, doctor of economics,
associate professor, Head of the Department of Economics,
E-mail: miss.natalay2012@yandex.ru*

Management decision-making: ethical issues

Abstract: The article analyzes the managerial decision making process of state and municipal employees in terms of the ethical aspects. To develop standards in the field of ethics in the civil service of the Russian Federation must use the experience of foreign countries where the legal regulation of ethical aspects of public service successfully carried out since the mid XX century.

Keywords: decision management, ethics, state and municipal employees, a conflict of interest.

*Морозова Наталья Ивановна,
Волгоградский филиал Российского экономического
университета, д.э.н., доцент, зав. кафедрой экономики,
E-mail: miss.natalay2012@yandex.ru*

Принятие управленческих решений: этические аспекты

Аннотация: В статье анализируется процесс принятия управленческих решений государственными и муниципальными служащими с точки зрения этических аспектов. Для разработки норм в сфере этики государственной гражданской службы в РФ необходимо использовать опыт зарубежных стран, где нормативное регулирование этических аспектов государственной службы успешно осуществлялось, начиная с середины XX в.

Ключевые слова: управленческие решение, этические аспекты, государственные и муниципальные служащие, конфликт интересов.

Любая целенаправленная деятельность человека, в том числе и государственная, связана с разработкой, анализом, реализацией и оценкой последствий принимаемых управленческих решений. Как заметил известный испанский философ Хосе Ортега-и-Гассет: «обстоятельства и решения — вот два основных элемента, из которых складывается жизнь» [1, 13].

Государственные управленческие решения — это выбор и обоснование определенной программы действий органов власти, ориентированной на объект управления — человека, учитывающей его потребности и интересы. Это особенно актуально на современном этапе развития России, провозглашающей себя как социально ориентированное государство.

В ходе принятия и реализации управленческого решения происходит распределение и перераспределение общественных благ, определяются адреса бенефициариев, в качестве которых может выступать общество в целом, его отдельные группы и даже индивиды, объем необходимых ресурсов, а также издержки, возникающие в ходе реализации этого процесса.

Таким образом, государственное управленческое решение характеризуется, прежде всего:

- субъектом, принимающим управленческое решение — орган государственной или муниципальной власти;
- объектом, которому адресовано управленческое решение — нижестоящие органы управления, социальные группы, занятые в различных сферах жизнедеятельности общества, политические и общественные объединения.

В общем виде процесс принятия управленческого решения представлен на рисунке 1.

1 этап — выявление проблемной ситуации. Как известно, любое решение связано с той или иной проблемой, поэтому неслучайно понятия «формирование решения» и «решение проблемы» принято считать синонимами. Следовательно, чтобы возникла необходимость сформировать решение, нужно наличие проблемы, которая, с одной стороны, должна соответствовать масштабу государственного внимания, а, с другой стороны, — отражать достаточно высокий уровень остроты складывающейся ситуации.

2 этап — поиск решения. На этом этапе, прежде всего, определяется цель — форма идеального предвосхищения результатов деятельности, которая затем определяет нормативные границы со-

стояния объекта, структуру, содержание и объем ресурсов, необходимых для ее достижения, регулирует баланс противоречивых интересов акторов,

выделяет приоритеты, способствует формированию убежденности контрагентов в ее значимости и достижимости [2, 32].

Рис. 1. Процесс принятия управленческого решения.

3–5 этапы — «обсуждение — принятие решения». Процесс принятия государственных управленческих решений сопровождается многократными межперсональными и межгрупповыми контактами людей, в результате которых выстраивается сложная система взаимоотношений государственных и муниципальных служащих:

- с гражданами по поводу защиты их прав и законных интересов;
- внутри самой социально-профессиональной группы для создания здорового морально-психологического климата на рабочем месте, способствующего самореализации каждого из служащих.

При этом в процессе управленческого диалога присутствуют как закрепленные законом и правилами «цепочки» служебных взаимодействий, так и стихийные акции разнообразных акторов, действующих автономным образом и не ориентирующихся на установленные нормы. Поэтому органы власти, принимая решение и организуя его исполнение, должны просчитывать его ближайшие и отдаленные последствия для общества, а также оценить степень ответственности, в том числе нравственной, за результаты принятого решения [6; 7].

Если в России правовые нормы в сфере этики государственной гражданской службы, включая требования к служебному поведению, урегулирование конфликта интересов, возникли сравнительно недавно, то за рубежом нормативное регулирование этических аспектов государственной службы успешно осуществлялось, начиная с середины XX века [3]. Так, в 1998 г. Организация по экономическому и социальному развитию (ОЭСР), объединяющая 29 ведущих стран мира, одобрила и рекомендовала своим членам

разработать мероприятия, гарантирующие функционирование систем и институтов, обеспечивающих этическое поведение государственных служащих.

Одной из важнейших задач для России на современном этапе является формирование профессиональной этики государственных и муниципальных служащих, что неотделимо от работы по повышению их компетентности и общего уровня профессионального развития. Всё это, в совокупности, обеспечит выбор наиболее эффективного государственного управленческого решения.

6 этап — исполнение решения. Этап предполагает продвижение принятых решений в общественной среде, где органы власти, пытаясь добиться намеченных показателей, начинают взаимодействовать как с заинтересованными сторонниками, так и с явными оппонентами и даже противниками принятых решений. Данная стадия предполагает соединение по месту и времени всех сил и ресурсов, необходимых для реализации принятого управленческого решения.

7 этап — контроль и подведение итогов. В государственном управлении процесс контроля должен быть непрерывным, поскольку непрерывен процесс реализации управленческих решений. Именно контроль выполняет функцию обратной связи объекта с управляющим субъектом, позволяет получить ответ на то, как население восприняло внедряемые меры, как они повлияли на качество их жизнедеятельности. Контроль необходим не только для органов власти, но и для общества, который позволяет контролировать качество деятельности государственных институтов.

Однако до сих пор отсутствует единый системный подход к определению понятия оценки эффективности государственных управленческих

решений. Оценка достигнутых результатов в ходе реализации управленческих решений, как правило, осуществляется с помощью показателя «эффективность», используемого для характеристики коммерческой деятельности. В общем виде, эффективность можно определить как соотношение достигнутых результатов и затраченных на это ресурсов. Следовательно, чтобы оценить эффективность, необходимо по заранее выбранным критериям и показателям оценить результаты (например, в частном секторе экономики — прибыль), затем — затраченные на это ресурсы, а затем соотнести их. Однако данная схема, которая «идеально» работает в частном секторе не может быть полноценно применена к деятельности в государственном (муниципальном) секторе. Как отмечают авторы коллективного труда «Государственная политика и управление», в государственном секторе отсутствует единственный показатель результатов, каким в коммерческом секторе является прибыль, а также тем, что «продукция организаций государственного сектора, как правило, трудно поддается измерению и не предназначена для конкуренции» [4, 221]. Кроме того, результаты, эффективные с точки зрения социальной группы, получившей прямые выгоды от реализации управленческого решения, могут расцениваться как неэффективные, с точки зрения другой группы, не являющейся бенефициарами.

Сложность оценки эффективности управленческих решений в государственном секторе определяется еще и тем, что она предполагает как непосредственные, так и опосредованные (косвенные) результаты и включает значительное число измерений (экономические, политические, непосредственно управленческие, этические, психологические и др.). Сюда можно отнести и превентивную деятельность органов государственной власти и местного самоуправления, так как ей, как правилу, невозможно дать оценку в

текущей перспективе, конечный результат такой деятельности проявляется лишь в долгосрочном периоде.

Все это привело к необходимости создания институциональной и нормативно-правовой базы и, на этой основе — построение комплексной системы оценки эффективности государственных управленческих решений и деятельности государственных и муниципальных служащих в России. Такая попытка была предпринята в ходе реализации бюджетной реформы на основе введения системы бюджетирования, ориентированной на результат (далее — БОР) [5]. В рамках этой системы сформировался механизм оценки эффективности, связанный с подготовкой докладов о результатах и основных направлениях деятельности исполнительных органов государственной власти (ДРОНД).

Однако данный процесс продолжается. Идет поиск национальной модели оценки эффективности управленческих решений в государственном секторе и ее внедрение в практику государственного и муниципального управления, что позволит повысить обоснованность и качество государственных управленческих решений.

Подводя итог, отметим, что сердцевиной управленческих действий государства является многогранный процесс принятия решений, предполагающий сложное взаимодействие групповых и индивидуальных акторов как на этапе постановки целей, так и в процессе реализации и оценки эффективности последних. При принятии государственных управленческих решений решающее значение имеют этические нормы, которые определяют общие ориентиры, обеспечивают целостность и жизнеспособность государственной (муниципальной) службы. От того, насколько эффективно организован процесс принятия управленческих решений органами власти будет зависеть достижение социально-экономических целей развития государства.

Список литературы:

1. Управленческие решения: технология, методы и инструменты: учебное пособие/Под ред. П. В. Шеметов [и др.]. – 3-е изд., стер. – М.: Изд-во «Омега-Л», – 2013. – 398 с.
2. Зиновьев А. П., Морозов С. А., Морозова Е. В. Политический менеджмент: Учеб. пособ. – М.; Краснодар, – 2003.
3. Center for the Study of Ethics in the Professions, Illinois Institute of Technology//[сайт Технол. ин-та Иллинойса]. URL: <http://ethics.iit.edu/index1.php/Library/Print%20Collections/Part%20III%20Government%20Organizations> (дата обращения: 01.01.2014).
4. Государственная политика и управление. Учебник. В 2 ч. Часть I. Концепции и проблемы государственной политики и управления/Под ред. А. В. Сморгунуова. – М: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), – 2006. – 384 с.
5. Постановление Правительства РФ от 22 мая 2004 г. N 249 “О мерах по повышению результативности бюджетных расходов”//Собрание законодательства Российской Федерации. – 2004. – N 22 ст. 2180.

6. Морозова Н. И. Диалектическая взаимосвязь категорий «уровень жизни» и «качество жизни» в динамике благосостояния общества // Бизнес. Образование. Право. Вестник Волгоградского института бизнеса. – 2010. – № 2. – с. 22–26.
7. Морозова Н. И. Роль государственно-частного партнерства в формировании и реализации промышленной политики // Бизнес. Образование. Право. Вестник Волгоградского института бизнеса. 2013. № 3 (24). с. 150–155.

*Sudakova Anastasiya Evgenevna,
candidate of economic science, lead economist Institute of economics
of the Ural Branch of Russian Academy of Sciences
E-mail: a-chusova@mail.ru*

*Agarkov Gavriil Alexandrovich,
doctor of economic sciences, docent, head of GMP Higher School
of Economics and Management FGOAU VPO «Ural Federal University
named after the first President of Russia Boris Yeltsin»
E-mail: a-chusova@mail.ru*

Stability of the region in the context its safety

Abstract: The article examines the relationship of scientific categories such as security and stability. A classification of threats to economic security of the region. The results of methodological tools for assessing the impact of threats on the security of the region and its sustainable development. One of the tools that allow us to evaluate the impact of such threats as the shadow economy, the other two assess the situation in the context of the security sectors of the economy (the consumer market and financial sector).

Keywords: safety, stability, consumer market, financial security, the shadow economy.

*Судакова Анастасия Евгеньевна, кандидат экономических наук,
ведущий экономист, Институт экономики Уральского отделения Российской академии наук
E-mail: a-chusova@mail.ru*

*Агарков Гавриил Александрович, доктор экономических наук,
доцент, заведующий кафедрой государственных и муниципальных финансов,
Высшая школа экономики и менеджмента Уральского федерального
университета имени первого Президента России Б. Н. Ельцина
E-mail: a-chusova@mail.ru*

Устойчивость региона в контексте диагностики его безопасности

*Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках
проекта проведения научных исследований («Микроимитационное моделирование
эффективности регулирующих функций налоговой системы»), проект № 12–32–01003*

Аннотация: В статье рассматриваются вопросы взаимосвязи таких научных категорий как безопасность и устойчивость. Приводится классификация угроз экономической безопасности региона. Представлены результаты методических инструментариев, позволяющих оценить влияние угроз на безопасность региона и его устойчивое развитие. Один из инструментариев, позволяет оценить влияние такой угрозы как теневая экономика, два других оценивают ситуацию в контексте обеспечения безопасности сфер экономики (потребительский рынок и финансовая сфера).

Ключевые слова: безопасность, устойчивость, потребительский рынок, финансовая безопасность, теневая экономика.

При анализе социально-экономического положения как России в целом, так и ее регионов, особое внимание

в научно-аналитических докладах отводиться таким категориям как устойчивое развитие и безопасность.

В российском законодательстве существует значительное количество документов посвящённых вопросам безопасности (Федеральный закон о безопасности, Доктрина продовольственной безопасности РФ, Стратегия национальной безопасности Российской Федерации) и развития (Стратегия развития легкой промышленности, торговли и др.).

В одном из документов, посвященном вопросам безопасности дано определение национальной безопасности, под которым понимается состояние защищенности личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз, которое позволяет обеспечить конституционные права, свободы, достойные качество и уровень жизни граждан, суверенитет, территориальную целостность и устойчивое развитие Российской Федерации, оборону и безопасность государства.

Можем сделать вывод, что понятия безопасность и устойчивое развитие взаимосвязаны между собой.

Хотя понятие безопасность в нашей стране как категория вошла в научный оборот сравнительно недавно, уже существует большое количество подходов к ее определению.

К примеру, если анализировать экономическую безопасность, то ее рассматривают как состояние экономики и институтов власти, при котором обеспечиваются гарантированная защита национальных интересов, социальная направленность политики, достаточный оборонный потенциал [1, 72; 2]; состояние, в котором население может суверенно, без вмешательства и давления извне, определять пути и формы своего экономического развития [3]; кроме того, готовность и способность институтов власти создавать механизмы реализации и защиты национальных интересов развития отечественной экономики, поддержания социально-политической стабильности экономики [4, 12]; способность экономики обеспечивать эффективное удовлетворение общественных потребностей [5]; совокупность условий и факторов, характеризующих текущее состояние экономики, стабильность, устойчивость и поступательность ее развития, степень ее самостоятельности в процессах интеграции с экономикой Федерации [6] и т. д.

В большинстве случаев экономическую безопасность ассоциируют с развитием экономики, но никак не с обеспечением ее безопасности. При этом определяющим условием является все же развитие, а безопасность это развитие лишь обеспечивает.

В своей работе авторы придерживаются определения и классификации экономической безопасности,

сформулированного научной экономической школой Института экономики УрО РАН, которое представлено в работах основателей данной школы А. Татаркина, А. Кукулина, А. Мызина и др. [7, 13–14], где экономическая безопасность государства определена как комплекс экономических, геополитических, экологических, правовых и иных условий, обеспечивающих условия существования социально-экономической системе.

Итак, как было отмечено ранее, безопасность в большинстве случаев ассоциируется с устойчивым развитием, с этой целью авторами проводится анализ научной категории устойчивости и устойчивого развития.

Устойчивость — это относительная неизменность основных параметров территориальной социально-экономической системы, ее способность сохранять их в заданных пределах при отклоняющихся (как негативных, так и позитивных) влияниях извне и изнутри [8, 304].

По мнению Л. Г. Мельника есть некоторая противоречивость, алогичность русскоязычного варианта перевода термина «sustainable development». «Устойчивость» предполагает равновесие, а «развитие» возможно только при условии постоянного выхода системы из равновесного состояния [9, 13–14].

О. К. Цапиева выражает мнение, что устойчивый рост экономики означает четко выраженный вектор роста в пределах определенных колебаний в его темпах, имеющих положительные значения, а устойчивое развитие экономики, предполагает не только положительные значения роста экономики, но и нулевые, минусовые значения, которые, однако, должны перекрываться положительными значениями экономического роста [10].

На основе изложенного, авторами представлено умозаключение о взаимосвязи двух научных категорий: безопасность — это такое состояние защищенности субъекта, которое способствует его устойчивому (стабильному) развитию.

Существуют количественные оценки безопасности региона в целом [11; 12; 13], а также оценка отдельных сфер экономики региона с позиции его безопасности и устойчивого развития (качество жизни [14], социально-демографической безопасности [15], эколого-экономической безопасности [16] и др.).

Проводя анализ безопасности и устойчивости какого-либо субъекта, в нашем случае это экономика региона, важно выделить угрозы, которые нарушают устойчивое развитие.

Одной из основных угроз безопасности является угроза теневой экономики. Авторами создан методический инструментарий оценки ущербов от влияния теневой экономики на сферы жизнедеятельности [17, 56–76].

Существенность влияния экономических и институциональных факторов на теневую экономику региона выявляется с указанием количественных показателей, что в отличие от существующих подходов обеспечивает объективные ориентиры при разработке мероприятий по противодействию теневой экономике. Воздействие теневой экономики определяется посредством оценки ущерба, наносимого региону, по следующим компонентам: производственный и торговый, инвестиционный, финансовый, бюджетный, социальный, экологический, транзакционный. В отличие от существующих подходов, ущерб оценивается комплексно, включая такие, не учитываемые ранее компоненты, как рост совокупных транзакционных издержек хозяйствующих субъектов и снижение инвестиционной привлекательности региона.

Оценка ущерба производится комплексно по составляющим, что позволяет на основе полученных данных разработать эффективные способы противодействия теневой экономике и обработать весь массив разрозненной информации, характеризующей теневую экономику. Рассмотрены следующие составляющие ущерба: *производственная и торговая; инвестиционная; финансовая; бюджетная; социальная; экологическая; транзакционная.*

Основной ущерб наблюдается в таких сферах, как бюджетная и социальная. Остальная доля ущерба распределяется среди прочих сфер с долей каждой не более 10 %.

Такая ситуация объясняется имеющим место масштабным уклонением от налогов, недофинансированием социальной сферы. Расчеты показывают, что ущерб, наносимый бюджетной сфере, составляет более 16 % налогов, собираемых на территории.

Одной из наиболее существенных разработок авторов, является оценка состояния потребительского рынка с позиции его безопасности [18]. Для решения задачи диагностики потребительского рынка региона с позиции его безопасности предложено использовать индикативный метод анализа [7].

В соответствии с данным подходом диагностика безопасности проводится по совокупности критериев — индикаторов, позволяющих количественно оценить наличие, характер и уровень проявления угроз и его динамику. Уровень и характер

проявления угроз экономической безопасности оценивается при сравнении фактических значений индикаторов с их пороговыми значениями [7, 25].

Данный метод позволяет определить степень ответственности достигнутых на рассматриваемый момент времени или прогнозируемых значений индикаторов тем пороговым значениям, которые отвечают требованиям цивилизованного развития социума, обеспечения условий устойчивого развития и экономической безопасности территорий с учетом достигнутого уровня и поставленных целей и задач [19, 77].

Индикативный метод прошел обширную апробацию: оценка энергетической безопасности [20], оценка состояния национального богатства [19], образовательного капитала [21], качества жизни [14] и др.

Методика диагностики состояния потребительского рынка включает оценки по 5 модулям (качество потребительских товаров, работ, услуг; продовольственная безопасность, непродовольственная безопасность; безопасность услуг; защищенность участников потребительского рынка), которые учитывают такие угрозы как:

- высокий уровень теневой экономики учитывался через правонарушения в отрасли (продажа потребительских товаров ненадлежащего качества, обман потребителей, Индекс восприятия коррупции (Corruption Perceptions Index, CPI) и др.). Количество правонарушений рассчитывается на основе официальных данных МВД России из форм Ф.577, 1-Э, 3-АЛК;
- высокий уровень инфляции, учитывался через индекс потребительских цен по конкретным продовольственным товарам (хлеб, овощи, мясо и др.) и непродовольственным товарам (товары верхней пальтовой группы, трикотажные изделия, обувь и др.). Индекс потребительских цен берется из данных Федеральной службы государственной статистики.
- зависимость потребительского рынка от поставок товаров по импорту — учитывался через степень обеспеченности потребительскими товарами собственного производства, степень душевого удовлетворения потребности в основных видах сельскохозяйственной продукции в соответствии с медицинскими нормами питания. Расчет показателей основывается на данных Федеральной службы государственной статистики и другие [22].

Третьей составляющей в оценки безопасности региона, является комплексная методика оценки финансовой безопасности региона (в соавторстве с Синенко А. И.) [23]. Первоначально финансовая безопасность была представлена отдельным блоком

в комплексной методике диагностики экономической безопасности и оценивалась через 4 индикативных показателя, что, по мнению авторов, не позволяла получить полноценную оценку состояния, а являлось только экспресс-оценкой [7, 41–42].

Блок финансовой безопасности после его уточнения был выделен самостоятельным методическим инструментарием и включает в себя 4 модуля (бюджетный, социальный, финансовый, производственный модули).

Методика финансовой безопасности учитывает следующие угрозы:

- угроза «Сохраняющийся высокий уровень инфляции» рассчитывается посредством показателя «Индекс потребительских цен», который включен в социальный модуль и показателя «Уровень инфляции», который включен в Финансовый модуль;
- угроза «Высокий уровень внешнего долга» рассчитывается посредством показателя «Отношение внешнего долга к ВРП», данный показатель входит в состав Финансового модуля;
- угроза «Низкая конкурентоспособность национальной экономики» оценивается в методике посредством таких показателей как коэффициенты платежеспособности и финансовой устойчивости организаций, уровень теневой экономики;
- угроза «Слабость институтов власти» рассчитывается через показатель индекс восприятия коррупции, который берется напрямую из данных компании «Transparency International».

По результатам оценки финансовой безопасности состояние Свердловской области в целом можно охарактеризовать как кризисное угрожающее (К2).

Только лишь в 2000 году ситуация складывалась как кризисная чрезвычайная (К3, НО 1,869).

Наиболее благоприятной была ситуация в 2005 году, так как значение по уровню кризисности была близка к кризисному нестабильному (К1, НО 1,495). В это период произошло резкое снижение уровня теневой экономики, а, следовательно, и улучшение состояния Свердловской области по бюджетному модулю.

По результатам расчетов состояния экономической безопасности (методика Института экономики УрО РАН) тенденция складывается более благополучно. Это объясняется рядом причин, во-первых, кроме блока финансовой безопасности, данная методика включает в себя еще 12 блоков, во-вторых, методики финансовой безопасности и диагностики состояния потребительского рынка с позиции его безопасности включают большое количество уточняющих индикаторов, которые позволяют более комплексно учесть ситуацию.

Проведенный теоретический анализ авторов позволил выявить взаимосвязь категорий безопасности и устойчивости, данная взаимосвязь выражена в определении, т.к. безопасность понимается как состояние защищенности субъекта, при котором он может иметь устойчивое (стабильное) развитие.

Кроме того, разработанный авторами методический инструментарий позволяет оценить влияние угроз на состояние отдельных сфер экономики.

Полученные результаты нашли применение в деятельности государственных и муниципальных органов.

Список литературы:

1. Экономическая безопасность России: Общий курс: Учебник/под ред. В. К. Сенчагова. 2-е изд. – М.: Дело, – 2005. – с. 72.
2. Сенчагов В. Экономическая безопасность как основа обеспечения национальной безопасности России//Вопросы экономики. № 8. – 2001. – с. 64–79.
3. Жандаров А. М., Петров А. А. Экономическая безопасность России: определения, гипотезы, расчеты//Безопасность. № 3. – 1994.
4. Экономическая безопасность. Производство, финансы, банки. – М.: ЗАО «Финстатинформ», – 1998. – с. 12.
5. Архипов А., Городецкий А., Михайлов Б. Экономическая безопасность: оценки, проблемы, способы обеспечения//Вопросы экономики. – 1994. – № 12.
6. Татаркин А., Романова О., Ку克林 А., Яковлев В. Экономическая безопасность как объект регионального исследования//Вопросы экономики. № 6. – 1996. – с. 78–89.
7. Экономическая безопасность Свердловской области/Под науч. ред. Г. А. Ковалевой и А. А. Куклиной; Э. Э. Россель, А. П. Воробьев, Г. А. Ковалева, Н. Н. Беспамятных, Н. И. Духова, М. В. Степанова, А. И. Татаркин, А. А. Ку克林, О. А. Романова, А. В. Калина, Р. И. Чененова, А. Л. Мызин, Л. Л. Богатырев, А. В. Бочегов, Д. В. Попов, Д. А. Осинцев. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, – 2003. – 455 с.

8. Гапоненко А. Л. Общий и специальный менеджмент/А. Л. Гапоненко, А. П. Панкрухин – М.: Финансы и статистика. – 2001. – 404 с. – с. 304.
9. Основы устойчивого развития: Учеб. пособие/под общ. ред. д. э.н., проф. Л. Г. Мельника. – Сумы: ИТД «Университетская книга», – 2005. – 654 с.
10. О. К. Цапиева. Устойчивое развитие региона: теоретические основы и модель//Проблемы современной экономики. № 2. – 2010. – с. 307–311.
11. Татаркин А. И., Романова О. А., Ку克林 А. А., Яковлев В. И. Экономическая безопасность как объект регионального исследования//Вопросы экономики. – 1996. – № 6. – с. 78.
12. Татаркин А. И., Ку克林 А. А. Изменение парадигмы исследований экономической безопасности региона//Экономика региона. – 2012. – № 2. – с. 25–39.
13. Сенчагов В. К. Экономическая безопасность России//ЭКО. № 5. – 2007. – с. 2–20.
14. Татаркин А. И., Ку克林 А. А., Васильева Е. В., Никулина Н. Л. Качество жизни как системная доминанта повышения экономической безопасности региона//Вестник Тюменского государственного университета. – 2012. – № 11. – с. 38–49.
15. Ку克林 А. А., Черепанова А. В. Теоретико-методический подход к повышению безопасности и эффективности социально-демографического развития региона//Вестник Тюменского государственного университета. – 2010. – № 4. – с. 136–144.
16. Яндыганов Я. Я., Власова Е. Я., Никулина Н. Л. Экологическая безопасность региона (социально-эколого-экономический аспект)//Экономика региона. – 2008. – № 3. – с. 144–153.
17. Агарков Г. А. Теневая экономика региона: моделирование, анализ, противодействие/под ред. А. И. Татаркина, А. А. Кукулина. – Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН, – 2008. – 295 с.
18. Чусова А. Е. Потребительский рынок России: диагностика отраслевых и региональных проблем/Под ред. А. А. Кукулина, Г. А. Агаркова. Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН, – 2012. – 280 с.
19. Национальное богатство регионов России: анализ, проблемы и пути решения/Под. Ред. Д. э.н. А. А. Кукулина, д. т. н. А. Л. Мызина; авторский коллектив: Ку克林 А. А., Мызин А. Л., Гурбан И. А., Денисова О. А., Пыхов П. А. Екатеринбург. Институт экономики УрО РАН. – 2013 г. – 286 с.
20. Мызин А. Л., Пыхов П. А., Денисова О. А. Результаты диагностирования энергетической безопасности регионов России в динамике последних лет//Вестник Тюменского государственного университета. – 2010. – № 4. – с. 170–177.
21. Гурбан И. А. Состояние образовательного капитала регионов России: анализ, проблемы и пути решения//Вестник УрФУ. Серия: Экономика и управление. – 2012. – № 6. – с. 116–127.
22. Г. А. Агарков, А. С. Найденов, А. Е. Чусова. Угрозы потребительскому рынку региона//Экономика региона. – 2012. – № 3. – с. 211–219.
23. Судакова А. Е., Синенко А. И. Финансовая безопасность в контексте устойчивого развития региона//Региональная экономика: теория и практика. – № 24 (303). – 2013 г. – с. 35–41.

*Fedulova Ljubov Ivanovna,
Kiev national trade and economic university (Ukraine),
professor of management department
E-mail: fedulova2010@rambler.ru*

International aspects of realization of scientific-technological potential of Ukraine

Abstract: In the article possibilities are exposed and terms are grounded for realization of scientific-technological potential of Ukraine in international integration processes. An analysis over of the present state of some directions of scientific-technological collaboration of Ukrainian academic and university science is brought.

Keywords: scientific-technological collaboration, scientific-technological potential, scientific projects.

Федулова Любовь Ивановна,
Киевский национальный торгово-экономический университет,
профессор кафедры менеджмента, Украина
E-mail: fedulova2010@rambler.ru

Международные аспекты реализации научно-технологического потенциала Украины

Аннотация: В статье раскрыты возможности и обоснованы условия для реализации научно-технологического потенциала Украины в международных интеграционных процессах. Приводится анализ нынешнего состояния некоторых направлений научно-технологического сотрудничества украинской академической и университетской науки.

Ключевые слова: научно-технологическое сотрудничество, научно-технологический потенциал, научные проекты.

Новая модель экономического роста в развитых странах, черты которой особенно проявились в посткризисный период (речь идет о глобальном финансово-экономическом кризисе 2008–2009 гг.) предусматривает движение по пути обеспечения стабильности эколого-экономического развития стран, финансовую и институциональную стабилизацию экономики, постоянный рост доходов населения. Среди характерных особенностей указанной модели — превращение инновационного фактора в доминанту социально-экономического развития, сокращение продолжительности инновационного цикла, усиление роли науки в качестве влиятельного равноправного партнера в сети социально-экономических взаимоотношений, увеличение государственных расходов на развитие научно-технологической сферы, глобализация и интеграция национальных инновационных процессов. Таким образом, интеллектуальный ресурс все больше усиливает свою роль в качестве драйвера социально-экономического развития.

Как известно, в международной практике оценка степени влияния интеллектуального ресурса осуществляется с использованием методологии Мирового банка, а именно Knowledge Assessment Methodology (КАМ) с использованием Индекса экономики знаний (Knowledge Economy Index — KEI) и Индекса знаний (Knowledge Index — KI). В целом, индекс экономики знаний (KEI) является агрегированным показателем, определяющим уровень развития страны в условиях экономики знаний. Так, в 2012 году Украина занимала 56 место рейтинга среди 146 стран, что является наиболее низким значением с 2000 года. То есть страна на данный момент времени теряет темп влияния распространения и использования знаний на экономическое развитие.

В тоже время, в обзоре ключевых аспектов человеческого развития [1], отображающих важность инвестиций в научные исследования и разработки для прогресса человеческого развития и для формирования потенциала страны, необходимого для эффективного освоения и использования технологий, Украина имеет высокий показатель удельного веса выпускников высших учебных заведений по естественно-научным и инженерным специальностям; значительное количество абонентов стационарной и мобильной телефонной связи на 100 чел. населения; довольно приличной даже среди стран группы с очень высоким уровнем человеческого развития является численность научных работников на 1 млн. чел. населения.

Таким образом, потенциал для реализации стратегии технологического развития на инновационной основе и соответствующей государственной технологической политики в Украине достаточный, необходимо только правильно расставить приоритеты и внедрить механизмы его реализации. К тому же, если соотношение между max и min значением совокупного Индекса инноваций (SII) в 2007 г. для Украины составляло 4,50, то в 2012 г. — 4,44, что свидетельствует о наличии потенциала для сокращения различий технологического уровня [2], а с учетом того, что страна имеет признанный международным сообществом научный потенциал по многим направлениям, это является предпосылкой приостановить научно-технологический упадок.

Наиболее эффективно на реализацию научно-технологического потенциала влияет степень привлечения международного научно-технологического сотрудничества в форме совместных проектов и программ между различными группами стран, что позволяет учиться, создавать и обмениваться научно-технологическими идеями и опытом. Исследования

показывают, что вектор научно-технологического сотрудничества Украины в последние годы максимально направлен в сторону стран ЕС. Современный его этап начался с 1994 года после подписания Соглашения о партнерстве и сотрудничестве между Украиной и Европейским сообществом и его государствами-членами. В частности, статья 58 Соглашения касается сотрудничества в области науки и технологий [3]. Сотрудничество в сфере научных исследований, включая фундаментальные исследования и технологическое развитие, регламентируется Соглашением между Украиной и Европейским Сообществом о научном и технологическом сотрудничестве от 04.07.2002 года. Научно-технологическое сотрудничество между Украиной и странами-членами ЕС особенно активизировалось путем кооперации в Рамочных Программах (FP). Но задействовать свой потенциал Украина смогла с FP 4 ЕС, прежде всего через отсутствие финансовых средств и необходимого информационного обеспечения. В частности, реализация научно-технологического потенциала Украины в пределах программы «Marie Curie» происходила путем предоставления грантов и стипендий научным работникам за вклад в научно-исследовательскую работу. Большинство из них

задействованы в акции ITN — начальное обучение научных работников, около 30 % задействованные в акции IIF — международная внутренняя стипендия и COFUND — софинансирование региональных, национальных и международных программ. Остальные акции программы «Marie Curie» в сумме занимают меньше 20 %, а именно: IIFR — международная внутренняя стипендия без выезда из Украины, IEF — обучение на протяжении жизни и развитие карьеры, IAPP — сотрудничество научно-исследовательских учреждений и промышленности и SIG — гранты интеграции карьеры.

Заслуживает внимания программа *SEEP* «South-East European Space Programme — Юго-Восточная Европейская программа» [4], что делает поддерживает кооперацию между 17 странами, среди которых: Албания, Австрия, Босния и Герцеговина, Болгария, Румыния, Хорватия, Македония, Греция, Венгрия, часть областей Италии, Сербии, Черногории, Словакии, Словении, Турции, Молдовы и Украины. Основными задачами *SEEP* является содействие инновациям, предпринимательству, распространению экономики знаний и информационной экономики, развитию потенциалов указанных стран (табл. 1).

Таблица 1. – Участие Украины в программе ЕС «SEEP» [6]

Название проекта	Сфера действия	Срок действия проекта	Бюджет, € млн.	Участники из Украины
CAPINFOOD	инновации и инновации продовольственного сектора	март 2011 – февраль 2014	2,3 (от ERDF 1,7)	10 % партнер Ужгородский национальный университет
Inno- Food SEE	инновации и инновации продовольственного сектора	апрель 2011 – сентябрь 2013	1,7 (от ERDF 1,3)	10 % партнер Одесская национальная академия пищевых технологий
I3E	технологии и инновационные сети	июнь 2009 – май 2012	2,3 (от ERDF 1,8)	10 % партнер Одесский национальный политехнический университет
ISEDE-NET	инновационное предпринимательство	февраль 2009 – сентябрь 2011	2,4 (от ERDF 2,0)	10 % партнер Ассоциация экономического развития Ивано-Франковского региона

Укреплению сотрудничества в сфере образования возложено на «Трансевропейскую программу мобильности для обучения в университетах» (TEMPUS — Trans-European Mobility Programme for University Studies), начатую в 1990 г. TEMPUS направлена на усовершенствование высшего образования и реализуется через университетские проекты. Укра-

ина присоединилась к данной программе в 1993 г. На протяжении 1993–2006 гг. отечественный научно-технологический потенциал был задействован в таких проектах: Pre-JEPs (подготовительные шаги для участия в общих проектах с другими странами) — 47 заявок, 110 общих европейских проектах (JEPs), 14 локальных проектах (CPs), т. е. краткосрочных

(до 18 месяцев) с четко поставленными целями. На протяжении указанного периода было предоставлено 100 грантов (IMGs) и 28 проектов относительно развития и реформирования системы высшего образования (например, Болонский процесс) (SCMs).

Общий бюджет составил €53,6 млн. (TEMPUS I — €25,1 млн. и TEMPUS II — €28,5 млн.). Программа

TEMPUS IV была начата в 2008 г. (First Calls) с 530 заявками от 56 стран. Как координатор Украина принимала участие в 5 проектах, а как привлеченный координатор/участник — в 95 проектах. На протяжении 2009–2012 гг. более 20 % от общего количества проектов составили проекты в которых Украина была как участник (рис. 1).

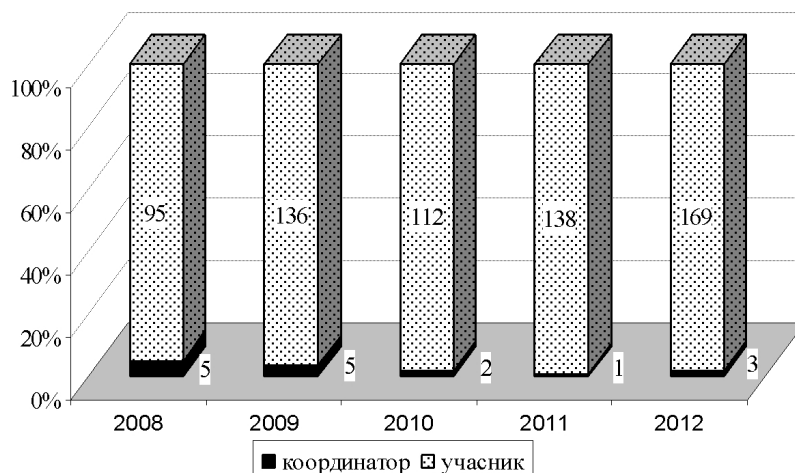

Рис. 1. Структура проектов Украины в программе TEMPUS IV [7]

Сотрудничество научно-образовательного потенциала Украины и европейских стран происходит и через программу *Erasmus Mundus*, поддерживающую реализацию Болонского процесса и направленную на обеспечение мобильности студентов, преподавателей и научного персонала. В целом, такие программы как *Erasmus Mundus*, *TEMPUS* и *Marie Curie* оказывают содействие кооперации учебных и научных учреждений, получению грантов и стипендий через Дни «Обучение в Европе» в рамках *Eurovillage* [5].

Проведенный нами анкетный опрос среди украинских научных и учебных заведений показал, что сильными сторонами для установления международного научно-технологического сотрудничества является увеличение объема финансирования науки учреждения за счет других источников (75,0 % опрошенных университетов и 53,8 % учреждений Национальной академии наук Украины (НАНУ)); увеличение количества визитов иностранных коллег в учреждение (50,0 % опрошенных университетов и 61,5 % учреждений НАНУ); увеличение количества общих публикаций с иностранными специалистами (75,0 % опрошенных университетов и 61,5 % учреждений НАНУ). Наиболее слабыми сторонами является: недостаточная осведомленность о возможных направлениях международного научно-технологического сотрудничества (МНТС); ненадлежащее финансирование совместной работы в условиях международного сотрудничества (100,0 % опрошенных

университетов и 76,9 % учреждений НАНУ); устаревшая материально-техническая база учреждения (75,0 % опрошенных университетов и 34,6 % учреждений НАНУ). Основными возможностями для расширения сотрудничества признано: привлечение дополнительных инвестиций для выполнения научных разработок (100,0 % опрошенных ВНЗ и 69,2 % учреждений НАНУ); общие публикации с иностранными коллегами (75,0 % опрошенных ВНЗ и 65,4 % учреждений НАНУ); участие и апробация результатов исследований учреждения на конференциях, семинарах, круглых столах и т. п., что проводятся в зарубежной стране (25,0 % опрошенных ВНЗ и 69,2 % учреждений НАНУ). Препятствиями признано: «переманивание» лучших специалистов («утечка мозгов») (50,0 % опрошенных университетов и 73,1 % учреждений НАНУ); учреждение выступает «генератором» научно-технологических идей без практического их внедрения (75,0 % опрошенных университетов и 11,5 % учреждений НАНУ); большая ответственность (25,0 % опрошенных университетов и 15,4 % учреждений НАНУ).

Определяющим фактором достижений и достижений в сфере фундаментальной и прикладной науки является уровень ее финансирования со стороны всех сегментов экономики. Главным из показателей, которые определяет конкурентные преимущества страны в науке и новых технологиях являются расходы на исследования и разработки (R&D). Например, если

в развитых странах преобладают частные инвестиции, то в Украине «львиную долю» финансирует государство, но и его роль с каждым годом снижается. Так, по данным официальной статистики (табл. 2) доля общих ассигнований на научную деятельность в ВВП

Украины уменьшилась: если в 1999 году она составляла 3,1 %, в 2003 году — 1,35 % ВВП, то в 2012 году — только 0,75 % ВВП. Удельный вес расходов на научную деятельность за счет государственного бюджета сократился с 2,3 % в 1990 году до 0,33 % в 2012 году.

Таблица 2. – Удельный вес расходов на научную деятельность в ВВП Украины

Год	1990	2000	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012
Расходы, всего к ВВП, %	3,11	1,20	1,17	1,07	0,94	0,92	0,95	0,91	0,81	0,75
за счет государственного бюджета, %	2,3	0,36	0,39	0,37	0,39	0,41	0,37	0,34	0,29	0,33

Источник: рассчитано автором на основе данных Государственной службы статистики Украины [8].

В разрезе секторов деятельности на протяжении 2000–2012 гг. существенных изменений в распределении объема финансирования научных и научно-технических работ не произошло — частный неприбыльный сектор почти незаметный, сектор высшего образования составляет 4–6 %. При таком соотношении финансирования исследований и разработок их прикладное значение нивелируется неэффективностью использования бюджетных средств и невозможностью достижения финальной стадии инновационного процесса — выпуска инновационной продукции, усовершенствования технологии производства и т. п. Ключевая проблема — отсутствие результативной национальной инновационной системы, поскольку, во-первых, в Украине отсутствует мотивационный механизм для предпринимательского сектора относительно выполнения R&D прикладного характера в частности и, осуществления инновационной деятельности в целом; во-вторых, существующая модель централизованной инновационной политики,

устаревшая и неэффективная в рыночных условиях и при усилении глобализационных вызовов.

Таким образом, одним из путей реализации отечественного научно-технологического потенциала является международное сотрудничество. Именно за счет кооперационных связей возникает возможность обновления материально-технической базы, усиливается устойчивость информационно-коммуникационных связей, увеличивается объем выполнения научных и научно-технических работ, предоставление услуг, количество общих публикаций с иностранными специалистами, количество стажировок отечественных специалистов, разнообразными становятся источники финансирования науки. В условиях выбора евроинтеграционного вектора развития сохранение и восстановление научно-технологического потенциала Украины возможно только при выборе и реализации разумной политики международного научно-технологического сотрудничества.

Список литературы:

1. Доклад о человеческом развитии 2013. Возвышение Юга: человеческий прогресс в многообразном мире. Опубликовано для Программы развития Организации Объединенных Наций (ПРООН), – 2013. – 203 с. – с. 186–189.
2. Hollanders H. Innovation Union Scoreboard 2013/Hugo Hollanders and Nordine Es-Sadki. – Belgium, – 2013. – 80 p.
3. «Соглашение о партнерстве и сотрудничестве между Украиной и Европейским Сообществом и его государствами-членами» № 998_012 от 14.06.1994: офиц. изд./Международный документ//Официальный вестник Украины от 29.06.2006. – 2006. – № 24. – статья 1794.
4. The South East Europe Transnational Cooperation Programme [Электронный ресурс]: сайт. – Режим доступа: <http://www.southeast-europe.net/hu>. – Назва з екрана.
5. [Электронный ресурс]: сайт. – Режим доступа: <http://eurovillage2012.org/ua/study-in-europe>
6. [Электронный ресурс]: сайт. – Режим доступа: http://www.uintei.kiev.ua/viewpage.php?page_id=223
7. The Education, Audiovisual and Culture Executive Agency [Электронный ресурс]: сайт. – Режим доступа: http://eacea.ec.europa.eu/tempus/results_compends/documents/stats_for_5th_call_for_proposals.pdf.
8. [Электронный ресурс]: сайт. – Режим доступа: <<http://ukrstat.org>>.

Section 13. Science of law

Секция 13. Юриспруденция

*Basarab Ruslan Igorevich,
Chief scientific employee of department of research problems
of prosecution activity concerning representation of the citizens
or state interests in the court of Scientific-research Institute
of the National Academy of Prosecution of Ukraine,
Senior Counselor of Justice
Email: rbasarab@mail.ua*

Methods of General Prosecutor of Ukraine activity

Abstract: The article analyzes the types of methods of General Prosecutor of Ukraine activity and discloses the nature and significance of each of them.

Keywords: method, General Prosecutor of Ukraine, activity, prosecutor's office.

*Басараб Руслан Игоревич,
Главный научный сотрудник отдела исследований
проблем деятельности прокуратуры относительно
представительства интересов гражданина или государства в суде
Научно-исследовательского института Национальной академии
прокуратуры Украины, старший советник юстиции
Email: rbasarab@mail.ua*

Методы деятельности Генерального прокурора Украины

Аннотация: В статье проанализированы виды методов деятельности Генерального прокурора Украины и раскрыто сущность и значение каждого из них.

Ключевые слова: метод, Генеральный прокурор Украины, деятельность, прокуратура.

В условиях становления и развития Украины как демократического и правового государства актуальность вопроса методов деятельности Генерального прокурора Украины обуславливается прежде всего тем, что Генеральный прокурор Украины возглавляет централизованную систему органов прокуратуры. При этом, в силу особенности своей должности Генеральный прокурор имеет достаточно широкий круг полномочий. Очевидно, что методы деятельности Генерального прокурора Украины определяют эффективность всей системы органов прокуратуры Украины. Последнее, в свою очередь, предопределяет уровень законности, эффективности правопорядка, справедливости правосудия, гласности и открытости судов и т. п.

Вопросам методов деятельности Генерального прокурора Украины плодотворно занимались такие ученые, как В. В. Богущкий, В. Н. Гусаров, В. В. Долежан, Н. И. Иншин, В. К. Колпаков, И. Е. Марочкин, А. И. Медведько, В. Г. Мелкумов, В. П. Рябцев, В. В. Сухонос, В. Я. Таций, П. В. Шумский, Н. К. Якимчук, В. Б. Ястребов и др. Не умаляя вклад указанных ученых в исследуемую тематику, ими, как правило, внимание уделялось методам деятельности прокуратуры в целом. В связи с этим, есть необходимость проведения обстоятельного научного анализа методов деятельности Генерального прокурора Украины.

Целью статьи является проведение научного исследования методов деятельности Генерального прокурора Украины. Для достижения поставленной цели

необходимо выполнить следующие задачи: проанализировать виды методов деятельности Генерального прокурора Украины; раскрыть сущность каждого из них.

Термин «метод» (от греч. Methodes) означает путь следования, теорию, учение, способ достижения определенной цели, решение конкретной задачи, совокупность приемов или операций практического или теоретического познания действительности [1, 724]. Похожим является следующее определение метода — это совокупность приемов и способов воздействия на управляемый объект для достижения поставленных организацией целей [2, 320].

В. И. Власов под методами управления в органах прокуратуры понимает приемы, способы и пути использования форм прокурорского надзора, что разрабатываются передовой практикой и наукой. Методы совершенствуются и непрерывно развиваются [3, 85].

Н. К. Якимчук настаивает на том, что обобщенно характеризуя методы управления, применяемые во всех социальных, в том числе и государственных, системах можно сконцентрировать внимание на таких наиболее общих для них каналах властного и одностороннего влияния субъектов управления на соответствующие объекты:

а) определение управленческих нормативов, т. е. обязательных правил надлежащего обращения в сфере управления;

б) установка индивидуального характера (конкретные распоряжения конкретным объектам);

в) решение вопросов, возникающих по инициативе объектов управления (ходатайства, запросы, жалобы и т. п.);

г) применение различного рода стимулов надлежащего обращения в сфере управления;

д) осуществление надзора (контроль, надзор) за функционированием системы управления и ее объектов;

е) применение при необходимости принудительного обеспечения должного поведения в сфере управления [4, 164].

Учитывая изложенное, считаем, что под методами деятельности Генерального прокурора Украины следует понимать как прямо предусмотренную законодательством, так и произведенную практикой совокупность конкретных средств и приемов, которые применяются Генеральным прокурором Украины в процессе реализации полномочий.

Мы полностью согласны, что основу методов управления составляют два универсальных средства

воздействия на волю, сознание, поведение людей: убеждение и принуждение [4, 167].

Мы считаем, что целесообразно выделять такие методы деятельности Генерального прокурора Украины: 1) императивный метод; 2) поощрительный метод; 3) воспитательный метод; 4) рекомендательный метод.

Императивный метод деятельности Генерального прокурора заключается прежде всего в принуждении выполнения четких требований.

Как метко отмечает А. Е. Лунева, принуждение заключается в том, что соответствующий орган государственного управления, уполномоченное лицо, руководствуясь предоставленным им правом, обязывают управляемую лицо сделать определенное действие или прекратить такую под страхом применения принудительных мер [5, 172].

Императивный метод проявляется не только исключительно в форме определенных негативных последствий. Так, Генеральный прокурор, выдавая нормативные указы и инструкции, тем самым, создает императивные обязанности для всех работников централизованной системы органов прокуратуры. Аналогичная ситуация, когда Генеральный прокурор дает подчиненным поручения и т. п.

Поощрительный метод находит свое практическое выражение в различных формах разъяснительной работы, стимулировании примерного поведения, показе лучших примеров и т. п. Данный метод проявляется в процессе осуществления Генеральным прокурором превентивно-профилактической работы по разъяснению приоритетов, направлений и форм деятельности прокуратуры как в конкретном случае, так и прокуратуры в целом. Обращаем внимание, что поощрительный метод может характеризоваться как путем установления тех или иных поощрений, так и путем критики.

Законодательством предусмотрено разнообразие меры поощрения работников прокуратуры: благодарность, денежная премия, подарок, ценный подарок, досрочное присвоение классного чина или повышение в классном чине; награждение нагрудным знаком «Почетный работник прокуратуры Украины»; представления к награждению за особые заслуги государственными наградами и присвоении почетного звания «Заслуженный юрист Украины».

Мы считаем, что сегодня **воспитательному методу** в деятельности Генерального прокурора Украины следует уделять больше внимания в централизованной системе органов прокуратуры Украины. Необходимо

поддерживать духовные ценности работников органов прокуратуры, их нравственные позиции, психологические установки по управлению и тех действий, которые необходимы для его осуществления.

Следующим методом, который заслуживает внимания является **рекомендательный метод**. Своеобразный характер носят такие акты Генпрокурора, как методические рекомендации. Методические рекомендации Генерального прокурора Украины разрабатываются на основании глубокого анализа практики, обсуждаются на заседаниях научно-методического совета и одобряются им после устранения выявленных при обсуждении недостатков. В основном они направляются на места руководителями структурных подразделений Генеральной прокуратуры Украины и, как правило, касаются приоритетных вопросов деятельности прокуратуры [6, 95].

А. И. Медведько логично задается вопросом, носят эти документы рекомендательный характер в буквальном смысле (то есть советами, предложениями), или их использование на практике является для прокуроров обязательным. Трудно найти однозначный ответ на этот вопрос. С одной стороны, вряд ли стоит связывать инициативу прокурора в применении определенных методов наблюдательного или иной деятельности. С другой стороны — следует стремиться

к обеспечению единства применения норм законодательства [6, 95].

Таким образом, мы считаем, что методические рекомендации, выданные Генеральным прокурором для централизованной системы органов прокуратуры Украины, не являются обязательными для выполнения в том смысле, что отсутствуют санкции за их невыполнение. Однако, методические рекомендации являются залогом эффективной работы и безупречной карьеры, в том числе и карьерного роста. Следовательно, у прокуроров на подсознательном уровне вырабатывается привычка придерживаться методических рекомендаций Генерального прокурора Украины без каких-либо отклонений.

Учитывая проведенный анализ методов деятельности Генерального прокурора Украины можно утверждать, что особенностью данных правовых средств Генерального прокурора Украины является то, что в случае их применения между Генеральным прокурором Украины и подчиненной ему централизованной системой органов всегда возникают отношения властно-распорядительного характера. Учитывая специфику прокуратуры как государственного органа, методы деятельности Генерального прокурора Украины все же тяготеют к централизму и императивной скоординированности.

Список литературы:

1. Большой энциклопедический словарь/гл. ред. А. Прохоров – М.: Науч. Изд-во БРЭ, Санкт-Петербург: Норинт, – 1997. – 1456 с.
2. Ожегов С. И. Словарь русского языка. – М., – 1987. – с. 320. – 968 с.
3. Власов В. И. Правовые формы и методы надзора прокурора за исполнением закона в стадии предварительного следствия// Развитие теории и практики уголовного судопроизводства в свете нового законодательства о Верховном Суде СССР, Прокуратуре СССР и адвокатуре СССР. – Воронеж: Изд-во Воронежского ун-та, – 1981. – 322 с.
4. Якимчук М. К. Наукові засади управління в органах прокуратури України. – Чернівці: Рута, – 2002. – 392 с.
5. Административное право/под. ред. А. Е. Лунева. – М., – 1967. – 452 с.
6. Медведько О. И. Організаційно-управлінські функції і повноваження Генерального прокурора України: монографія/О. І. Медведько. – Одеса: Юридична література, – 2010. – 224 с.

*Veretennikov Nikolai Nikolaevich,
Pacific state University, associate Professor
E-mail: Veretnn@mail.ru*

Operative-search measures: theory and practice of judicial resolution

Abstract: the article analyzes the theory and practice of sanctions on the privacy of citizens. The author concludes that Russia developed and effective legal mechanisms that control operative-search actions.

Keywords: human rights, private life, the court, resolution, investigation activities.

Оперативно-розыскные мероприятия: теория и практика судебного разрешения

Аннотация: В статье анализируются теория и практика судебных санкций на неприкосновенность частной жизни граждан. Автором делается вывод, что в России созданы и эффективно действуют правовые механизмы, контролирующие проведение оперативно-розыскных мероприятий.

Ключевые слова: права человека, частная жизнь, суд, разрешение, розыскные мероприятия.

Право на неприкосновенность частной жизни, в том числе на тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений, гарантируется ст. 23 Конституции РФ.

Как справедливо замечено профессором И. А. Петрухиным, неприкосновенность частной жизни — непрерывно поддерживаемое состояние, в котором реализуется правовой статус гражданина в этой сфере жизнедеятельности [8, 13–14]. Схожую точку зрения высказывает и М. В. Баглай, полагая, что частная жизнь составляет те стороны личной жизни человека, которые он в силу своей свободы не желает делать достоянием других» [1, 228]. На это же обращает внимание и Европейский Суд по правам человека. По его мнению, «чтобы национальное право соответствовало требованиям Конвенции о защите прав человека и основных свобод, оно должно предусматривать меры правовой защиты от произвольного вмешательства публичных властей в осуществление прав, гарантируемых Конвенцией» (Данная позиция выражена в Постановлении Большой палаты Европейского Суда по делу «Хасан и Чауш против Болгарии»).

В то же время следует отметить, что признание прав и свобод человека высшей ценностью не означает отказа от признания ценности интересов государства и общества в целом. На это, в частности, обращают внимание ученые юристы: А. В. Лебедев, В. В. Киреев, А. И. Стахов и другие [5, 9]. Так Р. Ф. Байков обоснованно задает вопрос: «Что должен защищать суд? Только права и свободы человека (как это к примеру, вытекает из статьи 4 ФКЗ «О военных судах») или также права группы, права общества, права государства» [2, 12–13].

Поэтому, исходя из содержания преамбулы ФЗ «Об оперативно — розыскной деятельности» (далее Закон об ОРД) можно сделать вывод, что основное назначение оперативно-розыскной деятельности

(далее ОРД) является не только защита жизни, здоровья, прав и свобод человека и гражданина, но и обеспечение безопасности общества и государства.

С целью надлежащего обеспечения гарантированных Конституцией РФ прав граждан на неприкосновенность личной жизни, законодатель предусмотрел эффективные правовые механизмы реализации этих прав:

во-первых, обязанность неукоснительного соблюдения должностными лицами, осуществляющими оперативно-розыскные мероприятия (далее ОРМ), Конституции РФ и законов;

во-вторых, осуществление прокурорского надзора за органами, осуществляющими ОРМ;

в-третьих, судебный контроль законности и обоснованности ходатайства правоохранительных органов на проведение ОРМ.

По мнению Н. Чепурнова и С. Смольникова, взаимосвязь прокурорского надзора и судебного контроля во многом обусловлена тем, что сферы распространения компетенции суда и прокуратуры в контроле (надзоре) за законностью по объектам их осуществления в значительной степени совпадают [11, 17–19]. Однако прокурорский надзор в вопросах законности принятия судебного решения, ограничивающего права и свободы человека и гражданина, менее выражен, поскольку прокурор при принятии судьей решения о даче санкции на проведение ОРМ участия не принимает.

В юридической печати выражалось несогласие с таким процессуальным положением прокурора. Так, профессор А. А. Сумин пишет: «прокурор при рассмотрении судьей вопроса о даче разрешения на проведение ОРМ не присутствует, о судебном решении не извещается и о факте проведения ОРМ может узнать лишь при наличии жалобы или при проверке дел оперативного учета и номенклатурных дел». В заключение А. А. Сумин делает вывод, что

«ограничения не должны распространяться на возможность процессуальной проверки вышестоящими судебными инстанциями, в том числе по представлению прокурора решения судьи, вынесенного в порядке ст. 9 Закона об оперативно-розыскной деятельности» [10, 22–26].

Действительно, учитывая основную задачу прокуратуры — надзор за соблюдением Конституции РФ и исполнением законов, действующих на ее территории, можно согласиться с такой точкой зрения. Вместе с тем, Конституционный Суд РФ высказал свою позицию по данному вопросу в Постановлении от 9 июня 2011 г. № 12-П по жалобе гражданина И. В. Аносова. Суд отметил, что на процедуру, в которой испрашивается судебное разрешение на проведение ОРМ, связанных с ограничением конституционных прав граждан, не распространяются в полной мере правила, действующие в судебном разбирательстве по уголовному делу. В данных правоотношениях еще нет сторон. В этой процедуре не может быть открытости, гласности и состязательности, проверяемое лицо ее участником не является и знать о ней не должно.

Немаловажными обстоятельствами, по которым законодатель не предусмотрел участие в суде прокурора при решении вопроса о проведении ОРМ, являются следующие.

1. Стремление максимально сохранить режим секретности. Приведении протокольной формы необходимо как минимум: наличие секретаря с оформленным в соответствии с законом допуском³ к работе со сведениями, составляющими государственную тайну; засекречивание протокола судебного заседания; изготовление копий процессуальных документов их учет, хранение, уничтожение и др. Следовательно, режим секретности проведения негласных ОРМ при таких обстоятельствах существенно снижается. Хотя некоторые ученые, в частности, А. П. Гуськов, Н. Г. Муратов высказывают даже мнение о необходимости проведения судебного заседания с обязательным допросом сотрудника правоохранительного органа, ходатайствующего о проведении ОРМ [3, 123]. Такая точка зрения нами не поддерживается по ранее высказанным основаниям.

2. Судебное разбирательство предполагает соблюдение основополагающих принципов судопроизводства — состязательность и равноправия сторон. Но, как было отмечено выше, при рассмотрении вопроса о разрешении на проведение ОРМ нет сторон. Лицо, в отношении которого проводятся подобные мероприятия не должно знать об их проведении.

Соответственно принцип состязательности не действует. Действует основополагающий принцип — принцип судейского усмотрения. Именно на судью законом возложена обязанность на основании представленных материалов и своего внутреннего убеждения решить вопрос о возможности дачи разрешения на проведение ОРМ или об отказе в его проведении.

Поскольку судья единолично принимает решение ограничивающее конституционные права граждан, и свое решение основывает на анализе представленных материалов и своего внутреннего убеждения, протокольная форма принятия судебного решения не нашла своего развития в российском праве.

Относительно обжалования решения судьи, отказавшего заинтересованному органу в проведении ОРМ, наша точка зрения следующая. Исходя из содержания ст. 9 Закона об ОРД суд вправе отказать органу в проведении ОРМ. Однако в какой форме судья выносит решение об отказе проведении ОРМ, ни в процессуальном, ни в материальном законах не указано. Отказ может быть как в форме судебного постановления, так и в форме устного отказа. Но в любом случае отказ судьи обжалованию не подлежит. Хотя Е. А. Доля полагает, что решение судьи, отказывающее в проведении ОРМ, должно приниматься в форме мотивированного постановления с его выдачей инициатору проведения данного мероприятия [4, 218]. С такой позицией согласиться сложно, поскольку решение судьи, независимо от формы отказа, обжалованию не подлежит.

В то же время, законодателем в ч. 6 ст. 9 Закона об ОРД предусмотрен механизм, который позволяет оперативному органу обратиться с ходатайством о проведении мероприятий, ограничивающих конституционные права граждан, в вышестоящий суд, если нижестоящим судом отказано в проведении таких мероприятий.

Несколько вопросов о подсудности. Ст. 9 Закона об ОРД определяет подсудность материалов об ограничении конституционных прав и свобод граждан при проведении ОРМ лишь по территориальному признаку, в зависимости:

- от места проведения таких мероприятий;
- от места нахождения органа, ходатайствующего об их проведении.

Установление родовой подсудности этих материалов судам определенного уровня — районным (городским) судам, судам субъектов РФ, Верховному Суду РФ, как видно из содержания данной статьи, предметом ее регулирования не является.

На это обращает внимание В. В. Маслов. По его мнению, решение о подсудности во многом зависит не от выраженной в законе воли законодателя, а от органов, осуществляющих ОРД. Возможность произвольного определения подсудности нарушает общий правовой принцип, согласно которому надлежащий суд для каждого дела устанавливается законом. Указание на регулирование подсудности, исходя прежде всего из ведомственного интереса искажает конституционные гарантии судебной защиты личных тайн и противоречит ст. 24 Конституции РФ [6, 122–130].

На этот непростой вопрос дал ответ Конституционный Суд РФ в Определении от 21 декабря 2006 г. № 560-О по жалобе гражданина Дудченко В. Н. Суд указал, что разрешение вопроса о том, подлежит то или иное регулирование по вопросу о родовой подсудности судам ходатайств о разрешении прослушивания телефонных переговоров и проведения других ОРМ, ограничивающих конституционные права граждан, закреплено непосредственно в Законе об ОРД или в другой норме. При этом вопрос о принятии тем или иным судом к рассмотрению ходатайства о проведении ОРМ,

связанного с ограничением конституционных прав и свобод граждан, должен решаться исходя из положений не только статьи 9 Закона об ОРД, но и ст. ст. 165 и 186 УПК РФ, определяющих подсудность материалов по ходатайствам органов предварительного расследования и прокурора о проведении следственных действий, ограничивающих конституционные права и свободы граждан, а также ст. ст. 31–36 УПК РФ, устанавливающих общие правила подсудности уголовных дел, в связи с возбуждением или расследованием которых проводится соответствующее ОРМ.

К сожалению, в данной статье невозможно отразить все спорные вопросы, встречающиеся в теории и судебной практике по столь важному направлению. Полагаем, что дискуссия, предложенная в данной статье, будет содействовать устранению нарушений прав и законных интересов граждан в процессе осуществления ОРМ.

Самое главное, что в Российской Федерации созданы и эффективно действуют правовые механизмы, контролирующие проведение правоохранительными органами ОРМ.

Список литературы:

1. Баглай М. В. Конституционное право Российской Федерации. – М., – 2011.
2. Байков А. Ф. Приоритеты критерии эффективности правовой идеологии в условиях современного российского государства. // Право и политика. – 2005. – № 11.
3. Гуськова А. П., Муратова Н. Г. Судебное право: история и современность судебной власти в сфере уголовного судопроизводства: Моногр. – М., – 2005.
4. Доля Е. А. Формирование доказательств на основе результатов оперативно-розыскной деятельности: Монография. – М.: Проспект, – 2009.
5. Лебедев В. А., Киреев В. В. Суверенная демократия или суверенитет демократии? // Конституционное и муниципальное право. – 2007. – № 5.
6. Маслов В. В. Порядок судебного рассмотрения материалов об ограничении конституционных прав и свобод граждан при проведении оперативно-розыскных мероприятий // Российский юридический журнал. – 2011. – № 2.
7. Сумин А. А. Судебное рассмотрение материалов об ограничении конституционных прав личности при проведении оперативно-розыскных мероприятий до возбуждения уголовного дела: проблемы теории и практики // Адвокат. – 2012. – № 12.
8. Петрухин И. Л. Личные тайны (человек и власть). – М., – 1998.
9. Стахов А. И. Право безопасности как подотрасль административного права: Учебное пособие. – М., – 2008.
10. Сумин А. А. Судебное рассмотрение материалов об ограничении конституционных прав личности при проведении оперативно-розыскных мероприятий до возбуждения уголовного дела: проблемы теории и практики // Адвокат. – 2012. – № 12.
11. Чепурнова Н., Смольников С. Судебный контроль и прокурорский надзор. // Законность. – 2007. – № 5.

*Dzhansarayeva Rima Yerenatovna,
Al-Farabi Kazakh National University, Head, Chair of Criminal Law,
Criminal Process and Criminalistics, Doctor of Law, Professor
E-mail: jansarayeva@mail.ru*

*Romashov Roman Anatolyevich,
the Samara Law Institute of the Federal Penitentiary Service
of the Russia, Head, Doctor of Law, Professor
E-mail: romashov_tgp@mail.ru*

Issues of understanding of organized crime in the context of the theory of organization

*The article was prepared within the grant of Ministry of Education
and Science of the Republic of Kazakhstan FNI 0575 GF 2
«Penitentiary safety and problems of its provision»*

Abstract: The article analyzes the notion of the phenomenon «organized crime» in the context of theory of criminal law. In the context of the theory of organizations organized crime is an objectively existing social and cultural phenomenon appearing in the society at certain stage of social and legal development.

Keywords: organized crime, organized crime group, criminal organization, criminal community, trans-national crime.

In the conceptual framework of modern national criminology there is no commonly accepted notion of the phenomenon «organized crime», which, in turn, leads to uncertainty of its legislative definition in criminal law [1, 54].

The big legal dictionary contains the characteristic of two criminological notions — organized crime and professional crime. The features of organized crime include: «presence of material and financial base; hierarchic structure of crime organization; presence of corruption connections with state bodies; tendency to merging of criminal gangs (organizations) into a conglomerate; division of influence spheres between criminal gangs» [2, 541].

In return, professional crime is characterized as «steady kind of crime activity (specialization); presence of certain knowledge and skills in a criminal; commitment of crimes as source of means of living; presence of steady connections with anti-social environment; combination of professional» [2, 541].

It seems that in both cases the distinguished featured are of non-systematic character, which makes it significantly difficult to qualify judicially criminal organizations and people involved in the sphere of organized crime activity.

Taking into account earlier proposed hypothesis of perception of crime as anti-culture opposed to legal culture, it seems reasonable to study the phenomenon of organized crime in the context of theory of organizations,

irrespectively judicial evaluation of their goals and results of activity.

In the procedural (active) sense, any organization is an integrated part of managerial activity that is a dynamic process combining labor performed by individuals or groups of people possessing skills required to ensure best conditions of effective, systematic, positive, coordinated application of employees' knowledge. In other words, organization is *a mutual aim-oriented labor performed by an individual or a group of people aimed at solution of certain tasks and achievement of certain results*.

As a form of social unity, organization is a collective of people that has the following features:

- presence of at least two people who consider themselves a part of an organized group;
- presence of at least one goal (i. e. desired final state or result), which is considered common and accepted by all members of the give group;
- intended combined work of group members to achieve an important goal.

Thus, organization is *a group of people, the combined activity of which is deliberately coordinated and directed towards the achievement of a common goal or goals*.

Achievement of the goal of an organization is performed at the expense of an *organized* reformation of *organizational* resources, which are considered to be people (human resources), financial means, objects of movable and immovable property, materials and technologies, information and social connections.

Another important feature that characterizes organization is its detachment expressing an ambition of an organized group to stand out from its surrounding, «make a fence». Detachment of an organization can be expressed in external aspects (symbols and attributes, possessing of certain property/financial means by the organization and not by its separate members) and content aspects (program of activity, special training of the employees and existence of traditions).

Self-regulation is a feature that distinguishes a non-state organization. Life of the organization is related to the solution of multiple problems starting from provision of resources and ending with sale of manufactured products. Every day dozens and hundreds of problems appear that should be effectively solved. As a rule, an organization always has a special center where all forces of management are focused and where most decisions are taken.

In turn, managerial effectiveness of self-regulation directly depends on presence and importance of connections both between separate elements of organizations and between organization and subjects that are not a part of organization, however, influencing its functioning due to their status.

Finally, any organization is a steady formation, which means that it is able to resist the threats and challenges posing danger to the consistency of its organizational unity and preventing from the achievement of goals set before the organization and determining idea and direction of its activity.

Understanding of crime as a whole and organized crime in particular as a social phenomenon [1, 55], «one of the parameters of the society that characterizes the condition of a social mechanism» [3, 523], keeps current the problem of its structural and content perception.

According to L. I. Spiridonov, «crime cannot be narrowed to mechanical sum of illegal offences; it's not about their simple combination, but statistical combination... A forest is not narrowed to combination of separate trees and crime is not narrowed to the sum of single offences. Both forest and crime exist according to the laws of a different level, rather than concrete trees or offences... The very crime itself has features of mass character, irregularity and steadiness» [4, 367].

Mass character is a quantitative characteristic of crime. One can talk about crime as a phenomenon only when there is a big number of crime commitment facts. «If the law of big numbers does not work due to limited number of units involved in the study, then one cannot talk about crime different from a simple sum of criminal acts included in it» [4, 367].

Irregularity and steadiness as features of crime show the correlation of a single (actual) and regular (statistical) aspects. Separate crimes are of accidental nature and are mostly not related to each other. At the same time, irregularity of commitment of separate crimes as legal facts, a subject of study, is combined with statistical regularities of crime as criminological phenomenon.

In the whole, supporting the point of L. I. Spiridonov on the essential evaluation of organized crime, it should be noted that narrowing of it to the combination of crimes (regardless actual (mathematical) or statistical (criminological) combination) leads to unreasonable narrowing of the subject of research.

Organized crime is not only committed crimes, but also people committing them as well as social relations and interactions appearing in the process of preparation and commitment of criminal offences. In such understanding, crime should be considered as an element of social infrastructure formed simultaneously with the formation of political and legal organization of the society and developed in unbreakable relation with the society. «The nature of the generated crime depends on the nature of the society» [5, 83]. Moreover, «crime is almost completely constructed by controlling institutions, which establish norms and give deeds certain meanings. Crime is a social and language construct» [6, 104].

According to V. V. Lunev, organized crime is «an organization existing in parallel that repeats the system in which it exists, adjusts to this system, fills the niches that are not filled by the state, legal solutions...» [1, 56; 7, 49]. Herewith, activity of organized groups can be quite legal because trying to legalize their activity in the sphere of «laundering» of income obtained by illegal way, they use legal forms and methods performing as law-abiding and dutiful subjects of legal regulation. [8, 28]

Attitude to organized crime as complex multi-aspect phenomenon, nevertheless, allows distinguishing two main aspects of understanding of social and legal essence of this phenomenon.

In the functional (behavioral) aspect, organized crime is a statistical combination of behavioral acts — organized crimes etc., deliberate criminal offences presupposing presence of several interrelated, developed in advance and logically interconnected stages: idea, preparation, commitment, elimination of evidence, provision of false versions, legalization of means obtained by illegal way etc. In such understanding in the structure of crime one should differentiate between organized and non-organized (spontaneous) components.

In *subjective (formally criminological)* aspect, organized crime is formed of organizations or groups, members of which are united by common goals and tasks of criminal nature. According to A. I. Dolgova, «organized crime is a system of organized criminal formations, their relations and activity» [9, 506]. In such understanding, organized crime is always group or professional crime.

Group nature of organized crime means that criminal activity involves two or more subjects of criminal law united by common goal and acting by consent according to the direction of this goal.

Understanding of organized crime as group one makes it pointless to differentiate between group and professional crime and view them as independent criminological phenomena. Thus, A. V. Shesler, listing the features of group crime, actually repeats the features of organized crime [10, 17–18].

Professional component of organized crime presupposes the presence of the following characteristics:

- cspecialization of «criminal labor», which presupposes the presence of «professional competence» expressed in special knowledge, abilities and skills in the area of this or that «criminal work», as well as use of special tools and technologies in the process of criminal activity;
- division of «criminal labor», which presupposes combination of efforts of specialists of different criminal specializations aimed at the achievement of a common goal set before the whole criminal organization;
- systematic obtaining of income or satisfaction of other subjective interests by way of committed crimes.

As forms of expression of organized crime, national criminologists suggest distinguishing the following:

- organized criminal formations and their systems;
- systems of organized crime activity of such formations and their participants;
- different kinds of interaction of organized criminal formations on provision of criminal interests [10, 17–18].

If we develop such approach, we should distinguish composite components within the frames of every form and show how they interact.

Considering organized crime formations, it is proposed to differentiate between criminal organizations and criminal communities.

Criminal organizations are the formations that «are collective subject of crimes or organized crime activity» [10, 308].

Criminal community is a formation that «performs coordinating, organizational and regulatory functions towards criminal organizations..., as well as professional criminals; ensures interest of the part of the population that acts out of law» [10, 309].

In our opinion, proposed organizational system is an analogue of the system of a legal social organization. But if it is not so, there is an interesting situation. Only the formations of the first level have features of an organization, i. e. criminal organizations. If we talk about criminal community, it is not a formal but a substantial construction that doesn't have features of a collective subject. We can talk about such kinds of communities as scientific, sport, criminal as social and cultural phenomena, which are perceived as logical and notional constructions, but not as organizations, united formations that have attributive features of an organization.

Thus, for example, during the raucous 1990s two steady criminal communities were formed: «thieves», the representatives of organized crime world who had been in prison (as a rule, many times), who accepted «thieves in law» as authorities and «bandits», former sportsmen, military people, employees of law-enforcement agencies and special services, who chose criminal activity (racketeering as a rule) as their new profession and who hadn't been brought to court before. «Thieves» and «bandits» were the representatives of organized crime world and formed «two ideologically different systems of modern Russian world of professional crime» [11, 79].

Representing «rival structures», thieves and bandits cannot be viewed as integral social formations.

On the assumption of the above, it follows that in the «real format» under the structural analysis of organized crime it is more productive to use organized forms that include organized crime groups and criminal organizations rather than an abstract category «community». The former can be systematized according to criminal specialization (drug trafficking, racketeering etc.), national feature (Chinese, Caucasians etc.), place of formation of the «primary» criminal organization (Kazan, Tambov, Lyubertsy, Rybachinsk, Amangeldinsk etc.) etc.

Reference:

1. Podolny N. A. Organized crime: problems of definition and methods of fighting it // Sledovatel. – № 9. – 2004.
2. Bi legal dictionary / Edited by A. Ya. Suharev, V. D. Zorkin, V. E. Krutskikh. – M.: INFRA-M. – 1999.
3. Spiridonov L. I. Selected works on the theory of law. – SPB.: Znanie. – 2010.

4. Spiridonov L. I. Selected works: Philosophy and theory of law. Sociology of criminal law. Criminology. – SPB.: Published by Saint-Petersburg Institute of law named after Prince P. G. of Oldenburg. – 2002.
5. Criminology. Student's book for legal schools/Edited by Professor V.N. Burlakov, Professor V.P. Salnikov, Professor S. V. Stepashin. – SPB.: SPBUMVD of Russia. – 1999.
6. Gilinsky Ya. I. Constructing of crime. Criminal and political, criminal and legal and criminological problems of struggle with modern crime and corruption/Collection of scientific works, edited by Doctor of Legal sciences, professor N.A. Lopashenko. – Saratov: Saratov center for studies of organized crime and corruption: LLC «Satellit». – 2009.
7. Organized crime/Edited by A. I. Dolgova, S. V. Dyakov. – M.: Yurid. lit. – 1989.
8. Akimzhanov T. Organized crime as object of criminological research//Rossiisky sledovatel. – № 3. – 2006.
9. Criminology: Student's book for higher educational institutions/Edited by Doctor of Legal sciences, Professor A. I. Dolgova. 3rd edition, revised and complemented. – M.: Norma. – 2007.
10. Shesler A. V. Group crime: criminological and criminal-legal aspects: Specialized educational course/edited by Doctor of Legal sciences, Professor N.A. Lopashenko. – Saratov: Saratov center for studies of organized crime and corruption. – 2006.
11. Konstantinov A. Criminal Petersburg. – Moscow: Astrel. – Saint-Petersburg: Astrel. – SPB. – 2013.

Contents

Section 1. Architecture	3
<i>Yakubovskyy Ihor Vyacheslavovych, Linda Svitlana Mykolayivna</i>	
Development of style decisions of manor houses of Lviv	3
Section 2. Study of art	7
<i>Baluyev Sergey Mihaylovitch</i>	
The historical and cultural significance of the review of the salon (1819) by O.M. Somov	7
<i>Migulko Elena Nikolaevna, Meshcheriakova Olga Nikolaevna</i>	
Custom design school playgrounds	10
<i>Sagdullaev Kozimkhon Kaxramonovich</i>	
Art's Journalism in the global information space	13
Section 3. History and archaeology	18
<i>Babadjanov Khasan Baxtiyorovich</i>	
Some notes about the trade and supply system of Uzbekistan during the Second World War	18
<i>Volontyr Olena Oleksandrivna</i>	
Cultural-educational process and students' self-government of Luts'k Ukrainian gymnasium (1918–1939)	21
<i>Denisov Sergei Ivanovich</i>	
Denikin auf der Theorie und Praxis des deutschen Faschismus	27
<i>Kulinich Maria Yuryevna</i>	
Collections of archives of Ukrainica: transfer and modern localization in the archives of Ukraine	31
<i>Tabeykina Galina Alexandrovna</i>	
Tolerance as perspective of world civilization in the twenty-first century	35
Section 4. Cultural studies	38
<i>Ismayilova Elnara</i>	
Sheki as a cultural tourism center	38
Section 5. Linguistics	40
<i>Balko Marina Vladimirovna</i>	
Word-combinations of the modern Ukrainian built on the oxymoron: structure and semantics	40
<i>Kuzmenko Anastasia Olekseevna</i>	
Conceptual area of English infant discourse	43
<i>Getman Anastasiya Alexandrovna</i>	
Representation of the concept poverty in English linguo-culture by means of verbs	46
<i>Kultenko Maryana Viktorovna</i>	
TQM Thesaurus through Eidetic Paradigm of Knowledge Development	50
<i>Marusynets Marianna Mihailovna</i>	
Functions of modal particles in Hungarian	52
<i>Naumuk Olha Vasilevna</i>	
Verbalization of advice in modern French	55
<i>Poleeva Julia Sergeevna</i>	
Some dynamic features of lecture discourse	59
<i>Riabova Olga Valentinovna</i>	
The word order in the Russian as a foreign language course: the learning specifics (B2 — C1 levels)	62
<i>Semenenko Galina Nikolayevna</i>	
Qualitative methods of data processing in historical sociolinguistics	67
<i>Khamraeva Yorqinoy Nabizhanovna</i>	
Paradigm of verbal synonyms in semantic field	71

<i>Shevchenko Alexander Ivanovich</i>	
The semantic potential of the English language publicistic text in the paradigm of teleology.....	73
Section 6. Pedagogy.....	80
<i>Alieva Zamira Khalillaevna</i>	
The history of development of karate on the South Maritime of Aral Sea — in Karakalpakstan.....	80
<i>Allaniyazov Saharbay Aytbaevich</i>	
The aspects of renewal of national games of the Karakalpak people.....	83
<i>Amitrova Maria Vyatcheslavovna, Gusarova Yulia Vasilievna, Nelubina Elena Andreevna</i>	
Foreign language teaching based on modular-rating technology of technical students (on the example of Penza State Technological University).....	86
<i>Anpilogova Ludmila Vladimirovna, Anpilogov Dmitry Georgievich</i>	
The structure of professional communication training process of students-journalists at the university.....	89
<i>Balaieva Kateryna Sergeevna</i>	
Training for pre-school education in a foreign theory and practice.....	92
<i>Bogiv Evelina Ivanovna</i>	
Continuing Education — the path to the future (Weiterbildung — der Weg in die Zukunft).....	95
<i>Vershinina Svetlana Valeryevna</i>	
Impact of students innovation-oriented culture on the adaptation to the new social conditions.....	97
<i>Zebzeeva Valentina Alekseevna</i>	
The organization's ecological-subcultural practices as a condition of ecological development of children of preschool age.....	102
<i>Kamysheva Nadezhda Viktorovna</i>	
Look at the art school.....	106
<i>Klinkov Georgi Todorov</i>	
Pedagogical and Educational Reasons for Implementing the TRIZ Strategy in the Process of Technological Education in Bulgaria.....	108
<i>Larin Sergey Nikolaevich, Lazareva Larisa Yrievna, Yudinova Valentina Vasilievna</i>	
Adaptation foreign systems of continuous vocational education and training for experts of Russian corporations.....	112
<i>Linkov Alexander Yordanov</i>	
Hermeneutic grounds for the interpretation of the concept “Instructional Design”.....	115
<i>Prozenko Olena Borysiwna</i>	
Entwicklung der Akmeologie in der Ukraine.....	117
<i>Mudarisova Alsu Aidarovna</i>	
Value and sense of competence as a form of leisure needs of young people in the conditions of the activity of cultural institutions.....	121
<i>Shevchenko Svetlana Velerievna, Romanenko Elena Semenovna, Sitak Larisa Aleksandrovna</i>	
Professional model of the young specialist in the field of Ecological Culture.....	125
<i>Postevka Georgiy Ilich</i>	
European development vector of music education in Bukovina (from the end of the 19 th century to the thirtieth of the 20 th century).....	128
<i>Rezvan Oksana Alexeevna</i>	
The role of emotions in the development of a future specialist's professional and reflective views.....	132
Section 7. Psychology.....	137
<i>Adamchuck Alexander Valeriyovich</i>	
Distribution mobbind in a military environment as social-psychological problems.....	137

<i>Anvarova Dilorom Musoevna</i>	
Psychological features of diagnosis and methods of forming spiritual values in adolescents.	140
<i>Zheleznyakova Yulia Vladimirovna</i>	
The feeling of loneliness is as a factor of addictive behavior among teenagers.	142
<i>Ihsanova Svetlana Gennadiyevna</i>	
Individual psychological background of neuroticism personality.	148
<i>Kameneva Tatiana Vitaliyevna</i>	
Modern approaches to understanding the essence of the phenomenon of professional speech psychologist	151
<i>Sobirova Dilafruz Abdurozikovna</i>	
Social intelligence: general defining moment	154
<i>Taylyakova Feruzahon</i>	
Psychology of family business	156
Section 8. Regional studies and socio-economic geography	159
<i>Semkina Olga Sergeevna, Skopinsky Alexey Igorevich,</i> <i>Sviridova Elena Sergeevna</i>	
The role of Management in the development of accomplishment municipal territory	159
Section 9. Sociology.	162
<i>Begmatov Abdulladzhon Seradzhidinovich</i>	
On the relationship between societal control and social partnership.	162
Section 10. Philology and linguistics	164
<i>Aksyonova Anastasiya Aleksandrovna</i>	
Near and far in the world of the novel olesha "Envy"	164
<i>Bykova Tatiana Valeriivna</i>	
National images and symbols Hutsulshchyna pages «Mountain watercolors» Ignatius Khotkevych	169
<i>Garin Sergey Vyacheslavovich</i>	
Homeric psychological lexicon and its historical contexts	173
<i>Grygorash Viktoriia Sergeevna</i>	
Variation of temporal characteristics in the Yorkshire dialect speech.	176
<i>Kostomarov Peter Ivanovitsch</i>	
Anthropozentrismus und Sprachpersönlichkeit	181
<i>Khamitova Zulkamal Zhumagulovna, Tugambekova Marksiana Alpysbaevna,</i> <i>Kakzhanova Sholpanl Aidarkhanobvna</i>	
Interactive technologies use in English language training	184
<i>Miroshnichenko Yulia Alexandrovna</i>	
"Duel encoding" in the novel "Ghostwritten" written by D. Mitchell	190
<i>Plekhanova Elena Alexandrovna</i>	
Functional and style differentiation of mass media texts	194
<i>Shevel Tamara Alexandrovna</i>	
National pathos of Ukrainian modernist N. Voronyy's poetry.	198
Section 11. Philosophy	202
<i>Ardashova Yaroslava Igorevna</i>	
Spirituality in the structure of personality	202
<i>Novak Tatyana Vladimirovna</i>	
Virtualization of countercultural environment in information age	204
<i>Poltavtsev Oleksandr Gennadiyevich</i>	
Structuralism today	207

<i>Simonov Igor Valentinovich</i>	
Religious-ethical doctrines of L. Zamenhof	209
<i>Tarasova Oksana Valeriyevna, Markov Leonid</i>	
Personal energy as a necessary condition for the innovative development of the society	214
<i>Tsekhmistro Ivan Zakharovich</i>	
Wolfgang Pauli about spin and consciousness (Possible Quantum Correlation Base of Consciousness and Experiment to Prove It)	217
<i>Chernyakova Natalia Stepanovna</i>	
The notion of truth: between rejection and rescue	228
<i>Yuldasheva Farida Hozhamkulovna</i>	
Axiological aspects of cultural globalization	233
<i>Yazdanov Ulugbek Toshmurotovich</i>	
Modelling the public opinion by the method of χ^2 «xi-square criterion»	235
Section 12. Economics and management.	239
<i>Vasylyshyn Tetiana Mykhailovna</i>	
Classification of methods and models of financial analysis of enterprises	239
<i>Klishkov Ivan Aleksandrovich</i>	
System of organization's business processes: evaluation of the effectiveness	243
<i>Kublikova Tetyana Borisovna, Kovalova Olena Nikolaevna</i>	
The overview of models of the public-private partnership and of the spheres of their utilization	246
<i>Starkova Nadezhda Olegovna, Timinova Elena Vladimirovna</i>	
Organization of staff marketing in russian and foreign enterprises.	250
<i>Morozova Natalay Ivanovna</i>	
Management decision-making: ethical issues.	255
<i>Sudakova Anastasiya Evgenevna, Agarkov Gavriil Alexandrovich</i>	
Stability of the region in the context its safety	258
<i>Fedulova Ljubov Ivanovna</i>	
International aspects of realization of scientific-technological potential of Ukraine	262
Section 13. Science of law.	267
<i>Basarab Ruslan Igorevich</i>	
Methods of General Prosecutor of Ukraine activity	267
<i>Veretennikov Nikolai Nikolaevich</i>	
Operative-search measures: theory and practice of judicial resolution	269
<i>Dzhansarayeva Rima Yerenatovna, Romashov Roman Anatolyevich</i>	
Issues of understanding of organized crime in the context of the theory of organization.	273